

*Настоящее юбилейное издание
“КОЛМОГОРОВ”*

посвящается

*100-летию со дня рождения
великого ученого России,
крупнейшего математика XX века
академика*

***Андрея Николаевича
КОЛМОГорова***

(25.IV.1903 — 20.X.1987)

КОЛМОГОРОВ

юбилейное издание
в трех книгах

Юбилейное издание к 100-летию Андрея Николаевича Колмогорова состоит из трех книг, объединенных общим названием

“КОЛМОГОРОВ”.

Названия книг почерпнуты из разных высказываний самого Андрея Николаевича, все книги имеют и дополнительные подзаголовки, расшифровывающие их содержание.

Книга I: “Истина — благо”

Биобиблиография.

Книга II: “Этих строк бегущих тесьма”

Избранные места из переписки

А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова.

Книга III: “Звуков сердца тихое эхо”

Из дневников.

*В первую книгу включены материалы к биографии А.Н. Колмогорова (очерк о его жизни и творчестве и дополнительно, представленный в форме “*Curriculit Vitae*”, хронологический перечень фактов биографии, снабженный высказываниями самого Андрея Николаевича и его близких, коллег и учеников) и обновленная и выверенная Библиография А.Н. Колмогорова.*

Во вторую книгу вошли в виде двух отдельных частей избранные письма П.С. Александрова и А.Н. Колмогорова друг другу периода от начала тридцатых до середины сороковых годов.

В третьей книге впервые публикуются дневниковые записи А.Н. Колмогорова, относящиеся к 1943—45 годам, т.е. времени, практически продолжающему период, отраженный в письмах.

Книгам предпосланы предисловия редактора-составителя, также озаглавленные строками, заимствованными у А.Н. Колмогорова.

Все книги снабжены Указателями имен, встречающихся на их страницах.

КОЛМОГОРОВ

Книга вторая

Этих строк бегущих тесьма...

Избранные места из переписки
А.Н.Колмогорова и П.С.Александрова

Редактор-составитель

А.Н. Ширяев

Подготовка текста

Н.Г. Химченко

МОСКВА
ФИЗМАТЛИТ
2003

УДК 51(41+57)
ББК 22.1г
К60

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных
исследований по проекту 02-01-14030*

*Редактор-составитель
А.Н. Ширяев*

**Колмогоров. Юбилейное издание в 3-х кн. Кн. 2. Этих строк
К60 бегущих тесьма... Избранные места из переписки А.Н. Колмогоров
и П.С. Александрова /** Ред.-составитель А.Н. Ширяев. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. — 672 с. — ISBN 5-9221-0340-7.

Великий русский ученый, один из крупнейших математиков XX столетия — действительный член Академии наук СССР, Национальной Академии наук США и американской Академии искусств и наук, Академии наук Франции, почетный член Королевского статистического общества Великобритании и Лондонского математического общества, и т.д.; лауреат премий П.Л. Чебышева и Н.И. Лобачевского Академии Наук СССР, Международных премий фонда Бальцана и фонда Вольфа, а также Государственной и Ленинской премий, награжденный семью Орденами Ленина и Золотой медалью Героя Социалистического Труда

Андрей Николаевич КОЛМОГОРОВ

сам себя всегда называл “просто профессор Московского университета”.

В книге, приуроченной к 100-летию со дня его рождения (А.Н.Колмогоров родился 25 апреля 1903 г.), публикуются избранные места из переписки А.Н.Колмогорова с его ближайшим другом, известным математиком, основоположником советской топологической школы академиком Павлом Сергеевичем Александровым, периода тридцатых—сороковых годов ушедшего, XX столетия.

Илл. 141.

ISBN 5-9221-0340-7

© А.Н.Ширяев, 2003
© ФИЗМАТЛИТ, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Согласное биение сердец, Предисловие. А.Н. Ширяев</i>	9
<i>П.С. Александров. Избранные письма А.Н. Колмогорову</i>	15
Письма 1931 года	16
Письма 1932 года	138
Письма 1934 года	208
Письма 1935 года	229
Письма 1936 года	253
Письма 1937 года	283
Письма 1939 года	286
Письма 1940 года	303
Письма 1941 года	321
Письма 1942 года	326
<i>А.Н. Колмогоров. Избранные письма П.С. Александрову</i>	407
Письма 1931 года	408
Письма 1932 года	438
Письма 1933 года	463
Письма 1934 года	467
Письма 1935 года	474
Письма 1941 года	486
Письма 1942 года	490
Письма 1943 года	582
Письма 1946 года	616
Письма 1948 года	624
<i>Указатель имен</i>	631

Arthur F. Arendt

СОГЛАСНОЕ БИЕНИЕ СЕРДЕЦ

.....
*Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны,
Потом понравились. Потом
Съезжались каждый день верхом
И вскоре стали неразлучны.*

Это пушкинское описание зарождения дружбы между Онегиным и Ленским хочется привести, представляя читателю книгу **“Избранные места из переписки А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова”** юбилейного издания “КОЛМОГОРОВ”.

Дружба Александра и Колмогорова возникла мгновенно, без периода предваряющей скуки, и продолжалась более полувека, точнее, 53 года, до самой кончины Павла Сергеевича в 1982 году. Андрей Николаевич пережил его на пять лет и продолжал эти годы хранить и нести свет этой дружбы. Возникшая не от скуки, как у пушкинских героев, а, прежде всего, для совместных занятий математикой, эта дружба вскоре переросла в “согласное биение сердец” и распространилась на все сферы их творчества и человеческого общения.

Вот как описывает Андрей Николаевич начало этой дружбы:

“В 1929 году мы (с товарищем по гимназии Н. Нюбергом – А.Ш.) собирались в путешествие по Волге. Мне до сих пор не совсем ясно, как я решил предложить Павлу Сергеевичу быть третьим компаньоном. Однако он сразу согласился... Со дня отплытия — 16 июня — мы и исчисляем нашу дружбу”.

И добавляет:

“Наверное, математиком я стал бы и самостоятельно, но мои человеческие качества сложились, в значительной мере, под влиянием Павла Сергеевича. Он действительно был изумительнейший человек по богатству и широте взглядов. Его знание музыки, живописи, его душевное отношение к людям — необычайны”.

У Павла Сергеевича в одном из писем есть такие проникновенные строки:

“Луна светит над нашим домом в Комаровке, как светила пять, десять и тысячу лет тому назад и будет светить через пять, десять и тысячу лет, когда от всего нашего дома и его обитателей останется только одна бетонная плита под кухней (эта, последняя, вероятно, вообще сохранится до скончания века)”.

Тогда бетонная плита казалась символом вечности. Нам сегодня Дружба представляется, пожалуй, и более прочной, и более долговечной, что находит и подтверждение, и отражение в публикуемых письмах...

Письма писались всегда. Когда один уезжал — в заграничную поездку (во Францию или Германию, в Швейцарию или Америку), с лекциями или докладами (в Днепропетровск, Смоленск, Тбилиси), наконец, просто на отдых — вслед ему летели письма. Затем эти письма возвращались в Дом вместе с их адресатами и хранились каждым в их рабочих комнатах.

Из своего первого путешествия по Волге П.С. Александров и А.Н. Колмогоров вернулись уже с твердым намерением поселиться вместе где-нибудь под Москвой, тем более что не только у окончившего аспирантуру Андрея Николаевича, но и у профессора Московского университета Павла Сергеевича в Москве своего жилья не было — еще долгие годы, до самой войны они занимали две комнаты в квартире Л.С. Нейман, сестры трагически погибшего близкого друга П.С. Александрова и замечательного математика Павла Самуиловича Урысона. Некоторое время всерьез рассматривалась перспектива уехать вместе куда-нибудь из Москвы — вплотную обсуждались планы переселения в Киев или Тбилиси...

Первым совместным пристанищем П.С. и А.Н. и первой пробой жизни “математической коммуной” был дом в поселке Клязьма Северной (Ярославской) железной дороги, принадлежавший семье Александровых. Дом держал брат П.С. Михаил Сергеевич Александров, известный московский хирург. Предполагалось, что он там будет жить по летам, а по зимам — Павел Сергеевич с Андреем Николаевичем. Потом в этом же поселке снималась половина дома у Веры Архиповны Пономаревой.

Наконец, в июне 1935 года после долгих мытарств с поисками и юридических сложностей, на паях с несколькими покупателями был куплен дом на берегу Клязьмы в деревне Комаровка. *“Дом в Комаровке удовлетворял всем нашим потребностям, давая возможность разместить большую библиотеку и помещать в отдельных комнатах наших гостей”*, — читаем мы у Колмогорова. Гостями — добавим от себя — чаще всего бывали ученики того и другого.

С захватывающим интересом читаем мы в письмах П.С. и А.Н. историю приобретения Комаровского дома. 1935 год — Андрею Николаевичу 32 года, Павлу Сергеевичу — скоро 40. Понятно, что все заботы и хлопоты, связанные с поиском и покупкой (а в дальнейшем и ремонтом) дома взял на себя Александров. Он, вообще, относился с отеческой снисходительностью к некоторой беспомощности Колмогорова в житейских делах и в ответственные моменты брал все на себя. Дом Александровых в поселке Клязьма не вполне устраивал, да и организация совмещения с Михаилом Сергееви-

чем была достаточно громоздка. П.С. ездил смотреть дома по той же Северной дороге со знакомым плотником П.А. Капковым, мнению и обстоятельности которого доверял. Рассматривался вариант покупки приличного дома на снос с дальнейшей перевозкой его в Клязьму, на александровский участок. Дом в Комаровке был просто осуществимой мечтой (хотя стоил он так дорого, что осуществимость эта была весьма призрачной). Не вдаваясь в подробности и детали, скажем только, что П.С. удалось сколотить “кооператив покупателей”, который на паях купил дом у прежних владельцев. Денег на первый взнос ссудил Михаил Сергеевич. В дальнейшем в течение многих лет Александров с Колмогоровым выкупали доли, принадлежавшие другим “покупщикам”, пока, наконец, в 1950 году не сделались полновластными хозяевами своей мечты.

А, может быть, желание объединиться и объединить вокруг себя своих учеников восходит и к еще более раннему периоду, когда сами они были учениками Н.Н. Лузина. Николай Николаевич любил идти из университета на Моховой к себе на Арбат пешком в окружении своих учеников, беседуя с ними о математике. Он имел также обыкновение назначать встречи с учениками у себя дома, для чего составлялось особое расписание. *“Возможность общаться с Н.Н. Лузиным, рассказывать ему еще не полностью завершённые результаты была очень важна”*, — замечает А.Н. Колмогоров.

Ученики Андрея Николаевича и Павла Сергеевича проделывали со своими учителями пешие или лыжные прогулки и в тридцать, и в сорок километров. Ученики шестидесятых годов, к которым и я принадлежу, так же, как и те, что были тридцатью годами раньше, всегда приглашались к участию в долгих прогулках и купаниях (оба обитателя Комаровки любили ранние купания в только что вскрывшейся Клязьме), и почти втрое старше нас учителя, бывало, давали нам и фору. Одни приезжали для консультаций (долгая прогулка с живой научной беседой, затем обязательная гречневая каша с молоком). Другие подолгу жили в Комаровском доме, имели свои, отведенные им, комнаты и домашние имена...

Кстати, об этих именах. Наверное, Андрей Николаевич первым начал, по созвучию с фамилией, именовать себя *Холмогорским Гусем* и подписываться *Х.Г.* (село Холмогоры Архангельской губернии, кроме М.В. Ломоносова, славилось, как раз, своими гусями — гусей именно этой, холмогорской породы, водили и в Туношне, имении деда А.Н., в котором он провел свое раннее детство). А имя *Пес (Пёсик, Пуся)*, вероятно, повелось за Александровым с тех пор, как свои письма П.С. Урысону он надписывал: *“П.С.У. от П.С.А.”*. Ученик Александрова Юрий Михайлович Смирнов — ныне профессор кафедры высшей геометрии и топологии Московского университета — был принят в Дом под именем *Страусенка* — должно быть, чем-то в юности напоминал...

И сам дом в Комаровке обрел имя — его называли *Гусье-Песий Домом*, сокращенно, *Г.П.Д.* Носили свои имена и некоторые приметные окрестности. К примеру, неподалеку расположенное село Комягино с дивной старой церковью, любимой обоими, именовалось *КоЛмягиным*, отчего оно становилось как бы более колмогоровским. *“Кукушкин мостик”*, *“кукушкина насыпь”*... — приметы дороги к Комаровскому Дому. Любовь обитателей Комаровки к своему Дому распространялась и на его окрестности, иногда довольно далекие. В Доме хранится толстая подборка подробных топографических карт Московской области. Лист № 11, где Комаровка, весь испещрен пометками и истерся по швам. Когда одному случалось куда-нибудь уехать, другой описывал в письмах не только, куда совершалась прогулка, но и по какому маршруту.

Встречается в письмах и аббревиатура *Г.П.М.* — Андрей Николаевич объясняет, что она означает и что значит для них этот *Гусье-Песий Мир*, который территориально располагался в этом Доме, но не совпадал с ним: *“Я перечитывал наши письма 1930—1932 г.г. и живо воспринимал, насколько все это было хорошо и насколько весь этот созданный тогда и позднее наш с тобой общий, но отделенный от всего остального особый мир (Г.П.М. — в дополнение к Г.П.Д., где он территориально помещается), для меня дорог и существен”*.

Г.П.Д. нередко приходилось покидать (уезжал кто-то один, а иногда и оба), — *Г.П.М.* продолжал существовать, и его материальным воплощением становились письма. Когда читаешь эти письма, как раз и возникает пушкинское “взаимной разнотой”. Конечно, она существовала эта “разнота”, видна она и в письмах. Павел Сергеевич сам писал чрезвычайно подробно и требовал такой же обстоятельности от Андрея Николаевича. Александров с “немецкой дотошностью”, с пунктами и подпунктами излагал всякие текущие дела и события, с иронией, а иногда и с язвительностью описывал персонажей своего окружения, и вдруг, без всякого перехода — нежные, трепетные описания природы, оттенки восхода или заката, впечатления от услышанной музыки, нюансы настроений. Андрей Николаевич, как мы видим, вполне мог бы поспорить с Павлом Сергеевичем в этом искусстве описания тонких оттенков. Дотошная обстоятельность, пожалуй, привлекала его меньше.

Война, грянувшая в 1941-м, нарушила мирное течение комаровской жизни, но не ослабила ее творческого накала. Из старшинства Александрова, не столь уж значительного, но вполне признаваемого обоими, сама собой вытекала его большая ответственность за существование и благополучие и их Дома, и их Мира. *“Я в этой дружбе находился на положении младшего, такого постоянно опекаемого самым любовным образом. ... С начального периода остался на всю жизнь такой оттенок вполне признававшейся мною привычки обо мне заботиться”*, — замечает Колмогоров.

Московский университет был эвакуирован в Ашхабад, Математический институт Академии Наук — в Казань. А.Н. Колмогоров и П.С. Александров выехали в Казань вместе с МИАНом. Однако вскоре обязанности члена Президиума Академии, академика-секретаря Отделения физико-математических наук вернули Андрея Николаевича в Москву (этого требовали и работы оборонного характера, к которым был привлечен Колмогоров).

Павел Сергеевич еще долго оставался в Казани. Как глава объединенного семейства (в Казань отправились мать и сестра Павла Сергеевича и тетушка Андрея Николаевича, а позднее, когда осложнилась военная обстановка, и вторая его тетушка), П.С. принял на себя все бремя забот той тяжелой поры. Тяготы переезда и устройства в Казани, в доме аптекаря Альберта Альбертовича Вильде, маленький огород вблизи дома, огород побольше вдалеке, в семи верстах, карточки, дрова, добывание хоть каких-нибудь теплых вещей — читатель увидит в письмах эти приметы времени.

Вспоминается пастернаковское:

*И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба...*

Нет, не кончилось и искусство, и, прежде всего, математическое творчество — *“и творчество, и чудотворство”*. И Колмогоров, и Александров, не делая никаких перерывов и скидок, работают в математике. Андрей Николаевич, занятый еще и оборонными работами, заботится о том, как бы получше управиться с организацией преподавания в Московском университете. Павел Сергеевич проводит в Казани заседания Московского математического общества.

Живо для них и “традиционное” искусство — музыка, поэзия... Павел Сергеевич с присущим ему мастерством дает в письмах тонкий анализ музыкальных произведений и впечатлений, Андрей Николаевич постоянно обращается к поэзии, которую любил не только читать, но и исследовать, в том числе и математическими методами. *“Так уж я смешно устроен, что формальные анализы ритмов и т.п. помогли мне, видимо, проникнуть и в существо Гетевской поэзии. Во всяком случае, сейчас я ею увлечен до крайности”*, — объясняет сам А.Н. Целые страницы исписаны стихами любимого Гете и совсем неизвестного, молодого армянского поэта Граши.

И все это не оставляется для себя, а передается другому, вложенное в письма. Проникнутые необыкновенной искренностью и грустью, теплом и лиризмом *“Казанские письма”* составляют, быть может, самые светлые страницы всей переписки, и поэтому вошли в наше издание с наибольшей полнотой.

Читатель заметит в этих письмах и иные приметы времени. Сейчас удивительно читать, например, о переименованиях предвоенной поры. Твер-

ская будет названа улицей Горького, а Нижний Новгород — городом Горький — сообщает Колмогоров Александрову в Принстон. Сегодня мы видим, как совершился полный круг...

С трогательной гордостью за свою страну отмечает Андрей Николаевич успехи нового строительства: Днепрогэс — самая большая гидростанция в Европе, тракторный завод наращивает мощности. С присущей ему иронией подмечает черты и черточки нового быта, ждет чуть ли не к крыльцу в Комаровке больших пароходов с Волги с окончанием строительства канала Москва—Волга. В письмах масса смешных и милых их сердцу рисунков, часто вложены и чем-либо привлечшие внимание вырезки из газет.

С искренним интересом читаем мы и заметки о ближайшем окружении А.Н. и П.С. Сегодня, когда мы уже являемся представителями старшего поколения нынешних московских математиков, удивительно видеть и ощущать живыми столпов мировой математики, молодыми наших учителей, юношами — их старших учеников...

Наступил новый век, и даже новое тысячелетие, но есть еще понятие — эпоха, понятие, связанное со временем, но не подверженное ему. Представляя читателям эти письма, надеюсь, что они смогут ощутить через них ЭПОХУ, освященную для нашего поколения именем КОЛМОГОРОВА.

А. Ширяев

П.С. АЛЕКСАНДРОВ

***Избранные письма
А.Н. КОЛМОГОРОВУ***

20 февраля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Гёттинген, Германия)

Вчера получил твое письмо от 7 февраля, а сегодня — пакет с отписками. Надеюсь, что завтра будет опять письмо, а то уж очень без твоих писем делается скучно.

У меня уже были здесь две лекции. Первая происходила, с точки зрения языка, очень печально, но вторая (сегодня) была значительно лучше. Я, кроме того, беру уроки английского у одной очень почтенной и приятной дамы, учительницы немецкого языка в здешней гимназии. Я надеюсь, что не очень долго буду брать эти уроки, но сейчас это все-таки прямая необходимость.

Читаю я достаточно общий курс топологии — от комбинаторной (включая законы двойственности) до теории размерности включительно. Все провожу с устремлением в замкнутые множества. Слу-

шается курс, по-видимому, с интересом, и слушатели бесконечно более подготовлены, чем, думаю, сейчас где бы то ни было. В числе слушателей — Alexander, так что, аудитории, более компетентной и ответственной для преподающего, трудно себе представить! Сам Alexander читает совсем элементарный курс топологии. В настоящее время рассказывает с удивительным изяществом простейшие вещи из абстрактной топологии (аксиомы отделимости и проч.), но будут и бикомпактные пространства и т.п. Одним словом, нынешний топологический сезон в Принстоне мог бы весь происходить и в Москве. Кстати, ты мне много говорил о чисто комбинаторной топологии. Прочитай только что опублико-

Дж.В. Александер

ванную статью Alexander'a "Combinatorial Theory of Complexes", Annals of Math., 31 (No 2), pp. 292—320. Статья совершенно элементарная (ничего не предполагает) и изящества необыкновенного.

Понемногу начинаю заниматься, главным образом, книгой. Но еще надо писать рецензию для "Zentralblatt" а о топологической статье в Энциклопедию Tietze—Vietoris'a (боюсь, уйдет полдня), Anhang (добавление — нем.) для Hilbert'a, Fussnoten (подстрочные примечания — нем.) к моей работе, так что дел, действительно, много.

Alexander берется доказать, что двумерный комплекс, состоящий из всех двумерных граней шестимерного симплекса, не может быть топологически включен в четырехмерное пространство, и что, вообще (аналогичным образом), теорема о том, что n -мерный комплекс всегда укладывается в $(2n+1)$ -мерное пространство, улучшена быть не может.

Каждый день плаваю в плавательном бассейне, действительно, превосходном, во много раз больше Гёттинггенского. Не знаю точно, сколько он длины — ведь тут длины измеряются не в метрах, а не то в ярдах, не то еще в каких-то подобных единицах — но, во всяком случае, нет никакой потребности, чтобы он был еще больше (следующее желательное совершенствование — чтобы он был под открытым небом). Души при бассейне снабжены бесплатно предоставляемым мылом в неограниченном количестве — при этом условии особенно легко становится требовать, чтобы все перед плаванием мылись с мылом.

Принстонский Athleticfield (= Spielplatz) (спортивная, игровая площадка — англ., нем.) помещается в двух шагах от меня. Постараюсь туда проникнуть, чтобы бегать и делать гимнастику.

Между прочим, непременно обдумай хорошенько к моему возвращению, что из спортивных и экскурсионных вещей нам следует с тобой купить. Особенно желательной представляется мне действительно основательная палатка, достаточно основательная, чтобы мы с тобою могли в ней долго жить и чтобы в ней можно было заниматься (значит, в частности, чтобы в нее был доступ свету). Такую палатку нам необходимо иметь, чтобы быть независимыми от всяких абхазских княжен и иметь возможность без клопов и иных неприятностей располагаться даже на продолжительное время, где нам вздумается. Ты все это сообрази, как следует, выпиши себе проспекты, узнай цены и т.п. Я тебе очень советую приобрести и лыжный костюм. Все же, это стоит совсем недорого, а фактическая ценность этих вещей (т.е. получаемого от них блага, по выражению Александра Яковлевича) очень велика.

Ты мне почти ничего не пишешь о своих спортивных упражнениях, а мне очень интересно иметь о них постоянный и подробный отчет (сколько времени, в каком костюме, в какое время дня, при какой температуре — бегал, плавал, купался ли у Klie, делал ли гимнастику).

Кроме того, ты ничего не пишешь и о своем самочувствии. Тебе бы хорошо покупать себе, кроме молока, и сливки — насыщающее действие сливок действительно очень велико. Пей сливки с кофеем, а молоко само по себе. Конечно, если бы ты сливки мог пить живьем, было бы еще лучше.

Сообщить тебе свой вес мне довольно трудно, ведь здесь все шиворот навыворот: человеческий вес исчисляется не в килограммах и даже не в английских фунтах, а в некоторых специальных единицах, называемых “stone”, что значит камень. Вероятно, это вес того камня, о который споткнулась лошадь Вашингтона, когда он ехал избираться в первые президенты Соединенных Штатов. Но я постараюсь выяснить соответствующие коэффициенты и тогда тебе напишу.

Кстати, я здесь пользуюсь неограниченным кредитом не только у отдельных лиц, но и, например, в университетском магазине, где я только что купил себе, в кредит, пишущую машинку за 60 долларов. Она будет иметь, кроме обычного латинского алфавита, еще знаки $+$, $-$, $<$, $>$, $=$, ϵ , Σ , показатель n (R^n) и индексы, $_{1,2}$, а также, конечно, $'$, $''$. Пока эти знаки присоединяются, мне дали на время обычную.

Ну, будь здоров и пиши!

-
- Здесь и всюду в дальнейшем мы даем некоторые разъяснения к письмам, маркированные точками ($\bullet$). Эти разъяснения, а также примечания в угловых скобках $\langle \dots \rangle$ внутри текста принадлежат Редактору издания. Сноски, принадлежащие П.С. Александрову, отмечены звездочками (*). Большинство имен, встречающихся на страницах писем, и некоторые сведения о них можно найти в Указателе имен.
 - Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Klie — владелец купального заведения в Гёттингене в начале 30-х годов.
 - Занимаюсь книгой — по-видимому, речь идет о начале работы над книгой по топологии; эта большая монография была написана в соавторстве с Х.Хопфом и вышла в 1935 году (Alexandroff P., Hopf H. *Topologie, Bd. I.* — Berlin: Julius Springer, 1935; XIII, 636 S.).
 - Anhang для Hilbert'a — об истории этого сочинения читаем в “Страницах автобиографии” П.С. Александрова (УМН, 1979, т. 34, вып. 6, с. 219–250): “Когда около 1930 года возник вопрос об издании книги Гильберта по наглядной геометрии, он предложил мне написать к ней Прибавление о топологии. Но я не уложился в очень сжатый объем Прибавления, и Гильберт предложил мне написать вместо Прибавления небольшую отдельную монографию. Она и была мною написана и напечатана с предисловием Гильберта под заглавием “*Einfachste Grundbegriffe der Topologie*” (может быть переведено как “Простейшие основы топологии”).

24 февраля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Ты мне совсем редко пишешь, впрочем, по штемпелям отправления вижу, что только в два раза реже возможного максимума. Последнее письмо что-то уж очень долго шло. Впрочем, вчера и третьего дня почта не функционировала (кроме, конечно, спешной почты, которая функционирует всегда), так как третьего дня было воскресенье, а вчера праздновался день рождения Вашингтона, который пришелся на воскресенье, а потому, чтобы не пропал, праздновался в понедельник! А вот плавательный бассейн оба дня был открыт — очевидно, возможность ежедневно плавать считается в Америке более важной, чем ежедневно получать письма!

Твоя физкультурная программа последних дней в Гёттингене мне очень понравилась. А что будет в Москве? Думаю, ты еще заставишь конец лыжного сезона, и притом, самый прекрасный, солнечный конец. Я надеюсь, что ты купил себе настоящий лыжный костюм для холодных дней. А там, скоро начнешь и бегать! Вот, с плаванием будет хуже... Бассейн Сандуновских бань не очень-то привлекателен, и вряд ли ты там наплаваешь 300 метров.

Перспектива, что ты 12 часов в декаду будешь вести групповые занятия за 130 рублей в месяц, меня совершенно угнетает. Это же просто нищенский оклад! Я слышал, что в Москве оклады очень повышены. Если же наши преподавательские оклады будут находиться на таком уровне, то тем более оснований искать другого заработка — в Энциклопедии, в Днепропетровске и т.п. Ты, пожалуйста, узнай об этом и позаботься о том, чтобы все-таки что-нибудь для нас обоих было устроено. Сообрази и спишись с Огиевецким, когда мне (или нам) удобнее всего поехать в Днепропетровск. Может быть, это можно соединить с каким-либо лодочным путешествием? Адрес Огиевцевого:

*Исаак Ефимович Огиевецкий,
Днепропетровск,
проспект Карла Маркса, 11.*

Кроме того, напиши мне, каково сейчас распределение в Московском университете и Институте. Мне это важно знать, так как в Москву собирается приехать Lefschetz. Главным образом, его привлекает возможность познакомиться с молодыми московскими математиками, в частности, с топологами (Люстерник, Шнирельман, Тихонов и др.). Он охотно прочтет ряд докладов в топологи-

ческом кружке (по-русски). Высокие академические круги его меньше интересуют (он “достаточно видал профессоров, и все они похожи друг на друга”).

Жду от тебя подробного изложения всех твоих впечатлений, начиная с нашей институтской жизни и кончая чугуном и сталью. Кстати, присланную тобою диаграмму роста выплавки чугуна и стали у нас я сегодня показывал в кулуарах математического общества Veblen’у и другим. Она вызвала большой интерес, и мне пришлось потом часа полтора рассказывать о достижениях советского строительства. Это была, в самом деле, настоящая пропаганда наших достижений, и я редко встречал аудиторию, столь умную, внимательную, серьезно интересующуюся и серьезно понимающую значительность русской революции. Veblen, правда, отнюдь не типичный представитель американской профессуры — человек, принадлежащий к абсолютной и самой влиятельной верхушке научной американской интеллигенции — он является фактическим руководящим научным консультантом американского министерства просвещения, фактическим председателем National Research Council — высшего учреждения по организации науки в Соединенных Штатах (соответствует, значит, нашей Главнауке), членом “узкого президиума” Академии Наук и т.д. Сегодня в серьезном и длительном разговоре он мне заявил, что считает несомненным, что будущее человечества делается сейчас в Москве. А, кроме того, еще заявил, что послереволюционный период развития русской математики, по его мнению, является одним из блестящих периодов, вообще, в развитии европейской математики за последние сто лет (при этом, в числе других имен, было названо и твое — оказывается, он следит и за литературой в далеких ему областях математики) и что экспорт русских ученых за границу не менее важная “статья” в демонстрации успехов советского государства, чем диаграммы стали и чугуна.

Ну, будь здоров! И пиши мне!

• Институт — Научно-исследовательский институт (НИИ) математики и механики Московского университета, в котором в это время работали П.С.Александров и А.Н.Колмогоров

25 февраля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сию минуту получил: два твоих письма из Гёттингена от 12 февраля и 17 февраля, да еще открытку от 15 февраля. И от этих писем так и повеяло на меня снегом и зимними вечерами, и мне очень жаль, что я не был там с тобой, уж очень там, должно быть, было хорошо...

Здесь сейчас самое лучшее время — все время сияющее летнее солнце при еще совсем прозрачном, почти зимнем воздухе.

За все десять дней, что я в Америке, в Принстоне не было ни одного матча бокса, зато четыре раза была борьба, три раза — баскетбол и два раза — состязания в плавании. О каждом таком спортивном происшествии вывешиваются объявления и на улице и во всех университетских зданиях (на одном листе с программой ближайших заседаний Математического общества, например).

Вчера вечером меня некоторые представители здешней математической молодежи пригласили к себе в Graduate College, где они все живут. Кормили меня обедом (в 6 часов вечера), для чего надо было облакаться в смешную черную тогу. Перед обедом молитва (впрочем, очень краткая), обед из трех блюд, хороший и с кофеем. Здание со-

стоит из роскошных клубных помещений и отдельных превосходных комнат. В большинстве случаев каждое такое обиталище состоит из двух помещений: спальни и собственно комнаты, как ты видел в Германии, только на гораздо более широкую ногу. Полный пансион в Graduate College стоит от 500 до 700 долларов за учебный год (9 месяцев), в зависимости от качества комнаты. Но продовольствие в Graduate College всецело рассчитано на англосаксонские вкусы и в основе своей имеет существенно мясные блюда (что для меня, напри-

мер, почти неприемлемо — после Америки я много месяцев буду отказываться совершенно от всякого мяса). После обеда меня уже в комнате одного из пригласивших меня молодых людей угощали вином. В общем, я нахожусь в Америке 10 дней, и уже четыре раза был угощаем вином — мою европейскую пропорцию это, как ты знаешь, значительно превосходит! Правда, вино всегда бывало очень легким и довольно хорошим, хотя и приготовлено (*Prohibition!*) полудомашним способом.

Если у нас с тобой будет лодка, то у нее (для того, чтобы она могла плавать и по заграничным рекам, озерам и морям), кроме русского названия, будет и английское, а именно:

(синий гусь — такое клеймо стоит на желтых *grape-fruits*, которые я каждый день утром ем).

Мои упреки, что ты недостаточно часто мне пишешь, пока совершенно снимаются, но ты продолжай и дальше так же.

• *Prohibition* (букв. *запрет* — англ.) — имеется в виду “сухой закон”, который действовал в то время в США.

27 февраля 1931 г.

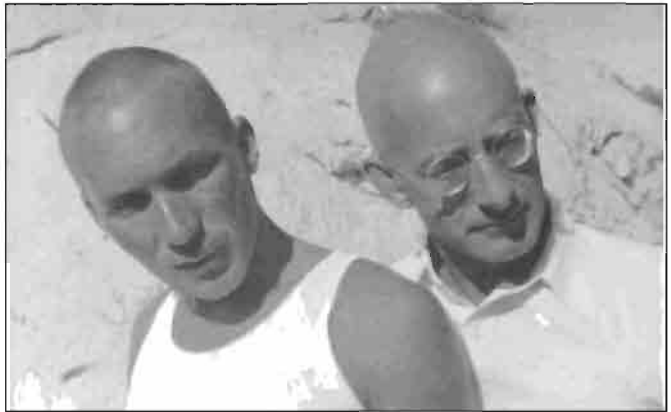
(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Завтра ты уезжаешь из Гёттингена, и я сегодня, и вообще эти дни, что-то очень без тебя скучаю — теперь ты будешь еще дальше от меня. Эта моя заграничная поездка кажется мне гораздо дольше всех предыдущих, что, вероятно, объективно соответствует тому, что никогда раньше по возвращении я не находил столько перемен, как найду теперь.

Не знаю, как сейчас сложится твоя работа. Юлия Антоновна пишет, что в Институте научная работа совсем заглохла, так как внимание перенесено на педагогическую сторону деятельности. Боюсь, что при этом допущены всякие “перегибы” и что опять придется организовывать работу Института заново.

Я сейчас, вообще, много размышляю о реке времени и “ея течениях”. Вызваны эти размышления, должно быть, тем, что вот я опять сижу за тем же столиком, за которым сидел три года тому назад и писал свою “американскую” работу. У меня здесь, вообще, несколько странное настроение — как будто, встретился вновь с человеком, с кото-

рым прожил “в ладу и в дружбе” год, после которого расстался с ним, не предполагая, в сущности, когда-либо увидаться. А теперь вот опять увиделся. Все старое — и все другое. Я-то сам за эти три года изменился больше, чем столик, за которым сейчас пишу. И поэтому мне странно как-

А.Н. Колмогоров и П.С. Александров
во время лодочного похода по Волге

то... Со странами, городами (и даже столами) тоже бывают разные отношения, такие же таинственные, как с людьми...

Сегодня исполнилось 50 лет Brouwer’у. Я так хорошо помню, как что было, когда ему было только 44, и сколь различно было и внутреннее и внешнее содержание этих шести лет — опять материал для размышлений на ту же тему. И вот скоро уже два года, как мы с тобой по Волге поплыли — тоже трудно себе представить. Этот

элементарный психологический факт, когда расстояние во времени кажется и очень большим (если мерить его количеством воспринятых с тех пор впечатлений) и очень маленьким (судя по свежести и яркости воспоминаний о воспринятых тогда впечатлениях), всегда меня очень занимал.

В Америке (как, впрочем, и в Европе) сейчас большое увлечение танго, танцуемым, правда, с большим и сдержанным изяществом, так, что получается, действительно, прекрасный танец, романтический в лучшем смысле этого слова, как и полагается быть танцу. Третьего дня его танцевали в очень небольшом обществе у Alexander'a, который один (без супруги) принимал гостей, угощая их бутербродами, фруктами и вином. Везде присутствовал легкий налет богемы, но только совсем легкий, вполне растворенный в очаровательности и каком-то необыкновенном грациозном изяществе самой личности Alexander'a (между прочим, редкий случай, когда и в манере писать математические работы, и в манере принимать гостей, танцевать, разговаривать воспринимается одна и та же, абсолютно единая человеческая личность). Гости (их было человек пять) разъехались в 12 часов, я же, по просьбе хозяина, остался еще для слушания "Симфонических этюдов" Шумана. После чего, часу во втором ночи, был на автомобиле доставлен к себе. Была прекрасная звездная ночь, я еще немного походил вокруг дома, посмотрел на небо и улегся спать.

Пора и сейчас мне идти спать. И ты, наверное, сейчас спишь свою последнюю ночь в Гёттингене (у вас там около 4 часов утра). А может быть, ты сейчас ночным поездом едешь в Берлин...

Как-то тебя встретит "математическая Москва"?..

-
- Юлия Антоновна — Ю.А. Рожанская.
 - Институт — НИИ математики и механики Московского университета.

2 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Третьего дня послал тебе письмо, опущенное в Нью-Йорке, где я был по поводу заседания *American Mathematical Society* (Американское Математическое Общество). Собрание было с небольшой и мало интересной программой, и поехал я туда не из-за докладов, а чтобы увидеть разных интересных мне и знакомых по моему первому пребыванию здесь математиков. В этом смысле поездкой остался очень доволен — все время, с половины двенадцатого дня до 7 часов вечера, находился в достаточно интересном и разнообразном обществе и видел довольно много людей, мне и непосредственно приятных, с которыми рад был встретиться опять. Много было также и всяких деловых разговоров. Например, Archibald, профессор в *Yale University* и библиотекарь *Amer. Math. Society*, очень интересуется тем, чтобы получить бывшие “Ученые записки физико-математического факультета” (где печатались раньше диссертации) и обещает мне скоро прислать свои предложения по поводу обмена. Между прочим, благодаря энергии Archibald’a, библиотека *A.M.S.*, вероятно, является самой полной математической библиотекой в мире, так как построена по принципу иметь вообще всю математическую литературу, важную, неважную — всякую.

Из неожиданных встреч — виделся с Blaschke (Hamburg), тоже находящимся в Америке по 1 июня. Возвращаемся мы двумя последовательными пароходами линии Hamburg—Amerika, он сначала, а я — следующим. Он был на нашем харьковском съезде и много о нем рассказывает, в большом восторге от наших математических достижений. Больше всего, что, впрочем, естественно, он интересуется работами по дифференциальной геометрии и смежным областям (вариационному исчислению, по которому однажды провалился (!), интегральным уравнениям и т.п.).

В промежуток времени от половины двенадцатого до семи были включены и два американских “обеда”. Я сидел с Veblen’ом и Blaschke и возвращался потом с Veblen’ом в Принстон. С Veblen’ом отношения установились сразу, с самого приезда в Америку, не только хорошего знакомства, но и более сердечные, позволяющие говорить о некоторой дружбе.

В Нью-Йорке был третьего дня, а вчера целый день сидел и довольно много занимался. После обеда, впрочем, ходил гулять. Начало весны, солнце (после продолжительного дождя, шедшего всю первую

половину дня, запах намокшей земли, крик бесконечных водяных птиц — я гулял вдоль судоходного, не то канала, не то реки (кажется, комбинация одного с другим) — все это опять привело в движение “романтические” струны моей души! В кустарниковых зарослях, через которые шла моя тропинка, постоянно попадаются птичьи гнезда, на высоте человеческого роста и ниже, так что, все-таки, кусочек природы. А главное, уж очень хорошо небо и солнце!

Сегодня я опять отправился туда в 12 час., и так как я ни вчера, ни сегодня ни одной живой души на своей тропинке не встретил и так как вода в канале была приятного зеленоватого цвета, то я решил выкупаться. Вода была, действительно, достаточно чистая, вполне достаточно глубокая, холодная, очаровательная. Потом я долго бегал по тропинке, делал гимнастику и грелся на солнце, которое жгло вовсю. Итак, я, наконец, добрался и в Принстоне до возможности не только видеть солнце, но и воспринимать его непосредственно кожей. За все время там я так ни одного человеческого существа и не встретил. Теперь я туда, в свои заросли, перенесу, например, и писание тебе писем...

Получил я из Москвы номер журнала “Большевик” (№2; 31 января 1931). В нем есть статья Кольмана “О вредительстве в науке”, непременно прочти ее. В ней здорово достается бедному О.Ю. Шмидту и В.Ф. Кагану. Я только одного не понимаю: если, действительно, весь естественнонаучный отдел Советской Энциклопедии представляет собою “мерзость запустения” (идеализм, махизм, механицизм и проч.), то, надо полагать, возникло это все не сегодня и не вчера. Где же был Кольман все это время? Почему же он раньше не обращал внимания на неподходящее направление статей, неудачный подбор авторов и т.п., а, наоборот, с этими неудачными авторами (в том числе, и с О.Ю. и В.Ф.), которых теперь обвиняет во всех смертных грехах, поддерживал самые дружеские отношения? Непонятно.

Между прочим, теория, которую я тут как-то развивал в одном из писем, что можно писать несколько реже (впрочем, не реже 2 раз в неделю) длинные письма, — никуда не годится. Никакой аддитивности в удовольствии, получаемом от писем, нет: 5 писем, каждое в один лист, это гораздо больше, чем одно письмо в 5 листов!

Ведь получение письма у меня происходит так:

1-е удовольствие: Mrs. Gulich кричит: “Mr. Alexandroff, there is mail for you!”

2-е удовольствие: я бегу вниз в домашних туфлях и угрожающих

сползти штанах, вижу твое письмо, радуюсь и несу к себе, радуясь, но, отнюдь не распечатывая.

3-е удовольствие: сажусь в свое “хрустящее” кресло, медленно разрезаю конверт, смотрю, длинное ли письмо, есть ли в нем карточки (в последнее время что-то не было), долго на них смотрю...

4-е удовольствие — читаю письмо.

Из всех этих четырех удовольствий первые три, естественно, теряются, если письма получаются сразу, хотя и более длинные.

А зато, какая бывает печаль, когда писем нет! Сначала жду, что бы прокричала снизу Mrs. Gulich, потом робко иду вниз и смотрю, нет ли писем возле телефона, потом спрашиваю (тоже робко), не было ли писем, потом, еще более робко, переспрашиваю, а был ли уже почтальон... И когда оказывается, что почтальон уже был, а писем не было, я, уж совсем печальный, ползу к себе наверх... Так было и сегодня.

Вчера были здесь приехавшие на один день новые стипендиаты: известный тебе скучнейший Cauer (электротехник; Göttingen, а сейчас Harvard) и Eberhard Hopf, к нашему Hopf'у не имеющий отношения, кроме разве того, что получает освобожденную за отъездом нашего Hopf'a его приват-доцентуру (т.е. главное, Lehrauftrag (педагогическая нагрузка — нем.)) в Берлине. E. Hopf — хороший математик, еще совсем молодой (28 лет), занимается небесной механикой (также со всякой топологией, Poincaré—Birkhoff и т.д.), но, вообще, образованный и с разнообразными интересами. Veblen угощал всех обедом, но не у себя дома, а в одном из домашних клубов. К обеду были приглашены Alexander и я. В последовавших потом математических разговорах я любовался тем, какой Veblen превосходный и настоящий геометр! Он рассуждал о конфигурациях в 4-мерном пространстве и их приложениях к квантовой механике. Оказывается, некоторые соотношения в этой, последней (в теории Dirac'a), приводятся к очень простым проективным построениям.

Alexander, по-прежнему, внимательно слушает мой курс, записывает в тетраточку... и упрощает некоторые мои (старые) доказательства. Между прочим, Alexander тоже пишет книгу по топологии, так что топологическая литература, действительно, сильно обогатится в ближайшие годы. Насколько велика топологическая культура в Принстоне, можно судить по тому, что когда я на телеграфе (!) взял телеграфный бланк, он с обратной стороны оказался исписанным, и притом, доказательством инвариантности чисел Бетти (на лекциях это доказательство ни Alexander'ом, ни мною пока не давалось).

Теперь вот еще какое важное дело. Я слышал, что многие посылают отсюда в СССР разное продовольствие (главным образом, консервы, сахар, мыло). Сахар стоит 5 центов фунт (если покупать 2 фунта — 4 цента, если 10 фунтов — ну и так далее, т.е., действительно, гроши). Консервы тоже очень дешевы. Имеет полный смысл послать всего этого, хотя бы имея в виду наше летнее путешествие, да и вообще, какие угодно экскурсии. Узнай, пожалуйста, возможно ли это в самом деле, каковы пошлины, и т. д.

Жду писем, частых, подробных и длинных, чтобы я все знал. Очень меня беспокоят предстоящие тебе в слишком большом количестве лекции. Впрочем, полностью полученных мною до сих пор писем я удовлетворен.

Внизу радио играет какие-то трогательные и несколько сентиментальные вещи, впрочем, довольно хорошие...

Кланяйся очень Вере Яковлевне.

Сейчас побегу опускать письмо на почту, чтобы попало на послезавтрашнюю “Мавританию”. Сейчас уже довольно поздний вечер, а завтра буду с утра заниматься, и вблизи почты буду только к обеду, а это может уже быть и поздно.

А. Эйнштейн сегодня ночью из Нью-Йорка возвращается в Европу. Об этом была длинная газетная корреспонденция, прощальный обед на 175 кувертов, и т.п.

Я буду возвращаться на том же пароходе, что и он, но прощальный обед у меня будет, вероятно, меньше, чем на 175 кувертов?

-
- *Mrs. Gulich* — квартирная хозяйка П.С. Александрова в Принстоне.
 - *Харьковский съезд* — Первый Всесоюзный съезд математиков состоялся в г. Харькове в 1930 году.
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.

5 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня получил сразу два твоих письма — их привезла быстрая “Europa” — я теперь умею не только отправлять письма с надлежащими пароходами, но и ждать их в зависимости от прибывающих пароходов. В Нью-Йоркских газетах каждый день на определенной странице публикуются все прибытия пароходов на несколько дней вперед (кроме того, публикуются точные часы прилива и отлива и много других интересных сведений). Из этих таблиц я узнал, что после “Мавритании”, уходящей завтра (с ней пойдет письмо, которое я писал вчера), послезавтра, 7-го, идет только довольно медленный “Berlin”, а затем 8, 9 и 10-го не идет вообще ни одного сколь-нибудь приличного парохода. Зато 11-го сразу отправляются “Leviathan”, “New York” и еще другие. Не пойму, что будет “Europa” целую неделю делать в Нью-Йоркском порту...

Так что, дня три-четыре, наверное, не будет от меня писем. А твои два письма, полученные сегодня, доставили мне вместе удовольствие нисколько не меньшее, чем если бы пришли порознь. Уж очень хороши иллюстрации: 137-фунтовый гусь, толстый-претолстый, порадовал меня так, что я даже смеялся, находясь один в комнате. Смотри, удержи этот вес и в Москве!

Принципиально против трехлетнего контракта Баку—Самарканд и проч. ничего не имею. Однако, давай, все-таки, окончательные решения такого типа принимать только после моего возвращения, благо не очень долго уже осталось ждать. Баку из всех поименованных городов, в смысле всяких красот природы и архитектуры, может быть, наименее привлекателен, зато там море, и это меня очень притягивает. Впрочем, если ты мне в Самарканде (или поблизости) найдешь реку, то и Самарканд мне представляется очень привлекательным. Готов также и во Владивосток, Симферополь, Одессу.

Сейчас я иду в концерт, но сначала еще буду ужинать (впрочем, ужин ограничится лишь орехами и виноградным соком). Концерт будет происходить в так называемом Alexander-Hall — это большое и торжественное здание, сооруженное в честь прадеда Alexander’a, профессора теологии здесь же, в Принстоне, в конце 18 века (в его честь названа и Alexander-Street). Концерт обещает

быть интересным — играть будет филармонический оркестр из Филадельфии, считающийся одним из 4 лучших американских оркестров). Дирижер — Стоковский, достаточно известный, хотя и не самого первого ранга.

После концерта. Идти домой дописывать это письмо не хочется, так как потом пришлось бы идти на почту опускать его. Кроме того, ветер и холод, а я, по глупости, отправился без пальто, заключивши, что если светит луна, то значит, хорошая погода. А если хорошая погода, то значит, должно быть тепло. Все это — предисловие к тому, что я после концерта очутился в том ресторане, где обедаю. Я — строго единственный посетитель, заказал себе стакан грога, который и пью маленькими глотками и заедаю его французскими бисквитами. Все чрезвычайно вкусно, грог приготовлен по всем правилам, сразу делается тепло, и то, что кругом свистит ветер, только приятно.

Теперь о концерте. Первая симфония Брамса содержит прекрасные темы (особенно, в первой и четвертой части), но многое разработано как-то старомодно. Удивительное дело, этот эпитет применим в музыке только к одному периоду — второй половине 19 века: Вагнер, Лист, всякие наши Бородины и Балакиревы, но отчасти, также Брамс и Чайковский, бывшие все-таки наиболее крупными композиторами этой не очень благодарной эпохи...

Intermezzo (букв. — перерыв, муз. — небольшая самостоятельная пьеса, исполняемая в антрактах). *Mr. Stokowsky* — дирижер сегодняшнего концерта — явился сейчас сюда вместе с компанией каких-то французов (по крайней мере, все общество беседует на хорошем французском). Сам Стоковский, очевидно, поляк. Общество это разместилось за круглым столиком в противоположном конце комнаты, заказало холодные закуски и что-то к ним, вполголоса. Уже идет к ним хозяин заведения и несет им кофейные чашки, совершенно такие же, как у меня, но, вероятно, холодные. О, *prohibition!*

Мой грог положительно великолепен. Но против меня — пустой стул. Как хорошо бы мы сейчас сидели с тобою, слушали бы, как воет ветер за стеной и смотрели бы на месяц и на быстро пробегающие мимо него легонькие облачка...

Сегодня в первый раз “Дон Жуан” Р. Штраусса произвел на меня большое впечатление. Я его слушал раз десять, правда, как будто ни

разу в очень хорошем исполнении. А Стоковский дирижер очень хороший — как раз, сужу по “Дон Жуану”. Между прочим, он так во фраке и пришел, остальные в смокингах. И я в своем черном костюме. Хозяин может радоваться — у него сейчас сидит действительно приличная публика, не то что студенты с расстегнутыми (правда, беленькими и свежими) воротниками рубашек и с засученными рукавами, обедающие у него обыкновенно. Угощение вином хозяин с большим изяществом осуществляет сам, никакой прислуги нет, и все, в том числе и хозяин, говорят по-французски.

Кроме Первой симфонии Брамса и “Дон Жуана”, был 3-й Бранденбургский концерт Баха (сыгранный, все-таки, грубовато) и, в заключение, “Болеро” Равеля — изящная и темпераментная вещь, написанная, по-моему, под сильным влиянием Римского-Корсакова.

Ну вот, я пришел к концу концерта, к концу бумаги и к концу второго стакана грога. Если бы стул против меня не был пуст, то, может быть, был бы и третий, а так надо мне, бедному, идти домой через всю эту свистящую бурю. Надеюсь, что ты не прочтешь в ближайшем номере “Известий”, что в Америке случился ураган, снесший много городов, в том числе и Принстон, с лица земли...

Стоковский и спутники уходят. У него в руках дирижерская палочка в кожаном футляре.

П.С. Александров

9 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вот, наконец, я собрался купить бумагу не для пишущей машины, а специально для писем, писанных от руки, — как видишь, даже нестандартный формат. С тех пор, как я написал тебе в последний раз (т.е. два дня тому назад), не было от тебя писем, да и не могло быть, так как эти дни не было никаких быстрых пароходов ни из Европы, ни в Европу. Между прочим, несомненно, письма идут теперь медленнее, чем шли три года тому назад: из твоих гёттингенских писем большинство было 12 дней в пути, а не 9–10, как полагалось. Объясняется это, очевидно, уменьшившейся частотой трансатлантического сообщения, что и понятно, так как пароходы не только в отношении пассажиров, но и вообще гораздо менее нагружены, чем им полагается, — все мировой кризис делает!

Я теперь научился читать американские газеты и не пугаюсь их 50-страничного размера (громадного формата и весьма мелкой, хотя и четкой, печати). Их читают здесь, конечно, совсем иначе, чем в Европе: имеется подробнейшее оглавление в конце, которое сразу позволяет найти то, что тебя интересует, так что, никакого просматривания всей газеты не производится. Кроме того, вся информация устроена так, что все важнейшие корреспонденции начинаются на 1-й странице, потом, после нескольких строк, прерываются с указанием, что продолжение — на такой-то странице. На этой “такой-то” странице помещаются далее и все остальные корреспонденции, примыкающие по содержанию к той, которую ты читал на 1-й странице. Так что, просмотревши одну только первую страницу, ты уже сразу в курсе всего, тебя интересующего, и автоматически знаешь, что тебе еще в этой газете читать. Между прочим, вся газета мыслится, совершенно очевидно, как справочное издание (действительно, исключительной полноты), а не как материал для душеполезного чтения, как “Vossische Zeitung”. Почти в каждом номере — целые столбцы, посвященные СССР — сегодня почти целая страница (т.е. столбец на 1 стр. и еще три четверти 18-й): начинается с того, что в здешнем министерстве иностранных дел образован специальный комитет по изучению СССР, непосредственно при “особе министра” и под председательством одного из товарищей министра; что в министерстве выделена отдельная секция, посвященная делам с СССР (раньше существовала только общая секция восточной Европы); что, правда, усилившиеся в последнее время слухи о при-

знании СССР не являются обоснованными, но, в то же время, необходимо признать, что деловые отношения с Союзом чрезвычайно возросли за последние годы, и что чрезвычайно неудобным становится вести их, не имея никакого официального представительства в Москве, и т.д., и т.д. Дальше целые столбцы посвящены корреспонденции о Всесоюзном Съезде (Советов?) с подробным изложением речи Молотова (большие куски приведены текстуально) и многое другое. Наконец, есть еще большие корреспонденции о московском быте, о движении на улицах (о том, что его, с одной стороны, нет, а с другой стороны, легче чем где-либо попасть под автомобиль), но, в то же время, и о том, что никакого голода в Москве нет и что пора бросить верить рассказам, исходящим от “рижских корреспондентов”. Указано также, что на всем Съезде Советов у одного Молотова был белый воротничок. Но, вообще, все выдержано в тоне информации, а не лирических возгласов, как, например, во французских (а отчасти, и в немецких) газетах. Американцы, все-таки, более деловые люди!

Наконец, я совершенно закончил свою работу по теории размерности (написал все *Fussnoten* (подстрочные примечания — нем.)). Всего получилось 99 страниц, написанных на машине, значит, страниц 75 печатных — вместо когда-то предполагавшихся 30! Копию этой работы отправил сегодня Понтрягину — в надежде, что он быстро ее прочтет и пришлет мне назад, так как до этого я основной экземпляр не могу послать в печать (один экземпляр мне нужен для лекций). Понтрягин прочтет быстро — ведь он вполне в курсе всех методов, да и основных результатов. Надеюсь, что это несколько освежит его настроение, так как там много (целых 15) нерешенных проблем, сформулированных, и еще больше рассеянных по разным примечаниям и т.п. Думаю, что над многими из этих проблем он автоматически начнет думать и что это будет для него хорошо. Я же, со своей стороны, интересуюсь его замечаниями и мыслями по поводу этой работы, как-никак являющейся, все-таки, одной из самых моих главных работ — хоть и писалась она как-то не так, как писались мои более ранние работы, — так сказать, без всякого упора.

Вчера заезжал за мною Schouten и катал меня на автомобиле с 3 до 6 часов по берегам Delaware’a — широкой, медленной реки с лесистыми, холмистыми берегами, напоминающей русские реки. Schouten, с которым я много виделся в Болонье, мне нравится: простой, умный и приятный человек. Он здесь до 1 апреля, потом поедет на две не-

дели в Чикаго, потом возвращается к себе в Голландию. Купаться в Delaware'е не пришлось, хотя были взяты и трусы, и полотенце. После бури, непрерывно продолжавшейся двое суток, вода была совершенно грязная, и берега представляли из себя расквакавшееся глинистое болото.

А по поводу бури — тот ветер, о котором я тебе писал в прошлом письме, был началом действительно большой бури, бушевавшей по всему побережью. Ветер дул с океана, вода в Гудзоне сильно поднялась, много всяких разрушений, и есть даже человеческие жертвы. Альберта Эйнштейна хорошо покачало! В Принстоне вся эта непогода проявлялась, кроме чрезвычайного ветра, в непрерывном ливне с градом, продолжавшимся всю ночь и половину следующего дня, так что окна все время трещали и их невозможно было открыть даже на время моей утренней гимнастики — вся комната наполнилась бы дождем и градом.

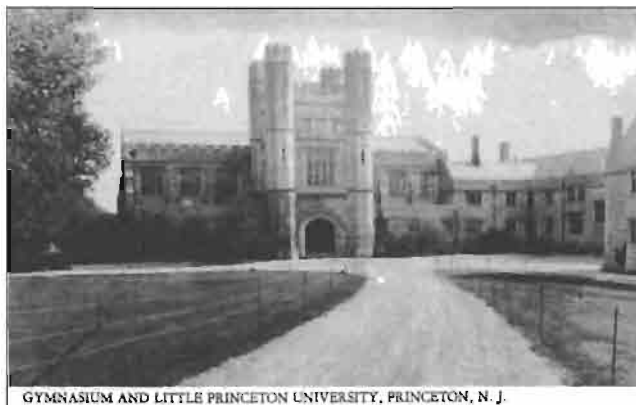
Сегодня я бегал и делал гимнастику на Athletics-Field. Но — не знаю почему — это скучно здесь. В Гёттингене я не замечал, как проходили 40 минут, и мне всегда не хотелось уходить, а здесь я больше 15–20 минут не выдерживаю. В Гёттингене я сначала бегал (при этом босиком и в одних маленьких трусиках) по “живой” земле (хотя бы и в виде черной грязи!), потом делал свои упражнения на параллельных брусьях и подтягивался на Reckstange, потом купался, потом опять бегал — описываю то, что было без тебя, чтобы можно было сравнивать с тем, что могу делать здесь — все это было достаточно разнообразно и доставляло мне большое удовольствие. Здесь же 1) бегать приходится по деревянной дорожке, босиком по ней бегать не только не принято (это бы меня не очень беспокоило), но и, действительно, невозможно, так как дерево все исцарапано гвоздями от настоящих бегательных туфель и, если бегать босиком, то, несомненно, ноги будут полны самых неприятных заноз; 2) даже самых элементарных гимнастических приборов (параллельных брусьев и турника) нет. То есть, они, конечно, есть, но в другом месте, а именно, все в том же Gynnasium'е. Здесь же все специализировано, это поле существует только для беганья, прыганья через барьер и игры в футбол. В баскетбол играют в другом месте, гимнастикой занимаются в третьем — в закрытом помещении Gynnasium'a — и т.д. Потребности просто подвигаться на открытом воздухе и потом выкупаться в Америке не существует, здесь люди занимаются определенными видами спорта. Я уже писал о том, что, при всей роскоши здешнего Gynnasium'a и прочих спортивных учреждений, не существует вообще места, где люди могли

бы в трусах побегать или полежать или помахать руками на солнце. Были затрачены громадные суммы, чтобы образовать здесь длиннейшее озеро, на котором можно состязаться в гребле. Но купаться в этом озере нельзя, так как это сплошная тина, и вода в нем загрязнена (так как оно где-то сообщается с каналом, куда стекают городские воды). Но купаться никому и в голову не приходит — существует два различных спорта — гребля и плавание. Греблей занимаются здесь (после принимают душ в чрезвычайно комфортабельном Bootshaus'e), а плаванием — в закрытом плавательном бассейне в Gymnasium'e. Устроить большой и чистый открытый бассейн для купанья ничего бы не стоило, в сравнении с теми суммами, которые здесь тратятся на спорт, — достаточно было бы отвести воду из того судоходного канала, в котором я купаюсь (если угодно, устроить фильтр, чтобы она удовлетворяла всем необходимым для купанья стандартам прозрачности). Но ни у кого нет и потребности в этом! Вероятно, многие из здешних молодых людей любят природу, но наслаждаться природой — это опять специальное занятие, для этого люди на 6 недель отправляются путешествовать. Но так, по дороге на лекцию, взять и посмотреть на небо или погреться на солнце — это не предусмотрено существующими стандартами и не входит в программу дня! (Между прочим, это не выдумка — ты не найдешь ни одного американского дома (кроме, конечно, разных Veblen'ов, Alexander'ов и тому подобных людей), где ровно половина окна, при этом непременно верхняя, не была бы завешена абсолютно непрозрачными, непременно темно-зелеными, занавесками — во всех USA, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, занавески эти совершенно тождественны. Так что, ни из одной комнаты неба вообще не видно! Так как окна большие и их много, то света, обычно, и при этой системе достаточно (стандарты освещения, таким образом, бывают выполнены), а на небо смотреть — занятие праздное и излишнее. Точно так же ты ни в какую жару не увидишь открытого автомобиля: в автомобиле люди смотрят в окна. Если открыть оба окна, получится достаточно вентиляции, а больше ничего и не требуется.

Но это все наблюдения еще прошлой поездки, теперь только вновь освежившиеся... А теперь, чтобы вспомнить и о хорошей стороне американских стандартов — как обстоят дела с истреблением клопов у нас на Клязьме? Меня, главное, беспокоит, что после того, как они развелись в книгах, их никаким иным способом, кроме самого радикального, вывести нельзя будет. Но это уж, пожалуй, лучше, когда я приеду.

Завтра, самое позднее, послезавтра жду от тебя письма. Завтра же начну писать Anhang для Hilbert'овой книги. Надеюсь написать в неделю, и тогда уж окончательно и безраздельно засесть за свою книгу.

⟨В письмо вложены 3 открытки с видами Принстонского университета с текстами на обратной стороне:⟩

Лучших открыток (имею в виду исполнение) здесь, к сожалению, достать нельзя! Это — только главный фасад Гимназия, основное протяжение здания в перпендикулярном направлении.

Как видишь, мое сегодняшнее письмо сплошь посвящено “всякому тлену”, как сказал бы Глеб — все разные “физкультуры”. Впрочем, вчера я был в очень хорошем камерном (квартетном) концерте, происходившем в здании на второй открытке:

(Продолжение). Был один квартет Моцарта, квартет с-moll Brahms'a и квартет Debussy (единственный).

Из надписи под этой открыткой можешь видеть, что, действительно надо писать:

Princeton University
(или *University of Princeton*),
Princeton, N.J.

а не так, как пишешь ты — *Prinzeton* — срам-то какой мне был! Кстати (это по поводу безграмотности я вспомнил!) напиши Виктору Владимировичу, не прилетит ли он какое-нибудь разрешение на провоз нашего спортивно-экскурсионного снаряжения, а то боюсь затруднений на границе.

-
- *Работа по теории размерности* — речь, скорее всего, идет о статье П.С. Александрова “*Dimensionstheorie. Ein Beitrag zur Geometrie der abgeschlossenen Mengen*” (Math. Ann., 1932, v. 106, p. 161–238).
 - *Виктор Владимирович* — В.В. Немыцкий.
 - *Книга* — см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *Anhang для Hilbert’овой книги* — см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *Глеб* — Глеб Александрович Селиверстов.

10 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву,
без конверта)

В то самое время, как я тебе пишу, в гавань Нью-Йорка входит “Olympic”, весь нагруженный твоими письмами (он вышел из Southampton’a 4 марта, а твое последнее письмо имеет гёттингенский штемпель 24 февраля, так что все письма, написанные тобою от 24 февраля до 2 марта, должны сегодня прибыть и завтра утром быть получены (сейчас вечер). А послезавтра придет “Breiten”, вышедший 6 марта из Бремена, он привезет мне вообще последние твои письма из Германии — после начнутся уже письма из Москвы.

Сегодня была лекция Alexander’a и потом топологический же доклад одного из здешних молодых людей, Flexner’a. В первый раз доказана теорема двойственности Poincaré для топологических многообразий (без всяких предположений триангулируемости) и даже для несколько более широкого класса топологических пространств (методы я себе довольно ясно представлял и раньше — вероятно, и Понтрягин также).

Кроме того, в последнем номере “Transactions” (только что вышедшем) новый мемуар Morse’a, обещающий быть очень интересным, короткий (всего 20 стр.), тем не менее, покрывающий все его предыдущие результаты о критических точках. Выглядит очень хорошо. Краткость объясняется, по-видимому, тем, что он, наконец, научился владеть настоящей топологией (включая законы двойственности Alexander’a), а не теми кустарными методами, которыми работает Birkhoff (совершенно ужасным образом).

Я в глубине души надеюсь, что и исследования Лазаря Ароновича можно будет значительно сократить и переделать, по крайней мере, в их топологической части, так, что они сделаются приложением обычных и ставших классическими топологических методов. Вероятно, удастся и теорию Л.А. изложить в чисто гомологических терминах. Категории и все прочее — очень хорошие понятия, но забирают, вероятно, гораздо глубже и, так сказать, “вкось” относительно тех проблем, для которых вводятся. Раньше и все теоремы о Fixpunkt’ах доказывались, каждая индивидуально, наукообразными

методами, до тех пор, пока появилась формула Lefschetz'a, все сводящая к простейшим гомологическим инвариантам и сразу дающая общее решение проблемы. (Дело идет все время об алгебраической сумме Fixpunkt'ов (неподвижные точки — нем.), а, конечно, не об исследованиях Nielsen'a, например, где все гомотопии — по существу дела.) Мы как-то говорили с Alexander'ом о том, что во всех этих приложениях топологии к вариационным и динамическим задачам дело обстоит, все-таки, очень печально, примерно так, как обстояло в самой элементарной (т.е. гомологической) топологии после первого мемуара Poincaré — нет ни одного общего метода, каждая проблема трактуется по-своему, и, главное, каждый автор гордится тем, что у него — своя топология и придуманы свои собственные топологические инварианты.

Очень приятно, что в последней работе Morse'a вся топология уже вполне “стандартизована” — во времена Диофанта и уравнения первых двух степеней каждое решалось особым методом, и люди гордились тем, что их метод не похож на методы их тогдашних коллег! А эта “гомологическая топология” — от Fixpunktsatz'ев (теоремы о неподвижных точках — нем.) до теории размерности, включительно, все-таки, прекрасное произведение первых трех десятилетий 20-го века, с большой четкостью проводящее границу между элементарной топологией (где, в конце концов, теперь уже каждую проблему можно решить) и неэлементарной, где все плавают еще в темноте и на ощупь решают проблемы (когда они, вообще, решаются). Очень надеюсь, что мы еще доживем до того времени, когда и в этой области установится некоторый порядок и некоторая ясность.

Alexander сейчас много думает и на очень близкие мне темы, и я с удовольствием замечая, что если я три года тому назад многому научился в Princeton'е, то, с другой стороны, и сам оставил здесь некоторый след — три года назад здесь никто ничего не знал о том, что у нас в Москве (надо сказать, уже тогда) делалось, и я имел аудиторию, которой, действительно, все надо было рассказывать с самого начала и доказывать, что это все интересно. Теперь всё всеми воспринимается с полуслова, и я не помню, когда я имел в последний раз столь превосходно подготовленную аудиторию, когда говоришь — и чувствуешь, что все понятия, которые тебе нужны, уже висят в воздухе. И в то же время, Princeton, с одной стороны, непрерывно примыкая к Москве (сегодняшний доклад Flexner'a воспринимался мною, как если бы я находился в московском топологическом кружке, с тою только разницей, что в Москве я один мучаю докладчиков непрерывными вопросами, а здесь непре-

рывно мучили его и я, и Alexander, так что он, бедный, стоял с красными ушами и только и делал, что защищался на две стороны, но, в конце концов, благополучно защитился!), с другой стороны, идет гораздо дальше Москвы, и здесь, действительно, и мне, и Понtringу есть чему поучиться.

Сегодня я начал писать *Anhang* (добавление — нем. — см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.) для Hilbert'a. Как-то сразу составил план, и у меня такое чувство, что этот *Anhang* напишется и очень быстро, и хорошо. Когда кончу его, наконец, примусь за книгу. Времени, все-таки, очень много ушло как-то зря. Правда, общее количество написанных мною страниц за этот год (считая год, естественно, с 1 марта) не так уж мало — все-таки, мемуар о размерности 100 страниц (считаю всё в машинописи) — он весь, включая Клязьму, уместается в этом году; значительно более 150 страниц книги и еще разные мелочи, но, тем не менее, имея в виду, что я почти ничего не читал за этот год — результат, в смысле “продуктивности труда” — печальный.

Между прочим, на это лето мне необходимо обеспечить себе возможность все время работать над книгой (думаю, что поездка в Екатеринослав этому не очень помешает, к лекциям готовиться там мне, вероятно, почти не придется), и на собственно отдых (т.е. ничегонеделанье (лодка и проч.) более двух — двух с половиной — трех недель никак не хочу потратить — иначе я, действительно, из этой книги так и не выберусь. Юлия Антоновна мне предлагает совместное пребывание с нею и Вячеславом Васильевичем где-нибудь у моря или в горах. Не хочу этого, так как масса времени будет уходить на всякую канитель. Я думаю, кроме Клязьмы, Екатеринослава, и, может быть, еще небольшой экскурсии на лодке, нам на это лето ничего затевать не стоит. Но, конечно, если ты мне обеспечишь действительно необходимую мне сплошную возможность заниматься, то я готов и на всякий иной план, по твоему усмотрению. Потребности путешествовать у меня сейчас нет, но работать можно, конечно, и не только на Клязьме, а и в менее переполненных местах (хотя и возникает естественный вопрос: сколько мы времени, собственно, провели на Клязьме?). Но обо всем этом будем говорить при встрече. Коротенькое лодочное путешествие меня, во всяком случае, очень привлекает, и его, наверное, можно будет соединить с Екатеринославом.

Не забывай писать мне подробный отчет о твоём здоровье, питании и физических упражнениях. О последних ты мне из Гёттингена писал недостаточно подробно, и я не имею отчетливого представления о том, как часто ты купался у Klie, как часто в Schwimmhalle (плавательный бассейн — нем.), как часто ты бегал и т.п. А сейчас мне особенно интересно, какую физкультуру тебе удастся организовать на Клязьме и в Москве.

Д. Гильберт

-
- *Flexner* — сын *Abraham Flexner'a*, выдающегося американского деятеля в области образования, первого директора Института перспективных исследований в Принстоне (The Institute for Advanced Study).
 - *"Transactions"* — журнал *"Transactions of the American Mathematical Society"*.
 - *150 страниц книги* — см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *Лазарь Аронович, Л.А.* — Л.А. Люстерник.
 - *Юлия Антоновна* — Ю.А. Рожанская.
 - *Вячеслав Васильевич* — В.В. Степанов.
 - *Klie* — владелец (Bademeister) купального заведения при Гёттингенском университете.
 - *Клязьма* — река, впадающая в Москва-реку, дачный поселок и станция Северной (Ярославской) ж.д. С 1929 по 1934 год П.С. Александров и А.Н. Колмогоров жили там (сначала в дачном доме семьи Александровых, а затем снимали половину дома у Веры Архиповны Пономаревой).
 - *Екатеринослав* — старое название Днепропетровска.

12 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву,
без конверта)

Как я и предполагал, “Oceanic” привез мне целых два письма от тебя — последние два из Гёттингена, из них одно — длинное. Спешу написать сегодня же, так как завтра “Breiten” отходит из Нью-Йорка (прибыл только сегодня), и скоро будет пароход, сравнимый по быстроте. Сегодняшний “Breiten” должен мне привезти последние письма от тебя из Германии, и я уже готовлюсь к тому, что мне целую неделю предстоит сидеть без твоих писем.

Между прочим, сейчас (март—апрель) здесь сезон ананасов, они очень дешевы (пара больших стоит 25 центов) и отнюдь не являются роскошью, как везде в Европе. Растут так же, как grape-fruits, во Флориде. Там же и ферма “Blue Goose”, так что добираться до этого гуся очень далеко, хотя и не столь далеко, как до настоящего гуся. (Повод к этому отступлению тот, что я только что съел большую ананасину.)

Возвращаясь к твоему письму и к тому, что каждый капитан океанского парохода некогда босиком мыл палубу (палуба моется, когда это позволяют температурные условия, босиком), думаю, что нигде всякая “черная” работа не считалась столь непозволительной для людей “чистых профессий”, включая всякую интеллигенцию, как в дореволюционной России. Вообрази себе, какой бы это был ужас, если бы кто-нибудь из наших профессоров где-нибудь и когда-нибудь вымыл бы посуду, а Veblen почему-то моет, когда угощает своих гостей чаем у себя в кабинете в Университете. Правда, проведенная горячая вода, удобные полки с дырочками все очень облегчают — посуда ставится под сильную струю горячей воды и потом прямо на полку, вода стекает, и очень скоро все сохнет, никаких полотенец!

Но то же самое — и в гораздо более серьезных вещах!

Вообще же единственное, что на меня в Америке производит большое положительное впечатление — это необыкновенная способность к организации всего, начиная с мелочей, и понимание того что в современной жизни наилучший способ не быть рабом этих мелочей заключается в организованном и систематическом их преодолении — в том, чтобы посуду вымыть самому после ее употребления, а не констатировать через неделю, что она вся протухла и ее,

действительно, противно мыть. И это тоже, конечно, не только в мелочах, а и в действительно важных вещах.

Во всем же остальном большого увлечения Америкой у меня нет. В частности, действительно, не представляю себе, как здесь люди болеют при полном отсутствии всякой общественной и государственной медицинской помощи. Мы уже и в Германии видели, что сколь-нибудь квалифицированная медицинская помощь предполагает достаточно большие затраты.

Кстати, ты мне ничего не пишешь о своем здоровье. В частности, ты, очевидно, несмотря на мою телеграмму, так и не показывал своего горла Вагнеру, и это чистое безобразие, так как Вагнер видел его раньше и может судить поэтому, что там есть сейчас в сравнении с тем, что было раньше. Вещь, которую теперь уже нельзя поправить. Раз я специально об этом телеграфировал, значит, надо было пойти. В Москве же непременно надо показаться ларингологу Иванову.

Во всей Европе (так пишут в газетах) сейчас холод страшный, все поезда (даже в Англии и во Франции) опаздывают на много часов из-за снежных заносов. Вероятно, в Москве тем более холодно, и ты сразу попал в совсем другие климатические условия. Пиши мне, пожалуйста, подробно обо всем, имеющем отношение к твоему здоровью и физическому благополучию (выделяю этот род благополучия, так как прошу здесь именно педантической подробности, тогда как во всем остальном мне стеснять твою эпистолярную свободу, естественно, не приходится в голову).

Теперь о вещах, более философических и отвлеченных — о “гне-те приложений” в математике. Я тоже хочу писать об этом совершенно отвлеченно, не касаясь вопроса, как в разных странах “организуется” прикладная математика — как известно, это происходит в разных странах по-разному, в частности, в Европе иначе, чем в Америке. Но не это меня сейчас интересует, а твое утверждение, что “логически невозможно” (подчеркнуто тобою), “чтобы достаточно общие и глубокие закономерности математические не находили отражения и в эмпирических науках и в нашей внешней деятельности”. Что касается “внешней деятельности”, то это несколько туманное понятие. Я неоднократно цитировал тебе изречение Brouwer’a: “Всякая мысль содержит в себе зародыш действия” (“Jeder Gedanke enthält den Keim einer

Tat"). Неоднократно потому, что в свое время это изречение произвело на меня большое впечатление — я никогда не думал об этом раньше и впервые узнал от Brouwer'a об этом. В этом смысле я с тобою согласен: я, действительно, уверен в том, что все глубокие человеческие идеи как-то связаны с человеческой и мировой деятельностью, с действительностью. Однако при этом вполне возможно (хотя и несущественно для того вопроса, который меня сейчас занимает), что эта действительность распадается на несколько слоев (у Платона их два, так же и у христианских мыслителей (дух и тело и тому подобные категории), у индусов бывает и более двух, вероятно, в отражение господствующих у них более сложных социальных взаимоотношений!) и что математика принадлежит к одному из этих слоев. Но оставим это в стороне и примем единство действительности, с одной стороны, и то, что математика занимается этой же единой действительностью и взаимодействует с нею. От этого до приложений — как это слово всегда и всеми понимается — еще очень далеко: трансфинитные числа, как ты сам часто говоришь, глубоко связаны с действительностью (в частности, — твоя мысль — с человеческим творчеством вообще). Между тем, я не верю сколь-нибудь серьезно в существование приложений трансфинитных чисел — не только вне математики, но даже внутри нее (не считая, например, абстрактной топологии). Теорема А.Н. Тихонова о бикомпактных пространствах — прекрасная теорема и настоящая математика — едва ли найдет когда-нибудь конкретное приложение, точно так же, как и теория А-множеств, операции Канторовича и т.д. Но это я еще не очень всерьез: существуют примеры, бесконечно более классические, первоклассной математики, от которой едва ли дождется кто-нибудь приложений. Таковы — теория Галуа, большая часть теории чисел, большая часть теории множеств, да и многое другое, конечно. Говорю все время о конкретных приложениях, о том, что под приложениями до сих пор все довольно единогласно понимали. Что же касается теоретической возможности приложений, то ты и сам говоришь, что она не поддается практической проверке и не может поэтому служить критерием для того, чтобы хорошую математику отличать от плохой.

Итак, я думаю, что мы никогда не будем иметь объективного критерия, позволяющего отличать хорошую математику от плохой — хотя я в то же время вполне уверен, что существует и хорошая, и плохая математика: вопрос этот, в конечном счете, будет решаться все же непосредственной очевидностью для каж-

дого отдельного математика, причем, правда, достаточно часто эта очевидность будет охватывать достаточно большое число математиков. “Непризнанные” теории, конечно, будут всегда существовать, однако, я думаю — и это есть источник некоторого оптимизма во мне — что всякая “непризнанная теория” только сравнительно короткое время может оставаться непризнанной, если она, действительно, значительная и хорошая математическая. Другими словами, значительность всякого значительного математического открытия, если не сразу, то через немного десятилетий делается действительно очевидной всем или, во всяком случае, достаточному большинству математиков. И никакого другого критерия, мне кажется, все-таки, нет. Невольно я опять вспоминаю Brouwer’a: “Значительны те математические результаты, от которых сразу делается больше воздуху, и горизонт вдруг становится шире”. И я думаю, даже не столь велика опасность предоставить эту оценку самому автору, если он искренен и не совсем дурак: каждый у нас знает, что он совсем небольшое число значительных результатов получил в своей жизни, и он отлично знает, какие именно это результаты (а если он думает, что их много, то он или гений — но тогда это, все-таки, практически бывает известно и еще кому-нибудь, кроме него — или дурак, и тогда он ни одного такого результата, вообще, в своей жизни не получил и не получит). Это те, повторяю, совсем немногие результаты, от которых он ощутил подлинную, большую и чистую радость соприкосновения с истиной, радость, называемую творчеством и качественно тождественную с радостью, которую человеку дает любовь: в обоих случаях человек чувствует, что делает то, ради чего он и существует на земле. Эту же самую радость человек может испытывать при самых разных обстоятельствах — всякий человек, когда он имеет ясное, уверенное, и, в то же время, скромное сознание (эти три свойства обыкновенно совмещаются), что он делает то, что ему надлежит делать. Может быть, при математическом, как и всяком ином творчестве, эта радость приобретает несколько экстатический или, во всяком случае, несколько патетический характер — обстоятельство второстепенное, объясняющееся тем, что человеческое творчество (просто физиологически) наиболее близко именно патетической форме любви человека, а не какой-либо иной форме ее — это вопрос аспекта, темперамента, а не существа дела (точно так же, как различные формы любви не затрагивают ее метафизического существа, в конце концов, всегда тождественного, если только это есть настоящая любовь).

Между прочим, почему ты так не любишь слова “патетический”, “пафос”? Можно не любить эти слова, но выражаемая ими сущность всегда останется неотъемлемой частью всякой радости и всякого страдания, так как эта сущность заключается в известном процессе сгорания (в этом смысле “страдание”, *пафос*), сопровождающего и осуществляющего собою всякую человеческую деятельность и самую жизнь, вообще. А иметь перед собою этот образ горения человеку только полезно. Кроме того, в “органические” периоды человеческой культуры это слово, мне кажется, любили. По крайней мере, “Патетическая” соната Бетховена — одно из прекраснейших и озареннейших его созданий с удивительным внутренним спокойствием и бесконечной красотой (соната № 8, c-moll, одна из ранних. Отнюдь не смешивать с “*appassionata*” — в последней уже вполне Шумановское “волнение страстей”). Так вот, видишь ли, я и в науке эти критерии внутренней несомненности считаю единственно (как, конечно, и в искусстве*) определяющими. А если так, то всякий иной критерий, мыслимый как необходимый, будет восприниматься, как инородное тело. Это я и имел в виду под “гнетом приложений” в математике...

Между 4-й и 5-й страницами я был в гостях, к обеду, у некоего Church’a — приват-доцент здесь, его работы по аксиоматике математики ты видел. Кроме меня, были три здешних молодых математика. Это происходило от 7 до четверти 10-го (в Америке так же, как в Англии, обеды, по крайней мере, званые, происходят при свечах, без электричества). Сейчас уже 10 часов, я иду на почту опускать это письмо, а потом спать.

Спокойной ночи!

*) Искусство тоже связано с действительностью, однако понятие “приложений” там еще пока не существует. Правда, тут есть количественная разница: сонаты Скрябина воспринимают 1000 человек в мире, а топологические теоремы — 20!

16 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня вместо твоих писем пришла целая пачка “Vossische Zeitung” — печатное утешение. А писем еще не скоро дождусь... У меня есть слабая (но совсем слабая) надежда, что “Aquitania”, приходящая завтра, привезет мне от тебя письма: она вышла из Southampton’a 11 марта, значит, если бы ты мне написал 6-го, то письмо бы могло успеть на нее попасть, но едва ли успеет. Да и почта очень глупа в этом отношении: твое берлинское письмо пришло с “Albert’ом Ballin’ом”, отходившим 5-го, вместо того, чтобы идти с “Bremen’ом”, отходившим 6-го, но идущим на два с половиной дня скорее, чем “Albert Ballin”. Очевидно, почта даже в Германии не додумалась до того, чтобы составить себе (подобно всем Нью-Йоркским газетам!) сводное расписание дней отхода и прибытия всех трансатлантических пароходов.

Деловая часть моей телеграммы к тебе содержала вполне важную просьбу: дело в том, что Н.А. Глаголев два раза писал мне с просьбой сообщить, куда ему посылать свои рефераты — мне или непосредственно в “Zentralblatt für Mathematik”. Первое его письмо пропало, и мне необходимо было, по получении второго, ответить ему немедленно. Но адреса своего он приложить не догадался (ужасная русская манера, ни в одном другом государстве не принятая, деловые письма без адреса отправлять!). Вот я и телеграфировал тебе об этом. А что касается неделевой части телеграммы, то она мое душевное состояние передавала настолько точно, что когда я на следующий день писал тебе письмо, то, как будто, буквально написал то же, что в телеграмме, хотя и мел в своем распоряжении неограниченное число слов. Кроме того, я не был уверен, получишь ли ты хоть одно из моих писем перед отъездом, так как многие письма шли по 12—13 дней, да плюс еще на пересылку из Гёттингена. Вообще же, пользоваться телеграфом очень приятно — сознание, что, несмотря на все тысячи километров, разделяющие нас, ты уже завтра утром прочтешь, что я сегодня вечером хочу тебе сказать, доставляет удовольствие, значительно превосходящее все остальные, которые я могу себе доставить за 1 доллар 75 центов!

Из Берлинского твоего письма заключаю, что ты моего письма, адресованного в Берлин (Berlin, postlagernd (до востребования — нем.)), не

получил. Жаль — в нем, правда, ничего не было особенно интересного, но зато указывалось все, что тебе нужно купить. Всего, значит, ты недополучил три моих письма, адресованных в Гёттинген и Берлин. Не помню, куда (в Гёттинген или уже в Москву) я тебе послал описание американской борьбы, являющейся сейчас, наряду с баскетболом, самым распространенным здесь видом спорта, по крайней мере, среди студентов. Состязания с множеством борющихся пар происходят 1–2 раза в неделю. Писал тебе, что в американской борьбе, в соответствии с моими вкусами, ноги играют почти столь же активную роль, как и руки. Не только за ноги можно хватать, но и самими ногами можно хватать противника и стараться его повернуть. В соответствии с большим участием ног, можно и таскать противника за ноги по всему ковру, с какой-либо целью устроены кожаные нашивки, предохраняющие наиболее нежные части тела на плотно облегающих ногу длинных штанах вроде трико. Зато нет моста, и шея с головой гораздо реже участвуют в борьбе (хватать за голову, по-видимому, запрещается). В общем, борьба эта выглядит очень хорошо, разнообразно, живо и без всякого “членовредительства”.

Не понимаю, почему ты себе не купил часов, благо деньги оставались (если бы и не оставалось, мог бы сообразить занять у Норфа). Я не знаю, разрешат ли мне, кроме своих часов, провезти еще часы для тебя, а тебе часы действительно нужны.

Потом напиши мне, как обстоит дело с бумагой и писчей. Привез ли ты необходимое для тебя количество? Если нет, то узнай, пожалуйста, можно ли тебе бумагу отсюда послать. Дело в том, что нам обоим нужно будет на ближайшие месяцы громадное количество бумаги — ведь мне одному придется на писание книги истратить очень много. И тебе тоже предстоит писание книги. Непременно узнай, сколько и на каких условиях (в смысле пошлин) можно посылать бумаги. Аналогичный вопрос я тебе уже ставил относительно продовольствия (сахар, консервы, мыло). Очень жду на него ответа. Вообще, пожалуйста, отвечай аккуратно на все мои деловые вопросы — по отношению к моим письмам в Гёттинген ты это не всегда выполнял.

Когда дойдет до тебя это письмо, наверное, уже и в Москве начнется весна, и я с удвоенным интересом буду ждать отчетов о твоих физических упражнениях.

Вчера я был у Veblen'a и слушал у него по радио великолепный симфонический концерт — Нью-Йоркский симфонический оркестр под управлением Toscanini. Получил громадное удовольствие, тем более, что радио у Veblen'a столь совершенное, что дает, действительно, полную иллюзию концерта — все привходящие звучания доведены до минимума, который мною, по крайней мере, уже и не воспринимается. Veblen только недавно поставил себе новый аппарат, вернее, не сам он, а с помощью Alexander'a (большого специалиста не только в топологии, но и в электро- и радиотехнике), и такое качество передачи я только и слышал, что у Veblen'a и Alexander'a. Обычный же уровень радиоприемников в Америке нисколько не лучше, чем у нас. По поводу нового приемника Veblen'a Alexander сказал, что теперь дальнейшее усовершенствование радиослушания у Veblen'a может заключаться, в первую очередь, лишь в постройке нового дома со специально приспособленными акустическими условиями. Но боюсь, что для этого придется выписывать из Москвы самого профессора Лифшица (специалиста по акустике зданий). Veblen очень приглашал меня приходить к нему каждое воскресенье в три часа дня слушать еженедельные Нью-Йоркские филармонические концерты. Вероятно, воспользуюсь его приглашением, тем более что воскресные гости приходят только к 5 часам, так что никого, кроме меня, не будет.

Последние дни я себя физически чувствую прескверно. Это длинная история. В 1919 году у меня был дифтерит в форме, казавшейся довольно тяжелой. И мне было вприснуто много сыворотки. Уж не знаю, было ли вприснуто чересчур много или сыворотка была плохая, но после окончания болезни появилось неприятное осложнение в виде крапивной лихорадки — тело покрывалось красными волдырями, которые ужасно чесались и горели. И по истечении нескольких часов всё сливалось в один громадный сплошной отек лица, ног и т.п., еще большие горевший и чесавшийся. Это происходило регулярно каждый вечер, продолжалось всю ночь, и так, в течение полутора-двух недель в течение 3—4 лет эта история повторялась аккуратно два раза в год, осенью и весной. И я, таким образом, 3—4 недели в году пребывал в совершенно невменяемом состоянии. Потом, не то в 1922-м, не то в 1923-м году это совершенно прекратилось. Казалось бы бесследно, и вдруг два дня тому назад опять появилось и притом, мучительнее, чем когда-либо. Я две ночи совершенно не мог спать, несмотря на то, что вчера даже принимал бром на ночь, чего никогда в жизни еще не делал. Эти отеки путешествуют по всему телу — в настоящую минуту на обеих ногах и на плечах. Но хуже всего бывает, когда на лице распухают губы и даже пространство под языком до невоз-

возможности закрыть нормальным образом рот и бывает трудно дышать. Я в свое время показывался врачам в Москве — никто ничего не мог поделать. Так как эта история очень ухудшается при всяких нарушениях пищеварения, то я решил перейти на чисто фруктово-молочную диету, но ожидаемого улучшения что-то не видно. К тому времени, когда это письмо дойдет до тебя, надеюсь, эта напасть прекратится, но предстоящие две недели обещают мало приятного — это хуже всякой морской болезни.

Как тебе понравился “Летучий Голландец” под управлением Kleiber’a, вероятно, очень хорошим? Думаю, этот вопрос и теперь (ты его прочтешь через месяц после того, как слушал!) все же сохраняет интерес. Если нет, то готов и ответ! Как раз, вчера я слышал (все в том же концерте Тосканини у Веблена) увертюру из “Летучего Голландца”, и мне она чрезвычайно понравилась. Хоть Вагнера я, вообще, не люблю, но хороших вещей у него, все-таки, много.

“Головы гигантов” из Берлинского музея, которые ты мне прислал, произвели на меня громадное впечатление. Непременно пойду в Берлине на них смотреть. И именно, как ты пишешь — искусство, ничем от тебя не отделенное, как будто никаких 200 лет и не прошло с тех пор.

Посылаю тебе снимок здешнего президента (президента Принстонского ун-та г-на Hibben’a) с “самим” Lindberg’ом, почтительно несколько отступившим назад, чтобы ты проникался сознанием важности Принстонского университета. Снимок из иллюстрированных приложений к “New York Times”, которые состоят из 15 отдельных “секций”, каждая длиною от 15 до 28 страниц обычного большого газетного формата. Стоит это чудовище 10 центов и весит столько же, сколько какой-нибудь толстый том Макаровского словаря. Вот тебе и газета! А обычный, будничный, номер (45—50 страниц) стоит здесь 3, а в Нью-Йорке 2 цента.

В номере “Vossische Zeitung” от 5 марта есть о повторении опыта Michelson’a с совершенно поразительной, никогда не бывавшей точностью (довольно подробно описано). Результат тот же, что был и у самого Michelson’a, конечно, но пределы, в которых заключена возможная ошибка, совершенно ничтожны!

Сейчас пойду на почту опускать письмо. Это будет, в то же время, и вечерней прогулкой для меня. Сейчас ветер и не то дождь,

не то снег. Мне кажется, если бы я под ним пробежался голым, то сразу бы стало лучше и все отеки бы прошли. Завтра испытаю и это средство.

Вере Яковлевне передай от меня привет, а сам пиши мне поскорее. Когда бывает два письма сразу, бывает особенно большое мне удовольствие. Я долго исследую, которое толще и раньше написано и только потом распечатываю.

Вообще, жду подробных писем.

Вчера получил письмо от Понтрягина, очень хорошее. Скажи ему, что я в ближайшие же дни напишу ему (а также и Ефремовичу).

-
- *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Писание книг* — П.С. Александров был занят книгой по топологии, совместной с Х. Хопфом (см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.), а А.Н. Колмогоров планировал писать книгу по теории функций для так называемой “Желтой серии” (“Gelbe Sammlung”).
 - *Опыты Michelson’a* — в 1878–82 и в 1924–26 гг. американский физик Майкельсон (*Michelson Albert*, 1852–1931) провел две серии опытов по измерению скорости света, долгое время остававшихся непревзойденными по точности (опыты послужили экспериментальным обоснованием специальной теории относительности).

18 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

С “Aquitani’ей” письма от тебя не было (да это и было бы почти невозможно и рассматривалось бы мной как особенно благоприятный случай), зато это мое письмо идет именно с этим пароходом.

Моя крапивница все продолжается и отравляет мне существование — отвратительное состояние, которое никак невозможно преодолеть, т.е. не замечать, но ничего серьезного из себя не представляющее. Вчера даже был у врача — думал, что, может быть, существует все-таки какое-нибудь средство, облегчающее это состояние. Оказывается, нет. В остальном, он подтвердил вполне мое собственное лечение — совершенно запретил мясо, рыбу, яйца (в течение острого периода), так что питаюсь я сейчас молоком, фруктами и, кроме того, утром пью чай с хлебом с маслом. За “обедом” ем сырую морковку, салат и мороженое.

День, до захода солнца, чувствую себя хорошо. Сегодня два с половиной часа гулял, купался в очаровательной речке, которую посоветовала мне Mrs. Veblen. Речка шириною с нашу Клязьму, но значительно глубже, так что плавать в ней очень хорошо. Но идти до нее довольно далеко — 45 минут. Но таким образом автоматически получается и прогулка, достаточно большая и приятная.

Mrs. Veblen с такою подробностью и знанием дела описывала мне речку, в которой я сегодня плавал, — что она и глубокая, и чистая, и дно у нее каменистое, а не тинистое — что я сильно подозреваю, что она в ней сама плавала, хоть это столь почтенной даме, да еще в Америке, конечно, совсем не полагается!

Между прочим, Mrs. Veblen действительно очаровательна — соединение настоящей (не “литературной”, вроде Frau Weyl) простоты и непосредственности с большим и тонким изяществом всей личности. И полная противоположность тому, как полагается себя представлять англичанке (да еще приближающейся к 50 годам), а также тому, какими бывают американские профессорские жены! Что касается последних, то Надежда Михайловна — прожили она хоть 20 лет в Париже — уровня никакой французской женщины (даже и профессорской жены!) достигнуть не могла бы (разве только владелицы гостиницы). Но уровня американских профессорских жен достигла бы за 1–2 года (время, необходимое, чтобы научиться лучше пудриться и краситься, чем это делает в применении к своим устарелым красотам Н.М.).

Сегодня был прекрасный солнечный день, солнце так и пекло, я чувствовал себя превосходно у реки, много бегал, делал гимнастику,

любовался небом. Ведь на юге европейском этого нет, чтобы при таком ярком солнце лежали прошлогодние сухие листья, была весенняя, холодная в тени, земля и чтобы плавали настоящие гуси, только не беленькие, а серенькие. И шейки у них, когда они плавают, смотрят прямо вверх, совсем не как у этих дурацких лебедей. Когда купался, бегал и грелся на солнышке, то испытывал настоящее блаженство и радовался на Божий свет. Потом побежал в Университет — сегодня у меня лекционный день — по дороге выпил вкусного, холодного молока со вкусным ржаным хлебом (последнее в Америке — редкость!). А вот как стемнело, начались опять эти мучения, сейчас ноги так горят и чешутся, просто нет никаких сил! Врач сказал, что это часто бывает именно в качестве осложнения сывороточного лечения и время от времени, вероятно, будет повторяться весь мой век; что соответствующей диетой можно сделать эти повторения достаточно редкими — пять лет у меня, действительно, ничего не было. Главное, дезорганизован весь день, так как я полночи не сплю, а посреди дня гуляю (что, действительно, очень улучшает мое самочувствие), вечером же совершенно не могу заниматься.

Последние две ночи, от 12 до 4 часов, я читал очень интересную книгу одного американского профессора, бывшего у нас в России два года (1927—1929, включительно, уехал в начале 1930-го). Он прекрасно владеет русским языком (хотя и не происходит из Минской губернии, скорее даже, наоборот). Книга состоит из описания встреч с отдельными людьми из самых разнообразных слоев общества. Начинается с прислуги в семипримусной московской квартире, далее студентка-комсомолка, профессор, достаточно контрреволюционный, инженер, красноармеец, рабочий, сельский священник, много провинциальных встреч — всего около двадцати — каждой такой встрече посвящена отдельная глава. Книга написана очень живо и с большим литературным талантом, автор все время заставляет говорить своих героев и трудную задачу — самому уйти на задний план — разрешил удачно: каких он сам держится убеждений, из книги трудно извлечь. А действующие лица имеют, естественно, убеждения самые различные. Впрочем, что автор относится к СССР с большим интересом и, во многом, с большим сочувствием, все-таки видно. Как видно из рецензий, которые мне приходилось читать, автор — еще молодой человек, окончивший Принстон в 1923 году. Но вообще, мне сейчас недостает только Шехерезады, а то при моих ночных бдениях получилась бы совсем 1001 ночь. Надеюсь, все-таки, что таких ночей с чтением от 12 до 4 утра, будет не 1001, а несколько меньше!

Вчера осматривал вместе с Veblen'ом и Alexander'ом здание Института, уже значительно продвигающееся. Первые два этажа будут готовы (т.е. уже отделаны) в середине апреля. Между прочим, все элементарные лекции будут происходить в другом здании, а здесь, в новом здании, будут читаться только Cours de recherche*, вести семинары и будет происходить индивидуальная работа, как старых, так и молодых математиков. Так что, будет, действительно, в точном смысле этого слова, научно-исследовательский институт, как его хотел у нас строить С.С. Ковнер. Только "Hall'a", тем не менее, не будет! У Veblen'a в его комнате в Институте основной предмет обстановки будет стол длиной в 10, а шириною, кажется, в 5 футов (!)

*) Слово "recherche" по-французски только сейчас правильно написал — сначала было написано "researche", что (с точностью до последнего "е") было английским начертанием этого же слова, произносимого как "ризёрч". Долго соображал, как же, в самом деле, пишется это слово по-французски! Так что, видишь, мои успехи в английском языке носят пока более "отрицательный" характер, и я начинаю понимать Ник. Ник., о котором говорилось, что он все языки знает настолько, чтобы при помощи каждого из них портить все остальные (и при помощи всех сразу иностранных языков портить русский!).

Как-то сейчас у нас на Клязьме! Вернее, как будет, когда ты будешь читать это письмо? Наверное, снег уже весь сойдет, и солнце будет греть влажную, пахучую землю. Очень люблю этот запах влажной земли, согретой солнцем, и сегодня опять наслаждался им. А вечером вчера прекрасные были звезды, и сегодня такие будут, когда понесу это письмо опускать...

Просьба к тебе: к моим последним двум (а также, увы, вероятно, к ближайшим следующим) письмам относиться снисходительно, так как они пишутся в состоянии резкого упадка всех моих умственных способностей, а также и волевых — последние уходят целиком на то, чтобы всего себя не расцарапать в кровь, а первые — на то, чтобы себе все время разяснять, что если я весь и исцарапаюсь, то этого удовольствия хватит только на несколько минут!

-
- Здание Института — речь, скорее всего, идет о строительстве в Принстоне здания для научного центра, известного ныне как Институт перспективных исследований (The Institute for Advanced Study).
 - Ник. Ник. — Николай Николаевич Лузин.

22 марта 1931 г.

В день весеннего равноденствия
и рождения Frl. Noether

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сколько раз было писано, что адрес мой есть: 30, Murray place, Princeton, New Jersey! А ты из-за одного только упрямства сокращаешь New Jersey в NJ и при этом пишешь так нечетко, что похоже и на NJ и на NY. Результат: "Vossische Zeitung" приходит ко мне с адресом: "Princeton, NY" (т.е. Princeton, New York), и ровно половина номеров теряется* — разных Принстонов в Соединенных Штатах десятков, и от почтовых чиновников нельзя требовать, чтобы они догадывались, что именно в Принстон, знаменитый своим университетом, надо направлять корреспонденцию. Во всех французских почтовых конторах висит объявление с просьбой указывать подробные адреса, без всяких сокращений. Сокращения, да еще при твоём почерке, могут давать повод к недоразумениям (и фактически ведут к ним), не предоставляя ни для кого никакого дополнительного удобства! Кроме того, как известно, латинский алфавит, хоть и един, но фактически скоропись его в разных странах выглядит по-разному (немцы твою "J" принимают за "Y", а французы приняли бы за "S"!). Всему этому можно было научиться у Николая Николаевича, впервые привезшего европейские манеры в писании адресов в Москву, и, действительно, безукоризненные во всех отношениях!

*) Я получил номера от 1, 2, 3 марта, посланные вместе, и от 5 и 10 марта. Посылаются очень точно, с указанием парохода, так что вероятность, что придут позже, близка к нулю. Я написал в "Vossische Zeitung" письмо с указанием моего настоящего адреса. Когда приеду в Москву, будут за это тебе особые наказания — избрету какой-нибудь специальный способ, а ты при этом будешь признавать, что никуда не годишься!

В Нью-Йоркских газетах я научился читать и специально Нью-Йоркские новости. Среди них одна, действительно, достаточно любопытная: на литературном обеде, данном третьего дня в честь Бориса Пильняка, приехавшего в Нью-Йорк, Драйзер дал подряд две пощечины Синклеру Льюису (Sinclair Lewis), недавно получившему, как ты знаешь, Нобелевскую премию. Дело началось с того, что Синклеру Льюису было предложено сказать приветственную речь Пильняку. Он согласился, но начал ее с того, что "удивляется, что его просят говорить от имени собрания, в котором находится человек,

украивший у его, Льюиса, жены столько-то страниц текста ее впечатлений” (о советской России). Дальнейшее развивалось довольно автоматически.

Интересно, что Пильняк, оказывается, ни слова не понимающий по-английски, выслушал “приветственную” речь Льюиса, вызвавшую, естественно, всеобщее замешательство, любезно улыбаясь и кланяясь, не подозревая, что вокруг него происходит полный скандал!

К этой хронике приложены портреты: Драйзера (ему скоро исполняется 60 лет, но, тем не менее, он известен не только своею литературной деятельностью, но и своею физической силой, так что, пощечины были, вероятно, довольно ощутительные), С. Льюиса и его супруги. Последняя похожа на кельнершу из ночного кафе, вдруг, после продолжительной службы в оном, попавшую в “барыни”, и, по ее физиономии судя, нельзя представить себе, чтобы Драйзер крал у нее какие бы то ни было ее воспоминания!

Все эти дни писал *Anhang* (см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.) для книги *Hilbert*'а и, наконец, только что, его кончил. 36 страниц на пишущей машине — значит, будет страниц 30 печатных, как будто бы ничего (это относится не к страницам, а к самому *Anhang*'у). Завтра отошло его, и тогда можно будет, наконец, безраздельно при-
няться за писание книги (см. Примечание к тому же письму)! Давно пора!

Stony Brook.

Я, положительно, влюбляюсь в нее, даже с некоторым волнением смотрю на нее каждый день, и она совершенно серьезно играет большую роль в моей жизни. Вокруг нее всегда какая-то полная тишина и даже таинственность, и сама она — прямо какая-то воплощенная Ундина — тихая, прозрачная и трогательная, особенно, когда смотришь на нее, освещенную яркими солнечными лучами, скользящими среди больших, старых, но обнаженных еще деревьев. И имя у нее удивительное — *Stony Brook*, что означает “Каменистая речка”. Такие имена бывают (вернее, бывали) у дочерей и невест индейских царьков. Каждый раз, когда я на нее смотрю, я говорю про себя: “Ты называешься *Stony Brook*”, и произносить ее имя доставляет мне удовольствие. Имя вполне ей соответствует — вода в ней чистая, зеленая и холодная, а дно каменистое. К месту, где я купаюсь, надо долго идти по зарослям, и вдруг, поднявшись на небольшую грядку, сразу перед собой видишь речку, с нависающими над нею большими, много на своем веку выдавшими, точно Тургеневскими, деревьями. Длинный участок она течет параллельно каналу, в конце этого участка я и купаюсь. Между нею и каналом, через заросли, идет тропинка — вероятно, по ней ходят только зачарованные принцы любоваться на

Stony Brook в лунные ночи, так как я там еще ни разу не видал ни одного человека. (Впрочем, я около тропинки нашел две консервные банки, так что зачарованные принцы иногда кушают консервированные бобы. Также несколько следов от костра — очевидно, иногда устраиваются пикники.) Как бы то ни было, я на этой тропинке ни одного человека до сих пор не видал и пользуюсь ею для того, чтобы по ней бегать до и после купанья. На другом берегу *Stony Brook* лесное болото и далее (далеко) фермы, а на другом берегу канала — бесконечные фруктовые сады, производящие совершенно запущенное впечатление. Без конца водяных птиц, поэтому все в целом производит, действительно, таинственное впечатление — разве не таинственна иллюзия настоящей природы в полчасе ходьбы от *Princeton*'а? До ближайшей автомобильной дороги тоже полчаса ходьбы моими зарослями (без них было бы двадцать минут). И заросли очень хороши! Воображаю, какое это будет раздолье, когда начнется настоящая весна и все зазеленеет здешней, кажущейся совершенно непроницаемой, густой, колючей, вьющейся зеленью! Нет, это положительно гораздо лучше всякого *Klie* и может конкурировать с лучшими местами на нашей Уче (хотя без простора и лужаек — впрочем, чтобы бегать и делать гимнастику места достаточно).

Несколько дней тому назад я сделал большую, четырехчасовую прогулку и исследовал течение своей *Stony Brook* на протяжении более 15 километров. Это было часто сопряжено с трудностями и даже опасностями, так как приходилось не только пролезать через заросли без всяких тропинок, но, что гораздо хуже, через частные владения, обнесенные проволоками, на которых, вместо колючек, через каждые 10 шагов было прибито печатное объявление, гласящее, что всякий посторонний, входящий сюда, нарушает законы США, со всеми вытекающими из этого последствиями! Но последствий, слава Богу, не было никаких.

Вообще же, главное в *Princeton*'е — это солнце. Я сегодня проснулся от восхода солнца — вижу в окно землю, деревья, дома, залитые ярко-розовым светом, также облачка, близкие к горизонту — и потом, сразу, без всякого перехода, синее небо. Было действительно прекрасное зрелище, продолжавшееся, естественно, всего несколько минут.

Я в последние дни много гуляю и этим излечиваюсь от своей крапивницы (она уже проходит, только несколько минут после пробуждения от сна еще бывает). Сегодня, впрочем, много сижу, так как хотел кончить этот *Anhang* для *Hilbert*'а.

Сейчас пойду опускать письмо и смотреть на звезды.

25 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня получил три твоих письма, от 8, 11 и 13 марта, с пароходом "Majestic" (White-Star-Line), с которым отправляется и это письмо. Между прочим, о пароходах White-Star-Line, как отправляющихся, так и приходящих, всегда в перечне стран, откуда и куда они везут почту, указывается СССР, что, в применении к отходящим пароходам означает, что не обязательно специально указывать на конверте, чтобы письмо шло таким-то пароходом. Если письмо адресовано в СССР или из СССР, то оно автоматически попадает на каждый подходящий пароход этой компании. То, что я слежу за всеми пароходами, сохраняет мне много энергии — иначе я пять дней бы все ждал твоих писем, а тут знал, что раньше сегодняшнего дня и не может их быть (не было подходящих пароходов, кроме разве одной "Aquitani" и, на которую еще могло попасть твое письмо), а сегодняшнего дня я уже ждал с приятным и уверенным волнением.

Ну, а теперь буду отвечать на самые твои письма. Но, впрочем, еще одно "предварительное замечание": пожалуйста, продолжай мне писать так же часто! Получить сразу три твоих письма — это радость необыкновенная, как будто, даже большая, чем если их получать порознь, так как сразу целый большой кусок твоей жизни проходит перед моими глазами — получается нечто, гораздо более полное, чем можно, собственно, ждать от письма.

Я все время беспокоился, что у тебя не хватит денег, но надеялся, что ты сообразишь взять в этом случае у Норфа. А теперь оказывается, ты себе не купил часов, потому что оплачивал какие-то мои счета. Во всяком случае, я не имел в виду, чтобы ты их оплачивал за счет действительно необходимых тебе покупок. Но теперь дело уже не в этом, а в том, смогу ли я привезти тебе часы, имея уже одни часы на себе.

Вообще, нужно тебе будет сходить на главную Московскую таможню (Каланчевская площадь) и узнать толком размер пошлины на следующие предметы:

1. вторые часы (черные или никелевые, а не серебряные и не золотые);
2. дополнительное белье (у меня, как ты знаешь, более 9 руба-

шек, и я их оставлять в Гёттингене не собираюсь);

3. писчая бумага;

4. мыло;

5. бритвенные ножички

— все, конечно, в количествах, рассчитанных только на личное потребление.

Относительно мыла и бумаги, а также сахара и консервов, узнай, на каких условиях их можно было бы послать отсюда (это стоило бы буквально гроши — фунт сахара здесь 4 цента — меньше почтовой марки!)

Кроме того, узнай подробнее, как обстоят дела со спортивными вещами — я, все-таки, опасаюсь, что громоздкий спортивный инвентарь (палатка и т.п.) не может быть провозим без всяких разрешений. С обувью, я надеюсь, все обойдется благополучно: собираюсь взять две пары башмаков и сильно поношенные туфли желтые. (Они очень хороши и с поставленными здесь новыми подметками в сантиметр толщиной будут носиться еще, по крайней мере, три года.)

Еще я очень хотел бы привезти моей сестре чулок (не шелковых, а самых обыкновенных) — узнай, пожалуйста, и о таких вещах. Вообще, вероятно, существуют какие-нибудь отпечатанные тарифы и правила о размерах пошлин и о том, какие предметы, вообще, можно, а какие нельзя ввозить.

Как обстоит дело с чайником, который просила привезти Вера Яковлевна?

Далее, может быть, удобную рабочую лампу привезти?

Относительно всего этого мне хочется иметь подробные твои пожелания, а также сведения об осуществимости как твоих, так и моих пожеланий такого рода.

Я, вероятно, сейчас же по приезде в Германию поеду в Мюнхен, чтобы увидаться там с Норфом для наших научных разговоров. Там же куплю весь спортивно-экскурсионный инвентарь. Кстати, что же мне, все-таки покупать: лыжные ботинки или *Riemenlose Norweger-Bindungen für Langlauf* (специальные, т.н. норвежские лыжные крепления — нем.)? *Lumberjacke* (куртка под кожу — нем.) непременно куплю, также, вероятно, и *Windhosen* (непромокаемые штаны — нем.), удобные, вероятно, например, и в некоторых случаях лодочных путешествий, когда дождь чересчур холодный, чтобы спастись от него “*per defectum*” (по причине слабости — лат.). Костюмов у меня будет только черный, да мятый и потрепанный гёттингенский за 85 марок. Неужели при этом может составить затруднения привезти два *Trainingsanzug’a* (тренировочных костюма — нем.)?

Удивляет меня, что были затруднения с оттисками — у меня был громадный сундук, наполненный оттисками — и никаких затруднений: мне в полпредстве разъяснили, что никаких разрешений на них не надо, так как это предмет моей профессиональной деятельности. Это было два с половиною года тому назад, когда я возвращался в первый раз из Америки.

То, что ты пишешь о перспективах московской работы для нас, меня не очень радует. Со 130 рублями и 12 часами в декаду я, конечно, напутал. Но и 10 рублей за фактический час — не ахти как много при теперешней дороговизне. Я год тому назад получал в Смоленске 15 руб. за фактический час, причем тогда определенно говорилось о предстоящем значительном повышении окладов. Конечно, то, что оклады не повышаются, свидетельствует о здоровой финансовой политике, но печально, что эта сторона оздоровления финансов почему-то особенно тщательно осуществляется в применении к работникам Наркомпроса! Как бы то ни было, пожалуйста, озаботься не только своими, но и моими перспективами на дополнительный заработок, так как, как я тебе уже писал, в Смоленске я до 1 октября ничего не буду получать, так же, как и в Университете, а 140 рублей Институтских мало, особенно теперь, когда моя сестра будет полностью на моем иждивении. Но когда будешь мне подыскивать “заработки”, то, пожалуйста, озаботься также тем, чтобы каникулы у нас с тобою были одновременными.

Ты мне ничего не пишешь о Вячеславе Васильевиче, Дмитрие Федоровиче, а также о моих топологах. Эта Юлия Антоновна меня положительно злит: я получил сегодня длинное и очень милое письмо от Куроша, где, между прочим, написано:

“Вы знаете, конечно, что Ю.А. руководит семинаром, в котором мы читаем мемуар Лефшеца. В этом семинаре наиболее активны Толстова и Сычева... Но мы при чтении достаточно много фантазируем: почти всегда, если я или кто-нибудь еще говорит после чтения с Понтрягиным, оказывается, что прочтенное нами нужно было понимать совсем не так, как понимаем это мы, а часто в смысле, прямо противоположном”!

Да, Лефшец может приехать только в промежутке времени между 1 июня и 1 сентября, так как в конце сентября он уже должен быть в Принстоне. Как я уже писал, ему интереснее всего, вероятно, будет увидаться с Понтрягиным, Люстерником,

Шнирельманом и, может быть, также с Тихоновым, Франклем и Курошем. Если во время его приезда Юлии Антоновны, Толстой и Сычевой не будет, думаю, что большой беды не произойдет, хотя он, может быть, и втолковал бы Ю.А. смысл своего мемуара! Очень интересен будет, вероятно, разговор Лефшеца с Франклем — Лефшец — человек и остроумный, и ироничный, думаю, что Франкль, хоть и очень важная персона, но даст большую пищу для этих его, Лефшеца, свойств.

“CITY’s LIGHTS” <i>A romantic Comedy</i> <i>written and directed</i> <i>by</i> CHARLES CHAPLIN	“ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА” Романтическая комедия, написанная и поставленная ЧАРЛИ ЧАПЛИНОМ

Вчера я видел эту картину в здешнем кинематографе. Естественно, нужна была чья-то инициатива, чтобы меня, вообще, затаскать туда. Эта инициатива была проявлена Alexander’ом, и я не жалею о том, что согласился. Первый раз в жизни я, уходя из кинематографа, чувствовал соприкосновение с большим, серьезным, человеческим и общечеловеческим искусством. И это впечатление господствует надо мною и весь сегодняшний день, что, и в применении к театру, является, по крайней мере для меня, одним из основных критериев значительности впечатления. Основное в Чаплине — ему удалось создать новый художественный образ, правда, единственный, но, положительно, новый, которого раньше в человеческом искусстве просто не было (хоть в жизни, конечно, был — во времена царя Соломона так же, как и в наши времена). Пожалуйста, не пойми это, как сравнение масштабов, как количественную оценку, но так же, как Шекспир открыл Гамлета, а Гоголь — Акакия Акакиевича, так Чаплин открыл этот единственный, играемый им, образ смешного и трогательного неудачника, странника, неизвестно откуда приходящего и куда идущего, точный адэкват Шубертовскому “шарманщику”: “Willst du zu meinen Liedern deine Leier drehen?” (Не хотел бы ты для моей песни покрутить свою шарманку? — нем.). Художественное открытие Чаплина, конечно, не в этом вековечном содержании, а в том удивительном, трогательном и чистом, свободном от всякой риторики целомудренном воплощении, которое он для него нашел. И вот тут я понял просто материальное превосходство, в известном отношении, кинематографа над театром — это

создание искусства ведь останется практически, надо надеяться, “на вечные времена”. Между прочим, произведение, в лучшем смысле слова, современное: вся эта стыдливость, боязнь всякой фразы и многое другое воспринимаются, как нечто, невозможное ни в XIX, ни в XVIII веке. Не знаю, можно ли понять, что я хочу этим сказать. Скажу только, что романтика современная (а Чаплин является именно ее представителем), если угодно, более романтична, чем бывшая 100 лет тому назад (везде, за исключением, впрочем, музыки) — более романтична в смысле знания, что ничего-то словами нельзя сказать!

Сюжет во всем этом представлении, конечно, достаточно безразличен, и его, если угодно, некоторая подчеркнутая механистичность, та “стандартность”, которая существовала в “органические периоды театра” (например, в итальянской *commedia del arte*) только углубляет содержание основных образов, точнее, основного образа. Но выражение глаз в конце, жест, которым он подымал при прощании свой неизменный потрепанный котелок, поцелуй руки, действительно, нельзя забыть. То, что все это происходит на экране, просто необходимо — в настоящем театре вся красота бы пропала, все сделалось бы грубым, от всего осталась бы одна оболочка.

Между прочим, часто я сомневаюсь в этом пресловутом единстве действительности (вопрос, которого мы много раз касались в письмах), и Платоновская концепция дуалистического мира часто искушает меня...

Это впечатление от вчерашнего кинематографического представления, мне кажется, хороший *pendant* (довесок, продолжение — фр.) и, если угодно, подтверждение тому, что ты мне пишешь о том, что “существуют не только люди, но и человечество”. Хотя для меня вопрос, может быть, ставится не совсем так. Может быть, не “человечество”, а “человеческое” во всех людях. Тут, впрочем, большая разница и, может быть, фундаментальная — и можно даже договориться до сопоставления Платона с Марксом. Больше писать сейчас об этом не буду, а то еще напишу что-нибудь не так...

А что любить и “излучать усвоенную нами жажду жить и видеть вещи надо на всех окружающих”, а не на одного “избранного друга”, это, конечно, верно, и я это знаю так же, как и то, что особенно трудно бывает излучать что-нибудь такое, например, на окружающую нас Веру Архиповну (уж не знаю, какими лучами ее проймешь!).

В защиту же “избранного друга” (мне понравилось, что ты о нем пишешь в единственном числе — в этом отношении Аристотель, все-таки, прав!) скажу только, что, по собственному опыту, знаю, что наша, человеческая, любовь происходит часто по образу некоторого индуктивного процесса: любовь к данному, “избранному” человеку, в котором, действительно, на всякую черточку его существования радуешься и в котором всякое проявление красоты человеческой воспринимаешь, порождает такую большую радость и освобождает такую большую “энергию любви”, что эта радость ни во что другое не может перейти, как в любовь ко всем людям и ко всему миру, пусть несовершенную, но такую, на которую данный человек только способен. А этот проблеск универсальной любви дает новый толчок к любви индивидуальной — и т. д. ... Но я положительно утверждаю, что единственная возможность для меня хоть немножечко приблизиться к решению трудной задачи — не желать, чтобы Вера Архиповна лопнула, а наоборот, чувствовать в своей душе что-то похожее на любовное отношение к ней, — это чувствовать в себе так много любви к “избранному другу”, чтобы, имея эту любовь и происходящую от нее радость, стыдным и мелочным делалось бы (и делался бы сам себе!), если у тебя на кого-нибудь (хотя бы и на Веру Архиповну) любви и радости не хватает. Если люди научатся радоваться, они, сами собою, научатся и любить, потому что невозможно радоваться всею душою, и в то же время, хоть к кому-нибудь относиться не по-человечески. А радоваться легче всего и проще всего, имея “избранного друга” ...

Между прочим, удивительно, что эта идея действительно любимого друга, по-видимому, чисто арийская: и у греков, и у германцев она, кажется, всегда была. Германия же и сейчас является классической страной дружбы. Мне часто приходилось слышать: “Такой-то ist mein Freund” в гораздо более серьезном и определяющем смысле, чем в других местах. Не знаю, существовало ли когда-нибудь это понятие в еврействе — мне кажется, там типичны эти бесконечно разветвленные родственные отношения и, само собою разумеется, что определением отношения двух людей является указание на то, что он мой зять или мой двоюродный брат, или муж моей двоюродной сестры, и т.п. Да сохранит меня Господь от мужей моих двоюродных сестер!

Еще одно, последнее, дело. Будущей зимой ко мне в Москву собирается приехать с Рокфеллеровской стипендией Mr. Leo Zippin, a hundred per cent american boy! (стопроцентный американский парень — англ.). Но,

кроме шуток, Цыпин — математик очень способный, и я буду очень рад, если он будет у меня работать. Эта стипендия (как и все для американцев) пойдет через Veblen'a, и Veblen меня спрашивает, сколько Цыпину нужно платить в месяц, чтобы он мог прилично существовать в Москве. "Прилично" означает: отдельная комната с возможностью пользоваться ванной, продовольствие без стояния в очередях и с ежедневным маслом и т.д. Я уже потерял масштаб и прошу тебя мне написать, сколько ему назначать стипендиального оклада. Потом поговори о связанных с этим организационных вопросах, например, с Выгодским (может быть, и со Шнирельманом) и, вообще, с кем найдешь нужным, и как можно скорее мне обо всем напиши. Приедет он на три месяца.

Уж очень хороши три моих знакомых гуся, которые плавают в канале, вдоль которого я хожу купаться! Один из них большой-большой и такой толстый — очень хорош, а два другие — молоденькие, но тоже очень хороши. И хвосты у них бывают веерами, когда они плавают. Вчера, когда я проходил мимо, они были на берегу и сейчас же попрыгали в воду; а, очутившись в воде, большущий толстый гусище, почувствовавши себя в безопасности, как вытянет шею, да как зашипит на меня, бесстыдник! А иногда бывают добрыми и откликаются, когда я их зову. Я хочу их приручить и буду приносить им хлеба.

-
- Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Дмитрий Федорович — Д.Ф. Егоров.
 - Юлия Антоновна — Ю.А. Рожанская.
 - Толстова Г.В., Сычева Е.Л. — участницы тополого-алгебраического семинара (кружка) П.С. Александрова и А.Г. Куроша.
 - Вера Архиповна — В.А. Пономарева.

28 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Ближайших писем жду от тебя только во вторник (сегодня суббота), так что пока, кроме твоих первых трех писем из Москвы (на которые ответил с пароходом, ушедшим в четверг), ничего не было. Так как это мое письмо пойдет с быстрой “Европой”, то очень вероятно, что ты его получишь одновременно с предыдущим.

Для обязательного ответа:

Прежде всего, жду от тебя сведений, как же фактически распределяются твои занятия по дням недели (или декады), какие дни ты в Москве, какие на Клязьме, сколько часов в день ты занят, устает ли сам и горлом, и т.п.

Далее подробно опиши свой питательный режим, что и когда ешь. В частности, ты мне пишешь, что вы покупаете три кружки молока, но ничего не пишешь, как обходитесь с маслом. Есть ли в Москве фрукты или такое же положение, как было в это время в прошлом году, когда надо было стоять в очереди и получить 1 фунт яблок и 1 апельсин?

В-третьих, был ли ты у ларинголога Иванова и предприняты ли какие-нибудь шаги к постановке голоса?

В-четвертых, опиши физкультурный и водный режимы. Беганье босиком по снегу в 17-градусный мороз в одних трусах я совсем не одобряю, от этого и я бы мог начать кашлять. Одно дело бегать босиком, когда температура в окрестностях нуля, и совсем другое, когда она ниже -10° . Кроме того, всякое закаливание предполагает некоторую непрерывность, а тут, несомненно, был резкий скачок, так как таких морозов в Гёттингене не было. Между прочим, в качестве последствия такого бегания я опасюсь именно кашля. Надеюсь, что к тому времени, когда это письмо получится, температура уже будет выше нуля, а там скоро и купаться, верно, можно будет! Каждый ли день ты делаешь гимнастику?

Между прочим, как это Сандуновские бани открыты три раза в неделю?!

Разве они не перешли все еще на декадный счет (или у них, как у Совторгфлота, “шестидневка” — шесть дней работаем, седьмой — отдыхаем?).

Да, еще не забудь, пожалуйста, что у Ефремовича имеются мои деньги (должно быть, рублей 800—1000). Ведь ты из Либкнехтов-

ского института еще не скоро получишь, так что, возьми у Ефремовича. Ему посланы соответствующие инструкции.

На все деловые вопросы предыдущих писем очень жду ответа.

Что упоминаемый тобою оркестр дает так много концертов в районах и пригородах, конечно, очень хорошо. Но все-таки я себе не представляю, как оркестр, четыре дня из пяти выступающий, может поддерживать сколько-нибудь высокий музыкальный уровень — ведь нужно же ему когда-нибудь и репетировать, когда-нибудь разучивать и новые вещи... Или у них двойной состав исполнителей?

Имеются ли какие-нибудь интересные камерные концерты (имею в виду, конечно, прежде всего, консерваторский квартет)? А фортепианные? В Москве ли Оборин?

В пятницу еду в Нью-Йорк на весенний съезд American Mathematical Society с привлекательным для меня докладом Alexander'a (в нынешнем году развивающего, вообще, гораздо большую активность, чем три года тому назад — во вторник будет его же доклад в здешнем "Математическом Клубе"). Кроме того, очень интересуюсь большим (часовым) докладом, который Blaschke будет читать по общей теории непрерывных групп. Будет выступать и наш мюнхенский Зейдель — помнишь его?

А как же все-таки проявляется сейчас вовне Московская математическая жизнь? Читаются ли где-нибудь какие-нибудь доклады и ведутся ли семинары, кроме как тобою? Н.Н., что же, совсем что ли, сошел с обозримого математического горизонта? Что делает А.Я., освободившийся от своих дополнительных нагрузок?

Вчера был прекрасный, теплый, солнечный весенний день. Трава начала зеленеть, и в прудах и в болотах, мимо которых я прохожу к своей Stony Brook, необыкновенная жизнь. Основной тон задают лягушки. Кроме обыкновенных, издающих те же звуки, как им полагается у нас, имеются еще другие, которые хлощут, как куры, и третьи, которые громко пищат и свистят. Я раньше думал, что это птицы, оказывается — лягушки. Ты себе и представить не можешь оглушительности этого концерта!

Кроме того, множество настоящих птиц. Я часто думаю, как трудно было колонизировать эту страну в каком-нибудь 17-м веке, когда основной формой ландшафта все-таки являлись заросли и болота! Сейчас от этой природы, конечно, ничего не осталось, но основную ее тенденцию и сейчас еще можно уловить.

А сегодня целый день льет дождь, и я даже не ходил купаться на

реку, а ограничился только плавательным бассейном. Между прочим, несмотря на обилие болот, каналов и т.п., малярии здесь нет совсем.

Газеты читаю, по-прежнему, с интересом — информация бесконечно лучше, разнообразнее и более деловая, чем в немецких газетах. “Vossische Zeitung” (по-прежнему, приходящую в 50% своих номеров) тоже достаточно тщательно читаю, но уже менее деловым образом. А что касается объявлений в “New York Times”, то вдруг, читая эту газету, я натываюсь на первую страницу (значит, основную страницу) другой Нью-Йоркской газеты. Я сначала думал, что произошла какая-то путаница, но нет, первая страница второй газеты в то же время имеет в уголку текущий номер страницы “New York Times”. Только заглянувши случайно в указатель объявлений, я понял в чем дело: оказывается, другая газета в качестве рекламы для себя отпечатала всю свою первую страницу в “New York Times”!

Между прочим, газета претендует отвечать на самые разнообразные потребности читателя (вернее, удовлетворять различные категории самих читателей). Поэтому наряду с подробнейшей международной информацией большого стиля, имеются и все Нью-Йоркские сплетни и обширная криминальная хроника (со всеми относящимися к ней портретами) и, конечно, спорт во всех видах.

Но время от времени бывают и действительно хорошие научные статьи. Например, по поводу недавно происшедшего открытия нового астероида была подробная статья не только о самих астероидах, но и об основных понятиях небесной механики с выяснением важности именно астероидов. Была также очень грамотная, и в то же время вполне популярная, статья по теории относительности (в связи с пребыванием Эйнштейна здесь) и прочитанная мною с большим интересом статья о витаминах, написанная, как оказывается, одним из первых специалистов в физиологии питания.

Из нее я почерпнул, что в настоящее время известно 9 различных витаминов, что один из самых необходимых, и в то же время, самых нестойких, витамин С содержится в сырых фруктах и овощах; что, кажется, витамин В имеется в молоке и только в нем (т.е., конечно, и в масле и пр.); что 50% физиологической ценности молока исчезает при кипячении (для сведения Вере Яковлевне!), так как не только все витамины разрушаются, но и жиры переходят в форму, гораздо менее усвояемую, и т.д. Отсюда практически следует, что покупать молоко надо или у Веры Архиповны, или у иного определенного лица, относительно которого с достаточной вероятностью можно предполагать, что корова содержится в чистоте (как известно, при питье сырого молока основная опасность заключается не

в болезни коровы, а в болезнях ее хозяев — поэтому люди заражаются вовсе не от коровы, а паратифом и брюшным тифом, дизентерией и пр. — от людей). Так же, естественно, и масло из кипяченых сливок имеет гораздо меньшую ценность (впрочем, кажется, сливки для него не кипятятся, а только прогреваются).

Сегодня я имел опять случай вспомнить о человеческой ценности случайных встреч, когда брал починенные башмаки у сапожника и случайно разговорился с ним. Как большинство сапожников в Америке, он итальянец и происходит из окрестностей Неаполя, хотя тип имеет вполне германский: рослый блондин с голубыми глазами. И беседовали мы с ним очень хорошо... Однако не следует попадать в другую крайность. Лет 50—100 тому назад каждый человек разговаривал только с людьми “своего круга” и интересовался только ими. За последние десятилетия люди, как будто бы, научились другому и стали ценить встречи не только со своими соседями по общественному положению. Было бы, однако, печально, если бы возникла опасность противоположной крайности — искание всяких экзотик человеческих встреч и пренебрежения к тому человеческому материалу, который находится в непосредственной окрестности каждого из нас.

Так, нашей с тобой окрестностью являются все-таки пресловутые “*akademische Kreise*” (академические круги — нем.), и к ним также не надо относиться с пренебрежением. Только, пожалуйста, не придавай этой фразе количественно большего смысла, чем в ней содержится. Я отнюдь не говорю, что только эти круги, и т.д. Но не следует забывать, что и Христос приходил, в первую очередь, “к погибшим овцам дома Израилева” (и если бы сейчас появился в Москве, то, наверное, первый визит сделал бы Вениамину Федоровичу, а уж потом всем остальным, и Глебу в том числе. Кроме того, Матерь Божия, наверное, нашла бы очень много тем для разговоров с Марией Соломоновной и несколько меньше с Линой Самойловной). Так что, и нам естественно излучать всякие наши лучи, в первую очередь, в нашу непосредственную окрестность, а там уж и дальше...

В соответствии же с марксизмом и горизонтальным (а не вертикальным) расслоением человечества, думаю, что нашей с тобою окрестностью, являются, увы, в первую очередь, интернациональные научные круги, а уж потом всякие более дальние соотечественники (очень почувствовал это во время разговора с Blaschke месяц тому назад в Нью-Йорке — разговор был хоть и короткий, но значительный и запомнился мне надолго!).

Еще по поводу Чарли Чаплина.

Американская публика, по-видимому, все-таки воспринимает его лишь как “комического” актера, хоть и гениального. Серьезности же

искусства, мне кажется, не чувствует. Вероятно, в значительной части, из инстинкта самосохранения — уж очень много в его искусстве насмешки над тем, перед чем в Америке полагается преклоняться. Великолепной и злой иронией начинается само представление “City’s Lights”. Начинается действие с открытия памятника “Миру и процветанию” (“Peace and Prosperity”), причем памятник, естественно, в “весьма классическом” стиле — прекрасная женщина в венке и с плодами, а у ног ее обнаженный (но только, насколько прилично) юноша. Самое пикантное при этом то, что все безвкусие памятника устроено так, что 80% зрителей, вероятно, его вовсе не чувствуют, а воспринимают всерьез. Тут же, в начале, единственный момент, когда фильм делается звуковым: воспроизводится (в иде шума, нечленораздельно) сначала речь “отца города”, потом “дамы-патронессы” — восхитительно передана интонация обеих речей: он респектабельно бурлит на низких нотах, а она с энтузиазмом взвизгивает на высоких...

Но в остальном, Ч.Чаплин нашей эпохе строительства, к сожалению, не созвучен, так как заражен индивидуализмом (в высшей степени), романтизмом и идеализмом, классового чутья не имеет никакого (спасает собирающегося вешаться пьяного миллионера!), насквозь проникнут мелкобуржуазной сентиментальностью (“Ведь завтра запоют птицы”, — говорит он пьяному миллионеру) и, вообще, даже сколь-нибудь выдержанной идеологической линии не имеет.

Кроме того, он приглашен завтракать к М. Briand. Я даже удивлен, что его приглашали в Москву (когда он подвергался травле в Америке по поводу своей семейной жизни. Сейчас травля давно прекратилась, и он — национальный герой), пролетариату с ним не по пути!

Кланяйся Вере Яковлевне, а сам будь хороший, а не шипуций.

-
- Либкнехтовский институт — Индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, в котором в то время по совместительству работал А.Н. Колмогоров.
 - Консерваторский квартет — концертировавший квартет Московской консерватории во главе с Д.М. Цыгановым.
 - Н.Н. — Николай Николаевич Лузин.
 - А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Вера Архиповна — В.А. Пономарева.
 - Вениамин Федорович — В.Ф. Каган.
 - Мария Соломоновна — жена В.Ф. Кагана.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Глеб — Г.А. Селиверстов.

30 марта 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

*А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий — нам.
Нам не ходить по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.*

Мы шепчем всем ненужные признанья

.....

*Свой путь мы мчим
В пространстве вечной тьмы,
В мирах любви, неверные кометы...*

Как это вдруг ты настроился на то, чтобы цитировать Волошина? Впрочем, то, что ты мне из него прислал, действительно хорошо — во всяком случае, достаточно хорошо, чтобы служить самостоятельной частью письма...

Я же сегодня ходил гулять (не купался, так как после вчерашнего сплошного ливня Stony Brook имеет не зеленый, как ей полагается, а шоколадный цвет) и все время пел себе под нос: “Спи, дитя мое, усни, сладкий сон к себе мани. В няньки я к тебе взяла ветер, солнце да орла...” Сочиненная на эти слова Алексея Толстого музыка Чайковского по своей чистоте, исполненности любовью и гениальной простоте и искренности мелодии может идти в параллель с лучшими песнями Шуберта. В этом-то все дело: у Чайковского много (может быть, 50% всего его творчества) — посредственной, часто безвкусной сентиментальности. Но в то же время есть произведения, как мелкой, так и крупной формы, где достигаются настоящие и окончательные вершины музыкального творчества, и, в соответствии с этим, появляется такая свобода и полнота владения всеми, нужными ему, средствами, такое господство над музыкальным материалом и такая широта обращения с ним (прекрасные темы, из которых можно было бы устроить целую часть симфонии, бросаются так, мимоходом, в виде одной-двух фраз), которых, увы, все-таки нет у новых композиторов — ни у Скрябина, ни у Стравинского, ни у Прокофьева (у последнего, впрочем, бывает, но не часто). Поэтому и получается, что симфонический Скрябин уже устарел: я раньше бранил Европу за то, что не играет симфонического Скрябина, но незадолго перед отъездом из Москвы слушал, после большого перерыва, 2-ю симфонию Скрябина — длинно и скучно. А Чайковского — при всей его неравноценности и всех его недостатках — играют и будут

играть, вероятно, и через 100 лет (через 50 и мы с тобою еще, может быть, услышим). И в 6-й, и в 4-й (удивительное скерцо!) симфониях, и в “Манфреде” (7-я симфония Чайковского, написано в точной форме симфонии), и во многих других вещах, и в некоторых романсах есть у него настоящая, большая и сама собою убедительная музыка (у Скрябина такая есть в 3-й симфонии — действительно великое произведение! Но не знаю, есть ли в “Экстазе” и в “Прометее”). И в самых избитых мелочах есть эта же подлинная музыка: “Баркаролу” (из тех же “Времен года” — июнь), “Песнь цыганки” (“Мой костер в тумане светит...”) и “Колыбельную”, с которой я начал это “лирическое отступление”, мог написать только великий музыкант (так же, как и очаровательные вальсы из “Щелкунчика”, вальс, на котором построена сцена ссоры Онегина с Ленским, и многие другие), так как только такой музыкант мог такую красотой наполнить каждую деталь этих своих подлинных вдохновений.

Жалко, что мы с тобою не слышали “Пиковую даму” под управлением Бруно Вальтера (я ее слушал два раза в Москве с Держинской в главной партии и один раз в Берлине), — он извлекает из нее бесконечное богатство симфонических деталей, совершенно пропадающих при обычных оперных исполнениях. Впрочем, как раз, в “Пиковой даме” имеются даже не только тончайшие детали (вроде романса графини “Je suis ton sœur qui bat” и всего туда относящегося аккомпанемента), но и целые монументальные симфонические поэмы (так называемый “Антракт после 3-го действия” и вся сцена в “дежурке” — в последней ты, кроме того, можешь видеть на сцене кровати, совершенно тождественные с теми, которыми вы с Верой Яковлевной украсили наше Кляземское жилище!)...

Я не знаю, с чего это я вдруг столько пишу всяких рассуждений о Чайковском. Должно быть, потому, что я сегодня целый день нахожусь под властью все время вспоминающихся мне различных его вещей и потому думаю о нем и о том, что бесконечные нападки на Чайковского довольно тривиальны и безвкусны. Все хулят его всем давно известные слабости, вместо того, чтобы быть благодарными за его настоящее искусство и помнить, что от русской музыки второй половины XIX века (после Глинки и до Скрябина) надолго останутся (как сказавшие, действительно, окончательные вещи) не всякие “могучие кучки”, а только Чайковский и Мусоргский.

Твое письмо пришло, очевидно, самым быстрым возможным способом: штемпель отправления Москвы “19 марта 1931, 17 часов”, а 23-го оно уже попало в Бремен на “Europa”, 29-го было в Нью-Йорке, сегодня, 30-го утром, в Princeton’e: $30 - 19 = 11$ дней!

Что касается продовольственных посылок, то я потому хочу послать их уже из Америки, чтобы иметь возможность послать несколько таких посылок (в Германии же я буду совсем недолго, а в Париже не буду совсем). Я постараюсь разыскать в Нью-Йорке контору, через которую такие посылки можно отправлять. Ты же узнай у Нила Александровича, как он отправлял посылки из Германии (я знаю, что он их отправлял). Вероятно, Н.А. знает и адрес Берлинской конторы, принимающей такие отправления.

Я хочу посылать, как уже писал тебе, сахар, мыло, рис, сало (есть превосходное очищенное, белое свиное сало здесь). Масло, по-моему, не стоит, так как оно испортится в дороге. При этом я считаю, что эти продукты должны идти в дополнительный рацион нашего Кляземского (и твоего Московского) семейства — если мне удастся послать фунтов 30 сахару, то в качестве дополнительного рациона, это разрешит нашу сахарную проблему более, чем на полгода.

Напиши, можно ли послать писчей бумаги!

О мыле, твоём умывальном, обтиральном, плавательном, банном, вообще физкультурном режиме, о твоём здоровье, весе, насморке, кашле, хрипоте, о визите к проф. Иванову, постановке голоса и прочих мерах к приведению в порядок твоего горла, о полном составе твоего питания и тому подобных вещах ты мне ещё ничего не написал, несмотря на мои многочисленные вопросы.

НАПИШИ ПОСКОРЕЕ!!!

Теперь о “моих” делах. Постарайся иметь разговор с Выгодским, Хинчиным и др. о том, чтобы, по возможности, хотя бы за месяц до моего приезда меня перевели в разряд персонально оплачиваемых работников. Это тоже не в очень серьёзном порядке, но отказываясь здесь от предложений профессуры в 625 долларов в месяц, я надеюсь, что я в своём отечестве могу рассчитывать на профессуру в 625 рублей в месяц. И было бы любезно мне её предложить и не заставлять меня ее добиваться по приезде. Если уж пойдёт дело на то, что мне надо будет чего-нибудь добиваться, то буду это делать не в Университете и не в Институте, а уж где-нибудь в другом учреждении в Москве, так как торговаться уж очень противно.

Во вчерашнем номере “New York Times” было 4 статьи и в сегодняшнем 2 статьи об СССР. На следующие темы:

1. Подробнейшая и длиннейшая статья об эксплуатации северных лесных богатств и быте лесорубов — статья, утверждающая и доказывающая, что никакого “принудительного” труда там нет. При этом, кроме впечатлений самого корреспондента (включающих

качество обедов, описание спален и воздуха в них, всех гигиенических условий, вечеринки, самой работы — все в вполне сочувственных тонах, хотя и указывается, что спят без простыней и что на 16 человек обнаружил только 9 зубных щеток и никакой вентиляции, кроме естественной) имеются обстоятельные интервью с норвежским консулом в Архангельске, представителями английских фирм и норвежскими квалифицированными рабочими, подтверждающие эту благоприятную оценку.

2. Статья о положении нашей нефтяной промышленности, рисующая ее возрастание, со множеством статистических данных.

3. Статья о психологии “среднего советского гражданина” — тоже очень большая и обстоятельная, но которую оценивать можно по-разному.

4. Статья о роли марксизма в организации русской науки и искусства.

5. Статья о перспективах советского земледелия в связи с коллективизацией и о вытекающих отсюда последствиях для мирового хлебного рынка.

6. Статья о быте кулаков, выселенных в северные области.

Как видишь, интерес к Советскому Союзу, действительно, большой. При этом, пожалуйста, не думай, что “New York Times” — это орган сенатора *Vorah*, ничего подобного! Это — довольно консервативная газета, но крупнейшая и считающаяся по своей информации лучшей в Нью-Йорке. Далеко не все статьи, печатающиеся в этой газете, относятся к нам положительно — наряду с положительными есть и определенно враждебные статьи, но и в тех и в других видно большое и заинтересованное, иногда граничащее с беспокойством, внимание и явное признание экономической силы Советского Союза.

Сегодня получил письмо от *Neugebauer*’а с приложением вырезки из “*Göttinger Zeitung*”, содержащей следующую фундаментальную Гёттингенскую новость: Гёттингенский университет заключил договор с муниципалитетом об объединении *Göttinger Freibad* (городское купальное заведение — нем.) с университетским купальным заведением *Klie!* При этом: Университет предоставляет городу безвозмездно весь участок, а город производит фундаментальный ремонт и реорганизацию — вычищает и углубляет бассейн, устраивает бетонную плотину значительно ниже теперешней запруды, так что получится, действительно, прекрасная возможность для плавания и купания. Все деревья и кусты на западной стороне пруда (где диски для метания) удаляются; деревья (на другой, восточной, стороне,

где раздевальни) сохраняются. Все это переустройство будет стоить 8 000 марок и доставит работу некоторому, хотя и не очень большому, числу гёттингенских безработных.

Сегодня же я получил и длинное письмо от Siegel'я, тронувшее меня своею дружественностью и сердечностью. Он с большой теплотой вспоминает о нашей прогулке в Södderich, пишет, что эта прогулка принадлежит к числу его самых лучших воспоминаний о всем лете, проведенном в Гёттингене; что он все время надеялся на ее повторение — в Гёттингене или во Франкфурте — потом надеялся на совместное с нами пребывание в Colliour'e, но что из всего этого ничего не вышло. Вместо этого, был этот “несчастный прощальный вечер”, на котором он вел себя, “как пьяный кучер”, и который является его худшим гёттингенским воспоминанием. (Для меня этот вечер был в значительной степени одухотворен его музыкальной частью: очень хорошим исполнением Н. Lewy Мендельсоновского скрипичного концерта и Cohn-Vossen'ом ряда Шумановских вещей, некоторые из которых, в том числе, многое из “Крейслерианы”, было сыграно достаточно хорошо, чтобы это была музыка.)

Siegel “сердечнейше” кланяется тебе. Письмо — из маленького итальянского городка на берегу Средиземного моря. Писано, очевидно, в настроении, когда подлинная, обаятельная сущность личности Siegel'я, а не всякое случайное, превосходящее, определяла его душевное состояние. Siegel всегда настраивает меня на мысли о романтических элементах в человеческой психике. Романтична, в настоящем смысле слова (в каком романтична музыка Шумана), вся его личность, но этот подлинный ее романтизм надлежит, конечно, отделять от “пьяного кучера”.

Сегодня я еще опять видел своих гусей и разговаривал с ними.

-
- Стихотворение М. Волошина “Corona Astralis” (Звездная корона) (1909), цитируемое в начале этого письма, приводит также и А.Н. Колмогоров в своем письме от 17 марта 1931 г. Оба они цитируют часто по памяти, и поэтому при сверке по доступным нам изданиям встречаются некоторые расхождения (впрочем, расхождения могли быть и в самих изданиях).
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Нил Александрович — Н.А. Глаголев.
 - Klie — владелец купального заведения при Гёттингенском университете.
 - Borah William (Бора) (1865—1940) — председатель комиссии по иностранным делам сената США (1924—1933), выступал за установление дипломатических отношений с СССР.

3 апреля 1931 г.

(из Нью-Йорка

в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня письмо будет очень короткое: я проворонил ушедшего сегодня “Olympic’a” (очень быстрый пароход, бывший в 1912 году даже самым быстрым — из-за чего конгруэнтный ему “Titanic” и потонул!). То есть, собственно, не проворонил, а думал, что он идет, как большинство пароходов, в 12 часов ночи, а он, оказывается, ушел в 12 ч. дня. Теперь завтра, т.е. в субботу, идет “Britannic”, а после этого, до самой среды не будет вообще ни одного трансатлантического парохода. Зато в среду пойдет и “Бремен”, и “Мавритания”, и целый ряд других немецких, французских и американских пароходов. (Перерыв объясняется, очевидно, тем, что послезавтра Пасхальное Воскресенье.)

Завтра рано утром еду в Нью-Йорк и опушу это письмо непосредственно на месте — единственный способ, чтобы оно и на “Britannic”-то попало, так как он идет тоже в 12 час. дня. Насколько он быстр, я не знаю, так что, может быть, ты даже получишь это письмо одновременно со следующим, которое будет отправлено в среду, но зато с “Bremen’ом”.

Прежде всего, еще о некоторых делах.

1) Твоей работы о проективных пространствах у меня нет — я еще раз пересмотрел все свои бумаги. Впрочем, я и не ожидал ее найти, так как у меня все было очень тщательно рассортировано по приезде сюда. Не могу себе представить, чтобы эта работа могла затеряться у меня, так как все математические рукописи прямо из кабуфа были переправлены к укладке в последний вечер и разбирали мы их с тобою, как будто, даже вместе.

2) Вопрос о продолжении контракта на дачу. Вполне согласен с твоим планом о продлении контракта до 1 июня 1932 года, так как думаю, что на зиму 1931—1932 никуда мы из Москвы не поедем. Наоборот, что касается зимы 1932—1933, то считаю целесообразным именно тогда устроить поездку за границу.

Осенью 1932 г. — международный математический съезд, на котором нам естественно присутствовать, и в связи с ним естественно создастся целый ряд других поводов для заграничной поездки. В частности, я думаю, что легче всего Рокфеллеровскую стипендию получить тебе именно с 1 сентября 1932 г. Я завтра и в ближайшие дни буду об этом говорить с разными лицами: Bohr’ом, Weyl’ем, Veblen’ом. Weyl уже в Princeton’e, мы встретились сегодня, гораздо более дружелюбно, чем встречались в Гёттингене, т.е. встретились так, как будто уже давно и хорошо были знакомы, тогда как в Гёттингене дальше академической любезности дело не шло.

3) Тебе все-таки придется пойти на Московскую таможню (Каланцевская площадь, рядом с Октябрьским вокзалом) и узнать точно, сколько, чего и на каких условиях можно посылать: мыла (о котором, несмотря на мои многократные вопросы, ты ни слова не пишешь), сахару, бумаги (о бумаге, которая меня интересует больше всего, тоже ничего не пишешь).

Наталия Александровна посылала в ноябре посылку своим родственникам в Самарканде и Ташкенте (ее брат там инженером). Посылка пропала и возвращена ей не была — объясняют это тем, что она, по незнанию точных правил, вероятно, послала что-нибудь, не подлежащее ввозу (к этой категории относятся, например, резиновые изделия — калоши и т.п.). Поэтому я и прошу узнать точные правила, существующие на этот предмет. Специального бюро по отправке посылок в Нью-Йорке как будто нет, впрочем, буду завтра еще наводить об этом дополнительные справки.

Вчера вечером был у Alexander'ов к ужину. Гостей, кроме меня, не было. Было очень хорошо и приятно, и я в первый раз почувствовал его жену как настоящего человека. Может быть, это облегчалось еще и тем, что ей хотелось говорить со мной по-русски (чего три года тому назад не было — она тогда только что вернулась из поездки в Россию). Alexander сам по-русски не говорит (или почти не говорит), но с пятого на десятое русский разговор понимает (много читал в свое время по-русски, главным образом, Толстого — “Войну и мир” и т.п.). Супружество это во многих отношениях очень своеобразно — всю эту зиму она жила фактически в Нью-Йорке, приезжая сюда только на субботу–воскресенье. Когда я спрашивал, вполне ли безукоризненно она говорит по-английски, то получил от него ответ, что он никаких неправильностей в ее языке не замечает, но, впрочем, если не видится с нею полгода, то замечает некоторый акцент! Несмотря на это, отношения у них живые, сердечные и настоящие.

Потом говорили о свойствах русского национального характера, причем Alexander отмечал известную придиричивость в требовании точных формулировок: приводил следующий пример: он говорит в присутствии своей жены: “Нынешнее лето все время, каждый день, идет дождь”. На что она замечает: “Нет, 25 июня дождя не было!” Так как это свойство отмечается Alexander'ом в его жене, а, кроме того, неоднократно отмечалось Норф'ом во мне, а мною — в тебе, то надо думать, что имеет место в действительности. (Вероятность этого не уменьшается или почти не уменьшается, оттого, что поименованные три лица, естественно, не соглашались с тем, что обладают этим свойством, когда другие им на него указывали.) Что оно отмечалось

Норф'ом во мне, а мною — в тебе, хорошо согласуется с тем, что во мне русских свойств больше, чем в Норф'е, а в тебе — больше, чем во мне.

В “New York Times” сегодня большая статья о том, что теперь, несмотря на чрезвычайные успехи нашего строительства, как индустриального, так и агрикультурного, мировой кризис и для хозяйства СССР очень неблагоприятен: приводятся цифры, из которых видно, что нам наши товары фактически пришлось в 1930—31 гг. на 4% дешевле продавать, чем в 1929—1930, что еще усиливается оттого, что заказы на предметы, импортирующиеся к нам, нам, естественно, приходится делать заранее, следовательно, на нашем импорте вызываемое кризисом понижение цен отражается гораздо меньше (в положительном смысле), чем в отрицательном смысле соответствующее падение цен отражается на экспорте. В результате приходится за ту же сумму импортируемых товаров гораздо больше экспортировать, чем в прошлом году. Цифры будто бы почерпнуты из официальных источников.

Сегодня было со мною приключение. Я только что выкупался и собрался бегать и делать гимнастику, как вдруг совершенно бесшумно из-за поворота реки выплывает лодочка: в ней молодой человек лет 20 и девица лет 17. Он в теннисном белом костюме, она в платье, тоже белом. Лодочка одновесельная, совсем не спортивная, а специально для прогулок при луне, и пара эта принадлежала, несомненно, к каким-нибудь почтенным профессорским семействам. Главное, имея в виду, что в Принстоне университет составляет гораздо большую часть городского населения, чем в Гёттингене (так как жителей много меньше 10 000, а одних студентов больше 2 000), довольно несомненно, что я был узнан (тут же все всех знают, а особенно, столь явных иностранцев, как я), так что, по американским представлениям, получился полный срам.

- Рокфеллеровская стипендия (Rockefeller Foundation fellowship) — присуждалась Рокфеллеровским фондом молодым математикам для годичной стажировки за рубежом и самостоятельных научных исследований. Ходатайство о предоставлении такой стипендии А.Н. Колмогорову на 1932 год возбудил П.С. Александров. (См. также Примечание к письму от 10 сентября 1932 г.)
- Наталья Александровна (Левницкая) — жена Дж. Александера.
- Работа о проективных пространствах — речь идет о работе А.Н. Колмогорова “Zur Begründung der projektiven Geometrie” // Ann. of Math. (2). — 1932, v. 33, p. 175—176. Рус. пер. (И. Пенкова): К обоснованию проективной геометрии в кн.: А.Н. Колмогоров. Избр. труды. Математика и механика. — М.: Наука, 1985, с. 149—150.
- Международный математический съезд (конгресс) действительно состоялся в самом начале сентября 1932 г. в Цюрихе, Швейцария.
- Октябрьский вокзал — ныне Ленинградский вокзал.

8 апреля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера целый день лил дождь, дул ветер и даже был град. Холод был невероятный, а сегодня пришел "Времен" и привез три твоих длинных письма (от 23, 25, 26—27 марта; ожидается, согласно приложенному к первому письму "производственному плану", еще письмо от 28 марта (относительно письма 26—27 определенно указано, что оно сверх программы) и от 30-го — оба должны прибыть сюда с "Aquitania" (конгруэнтно "Лузитании") в пятницу, т.е. послезавтра.

А мои письма пойдут: это — послезавтра, 10-го, с "Homeris'ом", а следующее, как будто, только 13-го, с "Аквитанией" (потом с "Majestic'ом", с "Европой" и т.д. — точные дни в сегодняшней газете не указаны). Таким образом, это письмо, по-видимому, последнее, которое ты получишь до дня твоего рождения (25 апреля). Поэтому

ПОЗДРАВЛЯЮ ГУСЯ

*милого, хорошего и такого
желтенького.*

*Чтобы был здоровый,
толстый и добрый,
и не шипущий.*

Сегодня с самого утра солнце и жара. Я получил твои письма в 12 час. дня, но отнюдь не стал их сразу читать, а отправился вместе с ними купаться. Сначала выкупался в Stony Brook, потом бегал (2 км) и только потом уселся на солнышке и читал письма. Было мне очень хорошо и приятно. В общем, я провел на солнце больше часа, из них полчаса читал твои письма.

Потом еще раз выкупался и пошел обедать. После обеда получил письмо от Понтрягина (пришедшее с тем же парходом, что и твои письма, но заказное, и поэтому позже). В письме Понтрягин сообщает

мне о том, что я в одной своей теореме проврался — правда, теорема для меня совсем не существенная, и оттого, что ее не будет, ничего в работе моей не изменится. Теорема, вероятно, даже верна, если несколько изменить определение сходимости (в одном специальном случае), но заниматься я ею сейчас не буду, так как и нужна она была только для того, чтобы исключить существование еще одной, $(\omega+1)$ -й размерности. Но можно и не исключать!

Кроме того, Понтрягин пишет мне, что специальность, утвержденная Институтом, называется не **ТОПОЛОГИЯ**, а **“КОМБИНАТОР-НАЯ ТОПОЛОГИЯ”** — мероприятие, смысл которого мне не ясен и которое, я надеюсь, будет отменено после моего приезда.

Сегодня же получил Понтрягинскую работу. Перевод Франкля (он Frankl, а не Frankel), во всяком случае, сносен. Может быть, я отдам эту работу печатать в “Annals of Mathematics” — в “Mathematische Annalen” в настоящее время уже печатаются две Понтрягинские работы, а редакция “Annals” даже специально меня спрашивала, нет ли у Понтрягина работы для этого журнала.

Надеюсь, ты ничего не будешь иметь против того, чтобы и твоя работа по проективной геометрии была здесь же напечатана. Я уже тебе писал, что рукописи твоей У МЕНЯ НЕТ.

Что касается предлагаемых тобой летних планов, то я, собственно, считал, что мы и до 1 августа можем посидеть на Клязьме и попутешествовать только три недели, но согласен и на твое предложение месячного путешествия без всяких занятий, но в качестве абсолютного максимума. Что касается самого путешествия, то меня более всего привлекает лодочное путешествие и Крым, но согласен, конечно, и на всякое другое. Но и для тебя море сейчас очень полезно.

Как я уже писал вчера, я без тебя ни в какой Днепропетровск не поеду. Я без тебя, гусяца такого, так соскучился, что сейчас только о том мечтаю, чтобы, наконец, попутешествовать с тобою вдвоем. Но соскучился я в самом хорошем смысле: т.е. не то, что у меня плохое настроение — наоборот, настроение у меня хорошее, и занятия (книгой (см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.)) идут довольно хорошо, и, вообще, я не столько горюю о том, что тебя не вижу сейчас, сколько радуюсь тому, что скоро тебя увижу. Между прочим, на Клязьме я, кроме тебя, буду много времени со своими родными, и при этом (отчасти вследствие жен, на которых у меня родственные чувства не очень-то распространяются, отчасти и по другим причинам) жду от этого не только положительных впечатлений. К сожалению, про-

должительное мое пребывание в лоне моего семейства у меня всегда связано с довольно большими затратами психической энергии и часто бывает довольно тяжело (это, впрочем, не относится к моей сестре, с которой всегда чувствую себя легко и хорошо).

Конечно, я согласен и на 24 часа лекций в Днепропетровске и надеюсь, что смогу в них уложить хоть и более краткий, но достаточно интересный курс. Огиевскому я писал, что нам обоим было бы желательно быть в Днепропетровске одновременно. Думаю, он примет это во внимание, тем более, что я ему писал и о возможности поместить нас в одну комнату (конечно, достаточно большую) — это всегда большое облегчение! Одним словом, обдумай все и придумай что-нибудь подходящее.

Еще важная просьба — мне мою сестру придется переводить из Смоленского университета в Московский, если к этому представится какая-нибудь возможность (в Смоленске клиники очень плохо поставлены и научиться чему-нибудь трудно). Чтобы наше путешествие от этого не пострадало, необходимо, чтобы все хлопоты уложились до нашего отъезда, т.е. до 20 июля. Поэтому, если сможешь, наведи все справки еще до моего приезда, чтобы я не пропустил каких-либо сроков.

Я тебе уже писал, что Юлия Антоновна предлагала совместное с ними летнее пребывание. Я этого не хочу. Поэтому в разговорах на эту тему, если они возникнут, укажи, что я большую часть лета буду на Клязьме, кроме того, месяц в Днепропетровске, так что, собственно, этим все время будет поглощено (во всяком случае, настолько, чтобы сделать затруднительными всякие иные определенные планы). Этой формулировки я и вообще собираюсь придерживаться во всех случаях, где она окажется уместной, потому что я сейчас, действительно, “will meine Ruhe haben!” (хочу иметь покой — нем.). Со всеми московскими математиками я буду иметь достаточно случаев видаться в течение июня и июля, не говоря уж о зиме.

Да, ты еще спрашиваешь (гусище шипущий), почему я в Москву подписываю конверты латинскими буквами, а в Германию не подписываю ни русскими, ни китайскими.

Потому что:

1. по действующим в СССР почтовым правилам письма, приходящие из-за границы и имеющие адрес, написанный латинским алфавитом, подлежат пересылке и разноске, тогда как в Германии письма с русскими, китайскими, персидскими и проч. адресами не подлежат.

2. в соответствии с п.1, в каждой почтовой конторе (не ниже какого-то класса) имеется лицо, обязанное переводить адреса

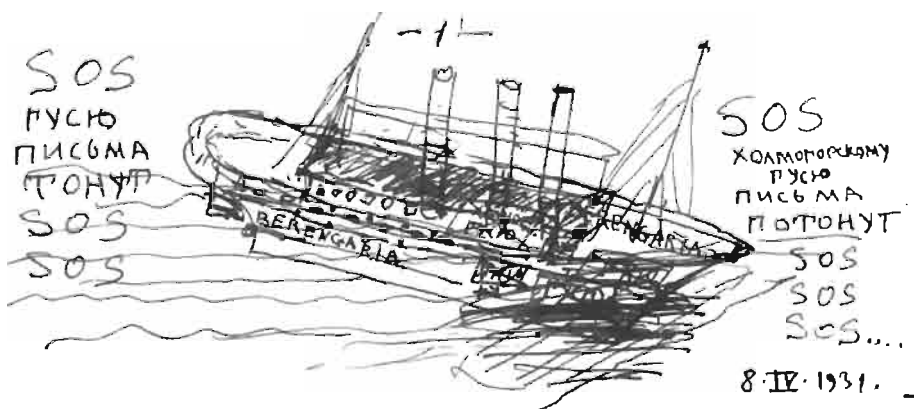
(в Москве, вероятно, специально и только этим занимающееся, и даже не лицо, а девица с накрашенными губками);

3. надеюсь, что скоро всякий почтовый служащий в СССР будет знать латинский алфавит, и тем скорее, чем больше будет адресов, написанных на этом алфавите!

Что касается того, что Вера Архиповна “ждет меня — не дожидется”, то могу ответить словами Denjoy: “Je n'ai jamais désiré autant”! (“Я и мечтать не смел о чем-либо подобном” — фр.). Это, очевидно, рассматривается как особая форма вежливости! Но главное, чтобы было молоко, а если бы еще и клопов не было, так совсем хорошо!

Да, еще по поводу учебного плана по специальности “Топология” (т.е. “Комбинаторная топология”): предполагается еще целый семинар по истории топологии!! Это уж, действительно, необыкновенно: вся-то топология существует с 1895 года (1-й мемуар Пуанкаре). Правда, можно отдельно изучать биографии великих топологов, особенно, родившихся после 1895 года — например, Лазаря Ароновича и Льва Генриховича. Как известно, эти биографии весьма богаты материалами по психологии и физиологии творчества, так что представляют интерес не только для топологов. Зато ни дифференциальной геометрии, ни оснований геометрии топологам знать совсем не полагается! О дифференциальной геометрии я Понтрягину написал, а об основаниях и “истории топологии” не написал — о первом забыл, а второго не заметил (принял за историю математики вообще и думал, что таковая обязательна для всех аспирантов).

Сегодня прочел в “New York Times”: “Berengaria” (52 000 тонн), с которой я тебе недавно послал, как всегда, длинное-предлинное письмо, подъезжая к Англии, врезалась носом в мель (такое тяжелое

было мое письмо!). И только через 12 часов с громадными усилиями ее удалось с этой мели стащить. Большой скандал, так как это было первое плавание на ней ее нового капитана. Но все скандалом и обошлось: и люди, и письма, и сама “Berengaria” целы.

Между прочим, ближайший новый пароход Cunard-Line должен называться

“KOLMOGORIA”

(чем хуже, чем “Berengaria”?), а у White-Star-Line сразу должны быть построены два парохода: один будет называться “ХОЛМОГОРИК” (не хуже, чем “Homerick”, с которым будет посылаться это письмо?), а другой — “АНДРЕЙЧИК”. А если Совторгфлот построит пароход в 52 000 тонн, то назовет его просто “ХОЛМОГОРСКИЙ ГУСЬ” (так как стандартизованных окончаний у нас, кажется, нет).

Открытки с видами Москвы мне понравились (хотя уж очень печальная бумага), присылай еще. Москву не забуду, не бойся! И гусь на открытке с Сухаревой башней нарисован очень страшный и злющий-презлющий.

Не забудь мне написать о палатках и прочем спортивном инвентаре и достань разрешение на провоз!

-
- *Понтрягинская работа* — речь, скорее всего, идет о работе: “Einfacher Beweis eines dimensionstheoretischen Überdeckungssatzes” // *Ann. of Math.* (2). — 1931, v. 32, №4, p. 751–762.
 - *Две другие Понтрягинские работы* — см. список трудов Л.С. Понтрягина, поз. 6 и 7 (“Математика в СССР за 40 лет. 1917–1957”, М.: Физматгиз, 1959, с. 555).
 - *Юлия Антоновна* — Ю.А. Рожанская.
 - *Сестра П.С. Александрова* — Варвара Сергеевна Александрова (1890–1984) тогда училась на медицинском ф-те Смоленского университета. Позднее закончила Московский университет, работала в известной клинике проф. Е.М. Тареева и под его руководством сразу после войны защитила диссертацию. С 1932 года и до конца своих дней жила вместе с П.С. Александровым.
 - *Вера Архиповна* — В.А. Пономарева.
 - *Лазарь Аронович* — Л.А. Люстерник.
 - *Лев Генрихович* — Л.Г. Шнирельман.
 - *ТОПОЛОГИЯ и КОМБИНАТОРНАЯ ТОПОЛОГИЯ* — смысл замечания П.С. становится вполне ясен из текста ОТЗЫВА А.Н. Колмогорова о книге П.С. Александрова “Комбинаторная топология”, помещенного в дополнение к письму А.Н. Колмогорова от 28 июня 1942 г.
 - *Работа по проективной геометрии* — см. Примечание к письму от 3 апреля 1931 г.

14 апреля 1931 г.

в Третий день Пасхи (нашей)
на берегу реки Stony Brook.

(из Пристона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Установилась, наконец, совершенно летняя погода — безоблачное небо и пекущее солнце, и если я не целый день провожу на берегу Stony Brook, то только потому, что ходить сюда с пишущей машиной уж чересчур сложно. Но писание писем, надеюсь, будет теперь окончательно перенесено сюда. Вода уже настолько теплая, что можно не только “купаться”, но и подолгу плавать, а воздух настолько теплый, что вчера я на главной улице Принстона видел студентов, одетых в голубенькие майки, совершенно, как у нас, при этом отнюдь не при исполнении каких-либо “спортивных обязанностей”, а так себе, шляющихся по улице и заходящих в магазины. Надеюсь, что и мое пребывание здесь на берегу в одних купальных трусах не повлечет за собою мое изгнание из Соединенных Штатов.

Здесь у меня природа не худшая (но, впрочем, за исключением 40-градусного солнца, и не лучшая), чем на “далекой Уче” — Соединенные Штаты отличаются от Германии тем, что лес, расположенный в 20 минутах ходьбы от Принстона, в 10 минутах от ближайшей фермы и в 20 метрах от большой автомобильной дороги, производит впечатление столь дикое, как если бы он был в “настоящей природе”. Не только никаких дорожек нет, но и пяти шагов нельзя сделать, не расцарапавшись в кровь. Потом здесь есть вьющиеся растения толщины такой, что если сложить большие и средние пальцы обеих рук, то едва можно обхватить. И такое чудовище вьется вверх по большому старому дереву, как настоящий удав, и впечатление такое, что, действительно, хочет задушить это дерево. Все это растет на самом берегу Stony Brook, так что иногда обнажаются корни. Но есть и поляны, и, вообще, солнца достаточно. Сейчас кричат какие-то страшные птицы, и в то же время явственно урчит трактор (ферма в 10 минутах), а в небе гудит аэроплан.

Несколько дней тому назад я пришел купаться и был поражен сильным запахом лизола (дезинфицирующее средство вроде карболки). Оказывается, это опрыскивали, как полагается каждую весну, громадный фруктовый сад, расположенный на другом берегу канала. Жуткий запах ощущался два дня, потом прошло. А сейчас очень хорошо. Кроме меня, здесь много лягушек, очень толстых, больших и страшных ужей и тому подобных милых и хороших зверушек.

Третьего дня была православная Пасха, что я узнал из газет, а также от своего грека, у которого покупаю сахар, хлеб и проч. Оказывается (что я, впрочем, и раньше знал), этот день для меня НЕ безразличен, и я себя в течение него чувствовал не только принадлежащим к некоторой неопределенной религии (как обыкновенно), и даже не к христианству только, а, в каком-то смысле, связанным с православной церковью, так что, если Глеб будет очень усердно за меня, грешного, молиться, то, может быть, еще попаду в Царствие Небесное!

Кланяйся от меня Вере Яковлевне и скажи ей, что хорошо, что она тебя прикармливает овсецом, но нужно, чтобы ты и масло ел и чтобы был не 67 кг 900 г, а 69 и 70! Во мне уже 151 фунт — значит, гораздо больше, чем в тебе!

Письма твои, хотя и очень милые, но совершенно недостаточно обстоятельные.

Во-первых, я так и не имею никаких ответов на все мои вопросы и, если так будет продолжаться, то серьезно обижусь и рассержусь. Пересмотри, пожалуйста, все мои последние 10 писем и ответь, наконец, на все содержащиеся в них вопросы, чтобы мне не повторять их каждый раз.

Во-вторых, заседание Математического общества (с докладом Кольмана (см. письмо А.Н. Колмогорова от 30 марта 1931 г.)) ты тоже описал недостаточно подробно. Даже не написал, кто же теперь в Обществе председательствует и какой, вообще, характер носят заседания.

Что говорилось о будущем математики, меня тоже интересует.

В воскресенье вновь слушал у Веблена филармонический концерт под управлением Тосканини. Главным номером программы была симфония Шостаковича, совсем еще молодого композитора (не помню, в Москве он или в Ленинграде). На меня большого впечатления эта симфония не произвела, хотя во всех рецензиях отмечается, что это очень значительное произведение, и что Шостакович есть, в полном смысле, “восходящее светило”. Зато я в первый раз в жизни услышал очень понравившееся мне произведение тоже молодого американского композитора Абрама Чазина (правда, американская 100-процентность его несколько сомнительна: в Смоленске был меховщик Хазин; Чазин по-английски пишется тоже с “Ch” в начале: Chazin). Но произведение свежее и несомненно талантливое, и в то же время, в отличие от Шостаковича, достаточно простое, чтобы быть оцененным с первого раза.

А в субботу был у Alexander'a тоже угощаем музыкой (и вкусным вином). Однако классической — Шуман и Бах, больше ничего, при том в указанной последовательности. Потом возвращался около 12 ч. ночи домой. Город уже весь спал, небо было полно звезд, все было наполнено весною, и я размышлял по поводу Баха, Шумана и весны. По поводу описанного тобою и опять вспомнившегося мне заколдованного зимнего лунного леса, а также птиц, певших на рассвете на Волге, и по поводу многого другого еще — о различных формах красоты и того, что естественно называть Божьим величием...

А сейчас лезу в воду и бегу на лекцию Alexander'a.

Продолжение письма за обедом в ресторане у Mr. Lahiere.

Обед был очень вкусный, состоял из супа, превосходного ростбифа со спаржей и салатом, мороженого со свежей клубникой и кофея. Ко всему этому, по любезности Monsieur Lahiere, была присоединена большая чашка красного вина...

Кстати, по поводу твоего питания: пей непременно сырое молоко и постарайся есть фрукты (если таковые имеются) и масло, чтобы были

ВИТАМИНЫ, ВИТАМИНЫ, ВИТАМИНЫ

А, В, С, D, E, F, G, H, ...

— столько их к настоящему дню понаоткрыто. Я читал сегодня о действительно сенсационных опытах, подтверждающих уже давнишнюю гипотезу о “противопростудном влиянии” некоторых определенных витаминов (содержащихся в молоке и фруктах). Полным устранением соответствующих витаминов удалось достигнуть всего комплекса простудных заболеваний у кроликов (у целых 10 штук). Находившиеся в таких же точно условиях другие 10 кроликов никаких признаков заболеваний не получили. Так что, изволь есть витамины, а не только овсяный кисель (который тоже, впрочем, получает всяческое мое одобрение).

Приехал Bohr, завтра буду говорить с ним о твоей Rockefeller'овской стипендии. Сегодня очень удачно к этому была приготовлена почва тем, что во время доклада Hille о рядах Фурье Bohr стал говорить о твоём примере, но при этом не мог вспомнить твою фамилию, которую я поспешил подсказать. Завтра разговор так и начнется: “Да, вот, кстати, о Колмогорове...” (и передам ему твои отписки). По поводу пребывания Bohr'a предстоит целая серия докладов, в конечном счете, по теории функций действительного переменного (так же, как после моего приезда ничего другого, кроме топологии, в течение месяца не докладывалось; говорят, в январе,

когда приехал Schouten, была тоже сплошная серия докладов по дифференциальной геометрии).

Кроме того, была сегодня лекция Alexander'a, разбирались гомологии по модулю m . По содержанию было не очень хорошо — по модулю m и Alexander путается и сегодня даже высказал гипотезу (которую совместными усилиями, не без некоторой канители, удалось, однако, тут же опровергнуть), что могут быть два комплекса с изоморфными обыкновенными группами Betti и, тем не менее, различными группами Betti по модулю m . Это все-таки скандал, что даже великие мужи, подобные Alexander'у, путаются в этих, по существу, совершенно элементарных вещах и говорят такие глупости (о нас, грешных, и говорить нечего!). Скажи об этом Понтрягину, да послужит ему это поводом привести, наконец, в окончательный порядок эти вопросы, что он уже давно взялся сделать.

Посылка (10 фунтов сахару и 8 фунтов рису) уже запакована, но еще не отправлена (магазином), так как существуют какие-то специальные правила относительно упаковки. Но будет отправлена в ближайшие дни. Разрешается не свыше 22 фунтов (включая упаковку, весящую 4 ф.!). Пересылка стоит 14 центов за фунт, значит, действительно, довольно дорого. Ни мыла, ни бумаги пока не посылаю, так как до сих пор не могу добиться твоего ответа на мои вопросы о том, можно ли это посылать. Прошу тебя спросить у Н.А. Глаголева адрес Берлинского бюро по посылкам и сейчас же мне его сообщить.

Послезавтра напишу опять с пароходом "Majestic".

Получил сейчас посылку — твои оттиски об аналитических методах в теории вероятностей. Пересмотрел все эти оттиски, а для меня ни одного и нет! Совсем обиделся. Надписи писать и гусей рисовать разрешается и на печатных произведениях! Скорее пришли!

-
- Глеб — Г.А. Селиверстов.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Рокфеллеровская стипендия — см. Примечание к письму от 3 апреля 1931 г.
 - Оттиски об аналитических методах — имеется в виду оттиски статьи А.Н. Колмогорова "Über die analytischen Methoden in der Wahrscheinlichkeitsrechnung" // Math. Ann. — 1931, Bd. 104, S. 415–458. Русск. перевод: УМН. — 1938, вып. 5, с. 5–41. Опубл. также в кн.: Колмогоров А.Н. Теория вероятностей и математическая статистика. — М.: Наука, 1986, с. 60–105.

16 апреля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Пришла и “Europa”, пришел и “Majestic”, а твоих писем нет. Последнее пришло от 1 апреля, я на него ответил в предыдущем письме. Зато получил письмо от Frau Courant с вложением громадной статьи из “Göttlinger Zeitung”, посвященной концу купальни Klie, сливаемой (как я тебе уже писал в одном из предыдущих писем) с Städtisches Freibad (городское купальное заведение — нем.). Статья очень интересная, с фотографией самого Klie, написанная, очевидно, одним из больших патриотов этого заведения, хотя, все же, очевидно, не очень осведомленного, так как я фигурирую в ней в качестве “russischer Student” (что, при моей лысине, могу принять за комплимент!) Впрочем, что я математик, автору статьи все же было известно. В одном из следующих писем пошлю тебе самую статью — сначала хочу показать ее еще Veblen’у, уж очень она замечательный документ Гёттингенской жизни!

Мой день теперь распределяется так: встаю между 6.30 и 7 час.; туалет, приготовление и поглощение завтрака продолжается, к сожалению, все же полтора часа, так что начинаю заниматься между 8 и 8.30; занимаюсь до 11—11.30, получаю почту и отправляюсь купаться. Путешествие туда продолжается 45 мин. по приятной местности — сначала тихонькой улицей, потом мимо бесконечных спортивных лужаек, действительно ярко-зеленых, из которых многие совершенно бесконечных размеров для разных массовых игр в мяч, в которых участвует много десятков человек, теннисных площадок и т.п., потом загородными пустырями и, наконец, моим леском вдоль самой Stony Brook, по шоссе приходится идти минут 10—15. Таким образом, это купанье является в то же время и прогулкой. Попадаю я на свое место около 12 час. и пребываю там до 2 часов, частью, делая гимнастику, бегая, купаясь, частью же — читаю газеты, пишу письма, вставляю формулы и т.п. Иногда бываю и до 3-х, но редко. Потом иду обедать (перед купаньем пью два с половиной стакана молока). Хоть время обеда (т.е., по-здешнему, завтрака) — между 12 и 2, но у Monsieur Lahiere’a я, конечно, получаю обед во всякое время дня. С 5 до 8 опять занимаюсь и в 10 ложусь спать. Таким образом, примерно за 6 часов занятий я успеваю написать, в среднем, 5 страниц книги (раз написал 9 — абсолютный максимум за всю мою научную деятельность до сих пор, но бывает и 2; по 0 за последнее время не бывало!).

Чувствую себя хорошо и очень радуюсь на солнце, сейчас удивительно приятное — оно хоть и печет, но в тени жары никакой нет и ветерок прохладный. А еще радуюсь на небо и на птиц, и на полную тишину на моей речке.

Сегодня проходил мимо громадного луга, значительно больше-го, чем гёттингенская Spielplatz (площадка для игр — нем.), и он был весь полон играющими — все сплошь в одних трусах, по большей части, уже сильно загорелые. На фоне голубого неба и яркой зелени луга выглядело это очень хорошо! Группы отдыхающих тут же валя-

О. Веблен

лись на траве. Те же нравы и на теннисных площадках, расположенных под окнами дома президента университета Hibben'a. Так что, как видишь, нравы отличаются от гёттингенских не на очень много. Имея в виду, что все это началось только 1—2 года тому назад, можно ожидать и дальнейшего прогресса: сейчас беда в том, что требования, предъявляемые к студентам общественным мнением, совершенно иные, чем те, которые предъявляются к профессорам и, вообще, "солидным людям" (и что заблуждение, что профессора принадлежат к солидным людям, еще не искоренено с тою основательностью, как в Гёттингене). Впрочем, я полагаю,

что если бы мы с тобою провели здесь года два, то, при моральной поддержке Veblen'a, такое положение, вероятно, должно было бы измениться.

Газеты сейчас полны испанской революцией. Внешняя канва происходящего там действия так напоминает нашу Февральскую революцию (просто до всех мелких деталей), что, если события будут развиваться, "как полагается", то, может быть, этак через год-другой, СССР обогатится новой Союзной Республикой — Испанской, и мы с тобою, вместо Эривани и Баку, поедем в Севилью, Барселону и Кадис, а также, по закону двойственности, вместо озера Гокча — на Балеарские острова. Очень был бы этому рад.

Но пока что новое испанское республиканское правительство

занимается отменой дворянских титулов, “отделением церкви от государства” (однако на началах предполагаемого конкордата с Римом!) и, хотя одновременно с этим и собирается отбирать поместья у тамошних громадных земельных собственников, все же, с самого начала считает нужным подчеркнуть, что революция является только политической, а не социальной — как будто, в наше время такие революции могут быть чем-либо иным, а не лишь переходом к революции социальной! Вообще, мы все-таки многому научились, и я только с улыбкой могу читать отчеты о всяких наивностях, говорящихся и делающихся сейчас в Испании — впечатление такое, как если бы Принстонские студенты вдруг решили бы играть не в мяч, а в революцию! А между тем, это не Принстонские студенты, а государственные мужи!

Ну, будь здоров, пиши мне чаще и больше!

Присылай работу (“Analytische Methoden”) с подписью и кланяйся В.Я.

А ты, положительно, никуда не годишься: даже не написал мне, что был у моего брата и что написал письмо моей маме — обо всем этом я узнал только от нее самой. Между прочим, очень хорошо ты сделал, что написал ей, так как письмо твое доставило большую радость. Но ты должен сам еще описать мне визит к моему брату: какие твои впечатления от него? Как он тебя принимал и чем угощал?

Видел ли ты при этом моего второго брата, Сережу?

-
- *Frau Courant* — жена Р. Куранта.
 - *Klie* — владелец купального заведения в Гёттингене.
 - *брат* — Михаил Сергеевич Александров; *мама* — Цезария Иоакимовна Александрова (Здановская); *второй брат* — Сергей Сергеевич Александров.
 - *Работа “Analytische Methoden”* — см. Примечание к письму от 14 апреля 1931 г.
 - *Книга* — см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *В.Я.* — Вера Яковлевна Колмогорова.

19 апреля 1931 г.

На берегах Stony Brook

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Приехала вчера “Berengaria” (в свое время, недели полторы тому назад чуть не потонувшая оттого, что была нагружена моими письмами к тебе) и привезла — ОДНО твое письмо (от 6 апреля), и то коротенькое, тоненькое — и это после того, как ни “Majestic”, ни “Егора” не привезли НИ ОДНОГО! Предыдущее, и тоже коротенькое, было от 1 апреля. Где же твои 4 письма в декаду? И главное, письма пошли уж очень коротенькие! Совсем ты у меня обленился и, видно, надо мне, действительно, скорее приезжать! Мои здешние гуси, наверное, если бы умели писать, то писали бы мне каждый день, или уж, во всяком случае 5 раз в декаду! И никакой ты после этого не Холмогорский, и, вообще, не гусь, а какая-нибудь костромская утка!

Сейчас произошло кое-что, совершенно необыкновенное: я сижу на громадном старом дереве, упавшем в реку, толщины столь большой, что сижу вполне удобно поперек ствола и в этом направлении вытянул ноги. На этом же дереве стоит мой походный складной столик, на котором я пишу. Рядом еще несколько деревьев, вывернутых из земли с корнем и лежащих наполовину в воде. Вся эта масса дерева отделила от реки небольшой затон, очень мало сообщающийся с остальной рекой, в нем плавают головастики, и пускают пузыри лягушки. Лист бумаги, на котором пишу, как видишь, только что свалился в воду, в этот самый затон, и когда я отправился его доставать, то увидел

ЛЯГУШКУ,

но не обыкновенную лягушку, а настоящее чудовище — такую громадную, что одной рукой ее и взять было бы невозможно. Впечатление настоящего страшного зверя. Ослепительно черного цвета. Она сначала меня не заметила, когда же я попытался приблизиться к ней настолько, чтобы ее тронуть, то с громким звуком, который могу назвать только криком (так как ни на свист, ни на писк не похоже, а похоже именно на вскрик) она бросилась в воду, прыгнувши сразу на большое расстояние, отчего пошли кругом такие волны, как если бы прыгнула в воду, действительно, большая зверюга. Я не только никогда таких лягушек не видал, но и не знал никогда об их существовании. Впрочем, теперь вспоминаю, что в детстве читал о лягушках, называемых, кажется лягушками-быками, и что они водятся именно в Америке. Но я думал, где-нибудь в Бразилии или, может быть, в дельте Миссисипи, во всяком случае, не в окрестностях Принстона.

Вообще, что за странная страна такая, где всё приобретает громадные размеры, начиная с лягушек! Как раз, когда упала в воду моя бумага, я собирался писать, какие большие деревья склоняются над рекой, и главное, даже не самые деревья (такие есть и у нас), а так называемый испанский мох на них, длинными и страшными бородами свисающий на целые метры почти непосредственно над водою. И ужи здесь толщиною в кисть моей руки! Все время громко кричат птицы, и дятлы стучат громко. Лягушки уже опять храпят и клохчут кругом. Кроме того, старые, сухие большие деревья скрипят и стонут зловецим образом даже сейчас, когда кажется, что никакого ветра нет и солнце печет и оживотворяет эту речку и лес, и окружающее болото, которое кажется бесконечным, если только можно так выразиться, *“im Kleinen”* (в малом масштабе — нем.), даже в небольших его не высушенных участках. Моему уму непостижимо, что здесь нет ни малярии, ни комаров... Зато летают в воздухе жуки и еще какие-то страшные мухи. Одна из них меня вчера укусила в руку, распухла вся рука и еще сегодня не прошла.

А дятла своего я не только слышу, но сейчас и вижу — все время стучит, как метроном. Хотя то, что он выстукивает, скорее, противопоставляется тому, что происходит кругом. Происходит же *Le Sacre du Printemps* (название балета И. Стравинского) — редкий случай, когда с французского нельзя перевести точно на русский, так как это вовсе не “Весна священная”, а нечто вроде “Заклинания весны”. Наверное, под этим солнцем и в этой тишине в этих болотах происходит зарождение жизни, столь же первоначальное и таинственное, как оно происходило в самом начале органической жизни. Вообще, существует солнечная и лунная таинственность в мире. И что полдень — один из самых таинственных часов (нисколько не меньше, чем полночь) — совершенно несомненно, что подтверждается тем, что моя страшная, черная полуденная лягушка нисколько не менее таинственна и страшна, чем и самая страшная полуночная сова, и кричит так же страшно. Дятел же стучит в живом и точном *allegretto* и напоминает о том, что этими полуденными гадами все-таки не все исчерпывается, и что существует многое другое...

Вообще, удивительная вещь: в Баку полагается быть ветру, в Лондоне — туманам, а в одном часе езды от Нью-Йорка не полагается никакой природы — поэтому ее никто не замечает (не заметил ее и я три года тому назад, так как знал, что ее вовсе и нет). А между тем, она не только есть, но и вполне американская и отличается от Флориды гораздо меньше, чем от Европы!

21 апреля 1931 г.

Продолжение

Собирался идти сейчас на реку и продолжать письмо (вчера тоже был там, но читал газеты: "New York Times" о "хозрасчете" у нас и "Vossische Zeitung" о том, как французы недовольны таможенным союзом Германии и Австрии).

Однако сию минуту позвонил Alexander и предложил ехать с ним в Нью-Йорк слушать Стравинского, но не "Le Sacre du Printemps", а CÆDIPUS-REX в Metropolitan Opera с Тосканини в качестве дирижера и всякими иными знаменитостями в постановке, о которой уже за недели писали длиннейшие статьи в газетах. Но жду, действительно, большого впечатления, так как говорят (и говорили в Германии, а не в Америке), что это значительнейшее из всех его произведений.

Но будет, значит, Стравинский, не в род мой лягушки, а скорее вродя Эдипа (ваш ребе еще так асает романтизма и классицизма: лягушка тут естественна "вумра" — ты-то посмущал, как она хлопает, а Эдип: "Гу, гу, гу" — "Кетика"!)

Менду прочти, лягушка моя еще строго определенна ~~и~~ и единственна: она вера оный сидела.

в точности на том же самом месте. Глаза у нее, как пуговицы быва-
ют на башмаках — громадные, черные, блестящие и страшные. Вообще, она, наверное, самая старая и мудрая лягушка во всех здеш-
них краях и царица всего болота. Я уверен, что всё его население при-
ходит к ней и спрашивает у нее советов во всех важных случаях
жизни. А Вера Архиповна, если бы ее увидела, то, наверное, так бы
испугалась, что лопнула бы от страху и был бы ей полный перевод!

Об "CÆDIPUS-REX" в следующем письме, которое пойдет в пятни-
цу с "Бременом" и придет, может быть и раньше этого, идущего за-
втра с "Беренгарией". Но "Беренгария" — очень хороший корабль,
кроме того, она чуть не потонула, и мне жаль ее обижать, поэтому
это письмо отправляю с ней.

-
- Вера Архиповна — В.А. Пономарева.
 - "Le Sacre du Printemps" — балет И. Стравинского (1913) — русское название "Весна священная. Картины языческой Руси".
 - CÆDIPUS-REX — опера И. Стравинского (1927) — русское название "Царь Эдип".

30 апреля 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Отвечаю сейчас на твои письма от 12, 14 и 16 апреля.

Письмо от 12-го начинается словами: “Хоть тебе и 35 лет сегодня, а ты всегда все напутаешь” ...

А КТО У НАС ПУТАНИК-ТО ?!

Выдумал такую враку, будто бы мне 12 апреля исполняется 35 лет! Я же родился вовсе не 12 апреля по новому стилю, а 25 апреля — по СТАРОМУ, т.е. по НОВОМУ — 7 мая! А ты меня сделал старше на целых 25 дней! (В связи с этим переделай заново вычисления, в какой день наши возрасты будут точно относиться, как 5:4.)

В наказание и чтобы я чувствовал, что ты празднуешь мое рождение, нарисуй мне новых гусят и собачиц, соответствующих этому моменту, а также пришли для меня свои “Analytische Methoden in der Wahrscheinlichkeitsrechnung” со специальной надписью.

Но ты и не только путаник, но и безобразник и бесстыдник — обидел насмерть бедную Лину Самойловну! И, действительно, обидел, даже ничего нельзя возразить. Обещал ей прийти к ней 21 марта, и не только не пришел, но и не позвонил по телефону, и вообще, так до 15 апреля (день, когда она писала мне) и не дал о себе знать. Разве это хорошо? Уж я даже и не знаю, как теперь быть — пожалуй, до моего приезда лучше уж и не заходи.

Безобразник же ты еще и потому, что, хоть письма твои бывают очень милые и хорошие, но в них, в части повествовательной, очень мало описывается твоя собственная жизнь. Ничего не написано, как прошел твой доклад 4 апреля и о каких именно впечатлениях ты рассказывал, и вообще, отсутствуют подробности, позволяющие реально представить себе твою жизнь из дня в день. Даже не написал мне, что был у моего брата — это уж совсем из рук вон!

И о твоих водных процедурах так ни слова и не написал, так что я не знаю, все ли ты по утрам на себя капаешь две капельки воды из губки или ты теперь уже начал купаться. Где происходило твое первое, неудачное купанье в Клязьме и почему ты не купался в глубоком месте?

Лина Самойловна пишет, что туалетного мыла сколько угодно по 1 р. 50 — 1 р. 75 к. кусок (мыло “Palmolive” здесь стоит

10 центов кусок, есть гораздо дешевле, коэффициент получается не очень хороший). А вот что меня, положительно, удручает — это отсутствие в Москве фруктов — это для меня одна из основных физиологических потребностей. Что касается апельсинов, то Бог с ними! Но куда подевались все яблоки, самые обыкновенные? Что же, их тоже, что ли, экспортируют, яблоки, которых в Волоколамском и Рузском уездах Московской губернии росло видимо-невидимо! По какой цене их можно доставать? Имеется ли виноградный сок и сколько он стоит? Это все меня интересует, особенно, в связи с моей крапивницей, которая появляется при самых ничтожных погрешностях в диете. Единственное, о чем я мечтаю в русском столе, это о кашах и черном хлебе. И хоть бы были самые обыкновенные кислые антоновские яблоки, никаких изысканностей мне не требуется!

Что касается институтских окладов, то положение, которое ты описываешь в своем последнем письме, резко отличается от того, о котором ты писал несколько писем тому назад. Тогда ты считал вероятным, что и мне будет предоставлена персональная ставка, теперь же ты пишешь о моей “чрезмерно экзотической специальности” и т.п. Если соображения, о которых ты пишешь, действительно осуществляются, то я, несомненно, уйду из Института. Если мою специальность находят чрезмерно экзотической, то и не надо мне писать и телеграфировать о моей “незаменимости”, а надо мне предоставить свободу работать там, где этой экзотичности не замечают. В атмосфере же, где имеются специальности привилегированные (стоимостью в 500 руб.) и “экзотические” (в 140), работать и не могу, и не желаю. Во всем мире, от Москвы до Сан-Франциско, включительно, оклад, предлагаемый данному лицу в данном учреждении, выражает только одно: оценку всей совокупности работы данного лица в этом учреждении. В этом смысле введение персональных окладов означает выделение из чрезмерного количества наличных работников Института тех, работа которых рассматривается, как действительно полезная. Короче говоря, распределение всех работников на “первые” и “вторые” роли мера, совершенно необходимая, так как 16 человек на первых ролях, конечно, быть не могут. Более того, я даже согласен с тем, что при теперешнем направлении деятельности Института к этим, наиболее необходимым (для этой деятельности) работникам я не принадлежу. Но субъективный вывод, который отсюда можно сделать, — только один, а именно: мне из Института надо уходить, так как переходить на вторые роли

(как бы целесообразно с объективной точки зрения это ни было) отнюдь не собираюсь.

Mr. Ziprin'у я указал, в качестве желательной суммы стипендии для него, \$ 200 в месяц (ответ нужно было дать до получения твоего письма). Надеюсь, что как-нибудь обойдется, впрочем, поговорю с Veblen'ом. Lefschetz'у напишу — не знаю, соберется ли он в Москву — уж очень всех пугает дороговизна московской жизни, сильно возросшая сравнительно с тем, что было два года тому назад. Если он придет, то только во второй половине июня. Но я что-то сомневаюсь в этом, и, главное, сам не имею достаточной уверенности, чтобы настаивать на его приезде — мы все, представители “экзотических специальностей”, все-таки, привыкли к несколько большему вниманию, чем то, которое, по-видимому, можно ожидать от коллегии Института математики и механики!

Ты, может быть, спросишь “в чем именно”? Не знаю, право. Во всем. Не похож этот Институт на все остальные, известные мне, да и только. А в остальном, о вкусах, как известно, не спорят. Но не хочу возвращаться к темам, и надоевшим, и неуместным, особенно, по поводам, чересчур специальным. Но не думай, что я это принимаю чересчур близко к сердцу!

Присланную тобою газету я получил. Речь Молотова очень понравилась — деловая, серьезная, не крикливая и доброжелательная, безукоризненная в стилистическом и синтаксическом отношении. Во всех этих отношениях — прямая и приятная противоположность статьям Кольмана, по крайней мере, той его статье, которая с месяц тому назад была мне прислана и о которой я тебе писал (см. письмо от 2 марта 1931 г.).

Получил еще длинное письмо от Fréchet. Все хочет, чтобы я ему прислал изложение своей работы по теории размерности, что собираюсь, наконец, сделать (хотя не знаю, чем ему не нравится изложение, имеющееся в “Comptes Rendus”). Кроме того, спрашивает, не могу ли я содействовать избранию его в члены-корреспонденты здешней (Вашингтонской) Академии Наук. Сначала мне эта просьба показалась смешной и странной. Но всё письмо такое трогательное (в первый раз от Fréchet), такое человеческое и искреннее, что я решил, все-таки, попытаться сделать что-нибудь в этом направлении и буду на днях говорить с Veblen'ом. Очевидно, избрание в иностранную академию нужно ему, чтобы повысить свои шансы у себя на родине. Courant приглашен на будущий год

в Калифорнию, и в связи с этим у меня тоже еще много хлопот, так же, как и по аналогичному поводу для Neugebauer'a. Последний, впрочем, пока больших шансов не имеет. А письмо Fréchet в первый раз дало мне возможность почувствовать его человеческую душу, а не только ее — часто смешное — обрамление.

Ты мне до сих пор не написал ничего окончательного о нашей поездке в Днепрпетровск летом. Что же пишешь по этому поводу Огивецкий?

На это письмо (которое ты, вероятно, получишь числа 12-го мая) ты еще сможешь мне ответить сюда. Мой пароход отходит в полночь с 27 на 28 мая, так что утреннюю почту 27-го я еще получу в Принстоне. А уж очень будет приятно получить твое письмо перед самым отъездом! Кроме того, напиши мне еще по адресу:

Prof. P. Alexandroff,
(sailing with S.S. "Deutschland"
May, 28)
Hamburg—American Line
39 Broadway,
New York, N.Y.
U. S. A.

Неприменно напиши по этому адресу — это письмо я получу в самую минуту отъезда. Когда американцы уезжают, то бывает очень много провожающих, весь пароход осыпают конфетти и проч., а у меня, вместо всего этого, будет твое письмо, очень милое и хорошее.

Дальше напиши мне в Cherbourg, France, но напиши только одно письмо с таким расчетом, чтобы попало оно туда 1—2 июня. Всю же остальную массу писем, которые ты будешь мне писать 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 мая и 1 июня — значит, 17 штук — рассчитываю получить по адресу:

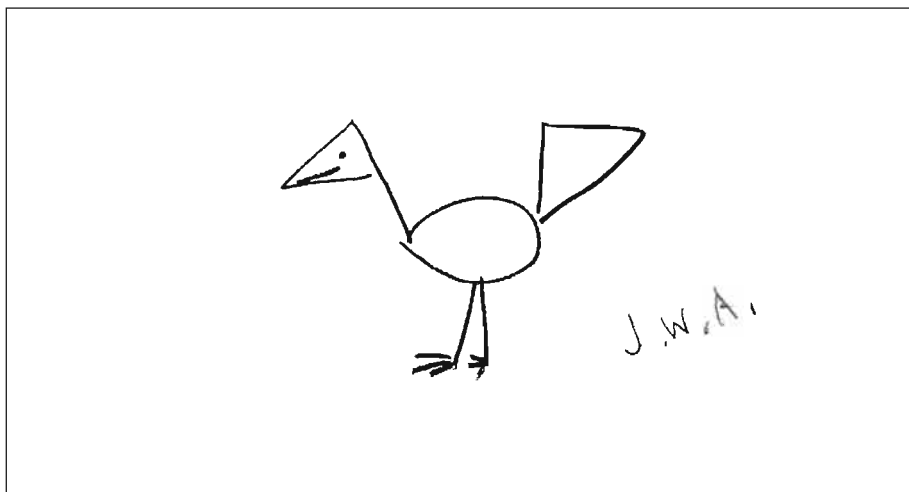
HAMBURG, postlagernd (до востребования — нем.),

где буду 5 июня.

А через полтора месяца я и вовсе буду дома!

Послезавтра будет торжественный факультетский завтрак в честь E. Landau, который завтра приезжает в Princeton. Увижу опять и Frau Landau, которой буду даже больше рад, чем самому Landau. Хотя и ему буду рад достаточно.

⟨В письмо вложен листок с рисунком и подписью под ним:⟩

Этот гусь нарисован в день твоего рождения, т.е. 25 апреля, по специальному заказу J.W. Alexander'ом и подписан авторскими инициалами (J.W.A.). Так что, после твоей смерти должен быть переслан в Архив по истории науки при Академии Наук. Хоть гусь этот и очень страшный, но имеет одно несомненное достоинство, а именно: головка у него горбушечкой, как у самого настоящего Холмогорского Гуся!

-
- *“Analytische Methoden”* — см. Примечание к письму от 14 апреля 1931 г.
 - *Институт* — речь идет о Научно-исследовательском институте математики и механики Московского университета, где тогда работали П.С. Александров и А.Н. Колмогоров.
 - *Доклад 4 апреля* — см. Письмо А.Н. Колмогорова от 1 апреля 1931 г.
 - *Лина Самойловна* — Л.С. Нейман.
 - *Изложение, имеющееся в Comptes Rendus* — речь, по-видимому, идет о статье П.С. Александрова *“Sur la dimension des ensembles fermés”* // *C.r. Acad. sci.* — 1926, v. 183, p. 640–643.
 - *Речь Молотова* — см. письмо от 9 марта 1931 г.

7 мая 1931 г.

Сегодня мне исполняется 35 лет —
“конец моей половины”.

Сегодня, как раз, опять четверг,
как было 7 мая 1896 года

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня и вчера получил два твоих письма, а мое сегодняшнее письмо будет короткое, так как сейчас уже довольно поздно — я прозанимался сегодня (книгой (см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.) без особого успеха, так как все время переделывал одно и то же) с утра до половины восьмого вечера. Занятия прерывались только чтением твоего письма, питьем молока и т.п. Целый день лил дождь, и так как до моей Stony Brook три четверти часа ходьбы, то купанье сегодняшнее было отменено. К восьми часам вечера пришел вот к M. Lahiere, немного почитал “Vossische Zeitung”, пишу тут же, у M. Lahiere, чтобы не идти еще потом на почту. Сижу один во всем ресторане, так как хоть он и закрывается только в 11 часов, но во внеобеденные часы бывает совершенно пуст.

В “Vossische Zeitung” читаю длинную повесть из жизни немецкого юношества (гимназисты последнего класса) — и написано хорошо, и современно, в хорошем смысле слова. Есть многое и на тему об “единственном друге” — благо в том возрасте, в котором находятся действующие лица этой повести, того основного затруднения, о котором ты мне писал в одном из предыдущих писем (“жена”), слава Богу, еще не возникает.

Я же сам все последнее время воспринимаю бытие с какой-то повышенной остротой, т.е. интенсивно чувствую течение жизни во времени. Чувствую и ценность жизни, неповторимость каждого уходящего часа, но, правда, больше в аспекте именно уходящих часов, как будто бы, в самом деле, нам

“...не радость встреч дана,
а темные восторги расставанья”.

В то же время знаю, что много есть и “радостей встреч” и независимо от непрерывно воспринимаемого тока жизни. Сознание вне-временной природы жизни и, как хочешь, ясная уверенность во времени, лишь как в форме бытия — уверенность, действительно,

эмоциональная (а не такая, в которой сам себя убеждаешь) у меня действительно есть. А если под вечным понимать независимое от времени, то вот тебе и уверенность в вечности, в каком-то смысле, и моей жизни, т.е. в вечности всего того, что в ней есть настоящего. Следовательно, и возникает основа религиозного восприятия мира (над которым, в применении ко мне, ты всегда, бесстыдник такой, смеешься). Знаю, что все это, по необходимости, неясно изложено, как не отчетлива и основная моя формула: “Смерть есть только преобразование координат, от которого ни в какой реальности не меняется НИЧЕГО”. Вполне отчетливой формулы и не может быть, так как иначе не было бы и никакой жажды жизни и смерти. О том же, что таковая есть, можно прочесть и услышать везде, начиная с Апостола Павла и кончая “Эдипом” Стравинского и “Фантазией” Шумана.

С Frau Landau мы очень трогательно простились — в надежде на свидание осенью 1932 года в Цюрихе, на Международном математическом съезде. Внешняя “организация” моей жизни, с резко расчлененными периодами в один—полтора—два года, конечно, располагает к этому подчеркнутому восприятию “течения времени” — обыкновенно, в нормальных условиях, люди не прощаются со своими знакомыми в мае 1931 года с предположительным назначением следующего (близкого) свидания на сентябрь 1932-го. И этим освобождаются от постоянной констатации того, что вот, опять прошло полтора года!

Что же касается “New York Times”, то я читал там не только подробное описание московского ледохода (со специальным упоминанием можайского льда), трамвайной катастрофы на Театральном проезде, землетрясения в Армении, новом романе Горького (“Магнит”), но также сведения о резиноносных растениях в закаспийских степях, о вновь открытых богатых залежах каменной соли в Узбекистане, о темпах Сталинградского тракторного завода (к сожалению, не очень удовлетворительных), о состоянии озимых посевов (хорошем) и о весенней посевной кампании (запоздавшей). Не говоря уж о всяких высоких проблемах политики и экономики. Кроме того, изложение статей из “Экономической жизни” по поводу происходящего в Вашингтоне съезда “Chambers of commerce” — международных торговых палат — так, кажется, это называется?

А теперь

ДЕЛОВЫЕ ВОПРОСЫ.
ТРЕБУЮЩИЕ НЕМЕДЛЕННОГО ОТВЕТА
в HAMBURG, postlagernd (Гамбург, до востребования — нем.).

1. Вопрос о привозе необходимых СПОРТИВНЫХ и ЭКСКУРСИОННЫХ принадлежностей.

Предполагаю:

а) палатку,
б) спальные мешки (кроме ранее указывавшихся тобою лыжных и прочих мелочей).

Жду от тебя:

а) дальнейших инструкций (что именно привозить).
б) НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНОЙ ПРИСЫЛКИ РАЗРЕШЕНИЙ НА ПРОВОЗ. Иначе я ничего не смогу сделать, так как рисковать тем, что все привезенное может подлежать отобранию, было бы очень уж неприятно.

2. Сейчас же точно обдумай, что еще нужно привезти и напиши ТОТЧАС ЖЕ, чтобы у меня все было перед глазами, как только приеду в Германию и не приходилось все покупать в последнюю минуту. Возможно, что я прямо из Гамбурга поеду в Мюнхен, где и буду тогда покупать все необходимое.

3. Напиши о планах на лето в связи с Огиевецким, т.е. с лекциями в Днепропетровске. Ты давно обещаешь написать об этом “в следующем письме”.

4. Непременно сходи на главную таможню (Каланчевская площадь, рядом с Октябрьским вокзалом) и узнай точные нормы для посылок БУМАГИ и МЫЛА — об остальном надеюсь узнать в KDW (кстати, адрес: Berlin, KDW — этого достаточно, так как этот магазин такой же величины, как и “Wertheim”).

5. Имеются ли в Москве еще “Хлородонт” — мыло для бритья, а также бритвенные ножички? Этот, последний вопрос, впрочем, не столь уж важен.

Ну, будь здоров и кланяйся Вере Яковлевне.

10 фунтов сахара и 10 фунтов риса уже посланы.

-
- Frau Landau — жена Э. Ландау.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Двустипшие, которое здесь, снова по памяти, цитирует П.С. Александров, принадлежит М. Волошину (“Corona Astralis”, Венок сонетов, 1909).

11 мая 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня “Vretem” привез мне твое коротенькое письмо (все письмо о дисках для метания — письма твои за последнее время, вообще, стали уж очень коротенькими), а завтра пойдет назад и повезет мое письмо, уж, понятно, длинное! Так как немыслимо, чтобы между 21 и 29 апреля ты не написал мне ни одного письма (и даже не написал, как прошел день твоего рождения), то думаю, что промежуточные письма попали на “Olympic’a”, который уехал на день раньше, чем “Vretem”, но придет только завтра.

А когда ты будешь читать это мое письмо (надеюсь, что это будет числа 23—24 мая), то я буду сидеть еще в Америке, но не в Princeton’е, а на берегу Атлантического океана. Лекции и все мои дела кончатся 20-го, но так как пароход мой идет только вечером 27-го, то на эту неделю я решил поехать на берег моря (в 2 часах автомобильной езды), где Veblen нашел мне даже не комнату, а целый этаж (!) с окнами на все четыре стороны в домике, совершенно одиноком и расположенном на самом берегу моря. Нижний его этаж занят двумя женщинами и не то мужем, не то братом одной из них. Он рыбак, а она имеет лавочку, торгующую летом и по воскресеньям, когда люди приезжают в автомобилях смотреть на море и пить лимонады. Вероятно, впрочем, окажется, что там можно пить не одни лимонады — недавно в газетах я видел карту-диаграмму USA с указанием, насколько штаты “сухие” и насколько “мокрые”. Чем гуще штриховка, тем менее соблюдается “prohibition” (букв. запрет, т.е. “сухой закон” — англ.). Штаты к западу от Чикаго (но к востоку от Калифорнии) некоторые совсем сухие, совсем не заштрихованные. При приближении к Чикаго и, особенно, конечно, к побережью, штриховка появляется и делается все гуще и чернее, а в моем New Jersey, вообще уж, не штриховка, а сплошь черная типографская краска!

Мои американские месяцы прошли быстро, и я уже посреди прощальных вечеров и прогулок. Третьего дня ездил с Veblen’ами, семейством Bohr (сам Harald Bohr, очаровательная жена его и трое детей) и одним из здешних молодых топологов на берег моря (там и было найдено мне жилье). Между прочим, все житье там будет стоить 2 доллара в день: полный пансион при помещении в целый этаж: Schlafzimmer (спальня — нем.) в два окна, Wohnzimmer (жилая комната — нем.) — в четыре и нечто вроде передней, куда лестница выходит. То есть, действительно, баснословно дешево. Объясняется это, конеч-

но, тем, что сейчас не сезон, но все-таки во всяком случае, гораздо дешевле, чем обходится мне жизнь в Принстоне.

Море опять на меня произвело громадное впечатление. Был жаркий, солнечный день, но на море то находили, то опять таяли, как облака на Гокке, фантастические туманы, и, в соответствии с этим, цвет моря все время колебался между свинцово-фиолетовым, мрачным и страшным, и ярко сине-зеленоватым (ярче и синее, чем в Batz в солнечные дни). Был большой прибой, но берег песчаный и пологий, плавать было безопасно и очень хорошо. Купался я с уже упомянутым молодым топологом, остальные бежали по песку на границе воды, вдалеке от нас.

А вчера был вечер у Alexander'a. Предполагался тоже пикник, но собралась гроза, и все остались дома. Сначала, до грозы, сидели в большом Alexander'овском саду, Mrs. Veblen жарила бифштексы на керосиновой печке для пикника (гораздо удобнее примусов и безопаснее — их резервуар с керосином находится вдали от самой печки, соединен с ней трубкой и в любую минуту может быть выключен), остальные сидели на траве и также осуществляли всякое хозяйство. Потом пошел ливень, все было перенесено в дом и расположено на ковре. Стиль вечера был более русским, нежели американским. Впрочем, по окончании этого импровизированного ужина (сопровождавшегося, как всегда у Alexander'a, также и винами — у Вебленов их, естественно, не бывает) Alexander прошелся по ковру с пылесосом (уделяя, с полным основанием, особое внимание тому месту, где сидел я), так что Америка все-таки вошла в свои права. Потом танцевали танго (немного и немногие, супруги Alexander, как всегда, артистически, так что любовались ими все). Потом все-таки разговаривали и на философские темы. Об этом много говорили и при

предыдущих собраниях с участием Bohr'a, рассказывавшего, в частности, о недавних докладах своего брата-физика о, по-видимому, фундаментальных философских последствиях современных физических теорий (группирующихся, главным образом, вокруг теории квант, а не теории относительности, как и ты всегда говоришь), и о том, что, по-видимому, основным последствием этого рода является полный пересмотр вопроса о физической реальности в направлении, в котором — насколько я мог судить — грань между объектом и

Edmund Landau
(из серии Portraits Göttinger Professoren)

субъектом почти стирается. Одна из Bohr'овских идей при этом — необходимое взаимодействие наблюдающего субъекта и наблюдаемого объекта и невозможность выделить чистый объект, свободный от этого воздействия наблюдающего — идея, которой присутствовавший при этом Landau дал удачную парадоксальную формулировку: *“Die Bäume fallen, weil man sie ansieht!”* (Деревья падают, оттого что на них смотрят — нем.).

Но я опасаясь, что эти идеи противоречат марксизму и потому являются вздорными. Впрочем, окончательное решение этого вопроса, конечно, может принадлежать только ближайшему партийному съезду и, надеюсь, будет и Институтом математики положено в основу плана его деятельности на ближайшие пять лет.

В Холмогоры твои ехать на вас, гусей холмогорских, смотреть я согласен, но только не этим летом, а будущим, так как этим летом мы, как будто, решили сделать только совсем маленькое путешествие. Будущее же согласен провести наполовину на севере, а наполовину на юге. Возвращаясь к этому лету — как же все-таки дело с Днепропетровском? Непременно напиши мне об этом в Гамбург, до востребования, как я тебя просил в предыдущем письме. Еще раз напоминаю о том, чтобы достал разрешение на провоз спортивно-экскурсионного инвентаря. И уж купи мне, бедному, ядро, чтобы мне его “толкать”. Диск бросать мне, верно, так и не научиться — на 540° я даже не знаю, как и повернуться. Я даже больше, чем на 120° , и головы повернуть не умею. Это у вас только, у гусей, шеи бывают такие, что ворочаются на 540° .

Что при нашей Фундаментальной библиотеке организуется *Lesezimmer* и что ты взялся за это дело, конечно, очень хорошо. Только, смотри, не набирай на себя чересчур много работы! А уж будет ли какой-нибудь толк от Юлии Антоновны — не знаю. По-моему, надо бы кого-нибудь потолковее и поэнергичнее, что-нибудь вроде Крейнса для постоянного заведования. Тебе же сохранить только верховное руководство. Юлия же Антоновна и тут разведет киселю. Что бы это было, если б в Гёттингене на место *Neugebauer*'а посадить Юлию Антоновну? Боюсь, что был бы полный перевод всему Гёттингенскому Институту!

-
- Брат-физик Х. Бора — Niels Bohr.
 - Юлия Антоновна — Ю.А. Рожанская.
 - *Lesezimmer* (букв. читальный зал — нем.) — П.С. Александров упоминает знаменитую на весь мир Гёттингенскую университетскую библиотеку, созданную Ф. Клейном. Она никогда не закрывалась, и П.С. и А.Н. занимались там во время своего пребывания в Гёттингене (имели свои ключи).
 - *Институт математики* — НИИ математики и механики Московского университета.
 - *Гёттингенский Институт* — Институт математики Гёттингенского университета.

15 мая 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера приехали еще два твоих письма — одно, состоящее из 28 гусей (очень хороши!), а другое — настоящее письмо. Приехали они самым неожиданным образом — через Архангельск! На каком-то, совсем завалащем, грузовом (!) пароходе и шли 19 дней! Верно, кляземский почтмейстер перестарался и решил, что скорее всего письма идут, если их посылать, как лес, прямо в Америку — погрузить в Архангельске и разгрузить в Нью-Йорке!

Так что сегодня ты опять очень хороший и даже еще лучше, чем все 28 гусей, хотя и они очень хороши (особенно хорош 14-летний, такая забияка! А 19-летний важный-преважный, и есть также и очень страшные, например, в 26 лет. А 17-летний уж очень бедненький и шейка длинная такая!).

То, что ты мне пишешь об Институте (особенно о Lesezimmer), меня радует. Голубев — человек умный и культурный, организатор же, конечно, гораздо лучший, чем Александр Яковлевич. Я думаю, что это удачное назначение.

Что же касается Springer'a и проч., то думаю, что книга, написанная по-русски, не будет особенно замечена в Западной Европе. Кроме того, вероятно, само собою выйдет, что русская книга будет достаточно сильно отличаться от немецкой. Написать две тождественные книги невозможно, и если немного позаботиться об этом, то можно легко достигнуть, чтобы обе книги выглядели совсем по-разному. Если будет повторение предложения тебе, то, по-моему, надо соглашаться, но в то же время сказать, что ты не можешь сейчас же приступить к работе. Когда я приеду, мы все подробно обсудим, и я не сомневаюсь, что найдется возможность все это устроить. Я еще поговорю об этом с Neugebauer'ом. Ты же ни ему, ни, тем более, Courant'у, на эти темы, конечно, не пиши.

Вчера же ездил в Нью-Йорк по предотъездным делам. Всю эту неделю был холод и дождь, я ни разу не купался. Купался бы, конечно, если бы это не было целым путешествием, или если бы, по крайней мере, это путешествие можно было бы совершать в трусах и босиком. Мокнуть же под дождем одетому, как ты знаешь, не люблю.

В газетах все время много информации о нашем отечестве, особенно, в связи с процессом Автостроя в Нижнем Новгороде. Процесс

этот здесь очень приветствовали, так как целый ряд крупнейших инженеров американских, работающих у нас, жалуются, что из-за волокиты и бюрократизма в отдельных учреждениях они чувствуют себя в положении людей, получающих большие деньги неизвестно за что, так как, пока они доберутся до настоящей работы, их вводят по заседаниям и комиссиям, и месяцами они пребывают в полной бездеятельности. В Нижегородском же процессе видят начало решительной борьбы с такими явлениями.

Вообще же, в центре газетной информации последних двух дней стоит поражение Briand'a на выборах в президенты Французской республики.

Лекции мои кончатся завтра. Но еще предстоит докторский экзамен — я назначен в число трех экзаменаторов.

В понедельник (с пароходом "Europa", с которой будет тебе послано письмо) едут в Европу Alexander и его жена Наталья Александровна (Певецкая). Он — в Швейцарию, а она — в Москву, а оттуда, вероятно, в Самарканд (у нее больна мать и, может быть, моему брату придется ее оперировать). Я дал ей твой телефон.

Лэфшецу я написал, чтобы в случае, если он поедет в Москву, он телеграфировал сейчас же тебе, чтобы ты мог предпринять все меры для получения визы. Но виза наша, кажется, дается американцам очень легко. Наталья Александровна получила ее меньше чем в 2 недели без всяких хлопот, а то обстоятельство, что она сама родом из России, едва ли особенно способствовало ускорению.

Ну, будь здоров, пиши: Hamburg, post-lagernd (до востребования — нем.).

Вере Яковлевне привет.

KDW (а не DKW) = Kaufhaus Des Westens — один из самых больших универсальных магазинов в Берлине.

(В письмо вложена открытка с текстом:)

Вид с Empire State Building (на открытке) действительно очень интерес-

ный: город еще не карта (как выглядит с самолета), но макет. Автомобили на улицах, как мухи, и точно их на ниточках дергают. Все в целом выглядит приближением к нигде не дифференцируемой поверхности.

А вот это (на другой открытке) — тот вид на Нью-Йорк, который я люблю (еще лучше — более с юга смотреть на самый кончик Manhattan'a — посередине страшные дома, а по обеим сторонам — вода).

-
- *Институт* — НИИ математики и механики Московского университета.
 - *Александр Яковлевич* — А.Я. Хинчин.
 - *Springer Julius (Шпрингер)* — известный немецкий издатель, основатель издательства, носящего его имя.
 - *Книга для Springer'a* — см. Примечание к Письму А.Н. Колмогорова от 1 мая 1931 г.
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Автострой в Нижнем Новгороде* — строительство Горьковского автомобильного завода (ГАЗ, введен в строй в 1932 г.).
 - *Книга, написанная по-русски* — см. Примечание к Письму А.Н. Колмогорова от 1 мая 1931 г.

17 мая 1931 г.

(из Принстона, США,
в Москву, Трубниковский пер.)

Не знаю, что сделалось с твоими письмами — они стали очень запаздывать — до сих пор редкое из твоих писем было более 12–13 дней в пути, сейчас же последнее письмо, полученное мною, — от 29-го апреля! Вчера приехала “Мавритания” и ничего не привезла! Не омолодился ли состав служащих Кляземской почтовой конторы — может быть, теперь все письма будут приходить не с большими пароходами, а идти через Архангельск и приезжать вместе с дровами?

Когда мое письмо дойдет до тебя, Lefschetz уже, вероятно, будет в Москве: сегодня я узнал, что свое путешествие в Москву он устраивает при посредстве профессора Эренфеста (мужа Татьяны Алексеевны) и предполагает пробыть в Москве месяц (с 23 мая по 23 июня). Я, таким образом, еще застаю его в Москве. Пожалуйста, постарайся увидеть его и передай ему самые сердечные мои приветствия. Скажи ему, что я ему писал по его Лондонскому адресу (надеюсь, что он письмо мое получил), что я очень рад его приезду в Москву и огорчен лишь тем, что смогу только короткое время пробыть в Москве вместе с ним. Я опасаюсь, что Лефшец обиделся на меня, так как я очень долго ему не писал. Это происходило оттого, что я не имел достаточной уверенности в том, чтобы его приглашать. Еще более боюсь, что все знакомство Лефшеца с Московскими математиками пойдет по линии Люстерник–Шнирельман и К° и что эта компания будет стараться использовать его приезд в целях своих личных. При всех их математических заслугах, математическая Москва все же ими не исчерпывается, и было бы печально, если бы Лефшец получил в этом отношении неправильную перспективу. Впрочем, я надеюсь, что с Понтрягиным — то он, во всяком случае, познакомится, и что знакомство это для обеих сторон будет и интересным, и плодотворным.

Лефшец — человек очень своеобразный: в высшей степени сумбурный, взбалмошный и путанный, часто говорящий даже глупости (в том числе, и математические), но, в то же время, имеющий вполне первоклассное и очень интересное математическое дарование и настоящие, большие математические идеи. Он весь зависит от своего настроения и впечатление может производить самое разнообразное и часто совершенно противоречивое. Вследствие своей темпераментности и склонности к иронии (часто едкой и остроумной), он может в известных случаях наговорить и всяких

бестактностей — это тоже одно из оснований, заставлявших меня сомневаться в целесообразности его приезда в Москву в мое отсутствие.

Я завтра уезжаю, как тебе уже писал, на неделю на берег океана. Вчера был прекрасный, солнечный день, сегодня сначала было пасмурно, но сейчас, к вечеру, погода проясняется.

Кстати, еще

О ЧУДЕСАХ ПРИРОДЫ в окрестностях города Princeton

1-е чудо — МУРАВЬИ на берегу Stony Brook по размерам вполне соответствуют ранее описанной чрезвычайной лягушке (кстати, лягушки эти, действительно, называются “лягушками-быками”). Муравьи очень страшные и, если такой громадный муравей укусит, то, вероятно, будет очень больно (особенно если укусит в неподходящее место, что с муравьями часто случается).

2-е чудо природы: тут водятся ДВЕ ПТИЦЫ (т.е. две породы птиц), которые поют не так, как все птицы: на фоне обычного птичьего щебетания, свиста и т.п. вдруг раздается настоящая музыкальная фраза, которую без труда можно пропеть и сыграть на любом инструменте. Если бы я обладал необходимыми сведениями по теории музыки, я бы непременно записал эти две фразы: я редко слышал столь прекрасные и значительные темы, как эти две, пропетые двумя различными птицами. Впрочем, я неверно говорю, что обе птицы их поют — одна пела несколько дней и, по-видимому, прекратила свое пение третьего дня, а другая начала петь вчера. Тема первой птицы состояла из 5 нот, второй — из 6, сгруппированных в три пары. Тема — нисколько не менее проникновенная, чем знаменитая (состоящая из 4 нот) тема Бетховенской 5-й или Скрябинской 3-й симфонии (первые части). И главное, утверждаю: это настоящая музыка (а не “трели соловья”).

Все это можно слышать на берегу Stony Brook. Лес, через который она протекает, весь зеленый и распутившийся, и земля вся между деревьями покрыта необыкновенно пышной (как и должно быть на этой насыщенной болотной почве), ярко-зеленой травяной растительностью — сплошной и глубокий ковер трав, почти по колено. Но босиком по этой траве ходить невозможно, так как 25% ее — крапива.

Я вчера даже колебался — уж ехать ли мне на берег моря на эту неделю. Но думаю все-таки поеду — уж очень привлекает, что буду

жить на самом берегу, почти, как мы с тобою жили у абхазской княжны, только без клопов. Меня очень привлекает пустынность морского берега сейчас и то, что в любую погоду ты сразу у моря. А до моей Stony Brook в дурную погоду предпринимать путешествие не хочется.

Последнюю лекцию я прочел вчера. Курс, как будто бы, прошел удачно. По крайней мере, у меня самого такое чувство, а оно редко обманывает. Но последние дни я был невероятно занят — укладкой вещей, всякими хлопотами и прощальными визитами. Вчера вечером был у Alexander'a. Чувствую большую симпатию к нему, и мне жаль с ним расставаться. И в его отношении ко мне чувствую тоже большую теплоту. Завтракал сегодня у Hille, а после окончания этого письма поеду на весь остаток вечера к Veblen'у.

Кроме того, виделся сегодня в последний раз с Bohr'ом. Вчера имел продолжительный разговор с одним из членов Правления Рокфеллеровского Фонда о рокфеллеровских стипендиях вообще. По этому же поводу имел сегодня разговор с Bohr'ом и несколько разговоров с Veblen'ом. Надеюсь, что всеми этими усилиями удастся добиться восстановления стипендии для московских математиков.

Самую главную новость я тебе еще не написал — я получил телеграмму от Норф'a, приглашающую меня на любое время (от 2—3 дней до сколь угодно продолжительного срока, хоть на все лето) в Цюрих для прочтения там 2—3 докладов и переговоров о нашей книге. Виза будет гарантирована. Я ответил согласием, но приеду только на 3 дня (которые, все равно, собирался провести с Норфом в разговорах о книге, только не в Цюрихе, а в Мюнхене). На срок моего возвращения в Москву это не повлияет: приезжая в Hamburg 5 июня, я уложу все свои Гёттингенские, Цюрихские и Берлинские дела в 10 дней, так что, непременно выеду из Берлина 15-го или 16-го, в соответствии с чем буду в Москве 17-го или 18-го июня.

Напиши мне, в какие дни в июне ты будешь в Москве, а какие — на Клязьме. Я думаю, что первые сутки мне надлежит провести в Москве для того, чтобы на другое же утро сдать паспорт в административный отдел Моссовета (и убедиться в том, что тов. Мокрушина поселяла мою трудовую книжку!), получить карточки и т.п.

Видаешься ли ты с моим братом на Клязьме? Мама тоже собиралась этот год рано переехать, не знаю, выбралась ли она уже.

Точный день моего приезда в Москве никому не сообщай, а называй только с точностью до 2—3 дней, так как я не хочу никаких “пышных встреч” на вокзале.

Серьезная просьба: не откладывая, зайди в Главную Московскую таможеню (ведь это же совсем по дороге на Ярославский вокзал!) и узнай, сколько бумаги один научный работник может послать другому научному работнику из-за границы.

Я на все твои деловые вопросы отвечаю сразу, в первом же письме, а от тебя об этой несчастной бумаге три месяца не могу добиться толка!

Ответ жду в Гамбурге (если ты пошлешь его не позднее 1 июня!), postlagernd (до востребования — нем.), а потом — Göttingen, Calsowstrasse 57.

Сегодня разбирал и читал твои письма. Между прочим, письма, которые ты мне писал из Парижа, писались не только гораздо чаще, но и были гораздо длиннее, чем те, которые ты пишешь мне теперь. И если уменьшившаяся частота может быть объяснена чересчур далеким расстоянием, то укорочение их требует иных объяснений. Наоборот, сделавшись более редкими, письма твои должны были бы удлиниться! Но теперь ты мне будешь писать в пределах Европы, так что должен опять писать часто-часто и длинные-длинные письма!

-
- Рокфеллеровский фонд, Рокфеллеровские стипендии — см. Примечание к письму от 3 апреля 1931 г.
 - Наша книга — речь идет о совместной с Х. Хопфом книге П.С. Александрова “Топология”, 1-й том которой вышел в 1935 г. в Берлине (*Topologie*. 1).
 - Мать П.С. Александрова, Ц.И. Александрова (Здановская), и его старший брат, М.С. Александров, жили по летам в дачном доме в пос. Клязьма на одноименной станции Северной ж.д., а А.Н. Колмогоров с П.С. Александровым снимали половину дома в этом же поселке.

20 мая 1931 г.

(из Америки,
с пароходом "Homerig",
в Москву, Трубниковский пер.)

На это письмо отвечай по адресу: Göttingen, Calsowstrasse, 57.

Третьего дня, в понедельник, я приехал сюда, в Seaside-Park, на берег моря, дождавшись предварительно "Европы", которая плыла-плыла и привезла целых два твоих письма. Первое из них (от 30 апреля + 1 мая) адресовано на "Муррайскую площадь" (Murray Square, кстати сказать, не площадь, а самая обыкновенная, притом маленькая улица); второе — с медведями, очень хорошими.

Первое письмо содержит описание первомайского парада (между прочим, очень подробное описание, с перечислением всех достоинств было и в "New York Times"), но так как я до парадов не очень большой охотник, то пока оставляю этот сюжет.

"New York Times" опять полны статьями о нашем отечестве и по поводу него. Как всегда, масса интересного материала, и именно материала, а не апокрифических сказаний "рижских" и прочих корреспондентов. В центре, конечно, поездка Литвинова в Женеву и его выступления там, рассматривающиеся как чрезвычайно крупный дипломатический успех, сразу не только выдвинувший СССР на место одной из первых и центральных фигур в Женеве, но и завоевавший уважение и симпатии, которых даже самые большие оптимисты не ожидали. (Сегодня, впрочем, уже есть отчет о Московских статьях по поводу речи Литвинова.) К сожалению, я не смог прочитать газеты, в которой была приведена сама его (первая) речь, со всеми комментариями — это был как раз вчерашний номер, я уже был здесь, но еще не знал, где здесь достают газеты. Пишут, что тон, который взял Литвинов, может определить весь ход конференции и привести к гораздо более благоприятным результатам в смысле преодоления основных экономических трудностей нашей эпохи, чем этого ожидали. Речь Литвинова рассматривается как крупный шаг к разряжению общеевропейской атмосферы, а также, независимо от этого, как блестящее политическое выступление, многократно цитировавшееся всеми основными женевскими персонажами, Briand'ом, в том числе. Кстати, знаешь ли ты, что Briand'у 69 лет? Я считал его гораздо моложе (кроме того, с удовольствием узнал, что он — старый холостяк).

Имеется и много другой интересной информации — так, например, о количестве пшеницы, производимой разными странами. СССР в 1930 году — на первом месте (отношение к U.S.A. = 10:8) — это официальные сведения государственного Department of Agriculture (= министерство земледелия). Потом еще подробнейшие числовые данные о результатах борьбы Франции с советским импортом (политика пресловутого М. André Tardieu) — всех цифр, конечно, не упомянешь, результат же основной тот, что Франция получила от этих мер пока чистого убытку \$ 12 000 000 (перевес уменьшения французского экспорта в СССР над уменьшением импорта из СССР). Приятно, что все такие данные формулируются в долларах — монета солидная, подверженная случайностям курса менее других.

Кстати, я ошибался, когда думал, что в Америке нет свободного размена бумажных долларов на золотые — оказывается, он есть — в любом банке платят золотом по требованию (однако никто не требует). Я, впрочем, собираюсь посмотреть, как выглядят 5 долларов золотом!

Еще описывается в “New York Times” традиционный торжественный прием у английского короля — с париками и мантиями и Lord’ом Chamberlain’ом (“постельничий боярин” (так П.С. иронически переводит имя и титул этого политика)), пятащимся назад. На этом приеме был и весь дипломатический корпус (в том числе и наш посол), каждый из членов которого по очень сложному ритуалу подводился сначала к королю, а потом к королеве.

Недавно потонул один американский пароход в Антильском море (очень бурном и изобилующем рифами); были спасены все до одного пассажиры и вся команда, кроме капитана, который, окончив руководство спасательными операциями, продолжал давать радиосигналы, чтобы привлечь другие пароходы к пассажирам и команде, находившимся в шлюпках. Все это имело успех, все шлюпки были выловлены пришедшими на помощь пароходами, но корабль, а с ним и капитан, за это время потонул. По этому поводу мне вспоминается, как тонул года два тому назад 20 000-тонный итальянский пароход “Principessa Maphulda” у берегов Бразилии. 300 человек пассажиров потонуло, но вся команда, включая капитана (!!), благополучно спаслась!

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан:
В путь, роковой и бесцельный,
Шумный зовет Океан.

Александр Блок

Я, положительно, мечтаю еще только об одном, вероятно, довольно легко осуществимом, успехе техники — о бумаге и чернилах, не боящихся воды, чтобы можно было писать в воде. Тогда бы я тебе писал совсем другие письма, гораздо лучше, чем пишу сейчас. Вчера, находясь в море и у моря, чувствовал, действительно “мира восторг беспредельный” — вероятно, впрочем, и Блок почувствовал его при аналогичных обстоятельствах (“Роза и Крест” были написаны в Бретани), и то, что от этого восторга может быть передано словами, смог бы формулировать гораздо лучше, чем сидя в комнате за столом. Но, к сожалению, писать письма было невозможно не только в воде, но и на берегу, так как сильный ветер все заносил песком, и ручка моя этого режима бы не выдержала.

Сейчас, как, впрочем, каждый раз, когда я попадаю на берег океана, впечатление, получаемое от него, оказывается просто несоизмеримым со впечатлением от всякой другой, сколь угодно прекрасной природы — и всегда оказывается поражающим и неожиданным (большим, чем я его ожидал — несмотря на то, что я теперь из всего моего предыдущего опыта уже заранее знаю, что будет так, и этим, как будто бы, должен был уничтожиться всякий элемент неожиданности). При этом впечатление даже не эстетическое — воспринимаю не красоту (или, во всяком случае, не только красоту), а именно всю полноту бытия, всю динамическую сущность мира и жизни, представленную на Земле, боюсь все-таки только морской стихией. Может быть, “только” и несправедливо — это слово, вообще, редко бывает справедливым — но, во всяком случае, в форме, наиболее для меня постижимой. Я удивляюсь, что Schopenhauer, выделивший МУЗЫКУ из всех искусств как осуществляющую “мировую волю” в чистом виде, не сделал того же по отношению к морю — среди всей доступной нашему восприятию природы. Потому что, если море и можно созерцать (я вспоминаю наш ковер из водорослей в Сапару) так же, как и некоторую музыку (например, Mozart), то, в основном, оно все же воспринимается не как лежащее перед тобою бытие, а как необоримое вечное становление (“das Werden” (становление — нем.), а не “das Sein” (существование — нем.)), воздействующее на твою волю и влекущее тебя к себе (“шумный зовет океан” — тема,

впрочем, тысячи раз обработанная в литературе — хотя бы Goethe'вская баллада “Der Fischer”, “Летучий Голландец” и множество других вещей).

Среди различных символов вечности, которые можно находить в окружающей нас природе, звездное небо, море и горы являются наиболее значительными и, по справедливости, часто цитируемыми. Каждый из этих трех символов имеет свой, вполне особый, характер.

Звездное НЕБО воплощает собою бесконечность абсолютную (в точном смысле слова: безотносительную) — то, что во всех наших действиях и душевных состояниях может рассматриваться, как абсолютная система координат, как неизменное, по отношению к которому все происходящее происходит. Если угодно, — вечность Божественную.

Какую вечность воплощают ГОРЫ — какую-то, несомненно, воплощают — не знаю, но основное, производимое ими на меня впечатление — это безразличие к человеку и его жизни, даже не враждебность, а именно безразличие. У звезд его нет, так как звезды все видят и все знают, хотя и не воздействуют на нас прямо.

Бесконечность же МОРЯ есть бесконечность не божественная, а человеческая, не достигшая последнего предела звездного неба, но тем более близкая и понятная нам, непосредственно взаимодействующая с нами. Поэтому и воспринимается нами, как наиболее постоянная стихия на Земле — даже звездное небо — одно в Европе, другое в Южной Америке... Море же — везде одинаковое: здесь, во Флориде, в Голландии или в Бретани, во Владивостоке и на Огненной Земле. И единство мира со всем, что из него следует (понимая под “миром” нашу землю и ее обитателей), ни при каких обстоятельствах и нигде не воспринимается мною с такою силою, как на морском берегу.

Это было, если угодно, самое сильное впечатление последних дней: на Stony Brook я радовался на свою лягушку, на пышную траву, деревья, птиц и солнце, на всю жизнь, так интенсивно в этом раскрывавшуюся. Но эта жизнь и эта природа была вполне конкретна — это была Америка, весна, 1931 год. И вдруг, после полтора часового автомобильного переезда я попал сюда — и все исчезло, как мираж. Никакой Америки, никакой весны, никакого 1931 года — вместо всего этого только вода, песок, небо, солнце — и жизнь в ее отвлеченной и в то же время человеческой (а не

сверхчеловеческой) правде. Впрочем, было не одно только “солнечное” море, а последовательно:

1. Предвечерние часы (с 4-х пополудни) понедельника — постепенно склоняющееся солнце, окаймленное белой пеной синее море, постепенно бледневшее и переходящее в серебристое. Заход солнца за дюнами.

2. На другой день — густой морской туман. Видны: полоска песку, белая пена и за ней — бесформенный, серый, но волнующийся и шумящий хаос, непрерывно переходящий в серый же туман. Именно так выглядел мир до и в начальный момент творения, когда “Дух Божий носился над бездною”. Не было видно ни одного предмета, ничего, кроме серого моря и серого тумана, и немножечко песку. Такое море я видел в первый раз.

3. Вчера — ослепительное солнце, свежий ветер, шумящее море и “поющий” песок дюн. Опять — финал “Крейслерианы” (сочинение Р. Шумана).

В “New York Times” помещаются списки приходящих и уходящих пароходов за неделю вперед. Моя “Deutschland” (Hamburg—Amerika) несколько дней тому назад появилась впервые в числе приходящих пароходов, естественно, на последней строчке списка. И в то же время сегодня же она впервые появилась в последней строчке пароходов уходящих и теперь начнет ползти каждый день вверх. А когда дойдет до первой строчки — тут-то я и уеду...

И никакого “New York Times” и вычислений, с каким пароходом какие придут письма, больше не будет.

Большое впечатление произвело на меня известие о гибели геолога Wegener’a (основателя теории о плавучих материалах). Он руководил экспедицией во внутренней Гренландии и ночью вдвоем со спутником-эскимосом отправился на помощь к одной из групп этой экспедиции, застигнутой без достаточных запасов снежной бурей. По этому поводу тоже были большие статьи, вспоминавшие, в частности, об Амундсене и Скотте. Так что, я полагаю, что поле для человеческого героизма найдется и без войны — в обстановке, где руководящими мотивами окажутся только мотивы любви.

-
- Chamberlain Nevill (Чемберлен) (1869—1940) — политик (консерватор) и государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1937—1940).
 - Моя “Deutschland” (“Германия”) — пароход, с которым П.С. Александров собирался возвращаться в Европу.

27 мая 1931 г.

(из Нью-Йорка
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера после недельного пребывания на берегу моря вернулся назад в Princeton. Думал, что комната будет ломиться от твоих писем, так как целую неделю меня не было, и всю эту неделю, чуть не каждый день, приходили большие и быстрые пароходы — то “Aquitania”, то “Berengaria”, то “Leviathan”, и т.д. И вдруг — НИ ОДНОГО ПИСЬМА!

Сегодня же пришел “Majestic” и привез ЧЕТЫРЕ ТВОИХ ПИСЬМА, и я — в опровержение Schopenhauer’a — радовался им сегодня даже больше, чем вчера печалился от их отсутствия (хотя и печалился весь вечер, который проводил у Веблена).

В частности, приехала и твоя работа о проективных пространствах. Так как немецкий язык в ней (даже неожиданно хороший) все же нуждался в исправлениях, и письма все пришли буквально перед самым моим отъездом из Princeton’a, то я не мог работу передать Hille, одному из двух главных редакторов “Annals of Mathematics” (второй главный редактор Lefschetz, а редакционный комитет состоит из Veblen’a, Alexander’a и др.), а занялся в дороге ее чтением и исправлением языка и тотчас же по приезде в Нью-Йорк отправил ее почтой Hille, так что, всё all right!

Пребыванием своим у моря остался очень доволен, хотя погода не всегда была хорошая — из 8 дней было 2 сплошь солнечных, великолепных, 2 — туманы и дождь, 1 — ясный и солнечный, но с таким холодным и сильным ветром, что даже идти против него было почти невозможно. Остальные три дня было пополам — то солнце, то тучи.

Написал там 30 страниц книги (см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.), кажется, довольно хорошо и впервые жил в совсем простой американской семье. Впечатлений и чисто человеческих, и бытовых было много, но о них напишу в следующем письме.

Потом приехали ко мне туда в гости Veblen с женой и целой компанией студентов и молодых докторантов — всего было их 12 человек. Такую большую гурьбу американской молодежи и столь “вблизи” (они же все были, так сказать, моими гостями!) я тоже видел в первый раз. Напомнили мне наших студентов — особенно Лузитанских времен, т.е. 1920—1921—1922 годы, только без “психологий”, что, впрочем, объясняется счастливым отсутствием женского присутствия — в противном случае всякая такая прогулка неизменно бы закончилась психологическими разговорами (и часто трагедиями) отдельных пар.

Потом было несколько прекрасных, спокойных закатов с перламутровым морем и несколько прекрасных восходов солнца. Но в большинстве дней море было с большими волнами и часто с трудно преодолимым прибоем (хотя купаться можно было каждый день). Волны были самые сильные из всех, до сих пор виденных мною, вероятно, потому, что бесконечный песчаный пляж там без всякой защиты, без заливов, бухт и т.п.

Сегодня только вкратце отвечу на твои письма.

Насчет “Эдипа” (“Oedipus-Rex” — опера И. Стравинского). Я ведь и сам тебе писал, что постановка мною воспринималась как нечто, вполне второстепенное и имевшее только одно несомненное достоинство — она не мешала слушать музыку (может быть, было бы еще лучше, если бы вообще никакой “постановки” не было). Музыка же была не только значительная, но гораздо больше этого — воспринималась настоящая и большая красота, столь простая и непосредственная и столь несомненная, как это свойственно только великим музыкальным произведениям. Что эта музыка мрачная — это правда, но, во-первых, это ее достоинств ни в какой мере не уменьшает, так как жизнерадостность есть все же не единственное возможное содержание искусства. В частности, как бы “Эдип” ни ставился в Афинах, само это произведение все же остается одним из самых мрачных во всей, вероятно, мировой литературе, что и понятно, так как едва ли может быть сюжет более мрачный, чем тема о человеке, сраженном роком. Эта и только эта мрачность была и в музыке Стравинского. Музыка эта, по моему впечатлению, является первым музыкальным созданием, адекватным Софокловой трагедии, а этим уже все сказано, что можно только сказать о ее достоинствах. Кроме того, я считаю естественным, что мы в XX веке по Р.Х. воспринимаем более отвлеченно греческую трагедию, чем воспринимали ее греки — по той причине, что эпоха их отделена от нашей чересчур большим интервалом во времени, чтобы мы могли подлинным художественным образом воссоздать конкретное, индивидуальное содержание. Абстракция — вещь, вообще, хорошая, если она действительно позволяет прикоснуться к великим законам человеческой и мировой жизни, стоящим за фактами и управляющим ими (философия трансцендентальная).

Латинский язык — конечно, мелочь; я только писал о том, что он подчеркивал общечеловеческую сущность произведения и воспринимался естественно — так же, как естественно, мне кажется, слушать “Stabat Mater” Pergolese на латыни (или, может быть, по-

славянски), а не по-русски или по-английски. Но это — замечание между прочим и к существу дела отношения не имеет.

В “*Pas d’Acier*” Прокофьева (я думаю, что это то же, что “Стальной скок”) значительности никакой нет, и воспринимается он как произведение только любопытное (мною даже, главным образом, как любопытное в американской обстановке). Особенно первосортным искусством я его не считаю.

Что лучше — “Эдип” Стравинского или Мусоргский — судить не берусь, так как и “Эдип” и “Борис Годунов” (и особенно “Хованищина”) действительно великие произведения, следовательно, = +∞.

Ничего такого, что подходило бы к характеристике “вся эта грандиозность, отвлеченность и необычайность”, в музыке “Эдипа” нет. Наоборот, большая простота и, если тут что и необычайно, то та экономия средств (в инструментовке и т.п.), отсутствие всего, что направлено на “ошеломление” слушателя, которыми это произведение отличается. Поэтому и сравнение с Бахом напрашивается само собою. Ты же “*in einem Atemzug*” (одним махом, на одном дыхании — нем.) говоришь об “Эдипе” и о механизированной грандиозности “*Pas d’Acier*”. Повторяю, в последнем никакой грандиозности нет, если же я и писал о грандиозности “Эдипа”, то не о такой, о которой естественно писать как о “грандиозности, отвлеченности и необычайности”, а о настоящей, с которой уходишь из концерта после того же Баха.

Еще одно только замечание об искусстве вообще и об общечеловечности.

Ты пишешь: “Подлинный гений находит ее в образах чрезвычайной конкретности...” Я же думаю, что подлинный гений может быть и очень конкретным, и очень абстрактным. Очень конкретным, как, например, Мусоргский, и очень абстрактным, как, например, Стравинский. Я вполне согласен с тобою в том, что большое искусство не бывает стеснено никакой предвзятой схемой. Но в схематизм может впасть как абстрактное, так и конкретное искусство (пример — натурализм), так что думаю, здесь — два существенно различных принципа классификации: и большое искусство может быть большим по-разному.

Если бы Alexander был в театре без меня, то был бы, вероятно, если и не во фраке, то в смокинге (как был бы и я, если бы имел таковой), но вообще смокингов и необходимости парадно одеваться он не любит. Человек он простой и естественный, живет в Швейцарии в

своем *chalet*, лишь немногим большим, чем жили мы с тобою на озере Гокча, а “принципов” (касательно ли костюма или чего угодно другого) имеет гораздо меньше, чем, например, Виктор Владимирович. Впрочем, строгий вегетарианец.

Понтрягин получает премии, по-моему, вполне заслуженно. Кроме того, я считаю, что при прочих равных условиях он имеет право на дополнительное внимание к себе, так как возможностей заработка у него гораздо меньше, а расходы — больше, ведь он нуждается в человеке, который ничего другого уже делать не может, как только ухаживать за ним — при других условиях мать его могла бы тоже что-нибудь зарабатывать.

Жара сегодня в Нью-Йорке чрезвычайная! Я вообще нигде и никогда не испытывал такой жары, какая иногда бывает в этом городе.

Это письмо ты, наверное, получишь одновременно с тем, которое завтра начну писать на пароходе.

В цифре \$ 625, как профессорском окладе, я ошибся, так как считал, что семестр состоит из 4 месяцев, а на самом деле, он состоит из 5 (официально конец 1 июля). Так что, не 625, а 500. В частности, *Courant* будет приглашен на будущий год на 1 месяц в Princeton и получит 500 долларов (кроме того, он еще приглашен в Калифорнию). Лефшецу о *Courant*’е пока не говори, так как это еще не официально.

(В письмо вложена большая вырезка из “New York Times” с объявлениями о приходящих и отплывающих пароходах на неделю, о чем говорится в самом письме.)

-
- Работа о проективных пространствах — см. Примечание к письму от 3 апреля 1931 г.
 - Виктор Владимирович — В.В. Немыцкий.

28 мая 1931 г.

с борта парохода "Deutschland"

40°27' с.ш.

69°42' з.д.

(в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера я писал тебе из Нью-Йорка, сидя в ресторане на 5-й Авеню, в котором обедал за 85 центов. Как я писал тебе, вчера я получил с утренней почтой целых 4 твоих письма (от 9, 10, 13 и 15 мая); вчера же, поздно вечером, (в 11 часов) получил твое письмо, адресованное на пароход — оно пришло с рекордной скоростью в 10 дней, что объясняется тем, что пришло воздушной почтой в Cherbourg, а там попало сразу на "Bremen", который вчера после обеда пришел в Нью-Йорк. Я это письмо получил с самой последней, дополнительной, почтой ("Supplementary mail"), когда уже не ожидал от тебя писем и приготовился идти спать, перечитавши предыдущие четыре письма. И вдруг мне в каюту было принесено еще твое письмо (перед этим, в 9 часов, я еще получил прощальное письмо от Mrs. Veblen). Твое письмо, да еще совсем неожиданное, прекрасная, тихая, лунная ночь, тишину и спокойствие которой не могли нарушить ни огни парохода, ни шум (впрочем, торжественный!) входившей, выходившей и прощавшейся публики — меня настроили очень высоко и радостно.

Кроме Cherbourg'a, пароход останавливается только в Southampton'e, но Southampton только на 5 часов позже Cherbourg'a, и эти 5 часов — в отношении писем — вполне поглощаются тем, что письмо должно еще попасть на какой-то пароход. Я даже предполагаю, что письмо, попадающее в Southampton в день прибытия моего парохода, попадет в Cherbourg'e на этот самый пароход и будет им привезено туда.

Дальнейшие планы и адреса мои суть следующие.

6 июня я попадаю в Гёттинген и провожу там 6-е и 7-е.

Вечером 7-го еду в Цюрих (вероятно, с заездом в Мюнхен).

9-го и 10-го у меня доклады в Цюрихе,

12-го я попадаю в Гёттинген,

13-го — в Берлин,

15-го собираюсь выезжать из Берлина в Москву.

(Все это, конечно, с точностью до $\epsilon \leq 2$ дней. Окончательная дата отъезда будет сообщена тебе по телеграфу.)

Адреса: Göttingen, Calsowstrasse, 57

Zürich, Schösslistrasse, 2

Berlin, Postlagernd (до востребования — нем.).

Когда куда писать, ты, надеюсь, самобразишь.

В Гёттингене и Берлине буду, во всяком случае, ждать твоих писем, а в Цюрихе — только надеяться на них!

Море — спокойное, как зеркало, ни малейшей волны. Пароход плывет, точно по реке, и только сам производит волны, расходящиеся веером. Небо безоблачное, и море — синее, синее, как обшлага на твоей рубашке (были, пока она не вылиняла). Солнышко печет, но ветер, как будто бы происходящий только от движения парохода, во всяком случае, совпадающий с ним — с точностью до знака — по направлению (большого же, не зная скорости парохода, сказать, естественно, нельзя).

Кюта моя (хотя теперь и Touristenklasse, а не 1-го класса) — лучшая из всех существующих (так как была заказана еще в январе, когда можно было выбирать любую). Расположена только немного назад от самой середины парохода и в том же этаже, что и большая часть 1-го класса, так что даже при волнении можно держать открытым окно. Но, увы, я в ней не один (как было на пути в Америку), а кроме меня еще три человека. Среди них один — американец по фамилии Nussbaum, фамилия другого что-то вроде Schnirelmaker, третий же — очень славный молодой человек, собственно еще юнец, хотя 7 лет прожил в Америке, и теперь, как он мне сообщил с гордостью, у него вместе с товарищем его уже имеется собственная “Delikatessengeschäft” (т.е. лавочка, где продается колбаса, сахар, фрукты и т.п.), и он в первый раз едет в Европу к своим родителям (из Европы в Америку он ехал не Touristenklasse, а, вероятно, 4-м классом, до Америки же ловил рыбу в Nordsee). Но даже у Mr. Nussbaum’a (не говоря уж о прочих) — чистая ночная рубашка, и все они сегодня же купались в ванне.

За столом же обеденным я опять сижу за конгруэнтным и конгруэнтно расположенным “почетным столиком”, как и в первый раз (оба парохода “Deutschland” и “Albert Ballin”, вообще, конгруэнтны). Опять за этим столиком сидит офицер, представляющий капитана, но только он на этот раз не 26-летний “Jonny” (как назывался соответствующий офицер на “Alb. Ballin”), а уже сидящий муж. Для Jonny президирование в ресторанном зале Touristenklasse было еще недалеко от начала, для нашего же теперешнего “представителя капитана” — близко к концу его море-

ходной карьеры. Поэтому он с гораздо большей серьезностью относится к своим обязанностям занимать своих соседей по столу и полон сознанием своего величия. Соседи же эти суть: две дамы и три молодых человека.

Дамы — из которых одна “состоит при мне”, другая — при “представителе капитана” — имеют достойные и несколько утомленные лица, на которых можно прочесть: “Конечно, я привыкла ездить в первом классе, но, вы знаете, такие времена...” Одна из них когда-то, действительно, ехала в первом классе и поспешила, хотя и косвенно, разъяснить это в разговоре. Но тут произошла большая конфузия — пароход, в первом классе которого она ехала, оказывается, назывался так, как она сказала, только до войны (потом был передан не то англичанам, не то американцам), из чего неожиданно (для дамы) получился вывод, что все это было лет 20 тому назад, а так как из разговора можно было понять, что чуть ли не капитан того парохода ею интересовался, то было ясно, что двадцать лет тому назад даме было несомненно больше 10 лет. Загримирована же она уж никак не больше, чем на 30-летнюю!

Молодые люди, все трое, принадлежат к типу молодых людей из хороших англо-американских семейств, которые, однако, воспитаны так, что не ездят в 20 лет в первом классе. Они все — кончающие студенты: один Princeton (германист), два другие — из Бостона. Princeton'ский едет на год в качестве Austauschstudent (обучение по обмену — нем.) в Вонн, увлечен своей германистикой не меньше, чем Петр Саввич языками Банту и, вообще, производит и очень славное, и очень культурное впечатление. Но и все три они мне нравятся, и уж, во всяком случае, они гораздо лучше дипломата с Кубы и почтенного индустриалиста, бывших моими соседями по пути в Америку.

Вообще, публика сейчас гораздо моложе и приятнее, состоит, действительно, главным образом, из туристов, а не из Reisender in Hosenträgen (коммивояжеры в подтяжках — нем.), так что Mr. Nussbaum, на этот раз, в меньшинстве. Но народу, вообще, очень много, пароход почти полный. Причем, если рассказывают по разным столикам на основании общественно-психологических признаков, то в каюты пассажиры попадают более случайным образом — по времени покупки билетов — почему публика каждой каюты, к сожалению, не образует такой тщательно обдуманной симфонии, в которую, увы, я включен вместе с этими двумя страшными дамами. Я даже боюсь, что сегодня за обедом нарушил всю программу, так как

вместо того, чтобы занимать причитающуюся мне даму, все время разговаривал со студентами.

Только что выяснил профессию Mr. Nussbaum'a — он *“Reisender mit Musik-instrumenten”* (коммивояжер по части музыкальных инструментов — нем.). Жаловался мне, что из-за радио, и особенно из-за звуковых фильмов, не только его коммерческая *“branch”* (ветвь — англ.) страдает, но весь Нью-Йорк полон безработными музыкантами, так как целый ряд салонных (ресторанных и т.п.) и кинематографических оркестров заменило радио. Хотя я и не могу про себя сказать (как однажды Schumann в одном из лучших своих романсов), что *“Ich bin ja auch ein armer Musikant”* (Я и сам — всего лишь бедный музыкант — нем.), но музыкантов, когда они делаются безработными, мне всегда особенно бывает жалко, вероятно, потому, что, при всех недостатках этой профессии, я их всех — от Менгельберга до последнего шарманщика — очень люблю.

Кстати, Менгельбергу в нынешнем году исполняется 60 лет, а Тосканини, приехавшего из Нью-Йорка в Италию, посадили под домашний арест, так как он не только сам отказался играть перед своим концертом фашистский гимн, но и категорически запретил его исполнение в этом концерте оркестру.

Дело в том, что концерт был траурный, посвящен памяти недавно умершего итальянского композитора, друга самого Тосканини, и Тосканини считал, что траурный концерт начинать с бравурного марша не идет — довольно очевидная истина!

В газетах пишут, что через несколько дней ему будет разрешен выезд из Италии за границу. Но скандал получился вполне международный, так как, в знак протеста, Furtwängler отменил цикл из 12 симфонических концертов, которыми он должен был дирижировать в Риме и Милане, что, не говоря ни о чем другом, означает провал музыкального предприятия в несколько десятков тысяч долларов!

• Петр Саввич — П.С. Кузнецов.

30 мая 1931 г.

41° 24' с. ш.

49° 38' з. д.

Продолжение

Видал ли ты когда-нибудь 600 аэропланов сразу? Я видел в последний день своего пребывания в Америке. Были грандиозные авиационные маневры, в заключение которых 600 аэропланов летели вдоль берега Атлантического океана, примерно от Вашингтона до Бостона. Пролетали, в частности, над Princeton'ом. То, что их было именно 600, я, конечно, узнал из газет, а не из непосредственного наблюдения. Летели они в виде нескольких роев, отделенных друг от друга небольшими интервалами, и действительно были похожи на рои стрекоз. Но самое подавляющее впечатление производил оглушительный рев моторов.

Последний день моего пребывания в Америке (среда, 27 мая) содержал, впрочем, и более приятные впечатления. Я на целых два часа ездил на свою Stony Brook (этот раз, для экономии времени, именно ездил на такси туда (т.е. до последнего места, до которого можно доехать на автомобиле) за целые 50 центов). Потом шел 10 минут пешком через чрезвычайно разросшуюся за неделю моего отсутствия крапиву, прочую траву и кусты. Все очень изменилось за эту неделю моего пребывания на берегу моря — зелень стала такая густая, что в самом лесу солнце почти совершенно не проглядывает, но на берегу Stony Brook, там, где сидит моя лягушка — полянка, и солнце печет. И лягушка опять сидела на своем месте и грелась на солнышке, и я сидел рядом с ней.

А потом прямо отправился на вокзал. В предыдущий вечер, как уже писалось тебе, был у Вебленов.

Третьего дня и вчера море было такое спокойное, что вчера я писал свою книгу на палубе. Мне был поставлен хороший, удобный стол, так что устроен я был очень комфортабельно. И сегодня утром занимался там же. После же обеда началась качка, небольшая (гораздо меньше той, что была на пути в Америку), но неприятная, с явно выраженной боковой компонентой, отчего получается впечатление, будто пароход качается как-то вкось, по своей диагонали, во всяком случае, очень несуразно и отнюдь не привлекательно. Но при такой небольшой качке получать морскую болезнь было бы ниже моего достоинства, поэтому я

продолжаю писать, хотя комната, где пишу (сейчас уже вечер и на палубе писать нельзя) находится в самой неприятной части парохода — на самой корме.

Капитана я еще не видал, зато главный инженер, по моему впечатлению, большую часть своего свободного времени проводит на палубе Touristenklasse, играет с детьми, ухаживает за дамами и, вообще, ведет себя очень непринужденно и мило. Рассказывал разные разности про Эйнштейна, который ехал этим же пароходом (но, естественно, в первом классе, хотя Blaschke ехал тоже в Touristen).

В. Бляшке и П.С. Александров

Кроме того, вчера можно было видеть целую компанию КИТОВ, но я их прозевал и спохватился только тогда, когда они были уже чересчур далеко, и я не мог их уже разглядеть.

Сегодня в газетах (корабельных) прочитал, что и Кусевицкий, и еще кто-то также отказались от концертов в Италии, так что скандал этот разрастается.

31 мая 1931 г.

43° 47' с.ш.

39° 51' з.д.

Продолжение

Сегодня пишу целый день Фрешету (так П.С. в шутку, на русский манер, называет М. Фреше (Fréchet Maurice)) изложение размерности, при этом приходится излагать и все самые простые понятия комбинаторной топологии и почти так, как если бы я излагал их для студентов Смоленского университета! Завтра, надеюсь, тем не менее, кончу письмо ему. (Примечание: письмо Фрешету вышло в 17 страниц длины!)

Мои физкультурные упражнения организованы этот раз гораздо лучше, чем на пути в Америку. Во-первых, на палубе имеется так называемая “шведская стенка”. Это совершенно простой прибор, на котором можно, во-первых, подтягиваться и, во-вторых, как

разъяснили мне знакомые молодые люди, проделывать целую массу разнообразнейших и полезнейших упражнений (из которых, к сожалению, я могу делать только очень немногие, но и те, которые я могу делать, все же достаточно разнообразны).

На палубе я появляюсь в 7 час. утра, одетый в гимнастические туфли, белые штаны и рубашку с открытым воротом и засученными рукавами (можно было бы, вероятно, и в майке, но это было бы уж чересчур сенсационно). Но так как погода уже давно испортилась и дует сильный ветер, то этот костюм не воспринимается как чрезмерно обременительный (хотя я, конечно, предпочел бы более облегченный). Сначала делаю гимнастику, потом бегаю много раз вокруг палубы. Все это продолжается до 7 ч. 40 м., когда я иду в ванную. В 8 ч. 15 м. завтракаю — вторая смена. (Пер-

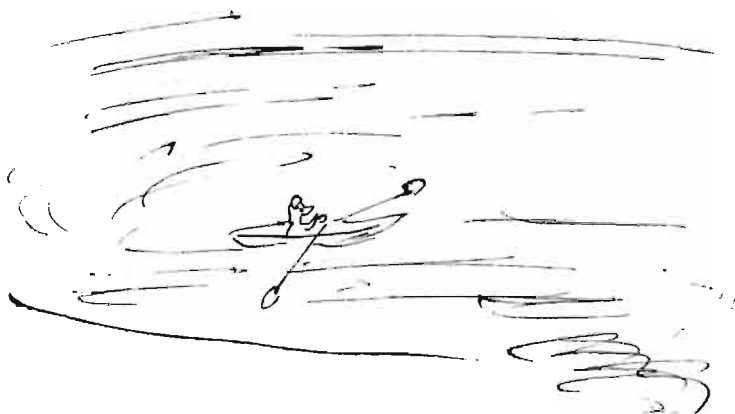

П.С. Александров

вая завтракает в 7.30, а так как каждый вечер приходится переводить часы на 40 минут вперед (а сегодня предстоит перевести даже на целый час), то, чтобы вставать в 6 часов, приходилось бы мне ложиться еще до 9 часов вечера, тем более, что спать я на пароходе люблю много.)

Мой сосед по каюте — не Mr. Nussbaum, а другой, у которого *Delikatessengeschäft* — проиграл мне на пари целый доллар (пари же было о том, был ли уже сигнал к вставанию или нет) и, несмотря на то, что я сначала отказывался взять этот доллар, а потом предлагал ему взять у него в *Delikatessengeschäft* на эту сумму *grape-fruits* и других продуктов (когда буду следующий раз в Америке), он все же настоял, чтобы я взял, поэтому придется мне его сегодня угощать *Moselwein*'ом, а то даже как-то получается неприлично!

Здесь у меня имеются всякие знакомые мальчишки по 12—14 лет, которые во время ветра держат мне бумагу, пока я готовлю ее (и копировальный лист) к тому, чтобы вставлять в пишущую машину. А уж совсем на вершине блаженства они бывают, когда я им позволяю подчеркивать на пишущей машине, для чего, как известно, надо тыкать пальцем в одну и ту же клавишу. Но сегодня их собралось так много (штуки 4), и они подняли такой гвалт, кому именно из них этим заниматься, что я их чуть всех не прогнал. Потом я еще познакомился со старшим офицером, тоже проводящим много времени у нас на палубе. Так как нет ни туманов, ни сколь-нибудь большого волнения, то высоким чинам команды, по-видимому, делать, действительно, нечего.

1 июня 1931 г.

46° 49' с.ш.

29° 45' з.д.

Продолжение

Уже больше, чем на целых шесть градусов мы севернее Princeton'a и на семь градусов севернее, чем то место на берегу моря, где я провел последнюю неделю. Холодно и ветрено — если бы мою лягушку сюда перенести, она бы, бедная, совсем замерзла!

По поводу Института. Вопрос об окладах, конечно, пустяки. Я согласен, что его не следует так освещать, как я это сделал в первом письме. Но, вообще, я от Института жду мало приятного. Приказы же и выговоры Выгодского значительно превосходят даже мои, казалось бы, достаточно подготовленные ожидания. Уж не знаю, как Ястремский, но я желал бы все-таки себя от выговоров Выгодского гарантировать, даже в случае, если по тем или иным причинам не выполню учебного плана. Ну, там видно будет!

Николай Николаевич, читающий теорию функций у Кагана — явление, в полном смысле слова, трагикомическое. Я вполне понимаю, что Н.Н. тяжело и невозможно было оставаться ни в Университете, ни в Институте (ведь и для меня мое дальнейшее пребывание в Институте продолжает оставаться нерешенным вопросом, независимо от каких бы то ни было окладов), но, все-таки, на какое лихо студентам Кагана нужны трансфинитные и строжайшие, со всеми мыслимыми тонкостями изложенные иррациональные числа? Я, конечно, представляю себе, что среди слушателей Кагана найдутся молодые люди, серьезно любящие математику и интересующиеся ею, но, как бы то ни было, все это очень печально.

С другой стороны, что же бедному Николаю Николаевичу делать! Я отлично понимаю его психологию — “Ich bin ja auch ein armer Musikant” (уже цитировавшиеся в письме от 28 мая 1931 г. слова Р. Шумана), а жизнерадостности, о которой ты писал по поводу Миши Лаврентьева, предполагать в людях, менее молодых, довольно трудно. В частности, для меня тут были бы особые трудности — читать доклад о специальных приложениях элементарной и высшей математики (как ты читал в студенческом кружке Института Либкнехта) для меня было бы совершенно невозможно.

-
- Институт — НИИ математики и механики МГУ.
 - Николай Николаевич, Н.Н. — Н.Н. Лузин.
 - Миша Лаврентьев — Лаврентьев Михаил Алексеевич.
 - Институт Либкнехта — Индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, где тогда преподавал, по совместительству, А.Н. Колмогоров.

2 июня 1931 г.

48° 40' с.ш.

19° 06' з.д.

Продолжение

Уж подъезжаем скоро к Европе.

Вчера был танцевальный вечер. Сначала был концерт с участием (весьма плачевным) имеющихся в публике молодых и старых дарований. Потом короткая пауза, потом музыка заиграла сразу громко и торжественно и появился

КАПИТАН.

Он — большого роста, конечно, достаточно полный, уже старенький (лет 65), очень славный — удивительно добрые и ласковые глаза. Он, бедный (вот уж настоящая медведина!) должен был почти все время танцевать! Оказывается, это всегда так — если капитан бывает на корабельном балу, то должен стараться перетанцевать со всеми присутствующими дамами, чтобы никого не обидеть (во всяком случае и со старыми, и с молодыми).

Сегодня же в первый раз опять настоящие большие волны со страшными белыми бородами. Море же — свинцовое, подернуто туманом. Очень хорошо. Хоть качка и большая, и при этом почти чисто поперечная, но чувствую я себя превосходно, и никакой морской болезни нет.

Вечер. Море совсем страшное. Но за облаками, по-видимому, месяца, так что не так темно, и все совсем-совсем, как было в первый день Творения: вода, пар и белые бороды...

3 июня 1931 г.

49° 44' с.ш.

7° 52' з.д.

Продолжение

А сегодня опять ясно и море гораздо спокойнее.

Я познакомился с американским инженером, едущим на полгода в Харьков для участия в организации тракторного завода (или в улучшении производства уже организованного завода).

Этот тип американцев очень люблю. Люблю в нем честность, не только по отношению к принятым на себя обязательствам, а по отношению к самой работе. Инженер этот был в последний раз в Европе перед войной, тем не менее, в Берлине будет только полтора дня — ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы выполнить все формальности. Нигде никаких остановок (он высаживается в Cherbourg'e и едет через Париж). При этом американцы более, чем кто-либо другой, как дети, падки на новые города. Но и в Москве он предполагает быть только два дня для получения инструкций. Все это потому, что хоть его все чрезвычайно интересует, но он предполагает, что работа требует его возможно немедленного приезда. Этого типа американские инженеры потом приходят в бешенство, когда их два месяца водят по заседаниям без всякой деловой работы (об этом был целый ряд статей в "New York Times"). Вспоминаю эти статьи — в них, кроме того, было написано, что у большинства американских инженеров сразу же устанавливались очень хорошие отношения с русскими рабочими и часто очень плохие отношения с русскими коллегами-инженерами: русские рабочие, по словам этих статей, оценивают по достоинству большую деловитость и простоту американских инженеров, то, что они не только умеют составлять проекты, но и не боятся, при случае, сколь угодно черной работы и, если случайно увидят, что рабочий не так завинчивает какую-нибудь гайку, то не боятся вымазаться в масле, подлезая под машину, и показать, как ее следует завинчивать. Главное же, что действительно умеют делать все это. О наших же инженерах пишется, что они часто считают для себя унижительным сойти с вершин теории и еще чаще чувствуют себя существами принципиально высшего порядка, чем рабочие! Поэтому упрекают американцев в "подлаживании" к рабочим и к советской власти (!!) и т.п.

Все это связано с особой и длинной главой об "американском (личном) демократизме, с одной стороны, и чувстве собственного достоинства, с другой стороны". Глава эта — основное, действительно большое мое впечатление от Америки. Но писать об этом сейчас чересчур длинно, да и не стоит, так как мы теперь уже скоро увидимся. Скажу только одно,

что вследствие большей однородности американской психологии (в сравнении с западноевропейской) впечатление это проходит красной нитью через самые разнообразные общественные слои — начиная с Веблена и Александера и кончая тем молодым человеком 23 лет, который исполнял хозяйственные и полукельнерские обязанности в том пансиончике, в котором я жил последнюю неделю на берегу моря.

Это же самое, вполне знакомое впечатление получил я и на пароходе — отсутствие барства, *Selbstverständlichkeit* и *selbstverständliche Genauigkeit* (тщательность и точность), с которой средний человек (и рабочий, и профессор — в обществе миллионеров я не встречался, так что, не знаю, как у них) относится к своим обязанностям и, конечно, также и к своим правам. И большая чистоплотность — не только по отношению к рубашкам, но и моральная. Вероятно, впрочем, обе эти чистоплотности как-то (конечно, не однозначно!) между собою связаны — не случайно же, на самом деле, что все северные народы (и норвежцы, и финны, и твои холмогорские крестьяне) обладают обеими чистоплотностями, а на юге бывают часто грязнущие, вонючие и жулики! Впрочем, юг, конечно, тоже разный бывает — в *Seysel'e* было очень чисто, и очень чисто было также в одной деревенской гостинице, в которой я жил три года тому назад в Италии (на берегу моря, к востоку от Генуи).

Необыкновенный был закат солнца со сначала золотыми, потом красными и, наконец, фиолетовыми облачками и солнцем, опустившимся прямо в море.

Сейчас мы уже находимся в Ламанше, видны берега Англии (но очень вдалеке), и сегодня поздно вечером мы будем в *Cherbourg'e*.

Посылаю тебе снимок кусочка корабля (в конверте не обнаружен), сделанный одним из моих молодых людей. Между прочим, молодые люди эти очень хорошие, особенно один из них — датского происхождения — славный, очень красивый, и, кроме того, с большим изяществом и силой делающий всякие гимнастические упражнения на уже упоминавшейся “шведской стенке”. Но и по своему духовному облику производит прекрасное впечатление.

Надо идти сдавать это письмо.

А завтра утром будут у меня опять свежие и очень хорошие твои письма!

Я писал тебе, что перед отъездом из *Princeton'a* я получил короткое письмо от *Siegel'я*. Вероятно, он приедет в Гёттинген, когда я буду там — я буду рад с ним повидаться.

4 июня 1931 г.

С борта парохода "Deutschland"

(в Москву, Трубниковский пер.)

HAMBURG-AMERIKA LINIE

AN BORD *Mr. "Deutschland"*
DEN *4. VI. 1931*

После Cherburg'a, где я получил твое письмо, был удивительно красивый остров Wight (Уайт — надеюсь, что он именно так называется на карте, находящейся в твоём распоряжении, а не Вигхт). Сначала видны совершенно отвесные скалы, высоким и тонким ребром спускающиеся в море — очень высокие, так как даже издали, с парохода, кажутся высокими. Когда же пароход подошел к ним совсем близко, то был такой страх, что даже описать невозможно. Перед этим погружающимся в море острым гребнем — несколько маленьких, но тоже причудливых и страшных отдельных островков вроде скал. После этого страшного мыса остров делается более пологим. Внутри покрыт лугами, кажущимися даже неестественно зелеными, в одном месте эти луга почти непосредственно подходят к морю и отделены от него только совсем узкой полоской ярко-желтого песка (цвета, не похожего на обычный приморский песок, а такого, как бывают посыпанные песком дорожки в так называемых "английских парках"). Все это было залито солнцем, и небо было синее. Цвет моря тоже изменился — стал гораздо более зеленым, притом с оливковым оттенком. Если бы все это нарисовать в красках и повесить картину на стену, то все справедливо негодовали бы и говорили: "Что за безвкусица!" А в натуре — очень хорошо и радостно выглядит этот пейзаж.

В Southampton'e видны были военные корабли; еще при приближении к нему летало множество аэропланов. Но самое замечательное, что я там видел, это удививший меня своею неожиданной красотой пароход "BREMEN", плывший рядом с нами (и обогнавший нас). Я, правда, в детстве любил гусей, а из неодушевленных предметов — корабли. А "BREMEN" — по вполне единодушному мнению всех путешествующих (и по более компетентному мнению нашего представителя капитана) — не только самый скорый, но и самый красивый из существующих пас-

сажирских пароходов (вероятно, впрочем, второе свойство отчасти обусловлено первым). Дело в том, что при его постройке был применен ряд совершенно новых принципов в смысле наибольшей возможной целесообразности формы корабля, а в технических сооружениях ведь наибольшая целесообразность почти всегда означает и наибольшую красоту.

Внешнее же впечатление следующее:

1) Корабль, кажется, гораздо длиннее и ниже, чем обыкновенные трансатлантические пароходы — поэтому гораздо стройнее, и быстрота его, так сказать, видна. (К твоему удовольствию сообщаю, что он более всех других пассажирских пароходов похож на военный корабль.) Средняя надстройка (с палубами первого класса, капитанской рубкой и проч.) поэтому выглядит гораздо меньше, чем на других пароходах, и это очень украшает.

2) На нем только две весьма монументальные и укороченные трубы (на пароходах этого тоннажа (52 000) полагается обычно три—четыре, а “*ILE de FRANCE*” при всего 30 000 тонн ухитрилась даже посадить 5 (!) труб, что выглядит довольно смехотворно, но зато очень по-французски).

3) Трубы значительно вынесены вперед, так же, как палубная надстройка, чтобы дать возможность иметь большую свободную площадку сзади, с которой подымается знаменитый почтовый аэроплан, который до сих пор имеется только на “Бремене” и “Европе”. Этим передвижением всей центральной части корабля к носу тоже создается впечатление некоторой стремительности, которое и является основным впечатлением от всего корабля.

В целом же, это — одно из самых прекрасных технических сооружений, когда либо виденных мною. Кроме того, гудит он на таких низких и мягких тонах, как я тоже никогда не слышал.

“Бремен” вышел из Нью-Йорка на два дня позже нас, но уже перегнал нас и везет тебе письмо, которое я писал в Нью-Йорке в день своего отъезда.

5 июня 1931 г.

Продолжение

Вчера после обеда и вечером я сидел и читал твои письма из Парижа С САМОГО НАЧАЛА ДО САМОГО КОНЦА. Их 37 штук. А в Америку ты мне всего написал 42 — за полтора месяца — 37, а за три с половиной — 42! Разве это хорошо? ? Главное же, средняя длина парижских писем в 2—3 раза больше средней длины московских! Из Парижа обыкновенно ты мне писал 2 листа, часто очень мелко исписанных, и многие из них нисколько не менее заслуживают называться поэмами, чем мое письмо о лягушке. Но я пишу о “парижских письмах” вовсе не для того, чтобы тебя ругать, а наоборот, чтобы тебя, негодного, хвалить. Так как письма эти, в их совокупности, действительно образуют целое литературное произведение (и может быть, даже “поэму”). Я, серьезно, получил от них большое и такое хорошее впечатление, что даже не могу его рассказать.

Сегодня с утра сплошное солнце и спокойное море. Пароход плывет важно и торжественно, и военный оркестр играет очень хорошую немецкую военную музыку — вероятно, все-таки единственную военную музыку, которая, в большей своей части, есть настоящая музыка, часто с хорошими темами (“Марш Буденного” (популярная песня времен Гражданской войны, муз. Д. Покрасса), к сожалению, сюда не относится — популярность его, с музыкальной точки зрения, не очень понятна).

Уже чувствуется всеобщая радость по поводу приезда, все толкуются на палубе и смотрят, как краном багаж прямо из трюма выносится на палубу. Чемоданы, болтающиеся в сетках в воздухе, выглядят, в самом деле, очень потешно. Между прочим, глубина шахты, идущей через весь пароход, в вертикальном направлении (от палубы до дна — 25 метров, при этом, это только сам пароход (надстройка с палубами 1-го класса сюда не входит) — как ни говори — высота 5-этажного дома!

Чемоданы уже сложены. 80% из них — стандартные американские, существующие в нескольких размерах, но все — настоящие прямоугольные параллелепипеды с обшитыми металлом, но не закругленными углами (и цвета тоже определенные — черный, коричневый, серый). Поэтому расставленные на палубе эти чемоданы образуют полиздр, напоминающий Нью-Йорк. А в стороне кучка саквояжей и разных чемоданов менее совершенных форм.

Уже совсем подъезжаем к Сихавеп’у. Море сделалось бурое и желтое, совсем некрасивое. Но чаек — без конца. Кстати, в Сихавеп’е выгружаются только пассажиры (для экономии их

времени их от *Sixhaven'a* до *Hamburg'a* везут специальным поездом), сам же пароход идет в Гамбург, где и разгружается. Порт мог бы принять и 60 000 тонн (как и принимал до войны; но пароходы тоннажем в 60 000 тонн до войны существовали только у *Hamburg-Amerika-Linie*, а так как теперь они принадлежат Англии и Америке, то в *Hamburg* не ходят совсем: жены, покинувшие своих мужей, тоже редко к ним ходят в гости!).

Въезжаем в гавань *Sixhaven'a*. Пароход разукрашен пятью флагами: впереди — американский (откуда пароход), потом — города *Hamburg'a*, потом флаг *Hamburg-Amerika-Linie*, потом специальный флаг самого парохода, и наконец, на корме — немецкий. Двумя оркестрами — на пароходе и на пристани — музыка заиграла, а публика — на пароходе и на пристани — запела "*Deutschland, Deutschland über alles*". Это получилось, действительно, очень импозантно (когда мы входили в *Cherbourg*, то пароходный оркестр играл "*Марсельезу*", но так торжественно что-то не получилось!). Потом была пауза, а когда мы сходили с парохода, раздался *Marche Militaire* ("Военный марш") ШУБЕРТА, и я сразу себя почувствовал в своем *païs d'affinité* (родной стихии — фр.)...

Однако тут произошло нечто необыкновенное — в самую последнюю минуту я увидел на ящике с *grape fruit* надпись:

"BLUE GOOSE"

— на этом мое путешествие в Америку и закончилось!

6 июня 1931 г.

(из Гамбурга, Германия,
в Москву, Трубниковский пер.)

Спешу ответить еще два слова на деловую часть твоего письма.

Я согласен ехать через Ленинград, если это необходимо (чтобы увидеться с Лефшецем) и если ты меня там встретишь. Думаю, однако, что целесообразнее ехать туда не пароходом, а железной дорогой — из-за экономии времени.

Сейчас был в Reisebüro (бюро путешествий — нем.). Выяснилось, что пароходы из Stettin'a в Ленинград идут раз в неделю, но неизвестно их точное расписание! У меня получилось впечатление, что они вообще еще не начали ходить в нынешнем году.

Железнодорожный билет в Ленинград, конечно, дороже, чем в Москву. Кроме того, тогда нужно, чтобы ты мне выслал денег на пограничную станцию (по-видимому, Остров) — рублей 200, на случай пошлин.

(Из KDW получил ответ:

1) сахару разрешается на одно лицо в год только 5 кг;

2) мыло разрешается, НО тоже только 5 кг в год и ПОШЛИНА 250 р. за кг!)

Вообще же, через Ленинград надо будет поехать только в самом крайнем случае, если Лефшецу никак не удастся задержаться в Москве на 2 лишних дня. Прилагаю письмо Лефшецу, которое прошу тебя возможно скорее ему передать. Если есть какая-нибудь возможность задержаться ему в Москве, я бы поехал в Москву. Но надеюсь, что если придется ехать через Ленинград, то и ты туда приедешь. Если бы ленинградцы могли мне заплатить за мой приезд (1—2—3 доклада прочел бы там с удовольствием), было бы, конечно, очень хорошо.

Решай ты сам, куда мне, в конце концов, ехать — в Москву или в Ленинград — и телеграфируй мне об этом в Берлин, так, чтобы я твою телеграмму получил уже 13-го и успел на нее ответить телеграммой же — дело в том, что, во-первых, мне все-таки надо получить разрешение в нашем полпредстве на возвращение через Ленинград, во-вторых, надо точно выяснить пограничный пункт, чтобы просить тебя туда выслать (по телеграфу) денег, на всякий случай, если придется платить пошлину (за палатку или за бумагу). Если кружок туристов не может дать официального разрешения на палатку, то может быть, он может дать просто письмо с просьбой пропустить палатку или с указанием, что ею будут пользоваться лишь члены кружка туристов и т.п. Здесь мне сказали,

что, если ехать в Ленинград, то пограничный пункт будет Остров, но молодой человек, дававший мне эту информацию, как-то сам в ней был не очень уверен.

Мои адреса — для писем и телеграмм:

9–10 июня: Zürich, Schloßlistr. 2;

11–12: Göttingen, Calsowstr. 57;

13, 14, 15: Berlin, postlagernd.

Общее состояние наших финансов, пожалуйста, ты тоже определи. Спроси, в частности, у Ефремовича, сколько у него моих денег (как будто, 1000 минус 150).

Между прочим, для улучшения одного было бы, может быть, целесообразно представить на премию мой мемуар по теории размерности (присоединив к нему “Gestalt und Lage” из “Annals of Math.” и заметку “Zum Dimensionsproblem” из “Göttinger Nachrichten”). Конию мемуара по размерности пришлю. Отзывы могли бы дать Понтрягин и Лефшец, как наиболее компетентные люди. Я думаю, эта работа заслуживает быть представленной на премию, тем более, что я вообще премировался только раз (за цикл работ в “Math. Ann.”, предшествующих “Gestalt und Lage”). Поговори об этом с Понтрягиным, а с Лефшецем переговорит Понтрягин сам.

О моих впечатлениях о “банкете”, данном в честь Лефшеца, предпочитаю говорить при свидании. Напиши же мне хотя бы темы Лефшецевских докладов в Институте и в кружке.

Пишу уже в Гёттингене, но спешу отправить письмо. Поэтому ни о каких впечатлениях не пишу (напишу еще сегодня вечером или завтра, если успею).

Сегодня ночью еду в Цюрих.

-
- Работы, которые П.С. предлагает выдвинуть на премию, суть следующие:
 1. Мемуар по теории размерности — написанная в Принстоне работа “Dimensionstheorie. Ein Beitrag zur Geometrie der abgeschlossenen Mengen” // Math. Ann. — 1932, Bd. 106, S. 161–238;
 2. “Gestalt und Lage” из “Annals of Math.” — так П.С. называет свою работу “Untersuchungen über Gestalt und Lage abgeschlossener Mengen beliebiger Dimension” // Ann. of Math. (2). — 1929, v. 30, p. 101–187;
 3. “Zum allgemeinen Dimensionsproblem” // Gött. Nachr. — 1928, S. 25–44.
 - В цикл работ из “Mathematische Annalen”, о которых идет речь, могут быть включены работы [18]–[20] 1927 года, а также [25], [26], [29] и [34] 1928 года (приводятся по библиографии П.С.Александрова // Математика в СССР за 40 лет. 1917–1957, М.: Физматгиз, 1959, с. 23–26).

20 мая 1932 г.

(из Москвы
в Днепропетровск,
на адрес И.Е. Огиевского)

Только сейчас тебе пишу, так как все эти дни был занят той безнадежной и бессмысленной занятостью, какую можно быть занятым только в Москве: делами по персональной пенсии моей матери (причем оказалось, что половина бумаг пропала в архиве Наркомсобеза, а другая половина отправлена не по назначению в Наркомздрав); покупкой железнодорожного билета в Смоленск (причем оказалось, после часовой очереди — никогда раньше этого не было — что билеты на завтра не продаются, так как еще не известно расписание (!), а на сегодня не продаются, так как в день отхода продаются лишь на вокзале); хождением в магазин “Турист” (причем оказалось, что, кроме заявки от Дома ученых, нужна еще виза районной ячейки) и т.д., и т.д.

Результаты, касающиеся нашего путешествия, пока таковы:

1. Будут ли какие-нибудь продукты, пока неизвестно, но туристические карточки обещают (вообще, обещано “по линии бумажек” дать все, что потребуется!).

2. В магазине “Турист” достал:

- а) складной примус,*
- б) шесть банок сухого спирта.*

Больше ничего в магазине нет.

1. Напиши, брать ли посуду для керосина из Москвы (здесь пришлось бы ее искать неизвестно где) или можно рассчитывать достать ее в Киеве (базар на Подоле) или в Днепропетровске.

2. Сегодня пойду опять узнавать насчет паруса. В магазине “Турист” мне по этому поводу ничего не смогли сказать. Напиши свои инструкции относительно паруса. Может быть, и его легче достать в Днепропетровске, чем в Москве.

3. Вообще, я не получил от тебя никаких обещанных указаний о том, где и что мне делать по нашему снаряжению.

4. Напиши, взял ли ты свой спальный мешок (меховой) и резиновую оболочку от моего мешка?

Палаточный пол и твою зеленую курточку привезу.

Новости:

1. Директором Института назначен А.Я. Хинчин.

Весь кабинет пока не сформирован, но одним из заместителей директора уже назначен Г.К. Хворостин.

2. В пятилетний план “Ти-ти” (Технико-теоретическое издательство) включено издание Математической Энциклопедии в 15 томах. При Математическом обществе образован временный комитет, который имеет своей задачей обсудить общий характер издания и привлечь заведующих отделами (т.е. создать редакционный комитет). Этот временный комитет собирался вчера. В него входят: Н.Н. Лузин, В.Ф. Каган, А.Я. Хинчин, В.В. Степанов, О.Ю. Шмидт, М.Я. Выгодский, Н.А. Глаголев, ты и я. Постановили, что Энциклопедия должна быть чем-то промежуточным между немецкой “Enzyklopädie der Mathematischen Wissenschaften”, “Pascal’s Repertorium” и “Мемориалом” — она будет писаться по, так называемому, “монографическому принципу”, т.е. стремиться дать, по возможности исчерпывающую картину современного состояния математики с упором на наиболее актуальные проблемы без претензий на исчерпывающий характер изложения ни в направлении всех областей математики (т.е., например, могут быть не представлены чересчур специальные разветвления областей, которыми сейчас мало занимаются и которые хорошо представлены в немецкой энциклопедии — например, специальные вопросы алгебраической геометрии и т.п.), ни в направлении старой литературы, имеющей сейчас, главным образом, исторический интерес. Одним словом, не будет погони за библиографической регистрацией всего напечатанного (не будет дублирования немецкой энциклопедии), но будут, в то же время, стремиться к значительно большей полноте и систематичности, чем в “Мемориале”.

Состав редакции еще не намечен, но Выгодский говорил мне (в частном порядке), что он будет стремиться во главе всего издания поставить ТЕБЯ, “нашего советского Эйлера” (его слова)! Гонорары предполагаются очень большие, и, кажется, уже имеется директива ЦК о том, чтобы Наркомпрос, в случае надобности, освобождал работников “Энциклопедии” от их работы

в других учреждениях. Все издание предполагается закончить в пять лет, первый том (еще не известно, какой) выпустить в 1933 году.

Обещаны большие кредиты, в том числе и валютные, так что будут привлечены как Ленинград, так и Харьков и Казань.

Посмотрим, что из всего этого выйдет.

Сейчас буду отправлять оттиски.

В целом у нас все благополучно. Вера Яковлевна собирается писать тебе сама.

Очень жду твоего письма из Днепропетровска.

В Харьков написал (Гончарову и директору тамошнего института), что приеду 1-го, а уеду вместе с тобою 2-го, просил приготовить нам билеты из Харькова в Днепропетровск.

Сегодня я поеду в Смоленск, возвращаюсь 27-го.

Исааку Ефимовичу поклон.

На все выделенные вопросы отвечай незамедлительно!

-
- *Институт* — НИИ математики Московского университета.
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Исаак Ефимович* — И.Е. Огиевецкий.
 - *Харьковский институт* — Украинский математический институт, открыт в 1926 г.
 - *Математическая энциклопедия в 15 томах* — насколько нам известно, такое издание состоялось лишь много позже: в 1977 году в издательстве “Советская энциклопедия” вышел первый том 5-томной “*Математической энциклопедии*”. Редакционная коллегия во главе с акад. И.М. Виноградовым (в нее входил и П.С. Александров) так определила цели этого издания: “МЭ — справочное издание по всем разделам математики. Основу ее составляют обзорные статьи, посвященные важнейшим направлениям математики. Основные требования к статьям такого типа — возможная полнота обзора современного состояния теории при максимальной доступности изложения”.

23 мая 1932 г.

(из Смоленска
в Днепропетровск,
на адрес И.Е. Огиевского)

Вчера приехал в Смоленск. Здесь читаю по 6 часов лекций в день, что несколько утомительно, тем более, что стоит прекрасная, жаркая, солнечная погода, ежедневно заканчивающаяся грозой и проливным дождем. После лекций у меня и вчера, и сегодня были заседания, так что пришел вчера в девятом, а сегодня в восьмом часу вечера (уйдя из дома с утра, и, главное, не успев выкупаться, что мне особенно досадно).

В кружке туристов по поводу паруса мне сказали, что надежды получить парус до 31 мая, т.е. до дня моего отъезда, нет никакой, так как уже давно сделаны заявки по ряду экскурсий — без всякого результата. Боюсь, что и здесь придется ориентироваться на пресловутый Подольский базар. Думаю, что там же придется приобрести и посуду для керосина.

Против твоего плана ехать не от Киева до устья, а от Новгорода-Северского или Чернигова до Днепропетровска я, естественно, ничего не имею. Но только как и при помощи чего (говоря словами Канта) мы воздвигнем лодку от Днепропетровска до Чернигова или Новгорода-Северского? Впрочем, можно, конечно, пароходом.

То, что ты пишешь мне о комнате, мне очень нравится: хоть умывальники в июне-месяце менее существенны, чем были бы в декабре или январе, но составляют прекрасную и всегда радующую мое сердце обстановку. Очень приятно, что мы с тобой этот раз будем, по-видимому, ближе к Днепру, чем гостиница “Астория”, несмотря на всю ее “изысканность”.

К сожалению, ты мне, по своему обыкновению, ничего не пишешь о самых важных вещах, которые суть:

- 1. Чем, как и где ты питаешься?*
- 2. Как проходит у тебя день и как ты, вообще, себя чувствуешь?*
- 3. Как проходят твои лекции? Сколь торжественно тебя встречали и наладили ли “контакт с аудиторией”? С удовольствием ли ты читаешь свои лекции и не утомляют ли они тебя?*
- 4. Каково положение на купально-мыльном фронте (с точным приведением показателей, характеризующих этот фронт: сколько ты раз мылся с мылом, каждый ли день купался, сколько гусе-часов катался на лодке и т.п.)?*

Днепр сейчас и здесь хорош, свежа и нежна зелень, в которой утопает столица нашей области. Мне так жаль, что нынешняя прекрасная весна, в этом году особенно меня трогаящая, проходит как-то нелепо, в суете всяких бессмысленных заседаний, и что тебя нет около меня.

Жду твоих дальнейших писем. Кланяйся всем, кому надо.

Пишу обыкновенной ручкой (самопишущая в Москве), поэтому и другой почерк, чем обыкновенно.

Вчера и сегодня я видел В.А. Ефремовича, который кончил читать еще третьего дня.

20 января 1913.

**ВОПРОСЫ МУЧАЮЩЕГО ФАУСТА
И ИХЪ РАЗРѢШЕНІЕ.**

ПРОГРАММА.

Фаустъ-типъ человѣка, стремящагося къ истинѣ. Разочарованіе въ науку. Причины его. Дуализмъ души Фауста. Фаустъ и Мефистофель. Трагедія души Фауста. Фаустъ стремится стать „всечеловѣкомъ“.

— — — — — **Перерывъ 20 минутъ.** — — — — —

Миръ, какъ дѣятельность и борьба. Зло въ мірѣ. Философія пессимизма. Человѣческая жизнь, какъ элементъ въ жизни мирового процесса. Вопросъ о личности человѣка. Жизнь, какъ борьба и стремленіе. Роль зла въ жизни человѣка. Общій характеръ философіи Гегеля. Чувство и его роль въ познаніи абсолютнаго въ мірѣ.

Начало ровно въ 6 часъ.

П. Александровъ

Тол. Б. Е. Вереща, Смоленскъ.

То окончаніи - пренія.

Афиша лекции П.С. Александрова 20 января 1913 года
(из архивных материалов)

27 мая 1932 г.

(из Москвы
в Харьков,
на адрес В.Л. Гончарова)

Сию минуту ввалился из Смоленска и нашел твои два письма и открытку. И заговорила во мне совесть, что я тебе за все время написал только два письма (это — третье). Но это происходило потому, что я, действительно, совершенно сбился с ног — в Смоленске, уходя в 9 утра, я не возвращался ранее 7 часов вечера (ни разу не купался там, несмотря на прекрасную, жаркую погоду), так как, кроме лекций, были еще конференции (= зачеты), заседания кафедры, заседания отделения, студенческие собрания (по поводу глупейших недоразумений, а в действительности, по тому поводу, что нашему заведующему учебной частью (помощнику директора) хочется протащить в доценты одного своего приятеля), и т.д., и т.д. ... Когда я приходил домой и обедал, то энергии после этого оставалось только на то, чтобы лечь спать.

У моих Новгород-Северских знакомых дам (из которых одна — знакомая и сверстница Веры Яковлевны), к сожалению, внуков нет, так как они (по образу большинства твоих тетушек) пребывали в безбрачии и занимались идеями, а не деторождением. У одной из них, впрочем (у очень любимой мною О.А. Ассинг), имеется приемная дочь, которая тогда, в 1919 году, проявляла (в возрасте 7 лет) выдающиеся способности к балету — едва ли из нее получилось что-либо компетентное в области лодочных путешествий.

Что касается паруса, то я уже писал, что с ним обстоит дело довольно безнадежно. Карточками займусь немедленно же.

А как перспектива достать лодку в Днепропетровске? Меня интересует это не потому, что мне непременно хочется взять лодку

П.С. Александров

из Днепропетровска в Новгород-Северский, а потом плыть на ней назад, а потому, что из этого я хочу заключить о перспективах достать такую лодку в Киеве, Чернигове и т.д.

Твое письмо с рецензией для “Zentralblatt’a” я, к сожалению, получил только сегодня (т.е. до моего отъезда в Смоленск оно не поспело). Сию же минуту буду его “erledigen” (улаживать — нем.) и сегодня же пойду покупать билет в Харьков. Ты, кстати, мне ничего не пишешь о точном дне твоего приезда в Харьков, и я даже не знаю, куда адресовать это письмо.

А что касается пьедесталов, то меня надо рисовать сидящим на пирамиде, сложенной из гробниц президентов Московского математического общества.

Кстати, после нашей Конференции по планированию (M. Onisime Bertant, président) мы были приглашены на ужин в Дом ученых (ужин был более чем скромный, но я много и приятно беседовал с О.Ю., в персональном, а не служебном аспекте). Как всегда в подобных случаях, беседа носила очень гармонический характер.

Где копии плана твоей книги для “Gelbe Sammlung”? Отвечать будем на это письмо, очевидно, вместе (не потеряй его!). Приятно, что *Courant* твою книжку считает основной, к которой должны приспособливаться остальные (с Hahn’ом это было иначе, несмотря на почтенность автора).

Прилагаю письмо *Courant’a* (в конверте не обнаружено).

Мой *Anhang* (добавление — нем. — см. Примечание к письму от 20 февр. 1931 г.), в конце концов, отправлен и уже печатается (с предисловием Hilbert’a; так как последнее было поручено составлять Neugebauer’у, то возможность конфузий, подобных тем, что имеются в знаменитом предисловии Lebesgue, надеюсь, исключена).

(Здесь речь идет о следующей истории. В 1930 г. в Париже вышла (на французском языке, в известной серии “Collections de monographies sur la théorie de fonctions”, издававшейся под руководством Э. Бореля) монография Н.Н. Лузина “Leçons sur les ensembles analytiques et leurs applications”. Ей было предпослано предисловие Анри Лебега, не вошедшее затем в русский перевод этой монографии: “Лекции об аналитических множествах и их приложениях” (сокращенный вариант — М.: Гостехиздат, 1953; полный — в кн.: Лузин Н.Н., Собрание сочинений, т. 2, Дескриптивная теория множеств. — М.: Изд-во АН СССР, 1958). В этом предисловии (теперь оно полностью опубликовано на русском языке в журнале “Успехи математических наук”, т. 40, вып. 3, 1985, // с. 9–14, в переводе В.В. Успенского с комментариями В.А. Успенского) А. Лебег, в частности, пишет: “...предисловие показалось мне единственным местом, где я мог бы открыто признаться в том, что г-н Лузин тщательно скрыл: источником всех проблем, о которых пойдет здесь речь, послужила грубая ошибка в моем Мемуаре об аналитически представимых функциях (Lebesgue H. Sur les fonc-

tions représentables analytiquement, J. math. pures et appl., ser. 6, 1905, t. 1, fasc. 2, p. 139–216). *Плодотворная ошибка* (А. Лебег считал, что проекция борелевского множества есть также борелевское множество), меня просто вдохновило ее совершить!” П.С. Новиков и Л.В. Келдыш пишут по этому поводу: “Нельзя согласиться с Н.Н. Лузиным, приписывающим Лебегу открытие A -множеств. A -множества, которые Н.Н. Лузин называет аналитическими, Лебегу в то время не были известны и были открыты Суслиным, исходя из A -операции, построенной П.С. Александровым” (Новиков С.П., Келдыш Л.В. Комментарий к работам Н.Н. Лузина, в кн: Лузин Н.Н., Собрание сочинений, т. 2, 1958, с. 725–739.)

Что ты “без меня” прочтешь всю теорию функций, меня очень беспокоит: что же мне-то, бедному, тогда делать? Ведь я собирался читать совсем элементарный курс (примерно в объеме нашей книжки), а ты уже им рассказал весь интеграл Лебега? Откуда они сделали такие умные?!

Сию минуту приходит твое новое письмо, от 24 травня. Твои ответы на мои вопросы напоминают мне, как однажды Л.С. Понтрягин мне отвечал в Америку на письмо, посланное месяц тому назад о моих трех редакциях какого-то определения, причем они так и цитировались: №1, №2 и №3. Я, при этом, уже давно забыл, в чем заключалось само определение и какие именно варианты имелись в виду. Но тебя я, тем не менее, понял.

-
- *Дом ученых* — и А.Н. Колмогоров, и П.С. Александров были давними членами Московского дома ученых (у Андрея Николаевича был членский билет за № 5422, а у Павла Сергеевича — за № 6044).
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Бермант Анисим Федорович. Конференция по планированию (M. Onissime Bertant, président)* — так, в шутку, П.С. отзывается, по-видимому, о заседании редколлегии “Математического сборника” под председательством зав. редакцией этого журнала А.Ф. Берманта и в присутствии гл. редактора О.Ю. Шмидта.
 - *О.Ю.* — Отто Юльевич Шмидт.
 - *“Gelbe Sammlung”* — буквально, “Желтая серия” — так называли выходившую в издательстве Springer’a серию книг по математическим наукам (фундаментальным разделам математики).
 - *Книга А.Н. Колмогорова для “Gelbe Sammlung”* — речь идет о книге по теории функций, которую А.Н. собирался представить в эту серию. Подробнее см. Примечание к Письму А.Н. Колмогорова от 1 мая 1931 г.
 - *Наша книжка* — имеется в виду книга: П.С. Александров, А.Н. Колмогоров. *Введение в теорию функций действительного переменного*. М.-Л.: ГТТИ, 1932; 270 с.

1 августа 1932 г.

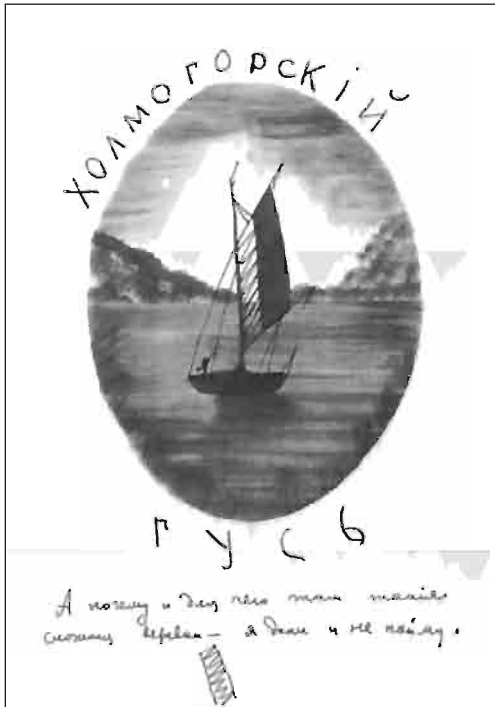
(из Москвы,
в Одессу,
на адрес М.И.Дубенской)

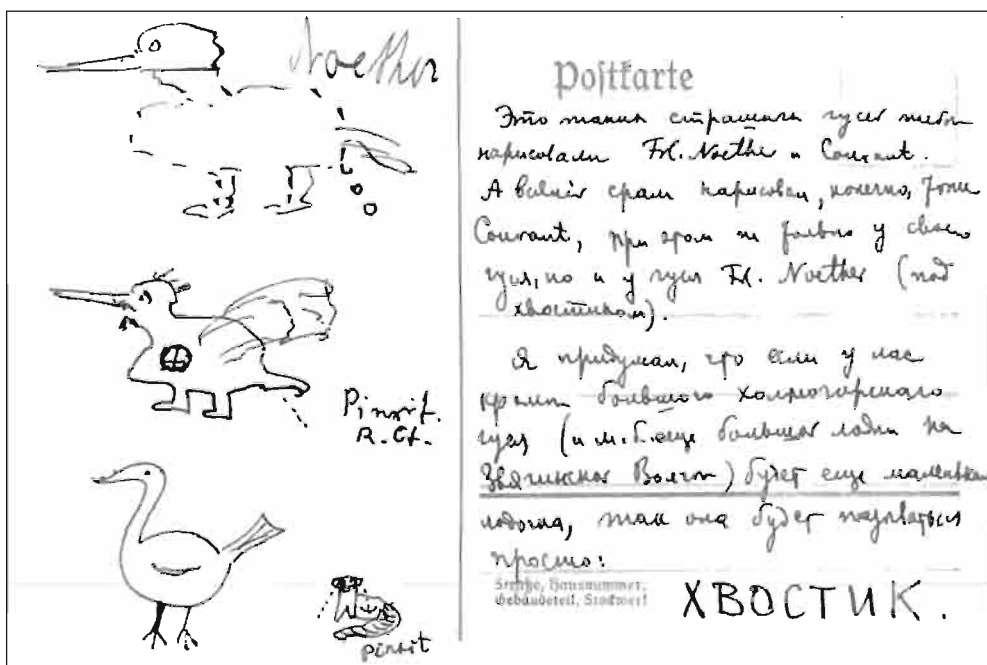
Только что приехал в Москву и вот — хочу тебе написать хоть два слова еще до всяких дел. Мне и в дороге очень хотелось тебе написать, но во время движения поезда писать невозможно, а остановки, сколь-нибудь продолжительные (и то меньшие получаса) были в течение всего дня только в Киеве да в Брянске. Из Киева я послал одну открытку тебе и одну Матильде Исидоровне, гостеприимством которой был действительно очень тронут. Вообще же, длинный и спокойный переезд даже и по железной дороге — хорошее время для чтения Тургеневских романов, для лирических размышлений и для прочих сентиментальных затей.

В течение всей дороги читал Тургенева — не только “Отцы и дети”, но и “Рудина”. Многое мне очень нравилось и казалось близким и трогательным. Кроме того, ел абрикосы, яблоки и груши, которые ты купил мне в дорогу — все они были очень сладкие и вкусные.

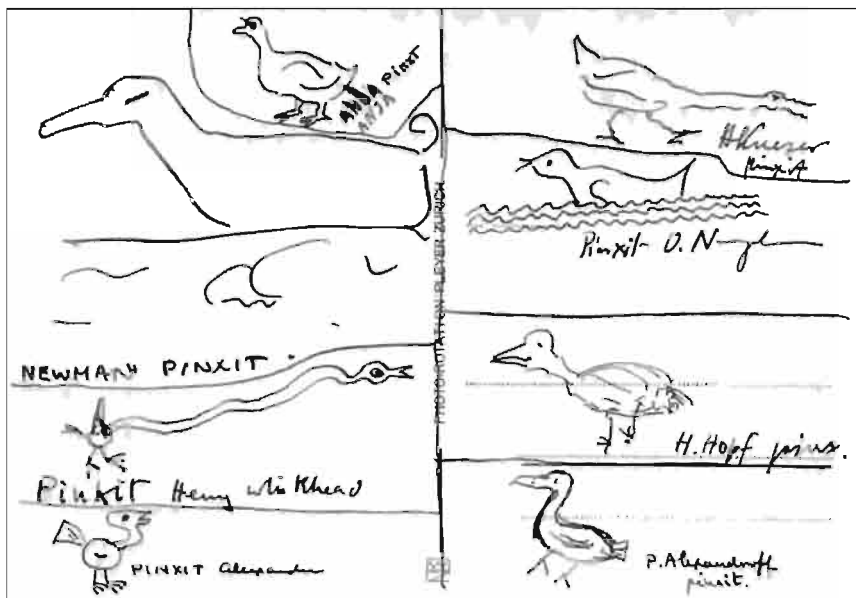
Особенно погрузился я в них, когда (уже после того, как на вокзале была опущена открытка тебе) проезжал по мосту через великую реку Днепр и в последний раз смотрел на ее отмели и пески.

Размышляя по этому поводу о том, как все-таки хорошо было все наше путешествие (в 1929 г.), я стал думать и о том, что нужно бы нам как-то устроить нашу жизнь так, чтобы чувствовать себя в ней вполне хорошо. Чтобы, в частности, вполне хорошо было бы тебе — пишу про тебя не потому, что бы я так уж мало думал и о себе самом, а потому, что, по существу дела, ты хоть и меньше меня говоришь и никогда (в отличие от меня) не ворчишь, но чаще и серьезнее бываешь недоволен, чем я. Ведь, в конце концов, — и это тебе нужно

Поздравительные открытки, направленные (в апреле 1932 года)
А.Н. Колмогорову по случаю его дня рождения

знать — в основном, я себя чувствую хорошо, и это несмотря на то, что меня не удовлетворяет в последний год моя работа, что многое мне не нравится, что многое меня раздражает и т.д. А вот ты прошлой зимой недоволен, и это меня угнетает, тем более, что, по моему глубокому убеждению, можно устроить жизнь так, чтобы ты, по крайней мере, в основном и важном, был ею доволен. Потому что, мне кажется, есть у нас все возможности для этого, и если мы не умеем ими воспользоваться, то, в каком-то смысле, сами в этом виноваты. Причем, может быть, я виноват больше, чем ты. Но я теперь надеюсь, что нет ничего в нашей жизни, что нельзя было бы, оставаясь вполне в пределах возможного для нас, сделать окончательно хорошим. Мне бы очень хотелось, чтобы ты мне когда-нибудь сказал, что ты думаешь по этому поводу...

Пока кончаю, надо идти по делам. Сегодня вечером надеюсь попасть на Клязьму. Сегодня же или завтра напишу о результатах моих московских блужданий.

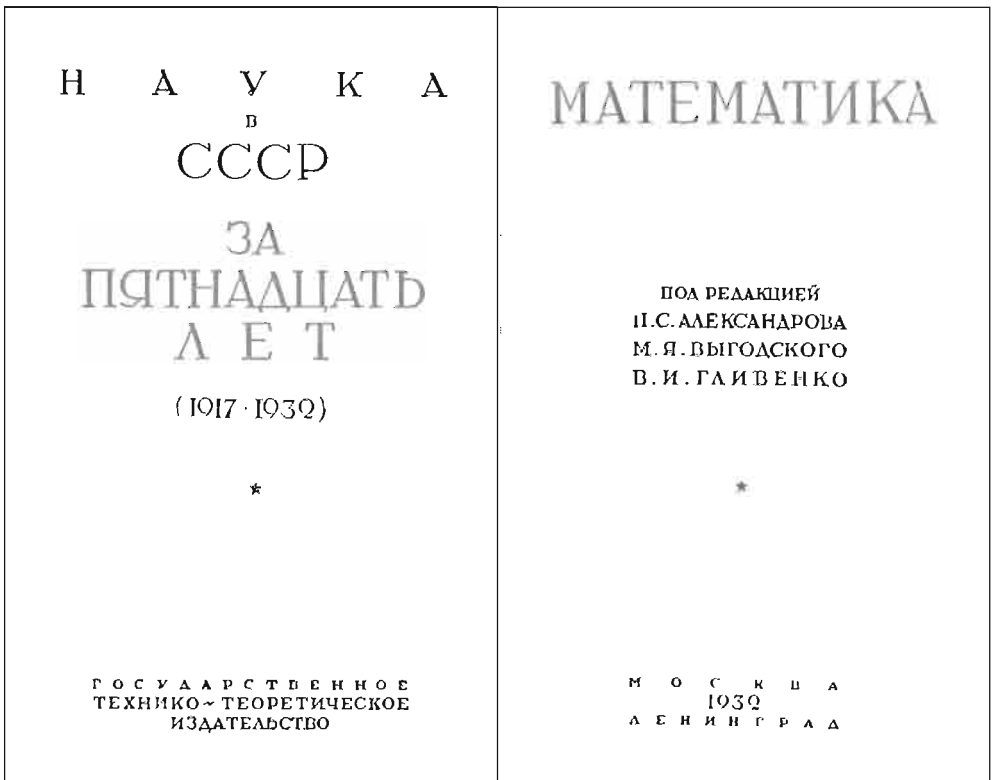
Когда-то ты получишь это мое письмо? В Одессе, наверное, оно уже тебя не застанет, но я надеюсь, ты скажешь М.И., куда тебе пересылать письма.

В Москве безоблачное небо, жара такая же, как в Одессе, но нет ни моря, ни гуся...

3 августа 1932 г.

(со ст. Клязьма Северной ж.д.,
без конверта)

Оказалось, что я ЗРЯ прервал наше путешествие — отказ в командировке оказался простым недоразумением, основанном на глупости тов. Пикус, достойной преемницы тов. Мокрушиной. Наоборот, командировка моя утверждена Ученым комитетом ЦИК СССР и может считаться подающей все надежды на осуществление. Правда, все относящиеся к ней бумаги тов. Пикус потеряла было, и надо было уже все опять начинать сначала (пресловутое “оформление” — новый технический термин), но в последнюю минуту бумаги нашлись, так что, как будто, все обстоит благополучно.

Состав делегации: Александров, Бернштейн, Кольман, Хинчин, Чеботарев.

Прочие новости. Опубликован месяц тому назад приказ Наркома по просвещению о новом составе Математического комитета при Наркомпросе. Состав этот следующий:

Председатель — Александров.

Зам. председателя — Хинчин.

Члены президиума: Выгодский, Голубев, Хворостин, Бермант (ученый секретарь) и еще кто-то.

Члены комитета: академики Виноградов, Мандельштам, Чаплыгин;

далее Чеботарев, Делоне, Смирнов (Ленинград), Шнирельман, К.Ф. Огородников, Кольман, представители военного ведомства, представитель ЦБ Секции научных работников, представители провинциальных университетов и др. Вероятно, предстоят еще некоторые пополнения.

Чеботарев уже прислал прекрасную статью по алгебре для юбилейного “Сборника” с полной библиографией, листа на два — я очень доволен.

Статью по дифференциальным и интегральным уравнениям для “Сборника” взял на себя В.В. Степанов, по приближенным методам анализа — В.И. Гливенко.

Погода все время прекрасная, жара при голубом небе. Но солнце, увы, не стоит высоко, как в Одессе! Уча такая узенькая, что только вам, гусям, в ней и полоскаться!

-
- Речь идет о делегации на Международный конгресс математиков в Цюрихе, Швейцария.
 - *Юбилейный сборник* — речь идет об издании сборника “Математика в СССР за 15 лет. 1917–1932”, к 15-летию Октября. Этот сборник под редакцией П.С. Александрова, М.Я. Выгодского и В.И. Гливенко вышел в 1932 г. (М.-Л.: ГТТИ) и явился первым в серии подобных изданий, приуроченных к юбилеям Октябрьской революции (“Математика в СССР за 30 лет. 1917–1947”, “Математика в СССР за 40 лет. 1917–1957” и др.). В сборник “Математика-XV” вошли обзорные статьи: *Алгебра* (Н.Г. Чеботарев); *Теория функций действительного переменного* (А.Н. Колмогоров); *Теория аналитических функций* (две статьи — М.А. Лаврентьева и В.Л. Гончарова); *Анализ* (В.В. Степанов); *Вариационное исчисление* (М.А. Лаврентьев и Л.А. Люстерник); *Топологические методы в анализе* (Л.Г. Шнирельман); *Приближенные методы в анализе* (В.И. Гливенко); *Теория вероятностей* (А.Я. Хинчин); *Геометрия* (Н.А. Глаголев и С.П. Фиников); *Топология* (Ю.А. Рожанская и В.В. Степанов); *Теория чисел* (Р.О. Кузьмин). Одновременно вышел и сборник “Механика в СССР за 15 лет. 1917–1932” (редакторы В.В. Голубев и Л.С. Лейбензон).

8 августа 1932 г.

(из Москвы

в Одессу,

на адрес М.И. Дубенской)

Получил сегодня твое письмо, посланное 4 августа из-под Новороссийска (штемпель отправления Туапсе, 5 августа, так что пришло действительно очень быстро) и из твоих описаний очень хорошо себе представил твое путешествие вдоль крымских берегов. Так хорошо, что мне вдвойне жалко стало, что я тут, бедный, сижу один в Москве. Впрочем, есть и аналогия между нами: ты едешь из Одессы в Батум и обратно, а я — из Наркомпро-са в Ученый комитет ЦИКа — и тоже обратно. А в более высокие инстанции мне даже и не приходилось восходить (надеюсь, и не придется).

А месяц тому назад мы ехали с тобою на лодочке и (сейчас вечер, как раз) приехали в Триполье, где одному гусю, маленькому, пришлось искать другого, большого. Но здесь сейчас гораздо жарче, чем было в Триполье и где бы то ни было еще на Днепре. Несмотря на вечер, жарко, как в раскаленной печи. Вчера (как пишут в газетах) был максимум — 32° (конечно, в тени).

В Институте новая дирекция (т.е. А.Я. + Хворостин) увлечена сейчас кабинетами. Институт получил помещение, а именно, всю половину этажа, ранее занимавшегося математическим факультетом, расположенную влево от бывшей профессорской (если стать в коридоре лицом к этой, последней). Громадный чертежный зал, примыкающий к старой профессорской, превращается в КОН-ФЕРЕНЦ-ЗАЛ.

Маленькие аудитории, на которые разгородили бывшую большую (№ 1) будут кабинетами: АНАЛИЗА, ГЕОМЕТРИИ, АЛГЕБРЫ (вместе с ТЕОРИЕЙ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И СТАТИСТИКОЙ — ты будешь сидеть в тени бороды О.Ю.) и ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА — всего будет 4 кабинета, где будут происходить семинары и собеседования и будут разносить чай — одним словом, все, как в Гёттингене. Дирекция хочет, чтобы по сторонам в кабинетах стояли шкафы с книгами. Но если это не будут *des grands livres en bas, des petits livres en haut* (большие книги внизу, маленькие — наверху. — фр. поговорка) — я боюсь, что это будет только содействовать растаскиванию книг (библиотеку Института, кажется, опять предполагается перетаскивать из Фундаментальной в собственные институтские помещения).

В самом конце коридора будет помещаться КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА (занимаемое сейчас помещение — пресловутая “бывшая уборная” — освобождается).

В вестибюле лестницы будет собственный институтский БУФЕТ. Одно мое пожелание Дирекции — дожить до осуществления всего этого строительства (пока одни перегородки ломаются, другие возводятся, везде краска, известка и тому подобное). Но опять неизвестно, где будут помещаться бухгалтерия, канцелярия, местком и пр.

А ученого секретаря новая дирекция так и не нашла — все отказались. В заключение пригласили В.И. Гливенко, но он, зная, что до него приглашались Тумаркин, Арнольд и др., естественно, тоже отказался с мотивировкой, что он в предстоящем году не предполагает заниматься деятельностью административно-организационного характера, да еще столь узкого масштаба! Так что, пока в новые меха А.Я. вливается весьма старое вино.

Завтра, наконец, опять поеду на Клязьму и отряхну от ног своих прах Московской суеты. На Клязьме поставлена печка в проходной комнате, отремонтирована другая печка, выкрашена и кое-где починена крыша, куплено 50 литров керосина.

В Москве совершенно исчезло туалетное мыло — если где увидишь, покупай и привози.

-
- *Новая дирекция* — директором НИИ математики и механики Московского университета был тогда назначен А.Я. Хинчин, а его заместителем — Г.К. Хворостин (см. письмо от 20 мая 1932 г.).
 - А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
 - О.Ю. — Отто Юльевич Шмидт, в то время возглавлял кафедру алгебры НИИ математики и механики МГУ.

6 сентября 1932 г.

(из Цюриха
в Москву, Трубниковский пер.)

Удивительная вещь — я сейчас занимаюсь ничем иным, как отдыхом в самом элементарном, физическом смысле этого слова, как полагается после сыпного тифа или чего-либо в этом роде. Прежде всего, непрерывно ем (этому очень способствуют многочисленные приглашения к весьма обильным завтракам, чаем и ужинам) и из своего неестественного аппетита заключаю, что последнее время имел, действительно, пониженный уровень питания.

Весь сегодняшний день (если не считать утреннего заседания) провел с Frau Courant на солнышке на берегу озера. Сегодня после обеда предполагалась поездка на пароходе по Цюрихскому озеру. Но так как был прекрасный солнечный день, мы с Frau Courant решили перед поездкой выкупаться с тем печальным результатом, что опоздали на пароход. Оставшуюся часть дня мы провели в купании и катании с американских гор прямо в воду, что очень занимательно (а впрочем, кажется, доступно и у нас в Москве).

Чувствую не только этот физиологический отдых, но и то, насколько я в нем нуждался, т.е. именно в отдыхе нервной системы после московской беготни нескольких последних недель. Так как мне не предстоит в нынешнем году здесь никаких лекций (кроме отдельных докладов в Гёттингене), то надеюсь, что приеду, действительно, с большим запасом свежих сил. Из купального заведения написал тебе открытку в конверте в Днепропетровск (на адрес Исаака Ефимовича), а завтра напишу тебе более подробно (написал письмо и вчера).

Все о тебе думаю: я-то вот отдыхаю, а отдохнул ли ты как следует — не знаю.

Все время вижу многих людей, среди них многих, которым искренне рад, и все время, как будто бы, заполнен этим. И все время, каждую минуту чувствую, как хорошо было бы, если бы и ты был здесь.

Пиши мне пока еще в Цюрих, на адрес Н.Норфа.

Приписано: *Herzliche Grüsse aus diesem angenehmen Aufenthalt.
Ich wünsche Ihnen anschliessend!*

Ihre N. Courant.

Перевод: *Сердечный привет из этого райского места.
Хотелось бы, чтобы и Вы были с нами!*

Ваша Н. Курант.

-
- Frau Courant — жена Р. Куранта.
 - Исаак Ефимович — И.Е. Огиевецкий.

10 сентября 1932 г.

(из Цюриха
в Днепропетровск,
без конверта)

Я, положительно, не понимаю, что это значит, что от тебя до сих пор нет никаких известий! Я очень скучаю без тебя и беспокоюсь, что с тобою. Кроме того, у меня как-то нет полной уверенности, что ты в Днепропетровске — ведь их (Днепропетровские) планы могли измениться, так что, может быть, я пишу в безвоздушное пространство. Больше же всего я боюсь, не заболел ли ты как-нибудь в Москве.

Если завтра не будет от тебя письма, то буду тебе телеграфировать.

Мой адрес до 20 сентября:

Zürich, Schösslistr., 2, bei H. Hopf.

Если твое письмо придет и после, то будет мне переслано, так что пиши по этому адресу, пока не получишь телеграммы с указанием дальнейших адресов (мне пока еще не известных).

Анне Евгеньевне книжки передал, она очень благодарит и очень кланяется тебе, хотя и разочарована отсутствием твердых знаков (не продаются ли в Торгсине книги с твердыми знаками?).

Я 6-го делал доклад под председательством Brouwer'a в очень полной аудитории и с большим успехом. Потом были разные теоретико-множественно-топологические доклады.

Между прочим, следующий результат: если n -мерная сфера покрыта $\leq (n+1)$ множествами, то среди этих множеств имеется, по крайней мере, одно диаметра, равного диаметру сферы. Если предполагать, что все эти множества полиэдры, то получается ведь чисто элементарно-геометрическая теорема, которая, однако, доказывается применением трансцендентных методов. Многие великие мужи искали элементарное доказательство, но не нашли его. Не найдешь ли ты такое доказательство?

Вчера вечером было собрание общества "Das Neue Russland" («Новая Россия» — нем.) в честь советской делегации на Конгрессе. Делали доклады: Кольман (общий, довольно малосодержательный) и я о научной (в особенности, математической) жизни и планировании научной работы. Присутствовал и приветствовал нас специально приехавший из Берна наш представитель в "Красном Кресте", между прочим, существенный советский представитель в Швейцарии. Доклад мой прошел, кажется, удачно и имел успех. Может быть, я буду его повторять в Берлине.

Топологические секционные заседания проходят оживленно, но особенных событий как-то никаких нет. Очень способный, по-видимому, человек Борсук, и ему хочется (и мне этого хотелось бы) приехать в Москву на следующий год (этот год он будет работать у Норфа). Но на будущий год мы с тобою, надо полагать, будем за границей, так что придется, пожалуй, ему подождать целых 2 года.

Очень хорош был доклад Alexander'a. Но это был обзорный доклад, мне все там было известно. А секционного доклада о своих работах по теории групп (он сейчас занят именно этим и желает дать достаточно полную характеристику абелевых групп, по крайней мере, компактных) он почему-то не делал. Впрочем, его работы в этой области еще не закончены.

Brouwer сегодня уехал. Я много с ним виделся, и было даже много математических разговоров с участием Кнастера, Куратовского, Норфа и Künnet'a. Вообще же, я более всего рад, что — после четырехлетнего перерыва — опять много видался с Brouwer'ом.

Сегодня утром уехал и Neugebauer. Его материальные дела значительно (главным образом, в связи с "Zentralblatt'ом") улучшились, да и вообще, он производит сейчас впечатление гораздо более жизнерадостное и спокойное, чем когда мы его видели с тобою.

Сейчас вечер, и я совершенно один в доме, так как Норф и Frl. Noether ушли на пресловутый Festakt (торжественный акт — нем.) в театре (куда требуется Gesellschaftsanzug (светский костюм — нем.)). Норф, впрочем, утверждал что и на этот случай достаточен был бы черный костюм, и даже уговаривал меня идти в сером (мой черный остался в Гёттингене, куда я не заезжал), но я, тем не менее, остался дома — помимо соображений туалета, уж очень много я был на людях все это время, хочется сегодня раньше лечь спать и немного побыть в тишине...

Погода все время стоит превосходная, я каждый день купаюсь и много плаваю, но и при купании везде члены Конгресса. Я доволен, что все это скоро кончается.

Доклад Чеботарева был, говорят, очень удачен. Вообще, Чеботарева ценят — об этом мне говорили люди столь различных направлений, как Schur, Hasse, Frl. Noether. Но говорят, что школы у него нет и что при прекрасных и глубоких идеях иногда поражает техническая беспомощность и неумение справиться

с собственными методами. Все бы это было правильно, если бы он был на 10 лет моложе, а сейчас воспитываться все-таки уже поздно. Одел я его у Wertheim'a (владелец сети магазинов в Германии и Швейцарии) в хороший темно-синий костюм, который он аккуратно и умело носит с чистыми и безукоризненными рубашками — в общем, выглядит очень хорошо и приятно, что с нашими математиками не всегда случается. По общему мнению, он очень похож на тебя — и это правда.

Доклад С.Н. Бернштейна читал Hostinsky.

Составь, пожалуйста, “Notice sur les travaux scientifiques de M. Kolmogoroff” (“Записку о математических работах г-на Колмогорова” — фр.), короткую, примерно на 2–3 страничках такого формата, как это письмо. Мне это нужно для всяких Rockefeller’овских хлопот.

Пришли также полный список своих работ. Нужно мне также и по 2–3 экземпляра оттисков самих твоих работ — об этом меня просили лица, которые будут давать отзывы, например, Carathéodory, у которого сейчас твоих работ под рукою нет.

Все это мне необходимо.

Хоть бы скорее было от тебя письмо... Никогда еще не было, чтобы в течение 10 (!) дней у меня не было бы известий от тебя! От этого я чувствую себя очень оторванным и одиноким и очень скучаю.

-
- Советская делегация на Конгрессе — см. письмо от 3 августа 1932 г.
 - Анна Евгеньевна — жена Х. Хопфа.
 - Марк Яковлевич — М.Я. Выгодский.
 - Бернштейн Сергей Натанович; несмотря на то, что С.Н. Бернштейн входил в состав советской делегации (см. письмо от 3 августа 1932 г.), на Конгрессе в Цюрихе он не присутствовал.
 - Rockefeller’овские хлопоты — П.С. имеет в виду возбужденное им ходатайство о предоставлении А.Н. Колмогорову так называемой Рокфеллеровской стипендии для годичных научных исследований (Rockefeller Foundation fellowship). Упоминания об этих хлопотах часто встречается и в последующих письмах 1932 года.

13 сентября 1932 г.

(из Цюриха

в Днепропетровск)

Только сегодня, на тринадцатый день после моего отъезда, я получаю твое первое (!) письмо! Я даже не могу понять, что это такое значит! Я тут горюю без тебя, даже начал беспокоиться серьезно, опасаясь, не случилось ли чего-нибудь с тобою, не потоп ли ты в Днепре, а ты сидишь и в ус себе не дуешь!

Здесь, в Цюрихе, я остаюсь, вероятно, до 24 сентября. С 24 сентября по 18 октября я все-таки остаюсь в Швейцарии, в маленьком местечке Brissago около Локарно, на Lago Maggiore — это проще, чем получать немецкую + швейцарскую + опять немецкую визу, ехать в Германию, а потом возвращаться опять в Швейцарию. Дело в том, что с 18 октября по 28 октября я опять буду у Норфа здесь, мы будем работать над книгой.

Конгресс вчера закончился. Основной сенсацией в области “математической политики” является упразднение Union Internationale, т.е., вернее, математической секции этого Союза, организовывавшей в свое время конгрессы в Страсбурге и Торонто и являвшейся, вообще, французским националистическим порождением — и замена ее международной комиссией “pour réorganisation des relations mathématiques internationales” (для реорганизации международных математических отношений — фр.).

Хопф Х.

Эта комиссия состоит из следующих десяти лиц:

Weyl, Veblen, Severi, Hardy, de la Vallée-Poussin,
Fejer, Julia, Zaremba (Польша), Bohr, Alexandroff.

Фактическую работу будет вести малая комиссия из трех лиц — H. Weyl, G. Julia, F. Severi — которую мы выбрали на заседании всей комиссии. Но тем не менее, на этом заседании было постановлено, чтобы полная комиссия (т.е. перечисленные 10 лиц) непременно, хоть раз, собралась до предстоящего Международного конгресса, по возможности, не позже 1934 года.

Следующий конгресс состоится в 1936 году в Норвегии (Осло).

Топологические секционные собрания происходили очень оживленно, и от многих я слышал, что о них говорят, как о наиболее удавшихся. Впрочем, чуть было не сделалось чрезмерно оживленным вчерашнее заключительное собрание, на котором один пожилой итальянец стал кричать на весь зал, что он доказал рациональность числа π , но что комиссия по секционным докладам, состоящая из синьоров Hopf и Gonseth, отказалась принять соответствующий доклад. Однако Severi побежал сейчас же к своему соотечественнику и сумел его успокоить, так что весь скандал был потушен в самом начале.

Хопфы тебе кланяются и тебя очень сердечно вспоминают.
Пиши же мне теперь часто и подробно обо всем!

-
- Книга с Хопфом — речь снова идет о монографии: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. 1, Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.
 - Hopf Heinz, Хопфы — Х. Хопф и его жена Анна Евгеньевна (урожд. фон Миквитц).
 - *Union Internationale* — здесь П.С. называет по-французски известную всемирную организацию математиков Международный Математический Союз (*International Mathematical Union*). В разные годы в руководящие органы IMU из советских математиков входили: Н.И. Мусхелишвили, И.Г. Петровский, Л.С. Понтрягин, сам П.С. Александров и др.

14 сентября 1932 г.

(из Цюриха

в Днепропетровск)

Вчера тебе писал и тебя ругал (что ты заслужил вполне, так как за две недели я получил от тебя, всего-навсего, одно письмо — вчера), а сегодня решил написать тебе все-таки еще письмо.

Открытка, вложенная в письмо

Сижу сейчас в Цюрихском Strandbad'e, только что пообедав в ресторане, расположенном на самом пляже, в котором запрещено быть в обычном (не купальном) костюме. Печет солнце, небо голубое с редкими облачками, но снежные горы, составляющие обычный задний план в ясные дни, закутаны дымкой. Озеро светлозеленого цвета. Вода в нем такая же теплая, как была летом в Днепре, так что плавать можно неопределенно долгое время.

Вчера и сегодня был занят продлением своей швейцарской визы. Для членов Конгресса виза дана только на кантон Цюрих и только по 12 сентября. Для продления нужна подписка двух, достаточно авторитетных, лиц, которые в случае, если я буду вести себя неподобающим образом (т.е. например, задержусь в Швейцарии дольше, чем мне будет разрешено) обязуются уплатить в государственное казначейство 2000 швейцарских франков. При этом эти лица должны представить справку от налогового инспектора, что имеют достаточный для этого доход. Лица, давшие такую подписку, суть Норф и Рólya. Этой подписки, впрочем, можно было бы избежать,

если бы я сам внес в Казначейство залог в размере 2000 франков, каковых, к сожалению, у меня нет. Но это еще не все: для того, чтобы поехать куда-нибудь, например, на Lago Maggiore, куда я и собираюсь ехать, недостаточно разрешения федеральной *Fremdenpolizei* (полиции по делам иностранцев — нем.), а нужно еще разрешение того кантона, куда я еду, в данном случае, Тессин. Но несмотря на всю эту канитель, затрата времени на все это небольшая, так как почти все делается по телефону, и почему-то происходит такое чудо, что в присутственные дни и часы все “ответственные работники” сидят за своими письменными столами, и поэтому до них как-то сразу можно дозвониться.

В *Strandbad*'е, кроме озера, ресторана и *Wasserrutschbahn* (на санках с роликами скатываются с очень крутой горки прямо в воду, что очень увлекательно и даже несколько страшно) и всяких иных водных аттракционов (качели над водой, пружинная башня на воде, трамплины разной высоты) имеются: гимнастическая площадка, имеющая *Reckstangen* (турники, перекладины — нем.), параллельные брусья, шесты и канаты для лазанья, гигантские шаги и многое другое (все во многих экземплярах); площадка с очень глубоким и мягким песком для борьбы; луг для игры в мяч; луг для *Freigymnastik* — коллективной гимнастики, которая ежедневно в определенные часы (несколько раз в день) производится под руководством инструктора. При этом в одни часы она производится систематически, в другие — совершенно свободно, в том смысле, что можно ею заниматься в данный день без обязательств продолжать эти занятия в другие дни. Вся эта гимнастика совершенно бесплатна для всех желающих (но надеюсь, что только для членов профсоюзов). Есть и парикмахерская (где мастера — двадцатилетние мальчишки бронзового цвета).

В ресторане *Strandbad*'а не подается ни вина, ни пива, но подается виноградный сок (за 1 франк бутылка) и лимонад, а также, конечно, молоко, простокваша и т.п. Обед стоит 1.80 фр. (4 марки = 5 франков) и имеется каждый день как мясной, так и вегетарианский.

Читаю Anatole France'a "Le crime de Sylvestre Bonnard, membre de l'Institut".

Нарисуй мне разных гусей, а то я очень скучаю.

17 сентября 1932 г.

(из Цюриха, Швейцария,
в Днепропетровск)

Я тебе собирался писать длинное письмо — здесь я тебе всегда пишу в Strandbad'e (обустроенный пляж — нем.), как некогда в Princeton'e писал тебе, по преимуществу, на берегах Stony Brook. Цюрихское озеро, конечно, больше, чем Stony Brook, имеет цвет воды зеленый, а не — увы — коричневый, как Stony Brook, но зато здесь толпа народу, а там была одна только моя лягушка. Так вот, я собирался тебе писать сегодня длинное-предлинное письмо и влез для этой цели на самую высокую площадку трамплина, с которого прыгают в воду — на этой площадке никого не бывает, только изредка влезает туда кто-либо из здешних молодых людей, чтобы оттуда прыгать, но в то же время пребывание там (она довольно обширная) не запрещено. Собираясь писать тебе такое длинное письмо, я решил сначала подкрепиться бутербродами и фруктами, которые мне дала Анна Евгеньевна (“чтобы я зря не тратился”). И вот, когда я только начал все это есть, меня вдруг жестоким образом укусила В ГУБУ страшная ОСА! Это не только было очень больно, но через несколько минут моя губа так сильно распухла, что я не мог ни есть, ни говорить — губа сделалась совершенно твердая, громадная и темносиняя, больше всего меня, остального. Я не мог тебе писать (так как не мог наклонить вперед головы) и не мог плавать, так как вода текла мне в открытый рот — сегодня солнце, ветер и волны. Мне было очень плохо и не оставалось ничего иного, как лечь на моей площадке на спину, лежать и спать на солнце. Эта деятельность продолжалась 4 часа (с 12 до 4), в результате опухоль расплзлась по всей нижней части лица, но губа уже не такая страшная, и я могу тебе писать.

Из остальных новостей:

1. Я умею лазать по шесту довольно хорошо и очень плохо по канату. Но за те несколько дней, которые еще пробуду в Цюрихе, надеюсь научиться лазать и по канату.

2. Pólya принес мне целую кучу оттисков для тебя с указанием заглавий тех работ, которых у него сейчас нет. Все это посылаю тебе в Москву.

3. Ты совершенно напрасно рисуешь меня таким страшным и в смокинге — у меня не только нет смокинга, но я даже не взял с собою из Гёттингена черного костюма (потому что так поздно приехал, что опоздал бы, если бы заезжал в Гёттинген, где, к тому

же, там уже никого не было). Между прочим, даже для “Festakt’a” (торжественный акт — нем.) черный костюм был бы вполне достаточен — так были одеты многие почтенные люди — но в серых пиджаках было только несколько совсем молодых американцев, так что мне уже было бы неудобно.

4. В Цюрихских купальных заведениях висит следующий плакат, подписанный “Gesundheitsamt der Stadt Zürich” (“Лечебное заведение города Цюрих” — нем.):

“Вскрытием установлено, что внезапная смерть во время купанья обуславливается, в значительной части случаев, вовсе не параличом сердца (как принято думать), а тем, что в полость среднего уха у лиц, имеющих врожденное или приобретенное прободение барабанной перепонки, проникает вода, вследствие чего происходит потеря чувства равновесия, и человек захлебывается и тонет.

Так как прободение барабанной перепонки встречается гораздо чаще, чем думают (особенно у лиц, страдавших ушными болезнями), то лицам, когда-либо болевшим ушами, рекомендуется воздерживаться от прыжков в воду вниз головой.”

При этом сообщается, что бывали случаи разрыва барабанной перепонки у совершенно здоровых людей при самом прыжке в воду (особенно при прыжках назад и вбок), почему рекомендуется чрезвычайная осторожность и постепенность при увеличении высоты прыжка. Это для твоего сведения и руководства.

Сейчас уже половина пятого, и солнце уже перестает греть. Я собираюсь еще раз купаться и идти домой заниматься вместе с Норф’ом — занятия заключаются в том, что я проставляю формулы в чистовой текст написанных мною глав, а он тут же это читает и делает свои последние замечания (аналогично я читаю его главы). Таким образом устанавливается, наконец, окончательный текст книги. Еще осталось написать:

мне — элементарную главу об R^n (плоскости, выпуклые тела, и т.п.) — страниц 20–25. Кроме того, разные мелкие вставки.

Норф’у — дописать главу о непрерывных отображениях — страниц 30–40 (написано из этой главы 100 страниц!).

Написать “Algebraischer Anhang” (алгебраическое добавление — нем.) — тоже страниц на 30.

Пока результат наших занятий не очень приятный для Springer’a: уже написанный нами текст обнимает 400 стр. с лишним (вместо предполагавшихся $16 \times 22 = 352$). Размер, в который

мы, во всяком случае, решили уложиться, есть 30 листов, т.е. 480 страниц. С этой целью будем производить некоторые сокращения — как в теории непрерывных отображений, так и, например, в моей теоретико-множественной (вступительной) главе. Но книга получится, как будто, хорошая. Об увеличении объема уже был разговор с Courant'ом и будет скоро писаться Springer'y одновременно с указанием, что все будет готово (т.е. конечно, один первый том) к 1 марта — как видишь, срок взят, на этот раз, действительно, с запасом. Neugebauer по этому поводу говорит: “*Darüber freuen sich ja die Verleger — daß die Bücher dicker und die Ablieferungstermine später werden!*” (Издателям уже тому следует радоваться, что книги становятся все толще, а сроки сдачи — все позднее!).

Завтра (воскресенье) иду на сонатный Бетховенский вечер одного из лучших Берлинских пианистов — *Frederic'a Lamond'a*.

Послезавтра надеюсь, наконец, получить разрешение на въезд в кантон Тессин и в тот же день уехать в Brissago (езды туда 4 часа — в Швейцарии это считается далеко).

Х. Хопф, П. Александров, О. Нейгебауэр

Будь здоров, пиши мне чаще и с картинками!

От тебя за все время два (!) письма! Разве это хорошо?

-
- Речь идет о совместной с Х. Хопфом работе над книгой: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. I. — Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.
 - Анна Евгеньевна — А.Е. Хопф, жена Х. Хопфа (урожд. фон Миквитц).

20 сентября 1932 г.

(из Цюриха и Локарно, Швейцария,
в Днепропетровск)

Положительно, Господь создал Европу для удовольствия занятых людей!

Сегодня в 10 ч. утра я только выехал из Цюриха, а сейчас, в 2 ч. дня, сижу в Локарно на самом берегу Lago Maggiore за столиком ресторана паровой пристани и жду паровоз на Brissago, который отправится через час. В ожидании съел Omelette и confiture за 1 fr. (паровозный билет до Brissago стоит тоже 1 fr.) и вот пишу тебе третье письмо за сегодняшний день.

Так вот, 4 часа тому назад я был еще в Цюрихе, а сейчас у меня ощущение, как будто я сделал целое большое путешествие — скажем, из Владикавказа в Батум. Здесь полный юг, жара, озеро подернуто сонной дымкой, население говорит по-итальянски, а по-немецки не понимает. Объясняюсь с этими варварами по-французски.

А какое разнообразие видов и впечатлений было по пути! Сначала поезд ехал по берегу Цюрихского озера, которое в своем конце, противоположном Цюриху, чрезвычайно живописно и имеет прекрасный темнозеленый цвет. Потом было Цугское озеро, потом мы долгое время ехали вдоль южного залива Фирвальдштетского озера (Vierwaldstättersee — сначала написал, для удовольствия Марка Яковлевича, по-русски, потом ужаснулся написанному, ибо “Фир” вместо “Vier” выглядит очень страшно!). Это озеро — единственное из всей виденной мною сегодня Швейцарии относится к категории величественного (“грандиозного”) — чрезвычайно крутые, по большей части, совершенно голые берега, уходящие в воспринимающуюся, как бесконечность, высоту. Потом поезд поднимался все выше, кое-где показался снег, затем язык какого-то ледника, долины, через которые мы проезжали, делались все уже и страшнее — я не понимаю, каким образом зимой по этим отвесным склонам не скатываются на поезда лавины. Потом был St.Gothard’ский туннель, начался спуск и вместе с ним всякий итальянский юг...

Все большие поезда электрифицированы, пыли нет никакой, я выехал в рубашке белого цвета и приехал тоже в белой рубашке.

Весь мой багаж состоит из моего обычного рюкзака, пишущей машины и меня самого (мой портфель также помещается в рюкзаке). При этом, это — весь мой багаж на целый месяц моего пребывания в Бриссаго, он вырос только на пишущую машину, являющуюся, как известно, орудием труда, а не предметом индивидуального пользования. Чтобы покончить с описанием моего

сегодняшнего путешествия, надлежит еще упомянуть, что моей единственной соседкой была некоторая американская “Miss”, лет под 40, приятная и энергичная, ехавшая в качестве туристки в Аравию (!) одна (!!).

Локарно — очень живописно и хорошо расположено. Озеро мне очень нравится, и я рад, что приехал сюда. Мне странно было читать слово “Locarno” на станционной вывеске и на дощечках, прибитых к вагонам — до того оно стало для меня символом некоторого, уже вполне закончившегося периода Европейской истории. А чтобы убедиться в том, что он вполне закончился, достаточно почитать любую современную газету (кстати, посылаю тебе “Berliner Tageblatt”, по-моему, интересный и содержательный номер).

Между прочим, Briand’у ставят памятник в Caucherel — местечке в Бретани (недалеко от Batz’a (где в 1924 г. утонул П.С. Урысон)), где он похоронен и где проводил всегда свое свободное время. Вообще, делают из него великого человека современной Франции...

Немцы искренне — в применении к Stresemann’у — даже не показывают вида, что вспоминают о нем и о происходившей на этих берегах ровно 7 лет назад идеалистической попытке установить европейский мир силами европейских “демократий”.

А как мы, все же, быстро стареем! Вот я сижу в Локарно и вспоминаю о “Локарно”, как о минувшем периоде истории... Давно ли я каждый день покупал газету и следил за всеми деталями происходивших тогда переговоров!

Над озером сгустился туман, и скоро пойдет дождь.

Сегодня получил письмо от Хаусдорфа, в котором он пишет, что завтра приезжает в Локарно. Послезавтра отправлюсь к нему в гости (полчаса паромом).

Скоро напишу еще, уже в Москву.

-
- Имеется в виду *Локарнский договор* — парафирован 16 октября 1925 г. в Локарно (Швейцария); имел целью создать антисоветский блок с участием Германии, Великобритании, Бельгии, Франции и Италии. Подписан в Лондоне 1 декабря 1925 г.
 - Хопф — *Horf Heinz*.
 - Марк Яковлевич — М.Я. Выгодский.

21 сентября 1932 г.

(из Бриссаго, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Приехал я сюда вчера (как ты, наверное, уже знаешь из письма, которое я послал тебе вчера же в Днепрпетровск воздушной почтой), под вечер. Пансион, рекомендованный мне Хопфом, сам по себе очень хорош, в частности, превосходный стол. Беда только в том, что там оказалась одна единственная свободная комната, не слишком удачно расположенная, и так как я не выбрал вопросы физиологии пищеварения своей основной специальностью, может быть, и присмотрю себе другое жилище.

Нашел много всяких возможностей, из которых две привлекли меня настолько, что я никак не могу решиться, какую из них выбрать: один пансион помещается между Бриссаго и Асконой, совершенно изолированно, на скале над озером. И комната с видом на озеро. Другой пансион расположен не столь необыкновенным образом, но зато участок, принадлежащий этому пансиону, чрезвычайно велик, содержит рощу из смешанных сортов деревьев, луг, примыкающий к пляжу, огород, фруктовый сад, т.е. создает впечатление отдельной усадьбы и поместья, отделенного от всякого шума и суеты. Главное же достоинство этого пансиона заключается в том, что он вегетарианский и антиалкогольный, со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Завтра сделаю окончательный выбор. Но, во всяком случае, какой бы пансион я ни выбрал, адрес мой будет теперь такой:

Poste restante (до востребования — фр.),
Ascona (Tessin),
Suisse.

Ascona, к которой относятся оба эти пансиона, представляет собой поселение в 7 км от Бриссаго (в направлении к Локарно). Само собою разумеется, что все письма, адресованные в Бриссаго, дойдут до меня, с опозданием лишь в несколько часов — почтовый автомобиль между Асконой и Бриссаго курсирует несколько раз в день.

Сегодня два раза купался на самой середине озера и долго катался на лодке. Вода совершенно прозрачная и голубая, даже в сравнительно тонких слоях (чем мое озеро отличается от Днепра).

Ты мне больше не посылай своих “Zentralblatt’овских” рецензий, потому что:

1) Ты пишешь теперь по-немецки, если постарайешься, так хоро-

шо, что не только “*Schriftleitung des Zentralblattes*” (редакция журнала “*Zentralblatt*”), но и всякая немецкая канцелярская барышня без труда исправит те 1–2 ошибки, которые у тебя могут быть, и из-за этого не стоит бедному “*Zentralblatt*’у” ждать целую лишнюю неделю.

2) Когда я получил твое толстое-претолстое письмо, то обрадовался, во-первых, самому письму, а во-вторых, специально его толщине, а когда распечатал, то оказалось, что вторая радость была напрасной (зато первая осталась в полной мере и увеличивалась не только во время чтения письма, но и во время его перечитывания, так как при перечитывании обнаруживались новые детали).

Твою рецензию, тем не менее, перепечатал на машине и отправляю вместе с этим письмом.

А вот что ты, такой знаток живописи, и не разобрал, что написано под гусем, нарисованным *Frau Courant*, — это даже удивительно. Написано же: *N. Courant pinxit*, что означает: рисовала *N. Courant* (подпись, постоянно встречающаяся на картинах). В данном случае эта подпись была совершенно необходима, так как иначе рисунок означал бы, что она и есть нарисованный гусь. Кроме того, ты должен был получить открытку с гусями, нарисованными *Alexander*’ом, *Kerekjarto*, *Whitehead*’ом и еще кем-то. Самого лучшего нарисовал *Kerekjarto* (См. письмо от 1 августа 1932 г.).

Твоя проблема о свойствах множеств, сохраняющихся при комбинировании топологических преобразований, и перехода к дополнительному пространству взад и вперед, кажется мне очень замечательной. Я только не очень уверен, что свойства, которые этим путем определяются, будут, действительно, только те и все те, которые естественно называть гомологическими. Между прочим, если не желать *a priori* определить систему гомологических свойств так, чтобы размерность была гомологическим свойством, то тогда естественно называть гомологическими свойствами множества $F \subset R^n$ свойства *Homologiering*’а множества $R^n - F$. При твоем определении размерность также не оказывается гомологическим свойством (так как симплекс любого числа измерений имеет те же гомологические свойства в твоем смысле, что и точка). Поэтому у меня возникает следующий, вполне корректный (и думаю, разрешимый) вопрос: не совпадают ли гомологические свойства в твоем смысле с гомологическими свойствами в моем? Другими словами, верно ли или нет следующее гипотетическое предложение: F_1 и F_2 тогда и только тогда имеют общие гомологические свойства в твоем смысле, если *Homologiering* $R^n - F_1$ и $R^n - F_2$ изоморфны между собою.

Между прочим, в связи с последней работой Alexander'a (об абелевых группах) и последними работами Понтрягина возникает ряд интересных вопросов.

А именно: совершенно ясно, что группы Понтрягина, мои растущие модули и p -адические группы Alexander'a, в каком-то смысле, суть описания одних и тех же фактов. Все это хорошо видно на простейшем примере размерности, где окольными путями (через законы двойственности, которые здесь ни при чем) уже доказано, что размерность по переменному модулю и по Понтрягинскому модулю I есть одно и то же. Прямое доказательство этого факта совершенно не ясно, как может быть получено. Между тем, оно не может не существовать, и очевидно, вытекает из каких-то общих закономерностей, которых мы не знаем. Ведь, в конце концов, и Понтрягинский модуль I является в настоящее время неким *Deus ex Machina* (букв. "Бог из машины" — лат. — употр. в литературе в смысле: неожиданное разрешение трудной ситуации, запутанной интриги). Я-то в глубине души предполагаю, что Понтрягинская теория содержит в себе абсолютно все, что когда бы то ни было сможет быть в отношении гомологических свойств сделано для замкнутых множеств. Но для того, чтобы оправдать эту гипотезу, надо не больше и не меньше, как доказать (или опровергнуть) следующее предположение:

Дано множество F и абелевская группа $\mathfrak{A}$ (может быть, подчиненная каким-нибудь разумным условиям).

Группа $\mathfrak{A}$ рассматривается как *Koeffizientenbereich* (область коэффициентов — нем.), относительно которого на множестве строятся группы Бетти.

Гипотеза: Эти группы определены одним только знанием групп Бетти множества F по модулю I (в Понтрягинском смысле) плюс, конечно, знанием структуры самой группы $\mathfrak{A}$.

Другими словами, я полагаю, что если известна группа $\mathfrak{A}$ и известна группа $\mathfrak{M}_1^r(F)$ (группа Бетти по модулю I), то известно и $\mathfrak{M}_{\mathfrak{A}}(F)$ (группа Бетти относительно $\mathfrak{A}$, рассматриваемой как *Koeffizientenbereich*).

Если угодно, так можно алгебраически подходить к гомологическим свойствам замкнутых множеств — определять их как свойства групп Бетти этих множеств относительно всех возможных *Koeffizientenbereich*'ов. Проблема универсального (или абсолютного) *Koeffizientenbereich*'а (каким, я предполагаю, оказывается *Koeffizientenbereich mod I*) имеет смысл и для полиэдров. И Hopf, и я предполагаем, что для полиэдров (и, может быть, для областей в R^n) таким универсальным *Koeffizientenbereich*'ом является попросту группа целых чисел — вот это был бы триумф классической топологии!

И так как замкнутые множества связаны с областями законами двойственности, то и надлежит найти закон двойственности для самих Koeffizientenbereich'ов — еще не известно, в каком смысле, но, во всяком случае, в таком, чтобы получить в качестве этих Koeffizientenbereich'ов, двойственных к бесконечной циклической группе, циклическую непрерывную группу и, может быть, еще те невыясненные группы, к которым приводят растущие модули. Но все это пока еще относится к области бесчисленных мечтаний. Но что общее направление таких размышлений вполне реально, следует уже из того, что в один прекрасный день, собравшись вместе, о столь же туманных, но, совершенно несомненно, тех же самых вещах, сразу, неожиданно для себя и друг для друга, заговорили и Alexander, и Hopf, и я.

Между прочим, так как, несомненно, значительная часть почтовых пропаж, которым я подвергался за прошлый год, произошла по вине почтальонов, то я решил завести себе (нам с тобою) ящик на Главном почтамте. Я тебя очень прошу узнать об этом, и, по возможности, снять такой ящик теперь же.

Вечера на Lago Maggiore, несмотря на всю его красоту, выходят очень грустные — все думается, как было бы хорошо, если бы ты был здесь...

25 сентября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вот ты, наверное, уже послезавтра уезжаешь из Днепрпетровска. А я сижу в своем вегетарианском пансионе совсем, как у нас на Клязьме — можно целый день ходить в трусах и майке (в саду и на балконе можно и без майки, а также и по дороге к озеру). Однако, к сожалению, большинство публики состоит вовсе не из молодых людей (таковых, впрочем, есть двое твоего возраста, и они одеваются, как я и как было выше описано), а из

а) почтенных лиц, певших сегодня утром (воскресенье) хоралы; среди них две дамы лет за 50;

в) специальных вегетарианских девиц, имеющих в изобилии во всех учреждениях такого типа;

с) философствующих вегетарианцев, рассуждающих о том, можно ли есть сахар или нужно есть только мед (что нельзя пить чаю, а можно только разные мятные и прочие необыкновенные “чаи” — все в моем пансионе уже давно, должно быть, с рождения, знают). Впрочем, все эти экзотические чаи действительно очень вкусны, и отнюдь не напоминают наши морковные, свекловые и прочие “напитки”. Стол, вообще, очень вкусный и разнообразный.

В целом же, общество все-таки очень скучное. Впрочем, швейцарцы (или, как писал Карамзин, “счастливые швейцары”) — а публика в моем пансионе вся швейцарская — вообще, производят впечатление скучное и ограниченное — именно такое, какое славянофильски настроенные интеллигентные люди в России желают, чтобы производили, вообще, все жители Западной Европы. Но относительно Швейцарии это, как будто, действительно так. В их психологии много элементов, общих гражданам всех маленьких стран (Голландии, Дании и др. — по поводу Голландии, впрочем, не следует забывать остроу, пущенную кем-то на Конгрессе: население Голландии состоит из голландцев и Brouwer’a), но к этим общим элементам (которые я, между прочим, люблю) присоединяется еще эта пресловутая историческая традиция, ведущаяся от самого Wilhelm’a Tell’я: “Мы, свободный народ...”.

Свою индивидуальную свободу они, действительно, ценят, почти как американцы (отсюда несколько пренебрежительное отношение к немцам — тем, мол, нужно, чтобы ими кто-нибудь командовал). Но, в отличие от американцев, все протекает в каких-то чрезвычайно мелочных и нежелательных формах. Между прочим, я никогда раньше не знал, что не только три Швейцарии — немец-

кая, французская и итальянская — являются довольно самобытными, но что каждый кантон чувствует себя государством в государстве — поистине, наряду с Зеноном, Юмом, Кантом, Кнастером и Куратовским, новый *Beitrag* (вклад — нем.) к бесконечной делимости материи! Оказывается, все кантоны немецкой Швейцарии говорят каждый на своем диалекте. На собственно немецкий язык походят эти диалекты не больше, чем, скажем, голландский язык. Оказывается даже, что немецкий язык (на котором не говорят в домашней обстановке даже akademische Kreise (академические круги — нем.), не говоря уже о более простых людях) в значительной степени потому и является, наряду с французским и итальянским, государственным языком, что неизвестно, какое из кантональных наречий иначе выбрать — в трех основных городах немецкой Швейцарии — Цюрихе, Берне и Базеле — говорят на трех разных диалектах. И повторяю, это разноязычие вполне относится и к интеллигентным кругам — *Speiser* и *Fueter* у себя дома говорят по-цюрихски, а *Spiess* — по-базельски, и т.д. Во французской и в итальянской Швейцарии этого нет — там говорят, действительно, по-французски и по-итальянски. Но понимают три языка все без исключения интеллигентные люди и все-таки большинство городского населения (даже здесь, в итальянской Швейцарии, гораздо больше, чем мне показалось в первый день). Несмотря на все это разноязычие, эти “счастливые швейцары” чувствуют себя принадлежащими к одной нации, часто удивительным образом: немцы и австрийцы всерьез не считают себя принадлежащими к разным национальностям, *Норф* в Бонне, а *Neugebauer* в Берлине (так же, как *Blaschke* в Гамбурге) не чувствуют себя иностранцами. Между тем, тот же *Норф* себя чувствует — к своему собственному изумлению — в Цюрихе вполне иностранцем, настолько, что когда участвует в прогулках со студентами, то с ним, из приличия, говорят немного на немецком языке, а потом все между собою начинают

О. Нейгебауэр

разговаривать на разных своих наречиях, которых Норф даже не понимает. Но и во многом другом: здешние жители по всему своему облику, по манерам, по песням — настоящие итальянцы. Но сказать кому-нибудь, что он итальянец, значит нанести большую обиду. Точно так же, оказывается, обида, если кто-нибудь скажет, что Speiser — немец. И так далее...

Ну вот, я расписался о Швейцарии и прочих подобных вещах.

А думал я, когда начинал это письмо, о том, что осень чувствуется здесь не в перемене температуры — все время жарко, и, если идут дожди, то летние ливни, с грозой и градом — а в том, что стали длиннее вечера и что они располагают к воспоминаниям и сентиментальным размышлениям... Мне эта осень напоминает Collioure, осень 1925 года. Тогда я себя, вообще, чувствовал одиноким и уже настроился на это. А сейчас — просто скучаю очень в эти долгие, теплые вечера...

А кроме того, надо, действительно, скорее кончать эту несчастную книгу — все время возжусь с нею, как каторжный, отделяю все начисто, даже формулы получают окончательные номера. Но возни очень много, и много ее еще впереди. Но мне бы хотелось, наконец, немножко позаниматься, как я занимался когда-то в том же Collioure'е. Неужели же это я навеки вечные буду возиться с книгами и всякими, еще худшими, вещами (вроде институтских программ, сколько мы с тобою с ними возились в прошлом году!).

-
- *Collioure* — поселок на берегу океана во Французской Бретани; в 1925 году П.С. Александров приезжал туда вместе с отцом П.С. Урысона в годовщину его трагической гибели.
 - *Книга* — см. Примечание к письму от 17 мая 1931 г. (или раньше, от 20 февраля 1931 г.).

29 сентября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера целый вечер (до 12 час.) стучал список твоих работ и свою пояснительную записку к ним (приукрашенное изложение своими словами твоей собственной пояснительной записки). И то, и другое пошло сегодня утром в Гёттинген к Weyl'ю, чтобы ему облегчить писание отзыва о тебе (который он мне пошлет сюда).

Уже имеется у меня отзыв Bohr'a, письмо Hardy ко мне (официальное), где он присоединяется к отзыву Bohr'a и сообщает, что, кроме того, только что написал письмо о тебе непосредственно Tisdale'ю. Кроме того, Veblen пишет мне, что имел в Париже разговор с Tisdale'ем сразу о всех русских кандидатах (кроме тебя, значит, Люстерник, Гельфонд, Шнирельман и Понтрягин — хотя Понтрягина мы (т.е. Veblen и я) решили отложить, чтобы дать ему времени изучить английский и привести в порядок немецкий). Будет на днях отзыв Carathéodory: мы условились, что я ему напишу, куда мне его послать. Когда все это соберется вместе, pošлю Tisdale'ю официальное представление о тебе (сейчас письмо Tisdale'ю уже написано и послано на одобрение Courant'у). Courant, со своей стороны, уже написал Tisdale'ю. Наконец, хочу еще написать von Mises'у — в официальном представлении хочу просить для тебя Гёттинген (Courant + Weyl) с отдельными поездками в Берлин (von Mises), Мюнхен (Carathéodory) и Рим (Castelnuovo). Сообщи мне, пожалуйста, адрес Castelnuovo, который мне здесь негде достать.

Потом, не помню, писал ли я тебе, что отзыв о тебе, подписанный Александром Яковлевичем, у меня украли вместе с бумажником. Попроси А.Я. прислать второй. Следующим письмом pošлю тебе свой отзыв — то, что я послал Weyl'ю, будет для Tisdale'я еще немного переделываться. В этом же посылаю еще тебе только копию списка твоих работ. Там в двух местах я, по ошибке, изменил (несущественно) нумера, сравнительно с твоим списком. Так как всюду будет посылаться мой список, то внеси у себя соответствующие изменения. Veblen'у твои оттиски пересланы, по его желанию, в Америку (он из Цюриха уезжал на "Юнгфрау").

Теперь ответы на твои деловые вопросы из предыдущего письма, полученного мною вчера:

1). В предисловии к нашей книжке надо выразить благодарность В.А. Ефремовичу, который не только переписывал (об этом не

нужно упоминать), а сделал ряд ценных критических замечаний и изготавил чертежи (по крайней мере, к моей части). Больше благодарить некого (за переписывание благодарить в печати не полагается, *Frl. Pick* в таких случаях, вместо благодарности в печати, получает приглашение в хороший ресторан).

Вообще же, в предисловии надлежит указать, на какого читателя книга рассчитана, какой требует подготовки; на характер трактовки предмета — старомодной (конечно, не это слово, а какое-нибудь другое); что авторы стремились дать введение, именно, так сказать, в классическую теорию функций одного действительного переменного, и так далее...

2). В качестве президента Математического общества я полагаю:

а) во главе библиотеки Общества должен стоять (как это всегда было) член Президиума Общества;

б) в помощь ему может быть избрано или приглашено любое лицо, как принадлежащее к составу Общества, так и не принадлежащее к нему. Персональных отводов против Плеснера я, естественно, не имею. Я считаю, более того, чрезвычайно желательным его участие в библиотечных делах — хотя бы в качестве человека, вполне владеющего немецким языком.

Лично я стоял бы за такую комбинацию: во главе библиотеки стоишь ты (как в свое время был С.П. Фиников). В помощь тебе даются, например, Ю.А. Розжанская и А.И. Плеснер, но таким образом, что ты являешься ответственным за все дело в целом, в соответствии с чем имеешь и надлежащие права по отношению к своим помощникам. Это — моя точка зрения, которою можешь пользоваться для любого употребления (если ты ее будешь кому-либо сообщать, то такое сообщение, по точному смыслу языка, будет называться официальным).

Письмо получилось об одних делах. Продолжаю дальше в том же духе.

Лекции мои геометрические (Днепропетровск) издавать не стоит, так как в них нет ничего ни нового, ни оригинального. Правда, ничего по этим вопросам на русском языке нет, т.е. нет ни одного современного курса аналитической геометрии. Вот надо перевести, например, *Schönflies*'а или написать такой курс, но для этого обо всех этих вещах надо гораздо больше передумать, чем я в Днепропетровске.

А вот твой курс по геометрии, по-моему, необходимо издать (такое издание осуществлено не было). Я, по крайней мере, очень жалею, что

его не слушал. А как дела с изданием твоих других Днепропетровских курсов?

Мне бы хотелось, чтобы ты непременно читал специальный геометрический курс — в Институте ли, в Университете ли — все равно.

Ты пишешь: “...но я еще не теряю надежды, что что-нибудь летит, что-нибудь едет на поезде, что-нибудь на почте лежит, что-нибудь почтальон несет, а если ничего этого нет, то...” — и ну меня, бедного, ругать!

Так, чтоб ты знал, что такого нет и не может быть ни одного дня, чтобы что-нибудь от меня не летело, не ехало или не приходило из-за границы в поврежденном виде, или не лежало бы на почте, или не несло бы почтальоном...

ХОЛМОГОРСКОМУ ГУСЮ!

-
- Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - *Schönflies Arthur Moritz (Шёнфлис)*. В 1932 г. вышло новое издание его книги “Аналитическая геометрия”.
 - Наша книжка — речь идет о книге: Александров П.С., Колмогоров А.Н. *Введение в теорию функций действительного переменного*. — М.—Л.: ГТТИ, 1932.

30 сентября 1932 г.

(из Бриссаго, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Я еще не ответил на два твоих вопроса — отвечаю.

Корректуры обеих твоих работ собственноручно передал Blumenthal'ю в Цюрихе.

*Отписки (для Hardy и др.) посылай мне в Цюрих в промежутке времени от 18 октября до 1 ноября, я оттуда их разошлю, а то здесь у меня нет ни адресов, ни даже конвертов, и в Швейцарии я стараюсь, по возможности ничего не покупать. Впрочем, представления о здешней дороговизне во многих отношениях преувеличены: за 8 швейц. франков ($=\frac{4}{5} \times 8 = 6.4$ марки) я имею, действительно, превосходный вегетарианский пансион. Комната, очень приятная, по стилю такая же, как моя комнатка у Neugebauer'a, но только не на чердаке, а настоящая большая комната с громадным окном в большой сад, на юг. *Fliessendes Wasser* (проточная вода — нем.), гардероб с помещением для белья, стол, кресло, стул, небольшой шкаф для книг, занятый моими бесконечными рукописями, лампы, потолочная и настольная, а кроме того, для тех вегетарианцев, которые, по образу Ганди, желали бы прясть, в комнате стоит ВЕРПЕТЕНО, на котором очень удобно развешивать купальный костюм для просушки.*

Стол очень разнообразный и чрезвычайно вкусный. Утром я пью кофе с молоком и неограниченным количеством масла; в 12 часов обед (овсяный суп, цветная капуста, жареный картофель (знаешь, как у французов, — сухой и хрустящий), салат, фрукты. Всего очень много. Ужин в половине седьмого. Бывают разные сложные кушанья из орехов, винограда и многого другого. Сегодня было: рисовая каша с компотом из больших, сочных груш, чай из плодов шиповника с мятой (очень своеобразный и вкусный напиток), сыр. В общем, я сыт совершенно и наслаждаюсь прекрасным питанием.

Почтенные старушки, которые в прошлое воскресенье пели хоралы, сегодня уехали. Уехал и один очень славный Herr Ritter, убежденный вегетарианец 54 лет, инженер, очень приятный и добрый человек, которого все, без исключения, здесь очень любили. На смену им появились три дюжих художника, лет по 25—27, архаровцы, которые в одних трусах вваливаются в столовую во время завтрака, но, правда, лишь проходят через нее в свои комнаты, где оде-

вают штаны и майки, после чего уже приходят завтракать. Вместо того чтобы петь хоралы, они играют на гитарах, какие-то швейцарские народные мелодии.

Только с погодой мне не везет — все время, не переставая, идет дождь, правда, очень теплый, так что можно не только купаться, но и кататься на лодке с удовольствием. Но солнца почти нет. По всей Европе какое-то светопреставление — по всей Французской Ривьере небывалый ураган. О Греции я уж и не говорю — о тамошнем землетрясении ты, конечно, знаешь.

До некоторой степени и в некотором отношении я доволен тем, что погода плохая, так как мне почти целый день приходится сидеть за пишущей машиной. По милости Л.С. Понтрягина (т.е. его последних результатов), мне приходится заново писать чуть ли не всю первую главу книги: хочется все изложение поставить с самого начала таким образом, чтобы за *Koeffizientenbereich* (область коэффициентов — нем.) можно было принять любую группу, коммутативную, конечно. По существу, конечно, все остается тем же, что было и раньше, но в изложении многое меняется из-за того, что отдельный ориентированный симплекс может не быть алгебраическим комплексом (в теории по модулю 1 Л.С. Понтрягина, в частности, так и будет). Поэтому работы мне для писания прибавилось больше, чем, по существу дела — этого следовало ожидать. Но сейчас это уже окончательный текст, с окончательно занумерованными формулами, параграфами и т.п.

Твое новое определение гомологических инвариантов очень хорошо. Тем более заманчиво было бы узнать, будут ли два множества F и F' , имеющие изоморфные группы Бетти относительно любого *Koeffizientenbereich*'а, определять в качестве дополнений в достаточно высокомерном R^n две гомеоморфные области. Боюсь, что это все-таки, не так, уж очень хорош был бы такой результат!

Интересна уж и следующая частная проблема. Замкнутое множество называем ациклическим, если все его группы Бетти по всем *Koeffizientenbereich*'ам суть нули (за исключением, понятно, нульмерной, которая должна быть изоморфна самому *Koeffizientenbereich*'у, что бывает, когда множество связно, и только тогда). Можно ли утверждать, что ациклическое множество размерности n , помещенное в евклидово пространство достаточно высокого числа измерений определяет там дополнительное множество, гомеоморфное пространству с одной выколотой точкой?..

Еще я не ответил тебе на вопрос, кто такой Henry Whitehead. Это — чрезвычайно приятный и славный молодой английский математик, ассистент Veblen'a, занимающийся многомерной дифференциальной геометрией, племянник Russel-Whitehead'a. Ему лет 25, кажется, еще меньше, тип идеального английского (не американского) юноши — здоровенный и веселый, красивый и приветливый, но, в то же время, с большой, разносторонней и тонкой культурой. Думаю, что этого сорта молодые люди, по крайней мере, в настоящее время, почти исключительно английское явление... Впрочем, Veblen говорил всем на конгрессе и, кроме того, W.E.'ю (W.E. Tisdale), что самыми лучшими молодыми математиками во всем мире являются, по его мнению, пресловутая московская четверка (ты, Понтрягин, Шнирельман, Гельфонд). Это к предыдущему не имеет отношения, но тоже относится, хоть и с другого конца, к “истории молодого человека XX века” ...

Ну, будь же здоров, очень жду подробных описаний твоего Кляземского житья-бытья. Как-то там все устроилось? Опиши все подробно, включая свои физкультурные занятия (диски, ядра и проч.).

С нетерпением жду твоих дальнейших сообщений о том, какое влияние оказало на жизнь Московского университета, Института и его действительных членов, научных сотрудников и аспирантов Постановление ЦК о высшей школе.

Пришли, если можно, газету с самим Постановлением.

Кланяйся Вере Яковлевне и поздравь ее со днем ангела — сегодня ее именины.

-
- *Russel-Whitehead* — так П.С., для понятности, называет А.Н. Уайтхеда (*Whitehead Alfred North*, 1861–1947), английского логика, математика и философа, члена Лондонского Королевского общества и Британской академии, профессора философии Гарвардского университета, автора, совместной с Б. Расселом, трехтомной монографии “*Принципы математики*” (1910–1913).
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.

4 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Получил твое письмо, первое, пришедшее из Москвы, писанное, естественно, на Клязьме, длинное и такое хорошее, что я его несколько раз перечитывал.

Вчера был в Locarno в гостях у Hausdorff'a. На днях и он будет у меня и я его буду еще катать на лодке — притом, именно так, что я буду грести, а он — сидеть и править, так как в свои 64 года грести он уже не может — это из мне известных математиков умел только Runge. Hausdorff'у я очень обрадовался, и он, кажется, мне. Провел у него все время с двух часов дня до половины десятого вечера. А с 11 до 2 я один катался на лодке. Было солнце, и все было голубое или даже синее — небо, горы, озеро, дымка над озером... Между прочим, дымкой озеро в солнечные дни бывает подернуто всегда. Сегодня же был прекрасный закат и золотистое небо. Даже нельзя себе представить, что это та же природа, которая четыре дня тому назад состояла из дождя и тумана. Ужасная была погода. Но моря и это прекрасное озеро мне заменить не может — по морю очень тоскую, и именно сейчас полагалось бы мне сидеть на каком-нибудь море... Но гневить небеса грешно, так как и здесь очень хорошо. А был бы еще ты...

Занимался же я вчера с 6 час. утра до 11 с получасовым перерывом на утренний завтрак. Первая глава книги — самая неблагоприятная в смысле бесконечного числа переделок, что и понятно, потому что в ней даются все основные понятия, а это всегда гораздо более ответственное дело, чем дальнейшее изложение, уже автоматически развивающееся. Тем не менее, эта первая глава принимает (и уже почти приняла) свой окончательный вид (этот самый экземпляр должен идти непосредственно в типографию). И думаю, она, действительно, хорошо изложена — впервые имею это чувство внутренней окончательности взятого распорядка материала. Переделывать пришлось, опять-таки, даже в первой главе, именно первые параграфы. А последние — псевдомногообразия и проч. — так и остаются, как были написаны на Бадукских озерах — это всегда тоже хороший критерий окончательности. Эти параграфы были написаны, как видишь, год с четвертью тому назад, и за это время я их совсем, ни разу, не перечитывал. А когда сейчас перечитал, нашел, что такими они и должны оставаться. Вообще, теперь все пойдет, думаю, все глаже и глаже, и дело приближается, наконец, к своему финалу.

Между прочим, тебе нужно будет составить некоторый план во времени для своей книги по теории функций — т.е. вовремя предупредить о необходимости отсрочки контракта, причем, отсрочить, по возможности, на реальный срок — Courant мне говорил, что Springer, имея в виду обстоятельства текущего момента, часто очень сложные, желает привести авторов к состоянию несколько большей ответственности за подписанные ими договоры, ибо то, что развелось за последние годы, когда никто не считает необходимым даже полагать, что сроки, указанные в договорах, имеют отношение к действительности — не может продолжаться дальше. А с твоей книгой некоторое моральное обязательство возникает еще и из-за того, что, имея ее в виду, благополучно выпроводили из “Gelbe Sammlung” книгу Hahn’a (достаточно скверную, впрочем, как мне только что рассказывал Hausdorff). Но, конечно, из этого не следует, что ты должен, хоть в какой-нибудь степени, устраивать спех — вполне достаточно оценить вероятное реальное опоздание и его своевременно сообщить (мне, а уж я дальше сделаю все, что нужно). Книжку же твою по теории вероятностей, наоборот, Neugebauer ждет в срок (хотя запоздание в 1–2–3 месяца тоже, конечно, возможно).

Кстати, Hausdorff согласился читать последнюю корректуру моей с Норф’ом “Топологии”, что мне, конечно, очень приятно. А кроме того, Hausdorff тоже будет о тебе писать отзыв для “Rockefeller Foundation”. По этому поводу пришли мне оттиск своей работы из “Математического сборника” об операциях над множествами и, по возможности, оттиск мемуара Канторовича и Ливенсона.

Прилагаю письмо С.Н. Бернштейну, которое сейчас же ему пошли. Так как не во всех пространствах (как показал В.В. Немыцкий) выполняема аксиома треугольника, то думаю, что письмо через Москву дойдет скорее, чем непосредственно в Харьков...

Маме скажи, что Базилевскому я написал, а ей напишу завтра. И пришли мне еще список вещей, оставленных в Днепрпетровске.

Мои адреса:

до 18.X — Ascona (Tessin), Casa San Giovanni (bei Frau Bartsche);
до 28.X. — bei Prof. H. Hopf, Zürich, Schlösslistr., 2.

Далее — Гёттинген, причем адрес будет своевременно сообщен (буду жить у Frl. Noether, переехавшей на новую квартиру, с ван-

ной, на *Stegemühlenweg* (недалеко от *Klie*), номера еще не знаю). У *Neugebauer*'а, как известно, прибавление семейства, и теперь, действительно, теснота.

В твоём письме была вырезка из “Правды” о Конгрессе, очень трогательная... Только, по-моему, некоторый недосмотр редакции: на 600 человек членов Конгресса — 4 представителя СССР! Пропорция получается значительно хуже той, которую *Dr. Tisdale* желал иметь для своих стипендиатов. На самом деле, членов Конгресса было еще больше 600 (свыше 700!), но это дела не меняет уже...

Марки почтовые наклеил тебе довольно редкие — по поводу юбилея *St.-Gothard*'ского тоннеля.

-
- В 1932 году, когда было возбуждено ходатайство о предоставлении стипендии Рокфеллеровского Фонда А.Н. Колмогорову, Комитет, рассматривавший такие предложения, во главе с Тисдейлом (*W.E. Tisdale*) решил, что среди математиков, которым такая стипендия предоставлялась в предыдущие годы, слишком много представителей СССР, и решила не присуждать Рокфеллеровской стипендии 1932 года ни одному из советских математиков.
 - *Книга, моя с Хопфом “Топология”* — см. Примечание к письму от 17 мая 1931 г.
 - *Оттиск из “Матем. сборника”* — имеется в виду статья А.Н. Колмогорова “Об операциях над множествами” // Матем. сб. — 1928, т. 35, с. 414–422.
 - *Книга по теории функций* — см. Примечание к письму А.Н. Колмогорова от 1 мая 1931 г.
 - *Книга по теории вероятностей* — см. Примечание к письму А.Н. Колмогорова от 1 мая 1931 г.
 - *Мемуар Канторовича и Ливенсона* — по-видимому, имеется в виду “*Memoir on the analytical operations and projective sets*”, I // *Fund. Math.* — 1932, v. 18, p. 214–279; II — // *Fund. Math.* — 1933, v. 20, p. 54–97.
 - “*Gelbe Sammlung*” — см. Примечание к письму от 27 мая 1932 г.
 - *Базилевский Б.В.* — врач, знакомый семьи Александрова по Смоленску.
 - *Noether Emmy* (Нётер Э.)
 - *Klie* — владелец купального заведения в Гёттингене.

8 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.,
на нескольких открытках)

Сию в "Albergo Elvezia", изображенном на этой открытке, у окна за тем самым столиком, за которым 7 лет тому назад сидели Briand и Stresemann и договорились до договора в Локарно. Это кафе, действительно, столь скромно, что могло бы находиться и в Seyssel. Рядом с моим столиком бронзовый барельеф безобразия неописуемого: две фигуры в пиджакахжимают друг другу руки на фоне АНГЕЛА, держащего в руках лавровую ветвь. Внизу подпись:

*QVI IL 7. OTT. 1925
BRIAND e STRESEMANN
POSERO I FONDAMENTI
DEL LA PACE DI LOCARNO.*

При этом кафе имеется и пансион, 9 франков в день (1 фр. надбавки за созерцание барельефа, по-видимому). Как достопримечательность показывается еще старый кот, который, будучи котеночком, тоже участвовал в Локарнском договоре (сидел на коленях у Штресемана). Но, надо отдать справедливость владельцу кафе, нигде снаружи ничего, указывающего на исторические события, нет.

В самом Локарно везде стрелки, ведущие к дому, где был подписан Договор, но всем известно (и в свое время писалось в газетах), что решающая беседа, в которой было достигнуто соглашение (и пилось знаменитое шампанское из одного бокала!) происходила именно здесь. Уж очень ли хорошо было это шампанское — право, не знаю. По крайней мере, о том, что существует *liqueur Bénédictine*, который я пожелал себе спросить к кофе, хозяева не знали. Но кофе, действительно, очень хорош (это тоже 7 лет тому назад отмечалось в газетах).

Мой “замок”, где я буду жить остающиеся 8—10 дней, еще в 20 минутах ходьбы отсюда. На все это время я снял себе лодку и поеду туда на лодке. Стрелкой на открытке указано, где я буду жить. Адрес же (до 18 октября) остается прежний, а после пиши на Zürich, Schlösslistr., 2.

Если верить “*Journal*”, то Rockefeller из 20 миллиардов (французских франков) своего состояния потерял 17 миллиардов (!) и, таким образом, уступил место самого богатого человека в Америке Форду (состояние которого 5 миллиардов франков). Соответствующий номер “*Journal*” с двумя номерами “*Frankfurter Zeitung*” и одним номером “*Vossische Zeitung*” послал тебе сегодня.

Получил два твоих письма — одно длинное от 30 сентября, второе же представляет из себя 8 фантастических отрывков о дальнем Севере и есть, таким образом, некоторая KREISLERIANA. Присланные тобою фотографии не только тем, что их 8 штук, а именно своею фантастичностью и наполняющими их страхами, действительно, напомнили мне “Крейслериану” и произвели большое впечатление.

Из окна моего в настоящую минуту я вижу именно то, что изображено на открытке — справа внизу крыша террасы “*Albergo Elvezia*”, на которой я сижу, а внизу видна и лодочная пристань, и лодочка, вполне подобная той, которая будет у меня. Во всем кафе я сейчас строго единственный посетитель. Если бы здесь был и ты, то, наверное, мы с тобой выпили бы, если не шампанского, то какого-нибудь хорошего здешнего местного вина...

-
- “*Journal*”, “*Frankfurter Zeitung*”, “*Vossische Zeitung*” — французская (или выходящая на фр. яз.) и немецкие газеты.
 - *Локарнский договор* — парафирован 16 октября 1925 г. в Локарно (Швейцария); имел целью создать антисоветский блок с участием Германии, Великобритании, Бельгии, Франции и Италии. Подписан в Лондоне 1 декабря 1925 г.

10 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера и сегодня — по письму от тебя. Как видишь, письма из Москвы идут все же скорее, чем из Днепропетровска (почти столько же, как весной прошлого года в Америку!)

От Л.С. Понтрягина я сам за это время получил два письма и ему писал. Хоть он и говорит, что настроение у него неважное, но письма, по существу, бодрые и даже, пожалуй, веселые. А что мы с тобою оба нагородили много глупостей об $R^n - F$, так мне, знатоку Антуановских примеров, должно бы быть стыдно. Впрочем, так глупо, что даже и не стыдно. Что же касается гомоло-

гических свойств полиэдров, то, думаю, за определение можно принять Homologizing дополнительного пространства. Для замкнутых же множеств возникают интересные проблемы. Но о них я уже писал.

В "Fundamenta", XIX (который сейчас у меня от Hausdorff'a) есть интересные для меня статьи — Мазуркевича о composantes dimensionnelles и Borsuk'a — хотя самый интересный результат об эквивалентности гомологической и гомотопической многомерной локальной связности указан без доказательства в подстрочном примечании и в той формулировке, которая дана Borsuk'ом, требует исправления. Но надеюсь, что это — ошибка случайного изложения. Интересна и статья Čech'a —

о ней он докладывал на съезде. Хотя все основное, что там нужно и, вероятно, можно сделать, еще впереди (т.е. им не сделано).

П.С. Урысон

Что наше теперешнее Кляземское жилище свое внутреннее обаяние приобретает, главным образом, вечером, — это и я так воспринимаю. Но особенно мне было приятно прочесть, что и от прошлой зимы у тебя остались какие-то хорошие воспоминания.

Беда, что ты бываешь подвержен настроениям растущего в порядке *Treppenlephant'a* (семиимильными шагами — нем.) пессимизма. Жизнь все-таки не только хороша, но и прекрасна! Но, впрочем, я отлично знаю, что чувствовать ее таковой легче даже в минуты подлинных испытаний, чем в минуты унылого расположения духа, случайных неприятностей или — в твоём случае — недостаточно мотивированного недовольства собою. А главное, это обстоятельство, т.е. что жизнь хороша и прекрасна даже в применении каждого данного человека, справедливо и тогда, когда сам этот данный человек себя чувствует не очень хорошо.

Между прочим, одно из любимых мест мною в православном богослужении — это “Тебе поем, Тебе благодарим, Тебе благословим и молимся, Боже наш” — признание благости Господней с полным согласием и принятием, в числе других, и ее трагического аспекта. Ты, может быть, удивишься тому, что и в колокольном звоне, который мы с тобою слышали в Batz, я нахожу элементы того же настроения (возможно, впрочем, по понятным ассоциациям)...

А сегодня поистине необыкновенный вечер. Несмотря на то, что день был довольно прохладный, закончился он грозой со страшным ливнем (дождь лил и вчерашнюю ночь, и лодка моя наполовину заполнилась водою). А сейчас — по небу плывут освещенные луною и кажущиеся от этого светящимися серебристыми облака, и луна отражается в озере. Впрочем, так было полчаса тому назад, когда я сел писать это письмо...

-
- *Антуановские примеры* — см. работы Л. Антуана:
Antoine L. *Sur l'homéomorphie de deux figures et de leurs voisinages* // J. Math. Pures Appl. Sér. 8. — 1921, v. 4, p. 221–325.
Antoine L. *Sur les voisinages de deux figures homéomorphes* // Fund. Math. — 1924, v. 5, p. 265–287.
 - “*Fundamenta*” — математический журнал “*Fundamenta Mathematicae*”, основанный польским математиком Стефаном Мазуркевичем.
 - *Batz* — поселок в Бретани (Франция), где в 1924 г. утонул и похоронен П.С. Урысон.

11 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня прохладный (от выпавшего снега — так говорят местные жители), прозрачный, сияющий осенний день, с синим небом и белыми облачками, кое-где плавающими по нему. Солнце же не очень горячее, и воздух прозрачнее, чем был когда-либо здесь во время моего пребывания. Я не только вычерпывал сегодня воду из лодки, но и катался на ней, и было очень хорошо, и я очень жалел, что тебя со мной не было...

А утром были страшные, совсем низкие облака, переходившие почти в туман, в свою очередь, сливавшийся с водою озера. Так что, Lago Maggiore казалось почти таким же страшным, как твои северные ландшафты.

Лодочка моя очень легкая, но, в то же время, очень солидная, с высокими, крепкими бортами и настоящим килем. Сохраняет устойчивость и при большом волнении. Здесь все лодки такие, и это необходимо вследствие обычных здесь внезапных перемен погоды и внезапных ветров. Такая вот лодка была бы идеальной для нас — она несравненно легче нашего “Холмогорского Гуся” — когда гребешь, положительно кажется, что она сама скользит. И прочность и устойчивость у нее тоже больше. Но и наш “Гусь”, конечно, тоже очень хорош... Уча и Клязьма сейчас зеленые и прозрачные, очень хорошо знаю и люблю их такими...

В сообщенном тобою расписании наших зимних занятий единственное, что меня угнетает, это то, что все мои занятия от 7 до 9 часов вечера. Другими словами, я никогда не смогу пойти ни в какой концерт, а это для меня совершенно невозможно. Поэтому я определенно прошу переставить топологический кружок на более раннее время, даже если это совпадает с часами, когда у Виктора Владимировича заседания кружка туристов!

R.L. Moore — “Foundations of point-sets-theory”, о которой ты мне писал (что-то 500 стр.) — это и есть Texas’ская теоретико-множественная топология. Начинается она (говорят — я сам ее не видел) с того, что что-то более чем на 100 страницах излагаются собственные R.L. Moore’овские аксиомы типа топологической плоскости, а потом, очевидно, идут локально-связные континуумы. Теории же множеств, в интересующем тебя смысле слова, ты там и не найдешь. О книгах напишу еще в следующий раз (некоторые из них рассчитываю получить в обмен на свою). Кстати, получил ли ты экземпляр моей маленькой книжки? Springer ее тебе выслал в Москву 20 сентября. Bohr’a я получу, а остальные интересующие тебя книги, выпишу.

(В конверт вложены две открытки с текстами на обратной стороне:)

Сегодня в ночь на горах выпал снег, и Lago Maggiore выглядит сейчас так, как на этой открытке.

В дополнение к остальным открыткам, посланным в эти последние дни, посылаю еще снимок пансиона, в котором живу. Моя комната — во втором этаже, с балконом, так что ее даже не требуется как-то отмечать. Изображенный на открытке вид — лишь часть вида с моего балкона, так как от меня видно еще вправо и еще влево, к самой Асконе.

-
- *Виктор Владимирович* — В.В. Немыцкий.
 - *Моя маленькая книжка* — по-видимому, речь идет о вышедшей в 1932 году в изд-ве Julius Springer 48-страничной “*Einfachste Grundbegriffe der Topologie*” (со вступительным словом Д. Гильберта). Об истории написания этой книжки см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *Топологический кружок* — возник в НИИ математики и механики МГУ в 1925 г. для развития топологических идей П.С. Александрова и П.С. Урысона (из этого кружка вышли топологи Н.Б. Веденисов, Л.А. Люстерник, В.В. Немыцкий, Л.С. Понтрягин, Ю.А. Рожанская, А.Н. Тихонов, Л.А. Тумаркин и Л.Г. Шнирельман).

13 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Сейчас получил твое письмо от 7 октября и отвечаю очень кратко, так как через полчаса отходит автобус в Локарно, на котором я еду к Hausdorff'у. Поэтому сегодня буду писать только о делах.

1). Я тебе уже послал заполненные мною твои анкеты, которые, подписанные тобою, жду назад.

2). Париж не указан, как ты и сам догадался, во-первых, потому, что Париж, Мюнхен, Рим — чересчур “сильная” для Tisdale комбинация; во-вторых, потому, что затевать переговоры с Fréchet и Hadamard'ом можно, к сожалению, только ценою чрезмерных обязательств. Само собою разумеется, что ты всегда сможешь поехать в Париж (а также в Batz, Sanary, Seyssel и т.д.).

3). Выяснилось, что желателен не коллективный отзыв от А.Я., меня и проч., а, по возможности, отдельные отзывы. А таковой мне, конечно, неудобно представлять А.Я. на подпись, а нужно, чтобы А.Я. написал сам.

На подпись же А.Я. посылаю официальную справку о том, что тебя не выгонят из Института по истечении твоей fellowship (стипендии — англ.).

4). С.Н. Бернштейна отзыв все же желателен, поэтому я послал по твоему адресу письмо для С.Н., которое ты должен ему переслать.

Ну, вот, кажется, и все дела.

Диван в большой комнате я предлагаю оставить на том месте, где он и стоял, т.е. около печки, чтобы мне, бедному, тепло было.

Ну, вот, сегодня будет только это. Теперь пиши мне опять по адресу:

bei Prof. H. Hopf
Zürich, Schösslistr., 2.

Что касается Tisdale'я, то я считаю совершенно необходимым теперь же запросить Наркомпрос и получить его разрешение на поездку. Ведь все дело с Tisdale'ем я веду сейчас так, чтобы отказ был для него фактически невозможным без полного скандала. С научной стороны дело уже обставлено так (я еще не теряю надежды подвинуть самого Hilbert'a на отзыв — если Courant согласится его составлять). Теперь необходимо столь же безупречно

обставить дело и с формальной стороны, уже хотя бы для того, чтобы исключить этот повод для отказа. В комитете Rockefeller-Foundation имеются лица разных точек зрения. Но Veblen мне пишет, что есть все основания в твоём случае рассчитывать на положительный исход хлопот.

Очень интересуюсь, какой доклад Кольман прочел о Съезде.

С. Н. Бернштейн

-
- *Batz, Sanary, Seyssel* — П.С. перечисляет некоторые места во Французской Бретани, которые они с А.Н. посетили во время совместного путешествия по Франции в 1930–1931 гг. (подробнее см. Колмогоров А.Н. *Воспоминания о П.С. Александрове* // УМН. — 1986, т. 41, вып. 6, с. 187–203, а также в кн.: Колмогоров А.Н. *“Математика в ее историческом развитии”*, М.: Наука, 1991, с. 131–157).
 - А.Я. — А.Я. Хинчин.
 - *Кольман Эрнст* — упоминание о его докладе о Съезде (имеется в виду только что закончившийся Международный математический конгресс в Цюрихе, 5–12 сентября 1932 г.) имеется в Письме А.Н. Колмогорова от 7 октября 1932 г.

15 октября 1932 г.

(из Асконы, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Третьего дня я возвращался из Локарно от Хаусдорфа при полной луне по берегу озера (астрономическое полнолуние было вчера), вечер был ясный, и было очень величественно и хорошо. Так хорошо было в природе, что, действительно, Врата Небес казались открытыми. Среди этой всей красоты меня вдруг привлек огонек в скале. Когда я подошел ближе, оказалось — ниша, вырубленная прямо в скале (высокой, сплошной скалистой стене, идущей вдоль этого участка шоссе). В глубине ниши был Образ — вероятно, Божьей Матери, а перед ним в горшках росли розы, цветущие и пахнущие, и горела, мерцающая, толстая восковая свеча. Кругом была полная тишина, и впечатление от неба, месяца, озера, душистых роз и свечи было незабываемое...

Вчера было пасмурно. В ночь на сегодня и сегодня утром шел дождь, а потом подул сильный и холодный ветер, разогнал все тучи, стало ясно и холодно. Осень, по-видимому, окончательно вошла в свои права, на целый месяц раньше, чем ей здесь полагается.

Сегодня получил отзыв von Mises'a о тебе — копию его пришло со следующим письмом (сейчас уже поздно стучать на машинке), тем более, что у меня в пансионе двое больных, и они уже спят. Отзыв очень хороший. Главное же, со всех концов — и Courant, и Weyl, и von Mises — пишут, будто сговорившись, что уж “умнее Андрея Николаевича и лучше математика” даже во всем свете сыскать нельзя.

А вот пришло прилагаемое письмо Courant'a. Ответ на его вопрос присылай мне, как я тебе уже раньше писал об этом. Несколько раз посылал тебе “Frankfurter Zeitung”, сразу по 2—3 номера. Сегодня и завтра я сам без газет, а дня через два pošлю тебе опять.

Занимаюсь книгой, но иногда немножко думаю и на темы топологические, к книге прямого отношения не имеющие. Но пока еще очень неопределенно. Но рад хоть тому, что опять чувствую присутствие больших проблем в топологии, близких моему сердцу. Последнее время мне их не доставало, и меня это несколько угнетало. А сейчас чувствую, что они существуют — все насчет разнообразия коэффициентных областей и надежды свести их к не очень большому количеству типов — и это меня радует, хоть я и не знаю, как к ним подбираться.

Последние дни стоит хотя и прохладная, но хорошая, солнечная погода. Я сегодня много катался на лодке. Наши гребные темпы вовсе не так плохи: здесь говорят, что до Локарно на лодке два часа, а я благополучно добираюсь за 1 ч. 20 мин. Вчера греб при очень сильном встречном ветре и очень больших волнах (наш “Холмогорский Гусь” был бы давно захлестнут волнами, которые были гораздо больше ви-

денных нами Днепровских). Лодку качало — но и только. Но, конечно, надо было следить, чтобы она не становилась параллельно волнам. Я здесь за все время не видел ни одного парусного судна и не понимаю, почему это так — условия для парусного плавания хорошие.

На горах еще прибавилось снега, так что получается совсем высокогорный пейзаж. Горы, между прочим, здесь вокруг достигают 2200–2400 метров, а так как само озеро лежит всего на 200 с чем-то метров выше уровня моря, то разница высот вполне достаточная, и когда горы покрыты снегом, то можно думать, что это разные Софруджи.

Сегодня очень хорош был закат солнца, и снег долго горел розовым огнем...

Под моим балконом апельсиновое дерево, на нем много плодов, пока еще незрелых. Как это получается, что апельсины вызревают только в ноябре, я никогда понять не мог. Но, тем не менее, это так и здесь, и в Collioure, и во Флориде. Тут же рядом растет и большая смоковница, и я каждый день утром ем фиги в неограниченном количестве, и при этом вспоминаю нашу Madame в Sanary, которая нам продавала их жуликом. Впрочем, у Madame фиги были слаще здешних. Пансионом этим я очень доволен, и теперь даже жалею, что столько времени сидел у своих вегетарианских дев.

Хозяева мои очень славные и простые люди, которые только и делают, что угощают и уговаривают больше есть. Добросовестны в высшей степени, а так как и прислуги у них нет, то нет и 10% за Bedienung (обслуживание — нем.), так что пансион, вдобавок, и дешевле других. А видом из своего окна я, действительно, не могу налюбоваться, тем более, что постоянно меняется освещение от облаков, туманов и т.п. Одним словом, если мы когда-нибудь будем с тобою на Lago Maggiore, то жить будем непременно здесь.

Сейчас хозяин угощает меня граммофонными вальсами — я пишу тебе письмо в общей комнате, где, кроме меня, сидит некий Herr Mayer, совершенно искалеченный войной человек. Он (т.е. вернее, то, что он жив) представляет собою некоторое чудо хирургического искусства, хотя, каюсь в неблагочестивых мыслях, иногда мне кажется сомнительным приобретением такое искалеченное существование. Каюсь совершенно серьезно, так как несомненно, что и его жизнь суть благо. Я же все более склоняюсь к точке зрения, что человеческая жизнь, будучи благом абсолютным и бесконечным, не подлежит измерению и что поэтому разговоры и размышления о том, что вот тот-то счастлив, а этот несчастлив, философского смысла не имеют (хотя житейский смысл, к сожалению, имеют или, во всяком случае, должны иметь — *si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer...* (из Вольтера: Если бы Бога не существовало, его бы следовало придумать — фр.).

Göttingen, den 12. Oktober 1932.
Wilh. Weber-Str., 21
Professor Dr. Richard COURANT

Lieber Meerwolf !

Kannst Du mir Auskunft geben, wie es mit den reellen Funktionen von Kolmogoroff steht? Das Manuskript sollte jetzt am 1. November abgeliefert werden. Ich vermute zwar, dass es noch nicht fertig ist, aber auf der anderen Seite wäre es doch für Springer (angesichts der vielen erscheinenden Konkurrenzbücher aus demselben Gebiet) angenehm, wenn eine erhebliche Verzögerung vermieden wird.

Viele herzliche Grüsse,
Dein R. C.

N.S. Siegel war eben einen Tag hier. Ich glaube, er würde sich ausserordentlich freuen, wenn Du auf Deiner Reise hierher ihn einige Stunden besuchen würdest. Vielleicht schreibst Du ihm darüber eine Zeile.

(Adresse: Frankfurt/M. Raimund-Str., 114).
R.C.

⟨Перевод:⟩

Дорогой Морской Волк !

Не мог ли бы ты дать мне разъяснения, как обстоит дело с колмогоровскими функциями действительного переменного. Рукопись должна поступить к 1 ноября. Мне, однако, кажется, что она все еще не готова, хотя, с другой стороны, следовало бы ее незамедлительно направить Шпрингеру (учитывая, что есть немало других, конкурирующих книг в той же области), по возможности, избегнув значительной задержки.

С наилучшими пожеланиями,
Твой ...

P.S. Зигель был здесь буквально один день. Я полагаю, было бы необыкновенно удачно, если бы ты во время своей поездки посетил бы его, хоть на несколько часов. Может быть, ты напишешь ему по этому поводу?

(Адрес...)

-
- *Courant Richard (Курант)*; в своих письмах к П.С. Александрову Р.К. чаще всего использовал неофициальные обращения, например, “*Meerwolf*” (“Морской Волк”), как здесь, и др.
 - *Книга* — см. Примечание к письму от 20 февраля 1931 г.
 - *Colliour, Sanary* — см. Примечание к письму от 13 октября 1932 г.

21 октября 1932 г.

(из Цюриха, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

По-видимому, было твое письмо мне, которое в Цюрих пришло чересчур рано, поэтому было направлено в Аскону, а из Асконы опять вернется в Цюрих. В этой гипотезе меня еще подкрепляют следующие два обстоятельства:

1) ты должен был бы мне прислать анкеты для Фонда и отзывы от А.Я.;
2) ты должен был бы мне написать свои впечатления о докладе Кольмана. Между тем, ничего этого нет.

Книгу Банаха я и сам собираюсь читать этой зимой. Между прочим, все то, что ты мне о ней пишешь, почти в точности совпадает с тем, что мне о ней говорил Хаусдорф (т.е. он обращал мое внимание на те же результаты и те же проблемы).

С Хаусдорфом мне было очень грустно расставаться. Он был все время так необыкновенно сердечен со мной, и такая от него исходила теплота и душевная нежность, как это редко можно встретить на свете. Вообще, это совместное пребывание с ним этой осенью относится к моим самым сильным человеческим впечатлениям последнего времени и к самым отрадным и светлым.

Это письмо посылается в Москву, но следующее, согласно твоему желанию, будет отправлено на Клязьму. А дальше буду адресовать поочередно — одно в Москву, одно — на Клязьму.

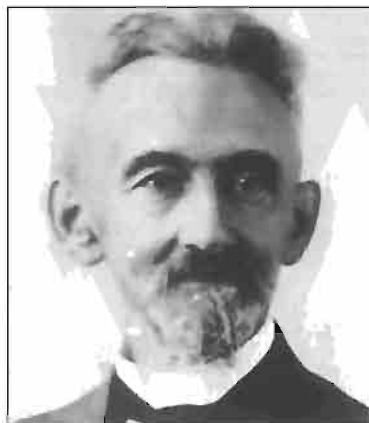
Ты же теперь пиши мне уже по адресу:

bei Fraulein Prof. Emmy Noether
Göttingen, Stegemühlenweg 51—III.

Смотри, не перепутай! Frl. Noether переехала, поэтому не Friedländerweg, а Stegemühlenweg, и не 57, а 51. Только этаж (третий) остался без изменения. Если забудешь или потеряешь адрес, то можно, конечно, писать и просто:

Göttingen, Mathematisches Institut, мне.

Я туда приеду числа 28 октября.

Ф. Хаусдорф

-
- А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
 - Доклад Кольмана — см. письмо А.Н. Колмогорова от 7 октября 1932 г.
 - Книга Банаха — речь идет о книге: Banach S. "Théorie des opérations linéaires" (см. Письмо А.Н. Колмогорова от 7 октября 1932 г.).

24 октября 1932 г.

(из Цюриха, Швейцария,
в Москву, Трубниковский пер.)

Наконец, сегодня получил два твоих письма сразу, с вложением документов для твоей стипендии. Одновременно пришел и отзыв о тебе Сергея Натановича. Таким образом, теперь недостает только отзыва Александра Яковлевича и официальной бумаги от Института или от Наркомпроса о неимении препятствий. Письмо Tisdale'я к тебе в высшей степени любезно, что проявляется особенно ясно в разных стилистических деталях. Я посылаю тебе ответ ему, который ты должен подписать и отправить. Что касается *medical examination*, то это, по-видимому, тоже придется посылать мне, я заполню, а ты попроси моего брата, чтобы кто-нибудь подписал.

Отзыв С.Н. пришел очень кстати, особенно, раз сам Tisdale желал, чтобы этот отзыв был. Все послано мною в Гёттинген. Теперь необходимо столь же безупречно обставить дело и с формальной стороны, уже хотя бы для того, чтобы исключить этот повод для отказа. Вообще, пиши мне теперь туда, в Гёттинген, по адресу Эмми Нётер. Норф'у же пошли отписки своих работ. Он очень просит об этом и даже обижается, что у него почти нет твоих работ. Пошли ему.

Льву Семеновичу скажи (в достаточно мягкой и деликатной форме), чтобы он не разводил панику на тему, что Rockefeller Foundation не хочет давать стипендий московским математикам и т.п. Все это Л.С. мне пишет на основании письма Lefschetz'a, и все это — чистый вздор. Между тем, разговоры на эти темы я считаю совершенно излишними. Что касается хлопот Лефшеца, то у меня единственное желание — это, чтобы их было поменьше, так как от них происходит одна только суета и всякая путаница. Я уже писал Л.С., что после разговоров с Veblen'ом решил не возбуждать сейчас ходатайство о нем, а отложить его до будущего года, потому что с таким знанием языков, как у Л.С., ни в какую “заграницу” ехать нельзя. (В случае Льва Семеновича у R.F. есть специальные затруднения, так как Комитет принципиально отказывает в стипендиях лицам, страдающим неизлечимыми физическими недостатками. Но об этом, конечно, Л.С. нельзя ничего говорить.)

Что же это значит, что тебе Институт платит 350 рублей? Кто же получает 500? Предполагались ведь гораздо большие оклады?

*Ну, будь здоров, пиши мне чаще, чтобы я не так скучал.
А через месяц мы с тобою уже опять будем вместе!*

Собачицу нам заводить, по-моему, не стоит — хлопотно. Разве что самую простую, дворовую, чтобы не обокрали.

Посылаю тебе очень редкие марки с Бермудских островов.

Я тебя уже давно просил прислать мне оттиски твоей работы из “Матем. сборника” об операциях над множествами — я сделаю из нее несколько более подробное резюме по-немецки, чем то, которое, насколько я помню, имеется у этой работы, и пошлю это резюме Хаусдорфу. Кстати, оно ему пригодится и для отзыва о тебе.

Открытка с видом Цюрихского озера, вложенная в письмо

-
- *Сергей Натанович* — С.Н. Бернштейн.
 - *Александр Яковлевич* — А.Я. Хинчин.
 - *Лев Семенович* — Л.С. Понтрягин.
 - *Институт* — НИИ математики и механики Московского университета.
 - *Работа из “Математического сборника”* — имеется в виду статья А.Н. Колмогорова “Об операциях над множествами” // Матем. сб. — 1928, т. 35, № 3–4, 415–422.

27 октября 1932 г.

(из Мюнхена, Германия,
в Москву, Трубниковский пер.)

Нахожусь сегодня в Мюнхене, завтра уезжаю в Гёттинген. И буду ждать с нетерпением писем от тебя по адресу Frä. Emmy Noether. Был сегодня у Münzinger'a, купил все, что ты мне писал для лыж. Кроме того, еще разные мелочи для наших путешествий. Вообще же, эти два дня в Мюнхене у меня сплошь заняты. Увижусь, тем не менее, и с Carathéodory.

Норфы были очень сердечны и милы. Вспоминали тебя, собирались писать тебе открытку, но так как, кроме тебя, собирались писать еще и Brouwer'у, и некоторым другим лицам, то откладывали это так долго, что так и не собрались.

Первая глава книги, наконец, приняла окончательный вид, одобренный обоими авторами и никаким дальнейшим переработкам не подлежащий. Это — глава, посвященная общей теории комплексов, гомологий и т.п. Также обсудили мы главу (громадную), написанную Норфом — она тоже принимает окончательные формы. Много говорили и все, как будто, выяснили и в тех параграфах главы о зацеплениях, которую еще должен писать Норф. Последние две главы, посвященные замкнутым множествам, особенно не обсуждались, но тут и нечего обсуждать, так как эти вопросы уже давно приняли вполне определенные очертания, и я не вижу, что тут можно менять. Конечно, возможно еще всю мою теорию размерности переделывать с переменного модуля на Понтрягинский mod 1 — это тебе, кажется, больше нравится, но это была бы, действительно, довольно длинная работа, и я не думаю, чтобы ее стоило предпринимать — ведь надо же когда-нибудь “halt machen” (остановиться, перевести дыхание — нем.). Возможно, что на будущий год присоединится еще какая-нибудь теория, если на все это реагировать, то книга, действительно, никогда не будет написана...

В Гёттингене надеюсь, наконец, получить все недостающие бумаги для твоей стипендии. Отзыв Carathéodory получу здесь, в Мюнхене, сегодня или завтра. В Гёттингене Courant подпишет твои анкеты, и можно будет, наконец, все сразу послать.

Без тебя все время очень скучаю, хотя сию минуту нахожусь в Германии с близкими мне людьми. Но теперь уже меньше, чем через месяц, мы опять будем вместе.

-
- *Münzinger* — владелец сети спортивных магазинов в Германии.
 - *Книга* — речь идет о совместной с Х. Хопфом книге: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. 1. — Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.

29 октября 1932 г.

(из Гёттингена, Германия,
в Москву, Трубниковский пер.)

Вчера и сегодня получил по письму от тебя, пересланные из Цюриха, а вот письма с отзывом А.Я. Хинчина все нет.

В эту секунду позвонил почтальон — и пришло письмо с отзывом А.Я.!

Теперь у меня все отзывы. Из них Bohr, Courant, Hardy, Weyl уже посланы Tisdale'ю, а Carathéodory, S. Bernstein, von Mises, A. Khintchin будут посланы завтра. Завтра же Courant подпишется в качестве Seconder'a (подтвердителя — англ.) на твоих опросных листах.

Как я тебе уже, кажется, писал, я написал в Асконе маленькую работу для "Fundamenta" об определении "поперечников", в смысле П.С. Урысона, для любого определения размерности. Об этих поперечниках я в этой работе доказываю несколько теорем, позволяющих обобщить на любую размерность доказанную Мазуркевичем теорему ("Fund. Math.", 19) о мощности множества размерных компонент. Сегодня я получаю письмо от Мазуркевича, извещающее меня о принятии редакцией "Fundamenta" моей заметки. В этом же письме Мазуркевич пишет мне нечто, что я просто переписываю здесь: "Nebenbei bemerkt — das Kolmogoroffsche Beispiel auf S. 216 ("Math. Ann.", 106) stimmt nicht: das konstruierte Kontinuum ist selber eine Cantorsche Mannigfaltigkeit; — überhaupt gilt der Satz, daß eine dimensionelle Komponente mit der Summe der übrigen dimensionellen Komponenten einen Durchschnitt hat, der in dieser Komponente von der ersten Kategorie ist (im mengentheoretischen Fall sogar höchstens $(n-1)$ -dimensional ist (!)". (Здесь следует заметить, что пример Колмогорова на стр. 216 не верен: сконструированный континуум сам является канторовым многообразием, а отсюда, вообще говоря, обретает силу утверждение, что некоторая размерностная компонента имеет пересечение с суммой остальных размерностных компонент, которое в этой компоненте имеет первую категорию (в теоретико-множественном случае, даже, по крайней мере, $(n-1)$ -мерную! — нем.)

Если бы в твоём примере не получилось вранья, то полученный результат Мазуркевича назывался бы "Beweis ein Vermutung von Herrn Alexandroff" (Доказательство одного предположения г-на Александра — нем.), тогда как теперь он, вероятно, будет называться "Widerlegung eines Beispielles von Herrn Kolmogoroff" (Опровержение одного примера г-на Колмогорова — нем.). Кстати, если пример строится в опровержение некоторой теоремы, то он, как известно, называется "Gegenbeispiel" (контрпример — нем.). А как называется теорема, доказанная в опровержение некоего примера — Gegensatz?!

Но, тем не менее, сам Д.Ф. говорил, что уж умнее Андрея Николаевича, вообще, даже никого нет!

Гёттинген мне теперь на каждом шагу напоминает тебя. Сегодня я обедал у Karstadt'a (обед стоит теперь не 90, а 75 пфеннигов, отчего качество его хуже не стало!). Ел, кроме обеда, Ananas mit Schlagsahne (ананас со взбитыми сливками — нем.) за 45 пф. (мороженого теперь, зимой, не полагается). Было “nette Bedienung” (приятное обслуживание — нем.), и граммофон играл хорошие вальсы и танго, только тебя не было... Сегодня же я был в Lesezimmer (читальный зал — нем.) — и там тебя тоже не было... Сморгел в Lesezimmer “Foundations of the point-set-theory” R.L. Moore'a — платит \$5 за нее отнюдь не собираюсь. Если он мне эту книгу пришлет, буду рад — *des petits livres en haut, des grands livres en bas* (маленькие книжки сверху, большие — внизу. — фр. поговорка). Но покупать не буду. Vanach же очень понравился и мне. Наконец, смотрел “Аналитическую геометрию” Schönflies'a (новое издание, только что вышедшее) с, по-видимому, хорошим Anhang'ом (добавление — нем.) Dehn'a.

Мазуркевич в качестве президента Польского математического общества приглашает меня на обратном пути заехать в Варшаву и прочесть доклад там. Так как это потребует всего 1–2 дней, то ду-маю согласиться.

Здесь, в Гёттингене, я буду читать серию платных докладов: два доклада в Courant'овском семинаре о топологических средствах (там ничего не нужно, кроме самых элементарных вещей, но Courant их, очевидно, никак не может усвоить!). Кроме того, 2–3 доклада о разных новых течениях в топологии, а также общий Übersicht (обзор — нем.) ее структуры в настоящее время.

Между прочим, одна из “сенсаций” Цюриха, о которой я тебе свое-временно не написал, — результат Deuring'a, заключающийся в том, что, по крайней мере, одна из двух гипотез (1) Гипотеза Гаусса о Klassenanzahl квадратичных форм и (2) Riemannsche Vermutung — ВЕРНА. (Ни одна из этих гипотез, тем не менее, не доказана.) О том, что это была “сенсация”, я узнал НЕ от Эмми Нётер!

В ближайший вторник — первое заседание Математического общества здесь. Доклад Weyl'я — обзор работ по Ergodenhypothese. Уж буду из всех сил стараться что-нибудь понять...

-
- Д.Ф. — Дмитрий Федорович Егоров.
 - Заметочка в “Fundamenta” — речь, по-видимому, идет о заметке П.С. Александрова: “Über die Urysohnschen Konstanten”, вышедшей в журнале “Fundamenta Mathematicae” (1993, v. 20, p. 140–150).

31 октября 1932 г.

(из Гёттингена, Германия,
в Москву, Трубниковский пер.)

Большая новость в области международной организации математических центров. В Америке открывается новый “Научно-исследовательский университет”, так называемый *Abraham Flexner-University* для усовершенствования даровитых молодых людей, уже получивших обычное университетское образование, и для подготовки их к научной деятельности. *Abraham Flexner* (сын которого — один из молодых принстонских топологов) — один из очень известных и крупных американских деятелей высшей школы. Сам он, кажется, биолог.

Этот своеобразный университет предполагается открывать постепенно, по мере выяснения возможностей привлечения действительно первоклассных сил. Само собою разумеется, что приглашенные туда профессора будут обставлены всеми условиями, необходимыми для их работы, из которых самым существенным (кроме чрезвычайно высоких окладов) является предоставление 5–6 совершенно свободных от всяких “нагрузок” месяцев в году и гарантированное обеспечение их детей (в случае смерти родителя) до совершеннолетия их.

Все это будет в Принстоне. С будущего года открывается первое, а именно, математическое отделение этого университета. Директором этого отделения приглашен быть — как и следовало ожидать в американских условиях — *Veblen*. Он формирует профессорский состав в виде 3-х основных кафедр плюс систематический штат приезжающих (“визитирующих”) профессоров. На две из трех основных кафедр приглашены *Albert Einstein* и *Hermann Weyl*. Третья пока еще не заполнена. *A. Einstein* уже дал свое окончательное согласие, *Weyl* попросил себе срок для размышления до конца ноября, но, по-видимому, он тоже согласится. Согласие *Weyl* представляется потому несомненным, что условия, которые он поставил немецкому министерству, уже отвергнуты этим, последним (в Германии все, включая *Hilbert*’а и *Landau*, очень обижены тем, что *Weyl* весь вопрос поставил в чисто коммерческой плоскости — “кто больше даст” — очевидно, что в этой плоскости победа Америки предрешена!). В связи с, по-видимому, несомненным уходом *Weyl* из Гёттингена уже очень обсуждается вопрос об его преемнике. Таковым будет либо *Artin*, либо *Siegel*. В нынешнем году *Weyl* читает здесь топологию. Так как я буду читать здесь серию топологических докладов, то буду на днях разговаривать с *Weyl*’ем о темах его лекций и моих докладов, чтобы получилось возможно лучшее и полезное со-

четание. (Heesch, которого я сегодня видел, говорил мне, что Weyl собирается в своих лекциях говорить о комбинаторной и о теоретико-множественной топологии.)

Я все эти дни себя чувствую очень грустно — разлука в Мюнхене была мне очень тяжела, и я сейчас нахожусь под ее впечатлением. И здесь, как часто в жизни, “темные восторги расставанья”, говоря словами Волошина (из “Corona Astralis” (1909)), почти подавили “радость встреч”. Вообще же, в жизни все-таки много бывает тяжелых положений и тяжелых минут...

Сейчас настоящая геттингенская осень, способствующая грустным размышлениям. Уж очень тяжела в жизни эта необходимость разлук с любимыми людьми — сначала на время, а там, глядишь, и навсегда... И в мыслях своих я все к тебе возвращаюсь. Надеюсь, что уж с тобой-то мне, Бог даст, не придется расставаться... Эта надежда — одна из немногих больших опор в моей жизни. Иногда кажется, так много со всех сторон грозит нам всяких обид, болезней, несчастий — и всегда они страшнее не для себя, а для тех, кого любишь. И так хочется, чтобы эти любимые люди благополучно бы прошли мимо всех этих подводных камней, и не разбились...

Только что пришло твое письмо с анкетой *Medical examination*, которую я и посылаю тебе назад, почти совершенно заполненной, вместе с письмом к моему брату (с ним поговори и о заполнении оставшихся пунктов). По заполнении анкета должна быть отправлена прямо в Париж. Если же возникнут какие-либо сомнения со стороны английского языка, то можешь предварительно послать и мне.

Работу Тулайкова для “*Göttinger Nachrichten*” посылай лучше мне, а не непосредственно Courant’у с сопроводительным письмом для передачи ему. Я, во-первых, исправлю немецкий язык и, во-вторых, слежу за тем, чтобы она не застряла на письменном столе Courant’a, опасность чего, как известно, всегда > 0 .

Рост вовлечения масс в научно-исследовательскую работу нашего Института, происходящий в пропорции $18 : 27 : 35 : 49$, на меня производит потрясающее впечатление. Правда, $2:3 < 5:7$, но только всего на $1/21$, так что успех остается поразительным! Посмотрим, как будет деятельность Института развиваться дальше. Кстати, кто же эти $49 - 35 = 14$ новых действительных членов и научных сотрудников 1-го разряда, которые оказались вовлеченны-

ми в Институт? Не начертишь ли ты кривую распределения для дальнейшего роста?

Как идут твои дела с писанием книг для Springer'a? Я уже тебе писал, что у всех немецких издателей имеются теперь тенденции настаивать на аккуратном выполнении договоров, так как никто не хочет подвергаться риску неопределенного будущего. Поэтому желательно, чтобы и книжка по теории вероятностей поспела по возможности в срок.

Когда ты в последний раз купался? Пишу “последний раз”, так как на *Wetterkarte* (карта погоды — нем.) в “*Vossische Zeitung*” в Москве уже -3° . Кстати, почему бы такую *Wetterkarte* не публиковать в “Известиях”?

Сахару теперь, когда он по 8 руб., надо, во всяком случае, закупить в действительно большом количестве, чтобы хватило на всю зиму + лето, и отнюдь не надеяться, что он “всегда будет в продаже”. Вот относительно мыла и я поддался иллюзии, что оно “всегда будет”.

-
- “Научно-исследовательский университет”, *Abraham Flexner-University* — ныне всемирно известный американский научно-исследовательский центр Институт перспективных исследований в Принстоне — *The Institute for Advanced Study*, Princeton, N.J. (основан в 1930 г.; президент Института — *Louis Bamberger*, вице-президент — *Mrs. Felix Fuld*, директор Института — *Abraham Flexner*).
 - Книги для Springer'a — планы А.Н. Колмогорова написать “Теорию вероятностей” и “Теорию функций” для издательства “Julius Springer” были реализованы наполовину: в 1933 году в серии “*Ergebnisse der Mathematik und Ihrer Grenzgebiete*” в изд-ве Springer Verlag вышла ставшая классической монография А.Н. Колмогорова “*Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung*”. (В 1936 году эта монография была издана на русском языке в серии “Математика в монографиях” (М., ОНТИ) под названием “Основные понятия теории вероятностей”.) Что касается книги по теории функций для так называемой “желтой серии” (“*Gelbe Sammlung*”) Springer Verlag, рукопись этой книги так и не была представлена в издательство, и публикация не состоялась.
 - Работа Тулайкова — речь идет о заметке А.Н. Тулайкова “*Zur Kompaktheit im Raum L_p für $p=1$* ”, опубликованной в “*Göttinger Nachrichten*” (Nachr. Ges. Wiss. Göttingen, Math.-Phys. Kl. I, 1933, № 39, S. 167–170).

9 ноября 1932 г.

(из Гёттингена, Германия,
на ст.Клязьма Северной ж.д.)

Я вчера вечером был у Courant'a и слушал музыку — октет Шуберта, который мне очень понравился, и квинтет Римского-Корсакова (четыре духовых с фортепиано). Обе вещи слушал в первый раз. А завтра вечером Lewu зовет меня к себе ужинать с последующей "Крейслерианой" — уж не знаю, выйдет ли она у него. Он сейчас очень счастлив, так как у него свой хороший рояль. Играет он, как и полагалось музыканту в хорошие времена, да еще занимающемуся композицией, и на скрипке, и на фортепиано одинаково хорошо.

Сейчас перечитываю твое письмо от 1 ноября и вижу, что я на него уже отвечал. Отвечаю на оставшиеся твои письма. Следующий деловой твой вопрос, сколько ты заработал в "Zentralblatt'e". Счет у нас общий, так что узнать можно только общую сумму, что можно сделать без всякого труда, так как у Neugebauer'a ведется полная бухгалтерия.

Открытка, вложенная в письмо

Реферат твой о Fréchet'e я только было собрался отправлять, как появился Neugebauer, выхватил его у меня из рук и сказал, что там так мало что нужно поправлять, что он сам поправит, когда будет, в порядке своей общей редакционной работы, его читать.

Что касается работы Ingebricht Johansson'a, то она, к сожалению, страдает отсутствием результатов (чем отличался и его доклад на съезде). Что же касается его построения, то это есть частный случай деформации полиэдра в себе, и проблема определить наименьшую размерность полиэдра, в который

данный можно преобразовать деформацией в себе, давно ставилась многими, в том числе и мною. Правда, его процесс уже, т.е. можно указать полиэдр, который можно продеформировать в часть самого себя, хотя у него и не будет "свободных граней", и, следовательно, процесс Johansson'a применить будет нельзя. Об этом скоро по-

явится очень интересная и содержательная работа Норфа вместе с его Берлинской ученицей Frl. Pannwitz. Обо всех этих вещах я буду рассказывать в Москве. Еще Норф только что доказал замечательную вещь, о которой я тебе много раз писал, а именно: группы Бетти конечного комплекса относительно любого Koeffizientenbereich'a (область коэффициентов — нем.) определяются вполне классическими группами Бетти относительно кольца целых чисел.

Пока его метод не удастся перенести на бесконечные комплексы. Если же аналогичную теорему удастся доказать и для бесконечных комплексов, то я берусь доказать, что группы Бетти замкнутых множеств относительно любого Koeffizientenbereich'a определяются из групп Бетти по модулю 1. Но вообще, тут, несомненно, очень большое поле для работы, и во всем этом, т.е. во взаимоотношениях всех этих Koeffizientenbereich'ов в самом общем случае, надо разобратся. Из этих же соображений будет дальше, как я надеюсь, следовать, что, кроме рассмотренных мною размерностей

$\text{mod } 1 = \text{перемен. модуль} = \text{Brouwer—Урысон}$

$\text{mod } 0$ (= кольцо рационал. чисел), $\text{mod } m$ ($m \geq 2$),

никаких других гомологических не существует, т.е. что размерность относительно любого Koeffizientenbereich'a совпадает с одной из названных размерностей — а это делает вероятной возможность простого аксиоматического определения именно этих размерностей (так как в существование сколь-нибудь разумных негомологических размерностей я не верю).

Сию минуту пришло письмо от Carathéodory, где он мне пишет, что только что вернулся из поездки в Париж, где говорил о Rockefeller'овской стипендии для тебя и высказывал свое мнение о тебе: "Es scheint, dass die Sache mit Kolmogoroff jetzt in Ordnung gebracht werden wird" (Кажется, что дело, касающееся Колмогорова, теперь должно прийти к полному порядку — нем.). Что Carathéodory, кроме прекрасного отзыва о тебе, будет еще вести специальные личные переговоры, было для меня приятной неожиданностью.

В конце ноября сюда приедет Tisdale, причем он сам, со своей стороны, выразил желание со мною повидаться, и это, по-видимому, объективно целесообразно (и Courant очень настаивает на этом).

Меня очень заинтересовало, что ты мне пишешь о заседании Ученого совета Института, о Математическом комитете, о журналах. По своему приезду в Москву я собираюсь, посоветовавшись с тобою, поднять вопрос о новой реорганизации редакции "Математического сборника", так как нынешнюю редакцию я считаю нерботоспособной и свое положение в ней ложным. Я буду предлагать:

а) образование малолюдной, авторитетной и деловой редакции в собственном смысле слова;

б) образование *Wissenschaftlicher Beirat* (ученый совет — нем.) из авторитетных ученых — орган репрезентативный и консультационный, он же дает рецензентов (получающих определенный гонорар с каждой прорецензированной статьи — как в “*Mathematische Annalen*”).

Редакцию я себе представляю приблизительно в таком составе:

Гл. редактор — О.Ю. Шмидт.

Члены редакции: Александров, Выгодский, Степанов.

Секретарь редакции — Бермант.

(Обязанности ясны: О.Ю. — для больших okazji, М.Я. — связь с издательством и партийный авторитет, я и В.В. — фактическое руководство работой, А.Ф. Бермант — исполнение.)

Wissenschaftlicher Beirat в составе приблизительно таким:

Бернштейн, Лузин, Виноградов, Н.М. Крылов,

Чеботарев, Колмогоров, Шнирельман.

Задачи такого *Beirat*’а (кроме декоративных):

- 1) принимать работы от авторов;
- 2) получать от редакции работы для отзыва на предмет годности их к печатанию (за отзыв платятся деньги);
- 3) заботиться о том, чтобы достаточное количество интересных работ поступало в “Сборник”, и т.п.

Что ты думаешь по этому поводу?

Последнее. В твоём журнале (“Успехах”), а может быть, и в “Сборнике”, необходимо завести библиографический отдел. Помимо всего прочего, это — самый дешёвый способ систематического пополнения московского математического книжного запаса. Отзывами интересуются все издательства, каждое охотно предоставляет экземпляр для отзыва бесплатно. Я уже написал рецензию на собрание сочинений Дедекинда (которая больше подходит для печатания в редактируемом тобою журнале) и уже получил все три тома этого собрания. Напиши теперь же, присылать ли тебе этот отзыв или его придется помещать в “Матем. сборнике”.

Как я тебе уже писал, вопрос с *Courant*’ом вполне улажен, но ты должен представить книгу по теории функций действительно к 1 января 1934 г., так как дальнейшее промедление уж и в самом деле встретит серьезные затруднения. Для удовольствия *Courant*’а я ему завтра же напишу официальное письмо с указанием, что в том, что он раньше не получал известий от тебя, виноват всецело я, и что я уполномочен тобою ему гарантировать книгу к 1 января. Такое письмо, насколько я знаю *Courant*’а, явится гарантией от всяких возвращений дурного настроения. Вообще же, он настроен в высшей степени хорошо по твоему адресу, очень зовет тебя сюда для докладов и лекций и чрезвычайно энергично хлопочет о твоей стипендии.

Очень меня радует, что у тебя опять целый ряд больших математических проблем. Радует даже не столько объективно — в том,

что такой ряд проблем у тебя (с точностью до, по существу, ничтожных промежутков) всегда есть и будет, я серьезно никогда не сомневался — субъективно же чрезвычайно приятно, что ты не будешь, по крайней мере в математическом отношении, приходить во всякие необоснованные уныния. Я, скорее, боюсь, не наберется ли у тебя теперь, напротив, чрезмерное количество всякой работы!

Сегодня и здесь впервые был утром мороз и солнце — целый день. Вообще, все последнее время стоит хорошая, сухая погода, то совсем теплая, то, как сегодня, прохладная. Вчера я шел от Neugebauer'a, и очень тихо и прозрачно было на Friedlandeweg. Дул ветер, шуришали листья, и я думал, хоть и о грустных, но хороших вещах: о том, как уходят годы и меняются декорации жизни и многое уходит... Но, наверное, не всё, и даже всё самое главное, наверное, остается, и не может быть, как эти листья, унесено ветром... Эти размышления потом смешались с "Крейслерианой" (игранной мне Леви неожиданно хорошо, хотя и не так, как я ее воспринимаю и как ее играет Игумнов)...

Письмо получилось такое тоскливое, что даже жаль его отправлять на Клязьму, где сейчас, наверное, всякая тишина.

Работу Тулайкова получил, но Courant с Weyl'ем уехали на два дня в Берлин для окончательного выяснения представляющихся Weyl'ю в Гёттингене возможностей, после чего Weyl, наконец, решит, остается ли он в Гёттингене или уезжает в Америку. Как только Courant вернется из Берлина, передам ему работу Тулайкова.

На мое письмо В.И. Гливенко не ответил до сих пор. Если я так и не получу ответа, то опасюсь, что и с ним (как ранее с А.О. Гельфондом) редакции "Zentralblatt'a" придется распрощаться.

Р. Курант

- Neugebauer Otto (Нейгебауэр) — вел в то время реферативный журнал "Zentralblatt für Mathematik", куда этот реферат предназначался.
- Работа Тулайкова — см. Примечание к письму от 31 октября 1932 г.
- Книга по теории функций — см. Примечание к письму от 31 октября 1932 г.

19 ноября 1932 г.

(из Гёттингена, Германия,
на ст. Клязьма Северной ж.д.)

Сначала буду, как водится, отвечать на твои вопросы и, вообще, писать о всяких делах, хотя мне вовсе и не хочется о них писать. Пишу сейчас тебе гораздо реже, чем мне бы хотелось, потому что уже началась всякая предотъездная суета.

Courant'a после его возвращения из Берлина видел только мельком, работу Тулайкова передам ему завтра. До сих пор здесь было только одно торжественное собрание Академии, открытое для публики, с докладом о работах Goethe в биологии.

Мои выступления здесь на этот раз вызывают большой интерес, и сам Courant, наконец, знает, что такое числа Бетти, а в своих трех докладах в его семинаре я продвинулся и несколько дальше. Потом я еще читаю отдельно цикл докладов о разбиении пространства, где меня слушает вся молодежь (Fenchel, Heilbronn, все ученики Frl. Noether, Heesch, все внимательно записывающий). Вся эта деятельность (связанная с довольно большим числом лекционных часов — был еще и доклад в Математическом обществе) осложняется тем, что у меня заболело горло, чего уже не было, кажется, 13 лет! Ангина (температура и все, как полагается), и это не только портит мне настроение и мешает мне во всем, но особенно неуместно перед самым отъездом. Надеюсь, что все пройдет в ближайшие дни и мне не придется откладывать отъезд. Если же мой отъезд все же отложится, то пошлю тебе телеграмму.

Отписки твои для разных лиц получил сегодня и распределяю их между разными лицами в понедельник, т.е. послезавтра. Надлежит всегда еще посылать отдельный отписку для Lesezimmer (читальный зал — нем.). Послал ли ты свою Maßtheorie Hausdorff'u?

Heitler (некий физик из Гёттингена, бывший весну и осень в Москве) все время с восторгом рассказывает о "Moskauer Mathematiker Kreis" (Московский математический круг — нем.), состоящем из Лаз. Ар., Льва Генр., Ал. Осип., Мих. Ал. Лаврентьева, Плеснера и Берманта. Впечатление совершенно твердое и однозначное, что это и есть Московская математика...

Отзывы я тебе посылал для того, чтобы ты знал, какой ты у нас умный. Кроме того, полный набор копий нужен мне самому (для посылки Veblen'у и т.д.), так что ты их, пожалуйста, не теряй.

Завтра меня собирается навестить Frau Hilbert, по поводу чего Frau Bruhns напекла к чаю очень вкусных печений.

Б.Л. Ван дер Варден и Эмми Нётер

-
- *“Maßtheorie”* — речь, по-видимому, идет об оттиске статьи А.Н. Колмогорова *“Beiträge zur Maßtheorie”* // *Math. Ann.* — 1932, Bd. 107, S. 351–366.
 - *Лазарь Аронович* — Л.А. Люстерник.
 - *Лев Генрихович* — Л.Г. Шнирельман.
 - *Работы Гёте в биологии* — в области естествознания И.-В. Гёте оставил целый ряд значительных исследований, в частности, в области биологии его считают предшественником Ч. Дарвина. Наиболее известными являются его труды по сравнительной морфологии (термин также принадлежит Гёте) растений и животных: *“Опыт о метаморфозе растений”* (1790) и *“Вопросы морфологии”* (1820).

24 ноября 1932 г.

(из Берлина
в Москву, Трубниковский пер.)

Хоть ты и получишь эту открытку, наверное, уже после моего приезда все-таки пишу ее, памятуя изречения всех мудрецов о том, что

*ЖИЗНЬ — в НАСТОЯЩЕМ,
а не в прошлом и не в будущем.*

Павел Сергеевич за работой

Настоящее же для меня заключается в том, что я сижу в Берлине в ожидании польской транзитной визы и сейчас желаю только, чтобы скорее прошли три предстоящих дня до моего приезда в Москву.

11 апреля 1934 г.

(из Киева
на ст. Клязьма)

*Здесь уже полная весна, Днепр очень разлился, он “реве та
стогне” ...*

16-го рано утром я приеду в Москву.

Не приедешь ли и ты на этот день в Москву?

(В письмо вложена вырезка из газеты:)

Совершенно умирительная картина технического обслуживания развернулась сейчас перед руководством Сталинского Кузнецкого металлургического завода.

Завод работает в Западной Сибири. Но поспевать в техническом отношении он должен за самыми передовыми капиталистическими предприятиями.

Понадобился заводу научный материал по цинку в рудах и по плавке цинкосодержащих руд в доменных печах. В библиотеке ничего подходящего не нашлось.

Решил завод обратиться одновременно в два авторитетных научных учреждения: в ЦИТЭИН (Центральный институт технико-экономической информации) в Москве и в Институт железа и стали в Англии.

Письма ушли одновременно. Через двадцать три дня был получен первый ответ. Конечно, из Москвы?

Нет-с, из Лондона. Английский институт ответил первым, и не просто ответил, а любезно и бесплатно прислал два научных труда по плавке цинкосодержащих руд в доменных печах.

Прошло шестьдесят дней. Пришел ответ и от Московского ЦИТЭИНа. Москвичи любезно, но глухо сообщили, что они запросили в надлежащих инстанциях, и буде от надлежащих инстанций поступит какой-нибудь ответ — он будет переслан заводу.

В Сталинске на заводе сидят культурные люди. Технический директор, академик Бардин, прочитав ЦИТЭИНовский ответ, покачал головой, но решил помочь беспомощным москвичам. Приказал перевести на русский язык два полученных из Англии труда и перевод любезно послать ЦИТЭИНу — может быть, пригодится другим заводам.

А в Москве — разве в Москве люди менее культурны, чем в Западной Сибири? Конечно же, ЦИТЭИН ответил Сталинскому заводу конфузливо-благодарственным письмом?

Нет-с, не совсем так.

Получив перевод двух трудов о цинкосодержащих рудах, работники ЦИТЭИНа запаковали их опять в конверт и... послали Сталинскому заводу, уже от себя. Да еще любезно приложили счет на пятнадцать рублей за понесенные расходы.

Что можно прибавить к этому красивому матчу по переписке? Да, пожалуй, ничего. Обслуживание — это, конечно, тонкая проблема. Особенно в специфических условиях. Учитывая трудности роста... Принимая во внимание... И вообще.

Михаил КОЛЬЦОВ

-
- *Михаил Кольцов* — известный журналист и писатель-публицист, погибший в период репрессий.

7 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Моими соседями по вагону были две совбарышни, очень веселые и довольные тем, что впервые едут в Крым (впрочем, только на 14 дней, включая дорогу), и мечтающие продлить свой отпуск хотя бы еще на два дня; и почтенный бухгалтерообразный человек — все соседи, таким образом, приятные. Кроме того, на боковых местах ехали две какие-то более мрачные личности. В вагоне купе нет, но чисто и чистые уборные (большое облегчение после киевского мягкого вагона). Хороший вагон-ресторан, где я ужинал вчера вместе с неким двадцатилетним ударником, премированным месячной путев-

кой в дом отдыха. Он очень славный, но, очевидно, страдает сильным малокровием, поэтому я его подкармливал сегодня утром маслом к хлебу с чаем.

П.С. Александров на отдыхе

Вчера прибыл сюда; организация транспорта теперь такая: на грузовом автомобиле доставляют из Севастополя в Балаклаву, оттуда яликом в Бати-Лиман. Меня и пианиста Л. Оборина привезли из Севастополя прямо в Бати-Лиман на легковом автомобиле. Так что, в 11 ч. утра я уже был на месте, а в промежуток времени от 11 ч. до 1 ч. (т.е. до обеда) уже успел вымыться под душем с мылом, получить комнату, перепра-

вить туда вещи и выкупаться в море. Как видишь, большой прогресс сравнительно с прошлым годом! Но не всегда прибытие в Бати-Лиман протекает столь гладко: Л.С. Понтрягин, приехавший на день раньше меня, восемь часов сидел в Балаклаве в ожидании ялика и прибыл сюда только вечером, утомленный и, естественно, злой.

Теперь об имеющихся здесь персонах и лицах. Персон, прежде всего, вообще нет никаких — нет, например, ни одного академика.

А лица — следующие. Обороина я уже упомянул. Я с ним познакомился еще в поезде, в вагоне-ресторане. Он произвел на меня очень славное впечатление простого и естественного молодого человека, не важничающего и не разыгрывающего из себя знаменитость, каковой все-таки несомненно, является — во всесоюзном масштабе, а мог бы и в более широком... Но: заграничная командировка, предполагавшаяся для него весной, к сожалению, отложена на зиму, и он не имеет большой уверенности в том, что она не будет отложена на следующую весну. Причины откладывания ему неизвестны. Пока же положение все-таки такое, что музыкант такого, все же исключительного масштаба, музыки слышал меньше, чем я! В Консерватории он состоит доцентом и должен быть там точно 1-го сентября для участия в приемных экзаменах. Вот бы предложить такое нашему Александру Осиповичу!

Дальнейшие лица суть: на первом месте, несомненно, Вл. Вас. Голубев, приехавший с супругой, дочкой, сыном (молодым инженером) и, в соответствии с этим, занимающий домик, отданный в прошлом году Н.Н. Семенову.

Мне (как видишь, я себя поместил в общем списке лиц) предоставлена комната в нашей прошлогодней даче № 10, конгруэнтная нашей прошлогодней комнате, но расположенная по другую сторону от общей комнаты. Комнатой я вполне удовлетворен, и обставлена она вполне достаточно: стол, ночной столик (тумбочка), шкаф с отделениями для белья и еще двумя ящиками. Вообще, разместиться вдвоем можно.

Продолжаю. Еще имеются: физик Рабинович и еще какой-то химик, итого, 4 члена-корреспондента. Далее, С.С. Бюшгенс с чрезвычайно обширной супругой и фурункулом на лбу. И, наконец, Л.С. Понтрягин с мамашей. Бюшгенсы и Понтрягины живут в даче № 8, по-моему, не имеющей преимуществ, сравнительно с нашей № 10, кроме своего расположения: комнаты там темные, вид гораздо хуже. Но таксируется она гораздо выше, и получить там отдельную комнату невозможно. Аким Андреевич (директор) был любезен в стиле пролетарской простоты, пробовал беседовать “на ты” (очевидно, стиль, введенный И.М. Виноградовым, но в данном случае, лишенный “материальной базы” в виде совместных выпивок). Справлялся о тебе и будет рад приветствовать тебя в сентябре.

Нужно только точно и заблаговременно сообщить день твоего приезда и указать, каким поездом, чтобы тебе не ехать сюда так, как пришлось бедному Льву Семеновичу.

Погода здесь была — жара невероятная, на которую все, по глупости, жаловались. Море было вчера 24°, такое теплое, как ни разу не было в прошлом году. Вчера вечером подул сильный ветер, и было даже слабое подобие грозы. Ветер был и ночью, а сегодня утром были облака и несколько минут дождь. Но к обеду все разъяснилось, и опять совершенно чистое небо.

Хорошо здесь все же необыкновенно. Уж не знаю, оттого ли, что я давно не видал Средиземного моря, но здешнее море кажется мне несколько не менее синим. Я испытываю от моря наслаждение чрезвычайное и очень хочу, чтобы ты скорее приехал и увидел, как оно прекрасно. И удовольствие от купанья получается не только само по себе, но еще от прозрачности и красоты самой воды.

Вообще, очень хорошо.

Море и наполняет сейчас меня всего. Впрочем, с удовольствием начал заниматься, а именно, прочел сегодня с начала до конца статью F.K. Schmidt'a "Über die Dichte metrischer Räume" — не очень глубокая, но своеобразная и интересная чистая теория множеств, вроде исследований моих по теории бикомпактных пространств. В связи с ней возникают некоторые вопросы, подходящие для нашего с Курошем тополого-алгебраического семинара. В ближайшие дни закончу все, касающееся книги, а дальше буду читать и, может быть, и размышлять. О чем именно — об этом ты можешь справиться по плану вверенного тебе Института.

Приезжай скорее.

-
- Александр Осипович — А.О. Гельфонд.
 - Хрусталеv Аким Андреевич — директор санатория КСУ в Бати-Лимане.
 - Институт — НИИ математики и механики Московского университета, директором которого 22 декабря 1933 г. был назначен А.Н. Колмогоров.
 - Книга — см. Примечание к письму от 17 мая 1931 г.

10 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

*Погода все-таки несколько испортилась. С раннего утра бывает солнышко, но недолго — часов с 8—9 устанавливается режим *beau passage* (переменная облачность — фр.), который длится только до 1 часу. После обеда, без исключения, каждый день бывает солнце, часов до 5, потом облака, а поздно вечером — опять ясно — *Mitternachtsonne* (полночное солнце — нем.). Но — нет худа без добра — вследствие такого своеобразия погоды я каждый день с утра (с 6 час.) до завтрака и от завтрака до обеда (от 9 до 12) занимаюсь и сегодня, слава Богу, закончил всё, относящееся к писанию книги. Сегодня после чаю (до ужина) и завтра утром я надеюсь написать сопроводительное письмо Норфу и завтра же всё отправить. При чем отправлю я всё по твоему адресу, в Москву, и буду тебя очень просить сейчас же всё послать Норфу.*

П.С. Александров, Л. Брауэр, П.С. Урысон

Кроме работы над книгой, немножко читаю разные взятые с собой оттиски и беседую с Л.С. ПонTRYгиным на разные темы. Между прочим, предполагается, как я тебе уже говорил, один выпуск “Матем. сборника” посвятить памяти П.С. Урысона (по поводу исполняющейся 17 августа десятой годовщины его смерти). Было бы очень желательно, если бы ты для этого выпуска дал статью. По мысли Льва Семеновича, было бы особенно хорошо, если бы этой

статьей была твоя работа о топологическом обосновании геометрии; ее, и вообще, важно было бы, наконец, опубликовать. Или — твоя последняя топологическая работа (которая докладывалась на конференции).

Третьего дня приехал Канторович, так что число математиков стало еще больше. Аким Андреевич говорил, что на сентябрь, может быть, придет Иван Матвеевич. Если бы приехал еще и Кулишер, то вы бы могли устроить здесь целую математическую директорию и управлять отсюда математиками всего Союза.

Тут, кроме Оборина, есть еще несколько штук артистов Камерного театра, из них двое с недурными голосами. Третьего дня вечером они давали концерт. Оборин довольно много играл хорошие, хотя и легкие, вещи (Глюка, песни Шуберта, балладу Шопена). Потом пели (кое-что хорошо) и “кривлялись”. Влад. Вас. Голубев очень веселился. Вообще, он известное изящество своей психики и всех ее проявлений (что я всегда знал за ним) соединяет с исключительной жизнерадостностью (ранее мне, в таком ее расцвете, не известной). Вчера Голубевы большой компанией ездили в Форос, где их (в отличие от нашей прошлогодней поездки) кормили хорошим ужином. Я уж не поехал.

Зато вчера был в “Гусьем Раю”. Там все по-прежнему и очень хорошо, ничего не обвалилось и все на прежнем месте. Когда будет солнечная погода, в первую половину дня (а я надеюсь, что это скоро будет) я буду ходить в “Гусье-Песий Рай” каждый день с утра.

Теперь начинаются всякие мои просьбы.

1) Привези бумаги; я взял очень мало с собою, и едва хватит до 1 сентября.

2) Привези также почтовой бумаги, здесь — отвратительная.

3) Самое главное. Одновременно с этим письмом отправляю тебе рукописи, которые немедленно отправь Норфу.

Они состоят из трех частей:

а) Введение (стр. 1-41, кроме того, стр. 12', 14', 15', 15'', 17', 19' — так что, всего 47 страниц. Когда будешь отправлять, провь общее число страниц — 47!).

в) *Anderungen im Kap. I* — две страницы + обложка.

с) *Retrakt-Satz* — три страницы.

Кроме того, письмо Норфу в конверте с маркой. Это письмо запе-

чатай и отправь одновременно с рукописями. Рукописи же отправь заказной бандеролью. Конверты для этого есть в книжном шкафу в моей московской комнате, слева, на нижней полке. Только боюсь, что остались одни громадные конверты, мало удобные.

Все это пошли в почтовом отделении на Главном телеграфе (на Тверской, угол Газетного), в окне № 9, где не бывает никаких очередей, воздушной почтой. Иногда (впрочем, редко) им приходится в голову спрашивать разрешение на посылку рукописей. Обычно бывало достаточно указания, что это — моя работа и что я их постоянно отправляю. В крайнем случае, возьми бумажку от Института.

Пожалуйста, напиши ЧЕТКО адрес Hopf'a:

Herrn Prof. Dr. Hopf,
Zürich 7, Schösslistr., 2
Schweiz.

Это, кажется, всё, касающееся этой просьбы.

4) Четвертая просьба: подай, на всякий случай, в КСУ заявление мое о продлении моей путевки. Можно, конечно, и без этого, но мне не хочется, чтобы это было одолжением со стороны Акима Андреевича, поэтому я предпочел бы официальный путь. Очень рекомендую твоему вниманию КСУ'ью барышню, тов. Ромм, действительно, очень любезную. Она в одну минуту идет сама и все устраивает. Она знает нас обоих. Советую тебе обращаться к ней по всем поводам. Плату за путевку придется тогда тебе внести в КСУ, но зато, ты можешь, соответственно, меньше брать денег сюда, так как этот расход (380 руб.) у меня предусмотрен. Имей в виду: хлебную карточку сдавать не надо — теперь это отменено. Мне говорил это еще мой брат М.С. до моего отъезда, поэтому я своей карточки тоже не сдавал.

5) Я на Клязьме будто бы забыл статью Birkhoff'a (маленькую) из "Bull. de la Société Mathématique de France", кажется, за 1912 год. Она может быть или на месте (в топологических оттисках), или у тебя в комнате, или у меня в комнате (может быть, в шкафу на нижних полках или на полках около печки), или на стеклянном балконе. Привези мне ее, пожалуйста.

6) Я испытываю здесь определенный недостаток в сладком. Поэтому было бы очень хорошо, если бы ты мог послать небольшую посылку — персидской халвы или что-либо подобное, по твоему

выбору. Всякой белковой пищи, по моим потребностям, здесь более чем достаточно, а вот сладкого мне мало.

7) За *Bedienung* (обслуживание — нем.) сейчас ничего платить дополнительно не нужно. А вот, когда будешь уезжать, дай рублей 15.

8) Не забудь сейчас же обменять торгсинные боны. Они оставлены были у меня в моем московском столе, в среднем ящике, в лягушке.

Ну, вот, дела, кажется, все.

Да, пожалуйста, позвони по телефону 5-52-63 Вадиму Арсеньевичу Ефремовичу и скажи ему, что я в сентябре прошу его начать за меня вторую часть аналитической геометрии по программе, которую я ему сообщил еще месяц тому назад в открытке из Брянска (и которую можно, кроме того, найти в деканате). Кроме того, я прошу его в течение сентября быть моим официальным заместителем по кафедре, т.е. время от времени заходить в деканат и спрашивать, нет ли каких распоряжений начальства. Я бы все это и сам мог бы ему написать, но я не знаю, вернулся ли он в Москву. Если не вернулся, то позвони Михаилу Александровичу Крейнсу (телефон есть в книжке, звонить ему надо вечером) и узнай у него, когда же Ефремович, наконец, вернется.

Сейчас уже вечереет, и солнце скоро зайдет. День выстоял великолепный, не было весь день ни одного облачка, солнышко пекло, но, в то же время, был все время легкий ветерок, так что, такой томительной, “стоячей” жары, какая бывает иногда, не было совсем. Я очень много плавал сегодня — от “туристического” пляжа почти до самого “мужского” пляжа и потом назад, без остановки. Вода теплая и очень приятная, с чуть-чуть колышущимися, длинными волнами. Несколько дней тому назад было множество медуз, целые стада, плававшие не на поверхности, а на такой глубине, что приходилось ежеминутно окунаться и выбирать под водой места, где их не очень много. Они были голубые и розовые, очень красивые.

Сегодня я просматривал мемуар Van Dantzig’a о соленоидах. Прекрасный мемуар, который надо рекомендовать участникам всевозможных семинаров, так как все трактуется с большой широтой математической перспективы и вся композиция — мастерская. Он очень полезен, как раз, для начинающих математиков.

От тебя до сих пор еще нет никакого письма. Ты должен мне скорее написать, что ты делаешь на Клязьме и в Москве, плавал ли уже на маленьком Гусике и как ты нами управляешь.

Теперь со дня на день жду твоих писем.

-
- *Работа о топологическом обосновании геометрии* — в 1932 г. в журнале “*Annals of Mathematics*” (v. 33, p. 175–176) была опубликована краткая заметка А.Н. Колмогорова “*К обоснованию проективной геометрии*”, в которой А.Н. дал, исходя из результатов Л.С. Понтрягина в топологической алгебре, тополого-алгебраическую аксиоматику проективной геометрии. Видимо, здесь П.С. говорит о написании и публикации более развернутого варианта этой работы.
 - *Последняя топологическая работа (которая докладывалась на конференции)* — здесь речь идет о конференции по тензорному анализу (Москва, май 1934; участвовали А. Картан, В. Бляшке, Я. Схоутен). Результаты, доложенные на ней А.Н. Колмогоровым, вошли в его работу “*Über die Dualität im Aufbau der kombinatorischen Topologie*” // Матем. сб. — 1936, т. 1, с. 97–102. Русск. перевод (О.В. Локуцкий): *О законах двойственности в комбинаторной топологии* в кн.: Колмогоров А.Н. *Избр. труды. Математика и механика*. М.: Наука, 1985, с. 190–197.
 - *Рукопись, которую нужно отправить Х. Хопфу* — речь идет о рукописи монографии: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. I, Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.
 - *Урысон Павел Самуилович* — 17 августа 1924 г. утонул во Франции, в местечке Batz во время купания в шторм, на глазах у П.С. Александрова; похоронен там же.
 - *Аким Андреевич* — А.А. Хрусталеv.
 - *Иван Матвеевич* — И.М. Виноградов.
 - *КСУ* — Комитет Содействия Ученым — организация, занимавшаяся в то время бытовыми и медицинскими проблемами ученых Академии Наук и Университета в ранге академиков и членов-корреспондентов.
 - *Математическая директория* — здесь Павел Сергеевич остроумно подмечает, что в октябре в Бати-Лимане соберутся сразу три директора: И.М. Виноградов, директор Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР, А.Р. Кулишер, директор Ленинградского Отделения Математического института АН СССР и А.Н. Колмогоров, бывший тогда директором Института математики и механики Московского университета (“*Как ты нами управляешь*” — как раз, об этом).
 - *Камерный театр* — Московский камерный театр основан в 1914 г. А.Я. Таировым. В 1920 г. стал академическим, в 1950 г. был закрыт; часть труппы вошла в *Театр им. А.С. Пушкина*, и сейчас помещающийся в здании б. Камерного театра на Тверском бульваре.

15 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Получил твое письмо от 10 августа, а сам тебе пишу уже четвертое письмо из Бати-Лимана. Меня удивляет, что ты 10-го еще не получил ни одного моего письма отсюда, тогда как я имею ответ от 9-го числа на письма, отправленные в Москву и на Клязьму одновременно с письмом к тебе.

На твой вопрос, как теперь добираются до Бати-Лимана, ответ определен: персоны добираются на директорском автомобиле прямо из Севастополя за полтора часа, а все остальные смертные — через Балаклаву. Но усовершенствование есть даже и в этом, втором, случае, так как от Севастопольского вокзала везут на грузовике прямо в Балаклаву, так что великолепный севастопольский трамвай bleibt erspart (остается невостребованным — нем.). Я надеюсь, что ты будешь причислен к лику персон и доставлен на автомобиле (вы же с Акимом Андреевичем оба — директора!), но для этого необходимо заранее знать точный день твоего прибытия и поезд: когда я приезжал, то так и было передано распоряжение Акима Андреевича: “Приехавшие с поездом № 9 едут на автомобиле, остальные — через Балаклаву”!

Здесь, сравнительно с прошлым годом, самое существенное изменение заключается в чрезвычайном сокращении медицинского надзора. Собственно, даже никакого медицинского надзора не имеется. Имеется всего только один врач (некий Гальперин, невропатолог), который вначале устраивает чисто формальный опрос, не жалуется ли данное лицо на что-либо. Этим все и ограничивается. Покупают все, сколько им вздумается, и вообще, делают то, что им нравится. Зато имеется зубной врач, по отзывам, хороший. Кроме того, имеется сестра, которая называется не Мария Марковна (как она называлась в прошлом году), а Софья Наумовна (могла бы, конечно, называться и Мария Наумовна или Софья Марковна).

Я тебя просил в предыдущем письме послать сладкого. Если ты уже послал, — хорошо, не пропадет! Если же не послал, то можешь и не посылать, так как появился вкусный виноград и сливы. Усовершенствования: ларек, где все это бывает, помещается здесь же, в здании столовой, так же, как и парикмахер, к которому почти никогда не бывает очереди. Но сливы, лучшие, чем бывают в ларьке, приносят мальчишки из Хаиту, правда, на дачу Вл. Вас. Голубева (а к нам, на 10-ю, не хотят, бесстыдники!).

С “Гусье-Песьим Раем” сообщаюсь только морем. Море тихое и теплое, гораздо теплее, чем было в прошлом году. И вообще, очень хорошо, так что, скорее приезжай.

Сегодня приехал Д. Цыганов, будет играть с Обориным.

*В мероприятиях доктора Казанского меня удивляет только, что он одновременно назначил хинин и слабительное. Я привык к тому, что сначала нужно радикально прочистить желудок (*Sal tivabilis Glauberi*, а в просторечии, *Natrium sulfuricum* = Na_2SO_4), а только после этого, если температура держится, можно уж хинин. Жаропонижающие никогда не назначают сначала, чтобы не путать диагноз.*

Только что вылез из моря, оно все полно медузами, но я научился плавать между ними, не задевая их, и очень люблю их пугать — нырнуть и поднять около них суматоху. Тогда они опускаются глубже. Кроме того, здесь несколько раз совсем близко от берега проплывали дельфины.

Сегодня утром был в “Гусье-Песьем Раю”. Пляж за ним перестал существовать — он весь закидан крупными камнями — очевидно, произошел обвал весной. Но между камнями есть все-таки маленькие песчаные пространства. Вот еще не знаю, цел ли тот лаз, который мы называли “Гусий страх”, — завтра посмотрю. Я первый раз за все время купался сегодня только один раз. Море, бывшее все время очень теплым, сегодня холодное (что, впрочем, как ты знаешь, не означает, что оно завтра не будет вновь теплым).

-
- Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.
 - В мероприятиях доктора Казанского — это ответ на письмо А.Н. Колмогорова от 6 августа 1934 г., сообщающее о болезни матери П.С. Александрова и лечении, назначенном д-ром Казанским.

19 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Письмо это тебе привезет Владимир Васильевич Голубев, который или передаст его тебе лично, или опустит в Москве в ящик. А от тебя я за все время имею только два письма. Впрочем, сегодня должна быть почта...

Сегодня же я окончил всё, касающееся книги, что должен был сделать до сдачи рукописи в печать. Так что, остаток времени буду уже заниматься не в качестве каторжного, а в качестве, уж, какого ни на есть, математика. Впрочем, я даже эти дни немножко читал и немножко, совершенно предварительно, размышлял и наметил себе темы для размышлений на ближайшее время.

Сейчас пишу тебе внизу, в гостиной (это помещение приведено в порядок, в нем даже имеется восемь колонн, впрочем, вполне скромных и приятных). В этой гостиной наши музыканты — Оборин, Цыганов и жена = аккомпаниаторша последнего Инна Коллегорская — проигрывают свои вещи к завтрашнему концерту. Жаль, что всей этой, действительно очень хорошей музыки уже не будет в сентябре, когда ты приедешь и когда, при более длинных вечерах, музыку было бы особенно приятно слушать...

Сейчас пришла почта и с ней твое письмо от 13-го (почтовые итемпели: “Клязьма-16.VIII”, “Байдари-19.VIII”). Таким образом, за все время я получил три твоих письма. Я абсолютно не понимаю, как это случилось, что ни одно из моих Бати-Лиманских писем не дошло до тебя до 11-го числа. Я тебе писал первое письмо в день своего приезда, т.е. 6-го, и на одновременно посланные письма уже давным-давно имею ответы. Я боюсь, не затерялись ли письма у нас на квартире, поговори об этом с Линой Самойловной.

Одновременно с твоим письмом получил открытку от Ефремовича. Он мне пишет, что вы отправляетесь 17-го на озеро Селигер до 23-го (а ты мне почему-то об этом не пишешь).

Вероятно, во время твоего отсутствия придет большой заказной пакет, посланный мною на твое имя 15-го, содержащий разные рукописи, подлежащие отправить Норф’у и письмо ему. Все это чрезвычайно срочно (ведь 5-го сентября — срок отправки всей нашей книги Springer’у. Между тем, то, что я посылаю Норф’у, еще должно быть им прочитано и отдано для перепечатки машинистке). Поэтому отправь все это со всею возможною незамедлительностью (воздушной почтой, дающей иногда поразительный эффект).

Адрес Hopf'a:

Herrn Prof. Dr. H. Hopf,
Zürich, 7
Schlösslistr., 2.

Обо всем этом, а также и обо всем остальном скорее пиши.

Чтобы покончить с делами: не забудь перечитать за несколько дней перед отъездом всякие просьбы, содержащиеся в моих письмах.

Теперь еще вот что. Владимир Васильевич Голубев (его телефон: Всехсвятское, 7) передаст тебе 200 руб. (которые я ему одолжил в дорогу). Таким образом, за мою путевку на сентябрь тебе придется доплатить только около 200 руб.

Я здесь читаю: 1) “Смерть Вазир-Мухтара” (т.е. А.С. Грибоедова) Тынянова и 2) “Капитальный ремонт” — сочинение г-на Леонида Соболева (о флоте нашем). Оба произведения интересные, хотя во втором, к сожалению, “одевают” калоши. Первое же заслуживает серьезного внимания, хотя бы своей насыщенностью подлинной *histoire des mœurs* (история нравов — фр.) той эпохи. Но, к сожалению, автор желает быть не только хорошим историком-мемуаристом, но и философом à la Мережковский (только на более современный лад), а из последнего решительно ничего не хочет выходить. Домашний же быт Ивана Забелина, к сожалению, оказался все-таки довольно скучным и уж очень дотошным. Все, что было в нем интересного (главным образом, описание разных праздников), я прочитал в дороге и сейчас уж больше не читаю.

Ну, будь здоров и приезжай скорее!

P.S. Селевцева я плохо помню; но перед самым моим отъездом в Крым приходил ко мне один хороший студент и говорил, что он очень многому от Селевцева научился, что Селевцев — очень способный математик, просил меня дать отзыв. Я сказал, что отзыв дать не могу, но что лично поддерживаю кандидатуру, обративши на нее внимание руководства, что я и делаю.

-
- Книга — см. Примечание к письму от 17 мая 1931 г.
 - Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.
 - Нейман Лина Самойловна — сестра П.С. Урысона. В ее квартире в Старопименовском пер. в Москве жили в эти годы П.С. Александров и А.Н. Колмогоров.
 - Забелин Иван Егорович — речь идет о труде этого автора “Документы по истории быта русского народа 16—18 веков”.
 - О Селевцеве — П.С. отвечает на вопрос о нем А.Н. Колмогорова в письме от 13 августа 1934 г.

25 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Вчера состоялась автомобильная прогулка: Аким Андреевич с детьми и зубная врачиха с сыном ездили в Гаспру. Так что, видишь, какое здесь благорастворение!

Несмотря на сокращение числа отдыхающих с 200 (в прошлом году) до 75 в настоящем (а фактически, сейчас имеются 50!), штаты дома отдыха, кажется, не сократились нисколько (кроме, быть может, медицинских, хотя и то — вместо Зинаиды Владимировны мы имеем зубную врачиху с сыном).

11-я, 12-я, 13-я дачи сплошь заняты персоналом; 4-я занята врачом и зубным врачом (они, кажется, родственники); в 5-й, как и в прошлом году, канцелярия и медицинский кабинет. Собственно отдыхающие помещаются в 1-й (где Семенов жил в прошлом, а Голубев — в нынешнем году), 8-й и 9-й; в 10-й живу я один, как ты знаешь, и две маленькие комнаты заняты делопроизводительницами. Шестой и седьмой дач, по-моему, вообще не существует, во всяком случае, о них никогда не упоминается. Вероятно, одна из них — столовая, а другая — около прачечной (тоже занята персоналом).

Посмотрим, что будет в сентябре. Кормят здесь очень хорошо и вкусно, хотя никаких деликатесов в нынешнем году нет). Появились превосходные фрукты: виноград, сегодня — груши.

В продолжение описания Бати-Лиманского устройства сообщаю, что дача № 7 — это, действительно, столовая, а № 6 — квартира директора. Насколько быстро улучшается быт трудящихся, видно из того, что в той комнате в 10-й даче, что в прошлом году жил, как никак, главный врач, в нынешнем живет какая-то захудалая секретарша (из самых скромных). Но самая разительная статистика следующая: на сегодняшний день общее число лиц, приписанных к санаторию “Бати-Лиман” (т.е. проживающих в нем и снабжающихся им) есть

161 человек,

из них отдыхающих 50 (включая, конечно, членов семейств), а служащих и рабочих санатория (и членов их семейств) — 111.

Со дня отъезда Вл. Вас. Голубева (20 августа) и по сегодняшний день, включительно, не было не только ни одного дождя, но даже ни единого облачка на небе. Так что, в отношении погоды, я блаженствую. Закат сегодня (сейчас) прекрасный, так что можно и завтра

ждать хорошую погоду. Все последние дни — прекрасные лунные вечера. Вообще, очень хорошо. В такую погоду переходить с нашей 10-й дачи нисколько не привлекательно — здесь, внизу, гораздо хуже воздух, мухи... Понтрягин утверждает, что у них, в 8-й даче, клопы. Но если в сентябре пойдут дожди, тогда путешествовать на 10-ю дачу будет неприятно. Но все это, пока у меня нет путевки на сентябрь, теоретический разговор, так как без путевки я всецело нахожусь на милостивом усмотрении милейшего Акима Андреевича. Если же ты мне пришьешь путевку, то можно будет с ним вести разговор более серьезный.

Я довольно много прочитал здесь всяких оттисков, старых и новых, обдумал контуры нашего совместного с Курошем тополого-алгебраического семинара, прочитал великолепный учебник по теории матриц Schreier-Sperner'a — его необходимо, как можно скорее, переводить. Довольно много размышляю, но, к сожалению, в больших проблемах толкусь на одном месте, а получают только мелочи. Кроме того, мы с Львом Семеновичем обдумываем построение теоретико-множественной теории многообразий. Определение, данное мною на основе локальных свойств, воспринимается, как вполне окончательное, проблемы — чрезвычайно увлекательные, но не хватает каких-то существенно новых конструкций и методов. Но все известно, как должна выглядеть теория.

Условие у меня сейчас для работы — идеальное: не только море и солнце, а вполне удовлетворяющий меня берег, но край того еще и музыка. Притом даже Оберин и Ципианов играют мне (мне — 7-к. они релаксировали, и никого кроме меня не было) эту самую с-мол-ную сонату Трипа, под которую я в свои вечера (19 лет тому назад) придумывал теорию о интуиции В-многомерности. И желаний дашматис у меня сейчас еще, так что если мало что входит, то это уж от совершенной интуиции.

Сейчас будет ужин, а после — последний Оборинский концерт. Послезавтра он уезжает в Москву. Цыганов со своей супругой Колле-

горской остается до 5 сентября. Ты уж никого не застанешь. Но застанешь, надеюсь, хороший виноград — сейчас все время очень хороший (в отличие от прошлого года).

Сегодня я в первый раз ходил в “Гусий Рай” посуху и с пляжа плавал в самый “Гусий Рай”. Были большие, высокие волны, купанье было необыкновенно приятное.

Между прочим, привези мне то, что ты мне писал по теории меры (проблемы). Соответствующий лист (или два листа) должны находиться в левом верхнем ящике моего Кляземского письменного стола.

Еще привези оттиск твоей работы из “Math. Annalen” по теории меры и отпечатанный на машинке экземпляр маленькой работы Noebeling’a (несколько страниц) — в топологических оттисках, на месте. Заметка озаглавлена: “Über einen Satz von Herrn Alexandroff”. Может быть, в моих теперешних размышлениях содержится некоторый сырой материал для размышлений над твоими проблемами.

Приезжай скорее, очень жду подробного описания Селигерского плавания.

P.S. Скажи моим студентам Полаку, Пархоменко и Проскурякову, чтобы они мне подробно написали, что они делали летом и что делают сейчас.

P.P.S. Большая просьба. Выяснить перед отъездом досконально, прописана ли мама в моих университетских комнатах, а также, уплачена ли квартирная плата.

С моим братом Сергеем выясни вопрос о дровах. Дело в том, что в августе или в сентябре надо получить ордер на дрова в жилищном отделе университета. Об этом я писал своему брату, но ответа еще не получил. Оставь ему деньги на это — боюсь, понадобится рублей сто, не меньше — их можно взять у меня из жалования, а на ремонт денег можно пока не давать — я писал Мише, что деньги на это у меня будут лишь к 15 сентября.

-
- Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.
 - Зин. Влад. — Зинаида Владимировна Гурвиц.
 - Учебник Schreier–Sperner’a — имеется в виду книга Отто Шрайера (немецкий математик 1901–1929) и Эмануэля Шпернера (немецкий математик 1905–1980): *Vorlesungen über Matrizen*. — Leipzig–Berlin: Teubner, 1932; переведена на русский язык: Шрейдер О., Шпернер Е. *Теория матриц*. — М.–Л.: ОНТИ, 1936.
 - Сергей, Миша — С.С. Александров и М.С. Александров.
 - Работа из “Math. Annalen” — речь, скорее всего, идет о работе А.Н. Колмогорова “Beiträge zur Maßtheorie” // Math. Ann. — 1933, Bd. 107, S. 351–366.

29 августа 1934 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Скоро ты и сам уже приедешь. Я уже с 5-го сентября буду сидеть на мысе Сарыч, чтобы гусь, по ошибке, не пролетел мимо, прямо в Африку.

Между прочим, я где-то читал, что птицы все-таки очень глупы, так что если их переселить из Лапландии в Патагонию, то они все равно полетят в тропические страны в ноябре (а вовсе не в мае, как следовало бы). Потом я тут еще читал довольно глупую повесть Новикова-Прибоя о некоем католическом священнике, которого в пьяном виде законтрактировали в матросы. В этой повести даже нет никакой идеологии, так как этот священник (еще совсем молоденький) представлен в очень привлекательном виде, и офицеры корабля, особенно старший штурман, также вызывают все симпатии читателя. Но капитан этого корабля каждый день ел гусей, и их было поставлено в клетках видимо-невидимо. И такие они были бедные, что не только священнику, но и юноше-поваренку их было очень жалко, и в самый острый момент, перед гибелью корабля, поваренок находит время, чтобы разбить эти клетки и выпустить, сколько их еще осталось, на волю. Во всей повести мне больше всего понравилось, как эти гуси улетают. (Но поваренка, бедного, очень жалко, так как он, спустя некоторое время, погибает от жажды.)

У нас тут приехала ревизирующая комиссия КСУ, и все поспешно приводилось в порядок: чистились помойные ямы, белились стены, и т.д. Наш Аким Андреевич поехал в Севастополь и привез нам Героя Советского Союза летчика Доронина, который и будет гостить у нас несколько дней (проживая на квартире самого А.А.), так что ревизирующая комиссия встретит здесь столь знатного гостя. По этому поводу вчера вечером был устроен некий род банкета, на котором присутствовали наиболее знатные отдыхающие (подобранные в точности по тому принципу, чтобы у них была или седина, или лысина, или, в крайнем случае, борода, чтобы они могли сойти хоть за какое-нибудь подобие академиков, которые в этот сезон у нас не уродились совсем — вероятно, к чрезвычайному огорчению администрации).

Стиль вечера может быть охарактеризован словами, что наш директор “пировал с героем”. Из вин был, действительно, очень хороший мускат. Кроме того, были горы великолепного винограда, который я и уплетал. В выборе гостей А.А., конечно, в общем, правильно

подошел к вопросу (по части лысин и проч.), но, однако же, допустил ошибку, не учтя необходимость привлечения (в должном проценте) и представителей нашей смены. А эта, последняя, вовсе не была представлена, и даже Канторович и Понтрягин не попали в число избранных. На Понтрягина, впрочем, дирекция, вероятно, особенно зла, так как он, как раз сейчас, в самый не подходящий для этого момент, написал в “книгу впечатлений”, что нашел где-то клопа. И главное, записал это непосредственно после “впечатления” какой-то отдыхающей, столь восторженного, что даже было изложено в стихах.

Со мною рядом сидел почтенный и благообразной наружности сухопарый пожилой человек (ему оказалось 62 года) с красивыми чертами, к сожалению, плохо бритого лица. Он отрекомендовался, но как-то не вполне отчетливо, помощником начальника Севастопольского порта. Но потом как-то выяснилось, что помощником начальника он был не столько Севастопольского, сколько Балаклавского порта, и то, собственно, отчасти, так как, кажется, функции его ограничивались, главным образом, организацией яличного движения из Балаклавы в Бати-Лиман и совхоз Ласпи. А в Севастополь он переведен только два месяца тому назад на какие-то еще мелкие репрезентативные функции. Но он много плавал по морям, а к концу ужина даже оказалось, что он в 1912 году был специально отправлен в Новую Зеландию для организации спасения экспедиции Скотта, а в 1927 году был “командирован к Северному полюсу” для спасения Нобиле. Но А.А., президировавший в качестве гостеприимного хозяина этот вечер, почему-то упорно не давал слова моему соседу, желавшему произнести речь. Гостями, кроме Доронина, были еще руководители советских, партийных и профессиональных организаций Балаклавы, директор какого-то винного совхоза и другие лица.

Вторая часть вечера происходила под не всегда стройное хоровое пение, причем А.А., подобно французскому послу, подпевал “Партизанские отряды”.

Начальство, приехавшее ревизовать Акима Андреевича, есть сам доктор Гольдпфейль, заведующий санаторно-курортным отделом КСУ, так что, целая персона. И зовут его не Лейба Гиршевич (как бы следовало) и даже не Лев Григорьевич (как можно было бы ожидать), а Леонид Густавович! Он не только ревизует администрацию, но и беседует с отдыхающими, в том числе, два раза беседовал и со мною. Очень был любезен, но я его умышленно не спрашивал, продлена ли моя путевка на сентябрь, так как, если бы оказалось, что КСУ ее не продлило (и это выяснилось бы сейчас), то и Акиму Андреевичу было бы неудобно простирать на меня свои милости.

Аким Андреевич желает предоставить нам две комнаты в 10-й даче. Если же будет плохая погода, то согласен перевести нас в одну комнату на 8-й даче. Выясним все окончательно, когда ты приедешь. Лев Семенович уезжает 11-го, так что, его комнату (с клопами), но, в остальном, очень хорошую, мы еще успеем получить и после твоего приезда.

Перечитал в моих предыдущих письмах содержащиеся в них просьбы. Посылаю еще текст письма, которое ты должен отправить Courant'у:

Lieber Herr Courant!

Ihr Brief vom ... erreichte mich auf langen Umwegen, denn ich machte den ganzen Juli eine Bootschafft mit Alexandroff und Ihr Brief wurde mir unvorsichtigerweise nachgeschickt. Ich danke Ihnen sehr für Ihr ehrenvolles Angebot, gemeinsam mit Khintchin, ein Buch über Wahrscheinlichkeitsrechnung für Ihre Sammlung zu schreiben. Für meinen Teil nehme ich Ihr Angebot mit Freude an. Den Plan des ganzen Unternehmens muss ich natürlich noch mit Khintchin besprechen, und dies kann erst im Oktober geschehen, denn den ganzen September bin ich an der Krim. Sobald ich mit Khintchin alles besprochen habe, schreibe ich Ihnen einen ausführlichen Brief.

*Mit nochmaligem Dank und den herzlichen Grüßen,
auch an Ihre Familie,
Ihr.....*

(Перевод:)

Дорогой г-н Курант!

Ваше письмо от ... застало меня по дороге из лодочного путешествия, в котором я находился вместе с г-ном Александровым в течение всего июля, и это Ваше письмо по этой непредвиденной причине было переслано мне вслед. Я Вам очень признателен за Ваше лестное предложение написать для Вашей серии совместно с Хинчиным книгу по теории вероятностей. Что касается меня, то я Ваше предложение принимаю с радостью, и реально это может состояться в октябре-месяце, поскольку весь сентябрь я собираюсь пробыть в Крыму. Как только я оговорю с Хинчиным все вопросы, я тут же напишу Вам подробное письмо.

Еще раз искренне благодарю Вас.

С сердечным приветом Вам и Вашей семье,
Ваш

Среди отдыхающих здесь есть один харьковский лингвист, Болюховский, очень приятный. Мы с ним беседовали на темы, связанные с правильным русским языком. Он производит впечатление очень знающего и культурного человека (специалист по русскому

языку, до последнего времени занимал кафедру в Харьковском университете). К моему удовольствию, он сообщил мне, что точка зрения, что в лингвистике не должно быть нормативного элемента, уже несколько времени, как признана вредным уклоном (естественно, левым), и сейчас установление правильного русского языка (как с точки зрения произношения, так и синтаксиса и т.п.) признано весьма актуальной задачей. Так что, мы хотим быть не хуже Académie Française, и я, естественно, очень приветствую это.

Только что пришли два твоих письма и телеграмма КСУ о продлении путевки.

Фотография твоя и Kaehler'a, присланная Blaschke, очень интересна. Но только твои закрытые глаза придают ей особый и грустный характер. Но, в общем, — один из самых интересных твоих снимков.

С письмом Hostinsk'ого я положительно не знаю, что мне делать. За себя я напишу, что не могу приехать по личным обстоятельствам, но что я могу написать о Математическом обществе, коего состою президентом?!

Поэтому я отсылаю письмо Hostinsk'ого Александру Яковлевичу с просьбой получить соответствующие инструкции и ответить на это письмо от имени Математического общества.

В твоих письмах есть реакция на мое письмо от 22-го, но нет реакции на мое сообщение о том, что у Вл. Вас. Голубева ты должен получить 200 руб. Для этого нужно только тебе повидать Голубева, а передать тебе деньги он и сам не забудет!

А потом настоятельно напоминаю торгсинные дела!

Путешествие Шнирельмана и К° произвело на меня большое впечатление!

С прискорбием узнаю, что ты приедешь 8-го, а не 7-го.

-
- А.А. — Аким Андреевич Хрусталеv.
 - Торгсин — Торговля с иностранцами — существовавшая в то время форма торговли на иностранную валюту (через обменные бонусы).
 - “Партизанские отряды” — песня времен гражданской войны, более известная под названием “По долинам и по взгорьям”.

12 февраля 1935 г.

Радиотеатр

(из Москвы
в Тифлис)

Пишу тебе сегодня еще из Москвы, из Радиотеатра, очень кратко, а то, если буду писать из Клязьмы, ты долго не получишь моего письма.

Сегодня рассчитываю услышать, наконец, *Études Symphoniques* Шумана (вместо не сыгранных тогда Гилельсом) в исполнении плохого английского пианиста Хант'а. Кроме того, в программе одна соната Бетховена, одна Моцарта, одна — Кшенека (чешский композитор, написавший оперу “Джонни”). Зал Радиотеатра мне совсем не нравится, коридор какой-то.

Вчера было заседание Математического общества с блестящим докладом Александра Яковлевича (впрочем, А.О. Гельфонд пришел лишь после этого доклада).

Потом были намечены кандидаты в члены-корреспонденты закрытым голосованием.

Результаты:

И.И. Привалов
Л.С. Понтягин по 44

А.Н. Колмогоров
А.О. Гельфонд по 43

Всего голосовало 54 человека.

А.Я. Хинчин 37

Л.А. Люстерник
М.А. Лаврентьев по 25

Менее 10 голосов получили: Степанов, Петровский, Кузьмин, Марков.

Еще вчера получил телеграмму от Граве следующего содержания:
ПИШУ ПИСЬМО. ГРАВЕ

Антракт. Пианист весьма посредственный, хоть и вполне грамотный и академичный. Вероятно, он учитель какой-нибудь очень почтенной музыкальной школы.

В первом отделении были соната Бетховена и соната Кшенека (во втором будут Моцарт и Шуман). Особенно вдохновенного исполнения “Симфонических этюдов”, к сожалению, не предвижу.

В буфете Радиотеатра оказалось: один бутерброд с маслом, несколько с колбасой, три стакана с киселем и несколько простокваш. Я, к сожалению, дома не пил чаю. Но чаю не оказалось. Пришлось съесть единственный бутерброд с маслом, кисель и простоквашу.

Третьего дня сидел, как каторжный, за корректурой на Клязьме, а именно, писал непрерывные разбиения. Наконец, всё для себя выяснил и всё написал.

Легко доказывается (проверить!):

1) если пространство разбиений, в моем смысле, U есть одно из пространств Z , в твоём смысле, то оно непременно — твоё основное пространство Z^* (т.е. $U = Z^*$).

2) Пространство, в моем смысле, тогда и только тогда является пространством в твоём смысле, если разбиение непрерывно (в моем смысле).

Мне кажется, теперь все приведено в окончательный порядок и единство.

Всем этим, а также другими мелочами (рефератами для “Zentralblatt’a”, письмами и пр.) буду заниматься до 22 февраля. 24-го поеду (вероятно) в Болшево до 4-го.

Сегодня в дирекцию Института явился перепуганный Батура (заведующий нашим читательско-математическим кабинетом) и сообщил, что “Бермант собирается переводить редакцию вместе со всеми комплектами “Матем. сборника” в Академию Наук”.

А.Я., поддержанный мною, дал распоряжение ничего из помещения редакции не допускать к вывозу до тех пор, пока не получится подписанная О.Ю. Шмидтом бумага о переводе редакции. На днях по этому поводу буду говорить с Отто Юльевичем.

P.S. *По окончании концерта. Симфонические этюды были сыграны так бесцветно и бледно, что даже нельзя понять, почему они — симфонические! Вообще, печальный пианист!*

Лина Самойловна в большом восторге от Канторовича!

-
- Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - “Zentralblatt” — “Zentralblatt für Mathematik” — немецкий реферативный математический журнал, в котором П.С. Александров вел в те годы топологический раздел.
 - *Корректурa* — скорее всего, совместной с Х. Хопфом книги “*Topologie. I*”, вышедшей в том же, 1935 году.

19 февраля 1935 г.

Москва.

перед отъездом на Клязьму

(в Тифлис)

Я вчера получил твое третье, и последнее, письмо с дороги, опущенное на Тифлисском вокзале. Накануне я узнал, что на участке Минеральные воды — Бахалкашинск было крушение поезда, и я боялся (особенно, пока не узнал точно, что на этом участке, а не где-то вообще “на Кавказе, по дороге в Баку”), не сокрушился ли ты.

За это время (т.е. с 12 февраля, когда я писал последнее письмо) произошло следующее:

16-го я вечером был в великолепном концерте американского пианиста Вебстера. (Получил большое удовольствие.)

17-го было заседание Математического общества с докладами Куланова и Понтрягина, оба очень удачные, а Понтрягинский — даже блестящий.

18-го, т.е. вчера, был в Доме ученых на концерте камерной певницы Рождественской. Программа была великолепная. Первое отделение: Глинка, Даргомыжский, Чайковский. Второе отделение: Александров, Метнер, Равель. Не было ни одной неинтересной вещи. Пела хорошо.

Сейчас поеду на Клязьму, к сожалению, дописывать статью для “Докладов”.

Получил письмо от Граве, необычайно любезное, но недостаточно деловое. Одновременно приглашение от ректора Киевского университета. В ответ на это я послал деловое письмо о квартире в 5—6 комнат, 1200 руб. *par an et par personne* (в год на каждого — фр.), 4-месячный отпуск. Я далеко не уверен, что эти условия будут приняты, так как Граве, кажется, полагает, что квартиру в Киеве нам будет доставать Отто Юльевич из Москвы. Предстоящие ответные письма будут, в значительной степени, решающими для серьезности всего предприятия.

Продаешь ли ты нас в Тифлис и с каким успехом?

В марте должны приехать Cohn-Vossen и Мюнтц во исполнение приглашений, данных им еще во время нашего пребывания в С.-Петербурге. Между 18 и 24 апреля приедет Гюнтер. О топологической конференции Отто Юльевич будет говорить в директивных инстанциях.

С Клязьмы напишу еще.

-
- Статья для “Докладов” — скорее всего, речь идет о статье П.С. Александрова “О счетно-кратных открытых отображениях”, опубликованной в журнале “ДАН СССР”, (1936, т. 4, № 7, с. 295—299).
 - Топологическая конференция — см. Примечание к письму от 12 марта 1935 г.

23 февраля 1935 г.

(из Москвы
в Тифлис)

После моего письма к тебе (от 19 февраля) получена от тебя целая масса писем: а именно, одно письмо на Клязьму (которое глупая почтальонша всунула в ручку калитки, так что оно лишь случайно не пропало) и два письма в Москву (от 14 и 15 февраля).

Описание твоей гостиницы привело меня в ужас и содрогание. Ты должен мне написать, как же ты, в конце концов, устроился там. Непреренно сходи в Тифлисские бани, в самые важные, и расскажи мне, как это было.

С нашим устройением все еще очень неопределенно. Деловой ответ из Киева жду в первых числах марта. В остальном, всякие непредвиденные затруднения, вследствие которых различные возможности уплывают из-под носа. Поэтому мне необходимо срочно узнать, каковы Тифлиссские перспективы.

Если из Киева получатся известия благоприятные, то во второй половине марта придется туда поехать. Об этом своевременно сообщу. Но главное, теперь же выясни возможности переезда в Тифлис, привлекающие меня, должен сказать, нисколько не менее любого другого плана.

Сегодня отправил тебе об этом телеграмму, а также перевел тебе (до востребования) 300 руб. При разговорах с Н.И. о нашем устройении в Тифлисе, надо откровенно указать, что мы, кроме того, ведем переговоры с Киевом, и что поэтому мы очень заинтересованы в скорейшем разрешении вопроса.

Одновременно с этим письмом отправляю, наконец, корректуру Норфу.

Вчера сдал статью в “Доклады”. Завтра уезжаю в Болшево до 4 марта. Последнее время я сидел над корректурами, над статьей для “Докладов”, и т.д., буквально, как каторжный, и очень устал. Кроме того, вчера заседал в педагогической секции Математического общества. С Олимпиадой тоже заседал, там дело уже решительно движается. Сессии Академии Наук, назначенной на 15 февраля, все еще не было. Очевидно, академики все еще торгуются о том, что именно “они не могут не приветствовать”.

Сегодня будет докладывать Вениамин Федорович в Математическом обществе о метрической двойственности. Это будет продолжаться, по его заявлению, полтора часа. Я зову себе на подмогу

Александра Яковлевича. Я тебе писал уже, как будто, что А.Я. желает писать с тобою книгу для Courant'a полтора года, т.е. хочет контракт по 1 октября 1936 года. Я в этом отношении пишу Courant'у. Александр Яковлевич рассчитывает получить письмо с сообщением, когда ты предполагаешь начать работу над книгой, и т.д. Напиши ему.

Будь здоров, из Болшева буду писать тебе больше.

Павел Сергеевич на лыжной прогулке

Получил письмо от Анны Максимилиановны Фишер. Она с радостью готова переводить дальше. Впрочем, письмо столь славное, что я даже его прилагаю.

Прилагаю еще и другие письма. (В конверте никакие другие письма не обнаружены.)

-
- *Корректурa для Х.Хопфа* — речь идет о корректуре книги: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. I. — Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.
 - *Книга для Куранта* — см. Примечание к письму от 31 октября 1932 г.
 - *Вениамин Федорович* — В.Ф. Каган.
 - *Н.И.* — Николай Иванович Мухелишвили.
 - *Александр Яковлевич, А.Я.* — А.Я. Хинчин.
 - *Статья для "Докладов"* — см. Примечание к письму от 19 февраля 1935 г.

25 февраля 1935 г.

(из Болшева
в Тифлис)

Я приехал в Болшево вчера вечером и поместился в 16-м номере. Здешняя врачиха спрашивала о тебе, не приедешь ли. И заслуженный деятель искусств Браудо тоже спрашивал...

Сегодня утром я встал в 7 часов и бегал вдоль Клязьмы посмотреть, нельзя ли купаться, но ничего подходящего не нашел: полыньи есть, но не у берега — не подобраться. Сегодня солнце. Я с утра размышлял, без особенного толку, потом гулял. Сейчас достал “Пиквикский клуб”, а главное, выяснил, что здесь есть внутренний почтовый ящик — если в него с вечера опустить письмо, то утром, будто бы, пойдет в Москву. Буду писать каждый день по коротенькому письмецу.

По поводу нашего будущего дома: надеюсь получить к 5 марта ответ из Киева, а также и от тебя. 6-го поеду с Петром Алексеевичем смотреть продающиеся на снос дома. Сегодня смотрел две неподходящие дачи недалеко от Комаровки (в деревне Максимкино, что на правом берегу Клязьмы, несколько выше Болшевского мостика, где я когда-то провалился). Вообще же, дома здесь очень хорошие, по большей части, на каменных фундаментах. В ближайшие дни буду продолжать поиски в Болшеве и его окрестностях. Но с покупкой дачи, вообще, вопрос довольно сложен. Из виденного мною только одна дача входит в рассмотрение. Прекрасная, большая, светлая, на высоком берегу Клязьмы. Но к ней нужно не одного, а несколько компаньонов, так как там еще две летние дачи, и все очень дорого. Завтра еще раз поеду туда, а также в Бурково. Собирался туда сегодня, но не собрался, так как мои башмаки не успели просохнуть со вчерашнего дня. Я думаю, в конце концов, придется переносить дом, где-нибудь купленный на снос, на наш участок. Поэтому от поездки 6-го жду более серьезных перспектив.

По-прежнему, готов, однако, переезжать в Киев и в Тифлис вполне серьезно. Поэтому жду известий о результатах твоих переговоров, хотя, судя по впечатлению от твоего первого письма, шансы здесь не очень велики.

Здесь, в Болшеве все-таки очень хорошо. Теперь ванны очень усовершенствованы. Они все в главном (старом) здании, внизу, поэтому всегда есть вода. Кроме того, при них есть души. В том же помещении имеется и отдельный душ (без ванны). Теплая вода бывает

только по нечетным дням, вечером. Но холодный душ я принимаю каждое утро после своих гимнастических упражнений, и это очень приятно. Несколько дней было солнце, а сегодня целый день туман и такая мокрота, что не только на лыжах, но и пешком никуда не пройдешь.

За ужином я ничего мясного и рыбного не ем, а получаю, вместо этого, фрукты и еще фрукты вместо молока на ночь. Так что, мясо ем только раз в день и чувствую себя хорошо. 3-го вечером буду опять в Москве (заседание комитета Олимпиады). 5-го вечером возвращаюсь на Клязьму. По приезде в Москву надеюсь получить целый ворох твоих писем.

Между прочим, пребывание в Большевском санатории убеждает меня в том, что если в нашей Кляземской даче (где мы живем сейчас) сделать в надлежащем месте большие окна и оштукатурить, то получится тепло и светло: ведь здесь комнаты выходят на Север, и перед окнами почти сразу лес, и, тем не менее, совершенно светло.

Сегодня здесь должен был быть Капица, но не приехал. Народу, вообще, не очень много, несмотря на выходной день. Полены на Клязьме столь быстро увеличиваются, что скоро можно будет купаться. Но солнца безнадежно нет. Очень приятно мне только бегать по утрам вдоль Клязьмы. Там же делается и вся моя гимнастика. Чтобы не пугать КСУчих дам, я добегаю до опушки в синем тренировочном костюме и только там его снимаю и делаю гимнастику уже в одних трусиках.

-
- *В Большеве под Москвой П.С. Александров отдыхал в санатории КСУ “Сосновый бор”.*
 - *Петр Алексеевич — П.А. Капков.*
 - *В Буркове в начале 30-х годов снималась дача для “Лузитании” — коллектива молодых математиков, учеников Н.Н. Лузина.*

1 марта 1935 г.

(со ст. Клязьма Северной ж.д.
в Тифлис)

Уже приближается к концу мое Болшевское житье: послезавтра мне ехать в Москву, где меня ждет целая кипа твоих писем.

Все время немножко занимаюсь, доделываю свои дискретные пространства и спектры, все, по-прежнему, получается до тривиальности просто, но так уж все устроено Господом Богом. 5 марта буду об этом делать доклад в Математическом обществе. Всякие вещи, бывшие для меня неясными в Ленинграде, выяснились. Но на некоторые вопросы еще не умею ответить. Мне очень интересно, будет ли иметь вся эта вещь какие-нибудь приложения к твоей “Двойственной топологии”. Мне кажется, что должна иметь и что все должно быть очень стройно. Но я недостаточно могу восстановить для себя твою теорию, чтобы судить сейчас об этом конкретно.

Погода все время полная слякоть. И так как мне приходится много путешествовать по окрестностям, то это неприятно, тем более, что я каким-то образом оказался без калош, что обнаружил в Москве перед самым отъездом. Приехал сюда в своих Wunderschuhe (чудо-туфлях — нем.), в которых совершал с тобою труднейший горный переход через Saint Beaux, но, к сожалению, в этой слякоти и они промокают.

Представь себе, дом в Комаровке (где однажды летом жил Станиславский) продается! Но я никак не застаю его владельца. Старуха-баба, которая живет там в дворницкой, впрочем, говорит, что владелец непременно желает менять свой дом на квартиру в Москве. Но ей нельзя особенно доверять — она боится, что при продаже ее выселят из дворницкой (сама высказывала мне эти опасения) и поэтому очень не хочет, чтобы дом удалось продать.

При всем том, все мои похождения кажутся мне очень несерьезными, так как вообще неизвестно, откуда мы достанем денег на такую покупку. Все это надо делать исподволь и, вообще, заводить “сбережения”. А сейчас я и для задатка-то никак не могу собрать денег (из 1000 рублей, полученных за первую половину февраля, 300 руб. послано тебе, 300 руб. передано В.Я. на дрова, 200 руб. ей же на хозяйство, 200 руб. осталось у меня). По приезде в Москву жду, кроме того, писем из Киева, поэтому на эту тему больше не пишу.

2 марта 1935 г.

(со ст. Клязьма Северной ж.д.
в Тифлис)

Сегодня две новости:

1. Я открыл свой купальный сезон. Наконец лед оттаял столь сильно, что стало возможно купаться прямо с помоста бывшей “закрытой” купальни (конечно, во внешнем пространстве реки, а не внутри самой купальни). Было очень хорошо и совсем не холодно. После купанья я еще долго бегал, прыгал и т.п. Завтра буду купаться опять, но вечером завтрашнего дня, к сожалению, уже нужно возвращаться в Москву.

2. О доме в Комаровке.

Владельца дома я все еще не смог застать. Но от старухи, живущей там, которая, наконец, разговорилась со мною, я узнал следующее. Владелец дома Георгий Андреевич Штеккер — родной племянник К.С. Станиславского. Его мать, Анна Сергеевна Штеккер (Алексеева) — сестра Станиславского. Этим и объясняется, что Станиславский, действительно, несколько раз летом жил на этой даче. Там же, во флигеле (то, что я сначала принял за сторожку, есть довольно большая дача в три большие комнаты с кухней) по летам живет и брат Станиславского В.С. Алексеев.

Вид на дом в Комаровке (1935 г.)

Но теперь самое замечательное: жена Штеккера есть урожденная Екатерина Дмитриевна Четверикова, которую у нас в семье знают с пеленок! И я ее, конечно, знаю (дочь Дмитрия Ивановича Четверикова, помнишь, мы проплывали мимо его усадьбы на Клязьме?) и всегда знал, что она живет где-то поблизости от Тарасовки. Но что в том доме, о котором мы с тобою мечтали!

Они сейчас задержались в Москве, так как больна его мать, А.С. Штеккер-Алексеева. В Москве Анна Сергеевна живет в квартире Станиславского в Брюсовском пер. Там же с нею и Екатерина Дмитриевна. Пойду ее в Москве разыскивать. Этот дом в Комаровке мне так нравится, что я, действительно, ничего не пожалел бы, чтобы его приобрести. Кроме того, дом настолько велик, что его приобретение означало бы осуществление нашего “большого плана”. Этот дом и всегда был в моих глазах символом идеального дома, в котором бы мне хотелось жить. Все может, конечно, сразу разрушиться, если им, во что бы то ни стало, нужна квартира в Москве. Как только увижу Катю Четверикову, сейчас же тебе об этом напишу.

В Комаровке встретил трех очень хороших, веселых и толстых гусей, которые гагакали настолько громко, как я никогда еще не слышал. Вероятно, они радовались надежде, что скоро к ним прилетит настоящий Холмогорский Гусь.

Вот это был бы нам настоящий ГУСЬЕ-ПЕСИЙ ДОМ!

Прилагаемый кусок из “На суше и на море” (не обнаружен) еще больше убеждает меня в том, что катание на лыжах в Бакуриани — это очень большой страх, и совсем не надо было тебя туда пускать, чтобы ты уж нигде не обрушился.

• Здесь, может быть, впервые появляется имя дома в Комаровке, которым всегда в дальнейшем будут называть свой дом его обитатели — *ГУСЬЕ-ПЕСИЙ ДОМ*, сокращенно, *Г.П.Д.*

6 марта 1935 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Тифлис)

Я начинаю о тебе очень беспокоиться, так как последнее письмо от тебя написано 21 февраля. Если ты вернулся в Тифлис 27 февраля, то письмо от тебя должно было бы быть уже здесь. Вообще, надо иметь за правило при возвращении из всяких спортивных предприятий телеграфировать о том, что ты уже на месте. Надеюсь, что до того, как ты получишь это письмо, я уже буду иметь сведения о тебе. Если с утренней почтой не будет от тебя письма, пошлю сегодня тебе телеграмму.

Вид на дом в Комаровке (1935 г.)

Был у Четвериковых по поводу дома в Комаровке. Дом громадный, зимний, штукатуренный, с антресолями. Флигель тоже зимний. Все это их давнишнее владение, нескольких поколений, а центральная часть дома построена еще Нарышкиными, которым раньше принадлежала Комаровка. К нынешним же владельцам дом перешел (и была пристроена к нему передняя часть) в 70-х годах (девятнадцатого столетия).

При покупке возможны разные комбинации, а именно, образование “дачного кооператива” из нас, Четвериковых = Алексеевых

и М.Ф. Андреевой. Площадь для всего этого вполне достаточна. Имеется подробно вымеренный план, который мы и рассматривали. В зависимости от разных комбинаций у нас будет площадь или 12×12, или даже еще больше. Стоимость будет, в зависимости от различных комбинаций, от 15 до 24 тысяч плюс некоторый ремонт. Оценка производится высоко научным способом, исходя из общей суммы в 80 000, предложенной за все владение коллективом “Известий”. Эта сумма распределяется по разным частям строения, каждая из которых снабжается некоторым коэффициентом, в зависимости от качества.

На днях я буду осматривать дом подробно. Пока весь разговор происходил в Москве с планом, так как Екатерина Дмитриевна больна гайморитом и находится сейчас в Москве, где мы с Варей у нее и были.

Сейчас собираюсь на Клязьму, жду с минуты на минуту почты. На Клязьме сейчас же отправляюсь к Петру Алексеевичу, с которым поедем осматривать продающиеся на снос дома. С Клязьмы буду сейчас же опять тебе писать.

От Граве было письмо, предлагающее нам квартиру в доме Академиков (орфография Граве), который будет готов к осени.

Михаил Сергеевич очень хочет, чтобы мы оставались на его участке. Он может сейчас предоставить нам кредит в 6 000 и дальше сможет его расширить.

-
- Четвериковы = Алексеевы — родственные семьи Екатерины Дмитриевны Четвериковой и ее мужа Георгия Андреевича Штеккера, племянника К.С. Станиславского (Алексеева).
 - Андреева Мария Федоровна — актриса, в то время директор Московского Дома ученых.
 - Варя — Варвара Сергеевна Александрова.
 - Петр Алексеевич — П.А. Капков.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.

7 марта 1935 г.

(со ст. Клязьма
в Тифлис)

Отвечаю сначала на два твоих вопроса.

1) Вопрос с Александром Яковлевичем остроты не имеет, так как выборы в члены-корреспонденты будут происходить лишь в апрельской сессии.

2) Никакой повестки из Военкомата на твое имя не было. Если придет, сохраню.

Вчера ездил с Петром Алексеевичем в деревню Пялово смотреть дом, продающийся на снос. Дом хороший, 12×12, лес прекрасный, но цену глупый старик, продающий его, заломил совершенно несуразную — 15 000. Петр Алексеевич осматривал очень внимательно и толково. Хвалил то, что заслуживает похвалы, ругал то, что заслуживает порицания, и в заключение, предложил 8 000. На этом и разошлись.

Конкретная возможность нам строить ГУСЬЕ-ПЕСИЙ ДОМ сейчас, более или менее, определилась: это, во-первых, покупка на снос дома в одной из деревень — Михаил Сергеевич на это предоставляет немедленно кредит в 6 000 с перспективами дальнейшего кредитования. Таким образом, эта операция, по существу, возможна и в финансовом отношении нам вполне доступна. Я с Петром Алексеевичем буду продолжать поиски. Цены, о которых приходится слышать, колеблются между 5 и 10 тысячами.

Вторая возможность — покупка, на так называемых кооперативных началах, части Четвериковского дома (в Комаровке). Здесь еще много неясностей, но вещь — чрезвычайно привлекательная.

Что касается покупки где-то просто дачи, то от нее нам придется отказаться, так как финансовых возможностей для этого я не вижу. Точно так же никто не советует строиться самим (не покупая дом на снос).

Остается, конечно, еще возможность, на несколько новых началах, оставаться в нашем теперешнем доме. Эти новые начала: 1) прорубка громадного окна; 2) снятие деревьев (Михаил Сергеевич по этому поводу согласен беседовать с разными лицами); 3) точно оговоренные условия нашего летнего переселения в смысле сроков. Тут Михаил Сергеевич готов очень далеко идти навстречу (т.е. гарантировать освобождение помещения 1 сентября).

Тифлисские перспективы an und für sich (сами по себе — нем.) меня очень привлекают. Я очень интересуюсь твоими впечатлениями о доме специалистов. Само по себе, то обстоятельство, что он за городом, я считаю, скорее, плюсом, чем минусом, если место для житья там приятное. Есть ли там поблизости где купаться — вопрос, кажущийся мне совершенно фундаментальным. Ты пишешь, что у дома — глинистые обрывы к Военно-Грузинской дороге, за нею сады опускаются непосредственно к Куре, но не пишешь, можно ли в этой Куре купаться и достигим ли ее берег из дома.

И потом, когда этот дом фактически будет готов? Мне кажется, что если бы нам предоставили две трехкомнатные квартиры рядом или одна над другою, то можно было бы окончательно соглашаться на Тифлис. Постарайся непременно, по возможности, окончательно выяснить этот вопрос еще в Тифлисе. Я понимаю, что другие вопросы (филиал Академии Наук и проч.) решаются в Москве (по принципу: *Les mariages se font dans les cieux* (браки свершаются на небесах — фр.)), но квартирный вопрос, мне кажется, должен решаться в Тифлисе.

В Киев я что-то не очень верю, так как боюсь, что нас туда, конечно, приглашают, но не очень стремятся, чтобы мы туда приехали. Впрочем, может быть, конечно, я и ошибаюсь. Тифлис же при 6 месяцах пребывания там гарантирует вполне достаточную связь с “центром”, т.е. с Москвой и Ленинградом и, в этом смысле, предпочтительнее Киева. По-видимому, весь вопрос в квартире, поэтому я так и жду, что ты расскажешь про дом специалистов. Расстояние меня несколько не пугает.

Что касается Киева, то от Граве я получил письмо, где он пишет, что мои условия зачитывались и приняты, что квартира с осени будет нам предоставлена в доме для Академиков (и Жен Академиков). Ответа от ректора Киевского университета я еще не получал. Граве, вместе с тем, просит прислать Curriculum Vitae и список трудов. Кроме того, О.Ю. рекомендует, а Граве предлагает приехать в Киев для доклада и переговоров.

Сейчас после продолжительной, чуть ли не двухнедельной, оттепели, во время которой стаяла большая часть снега, большие морозы — сегодня утром — 19°. Но днем солнце, и температура поднялась до — 5°.

А когда ты приедешь, будет уже полная весна!

Как только получишь это письмо, сейчас же телеграфируй, когда же ты приедешь.

Вообще же, я советую тебе приезжать домой числу к 15 марта. Все вопросы о ГУСЬЕ-ПЕСЬЕМ ДОМЕ и тому подобном к этому времени настолько определятся, что какие-то решения надо будет принимать совместно. Также и в Киев удобнее ехать, по-моему, из Москвы.

Пришло письмо от Lefschetz'a и корректура твоей статьи из "Annals of Math."; я не знаю, посылать ли тебе ее, так как думаю, что ты уже числа 14-го выедешь в Москву.

Я получил премию от Университета (500 руб.) и мечтаю о мускатах, которые будем пить, когда ты приедешь.

Деканом, после энергичных представлений Л.С. Лейбензона и моего, назначен Л.А. Тумаркин.

Вчера вечером был в концерте симфоническом — прекрасный дирижер Сейкар, солист — пианист Артур Рубинштейн. Программа: одна из увертюр Берлиоза, фортепианный концерт Брамса, Шестая симфония Чайковского (Патетическая). Концертом остался очень доволен.

-
- Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Петр Алексеевич — П.А. Капков.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - О.Ю. — Отто Юльевич Шмидт.
 - Наш теперешний дом — имеется в виду дом семьи Александровых в дачном поселке Клязьма, который вел брат П.С. Михаил Сергеевич Александров.
 - Статья в "Annals of Math." — судя по списку трудов А.Н. Колмогорова, речь идет о его статье "Zur Grössenordnung des restgliedes Fourierscher Reihen differenzierbarer Funktionen" // Ann. of Math. (2). — 1935, v. 36, p. 521—526. Рус. пер. (С.А. Теляковского): О порядке остаточного члена рядов Фурье дифференцируемых функций в кн.: Колмогоров А.Н. Избр. труды. Математика и механика. М.: Наука, 1985, с. 179—185.

12 марта 1935 г.

(из Москвы
в Тифлис)

Получил твое письмо из Батума. Надеюсь, что ты там не потоп — ведь гуси всегда купаются в прудах и озерах, вроде Образцовского пруда, и мне никогда не приходилось слышать, чтобы они купались в морском прибое, как какая-нибудь гагара.

Ты так ничего и не пишешь о том, каков же будет и где толком расположен тот пресловутый дом специалистов, в который не хочет переезжать А.К. Харадзе. То, что он за городом, меня нисколько не смущает, если местность привлекательная и если есть какие-нибудь *Badegelegenheiten* (возможности для купанья — нем.) — река, озеро.

И вообще, как все это выглядит?

Об этом напиши непременно и поскорее. Так как я надеюсь, что это мое письмо в Тифлисе тебя уже не застанет (ты раньше выедешь в Москву), то одновременно телеграфирую тебе. Ты, кстати, не пишешь, когда же ты собираешься возвращаться. Между тем, мне это нужно знать для принятия всяких решений. Возможности с Четвериковским домом еще не выяснены окончательно, но это остается одним из самых серьезных вариантов устройства Гусье-Песье-го Дома “на Московской базе”. Покупка дома на снос, если возможна, то только теперь, так как к осени канал будет уже проведен, и все дома, подлежащие переносу, будут перенесены. Но у меня как-то нет достаточной энергии этим заниматься (если этим заниматься как следует, то на это нужно очень много времени) при такой неопределенности общего положения.

Олимпиада состоится 30 марта. А 16-го будет Бергман в Мат. обществе, 17-го — Cohn-Vossen, 23-го — Мюнц с Купрадзе, 5-го апреля — Соболев с Гончаровым, 23-го апреля — Гюнтер (которому, так же, как и Вениамину Федоровичу, нужно, конечно, целое заседание).

Конференция топологическая разрешена, официальное извещение об этом ожидается через 2 дня (так мне сообщил Бутягин).

-
- Вениамин Федорович — В.Ф. Каган.
 - Топологическая конференция — Первая международная топологическая конференция состоялась 4–10 сентября 1935 г. в Москве (организационный комитет и проведение конференции возглавлял П.С. Александров). Программу конференции и снимок участников см. далее на с. 608–611
 - Канал — имеется в виду канал Москва—Волга, строительство которого затрагивало места в Подмоскowie, где собирались поселиться П.С. и А.Н.; открыт в 1937 г.

21 сентября 1935 г.,

(из Ялты

в Москву, Старопименовский пер.)

Приехали вчера в Ялту около 4 часов дня. Пообедали и отправились в направлении к Гурзуфу разыскивать место для купания. Ничего хорошего не нашли. Проход на ту сторону мола решительно закрыт. И дальше, сколько-нибудь близко, ничего хорошего нет. В конце концов, купались на довольно скверном и грязноватом пляже. В эту сторону (т.е. к Гурзуфу) еще, более или менее, приятен пляжик студенческого санатория (Института угольной промышленности Донбасса). Но маленький и, наверное, полный среди дня. Кроме того, довольно далеко, по пыльной улице. Сегодня, сейчас же после завтрака, посмотрим, что делается в Ливадии.

Гостиница хорошая и чистая — *einfaches Hotel* (обычный отель — нем.) в более или менее европейском смысле. У меня комната с хорошей кроватью, столом, маленьким диваном, креслом, стулом, гардеробом, наливным мраморным умывальником, но без всякой возможности положить куда-нибудь белье. Но это все пустяки, все дело в том, что порт — соседство весьма неприятное. В комнате летает копоть от пароходов в количестве, явно ощутимом. Радио орет с 6 часов утра, а Ялтинская *Nachtleben* (ночная жизнь — нем.) затихает только к полуночи. Спать она мне, впрочем, не мешала. Если найдем хорошее место для купанья и пребывания на море, то, в конце концов, со всем этим можно будет примириться. Погода прекрасная, и море теплое и тихое.

На пляже в Ялте

Сегодня с утра отправились в Ливадию пешком и пробыли там до 4 часов. Было очень хорошо. Конечно не так, как в Бати-Лимане,

в Гусье-Песьем Раю, но, тем не менее, хорошо. Кроме того, перестала летать и копоть, так что, вообще, все обстоит благополучно. (Копоть, впрочем, происходила, оказывается, вовсе не из паровых труб, а из собственной трубы нашей гостиницы — хозяин мне с гордостью заявил, что копоть оттого, что гостиница отапливается не чем-нибудь, а нефтью, что является признаком высокой культуры. Поэтому все жители этой копоты должны даже радоваться! Впрочем, она в каждой комнате бывает лишь при определенном направлении ветра.)

Если мы поедем в Коктебель, то на время от 28 сентября по 2 октября, оттуда в Гаспру и лишь оттуда — в Бати-Лиман, если последнее вообще окажется возможным.

Погода прекрасная. В Ливадию завтра поедет автобусом (идет каждые 20 минут, и путешествие продолжается 6 минут). Дальше через парк к морю. В конце концов, это не больше отнимает времени, чем, в свое время, было до моря от гостиницы M-te Voignol. В Ливадии громадный пляж, очень редко населенный и чистый. Больших, хороших скал нет, но есть луг с деревьями, доходящий почти до моря. Там можно с приятностью заниматься.

Вообще, на десять дней, вполне хорошо.

Почту мне перешли сюда. Не забудь передать секретарше Бутягина статью А.Р. Эйгеса к 180-летию — находится в самом нижнем (самом широком) ящике моего шкафа (ящик с откидной крышкой) у меня в комнате.

Кроме того, привези Zentralblatt'овские рефераты (среднее отделение моего шкафа, первая сверху маленькая полочка слева).

Сообщай мне скорее свой маршрут по адресу:

*Ялта, Набережная,
гостиница Интуриста “Ленинград”,
комната 12.*

• Быть может, речь идет о статье А.Р. Эйгеса к 180-летию Московского университета, отмечавшемуся в 1935 году.

18 октября 1935 г.

(из Гаспры, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Сегодня я очень скучаю. После твоего отъезда небо скоро затянулось облаками, и я пошел купаться только в двенадцатом часу. Было тепло, но облака и солнце выглядывало только изредка. Я купался в сосновой роще, море было совершенно спокойное, как вчера, и очень прозрачное. Я плавал довольно много. Но берег, несмотря на то, что мало было солнца, был, в отличие от всех прежних дней, полон зулусами, которые не только господствовали на пляже, но и пришли в большом количестве в тот уголок, где мы всегда купались.

Сюда на пять дней приехал акад. Семенов. По-видимому, его семейство здесь, а он где-то разъезжал по каким-то, не то научным, не то организационным делам. Когда он сидел на лавочке и я подошел к нему, то обнаружил, что его голова представляет собою почти сплошную лысину, искусно закрываемую по системе “внутренних займов”.

Читал твое доказательство теоремы двойственности Alexander'a. Все очень хорошо и просто, но ты должен еще непременно посмотреть соответствующие места в книге Lefschetz'a “Topology” (стоит у меня в шкафу), так как, по моему рассуждению, Lefschetz там не может не делать чего-то, очень близкого к тому, что делаешь ты, а употребление им “относительных” циклов должно соответствовать твоим “открытым” циклам.

Пожалуйста, пришли мне вместе с корректурами и прочей моей почтой (запечатай все письма в один конверт и пошли заказным) еще 2—3 чистых конверта (переклеенных из “Zentralblatt'овских”, например) для отправки корректур Норфю.

Сегодня после чая, когда начало темнеть, я сидел на верхней террасе и смотрел на море. Облака там, к Алушке, были не то жемчужного, не то опалового цвета. И, несмотря на облачное, грустное небо, было очень красиво. И это тихое умирание дня продолжалось очень долго...

• *Корректуры Х.Хопфу* — имеются в виду корректуры совместной с Х. Хопфом книги: Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. 1. — Berlin: Julius Springer, 1935. XIII, 636 S.

20 октября 1935 г.

(из Гаспры, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Вчера сначала была переменная погода, потом пошел сильный дождь, потом, внезапно, из-за гор подул необычайно сильный и холодный ветер, который быстро развеял все тучи. В это время я и купался (в Мисхоре, на совершенно пустом — закрытом по случаю дурной погоды, но открытом (в качестве физического экземпляра) вследствие отсутствия замка у калитки — “медицинском” пляже). Так как ветер дул с берега, то прибоя не было, но далеко нельзя было плавать, так как трудно было возвращаться. Такого сильного ветра я, кажется, никогда не испытывал, и уже боялся, что будет, как у Джека Лондона в “Доме Мануи”. От сильного холодного ветра нельзя было долго оставаться на солнце. На медицинском пляже таблички с надписями:

“Водные процедуры (слово “купаться”, очевидно, вообще упрямлено в современном русском научном языке) требуют после своего окончания покоя, поэтому строго запрещено на пляже читать (даже про себя!), играть в шахматы, и т.п.”.

После купанья я как-то сразу из Мисхорского парка попал на великолепную дорогу, широкую, идущую прямо вверх, содержимую в превосходном порядке, с лавочками по бокам. Части ее являются хорошо устроенными лестницами. Дорога эта, без того чтобы мне приходилось проходить через какие-либо калитки или перелезать через заборы, привела меня в какой-то бесконечный парк, очень красивый, с площадками, залитыми солнцем, и громадными тенистыми аллеями. Все это было так прекрасно, что я даже не знал, нахожусь ли на земле или на небе. Я уже окончательно склонился ко второй гипотезе, когда увидел ромбоносное (ромбы — в петлицах) лицо, гулявшее по парку, и перестал что-либо понимать, так как, выйдя из Мисхорского парка и не входя ни в какие ворота, я, по недоразумению, думал, что попал в Мисхорский же парк, тем более, что он шел до самого верхнего шоссе, спускаясь с другой стороны почти до нижнего. Сомнения мои разрешились, когда я узнал, что это есть парк санатория Н.К.В.Д., шествуя по которому я, пользуясь любезными указаниями гулявших в нем, в конце концов, добрался до Кореиза.

Читал на берегу разные работы, предназначенные для моего малого семинара.

Кстати, напиши мне о том, когда было первое собрание тополого-алгебраического семинара. По-видимому, без меня будут собрания 23-го и 29-го октября. Я очень заинтересован в том, чтобы на

этих собраниях ничего существенного не происходило, так как 5-го собираюсь уже быть на этом семинаре.

Напиши также, устраивается ли 4-го заседание Математического общества с докладом Fréchet. На этом заседании я тоже буду.

Беседовал сегодня с здешней докторшей о тебе. Она мне сказала, что склеротические твои изменения очень небольшие, и были бы в порядке вещей, если бы ты был моего возраста (у меня, по ее мнению, такие изменения тоже есть). Она надеется диетой и разумным режимом задержать их дальнейшее развитие. Посмотрим, что обо всем этом скажет Д.Д. Плетнев.

Твою работу сегодня закончу — мне только и оставалось написать закон двойственности Alexander'a. Я ее прочитал в первые же дни, но не писал, т.к. занялся чтением разных статей, в том числе, Čech'a о группах Betti на бесконечных комплексах, где доказывалось, по существу, чисто алгебраическими методами, что группы Betti (с конечными циклами) любого бесконечного (счетного) комплекса по любому полю коэффициентов определяются целочисленными. Эту работу я еще не до конца разобрал. Сейчас надо спешно заканчивать, наконец, корректуру, а то книга не выйдет и в ноябре. Но это делается легко, так как остались главы, для меня не очень ответственные.

Эмми Нётер

Сегодня был один из самых необыкновенных закатов, море было очень красивого зеленоватого цвета, которого я здесь никогда не видал, а видел во Флориде, и такого же цвета озеро Michigan утром.

У меня осталось только 2 конверта, а здесь (говорят, и в Ялте) невозможно достать!

Я очень рад, что портрет Emmy Noether хорош. Я бы хотел его повесить у себя в комнате, если ты найдешь там для этого подходящее место.

-
- Тополого-алгебраическим семинаром в отсутствие П.С. Александрова руководил А.Г. Курош.
 - Твоя работа — речь идет о редактировании Павлом Сергеевичем уже упоминавшейся статьи А.Н.: *Über die Dualität im Aufbau der kombinatorischen Topologie* // Матем. сб. — 1936, т. 1, № 1, с. 97–102.

24 октября 1935 г.

(из Гаспры, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Отвечаю на твое первое письмо из Москвы, которое получил вчера вечером.

Сначала о делах:

1. Корректуры ты мне прислал совершенно правильно, больше ничего не надо посылать.

2. Стенограмма ВОКС'а нуждается в моей правке (так как там не указано, кто именно что говорит), но это я сделаю в Москве.

Я теперь с самого раннего утра (в 6.30 час.) иду в аэрарий; сначала там делаю гимнастику (пока еще темно), потом моюсь под великолепно функционирующим душем), тут же, под душем, мою виноград. За это время начинает светать, и я люблюсь всеми красками утренней зари прямо над морем (и, любуюсь, ем виноград).

А потом наступает удивительное явление природы: восход солнца прямо из моря!

Наконец я нашел, чем можно любоваться в Гаспре в конце октября, да еще из гаспринского аэрария — зрелище, действительно, удивительной красоты — симфония, и притом оптимистическая. Я сейчас перебираю в памяти всевозможные виденные мною моря и прихожу к постыдному заключению, что, как будто в первый раз вижу восход солнца из моря — на посещенных мною европейских бережьях это было географически невозможно. На берегу Атлантического океана в Америке я был в конце мая и во время восхода солнца спал. Бесстыдным образом делал я так же и на самом Океане. Должен был бы я его видеть, конечно, во Флориде в январе, но почему-то не видел (вместо этого, меня там, как известно, чуть гуси не съели).

За моим столом сидит некто Семашко — сын или, вообще, очень близкий родственник великого Семашко. Пока я еще не установил, имеются ли у него какие-либо иные научные заслуги, но человек он очень культурный и очень приятный, вращавшийся в крatii. В частности, он хорошо знал графиню Панину и рассказывал про нее разные интересные вещи. Сейчас она, между прочим, в Швейцарии и дает там уроки французского языка... Я очень доволен, что Аким Андреевич именно Семашко сделал моим соседом за столом (его посадил ко мне именно А.А., в порядке личного руководства своим санаторием и вопреки автоматическому администрированию своего аппарата, который хотел ко мне посадить казанского татарина-терапевта).

-
- ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
 - А.А., Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.
 - *Корректvра книги* — речь идет о совместной с Х. Хопфом монографии “*Topologie. I*”.

27 октября 1935 г.

(из Гаспры, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Сегодня с утра “стукал” работу Полака, которая вышла совсем коротенькая (4 страницы вместо его 40), и все доказательства в ней совершенно тривиальны (даже и доказательств-то никаких нет, а все совершенно очевидно), но, тем не менее, по-моему, не лишено интереса и может быть полезно.

Получил ли Лев Абрамович Тумаркин отзыв о себе, который я ему давно послал (еще 10-го октября)? Мне было бы неприятно, если бы этот отзыв затерялся, так как тогда Лев Абрамович очень бы обиделся, а я вовсе не хочу его обижать. В том же письме, в котором я послал ему отзыв, я просил его переговорить со Шнирельманом и устроить заседание Математического общества 22 октября с докладом Гантмахера. Было ли устроено это заседание?

Потом читал корректуры, потом купался — море сегодня совершенно тихое, но уже прохладное. Солнце все время перемежалось с облаками.

Потом писал во исполнение просьбы Софии Александровны, статью для стенной газеты, которую сейчас же послал ей (на адрес Института). Если ты будешь еще в Институте до моего приезда, то спроси, пришло ли заказное спешное письмо от меня для С.А., так как С.А. пишет, что все это нужно очень срочно. Эта же статья войдет в мою докладную записку о конференции.

Кроме того, прочитал сегодня еще вот что:

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

(С. Есенин. 1910)

Мне очень понравилось.

Получил письмо от Семена Самсоновича, который пишет, что “академик Горбунов еще не избран, но будет избран и, вероятно, пременит академика Волгина в непременности его”. Дальше следует цитата из Екклезиаста:

*“Восходит Солнце, и заходит Солнце,
а Земля вовеки пребывает”.*

В связи с этим Семен Самсонович усиленно рекомендует заняться альпинизмом.

П.С. Александров в горах

-
- *Софья Александровна, С.А.* — С.А. Яновская.
 - *академик Горбунов* — Горбунов Н.П., неперенный секретарь АН СССР (1935–1937).
 - *академик Волгин* — Волгин В.П., неперенный секретарь АН СССР (1930–1935).
 - *Семен Самсонович* — С.С. Ковнер.
 - *Конференция* — речь идет о Первой международной топологической конференции в Москве (4–10 сентября 1935 г.); см. далее на с. 608–611.

14 февраля 1936 г.

(из Москвы
в Тифлис)

После того, как ты уехал, я поехал в Институт экзаменов Волковьского (“отлично” по топологии и “хорошо” по алгебре). Далее был семинар тополого-алгебраический, на котором Весьма хорошо докладывал Фаге, значительно упростивший некоторые доказательства. В ближайшее собрание тот же Фаге и некий Васильков будут продолжать изложение гомоморфизма отображений структур. За всеми этими делами я не поймал секретаря, так что удостоверение тебе будет послано только завтра.

11-го вечером я прибыл в Гусье-Песий Дом.

12-го долго спал, а потом принимал праздничные визиты: дядю Павла, которому надо было давать “направление” в Москву для излечения его глаз, Петра Алексеевича, нашего монтера, Матвея, и т.д. Причем, все происходило, действительно, как в прежние времена в первый день Нового года: не успевал я кончить разговор с одним, как приходила Марина и докладывала: “Дядя Павел” или “Матвей”.

Наиболее значительным по своим последствиям был визит Петра Алексеевича. Мы с ним обнаружили, что в углу столовой, там, где стоит этажерка, сгнили до полной трухи не более и не менее, как пять бревен. Все гниение шло изнутри. Удивительным образом наружная оболочка бревна цела, так что, при поверхностном осмотре снаружи (после удаления обшивки) можно ничего и не заметить. Только дойдя до самого угла и запустивши руку внутрь, можно обнаружить, что от бревна на этом участке, кроме тоненькой наружной оболочки, ничего не осталось. Все настолько рассыпается в порошок, что пришлось дыры затыкать войлоком, чтобы из них не дуло. Тем не менее, ничего катастрофического нет, так как гниль, распространившись в вертикальном направлении на пять бревен, в горизонтальном простирается на весьма небольшое протяжение — примерно, от угла до колонны, так что, ремонт предвидится и небольшой, и не очень сложный. Георгий Андреевич объясняет это, впрочем прискорбное явление тем, что в этом углу некогда была уборная — объяснение весьма правдоподобное и соответствующее тому, что гниль распространилась в горизонтальном направлении на небольшое протяжение. Летом будем это место ремонтировать, имеющегося у нас леса для этой цели будет достаточно.

Закончивши исследование угла, я вместе с Петром Алексеевичем отправился осмотреть подполье и осмотрел его полностью. Там, более или менее, все в порядке, однако некоторые дефекты все же

есть. Ввиду того, что процесс гниения во всех случаях остановился — везде дерево производит впечатление совершенно сухого — мне кажется достаточным там подтесать гнилое, не устраивая никаких замен переводов (разве только, перевод в столовой, где, все равно, придется разобрать пол, можно будет заменить).

При всем том, Гусье-Песий Дом все же очень хорош.

Флигель Комаровского дома

15 февраля 1936 г.

Продолжение

13-го я занимался, потом разгребал снег. Вдруг вваливается... Юлия Антоновна. Так как снега намело чрезвычайно много, то я ее заставил тоже разгребать его. Юлия Антоновна привезла мне изложение своих предчувствий касательно открытых отображений размерно-полноценных множеств. Эти предчувствия (доставленные мне в написанном виде) представляют из себя чистейший квак. Тем не менее, именно они и составляли повод этого визита. Она обедала, пила чай и отбыла с восьмичасовой кукушкой. К сожалению, кукушка сия опоздала чуть ли не на час, так что, я вернулся, проводив Ю.А., в девять часов, замерзший и довольно злой. Я бы хотел надеяться, что второй аналогичный визит последует не очень скоро за первым. Впрочем, я тщательно избегал всего, что могло бы Ю.А. обидеть, и она, конечно, уехала довольная.

На лыжах я еще не ходил, будучи все время занят хозяйственными заботами. Предстоит еще разгрести двор от старого снега (это довольно малоприятное занятие), чтобы было куда класть дрова, а после этого пойду на лыжах гулять.

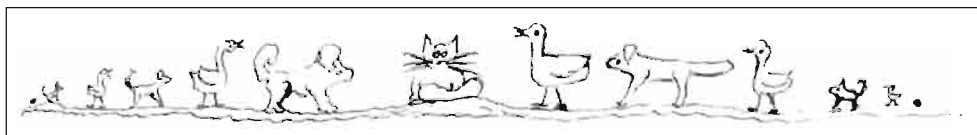
Сегодня после раннего обеда еду в Москву. Вечером буду квакать у Льва Абрамовича о проективной плоскости и прочих приятных вещах. В Москве пробуду три дня, так как 18-го зван на именины к Льву Семеновичу.

Ты никак не реагировал на письмо С.А. Янчевского, в действительности, весьма примечательное. В этом письме разъясняется, что имеется созвездие ANSER & VULPECULA, т.е. ГУСЬ И ЛИСИЦА. Так как весьма известно, что Лисица, в действительности, есть некий пес (полное ее название по латыни *Canis Vulpecula*), то созвездие это есть попросту Гусье-Песье.

Погода стоит все время хорошая — мороз сегодня 18°C (по правильному градуснику), так же приблизительно было и в предыдущие дни. В Гусье-Песьем Доме тепло и приятно.

Ну, будь здоров. Завтра напишу еще. А пока, помни наш уговор — телеграфировать при возвращении с каждого страха, и все время держать меня в курсе всех твоих планов.

На собрании композиторов, посвященном проработке двух статей в “Правде”, выяснилось, что все московские композиторы и всегда считали, что Шостакович ничего не стоит. Все композиторы постановили творить в духе социалистического реализма, тщательно избегая натурализма, льющего воду на мельницу формализма и мелкобуржуазного новаторства.

“Животный” мир в Комаровском ГУСЬЕ-ПЕСЬЕМ ДОМЕ

-
- *Петр Алексеевич* — П.А. Капков.
 - *Дядя Павел* — предположительно, Павел Иоакимович Здановский, брат матери П.С.Александрова.
 - *Матвей* — помогал по хозяйству в Комаровском доме.
 - *Марина* — М.А. Козлова.
 - *Георгий Андреевич* — Г.А. Штеккер.
 - *Юлия Антоновна* — Ю.А. Рожанская.
 - *Лев Абрамович* — Л.А. Тумаркин.
 - *Лев Семенович* — Л.С. Понтрягин.

17 февраля 1936 г.

(из Москвы
в Тифлис)

Пришла твоя корректура “Sur la théorie de Volterra” со спиралями и прочими картинками из итальянского журнала. Что мне с этой корректурой делать?

Университетская сенсация: Н.Н. Лузин назначен действительным членом Института ... механики! Кроме того, действительным членом того же института назначен С.А. Чаплыгин, более по принадлежности.

Президиумом Академии Наук ты утвержден членом математической группы Отделения без предварительного рассмотрения твоей кандидатуры в группе, в отличие от Гельфонда и от Лаврентьева, которые будут обсуждаться. Очевидно, разница вызвана тем, что ты есть директор Института. Однако твой коллега А.Р. Кулишер в состав группы не введен. Зато введен академик Бурстин. Впрочем, заседание группы, как говорят, произойдет в ближайшие дни, и там мы выберем нашего великого Гельфонда.

Александр Рувимович находится в большом беспокойстве по поводу предстоящей международной конференции — ленинградцы собираются устраивать совместно с нами конференцию по функциональному анализу и рассчитывают на нашу денежную поддержку. А А.Р. говорит, что те 14 тысяч, которые на все конференции имеются, должны пойти на Московским институтом организуемую конференцию по теории вероятностей.

Сейчас я отправляюсь, сначала к Зинаиде Владимировне для всяких исследований и анализов, что и тебе предстоит по возвращении (поскольку речь идет об объективных анализах — рентген, кровяное давление и т.д., а не о заключении самой З.В., я считаю это существенным.)

Потом буду заседать под Вячеславом Васильевичем в Ученом Комитете о делегации в Осло (мало толку, но, в частности, М.А. Лаврентьев очень настаивает, чтобы этот вопрос прошел через Комитет, вероятно, имеются какие-нибудь формальные основания для этого).

Потом будет наш с Курошем (тополого-алгебраический) семинар, потом моя лекция и, сверхурочно, как в Институте имени Гребенчи. Домой в Комаровку я сегодня не еду, так как завтра буду пировать

на именинах Льва Семеновича, и поэтому ночью в Москве. Завтра напишу еще.

Михаил Сергеевич очень просит сообщить ему телефон окулистки Плетеновой.

Позвони ему: КЗ-61-72.

П.С. Александров (1936 г.)

-
- *Статья А.Н. Колмогорова*, о которой идет речь, была опубликована на итальянском языке, в том же, 1936 году, под названием: *"Sulla teoria di Volterra della lotta per l'esistenza"* (Giorn. Ist. Ital. Attuari. — 1936, v. 7, № 1, p. 74–80).
 - *А.Р.* — Кулишер Александр Рувимович.
 - *Зинаида Владимировна* — З.В. Гурвиц.
 - *Вячеслав Васильевич* — В.В. Степанов.
 - *Квак в Институте им. Гребенчи* — так, в шутку, называет П.С. свой доклад в Институте математики Московского университета, которым, в отсутствие А.Н. Колмогорова, оставался руководить М.К. Гребенча.
 - *Делегация в Осло* — имеется в виду советская делегация на Международный математический конгресс 1936 г.
 - *Лев Семенович* — Л.С. Понтрягин.
 - *Михаил Сергеевич* — М.С. Александров.

21 февраля 1936 г.

(из Комаровки
в Тифлис)

И вчера, и сегодня прекрасная погода, солнышко печет, несмотря на сильный мороз. Но я все еще не бегаю на лыжах, так как сегодня отправляюсь в Москву, а послезавтра в Смоленск, и перед отъездом должен привести в порядок кучу всяких дел.

В Смоленск мне, к сожалению, ехать нужно теперь, так как мои тамошние студенты с апреля должны начать готовиться к государственным экзаменам, так что им надо кончать читать в марте. Я еще раз съезжу к ним в марте, а в апреле уже никуда не поеду, что и приятно, так как в мае надо уже ехать к Исааку Ефимовичу. Но, по-видимому, мне не удастся приехать к тебе в Тифлис — невозможно все совместить, так что буду уж ждать тебя сюда, в Гусье-Песий Дом.

Между прочим, на твое имя из Госиздата пришла бумага, напоминающая об истечении договора на учебник теории вероятностей и о необходимости его скорее писать, так как учебник включен в планы Наркомпроса. Я собирался тебе об этом писать в предыдущем письме, но не помню, написал ли, поэтому пишу в этом.

У нас тут все время большие морозы, и в углу столовой, где стоит этажерка, даже иней — оттого что гнилая стена. Но, вообще, в доме тепло. Были тут и всевозможные беды — когда я был в Москве — болела Марина (был большой жар, по-видимому, грипп, но, слава Богу, все прошло). Болен также и Козлинский. Кроме того, у него перегорело радио (в чем он обвиняет нашего монтера). Марина отдала коту лапку (но уже тоже прошла), замерз колодец, и, оттаивая его, Матвей чуть не спалил бедному коту шерстку, уронивши на него горячие угли. Так что, видишь, какое множество всяких бед, и можно только возблагодарить Создателя, что все они благополучно окончились.

Я перенес наш с тобой и Курошем семинар на 10.30 утра, в те же пятые дни (вместо 2.30, как было до сих пор). Это оказалось единственной возможностью уложить мои лекции в Институте имени Гребенчи. Я надеюсь, это возможные для тебя часы? Мне пришлось и свои лекции в университете переносить (на 12.30 вместо 4.30), так что возвращаться приходится все равно с тою же кукушкой, что и раньше.

Еще из академических новостей: С.Н. Бернштейн подал заявление о своем уходе из Математического Института Академии Наук. Н.Н. Лузин по этому поводу вздыхал и говорил: “Ах, что

скажет И.М. Виноградов об этой потере!" Но я боюсь, что И.М. ничего не скажет.

Сегодня уже по-весеннему бегут облака, и уж очень хорошо печет солнце. Скоро (да, наверное, уже и сейчас) можно будет бегать на лыжах в трусиках. Сегодня в 2 часа я отправлюсь в Тарасовку и радуюсь на дорогу туда, но печалюсь, что потом будет Москва и Смоленск.

Вчера вечером, наслушавшись накануне романсов Шумана, читал тексты к ним, т.е. стихотворения Heine. Все-таки очень хороши! Хотя, между прочим, "книгой песен" ("Buch der Lieder") их сделал впервые Шуман — обстоятельство для музыкантов тривиальное, но, вообще, как-то недостаточно подчеркиваемое — ведь это единственный случай, когда данный поэт действительно сплошь положен на музыку одним композитором, так что получилось новое художественное произведение. Когда в один вечер поется подряд вся "Dichterliebe" («Любовь поэта» — нем.) или все "Lyrisches Intermezzo" Heine—Schumann'a, то это нисколько не менее значительное явление, чем, скажем, "Евгений Онегин" Пушкина—Чайковского, но еще с той особенностью, что поется с начала до конца текст Heine, без всяких изменений. И это соединение настолько органично, что, читая текст Heine, я уже не могу не слышать в то же время соответствующую музыку (тогда как, читая "Евгения Онегина", я его не дополняю в своем воображении музыкой Чайковского). Между прочим, все свои романсы на слова Heine (их более 100) Шуман написал в один 1848 год, так что это, действительно, и единственное в истории человеческого искусства явление.

Сегодня в 4.30 я, наконец, иду к зубному врачу. Потом квакаю у Льва Абрамовича, потом заседаю в Правлении Математического общества (завтра мы переизбираемся), потом беседую с Семеном Самсоновичем об академических сплетнях.

Получил телеграмму, что ты выехал в Тифлис. Все-таки это очень страшно — по свежему да еще мокрому снегу кататься на лыжах, и я очень боюсь, что ты попадешь в лавину. Ведь это, в самом деле, очень опасно, и далеко не редко происходят такие несчастия. Я только что послал тебе статью о лавинах из "На суше и на море". Я надеюсь, ты ее получишь.

Cantelli телеграфирует тебе о присылке корректур твоей статьи из его журнала, но я ничего не могу без тебя сделать. По-видимому, придется все же ждать твоего приезда.

Я доказал очень просто, что всякое топологическое пространство R есть взаимно однозначный и в одну сторону непрерывный образ некоторого подмножества X бикompактного дисконтинуума ("двоичного") D_τ , где τ есть минимальная мощность определяющей системы окрестностей в R . Если R — бикompактное Hausdorff'ово пространство, то это отображение f может быть (конечно, с потерей взаимной однозначности) распространено на замыкание $\bar{X}$ в D_τ , т.е. всякое бикompактное Hausdorff'ово пространство есть непрерывный и, в одну сторону, однозначный образ некоторого нуль-мерного Hausdorff'ова бикompактного пространства. Таким образом, основные результаты Stone'а значительно усилены, и доказательство совершенно просто (конечно, без всяких булевых алгебр (так П.С., в шутку, называет булевы алгебры.)). При этом непрерывное (взаимно однозначное) отображение f таково, что оно переводит всякое открытое множество в F_σ , а замкнутое — в G_δ . Под F_σ я, конечно, понимаю множество, являющееся суммой не свыше τ замкнутых множеств, где τ есть минимальная мощность определяющей системы окрестностей. В случае $\tau = \chi_0$ (когда получаются обыкновенные F_σ) имеем, как частный случай, недавно доказанную теорему Hausdorff'а о метрических пространствах со счетным базисом.

Об этом я собираюсь рассказывать в Математическом обществе 22 марта, так как я думаю, это будет всем понятно и многим интересно — получается, действительно, очень прозрачная и довольно окончательная картина. Об открытых отображениях пока не думал, но собираюсь вернуться к размышлениям на эту тему.

Вера Яковлевна зовет меня обедать, так что надо кончать письмо.

-
- Марина — М.А. Козлова.
 - Матвей — помогал по хозяйству в Комаровском доме.
 - Иван Матвеевич — И.М. Виноградов.
 - Исаак Ефимович — И.Е. Огиевецкий.
 - Лев Абрамович — Л.А. Тумаркин.
 - Семен Самсонович — С.С. Ковнер.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Статья из Кантеллиевского журнала — речь идет о статье А.Н. Колмогорова "Sulla teoria di Volterra della lotta per l'esistenza", вышедшей в 1936 г. в журнале "Giornale dell'Istituto Italiano degli Attuari", руководимом Ф. Кантелли (Cantelli Francesco).
 - Учебник по теории вероятностей — о планах написания такого учебника см. Примечание к письму А.Н. Колмогорова от 8 ноября 1932 г.

25 февраля 1936 г.

(из Смоленска
в Тифлис)

Получил твою телеграмму о том, что ты ждешь меня в Тифлисе к 4-му марта. Целый день сегодня провожу в колебании, ехать мне или не ехать. Как ты знаешь из моих предыдущих писем, мне не удалось отложить мою поездку в Смоленск, так как до первых чисел апреля мне надо еще раз побывать в Смоленске (позже нельзя — здешние студенты будут подвергаться государственным испытаниям). Возвращаюсь я в Москву 29-го февраля рано утром, а 1 марта надо бы ехать в Тифлис, с возвращением в Москву 10—12-го — получается уж очень много разъездов и пропусков занятий в Москве (особенно, имея в виду, что в конце марта надо опять ехать в Смоленск, а в начале мая — в Днепрпетровск). Поэтому я тебе посылаю одновременно с этим письмом телеграмму, указывающую на затруднительность моей поездки в Тифлис. Телеграфирую в таких терминах, чтобы на случай, если бы ты признал мой отказ неудобным или нежелательным, ты бы мог мне телеграфировать об этом в Москву к моему приезду туда.

Приехал сюда вчера, а уже сегодня мне надоело здесь торчать, хоть бы скорее уезжать! Квакаю четыре часа в день. Погода все время хорошая, не очень сильный мороз, вчера было солнышко. Но на лыжах ходить некогда, да и нет их здесь у меня.

Вчера было опубликовано постановление о реорганизации Наркомпроса в три Управления — низшей, средней и высшей школы. Последнее управление — вместо бывшего ранее управления университетов и научно-исследовательских учреждений, с одной стороны, и так называемого УПУ (управление подготовки учителей = пед. институтов), с другой стороны.

Единственное мое развлечение в Смоленске — это энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, который имеется у Базилевского и который я часто читаю. Я там, например, вычитал, что очень хороша речка Оскол: “Большая тихая речка, проходящая в меридиональном направлении... и впадающая в Сев. Донец несколько ниже Изюма. Все течение — 360 верст. Падение — 50 саж., в верховьях чрезвычайно круто, а низовья — плавные. Оскол весьма живописен. Река окаймлена высокими обрывистыми

берегами, часто меловыми, иногда из пестрых песков и мергелей. Берега высотой в 20—25 саж. густо заросли дубом, вязами, липами, ясенем и т.д. В красных песках резко белеют 10-саженные меловые утесы. Крутые высоты (до 100 саженей) окаймляют течение реки Оскол у гор. Старый Оскол. Высоты эти тянутся на 40 верст. Затем отдельные гряды их повторяются у гор. Новый Оскол, по обоим берегам, но высокие холмы отступают от берега при вступлении Оскола в Воронежскую губернию. Далее высота прибрежных холмов понижается, и, начиная с Чернянки, русло начинает заноситься песком. У города Валуйки долина очень широка — до 3 верст. Ниже Валук снова живописные холмы в 85 саж. сжимают русло, подступая к самой реке. Здесь (у границы с Харьковской губернией) оба берега высоки. От Купянска долина еще расширяется. У Старого Оскола оба берега широко покрыты лесом, ниже дубовые рощи и леса чередуются с полями. И до Нового Оскола — сплошной, крутой лес. Оскол течет среди сплошных меловых образований, покрытых олигоценовым ярусом снежно-белых песков до 6—8 саженей толщиной; верхняя часть их апельсиново-го цвета. Интересно высокое поднятие в Старом Осколе меловых толщ, в которых ходы, пещеры и проч.”.

Я читал также описания Хопра, Воронежа, Медведицы, но ни одно из них даже отдаленно не приближается к приведенному описанию Оскола. Так что, может быть, мы поплывем на нашем маленьком “гусике” по реке Оскол, а дальше по Северному Донцу?

Это было бы, по-моему, очень хорошо.

• Базилевский Б.В. — смоленский врач, знакомый семьи Александровых.

27 февраля 1936 г.

(из Смоленска
в Тифлис)

Завтра, слава Богу, уезжаю из Смоленска, а послезавтра надеюсь быть в Москве и читать многочисленные письма и телеграммы, которые, наверное, меня там дожидаются.

В Смоленске я написал заметку для “Докладов” нашей Академии о своих результатах о топологических пространствах. Мне понравилось, как это получилось, и я думаю, что разные наши теоретикомножественники (Л.В. Канторович, П.С. Новиков и др.) будут читать это с удовольствием.

Погода все время прекрасная. Вчера был мороз и солнце, сегодня — мороз поменьше, но, по-видимому, вполне достаточный и хороший снег сыпется с небес.

Кроме того, я здесь еще писал “Zentralblatt’овские” рефераты и заметку для Советской Энциклопедии о топологических инвариантах.

Вчера вечером был со своими здешними коллегами в театре на пьесе “Любовь Яровая”. Театр — хороший, и артисты играли хорошо, и пьеса произвела на меня большое впечатление. Причем, я впервые почувствовал, насколько период Гражданской войны уже есть история. Все пьесы из этой эпохи производят на меня большое впечатление еще и потому, что многое я очень живо вспоминаю как очевидец. Но вообще, это, несомненно, одна из лучших пьес советского репертуара, и мне хочется ее с тобой посмотреть в Московском Малом театре, где она тоже сейчас идет. Это все-таки, некоторый срам, что мы с тобой так-таки никогда не можем собраться в театр.

Будь здоров, и, пожалуйста, кланяйся от меня Н.И. Мухелишвили и В.Д. Купрадзе.

В Москве я видел перед отъездом Никольского из Днепрпетровска, который очень искренно и неподдельно радуется тому, что мы (а главное, ты) приезжаем в мае туда. Собирается приготовить нам все необходимое для парусного спорта.

• Заметка для “Докладов” — речь, скорее всего, идет о статье П.С. Александрова “К теории топологических пространств”, опубликованной в “ДАН СССР” (1936, т. 2, №2, с. 51—54).

3 марта 1936 г.

(из Комаровки
в Тифлис)

Поезд, которым я ехал из Смоленска, комсомольский, однако, в отношении мягкого вагона признано целесообразным оставить в них “маститого” проводника старого времени. Это имело то последствие, что разбужен я был за 5 минут до прихода поезда в Москву, а не за полтора часа, как это обыкновенно бывает. Поэтому, легши в 9 часов и вставши в 5, я, более или менее, выспался.

Сегодня приготовил свою статью для “Докладов Академии”. Это все-таки очень канителью — писать два текста. Но, сделавши

П.С. Александров

это, я вдруг увидел на обложке издания, предназначенного для туземцев, предписание представлять рукописи также в двух (!) “совершенно готовых для печати” экземплярах, с формулами, “четко написанными от руки чернилами”. Это уж слишком: четыре раза вставлять формулы я не намерен и, если редакция не удовольствуется двумя экземплярами (одним русским и одним немецким), заберу статью назад и отдам, хотя бы в “Матем. сборник”.

Любопытно, что на иностранном издании тех же “Докладов” никакого такого правила нет. Еще любопытнее, что на иностранном издании в качестве адреса редакции указана ул. Горького, 20, а на русском

— ул. Куйбышева, 8. И при этом представители Академии Наук в редакции “Матем. сборника” еще утверждают, что никак нельзя

на номерах “Сборника” указать один адрес редакции, а другой — специально для обменных экземпляров.

Третьего дня (в выходной день, 1 марта) я принимал к чаю: И.И. Привалова и М.А. Лаврентьева (кои были приглашены) и И.М. Виноградова с Б.И. Сегалом (кои своим посещением доставили мне приятную неожиданность). Посещение носило, впрочем, весьма сердечный характер, продолжалось от половины пятого часов до 8 час. вечера и доставило мне удовольствие. Б.И. Сегал был подчеркнута любезен, И.М. Виноградов, насколько ему свойственно быть любезным, — тоже. Сегал отдыхает в Болшеве две недели и обещал быть на следующей шестидневке опять.

На заседании группы (Математическая группа Отделения физико-математических наук АН СССР) 23 февраля я не был, так как находился в Смоленске. Л.А. Тумаркин мне рассказывал, что оно началось с того, что Н.Н., ссылаясь на свое плохое здоровье, просил или взять на себя обязанности председателя С.А. Чаплыгина (присутствовавшего), или избрать ему заместителя. Речь шла не о председательствовании на данном заседании, а, вообще, о том, что Н.Н. утомляется обязанностями председателя группы. Но когда С.А. сказал, что “председательствование в группе — это, вообще, не нагрузка, а в заместители можно, в крайнем случае, избрать кого-нибудь из членов-корреспондентов”, то Н.Н., указавши, что “С.А. сделал очень тонкое замечание”, поспешил обсуждение этого вопроса прекратить. Потом Л.А. делал доклад, всем очень понравившийся (это мне уже говорил И.М. Виноградов, а не сам Л.А.).

Далее Б.Н. Делоне предложил, чтобы “группа начала издавать перwokлассный математический журнал, предоставивши “Матем. сборнику” печатать статьи второсортные, которые в нем всегда и печатались”. Б.Н. не учел присутствия С.А. Чаплыгина, который очень резко на это возразил. Вцепился в бедного Б.Н. также С.Л. Соболев, и Б.Н. стал тогда говорить: “Но ведь Вы, Николай Николаевич, держитесь того же мнения, что и я” ... На это Н.Н. ответил: “Что Вы, что Вы, Б.Н., ведь я вне партий”. На этом обсуждение этого вопроса и закончилось.

Вчера была оттепель при солнце, и мы с Матвеем перекладывали бревна (новые, купленные на Большевском складе по ордеру вместе с дров).

Сегодня мороз, но пасмурно; на лыжах сегодня мне некогда ходить и даже письмо тебе придется доканчивать в Москве, так как

иначе я опоздаю на свой сегодняшний квак у Льва Абрамовича (о непрерывных отображениях).

Продолжение этого письма происходит в управляемом тобой Институте, за твоим столом.

Из твоей телеграммы, полученной мною вчера вечером, вижу, что ты приезжаешь только 13-го. Кроме того, получены два твоих письма. По-видимому, ты не все мои письма получил. Я, например, наверное помню, что одновременно со статьями из “На суше и на море” послал тебе письмо, очевидно, до тебя не дошедшее.

Вчера вечером в концерте в Доме ученых слушал скрипичные сонаты Бетховена в хорошем исполнении.

Сегодня — Математическое общество с докладом Чудакова и присутствием Ивана Матвеевича.

Сейчас уже поздно писать о лавинах, так как надеюсь, что ты не обрушился и не засыпался к тому времени, как придет это письмо. Все же, как только получишь это письмо, телеграфируй, что благополучно вернулся в Тифлис.

И будь здоров.

Сейчас иду покупать палки для штор.

-
- Статья для “Докладов” — см. Примечание к письму от 27 февраля 1936 г.
 - “Математический сборник” — научный математический журнал, издается с 1866 года.
 - *Управляемый тобой институт* — Институт математики Московского университета, директором которого с 1933 по 1939 год был А.Н. Колмогоров.
 - Н.Н. — Николай Николаевич Лузин.
 - Б.Н. — Борис Николаевич Делоне.
 - С.А. — Сергей Алексеевич Чаплыгин.

9 мая 1936 г.

раннее утро

(из Днепропетровска
в Комаровку)

Приехал вчера около 4 часов. Ехали со мною до Харькова: уже известная тебе *alte Jüdin* (старая еврейка — нем.), далее некоторая накрашенная итра (у которой губы были устроены в виде двух точных полукругов) и некий итр (инженерно-технический работник), весьма скромный (не брал постельного белья), лет под 50 и похож на Вячеслава Васильевича, произведенного из профессоров в итры. Он ухаживал за крашенной итрой с такою же трогательностью, как поступил бы в этом случае сам Вячеслав Васильевич. В Харькове все мои спутники вылезли, и вместо них сели двое военных: один ромбоносный, а другой — лишь носитель шпал. Они все время спали и не причиняли никакого беспокойства.

На вокзале меня встретил Исаак Ефимович с каким-то студентом-физиком, приятным на вид, на автомобиле. Исаак Ефимович слез около “Спартака”, а студент привез меня в мою комнату. В этой же комнате жили Вениамин Федорович с Марией Соломоновной, а после них на 3 дня вселился завхоз, который сделал вид, что в порядке личной любезности уступил мне свою комнату.

Комната большая и светлая, вполне достаточная на двоих, недавно выбеленная. Мебель новая, клопов нет. Но везде, во всех углах грязь и пыль. В ящиках стола и на полках шкафа я сам вытер всю пыль (чем и занимался вчера по приезде), для приведения в порядок всего остального приглашена, по рекомендации жены И.Е., хорошо и давно известная им Марья Андреевна, которая будет каждый день приходить убирать, стирать белье, и т.д.

Вся квартира, когда-то прекрасная, запущена до невероятия. Все обшарпано, ободрано, из дверей выдернуты замки, и зияют дыры. Комната, в которой я живу, как уже сказано, отремонтирована и представляет собою некий оазис. Везде стоит этот типичный, ничем не истребимый и не заменимый смрад семи коптящих примусов. Ванна тоже грязна невообразимо, стать в нее невозможно — я туда хожу в своих резиновых сандалиях. Но моя Марья Андреевна все это будет мыть. Сейчас она моет окно. (Местная уборщица по этому поводу высказывает недоумение, полагая, что окна и вообще не моются.)

Победавши в “Спартаке” (обеда пришлось ждать до 6 час. вечера, так как днем все рестораны были предоставлены для питания

делегатов какого-то областного съезда), я отправился пить чай к Исааку Ефимовичу. Там мы составили следующее расписание:

9, 10, 11, 13, 15, 17, 19, 21 — я квакаю по 4 часа (с 5 до 9 вечера).

23, 25, 26, 27, 28, 29 — квакаю по 2 часа ,

23, 24, 29 — публичные кваки.

Утром, т.е. только что, заходил Никольский, который имеет комнату тут же, этажом ниже. Супругу свою он предпочитает держать под Москвой, а здесь живет на студенческом положении.

Адрес, по-прежнему:

Днепропетровск, Проспект К. Маркса, 2, кв. 98

Профессору И.Е. Огиевскому (для меня).

С.М. Никольский

-
- Огиевецкий Исаак Ефимович
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Вениамин Федорович с Марией Соломоновной — В.Ф. Каган и его жена.
 - Кваками П.С. Александров, в шутку, называет доклады и др. публичные выступления.

11 мая 1936 г.

(из Днепропетровска
в Москву)

Третьего дня и вчера был на Днепре — третьего дня один, вчера с Никольским. Погода оба дня стояла великолепная, совершенно безоблачная с довольно сильным, но приятным юго-восточным ветром, так что при полном солнце не было жарко. Сегодня небо еще голубое (с утра), но гораздо более мутное, и так как вчера барометр сильно шел влево, то боюсь, что погода испортится.

Днепр меня снова поразил своей красотой. Вид, раскрывающийся, когда на него выходишь (наверху, где мы всегда к нему ходили) принадлежит к числу видов, которые я готов считать, в своем роде, вполне первоклассными: одним словом, если бы я был бароном von Humboldt'ом, то я бы не усомнился причислить сегодняшний Днепропетровск к семи прекраснейшим городам мира, наряду с Рио де Жанейро, Ганновером, Мюнхеном... И я даже склонен полагать, что von Humboldt, со свойственным ему систематическим складом ума, наверное, так бы и поступил, так как эти города, вероятно, действительно являются, помимо всего прочего, наиболее яркими представителями своего стиля пейзажа.

Нанявши лодку спортивного общества “Спартак” (институтские лодки, по обыкновению, еще не спущены), я отправился на тот берег. Мошек еще нет, но, прибывши на тот берег и собравшись расположиться там на песочках, совершенно белоснежных, я первый раз в жизни, с содроганием и ужасом, увидел, en plein midi (среди бела дня — фр.), танцующих в солнечных лучах КОМАРОВ. Правда, их было не очень много — отдельные стада, не очень большие, но зато довольно несомненные Anopheles'ы — я одного из них поймал и рассматривал. Как будто, ни один из них меня не укусил (да, вероятно, процент малярийных среди них еще очень мал — они же, наверное, еще только вывелись!), но я, тем не менее, тут же отчалил. А на солнышке лежал на Богомоловском острове. Этот, последний, еще в прошлом году бывший одним из рассадников малярии, в нынешнем году совершенно реформирован — все болота на нем уничтожены, и он засыпан толстым слоем совершенно белого песка — там и будет официальный пляж. Вероятно, скоро там будут валяться окурки и бумажки, но сейчас народу там очень мало, и лежать там на солнце очень хорошо.

Присутствие комаров на том берегу понятно, так как все пространство между Днепром и Самарой превратилось, более или менее сплошь, не то в озеро, не то в болото. И последний остров (к нему я и приставал), отделенный от суши протоком (теперь довольно широким), тоже содержит на себе пруды, откуда доносится кваканье лягушек.

Вчера мы с Никольским плавали и на Самару (левый приток Днепра, впадает в водохранилище оз. Ленина, частью судоходна). Самара — теперь великая река, шире Десны, но по ней плывешь больше по кустам. Купался я и вчера, и третьего дня с лодки, Никольский тоже купался. А вообще, купающиеся есть, но их немного, а загорающих без купанья довольно много. Вообще-то, и здесь еще весна, а не лето, зелень еще совершенно прозрачная и не вполне распустившаяся, в тени прохладно.

Третьего дня и вчера квакал по 4 часа и сегодня тоже буду.

Твоя первая лекция 23-го. У меня в этот день предполагается публичный квак.

Напиши мне, приедешь ты 21-го или 22-го, чтобы мне знать, какой из этих дней мне держать свободным.

В следующем письме я тебе напишу расписание пароходов, связывающих Днепропетровск с Запорожьем.

ПРИВЕЗИ:

1. Хинин — возьми у моей сестры, с которой надо связаться по телефону. Я ей об этом пишу и прошу ее тебе позвонить 17-го. Но вернее будет, если ты и сам ей позвонишь (К2-61-72) рано утром, в 8 час., об этом, так как из клиники ей звонить очень трудно.

2. Мои темные очки в зеленом металлическом футляре — находятся у меня в шкафу (конечно, в Г.П.Д.), в гардеробе, слева, вероятно, на средней полке. Только не потеряй их, так как таких у нас не делают.

3. Желтые тапочки, которые чинятся у Матвея. На Матвея надо топнуть, чтобы их немедленно починил, там на полчаса работы. Иначе я не обойдусь тут с обувью, так как здесь купить ничего нельзя, а у меня только одни туфли, и те нуждаются уже в починке.

4. Маленькие ножницы (у меня на письменном столе, в бронзовом стакане для ручек).

5. Для себя простынный спальный мешок — здесь дают простыни, но такие маленькие, что они только в комбинации со спальным мешком достигают цели.

6. Два-три полотенца (лохматое и два небольших, бумажных). Ну, жду тебя.

-
- Г.П.Д. — сокращение от "Гусь-Песий Дом" — так называли свой дом в Комаровке его обитатели.
 - Сестра — Варвара Сергеевна Александрова, врач, работала в это время в клинике проф. Е.М. Тареева.
 - Матвей — помогал по хозяйству в Комаровском доме.

16 мая 1936 г.

(из Днепропетровска
в Комаровку)

Новости из академической жизни Днепропетровска.

1. Академик Писаржевский не только имеет автомобиль, но живет на улице академика Писаржевского, где ему строится особняк. В газетах по поводу его юбилея был триптих, состоявший из портретов Ломоносова, Менделеева и академика Писаржевского.

2. а) В.Ф. Каган в частных разговорах высказывал мнение, что Москва — настолько большой научный центр, что там могут уместиться и две математические школы — Московская и школа В.Ф.Кагана.

б) В.Ф. Каган делал в Днепропетровске научный доклад следующего содержания.

Он доказывал теорему (относящуюся к “бинарной” области) о том, что поверхность, удовлетворяющая некоторым условиям, суть с необходимостью поверхность 2-го порядка, и в то же время приводил пример поверхности, удовлетворяющей упомянутым условиям, и не являющейся поверхностью 2-го порядка. Из этого положения вещей В.Ф. справедливо делал вывод, что в его доказательстве содержится ошибка, но в то же время указывал, что сам он этой ошибки найти не может. Таким образом, содержание доклада (вполне *explicit*) сводилось к постановке следующей научной проблемы: найти ошибку в доказательстве В.Ф. Кагана.

с) В.Ф. Каган дал отзыв о трудах И.Е. Огиевского на предмет присуждения ему Московским Комитетом ВТО степени ... доктора математики *honoris causa*.

Дело направлено в этот Комитет.

Очень жду твоих известий.

-
- Присуждение степени И.Е. Огиевскому — как свидетельствует в вышедшей в 1998 году книжке “Воспоминания о Днепропетровске” акад. С.М. Никольский, “в то время ... преподаватели утверждались в звании профессора коллегией Наркомпроса или учебных управлений наркоматов, в ведении которых состоял данный вуз. Четкие установления по этому вопросу были введены позже (в 1934 году). В результате этих установлений многие почтенные лица, считавшиеся профессорами, перестали называться таковыми”. По-видимому, в связи с этим и возник вопрос о присуждении главе Днепропетровских математиков особого звания.

13 августа 1936 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Приехал я третьего дня без приключений. Только в Севастополе зря пришлось ждать четыре с половиной часа — ждали ксусов (отдыхающих санатория КСУ), которые должны были приехать 7-часовым поездом, опоздавшим на два с половиной часа. Но ксусы эти не приехали, так что я один был доставлен на автомобиле. Бесконечное ожидание смягчилось интересной книжкой (“Dr. med. Arrowsmith”), которую с удовольствием читаю (в порядке раболепия). В дороге читал „Die schwarze Spinne“. Моими соседями были две особы женского пола (типа канцелярских сотрудниц, делопроизводительниц или бухгалтерш) и некий сильно облысевший молодой человек неопределенной интеллигентной профессии, впрочем, полагавший, что слово “ювелир” своей начальной буквой имеет “е”...

Прибыл в Бати-Лиман около 12 час. дня при довольно скверной погоде. Поместили меня на 9-й даче в громадной комнате во втором этаже, в которой когда-то жили Иван Матвеевич Виноградов с Львом Абрамовичем и еще кем-то. Теперь в нее поместили меня с физиком Шубиным — как я ни добивался отдельной комнаты, ее не оказалось. Впрочем, я не так уж энергично добивался. Шубин — очень деликатный человек, как сосед — очень покойный и, кроме того, приходит только спать. Он уезжает в самых первых числах сентября, и я надеюсь, что до твоего приезда ко мне никого не вселят. Поэтому мне важно знать, с какого точно срока твоя путевка (то, что ты фактически опоздаешь — не существенно).

Новая директорша Марья Антоновна счастливо отличается от Акима Андреевича тем, что не только каждый день купается и хорошо плавает, но самолично выплывает в море, если усмотрит, что кто-нибудь уплыл чересчур далеко. Я об этом слышал и раньше, но сегодня сам испытал на себе ее начальственную заботу, когда, заплывши дальше обыкновенного от берега, вдруг услышал около себя женский голос, призывающий меня вернуться, и через несколько минут вынырнула и сама Марья Антоновна. Она любит много и долго плавать.

Так как тут много молодых людей (местных и приезжих), то игра в волейбол процветает, так что ты сможешь резвиться. Я только и слышу хлопанье мяча со своего балкона, где сижу после обеда до вечера.

Вчерашний и сегодняшний день весь был у моря. Море успокоилось, почти нет прибоя, и все время я, вперемежку, купался и грелся на солнышке. Время провожу на большом пляже (который раньше назывался мужским), он совершенно пустой. На этом пляже теперь чисто — нет громадного количества сезонников, всегда везде гадивших в эпоху великих строительных работ Акима Андреевича. Кстати, к чему они свелись, мне положительно неизвестно: Бати-Лиман и сейчас выглядит так же, как и в первый день нашего с тобой сюда приезда. Только стало везде значительно чище, в соответствии с чем пока мало мух. Впрочем, боюсь, что мухи появятся, когда появится виноград и уважаемые кусы начнут повсюду плевать виноградной кожурой!

Состав отдыхающих сейчас, главным образом, “члены семейств”. И, вообще, во всем чувствуется, что Бати-Лиман низведен до ранга дома отдыха (а не санатория), причем, несомненно, разрядом ниже Болшева.

Море и солнце действуют на мои болячки несомненно хорошо. Рана быстро заживляется, но инфильтрат, беспокоивший меня при отъезде, остается в прежнем виде и болит, но как будто не увеличивается.

П.С. Александров

С большим увлечением читаю (в немецком переводе) “Dr. med. Arrowsmith”, сочинение Sinclair Lewis. Это, действительно, очень хорошая книга. Я ее еще не дочитал до конца, но завтра или послезавтра, наверное, дочитаю. Если ты не хочешь американского автора читать по-немецки (хотя дух “американского” английского языка хорошо передается современным немецким, и эта задача, по-видимому, вполне разрешена переводчиком), то можно читать и по-русски — только что вышел русский перевод (я знаю, его читал Тареев). Ничего специфически медицинского в книге нет, хотя то обстоятельство, что герой (жизнь которого описывается с 14-летнего возраста, а родился он в 1883 году) — врач-бактериолог, а не, скажем, математик,

дает возможность, действительно, чрезвычайно широких картин американской жизни.

Как всегда, Бати-Лиман не лишен лучшего своего украшения — Анатолия Болеславовича, проживающего здесь уже второй месяц в даче № 8.

Байдарок здесь нет, но 19-летний балаклавский юноша-рыбак, заведующий здешним флотом, очень хочет нас катать на пятиместной лодке по расценке 3 рубля *par heure et par personne* (за час с каждой персоны — фр.) — иными словами, 15 руб. в час за всю лодку.

Зубная врачаха есть, но новая, а не та, что была два года тому назад. Хороша ли она или плоха — еще не знаю.

Что там делается у нас?

Что ты сам делаешь, крутишься ли каждый день на гимнастике, где купаешься, и что еще делаешь разумного или неразумного?

Был ли Петр Алексеевич? Привез ли он толь и когда будет закрывать им бревна—доски? Как обстоят дела с новым материалом, который он хотел прикупить для наката (тонкие бревна)?

Сейчас очень хороший вечер. Я сижу на балконе и смотрю на море, на Кыш-Каю и на Илью и очень грущу...

Пожалуйста, пришли мне по почте стерильную марлю, ту, которая у меня в шкафу. При этом позвони (K2-61-72) или напиши об этом открытку (Тверской бульвар, дом 20, кв. 28) Варе, чтобы она мне доставала еще марли.

-
- “Доктор медицины Эрроусмит” — сочинение Синклера Льюиса.
 - Лев Абрамович — Л.А. Тумаркин.
 - Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.
 - Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Анатолий Болеславович — А.Б. Млодзеевский.
 - Петр Алексеевич — П.А. Капков.
 - Варя — В.С. Александрова.

17 августа 1936 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Вчера и сегодня море, как зеркало, и я много плавал, хоть и очень медленно. По ночам все время бушуют страшные ветры, и 9-я дача гудит и завывает. Этот страшный ветер подымается каждую ночь примерно в полночь или немного позже и совершенно стихает к рассвету. Вероятно, на Кыш-Каю и на Илью слетаются какие-нибудь представители нечистой силы и справляют здесь свой шабаш (или профессорское собрание). А днем такая тишина и необычайное спокойствие моря. (Впрочем, ветер дует с берега и поэтому никакого волнения не вызывает.)

На днях был “вечер самодеятельности” в форме костюмированного карнавала, на котором Оборин был одет русской бабой и участвовал в подобию русской пляски с одетой молодым парнем девицей. Впрочем, в этом же порядке он играл некое танго для танцев, под которое, однако, было трудно танцевать, да и танцевали отвратительно. В общем же, этот “карнавал” был устроен остроумно и продолжался недолго, отчего и вышел удачным. Зубная врачиха весьма эффектно выступала в номере “Цыганская пляска” — столь эффектно, что я теперь не сомневаюсь, что это — прежняя врачиха (тем более, что я слышу о ней хорошие отзывы, как о зубном враче, и думаю, что сочетание зубоврачебных и танцевальных талантов едва ли встречается столь часто, чтобы было вероятным осуществление этого сочетания в Бати-Лимане двумя различными лицами).

Вчера был концерт — без участия Оборина, по-видимому, выступающего только с собственными Klavier-Abend’ами (фортепианными вечерами — нем.). Участвовали: прекрасная, совсем молоденькая скрипачка Рошаль (может быть, это дочка твоего режиссера Рошалья?), певица Градова, хорошая, кажется, из театра Станиславского (спела очень хорошо два романса Шумана и один довольно скучный романс Листа на Heine’овские слова “Loreley”). Еще был певец Садовников — он считается хорошим камерным певцом, но у него что-то с горлом, какая-то хроническая хрипота, и слушать его довольно мучительно. Кроме того, он перевирает при пении Пушкинский текст, чего я не переношу (пел он “Для берегов отчизны дальней” и “На холмах Грузии”, причем небо оказалось, вместо “вечно голубого” нежно-голубым, и т.п.). Еще был пианист Дедюхин, молодой, который играл прелестные Шубертовские вариации.

Теперь некоторые дела:

1. *Neugebauer* просит послать в “*Zentralblatt*” (по тому же адресу, что мы посылаем наши рецензии, т.е. в Берлин, а не Копенгаген) оба тома трудов Съезда для рецензии. Пожалуй, устрой это — это, по-моему, объективно нужное дело.

2. Пошли прилагаемую рецензию поскорее — я с ней сильно запоздал.

3. Поищи в левом верхнем ящике моего письменного стола рукописное творение *Horfa* под названием “*Fragment über offene Abbildungen*” и пришли мне.

Сегодня читал Н.Н. Лузина “О дескриптивной теории множеств” и Мопассана — “*Notre Cœur*”. И тем, и другим был разочарован.

Уважение к московским медицинским авторитетам здесь столь велико, что весь медицинский персонал делает вид, что они всегда знали, что карбункульные раны надо заливать рыбьим жиром и купать в море (впрочем, произошло некоторое недоразумение: предполагалось, что рыбий жир мне назначен внутрь, а купаться в море я буду в “герметической повязке” (!), так, чтобы вода не попала в рану!).

25 августа 1936 г.,

Продолжение.

В день, когда Холмогорскому Гусю
исполнилась треть столетия

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Я полагаю, что празднование вышеупомянутого события произойдет в первый вечер нашего совместного пребывания в Бати-Лимане — материальная база для этого в виде множества мускатов и др. в Бати-Лимане, в отличие от прошлых лет, имеется.

С комнатой вопрос, по-видимому, благополучно уладился и без всякого обращения в центр. У меня третьего дня было весьма любезное, но не очень приятное объяснение с нашей директоршей Марьей Антоновной — к моему изумлению, директорша сказала, что ввиду предстоящего большого числа приезжающих супружеских пар, ей, может быть, придется поместить нас ... втроем! Вчера вечером совершенно неожиданно приехал Орлов (директор КСУ), но от его приезда особенного толка не получилось, так как он лично меня не знал, а вес персоны (в данном случае, мой), конечно, только убывает, если вышестоящая персона впервые знакомится с данной

в присутствии третьей (директорши), на которую данная должна действовать. (Теорема о трех персонах, аналогичная теореме о трех перпендикулярах и теореме о трех континуумах, доказанной Куратовским.)

У нас с тобой будет или та комната, которую я занимаю сейчас с Шубиным, или одна из двух других в этой же даче. В обеих комнатах я был, из обеих прекрасный вид, обе выходят на балкон и в качестве преимущества (особенно, для тебя) имеют штепсель, чего в моей теперешней комнате нет. Размеры их совершенно достаточны для двоих. Зубная врачаха пробудет здесь весь сентябрь. Это (несмотря на танцевальные дарования) все-таки не та, прежняя, врачаха, а другая. Установить вполне достоверным образом ее зубо-врачебные достоинства, конечно, трудно, но мне говорили, что она лечит хорошо.

Третьего дня вечером был концерт Оборина с хорошей программой: Глюк, Шуберт—Лист, Шопен; в заключение была исполнена 12-я рапсодия Листа — произведение весьма избитое и относящееся более к садовой музыке, но сыграно было весьма блестяще. Еще был “Isolde Liebestod” Вагнера—Листа (произведение, любимое и играемое Hausdorffом, чрезвычайно трудное) и на bis — Баркарола Шуберта, моя любимая. Так что, была большая и хорошая программа. Вообще, эти концерты были большим украшением Бати-Лиманской жизни.

Очень интересны твои впечатления о театре Руставели. Я только что читал в “Литературной газете”, что театр этот пользовался в нынешнем году личным конкретным руководством тов. Берия, и выведен, наконец, из бесконечных формалистических блужданий, и, в частности, дал постановку “Платона Кречета”.

Море бывает или совершенно спокойное (как, например, вчера) или с небольшим, приятным волнением (как сегодня). Погода все время была прекрасная. Сегодня ночью и сейчас, утром — холодный (береговой) ветер; море, в соответствии с этим, только рябится, волн нет. Сейчас солнце, но по краям горизонта ползут облака, которые могут испортить погоду.

Мои конверты совершенно истожились. Присылай конвертов и бумаги для писем.

-
- А.Н. Колмогоров родился 25 апреля 1903 года, *треть столетия* — приходится, как раз, на 25.08.1936.
 - Оба тома *трудов съезда* — скорее всего, речь идет о “Трудах 2-го Всесоюзного математического съезда” (Ленинград, 24–30 июня 1934 г.), Л.—М.: Изд-во АН СССР, 1935/36 (в двух томах). “Труды 1-го Всесоюзного съезда математиков” (Харьков, 1930) вышли также только в 1936 г.

31 августа 1936 г.

В день рождения
Голландской Королевы
(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Сегодня пишу тебе, прежде всего, о вещах, которые ты должен привезти.

I. В порядке повышения бытового уровня трудящихся.

1. Мою синюю курточку, а то в холодные дни мне нечего надеть.

2. Зубного порошку или зубную пасту “Sanit”. На двоих на месяц нужно, по крайней мере, три тубы пасты, их и привези.

3. Мыла 5 кусков или детского (обычного, не увеличенного формата) или, еще лучше, кольд-кремового — оно приятнее детского и лучше мылится в морской воде (теперь здесь все души перевели на морскую воду). В связи с последним обстоятельством, хорошо бы купить куска 2-3 мыла “Кил” (казалось бы, естественно его иметь в Бати-Лиманском ларьке, но его, конечно, нет, и, кажется, нет и в Севастополе).

4. Пять штук лимонов для меня (они применяются, когда нет винограда).

II. Sciences.

1. Рукопись Hopf’a “Fragment über offene Abbildungen”. Только, ради Бога, не потеряй этот “Fragment”. Впрочем, я надеюсь, что ты его уже послал по почте, в соответствии с моими прежними просьбами.

2. Бумаги для писем и черновой.

III. Médecine et Chirurgie.

1. Ol. vaselini.

2. Стерилизованный густой вазелин.

3. Перевязочный материал: марля, вата, лигнин.

День сегодня необыкновенно хорош, на небе ни облачка, а линии Кыш-Каю и Илью очень четкие. Море совершенно спокойно, мне бы очень хотелось купаться, но боюсь. Вчера лазал в море по пояс, карбункул мой сильно кровоточит и саднит...

Комната уже вся приспособляется к твоему приезду. Внесен дополнительный стол (их теперь три, один из них сейчас медицинский, а вообще, он туалетный, с большим зеркалом). Кроме того, три тумбочки, шкаф (обычного типа — платяно-бельевой). Настольная лампа уже принесена из директорского дома (та самая, что некогда нам давал Аким Андреевич — кстати, Аким Андреевич снят из директоров Гаспры и, кажется, вообще, с работы в КСУ). Третья кровать совсем вынесена вон, поставлено мягкое кресло, так что, все приобрело вид не такой казарменный, как было вначале.

Приезжай скорее.

Мне очень понравилось описание и картинки, как Гусь бегал на далекую Учу. Я нашел также и трех маленьких гусят, которые пошли купаться на Учу. Один из них (передний) очень важный, другой (средний) имеет очень озорной вид, а третий — довольно глупый, и я даже не знаю, какого из них выбрать.

А.Н.Колмогоров

КОМАРОВКА

/ Из воспоминаний о П.С.Александрове /

По возвращении из путешествия по Волге и на Кавказе осенью 1929 года мы с П.С. решили поселиться вместе где-либо под Москвой. Той же осенью мы сняли трехкомнатную половину дома в поселке Клязьма-магде и поселились вместе с моей теткой Верой Яковлевной. В.Я. в то время была уже 66 лет, но она еще была способна вести наше хозяйство.

В 1931 году мы переселились в том же поселке на дачу брата П.С. известного хирурга Михаила Сергеевича Александрова. Здесь зимой мы занимали всю дачу, летом же, чтобы освободить место хозяевам, дачу мы с П.С. переселялись в мансарду. На примыкавшем к мансарде балконе мы любили оставаться спать под звездами до поздней осени. По утрам мы бегали купаться на речку Учу вплоть до ее замерзания. Зимой в нашу утреннюю зарядку входила пробежка в одних трусах и босиком вокруг нашего квартала / /.

Но к 1935 году вполне назрела потребность иметь свой вполне благоустроенный дом. Решение этой задачи явилось неожиданно. Ранней весной 1935 года во время лыжной прогулки мы увидели на краю поля довольно большой белый дом и в один голос сказали друг другу: "Как было бы хорошо, если бы этот дом продавался". Чудесным образом оказалось, что этот дом, принадлежавший Анне Сергеевне Штеккер — сестре Кристиана Сергеевича Станиславского — действительно продавался. Продавался не один белый дом, а целое владение, содержащее, кроме белого дома еще один бревенчатый дом и сарай, могущий быть переделанным в дом. Предприимчивый сын Анны Сергеевны Георгий Андреевич Штеккер искусно соорудил коллектив покупателей и в результате совершенной сделки мы с П.С. сделались владельцами большей части белого дома. О нашем совладельце — художнике Владимире Ивановиче Крайновском много сказано в воспоминаниях П.С. В 1950 году В.И. приобрел собственный дом в Снегирях и мы сделали единственными + Замечу, что регулярными "моржами" мы с П.С. никогда не были, а купались зимой лишь тогда, когда это доставляло удовольствие. владельцами белого дома, называемого далее "Комаровский дом".

• Аким Андреевич — А.А. Хрусталеv.

1 сентября 1936 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

*Вчера послал тебе два письма, из которых одно — заказное, с вложением моей сберегательной книжки и двух доверенностей (одна — *carte blanche*).*

Вчера же лазал в воду по пояс и так стоял минут десять. Море было такое спокойное, что так и можно было стоять, и вода оставалась на одном и том же уровне. Сегодня есть волны, хоть и небольшие, так что, по-видимому, делать такую процедуру затруднительно.

Милостивый Государь!

Вы называете в письме моем мой поступок бесчестным; кроме того, Вы лично сказали мне, что дадите мне в рожу...

(Из письма Л.Н. Толстого к И.С. Тургеневу).

Путешествие Л.Н. Толстого (в возрасте 22–23 лет) по Волге.

В тарантасе, в сопровождении прислуги, они выехали из Казани, ... приобрели огромную лодку, установили в нее тарантас, сели и предоставили себя течению реки, занимаясь чтением и любуясь природой. Путешествие длилось около трех недель, пока они приехали в Астрахань. На нижнем течении Волги, приставая к берегу, они встречались с полудикими калмыками.

Я представляю, что то, на чем они плыли, был, несомненно, “Гусь Кондурарь”.

Будь здоров и приезжай скорее.

Появились ли, наконец, в “Zentralblatt’e” рецензии на мою ноту в “Comptes Rendus”, совместную с Л.С. Понтрягиным (“Les variétés généralisées”), на мою заметку в “Докладах” нашей Академии Наук и на нашу с тобой совместную заметку в “Fundamenta”?

Я с удовольствием и пользой подробно и тщательно читаю Hausdorff’a “Lineare Metrische Räume”. Вот, если все бы так писали, то можно было бы заниматься математикой!

Да, еще очень важное дело. Сообщите, пожалуйста, как в канцелярию управляемого тобой института, так и Льву Абрамовичу, а главное, его секретарше Александре Федоровне Анциферовой.

МОЕ РАСПИСАНИЕ НА ПРЕДСТОЯЩИЙ ГОД:

IV день: 10.30—12.20 Топологический семинар (для аспирантов и студентов)

14.30—16.20 Топологический кружок (включая систематический обзор литературы, поэтому — каждую шестидневку)

V день: 12.30—14.20 Курс топологии (для студентов и аспирантов) (Комбинаторика).

Лев Абрамович желал, чтобы я читал еще популярный курс.

Если его желания по этому поводу не изменились, то я могу такой читать по четвертым дням с 12.30 — 14.20.

Пожалуйста, вызови Н.Б. Веденисова и передай ему прилагаемое письмо и материалы, касающиеся моих семинаров и курса. Если ты не сможешь его увидеть сам, то поручи своему секретариату передать это все. Пишу ему через тебя, так как при порядках, господствующих у Анциферовой, я никогда не знаю, не обнаружится ли вдруг, что в пятый день нельзя читать лекции или т.п. Поэтому я тебя прошу непременно самому достигнуть того, чтобы мое расписание было деканатом принято. Оно было еще весной “согласовано” с ним, но от весны до осени времени много!

А все остальное, конечно, сделает Н.Б.

Письмо Норф’у прилагается для отправки ему.

Его адрес:

Prof. Dr. H. Hopf, Alte Landstrasse, 37, Zollikon bei Zürich, Schweiz.

Что касается Норф’овской рукописи, то я ее давал Полаку. Спроси его, пожалуйста, возвратил ли он мне ее, и если да, то не помнит ли он, где и когда. А также, снял ли он с нее копию (для этого рукопись ему и давалась).

По поводу твоих оттисков пишу вторично Норф’у. Одновременно советую тебе сейчас же написать самому в издательство. Из ответа будет ясно, в чем дело, и, в случае, если деньги не посланы, восполняет второй счет, который и оплатим.

В сильной степени меня беспокоит оплата железа, толя и других материалов, которые предположительно должен привезти Петр Алексеевич. Было бы очень желательно, чтобы все это совершилось до твоего отъезда, или, по крайней мере, приняло определенные очертания.

Предстоит еще заделка двери из большой комнаты в башню. Об этом следовало бы теперь же договориться с Петром Алексеевичем или другими плотниками. Только, конечно, чтобы не резали на это длинные бревна, а обошлись бы короткими, однако, хорошими, чтобы не развести ни гриба, ни жука, ни червяка.

Хотя бы толь пусть П.А. достанет при тебе, чтобы укрыть длинные бревна. Они за лето так хорошо высохли, обидно будет, если за осень намокнут. А так как они быстро сохли, то в них много щелей, и такие бревна от осенних дождей легко и сильно намокают.

Перед отъездом достаточно заблаговременно сговоришься с моей сестрой относительно того, что тебе взять из медицины и хирургии, чтобы она все своевременно могла достать, а ты от нее взять и чтобы не произошло никакого недоразумения в последнюю минуту. Особенно необходимо мне вазелиновое масло и стерилизованный густой вазелин — ни того, ни другого здесь достать нельзя. Кроме того, получи от нее все лечебные инструкции.

P.S. Посылаю Zentralblatt'ный реферат, который, пожалуйста, отошли.

У меня совсем не остается бумаги для писем!

-
- Нота с Понтрягиным — имеется в виду заметка: Alexandroff P., Pontryagin L. *Les variétés à n dimensions généralisées* // C. R. Acad. Sci., Paris. — 1936, t. 202, p. 1327–1329.
 - Заметка в "Докладах" — скорее всего, это статья "О счетно-кратных отображениях" (ДАН СССР, 1936, т. 4, № 7, с. 283–287).
 - Совместная заметка в "Fundamenta" — речь идет о статье: Alexandroff P., Kolmogoroff A. *Endliche Überdeckungen topologischer Räume* // Fund. Math. — 1936, v. 26, p. 267–271. Рус. пер. (О.В. Локуцкий): *Конечные покрытия топологических пространств* в кн.: А.Н. Колмогоров. *Избр. труды. Математика и механика*. — М.: Наука, 1985, с. 203–206.
 - Лев Абрамович — Л.А. Тумаркин.
 - П.А. — Капков Петр Алексеевич.
 - Топологический кружок — см. Примечание к письму от 11 октября 1932 г.

28 июня 1937 г.

(из Москвы
на ст. Казбек, Грузия)

Сегодня кратко сообщаю о том, как прошли дни после твоего отъезда.

24-го отправился с вокзала сначала к Михаилу Сергеевичу на Клязьму, а потом в наш Гусье-Песий Дом.

25-го был в Военной Академии, где беседовал больше двух часов, сначала с начальником учебной части, потом с начальником Академии. Привезен и отвезен был на автомобильном экипаже, и все были очень любезны.

Суть дела сводится к следующему. Мои обязанности будут состоять из чтения лекций 3—4 часа в шестидневку (один курс), одно полугодие (по-видимому, второе, так им желательнее). Однако так как нынешний год мы с тобою уже связаны с Днепрпетровском, то буду вести еще специальные переговоры об освобождении меня, по крайней мере, на предстоящий год, специально на май-месяц. Я колеблюсь между планом чтения один семестр в году и планом читать “целый год”, однако, с правом поручать замену себя своему заместителю.

Составом кафедры и я, и Академия довольны (Гальперн, Тарасов, Черкасов, супруга С.С. Ковнера — Б.И. Певзнер. Крейнес уходит). На кандидатов там мало кого нужно готовить — впрочем, не знаю. С этой стороны надо посмотреть Тарасова и Певзнера, но, вероятно, они эти намерения (если они существуют) будут осуществлять самостоятельно.

Начальник Академии выразил пожелание пополнить кафедру и предлагает сделать это мне, по моему усмотрению. Предполагаю Брушлинского, который в доцентском качестве, кажется, очень хорош.

Павел Сергеевич на крыше
Комаровского дома

Обещают меня возить из Москвы в Комаровку на автомобиле раз в шестидневку, предлагают дом отдыха им. Фабрициуса в Сочи (предназначенный для лиц лишь весьма высокого комсостава) и т.д. Может быть, что найдутся, несколько менее высокие, но более приятные дома отдыха в Крыму.

В связи с этими новыми обязанностями (предстоит еще разговор 2 августа, уже совсем окончательный), устанавливается, по-видимому, следующее

РАСПИСАНИЕ МОИХ ЗАНЯТИЙ НА БУДУЩИЙ ГОД:

IV день

(Приезжаю в Москву из ГПД ровно к 9 час. утра).

- 9—10 — консультация с аспирантами
- 10—12 — семинары
- 12—12.45 — приемные часы (для не-аспирантов)
- 13—15.30 — Академия
- 16—18 — обед (в Доме ученых)
- 18—20 — Мат. общество, конференции и проч.

V день

- 11—12 — консультация с аспирантами
- 12—13.45 — топологический кружок
- 14—16 — Академия
- 16—18 — обед
- 18—20 — лекция в Университете

20 —————> Г.П.Д.

Продолжаю описание протекших дней.

26-го был дома. Сначала беседовал с малярами, потом читал корректуру в купальне КСУ. День был солнечный. Потом пришел Сергей Сергеевич. Залепили очень хорошо (расплавленной смолой с тряпочкой) носик бедного “гусика”. Но так как С.С. пришел около 4 часов, ремонт продолжался до 5-ти, а обед — до 6-ти, то уже никуда не отправившись, а вместо этого я вечером разбирал книги (свой шкаф наполнял).

27-го с утра отправился в Москву, стал в очередь за билетами (в Крым), через полтора часа мог бы купить билет, но оказалось, что я забыл взять с собою деньги! Отправился в Сберкасса, в конце концов, получил мягкое место, как и хотел, на 3-е число: поезд № 9, отправление из Москвы в 23.55 (прибывает в 10—11 утра в Севастополь).

Потом был в Институте, передал твои пакеты, потом платил в Университете за грузовик, перевозивший нам известку и т.п. Был в “Фронте науки и техники”, где получил 300 руб. (с ранее полученными = 600). Оказывается, кроме нас с тобою, они, действительно, никого не приглашали. Я усиленно рекомендовал пригласить еще Соболева или Петровского по анализу, Шнирельмана или Гельфонда или Чудакова по теории чисел и А.Я.Хинчина по теории вероятностей. Не знаю, что получится, вероятно, срам. Пришлось в моей статье (где довольно много о Лузинских работах) сделать примечание, что все эти работы, конечно, не меняют оценку его последующих аморальных и антиобщественных поступков. Кстати, по поводу моей заметки о Лузине в БСЭ я буду говорить с Рыбкиным в том смысле, что, конечно, дело редакции помещать расширенную мою заметку без моей подписи или с моей подписью, но что я, во всяком случае, совершенно не хочу впечатления, что я боюсь дать свою подпись, тем более, что уже ходят по разным поводам разговоры, что “П.С. сейчас, конечно, стремится к хорошим отношениям с Н.Н., так как Н.Н. голосовал за П.С.” ...

Вечером 27-го (т.е. вчера) был с Варварой Сергеевной в Парке Культуры и Отдыха на оперетте “Сорочинская ярмарка”. Ушел после двух актов, не оставшись на третий — растянуто и фальшиво, ни Гоголя, ни украинских песен — один засл. артист республики Ярон (я не знаю, от фамилии ли это, но мне кажется, что до революции он более руководил цыганским хором у Яра).

Ночевал в Москве, сейчас еду в Г.П.Д.

3-го вечером еду в Бати-Лиман.

-
- Военная академия — в то время (1937—1941) П.С. Александров возглавлял математическую кафедру Военной академии механизации и моторизации РККА.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Рыбкин Георгий Федорович — Г.Ф. Рыбкин был научным редактором секции “Математика” Большой Советской энциклопедии.
 - Статья, где довольно много о Лузинских работах — речь, скорее всего, идет о статье “Множеств теория” для БСЭ (см. БСЭ, 1-е издание, т. 39 (1938)).
 - Заметка о Лузине в БСЭ — в издании БСЭ 1938 года статья о Н.Н.Лузине вообще отсутствует.
 - Сергей Сергеевич — С.С. Александров.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - В Парке культуры и отдыха (ЦПКиО им. Горького) много лет действовал т. н. “Зеленый театр”, где шли спектакли и концерты (летом на открытом воздухе).

4 июня 1939 г.

(из Днепропетровска
в Москву, Старопименовский пер.)

На этот раз проживаю в гостинице “Красная”, в номере, исполненном великолепия в отношении множества заполняющих его мягких кресел, пуфов, диванов и диванчиков, но лишенном не только какого бы то ни было подобия письменного стола, но даже и всякого помещения, пригодного для хранения белья, которое так и пребывает в моем рюкзаке (на беду, я не взял с собою на этот раз чемодана). Счастливым образом, так как погода все время стоит великолепная, я все свободное от служебных занятий время провожу на Днепре и поэтому не очень страдаю от неудобств своей квартиры.

Служебные же занятия состоят в том, что я ежедневно от 19 до 21 часа читаю лекции. Кроме того, экзаменовал Пинкевича по алгебре (поставил ему “хорошо”: к сожалению, превзойдя всю глубину линейной алгебры, он, когда я его попросил найти элементарные делители некоторой матрицы 2-го порядка, сказал, что специально над матрицами второго порядка он не думал, а умеет находить элементарные делители только матриц n -го порядка). Великий Вольперт также экзаменовался у меня и по алгебре, и по теории множеств и тоже получил “хорошо”, так как не умел привести ни одного примера нормального делителя, но по глубине превзошел необычайно: ответы называет докладами и произносит их таким же тоном, как Гуревич свой доклад на топологической конференции.

Из иных днепропетровских юных талантов не только Пикус, но и Вербицкий желает поступать в аспиранты к В.Ф. Кагану, так что отнюдь не в топологию юноши стремятся из более классических разделов математики. Что касается Тимана, то он, по-прежнему, интересуется всем, но при этом обладает, как мне кажется, все-таки серьезным математическим темпераментом, так что, я надеюсь, что из него выйдет толк.

Кроме того, мне представлялись аспиранты Исаака Ефимовича (Дубинский, Слободенов и Алхимов), которые все занимаются перенесением на двойные ряды разных истин о простых рядах, и из этого, вероятно, произтекут их кандидатские диссертации. Вероятно, впрочем, эти теоремы не хуже тех, которые производятся в школе L.L. Silverman'a в Америке, так что И.Е. даже не отстает от математических школ буржуазных стран.

Никольский делается образованным математиком, и все-таки он очень полезен здесь. Не знаю, как его творческая деятельность, но культура его и разносторонность кажутся мне заслуживающими всякого признания — заключаю об этом, например, из того, как он репетирует всех и по всем наукам.

На “Селезне”
А.И. Мальцев, П.С. Александров и С.М. Никольский

Днепр необыкновенно хорош, чист и полноводен. И воистину, редкая птица долетит до середины его.

-
- *Исаак Ефимович, И.Е.* — И.Е. Огневский.
 - “Селезень” — так называлась веселая лодка, на которой в 1938 году совершили свое путешествие по Волге П.С. Александров, А.Н. Колмогоров, А.И. Мальцев и С.М. Никольский.

8 августа 1939 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Москву, Старопименовский пер.)

Приехал третьего дня в Бати-Лиман, причем доехал очень хорошо — в Симферополе меня ждал Бати-Лиманский автобус, который и доставил меня до места через Алушту и Ялту, без всяких пересадок. Автобус, естественно, одними батилиманцами не нагружать, поэтому мы подвезли некоторое количество пассажиров до Алупки, а оставшуюся разницу в цене (автобус Симферополь—Бати-Лиман стоит 360 руб.) поделили между собою. Вся поездка стоила, таким образом, 46 р. 80 коп. с персоны.

До Алупки билет стоил 18 руб., а ехало в Бати-Лиман 5 человек. Отсюда, вероятно, можно вычислить, сколько стоит билет до Бати-Лимана, и сколько полагается народу на автобус: в самом деле, простой анализ показывает, что билет до Бати-Лимана стоит 30 руб., а автобус рассчитан на 12 человек, что и соответствует действительности. По-моему, эту задачу даже стоит включить в нашего Киселева.

Итак, я доехал, действительно, очень удачно. Другие пересаживались даже два раза: в Ялте и в Байдарах, иные ночевали в Ялте (как, например, А.Г. Курош) и т.д. В поезде ехать было тоже очень хорошо, в особенности, благодаря умывальнику в купе, что есть истинное благодеяние. Сергей Львович и его супруга были очень милы и любезны. В Харькове их встретила довольно обширная совокупность его тетушек, которые понесли множество всяких домашних вкусностей, начиная с котлет и пирожков и кончая сладкими пирогами, яблочками и грушами. Всем этим они усиленно угощали меня, так что, я был вполне лишен необходимости пользоваться вагоном-рестораном, столь отвратительным в этом поезде, что С.Л. даже почел необходимым, пользуясь своими депутатскими полномочиями, проинспектировать его на месте, причем, однако, обнаружилось (как, впрочем, можно было предполагать), что виноват не директор ресторана, а снабжающий его трест. Тем более было приятно, что благословенные тетушки столь радикально разрешили всю эту проблему дорожного питания...

Устройство здесь прошло не без трудностей: первую ночь я провел на пляже, так как перспектива спать в одной комнате еще с тремя членами-корреспондентами меня мало привлекала (на пляже было хорошо и даже более прохладно, чем нужно). И только вче-

ра вечером я, наконец, устроился окончательно, получив отдельную комнату в пристройке к 9-й даче. Комната меня вполне удовлетворяет наличием в ней всего необходимого, но, конечно, небольшая. Количество отдыхающих персон, действительно, чрезвычайное — живут по 3, по 4 и более человек в одной комнате! Например, одну комнату занимают вместе А.О. Гельфонд, Алиханов и Сыркин, член-корр. по химическим наукам. Членов-корреспондентов, вообще, хоть пруд пруди. Кроме упомянутых, имеется еще Вул и многие другие. Еще из знакомых — молодой Мандельштам с супругой (им даже не дали отдельной комнаты), уже упомянутый Александр Геннадьевич, проживающий втроем в соседней со мною комнате. Все общество кульминируется в лице академика Е.А. Чудакова, прибывшего сюда вместе с пятью членами своего семейства. Кроме того, имеются персоны пожиже — некий академик Сельхозакадемии и др.

Вчера с утра отправился вплавь в “Гусье-Песий Рай” с пляжа 8-й дачи. Там стало значительно глубже, мой “Аю-Даг” на месте, но, увы, всё завалено камнями, так что не знаю даже, где и купаться. Сам пляж 8-й дачи тоже изменился — он стал гораздо лучше для купанья, так как на него нанесло много мелкой гальки. В частности, большой камень, который находился в середине, и о который раньше разбивались волны, теперь, более чем наполовину, погребен в этом гравии и между ним и морем целая полоса гравия, по которой ходят. Вообще, быстрота изменения морского берега вблизи Бати-Лимана поражает меня.

Что касается санаторного благоустройства, то имеются изменения к лучшему: чрезвычайно усовершенствованы подступы к пляжам, уборные, наконец, освещаются по вечерам электричеством. Стол, как, впрочем, всегда здесь, очень хорош и, если изменился, то тоже только к лучшему. Обилие его я даже считаю чрезмерным.

Завтра здешний культработник предполагает организовать лодочную прогулку к мысу Айя. Культработник — юноша лет 20 с небольшим, я его сначала принял за осводовца, такой здесь тоже имеется, но ему, кажется, 16 лет.

Упорно говорят, однако, что Бати-Лиман в качестве дома отдыха существует последний сезон. Насколько справедливы эти слухи, конечно, не знаю.

Погода сейчас не очень жаркая, но влажная, хоть и ветреная — ветер западный, вчера и сегодня утром все время собиралась гроза, но так и не собралась. Ночи звездные и теплые, и море флуоресцирует. Вообще здесь все-таки, очень хорошо...

Заниматься еще ничем не начинал, но собираюсь. Прочел с большим интересом данный мне С.Л. Соболевым роман *Alphonse Daudet "L'Immortel"* — остроумнейшее и злое произведение из жизни французских академиков, блестящее даже в русском переводе ("Бессмертные"), который я и читал. Воображаю, как хорошо это должно быть во французском подлиннике! Впрочем, кончается все произведение вполне трагически. Если бы не это, то следовало бы его дарить всем вновь избранным академикам, а также, для утешения, и не избранным кандидатам в академики. Но трагический финал все портит. Произведение имеет своеобразный эпиграф:

*"Я никогда не выставлял, не выставляю и не буду выставять
своей кандидатуры в Академию."
А. Додэ.*

Кажется, он, действительно, так и не был в *illustre compagnie* (блестящей компании — фр.), во всяком случае, не могу себе представить, как после написания такого романа его могли бы туда избрать, тем более, при только что изложенных обязательствах с его стороны.

Вот что тебе надо читать для усовершенствования французского языка, но, конечно, непременно по-французски (вероятно, можно достать в Библиотеке иностранной литературы).

Ну вот, я тебе написал длинное письмо. Теперь буду ждать письма от тебя.

Тут чуть не потоп в прибое у самого берега математик Зетель (геометрия треугольника), но был спасен Б.И. Сегалом (с берега), которому в этой операции помогал Б.М. Вул. Но Зетель лишился сознания, так что, дело было вполне серьезное.

Фотографировать море официально не разрешается. Но, вообще, пользоваться фотографическим аппаратом не возбраняется.

-
- *Наш Киселев* — имеется в виду популярный школьный учебник алгебры.
 - *Сергей Львович, С.Л.* — С.Л. Соболев; был тогда избран депутатом Верховного Совета СССР.
 - *Молодой Мандельштам* — сын академика Л.И. Мандельштама.
 - *Осводовец* — член ОСВОДа (Общества спасения на водах).

15 августа 1939 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Вчера получил, наконец, твое письмо, из коего заключаю, что ты ни на какой Селигер не поехал, а ежешестидневно заседаешь с Отто Юльевичем. Или ты, может быть все-таки куда-нибудь поехал на несколько дней или гулял под Москвой?

Что касается квартиры для Л.С. ПонTRYгина, то я считаю в высшей степени желательным для него этаж менее высокий, чем седьмой — ведь лифт сегодня есть, а завтра он испортился. Л.С. должен быть приравнен в этом отношении к людям пожилым, так как Татьяна Андреевна, без которой он же не может жить, старая и больная женщина, уже перенесшая удар, и ей ходить по высоким лестницам, конечно, совершенно невозможно. Так что, я думаю, имеется вполне объективное основание содействовать менее высокому этажу для него. Впрочем, ты самого Л.С. еще застанешь в Москве, так как он туда возвращается в самых первых числах сентября.

Здесь все время довольно влажная погода; была гроза и несколько раз дожди. Но сейчас утро очень хорошее, обещающее сухой, хоть и жаркий день.

На море я пребываю теперь, главным образом, на так называемом трехконечном пляже, который, в отличие от прошлых лет, никем не посещается и не испорчен никакими ароматами. Там я и сижу все время — когда ты приедешь, то, наверное, найдешь еще какие-нибудь места взамен засыпанных наших старых. С моего давнишнего камня (“Аю-Даг”) в море можно только прыгать, чего я не люблю.

Этим летом я много плаваю, главным образом, в компании с Алихановым, который здесь, вообще, является одним из самых приятных людей и очень хороший пловец. Третьего дня мы с ним плавали на далекий рыбацкий пляж (около Ласпи). Обычно он ко мне является в 12 час., и мы плаваем до 2—2.30. За столом в столовой я сижу с Курошем, некой “горючей ископаемой” (сотрудница соответствующего института АН) и супругом Нины Отто. Это — пожилой человек лет 55, пианист, преподающий в Консерватории (по-видимому, более в музыкальной школе при Консерватории) и работающий в Музгизе — вообще, расцветающий более около музыки, чем музыкант в собственном смысле слова. Но приятный, образованный и *unterhaltender* (занимательный, интересный — нем.) человек, с которым можно разговаривать о разных историко-музыкальных

вещах и т.п. Например, я от него узнал, что Debussy в возрасте 20 с небольшим лет (в 80-х годах) жил в России в качестве учителя музыки у фон Мекк.

Кстати, о музыке. Из одной книжки, которую я здесь прочитал, узнал, что Стравинский еще в 20-х годах написал симфонию памяти Debussy для духовых инструментов, концерт для фортепиано с духовым оркестром, а позже, уже после “Эдипа”, балет “Поцелуй Феи” на сюжет сказки Андерсена, а музыкально — весь сплошь на темы Чайковского (как когда-то сюиту на темы Перголезе), причем, и начало, и конец балета устроены на тему колыбельной “В грозу и бурю”. Все это было бы когда-нибудь желательно услышать.

Супруга С.Л. Соболева, Ариадна Дмитриевна, мне очень нравится — и умна, и скромна, и хорошо себя держит.

Я понемножку занимаюсь — готовлюсь к своему курсу, читаю Понтрягина. Whitney’я, наконец, тщательно прочел (а не только прослушал в семинаре). Для комплексов там все сделано совершенно окончательно, так что, для изложения на лекциях, как ты и говоришь, действительно, никакой теории характеров не требуется. Но если теперь доказать двойственность (в смысле теории характеров) Δ - и ∇ -групп Бетти любого бикомпакта, то нужна такая теорема:

Предельные группы прямого и обратного (частично упорядоченного) ряда групп, соответственно двойственных, будут двойственны.

Эта теорема доказана Steenrod’ом, но доказательство опирается на “глубины” теории характеров. Я еще не думал о том, можно ли их избежать (ограничиваясь все время полями коэффициентов G_0 = целые числа, и κ (каппа), и предполагая, что группы одного ряда суть Абелевы с конечным числом образующих, а группы другого ряда — не группы характеров).

Алиханов сообщил мне ужасную новость о том, что сын Татьяны Алексеевны Эренфест, очень талантливый молодой физик, работавший все последние годы, как говорят, с большим успехом у Langevin’a, погиб в горах. Я знал его мальчиком и знал, что он был главным предметом обожания в семье. Бедная Татьяна Алексеевна, вероятно, этим событием совершенно потрясена, особенно, после всего, случившегося ранее.

Когда до моего сознания дошло, что лифта в квартире Л.С. Понтрягина еще вовсе нет, и что таковой будет не ранее весны, я решил тебе телеграфировать о крайней желательности снизить этаж Понтрягинской квартиры. С.Л. Соболев, с которым я также обсуждал этот вопрос, предложил подписаться под этой телеграммой, которую, таким образом, ты можешь официально доложить Президиуму Академии, если угодно, как ходатайство Президиума Московского Математического общества (так понимает свою подпись Сергей Львович, а Евгений Алексеевич Чудаков считает таким образом оформленное ходатайство математической общественности целесообразным и полагает, со своей стороны, что Президиум Академии, конечно, в пределах возможного, примет его во внимание). Все это теперь уже, конечно, *Plus quam perfectum* (давно прошедшее — лат.), так как то или иное решение Президиума по этому предмету, по-видимому, уже принято. Какое?

У меня на Бати-Лиман большая программа чтения, и я ее пока с удовольствием осуществляю. За последний год я очень запустил литературу. Пока еще не знаю, дойду ли и до самостоятельных размышлений.

Напиши мне, что ты там делаешь в Комаровке, и что, вообще, там происходит. Кланяйся от меня Вере Яковлевне.

P.S. Бати-Лиман официально недавно включен в Севастопольский укрепрайон, так что перед отъездом узнай, не нужно ли тебе специального пропуска сюда. Здесь пока толком никто ничего не знает. Дом отдыха здесь существует последний год.

Что бедного котика переведут, мне было ясно при моем отъезде, так что это известие для меня не было неожиданным. Перед самым моим отъездом я поднялся за чем-то на свою голубятню, и там котик грелся на солнышке, и я уже знал, что больше его не увижу. Я не знаю, нужно ли нам заводить нового котика, хотя Марина и говорит, что без кота съедят нас мыши, и это, вероятно, действительно, так.

-
- Отто Юльевич — О.Ю. Шмидт.
 - Whitney Hassler (Уитни). Скорее всего речь идет о работе: Whitney H. *On products in a complex* // *Ann. of Math.* (2). — 1938, v. 39, p. 397–432.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Марина — М.А. Козлова.
 - Читаю Понтрягина — скорее всего, речь идет о вышедшей в 1938 году монографии Л.С. Понтрягина “*Непрерывные группы*” (М.—Л., ГТТИ).

17 августа 1939 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Вчера при чрезвычайно интенсивной фосфоресценции моря купались с Е.А. Чудаковым и его сыном. Между прочим, Е.А., сделавшись вице-президентом Академии Наук, весьма поддерживает точку зрения, что член-корреспондент должен, по возможности, всю свою научную энергию отдавать Академии, ограничивая до минимума свои совместительства. Практический смысл этой беседы заключается в том, что он обещал мне всякую поддержку в нашей Военной Академии на случай, если там будут препятствовать моему уходу. Далее беседа (по его инициативе) перешла на Н.Н.Лузина, причем он спрашивал мое мнение об основательности обвинения Н.Н. в сознательном стремлении своими отзывами “засорить” наши кадры. Я высказал свое мнение (неоднократно уже высказанное ранее), что такого стремления я не предполагаю в Н.Н., а отзывы объясняю его боязливостью и неспособностью противопоставлять свое мнение какому бы то ни было другому, но исходящему от лица, кажущегося ему влиятельным. Из всего разговора для меня совершенно ясно, что Чудаков принадлежит к числу академиков, в высшей степени сочувственно относящихся к Н.Н. (“такой мягкий и любезный человек, всему виною, вероятно, его не критическая доброта”). Из некоторых фраз было, в частности, ясно, что Чудаков не верит тому, что Н.Н. мог когда-нибудь присваивать себе чьи-либо результаты. Последнюю тему я сознательно не желал обсуждать и перевел разговор. Мне кажется весьма вероятным, что Чудаков, находясь под обаянием личности Н.Н., будет принимать активные шаги к его дальнейшей реабилитации, так что деятельность Н.Н. в техническом отделе не столь уж платонична, как это могло казаться.

Третью ночь сегодня (не считая первой по приезде в Бати-Лиман) буду спать на пляже. Уже несколько дней установилась, хоть и жаркая, но сухая и потому приятная погода с безоблачным небом круглые сутки и горением звезд по ночам. Эти звездные ночи стали частью всего моего самочувствия и как-то сплетаются со всем остальным. Днем я браво читаю Понтрягина (все-таки это, вероятно, одна из лучших математических книг, существующих в природе), готовлюсь к своему курсу, плаваю по два часа и более с Алихановым, завтракаю и обедаю с Курошем и т.д. Правда, занимаюсь я довольно много, так что лишнего времени, собственно, не остается. Вообще же, как известно, *la solitude est une belle chose quand il y a*

quelqu'un pour lui dire que la solitude est une belle chose (одиночество — прекрасная вещь, когда у вас есть кому сказать, что одиночество — прекрасная вещь — фр.).

Я довольно много читаю всякую математику, сначала Понтрягина, потом van Kampen'a, а сейчас von Neumann'a, мемуар 1934 года о почти периодических функциях на группах. Имею несколько вариантов изложения теории характеров бикомпактных групп, еще не решил, на каком остановлюсь. Но теорию характеров прочитать, т.е. включить в свой курс, во всяком случае, хочу, так как независимо от полноты и свободы в развитии всех уже чисто топологических теорий, сама теория характеров заслуживает, чтобы ее прочитать — все же, очень хороша.

Жары большой в нынешнем году здесь нет, довольно часто бывает облачное небо, дождь и грозы. Но солнца, конечно, в общем, вполне достаточно. Море все время теплое, 23–24 градуса, прибой был только один день, и то не очень большой. По-прежнему, каждый день делаю большие плавания с Алихановым. Кроме своих плавательных достоинств, он еще (как и его брат) прекрасный теннисист. Вообще же, оба они милые и приятные люди, очень непосредственные и добродушные, хорошие натуры, а старший — явно очень одаренный человек, талантливость которого — при всей простоте натуры — непосредственно очевидна. Очень, и тоже с большим непосредственным увлечением, любит музыку и довольно хорошо ее знает.

Алиханов и Алиханян — два брата, по-разному себя называющие (в действительности, оба Алихановы), чтобы не путали их публикации, так как у обоих одинаковые инициалы. Принято (в круге физиков) их, оказывается, называть: одного АБУША (Абрама Исааковича Алиханова), а другого, младшего — АРТЮША (Артемий Исаакович Алиханян). Они чистые армяне и подчеркивают это с несколько большей горячностью, чем надлежало бы — среди армян, оказывается, распространены библейские имена, как, впрочем, и у некоторых других народов, например, у англичан. Сейчас они оба здесь, так что в их различимости можно непосредственно убедиться.

Еще я по музыкальным интересам несколько соприкасаюсь с Сыркиным (физико-химик, при последних выборах избран в члены-корреспонденты). Для этих троих лиц (братьев Алихановых и Сыркина) и для меня Нина Отто и Слава Рошаль (последняя в нынешнем году неразлучна с А.О. Гельфондом, имеющим поистине разносторонние музыкальные вкусы!) много играли вчера и сегодня, в приватном порядке, довольно хорошо, и, во всяком случае, приятно. Послезавтра они уезжают в Москву.

Между прочим, вполне приятное впечатление производит на меня Вул — он кажется мне простым и симпатичным человеком. Знакомство основано тоже на плавании — он прекрасный пловец, лучший здесь на скорость плавания (тогда как на дальность заплывов Алиханов и я здесь далеко вне конкуренции). Вообще, должен сказать, что среди всех отдыхающих здесь представителей физико-математического отделения меньше всего точек соприкосновения у меня было с Соболевым и Гельфондом, несмотря на чрезвычайную любезность наших отношений. А что касается Вула, то если тебе придется менять своего ученого секретаря, я очень советую проверить свое впечатление от него — по-моему, он и умный человек, и, возможно, вполне приятный.

К списку отдыхающих великих мужей надлежит еще присоединить и засл. деятеля науки Бруштейна (директор поликлиники бывш. КСУ). Последний, имея шарообразную форму, являет собою необычайно комическое явление, когда плавает, так как он держит выше поверхности воды не только кисти рук, но и ступни ног.

У меня тут была и довольно большая неприятность, сошедшая благополучно, но могла привести и к довольно печальным последствиям: при обстоятельствах, о которых расскажу при встрече, я очень сильно ушиб себе глаз. По этому поводу при первой возможности меня возили к, по-видимому, хорошему окулисту в Севастополь (при Сеченовском институте). Опасались кровоизлияния в сетчатку и т.п., но все обошлось благополучно, глаз не пострадал.

Жду сначала писем, а потом и самого тебя.

Пристройка к 9-й даче, в которой я живу, неизвестно почему, одними называется собачником, а другими — птичником.

-
- Книга Понтягина — см. Примечание к письму от 15 августа 1939 г.
 - Военная академия — см. Примечание к письму от 28 июня 1937 г.

27 августа 1939 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Получил твое письмо с вложением ряда других писем.

Neugebauer'у буду писать завтра, сегодня — только тебе.

Сегодня необыкновенно хорошо море, с огромными волнами, однако, покойными и приятными для плавания и прибоем, впрочем, не очень большим. И над всем этим солнце, которого за последние дни здесь не очень-то было много. Все время была погода довольно пасмурная и облачная, влажная и душная. Наконец, сегодня, снова настоящий крымский день, каким ему полагается быть. Никак не вылезу сегодня из моря — уж очень оно хорошо.

Сегодня Евгений Алексеевич Чудаков с семейством (жена, дочь, сын), супругами Вул и А.Г. Курошем восходили на Кыш-Каю, доехав на грузовике до перевала и далее двигаясь под руководством Александра Геннадьевича. Впрочем, не надо отсюда заключать, что Чудаков все только ездит на грузовиках — он и плавает, и, кажется, неплохо в теннис играет, и много гуляет. Сегодня он мне долго развивал свою точку зрения на взаимоотношения Президиума Академии с отдельными институтами. Точка зрения, в основном, заключается в том, что институты не надо стеснять чрезмерным руководством и регламентацией (в частности, и в отношении пресловутого “отсиживания часов”). Конечно, с одной стороны, Академия и должна перестроиться, но, с другой стороны, не беда, если отдельные ее выдающиеся работники — как отдельные академики, так и отдельные члены-корреспонденты — будут работать, не очень строго соблюдая планы. Чудакову надо в одном отдать справедливость — он держится чрезвычайно просто, и у него не только не написано на лбу, что он вице-президент, но даже и не видно по нему, что он академик.

Чтобы закончить сплетни, расскажу одну, очень остроумную. В предвыборный период (в Верховный Совет) Н.И. Мухелишвили произносил множество речей перед своими избирателями — в Цинандали, Напареули и других, столь же благозвучных местах. Причем, ездил он по этим местам с другим кандидатом, одним тифлисским режиссером, человеком весьма остроумным. Н.И. при этом облегчил свою задачу тем, что везде произносил слово в слово одну и ту же речь, по писанному тексту. Режиссер слушал, слушал

и выучил речь Н.И. наизусть. И вот, в одном из мест режиссер попросился выступить первым (т.е. до Н.И.), и, к ужасу Н.И., произнес буквально ту же речь, которую везде произносил Н.И., чем и поверг последнего в превеликое затруднение, так как никакой другой речи Н.И. в запасе не имел.

Пишет ли что-нибудь André Weil? Я в следующем письме пришлю тебе маленькое письмецо для него с извинениями, что не буду в Москве во время его приезда. Напомни Сергею Львовичу, что он мне обещал председательствовать в Обществе на докладе André Weil'я, если будет в это время в Москве. Само заседание Общества, по-видимому, придется устроить 4-го или 10-го, в зависимости от точного срока приезда А. Weil'я. Сообщи мне также, пожалуйста, точный адрес И.И. Привалова, к которому буду обращаться, если расстроится дело с С.Л. Соболевым (потому я должен возможно скорее знать намерения С.Л.).

Все “фильтры” изложены в имеющейся у меня здесь ноте Henri Cartan'a, так что я имел возможность их оценить. Но корректур Bourbaki буду, тем не менее, ждать с нетерпением.

Читаю очень тщательно и с большим интересом мемуар von Neumann'a о почти периодических функциях на группах. Это все-таки замечательное произведение, неожиданное тем, что такая содержательная теория строится буквально на пустом месте “*rein begrifflich*” (“чисто отвлеченно” — нем.).

Я надеюсь с этой стороны облегчить себе более подробное ознакомление с рядом теорий современной “абстрактной динамики” и т.п., ведь это же все связано одно с другим. Читаю сейчас von Neumann'a из чистого интереса, так как для лекционного изложения теории характеров проще, по-видимому все-таки пользоваться языком интегральных уравнений, т.е., в основном, следовать Понтрягину. Впрочем, окончательно я всего этого для себя еще не решил.

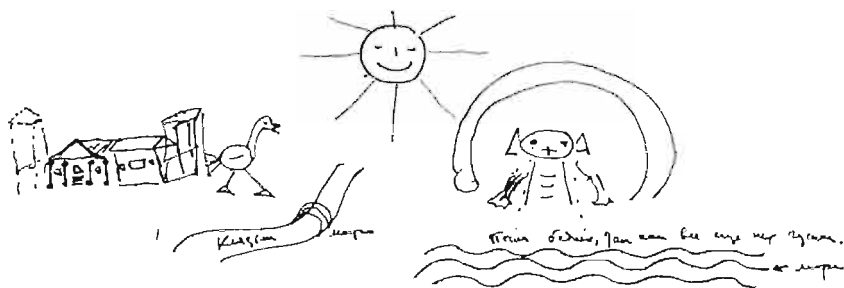
Между прочим, когда тут был вечер самодеятельности однажды и начало его затянулось, то присутствующие, коим надоело ждать, решили спеть что-либо хором. Был бурный вечер, море шумело, и все, не сговариваясь между собою, вдруг запели “Реве та стогне Дніпр широкий”. И в этом отношении Евг. Ал. Чудаков также занимал далеко не последнее место.

Как складываются твои дела в Академии в начале сентября и выяснился ли точный день твоего отъезда сюда или еще возможны всякие неожиданные задержки? Мне очень хочется, чтобы ты скорее приехал — напиши мне, когда же тебя ждать.

Сейчас наступает вечер, и я иду в концерт, который сегодня в 7 час., до ужина.

Курош получил сегодня телеграмму о том, что и он, и Мальцев выдержали экзамен, связанный с их поступлением в докторантуру. Означает ли это, что они, действительно сделаны докторантами, или предстоит еще много других инстанций?

В Мураново я давно хочу с тобою пойти, такие экскурсии я особенно люблю и даже мечтаю о ней (как о поездке в Клин, в музей Чайковского, все говорят, очень живой и интересный, и о поездке — в другом роде — по Волге в последнюю навигацию).

-
- *Супруги Вул* — Бенцион Моисеевич и Софья Данииловна Вул.
 - *Cartan Henri* (Картан А.). *Homa Henri Cartan'a* — так П.С. Александров, скорее всего, называет заметку: Cartan H. *Filtres et ultrafiltres* // C. R. Acad. Sci., Paris. — 1937, t. 205, p. 777–779.
 - *Bourbaki* (Бурбаки). *Корректуры Бурбаки* — здесь речь, по-видимому, идет об их томе *“Topologie générale”* (Paris, Hermann, 1940; Actualités Sci. Ind., t. 858).
 - *von Neumann John* (фон Нейман). *Мемуар*, о котором идет речь, состоит из двух частей: von Neumann J. *Almost periodic functions in a group. I* // Trans. Amer. Math. Soc. — 1934, v. 36, p. 445–492; и Bochner S., von Neumann J. *Almost periodic functions in groups. II* // Trans. Amer. Math. Soc. — 1935, v. 37, p. 21–50.
 - *Мураново* — музей-усадьба Ф.И. Тютчева под Москвой, в 4 км от ст. Ашукинская Северной (Ярославской) жд.

31 августа 1939 г.

(из Бати-Лимана, Крым,
в Комаровку)

Вчера получил твое письмо с живописным описанием красот и древностей Углича. Особенно же хорошо, что ты уже приехал из Углича, и, главное, не засидись теперь в Москве!

Что следует привезти:

- 1. Точилку для бритвенных ножичков;*
- 2. Две рубашки с приросшими воротниками или, если таковые далеко уложены, то две из полосатых зимних; легких рубашек (прозрачных, с короткими рукавами) у меня здесь достаточно на двоих.*
- 3. Белые брюки для себя привози не более одной пары (у меня здесь имеются 4 пары, но они довольно старые, так что одна запасная пара всегда желательна);*
- 4. Бумаги для меня как черновой, так и для писем, сколько естественно иметь на 15 дней. Вместо черновой можно, и даже хорошо, 2—3 обыкновенных тетради (не обиход);*
- 5. Что касается фотографического аппарата, то когда тебе будут давать пропуск, то узнай, каково официальное положение вещей. Здесь толком никто ничего не знает. С.Л. Соболев тебе также даст по этому поводу совет, так как имел аппарат и пользовался им едва ли внутри комнаты.*

Что ты должен сделать перед отъездом:

- 1. Сказать Марине, чтобы оба дивана (и твой, и мой) перед зимой были непременно вынесены в сад и тщательно выбиты. Это надо сделать до того, как вставлять окна. Пишу об этом на случай, если окна будут вставляться до моего приезда в Гусье-Песий Дом, т.е. до 6 октября, что, впрочем, маловероятно, но, тем не менее, возможно.*
- 2. Оставить Марине 200 руб. на покупку кофейю (4-5 кг, высший сорт, стоит 50 руб. кило $\pm$ €). Если есть зеленый (т.е. не жженный), то купить его, соответственно, больше (он дешевле, так как тяжелее). Вероятно, есть только жженный, тогда можно купить пополам — в зернах и в металлических банках молотый.*
- 3. Поинтересоваться, достаточно ли у нас сахару, и купить, сколько надо на все потребности.*

4. Распорядиться теперь же смести с крыши весь накопившийся сор, хвою и лист, особенно тщательно очистивши желоба — это надо делать раз в месяц, особенно, когда приближается осень.

5. В каком положении находится наш “флот” — ведь Никольский собирался отправить “Селезнь” назад, в Днепропетровск? Сделал ли он это? Если нет, то надо уговориться с завхозом Иваном Григорьевичем Ельтищевым, предварительно написавши ему открытку (Варшавское шоссе, дом 5), иначе его не заставишь. При этом, к нему надо ехать с утра (т.е. в открытке надо назначить утро какого-либо дня, часов в 9), так как в середине дня он иногда, вообще, занят и может не быть дома.

6. Взял ли ты книги из переплетной мастерской?

Я написал вчера Вячеславу Васильевичу, предложив его вниманию план совместного заседания Общества и Института с докладом А. Weil’я. Если В.В. найдет это целесообразным, то пусть сам сговаривается, кому председательствовать на этом собрании — ему, Ивану Ивановичу или Сергею Львовичу. Если же Вяч. Вас. не возжелает совместного заседания, то напomini С.Л. его обещание президировать заседанием Общества, если он будет в Москве. Если же С.Л. уже уедет из Москвы (что он считал довольно вероятным), то попроси за меня Ив. Ив. выполнить этот высокий общественный долг.

Здесь очень трудно с обувью. Здешний сапожник, работающий от Севастопольской артели, охотно всем делал резиновые сандалии, какие имеются и у нас. Но идиотское артельное начальство запретило их делать — отнюдь не почему-либо другому, а потому, что их фасон (!) не утвержден соответствующей инстанцией (!!) и не является достаточно изящным! Н.Н. Семенов, только что прибывший в Бати-Лиман, собирается по этому поводу писать заметку в газету.

Тапочки тоже здесь достать невозможно ни за какие деньги (я предлагал 100 руб. и более), но в Гусье-Песьем Доме (или в Москве) должны быть две пары.

Уже несколько дней подряд сплошное солнце при свежем ветре, хорошем прибое и волнах на море. Однако плавать каждый день можно и очень приятно. На солнце не жарко вследствие ветра, но купаться можно только на официальном пляже, так как все “персональные”

пляжи прибоем выведены из строя. Кроме того, над Бати-Лиманом, как и над Гусье-Песчим Домом, светит полная луна.

Очень беспокоюсь, что от твоего отпуска ничего не останется и что придется начинать год, не отдохнув, как следует.

Сейчас же телеграфируй мне, когда приезжаешь, а также, едешь ли через Севастополь или через Симферополь, чтобы я мог своевременно позаботиться об автомобиле.

Возьми с собою 2—3 полотенца из не очень хороших лохматых — здесь меняют полотенце раз в 10 дней, что совершенно недостаточно, а тут еще сегодня у меня пропало полотенце при купанье.

Билеты обратно здесь надо заказывать за 16 дней, поэтому числа 12-го мне надо будет уже точно знать, еду ли я в Киев.

Насчет необходимости пропуска в Бати-Лиман — до сих пор люди приезжают без пропуска. Но, конечно, лучше его иметь.

В Бати-Лимане отдыхают 4 члена-корреспондента, фамилии которых начинаются на букву “А”. Каково вероятное число всех, отдыхающих в Бати-Лимане, членов-корреспондентов?

С интересом читаю газеты.

P.S. Neugebauer’у я написал, воспользовавшись твоими сведениями и советами.

Прилагаемое письмо André Weil’ю передай, пожалуйста, по назначению.

-
- Марина — М.А. Козлова.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - “Селезень” — так называлась весельная лодка, на которой в 1938 году совершили свое путешествие по Волге П.С. Александров, А.Н. Колмогоров, А.И. Мальцев и С.М. Никольский.
 - Иван Иванович — И.И. Привалов.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.

29 мая 1940 г.

(из Тбилиси
в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Вчера, после довольно утомительного и чрезвычайно грязного путешествия прибыл, наконец, к 2 часам дня сюда.

Номер мне отвели прекрасный, самый приятный из всех номеров, в которых мне приходилось у нас жить (не исключая и “Астории”), в пятом этаже, угловой номер в виде кругового сектора в 120° с тремя прекрасными окнами и прекрасным видом из них на гору Давида, проспект Руставели (в сторону бывшей Эриваньской площади) и долину Куры. Номер снабжен ванной с постоянно действующей горячей и холодной водой и другими удобствами. Мебель очень хорошая, новая, все шкафы и столы запираются, и ничто не рассыпалось. Непрерывно меня сопровождает Чогошвили. На вокзале, кроме него, встречали еще Купрадзе и Векуа.

Сегодня утром был в банях (в следующих по качеству за банями Орбелиани Мирзоевских банях, куда меня тоже водил Чогошвили) и обрабатывался терпиком. Бани Орбелиани снесло ливнями чрезвычайными, которые здесь были столь внезапно, что вместе с банями будто бы погибли мывшиеся в них.

Здесь прохладно, и все время были дожди необычайной силы — настоящее стихийное бедствие. Сейчас отправляюсь в Институт, где буду видаться с Николаем Ивановичем Мухелишвили. Мои кваки уже, более или менее, намечены и будут состоять из одного большого квака и ряда топологических докладов — в великом общем семинаре, потом отдельно для Чогошвилиных студентов — в общем, довольно мило.

Завтра с утра я собираюсь на озеро Лиси. Купаться возможностей в самой Куре нет, так как она после дождей имеет цвет горохового супа.

Сегодня вечером напишу еще.

Мой адрес: Тбилиси, проспект Руставели,
гостиница “Тбилиси”,
номер 518.

Мой адрес для писем, по-прежнему,
ул. Махарадзе, 14,
Математический институт Грузинского филиала АН.

Писал тебе сегодня утром, а сейчас пишу о впечатлениях сложившегося к вечеру дня. Вечер, в собственном смысле, еще не наступил, а наступит в 10 часов пятью этажами ниже в ресторане гостиницы “Тбилиси”, где предполагается сегодня меня “встречать” в составе Николая Ивановича и всех прочих здешних математиков. Кстати, все маленькие рестораны, о которых ты мне говорил (и которые соответствуют упоминающимся в биографии Jordan’a “mehr oder weniger sauberen Weinstube” (более или менее пристойные винные заведения — нем.), игравшим, как известно, значительную роль в жизни великого инвариантиста), увы — безнадежно закрыты, и в Тифлисе ничего, кроме “Орианта” и “Тбилиси”, не осталось. В этих, последних, я и обедаю — вчера и сегодня, более или менее сносно, так как они, очевидно, несколько приспособились к вкусу руководящих представителей грузинской интеллигенции.

Днем, в 2 часа, был, так сказать, с официальным визитом у Ник. Ив. Мухелишвили и Викт. Дм. Купрадзе, dans leurs bureaux respectifs (в их официальных приемных — фр.). Все было чрезвычайно любезно, но, к сожалению, опять в течение часа обсуждалась проблема моего “оформления”, все из-за того, что Президиум Академии Наук до сих пор не соблаговолил не только утвердить меня, но даже, вообще, что бы то ни было ответить по этому поводу Николаю Ивановичу — получено лишь официальное сообщение о том, что Президиум не возражает против моего данного приезда сюда (т.е. приезда от 20 мая до 10 июня). Это сообщение получено в ответ на вторую бумагу — именно, на просьбу о командировании меня сюда на этот срок. А на основную бумагу, в которой Грузинский филиал АН просил меня назначить постоянным консультантом и которая была направлена как в Президиум, так и в Отделение физико-математических наук, ответа не последовало! Николай Иванович, по-видимому, на это несколько обижен (что, надо сказать, довольно естественно!) и говорит, не лучше ли производить мою оплату из местных средств, т.е., другими словами, отказаться от первоначального плана единого оклада по Академии Наук.

Мне же, конечно, со многих точек зрения, желательно осуществление именно этого первоначального плана. В частности, этот, первоначальный, план значительно упростит испрашивание разрешений от Университета — одно дело, если я еду в исполнение моих обязанностей по Академии, и совсем другое дело, если это будут гастроли по приглашению Тифлиса, которые, в этом случае,

будут мало отличаться от аналогичных гастролей, например, в Днепропетровск.

Все это меня чрезвычайно раздражает и выводит из себя, так как все дело, по-видимому, в неспособности академических канцелярий к разрешению, право же, не очень сложной задачи. И главное, не знаю, что тут нужно делать, чтобы преодолеть эту бюрократическую твердыню.

Пришел за мною Чогошвили, чтобы спускаться вниз на уже упомянутое пиршество.

Завтра напишу опять.

Распределение моих обязанностей уже окончательно установилось: 2 научных доклада, 2 лекции студентам, 2 публичных квака (собственно, один, но в двух частях).

Пиши мне, как ты там, на Кислых водах.

Гостиница "Тбилиси"

1 июня 1940 г.

(из Тбилиси
в Кисловодск, санаторий им. Горького)

И вчера, и сегодня — солнце, но в тени прохладно, и дует ветерок. А какие были ливни — это видно из того, что на многих помещениях висят объявления

ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Даже, говорят, писали, что были ливни в Северной Персии!

Писал тебе 29-го. Вечером того дня было пиршество в ресторане “Тбилиси” на базе хорошего “Кахетинского”, разных вкусных травок и шашлыка умеренного качества — хороших ресторанов в Тифлисе нет. Тамада был А.К.Харадзе и выполнял свои обязанности с большим движением и блеском. Николай Иванович приехал на своем ЗИСе, чтобы мне rendre ses honneurs (оказать честь — фр.), но на самый вечер не остался, так как два дня перед тем умерла его теща (мать Тамары Николаевны). Впрочем, он не остался потому (по его собственным словам), что все тбилисское общество сочло бы совершенно неприличным его появление в ресторане на другой день после похорон.

Все было, как я и ожидал, stimmungsvoll (исполнено значения — нем.), в лучшем смысле этого слова, и не только в силу красноречия и лирических речей тамады, но и вследствие певшихся грузинских застольных песен и общего характера грузинского Geselligkeit (светского общения — нем.). Так что было очень приятно. На пиршестве пили и за твое здоровье, единственного из отсутствовавших.

Вчера был прекрасный день, и я, прозанимавшись с 8 час. утра до 11 своей книгой, в 11 отправился на оз. Лиси. Сообщение туда довольно сложное — автобусы ходят только до дома специалистов, а оттуда километра 2-3 надо идти пешком, при этом в гору, что довольно жарко. Впрочем, тифлисское юношество, в своей значительной части, проходит весь этот путь в трусиках. Но я побоялся последовать этому примеру, настолько Чогошвили мне внушил, как важна в Грузии всякая корректность костюма (действительно, все научные деятели, и старые, и молодые, ходят в пиджаках, а многие при этом, еще и в жилетках). То, что юноши, направлявшиеся купаться, многие шли в трусах, вероятно, действительно связано с тем, что, в подавляющем большинстве своем, они были армяне, которые

к проблемам корректности костюма относятся, по-видимому, менее серьезно. Еще замечательно то, что среди находившихся на “пляже” озера Лиси была одна единственная девушка, но зато весьма развязно себя державшая.

На Лиси очень хорошо — совершенно прозрачная, очень теплая вода; можно получать лодки и байдарки — первые по цене 5 руб., а вторые — 3 руб. в час, чем и объясняется, что их (по крайней мере, в будний день) действительно можно получить. Очевидно, лица, могущие платить 5 руб. в час за лодку, не настолько стремятся к этому удовольствию, чтобы идти 3 км пешком по жаре. На берегу — очень хорошие большие и зеленые лягушки, которые при приближении к воде людей сейчас же плюхаются в воду. Но купаются не только люди и лягушки — когда я плыл довольно далеко от берега (у берега очень мелко), я вдруг был испуган, увидевши плывшего мне навстречу страшного буйвола! Но потом успокоился, увидевши, что их много и что никто их не боится. Впрочем, озеро Лиси есть не просто озеро Лиси, а “Парк культуры и отдыха “Озеро Лиси””. Смысл заключается в том, чтобы брать 20 коп. за вход в ворота, около которых сидит привратник с винтовкой!

Сегодня в 2 часа у меня был доклад.

Доклад происходил в очень многочисленной аудитории и был посвящен сегодня самым элементам гомологической топологии с многочисленными примерами и чертежами и, как я надеюсь, достиг поставленной цели: преподать Николаю Ивановичу, что есть группы Бетти. Завтра будут более высокие материи.

После доклада и похода к зубоврачихе обедал в “Орианте” переперченным борщом, рыбой кутуп (вроде леща) и двумя порциями черешен, которые и были единственным светлым моментом всего обеда. Потом читал газету, что делаю ежедневно с большим волнением.

1 июня 1940 г.

(из Тбилиси

в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Сегодня утром отправил тебе письмо и сегодня же, наконец, получил первое письмо от тебя. Мне сегодня плохо, так как окончательно разболелся зуб, который начинал болеть еще в Москве, в день отъезда — сейчас такая классическая, ноющая боль, которую воображаешь себе, когда Марочка Бокиштейн начинает с тобою беседовать о том, что ему не хочется ехать туда, куда там его назначили. Николай Иванович был чрезвычайно любезен, и сейчас же сам повел меня к своей зубоврачихе, которая приняла меня вне очереди и приступила к умерщвлению нерва, отчего сейчас зуб и ноет.

Утром сначала занимался, потом искупался в Кура. Была прекрасная погода, но на озеро Лиси идти было нельзя, так как в 2 часа у меня был доклад в институте. Кура годна только как солярий, так как и грязна, и чрезвычайно быстра — плавать в ней невозможно, а после нее надо в ванне смывать с себя (впрочем, только глину и известку).

Сейчас пишу письмо тебе и одновременно слушаю по радио четвертую симфонию Глазунова. Вспоминаю, как Брауэр говорил, что, подобно тому, как существуют симфонии патетические, пасторальные, героические и т.д., симфонии Глазунова должны бы называться “директоральными”, так как видно, или, вернее слышно, что их автор — директор консерватории. Впрочем, исполняемая сейчас 4-я симфония Глазунова мне нравится, хоть и не опровергает приведенного суждения Брауэра.

*С сегодняшнего дня и до конца шестидневки мне каждый день квакать: завтра Николаю Ивановичу о группах Бетти, послезавтра — публичный квак, четвертого — что-нибудь Чогошвилиным студентам, пятого — второй публичный квак. Этим мои обязанности здесь и окончатся. Все здесь чрезвычайно любезны и во всем идут навстречу. Чогошвилина мамаша покупает мне на базаре прекрасные яблоки (которые довольно трудно найти). Чогошвили предлагает у него обедать каждый день, но я решительно это отклонил. Но предстоит еще приглашение к Николаю Ивановичу к обеду, так что, всякой *Geselligkeit* (светская жизнь — нем.) хоть отбавляй!*

4 июня 1940 г.

(из Тбилиси

в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Сейчас мое радио играет очень хорошее старинное танго, со сложными вариациями, которое еще в 1927 году танцевали супруги Alexander.

Получил вчера твое второе письмо. Я уже имею билет на аэроплан в Москву, но только (так как они отправляются пока через день) еще не известно, вылетит ли это воздушное судно утром 9-го или утром 10-го — я должен прибыть в Москву вечером того же дня.

Вчера Купрадзе мне сообщил, что только что получен, наконец, ответ от Отделения физико-математических наук Академии, согласованный с Президиумом, о том, что они не возражают против зачисления меня постоянным консультантом Грузинского филиала. Само собою разумеется, все мои текущие расходы, связанные с самими поездками сюда — дорога, гостиница (а Купрадзе говорит, что и все остальные расходы) — будут покрываться здешним институтом, на что у них имеется 4000 руб. в год. Купрадзе, как и все остальные, очень внимателен, мил и любезен, он приятный человек и, вообще, мне нравится.

Великолепен Леван Петрович Гокиели, который элегантностью своего туалета, в подлинном смысле, мог бы украшать любое общество. Я перед ним совсем оборвыш. Вообще, грузины одеваются лучше москвичей и с большим вкусом. Не говоря уже о не сравнимом ни с кем Леване Петровиче, все одеты хорошо и изящно.

Доклады мои в Институте читались 1-го и 2-го июня и прошли с большим и несколько неожиданным для меня успехом. Наибольшей похвалой было для меня серьезное заявление Купрадзе, не могу ли я в точности те же два доклада прочесть еще раз, так как у него есть уверенность, что тогда он все поймет. Я сначала принял это за шутку, но он стал мне серьезно говорить, что он очень заинтересовался всем, но еще не мог усвоить все изложенные, новые для него понятия, и с полной настойчивостью повторил свою просьбу. Мы сошлись на том, что в следующий, более продолжительный приезд я прочту цикл из 10 топологических докладов для сотрудников Института.

Николай Иванович тоже видимым образом остался доволен.

Вчера был мой публичный квак, такой же будет еще завтра, после этого будет еще лекция-беседа с Чогошвилиными студентами, и на этом мои обязанности в этот приезд закончатся.

Третьего дня вечером был в гостях у Вальфиша. Он, и в особенности его возникающая из Гёттингена жена, мне понравились. У них две дочери: одной 6, другой 19 лет. Был приятно проведенный вечер, по-видимому, для всех присутствовавших, и, по-видимому, его приятность для всех была одинакового свойства. Вечер состоял из чая с прекрасным тортом и вареньями и бутылочкой вина.

П.С. Александров на лекции

Сегодня видел и всю здешнюю “молодежь”, во главе с твоими Баркалая и Вашакидзе, причем, хоть убей меня, никак не могу усвоить, кто из них Баркалая, а кто Вашакидзе. Они очень спрашивали о тебе (как и все остальные, впрочем) и кланялись.

За это время окончилась 4-ая симфония Глазунова, и начались другие творения того же автора, а сейчас предстоит шествие из “Золотого Петушка” Римского-Корсакова, под каковое я и пойду опускать это письмо.

*На озере Лиси очень хорошо. Там множество черепах!
Но на нашем Образцовском пруду еще гораздо лучше!*

-
- Супруги Alexander — Alexander James Waddel и его жена Наталья Александровна.
 - Николай Иванович — Н.И. Мусхелишвили.

10 июня 1940 г.

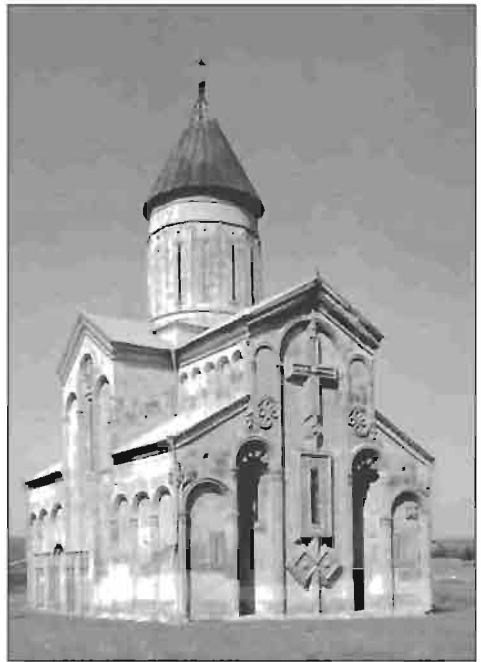
(из Армавира, с дороги,
в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Перед самым отъездом получил твое четвертое письмо. Теперь надеюсь получать письма в Москве. Как видишь, я все-таки еду в поезде, а вовсе не лечу. Дело в том, что у меня был билет на 9-е, но произошло какое-то нарушение движения, и самолеты 5-го и 7-го не отправлялись. Насчет перспектив отправки самолета 9-го было все достаточно неопределенно, и я, в конце концов, решил ехать поездом. Мой сосед по купе — молодой грузинский дирижер и композитор Аветисов, очень культурный, скромный и приятный человек, и мы с ним приятно беседуем на разные музыкальные темы.

3 июня я передал Николаю Ивановичу свою заметку “Вывод закона двойственности Александра—Понтрягина из закона двойственности Колмогорова” для “Сообщений Грузфана” — журнала, аналогичного “ДАН”, но значительно превосходящего его по красоте шрифта, расположению формул, и, вообще, в отношении внешности.

8-го уже были готовы корректуры, которые я, к сожалению, не успел просмотреть. Поэтому читать корректуру будет Чогошвили. Кстати, я предлагаю для сумм, пересечений, включений использовать грузинские литеры. Латинские буквы для этого гораздо меньше подходят (из-за сходства в начертании латинских U и V). Есть подходящая грузинская буква и для пустого множества.

7-го вечером был заключительный торжественный вечер в “Орианте” с участием Николая Ивановича, Купрадзе, Векуа, Гокиели и ряда других, более молодых, лиц, включая, конечно, Чогошвили. Вечер состоял из “Кахетинского”, хорошего шашлыка и большого количества свежих вкусных огурцов. Тамадой был Николай

Храм в Самтависи (Горийский район)

Иванович. Как всегда, было множество речей и, кроме того, грузинского пения (хорошего). Все это закончилось в 4 часа утра.

На следующий день, т.е. в день моего отъезда, 8-го, был занятнейший обед (с огромным количеством зелени и клубники, небольшим количеством вина и виноградным соком в качестве основного напитка) у Чогошвили, т.е., вернее, у его сестры в их прекрасном особняке — огромном, двухэтажном, от которого в распоряжении сестры Чогошвили осталась лишь одна комната, занимаемая ею с ее 14-летней дочерью. Сестра Чогошвили производит, действительно, в серьезном смысле этого слова, очень приятное впечатление большой старой культуры и настоящего аристократизма.

Прямо оттуда на ЗИСе Николая Ивановича я был доставлен на вокзал, где меня провожали, кроме Чогошвили, Купрадзе, Харадзе и Леван Петрович. А также некий Алеша — “адъютант” Николая Ивановича, которого он представлял (сам Н.И. был на государственном экзамене — председателем). Так что, уезжал я очень важно...

Мне Леван Петрович Гокиели подарил на дорогу интереснейшую книгу — полное собрание музыкальных фельетонов Чайковского (из “Русских ведомостей”) — библиографическая редкость, так как издано в 1898 году. Это большая книга, около 400 страниц, которую я почти наполовину уже прочел с огромным интересом. Помимо интересного содержания, множества интересных характеристик отдельных композиторов и произведений, это и по форме — блестяще и чрезвычайно остроумно. Так что, это, действительно, очень ценное пополнение библиотеки Г.П.Д.

-
- Заметка под таким названием действительно опубликована в журнале “Сообщения Грузинского филиала АН СССР” (1940, т. 1, с. 401—410).
 - Николай Иванович — Н.И. Мухелишвили.

15 июня 1940 г.

утро, на голубятне Г.П.Д.

(из Комаровки

в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Поезд мой из Тифлиса прибыл в час ночи с 11-го на 12-е июня, с опозданием на 5 часов. Я едва успел перебраться при помощи чужого автомобильного экипажа на Ярославский вокзал и попасть на последний поезд (1 ч. 55 м.), с которым и приехал сюда.

Дорогу от Тарасовки до Г.П.Д. шел прекрасным “седым и туманным утром”, воспетым И.С. Тургеневым и А.А. Блоком. На Клязьме лежал туман, и пели птицы. Это мне напомнило утра на Волге 1929 года, когда тоже пели птицы...

Придя домой, где мне все очень понравилось, где было много зелени и совсем не было комаров, я отправился с песиком Шариком купаться, а потом уж стал мыться и лег спать. Утром встал в 7 час. к парикмахеру. Утро все еще было прекрасное, солнечное, и небо безоблачное. Но уже к 10 часам небо затянуло облаками (пресловутая *beai piageix* (переменная облачность — фр.), как на озере Мстино), так что, очарование продлилось недолго...

С 1 июня здесь все время шли дожди, поэтому такая цветущая зелень. Третьего дня и вчера дождя не было, но все время очень холодная погода. Но все же в Г.П.Д. очень хорошо, и еще весна, и особенно хороши утра, когда “все уже так светло и так еще безмолвно” (т.е. еще не раздается голос М-те Спицыной).

Каждый день — необыкновенно хорошее утро,

Павел Сергеевич у Комаровского дома

исполненное солнца, птиц и тишины. Впрочем, третьего дня и весь день простоял солнечный с небольшой облачностью, и я катался с Шариком на лодке, не доехав, впрочем, до Образцовского пруда. Вчера, после такого же солнечного утра, часов в 10 все небо заволкло тучами, а в 11 пошел холодный дождь, который потом несколько раз возобновлялся. Так как сегодня я еду в Москву, то, наверное, весь день будет хорошая погода.

Вчера целый день занимался своей книгой.

После Тифлиса писал тебе длинное письмо с дороги (опустил его где-то после Армавира). Надеюсь сегодня найти у Лины Самойловны целый ворох твоих писем.

Еду через полчаса в Москву по делам Математического общества, коего распорядительное собрание будет завтра. В университете вообще еще не был (так как из Тифлиса прямо отправился сюда) и никого из коллег не видал (кроме отдыхающего в Болшеве С.П. Финикова — он очень любезен и, по-видимому, не очень обиделся на место в моем докладе о классической дифференциальной геометрии).

Вчера вечером слышал по радио большое ликование из Берлина, следовавшее за информацией; самую информацию уже не застал, но, впрочем, и так все известно.

Сейчас пойду купаться и сразу же после этого отправлюсь в Москву. Приезжай скорее. Вера Яковлевна здорова.

-
- Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Спицына — соседка по Комаровке.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Книга — здесь впервые упоминается книга П.С. Александрова “Комбинаторная топология”, которая была полностью подготовлена к публикации в 1941 году, но война надолго отсрочила выход этой книги, и она вышла лишь в 1947 г. в Физматгизе. Отзыв А.Н. Колмогорова об этой книге мы помещаем в дополнение к его письму от 28 июня 1942 г.

22 июня 1940 г.

в день летнего солнцестояния

(из Москвы)

в Кисловодск, санаторий им. Горького)

Пишу тебе на львовской бумаге вечером в Москве, чуть не в 11 часов, опаздывая в Г.П.Д., но не хочу откладывать письмо на завтра, так как (мне сообщил Боря) 25–26-го ты собираешься приезжать.

15-го, 16-го, 17-го был в Университете — экзаменовал и заседал.

16-го вечером было распорядительное собрание Математического общества с перевыборами Правления. В общем, перевыбрали старое Правление, лишь с небольшими изменениями — секретарем избрали Вячеслава Васильевича (об этом см. ниже), забаллотировали Сегала и Берманта (последнего — в ревизионную комиссию), зато избрали в Правление вновь Гельфонда, Плеснера и Тумаркина. Впервые за 8 лет моего президентства меня выбрали единогласно, и никакая другая кандидатура в президенты не представлялась (только мною самим, как полагалось в более традиционные времена, была названа кандидатура Ивана Ивановича Привалова, которая тут же была им снята). Иван Иванович прошел в вице-президенты почти единогласно, Сергей Львович с довольно большим числом противников, но все-таки с вполне приличным большинством. Недостаточное единогласие при выборах вице-президентов объясняется тем, что была выдвинута еще конкурирующая кандидатура Гельфонда, которая (так как Гельфонд при голосовании отсутствовал) хоть и снималась, по его поручению, Львом Абрамовичем, но все же получила некоторое число голосов.

Избрание секретаря сопровождалось некоторым, хоть и небольшим, скандалом, содействовавшим оживлению чрезмерно благопристойно проходившего собрания. После отказа Кочина от должности секретаря была названа кандидатура Куроша, который, однако, отказался, произнеся речь, действительно, весьма неудачную, из которой было ясно, что должность секретаря недостаточно величественна для него. Тогда Вячеслав Васильевич пришел в негодование и сказал, что он, будучи одним из старейших членов Общества, полагает, что Курош проявил оскорбительное отношение к Обществу и, в противовес Курошу, выставляет свою собственную кандидатуру в секретари. По этому поводу собрание разразилось аплодисментами, Сергей Львович также выставил свою

кандидатуру в секретари, но был благополучно избран в вице-президенты. А Вячеслав Васильевич был, естественно, единогласно избран в секретари Общества. Курош же вообще не был избран в Правление, хотя до его выступления его кандидатура представлялась естественной и почти бесспорной.

Сегодня была защита диссертации Черникова при оппонентах Шмидте, Куроше и мне. Шмидт выступал очень хорошо и интересно, главное, что он сам сделал несколько работ по поводу диссертации Черникова, из которых одна сдана в “Доклады”, а другая в “Математический сборник”. Я всегда очень люблю, когда Отто Юльевич занимается математикой.

28-го — диссертация Котова, на которой предполагается скандал. Ожидается, что ты к этому времени приедешь и будешь участвовать в заседании.

Сегодня утром мы с Львом Семеновичем экзаменовали Засухина, Папуша, Чебана и Садовского по топологии и теории непрерывных групп. Папуш провалился, Чебан выдержал на “еле-еле”, Садовский отвечал так себе (в частности, все старался построить сначала мультипликативную, а потом аддитивную группу из одних иррациональных чисел, а потом из иррациональных чисел и нуля!), а Засухин отвечал очень хорошо, не только лучше всех остальных, но и безотносительно. Его спрашивал Л.С. и остался им очень доволен.

Потом я обедал у Л.С. и был, в виде особого деликатеса, угощаем гречневой кашей с домашним, очень вкусным квасом. А потом была диссертация и все последующее.

На нас надвигается еще бедствие особого рода — Юлия Антоновна написала книгу по основаниям геометрии и заявила в издательство, что просит ее послать на отзывы тебе и мне, а меня просили передать тебе ее просьбу не отказать ей в этом отзыве. Моя фамилия названа, так как в книге имеется топологическая часть, которой и предполагается, что я дам отзыв. Эту книгу Юлия Антоновна предполагает сделать частью своей докторской диссертации, причем я не понял, собственной или несобственной частью, т.е. предполагает ли она присоединить к ней еще и дополнительные специальные исследования.

За время с твоего отъезда немцы, как известно, заняли Париж и пол-Франции, но на фронте нашего деканского кризиса никакого продвижения не произошло — неизвестно, почему, так как все го-

ворят, что и Иван Георгиевич отказывается не очень категорически, и Александр Осипович согласен занять место Сергея Львовича в Математическом институте АН, и Сергей Львович не очень отказывается.

И, тем не менее, все остается на своих местах!

Вячеслав Васильевич чрезвычайно злится на Двухшерстова. С Шурой-Бурой тоже никак вопрос не может решиться, Рохлина и Арамановича еще не утверждают в кандидаты в аспиранты и т.д...

Сейчас еду, наконец, домой. Вчера был все-таки на Образцовском пруду. Погода уже 4—5 дней прекрасная. Но ночью бывают дожди, поэтому зелень необычайно яркая и пышная. У Грачева огромный гусь сторожит двух совсем маленьких гусят, которые находятся под железной сеткой и очень хороши. Приезжай, пока они не выросли.

Я уже получил и оплатил путевки в Бати-Лиман тебе и мне с 8 августа по 6 сентября. Мне предоставлена, кроме того, путевка на сентябрь, но я ее не взял, так как едва ли смогу остаться на сентябрь в Бати-Лимане. Пока путевка еще держится за мной, но 28-го я должен дать окончательный ответ.

-
- Боря — Борис Владимирович Гнеденко.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Лев Абрамович — Л.А. Тумаркин.
 - Лев Семенович — Л.С. ПонTRYгин.
 - Юлия Антоновна — Ю.А. Рожанская.
 - Иван Георгиевич — И.Г. Петровский.
 - Грачев — сосед по Комаровке.

17 декабря (ст. ст.) 1940 г.

(из Тифлиса, гостиница “Тбилиси”, № 213,
без конверта)

Прибыл в город Тифлис с опозданием на 4 часа, но так как при этом оказалось, что опоздание должно было быть еще больше (некоторая часть его была нагнана поездом перед самым прибытием его), то посланный за мною автомобильный экипаж опоздал более чем на полчаса — во всяком случае, я ждал его полчаса и не дождался. Отправился в Математический институт при помощи электрического трамвая и некоего юного курда, который и тащил мои вещи за 10 руб. Из Института в гостиницу меня уже вез автомобиль.

Увидавшись вчера с Купрадзе, выяснил, что теперь установлены новые, более жесткие, чем ранее, правила об оплате командировок, в силу каковых на мое пребывание здесь ассигновано всего оптом 3000 рублей, включая сюда и дорогу, и гостиницу, и, вообще, решительно все. В связи с этим Купрадзе благоразумно нанял мне номер не за 60 руб., как в прошлый раз, а всего за 35 руб. Номер, не имея прошлого великолепия, тем не менее, имеет весь необходимый комфорт: ванну с постоянно действующей горячей водой, телефон, и т.п. Самое же главное достоинство, по сравнению с прошлым приездом, заключается в том, что до сих пор, несмотря на тщательнейшие поиски, не обнаружилось клопов. Впрочем, память о моей деятельности по их истреблению в прошлый раз вполне живет в гостинице до сих пор, и самое мое появление в ней сейчас же было осознано и ассоциировано именно с только что упомянутыми происшествиями, по-видимому, неприятными не только для меня, но и для всех участников оных. Вид из моей комнаты приятный и лирический, не на самый проспект Руставели, а более на боковую улицу, спускающуюся к Куре. Непосредственно перед моим окном, по ту сторону этой маленькой улицы, прекрасный парк с кипарисами, а на заднем плане — красивая церковь в строгом грузинском стиле.

Обедал вчера и сегодня в “Орианте” — плохо и дорого. По протекции Купрадзе, мне обещан с завтрашнего дня приватный стол в семействе одного из работников Института, тоже по 25 руб. за обед, но зато гарантируют безукоризненную доброкачественность. Пока у меня еще цело масло и сыр, который мне сделала в дорогу Марина. Вечером ем яблоки и мандарины, также привезенные из

Москвы. В общем, уже обед и номер стоят 60 руб. в день, так что от 3 000 рублей за 35 дней не так уж и много остается.

Твое письмо Мухелишвили я не передал, так как не видел его: он вчера уехал в Москву, и ты с ним, наверное, увидишься, что и для меня желательно. Купрадзе же твое письмо передано, но в ответ получены пока одни лишь неопределенные любезности: по-видимому, он еще не знает, из каких денег будет тебе платить.

Привозить тебе много чего придется, а именно:

1. Туфли мне для ходьбы по городу (у моих башмаков неожиданным и трагическим образом стали отваливаться подметки, и это грозит полной катастрофой).

2. Темные очки в зеленом футляре — должны быть в правом, третьем сверху ящике моего письменного комаровского стола (в этом ящике, вообще, сложен всякий дряг). Если, сверх ожидания, их там нет, то они могут быть у меня на комод в спальне или в верхних ящиках моего московского письменного стола. В левом ящике московского стола — всякие мои важные документы: сберегательные книжки, билет профессионального союза, ключи и прочее — поэтому в обращении с этим ящиком требуется деликатнейшая аккуратность.

3. Наушники — должны быть или в Г.П.Д., в уже упомянутом третьем сверху правом ящике письменного стола, или на комод, или в верхнем левом ящике моего московского письменного стола.

4. Мои лыжные кожаные рукавицы. Мои варежки к ним (шерстяные) должны быть у меня в спальне (в Г.П.Д. — в передней, на вешалкиной полке, на комод или на окне).

5. Лыжные башмаки (мне).

Из продовольствия необходимо привезти:

6. Масла сливочного (высший сорт, лучше слегка присоленное) — не менее полкило.

7. Яблок — два — три кило.

Из культуры возьми

8. Конверты и почтовую бумагу.

В дорогу пусть Марина тебе сделает ватрушки и творожный сыр с тмином (он прекрасно сохраняется, и если ты не все съешь в дороге, то с большим удовольствием будем его оба есть здесь).

Ну, дела, кажется, все.

На дворе стоит хорошая осенняя погода, как у нас бывает в конце октября. Довольно много солнца, впрочем, был однажды и сильный дождь, к которому присоединилось и некоторое подобие мокрого снега, впрочем, ненадолго. В гостинице, как, по-видимому, и вообще в Тифлисских домах, двойных рам в окнах нет, что по утрам, во время гимнастики, очень приятно.

Сегодня в качестве орденоносца брился вне очереди в переполненной (по случаю кануна Нового года (письмо написано 17 декабря ст. стиля, т.е., действительно, в канун Нового года)) парикмахерской и купил себе номер на завтра в уже отремонтированные бани Орбелиани. Билеты бывают распроданы за неделю вперед. Для тебя тоже припасу билет на двенадцатое или тринадцатое. А тебя самого буду ждать одиннадцатого.

Вчера был в здешнем драматическом театре им. А.С. Грибоедова на пьесе “Кремлевские куранты”. Играли хорошо, хороша и постановка, и театр приятный. Очень мне понравилось место, где Ленин одному молодому человеку советует в вопросах любви держаться старого, так как из всех новых разглагольствований ничего, кроме грязи и пошлости не получилось. Так и сказал: “Советую любить по-старому”. А молодой человек резюмировал эти слова своей возлюбленной, говоря, что будет любить ее по-старому, “без всяких Колонтаев”.

В дороге я читал “Педагогическую поэму” Макаренко — автор, в самом деле, талантлив и интеллектуально, и литературно, и, главное, эмоционально. И очень уж там хорошо описаны наркомпросные дамы (“дамсоцвос”).

• Марина — М.А. Козлова.

29 июля 1941 г.

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

Десять дней от нашего отъезда из Москвы прошли так: трое суток мы ехали поездом; на вокзале были любезно встречены Отто Юльевичем, который в тот же вечер направил нас в Университет, где мы и пребывали следующие трое суток в ожидании предоставления нам помещения. Следующие за этими трое суток ушли на перевозку и раскладку вещей и на устройство. Сегодня первый день обедали дома, и сегодня я впервые почувствовал себя как-то устроенным на этом новом положении. Теперь жду твоего скорого приезда.

Мы устроены, по теперешним временам, очень хорошо (лучше огромного большинства даже и более важных лиц — в двух комнатах общей площадью в 45 метров. Комнаты эти получили совершенно случайно через оказавшуюся в Казани гимназическую подругу Варвары Сергеевны. Официальный путь, несмотря на все административные таланты Отто Юльевича, редко приводит к удовлетворительным результатам (официальным путем при этом называют тот, при котором получается у О.Ю. ордер на какую-то площадь, а не наоборот, сообщается площадь и на нее испрашивается ордер).

Мы не взяли многих вещей, которые легко можно было взять (наш багаж оказался по своему объему значительно меньше среднего багажа, не говоря уже о багаже академика Соболева или члена-корреспондента Ландсберга). Отсутствие некоторых вещей значительно осложняет хозяйство.

Перечислю некоторые, которые было бы весьма желательно привезти.

а). Из хозяйственного оборудования: эмалированные миски (Вера Яковлевна думала, что взяла их, но их нет в багаже — не выложил ли ты их при перекладке ее багажа у Соболевых?). Далее, хоть некоторые электроприборы: утюг, плитка, чайник (новый) — здесь voltage такой же, как в Москве.

б). Из продовольствия: непременно привези хоть 5 кг пшеничной муки (у Марины) — иначе нельзя делать такие блюда, как сырники и другие многочисленные изделия из творогу; далее — кофе, прованское масло, сахарный песок (Марина).

Все это надо погрузить не в чемодан, а в оцинкованный овальный таз, в котором мы когда-то мылись на Клязьме. Этот таз прекрасно можно затянуть какой-нибудь материей и перевязать хорошо веревками — так поступали решительно все, особенно “детные”

семейства. Эта упаковка нисколько не более громоздка, чем чемодан (у нашего таза имеются две удобные ручки, за которые его можно нести, и он великолепно может быть, как показывает опыт, взят даже в мягкий вагон). Сам таз чрезвычайно необходим, как для нашего собственного мытья, так и для стирки белья. Никаких других хозяйственных вещей, кроме тех, которые поместятся в этот таз, можешь не брать.

в). Из культурного оборудования: привози всю хорошую бумагу (она частично находится в моем московском книжном шкафу на двух верхних полках, частично — в среднем ящике моего московского письменного стола).

Неприменно привези мою машинку (латинский шрифт, находится в Москве), копировальную бумагу (находится в Комаровке, в киселевском шкафу слева), и одну или две ленты в 13 мм. Вчера Л.С.Пон-трягин весьма встревожено сообщил мне, что здесь нет никакой возможности достать ни лент, ни копировальной бумаги для пишущей машины. Поэтому он телеграфировал тебе просьбу захватить с собою для него ленты в 13 мм и в 16 мм, а также копировальной бумаги.

Вот и все из вещей — как видишь, все может быть взято в вагон. Конечно, возьми с собою постель для вагона (мы ехали трое суток).

Из математических книг чрезвычайно важно было бы взять вполне уникальную у нас книжку Зейферт—Трельфалля “Топологические методы в вариационном исчислении” (изложение теории Морса — прекрасное) и известную тебе книжку Кэлера о системах дифференциальных уравнений.

Из нематематических книг хорошо было бы взять географический атлас, которым мы всегда пользовались.

Неприменно привези палатку.

Когда приедешь, установим, как все пойдет дальше. Я надеюсь, ты сам понимаешь, что на этот раз я все же несколько беспокоюсь за тебя, что беспокойство это имеет более или менее непрерывный характер, в соответствии с вызывающими его причинами. Поэтому я думаю, что ты будешь часто мне писать, а в случае нужды, и телеграфировать.

Не знаю, застанет ли тебя это письмо еще в Москве. Может быть, застанет, а если нет, то тем лучше — тем скорее, значит, увидимся! Я очень скучаю все время и исполнен всякой грусти, которая, впрочем, конечно, сразу рассеется, когда ты приедешь, и даже рассеивается при каждой известии от тебя. Мне очень жаль, что хоть несколько этих дней не удалось мне побыть еще в Комаровке.

Сделай все возможное для устройства нашего дома, может быть, вновь будем благополучно в нем жить уже и в скором будущем.

Иван Матвеевич заявил в моем присутствии, что передает обязанности директора Ариадне Дмитриевне Соболевой. А Ариадна Дмитриевна сказала мне, что телеграммой вызывает Сергея Львовича, так как, по заверению всех сотрудников Математического института, с которыми ей приходилось говорить, его присутствие в Институте совершенно излишне и бесполезно. По-видимому, во исполнение поручения Ивана Матвеевича, Ариадна Дмитриевна выйдет в Москву, а Сергей Львович — в Казань!

Был у Александра Яковлевича. Он все еще не устроен и живет (как и мы в первые три дня) в самом Университете. Наша встреча была хороша и даже несколько лирична. Я постараюсь ему помочь в приискании комнаты, может быть, это мне и удастся.

У нас все благополучно, все здоровы и сыты. Справку о карточках, конечно, передал Вере Яковлевне, и В.Я. уже получила, как и все мы, свою карточку.

Купаюсь каждый день в речке Казанке, по которой, как известно, “сизый селезень плывет”. И действительно, на ней все утки, а не гуси. Речка запружена, глубока, раза в два шире Учи под Мамонтовкой и достаточно чиста. Но, конечно, купанье в ней не идет ни в какое сравнение с купаньем в Волге, на которой я был покамест два раза.

Кланяйся от меня Марине, и скажи, что я твердо надеюсь, что все пойдет хорошо и что скоро мы все вновь заживем в Комаровке.

Приезжай скорей!

Само собой разумеется, кланяйся Лине Самойловне.

-
- *Варвара Сергеевна* — В.С. Александрова.
 - *Отто Юльевич* — О.Ю. Шмидт.
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Марина* — М.А. Козлова.
 - *Александр Яковлевич* — А.Я. Хинчин.
 - *Иван Матвеевич* — И.М. Виноградов.
 - *Соболева Ариадна Дмитриевна* — жена С.Л. Соболева.
 - *Лина Самойловна* — Л.С. Нейман.

5 августа 1941 г.

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

За все время я получил от тебя одно письмо (от 21 июля) и одну телеграмму (от 26 июля), и твое молчание меня беспокоит, тем более, что различные академические деятели приезжают, и ты мог бы дать мне что-либо о себе знать хотя бы через них. Отто Юльевич уже давно в Москве, а о твоём приезде все еще нет никаких известий. Математический институт Академии Наук, в лице его здешних представителей, чувствует себя довольно неопределенно и не знает, существует он или нет, из кого он будет состоять и как будет работать.

Вчера у нас было заседание здешнего коллектива математиков с заслушиванием доклада Б.Н. Делоне об его работах по теории Галуа (всем в Москве этот сюжет уже многократно излагался) и последующими организационными вопросами. В результате для занятия этими последними выбрано бюро в составе Виноградова, Чеботарева, Парфентьева (председатель здешнего физ.-мат. общества), меня и Тихонова. Кроме того, заочно выбрали тебя и С.Л. Соболева. В частности, мы с Парфентьевым будем заниматься выяснением того, какие возможности имеются для приехавших математиков получить работу в здешних вузах. А.Я. Хинчин также принимал деятельное участие в этом совещании.

Все здоровы, все идет благополучно. Обедаем мы дома, снабжаемся базаром (кроме хлеба, который уже регулярно получаем по карточкам). Никаких денежных поступлений пока еще не было.

Погода довольно переменная, жаркие солнечные дни сменяются холодными и ветреными. Я каждый день купаюсь, по большей части, в Казанке, или же езжу на Волгу.

В местной газете сообщалось, что занятия на старших курсах Московского университета начались с 1 августа. Очевидно, с 1 сентября начнутся занятия на всех курсах?

Приезжай скорее и пиши или телеграфируй (твоя единственная, телеграмма-молния пришла сразу!). Твоего приезда все очень ждут по целому ряду важных поводов. Полная неизвестность о твоём приезде меня и беспокоит, и очень затрудняет в целом ряде случаев, поэтому найди какую-нибудь возможность дать о себе знать. Ведь без известий от тебя получается совершенная неопределенность, в которой никак не налаживается жизнь.

Некоторая часть наших книг (которая была упакована в мягком саквояже) уже пришла с библиотекой энергетического института. Другие наши книги, в том числе, и рукопись моей книги, до сих пор не разысканы, но все надеются, что они не пропали.

Привези мне еще чернил для вечной ручки (у меня в Комаровке на столе в маленькой бутылочке “Pellican” и в шкафу — остатки).

П.С. Александров

-
- *Отто Юльевич* — О.Ю. Шмидт.
 - *Рукопись моей книги* — см. Примечание к письму от 15 июня 1940 г.
 - *Математический институт* — Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР (МИАН, г. Москва) существует как самостоятельное научное учреждение с 1934 года, когда он официально выделился из состава Физико-математического ин-та АН, организованного В.А. Стекловым (в Петрограде) в 1921 году. С 1932 года — года фактического отделения МИАН и по день своей кончины в 1983 г. директором МИАН был академик И.М. Виноградов. (В годы войны, в период эвакуации ряда учреждений Академии наук в Казань, директором Института был академик С.Л. Соболев.)

24 марта 1942 г.

(из Казани

в Москву, с оказией)

Так как я “на больном положении” сижу дома (кашель мой, оставаясь чисто поверхностным и горловым, все же несколько усилился), то целые дни занимаюсь и завтра, наконец, кончаю свою работу. Останется еще всякая деятельность по ее окончательному оформлению, и, особенно, изготовлению русского издания для “Известий”. Я думаю, что в две недели я с этим управлюсь сам. После этого все еще останется некоторая работа для иностранной машинистки (перепечатка начисто английского текста) и для вставления формул (Раухваргер), как в чистовой английский текст, так и в русский. (Речь идет о статье: “On homological situation properties of complexes and closed sets”, опубликованной на английском языке в “Trans. Amer. Math. Soc.”, 1943, v. 54, p. 286–339. Русское издание этой статьи появилось в “Известиях АН СССР. Сер. матем.”, 1942, т. 6, с. 227–282.)

Дальнейшие научные планы у меня есть, и я даже уверен, что мои “предчувствия” могут быть претворены в доказательства, но удастся ли мне эти доказательства, вопрос, конечно, другой. Во всяком случае, я собираюсь довольно много заниматься.

Вообще же, мне трудно жить в великие времена не почему-либо другому, а главным образом, потому, что я утрачиваю свое внутреннее равновесие и какие-то свои ориентиры. В свое оправдание я могу, во всяком случае, сказать, что все, прочитанное мною в нынешнем году по части изящной литературы, показывает мне, что тот “камерный” человеческий характер, которым я обладаю, является господствующим характером человека недавнего прошлого, и это нелегкое дело — переходить в другую “тональность”.

За это время пришли два письма: от Бори и от Е.Е. Слуцкого, которые и посылаю. Первое из них меня очень расстроило, так как, как ты увидишь сам, очень уменьшает шансы на приведение “московского отделения Московского университета” в удовлетворительный в научном отношении вид, и, в частности, очень уменьшает шансы на возобновление моей работы в университете. У меня, правда, остается слабая надежда на то, что Орлов в своей ашхабадской речи несколько сгустил краски. Надеюсь и на то, что правил совсем без исключений почти не бывает. Во всяком случае, я во всем полагаюсь на тебя и имею, со своей стороны, лишь одно желание — чтобы нам — в Москве или в Казани — но быть вместе. Остальное решай в зависимости от объективных обстоятельств.

Пишу тебе в полном и абсолютном мраке, так как погасло электричество (ты сам, вероятно, сможешь определить то место моего письма, которое соответствует этому моменту).

25 марта 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Пишу тебе вновь с оказией (через Акушского), поэтому посылаю и письмо Куроша, только вчера полученное. В соответствии с его темпераментом, оно исполнено еще большего волнения, чем письмо Бори, которое я послал тебе третьего дня тоже с оказией (с женой Шнейдера). Если оказии верные, то я не вижу оснований не посылать с ними пришедшие на твое имя письма, правда? Кроме того, тебе пришло письмо от великого Биркхофа, собственно, содержащее уведомление о том, что им, Биркхофом, послана для юбилейного номера “Математического сборника” статья о нерешенных вопросах теоретической динамики. Ничего большего (кроме любезностей) письмо не содержит.

Погода, по-прежнему, холодная, хотя и не такая холодная, как в день твоего отъезда, но зато пасмурная и ветреная. Я все эти дни никуда не выходил из дома и никого не видел, так что, не знаю, что делается в Академии.

Варвара Сергеевна за это время прочла мне вслух “Маскарад” М.Ю. Лермонтова. Впечатление, произведенное этим творением, складывается из раздражения по поводу его убогого содержания, которое, быть может, извиняется лишь мальчишеским возрастом автора (без всякой, впрочем, привлекательности, свойственной этому возрасту) и из восхищения собственно драматургическим мастерством — такой компактности и напряженности действия в русской драме, вообще, невозможно найти (говорю о драме, а не о комедии, поэтому не прегрешаю перед памятью Н.В. Гоголя). К удивлению и разочарованию моему, стих, которым написано все произведение, в целом так же, как и его философия, вполне находится, скажем, на уровне Коли Ньюберга. Я давно хочу перечитать “Героя нашего времени”, чтобы проверить свои юношеские впечатления о нем. Там, насколько мне помнится, вкус и ум находятся в более выгодном отношении к непосредственному таланту, чем во многих других произведениях того же автора. Но непосредственно обаяния его личность, по-видимому, не имела, потому что это свойство, в отличие от других, никакой “поэтической зрелости” для своего проявления не требует.

Сейчас размышляю над несовершенством мироздания — к каковым размышлениям, воистину, достаточно имеется поводов. И хотя поводы эти, увы, совершенно элементарны и нисколько не

выспренни, все же вновь и вновь прихожу к тому, что всякое смятение человеческого духа в наиболее совершенной форме передается из всех искусств музыкой, и что музыка поэтому именно и расцвела в эпоху, когда основной формой душевной жизни стало именно движение духа, а не его спокойная и созерцательная сущность. А уж, к чему и перед чем это движение и смятение было, покажет будущее.

В самый день твоего отъезда ко мне пришла супруга нашего бывшего аспиранта Шнейдера по делу своего мужа, обстоятельства которого она тебе расскажет (с нею пойдет это письмо). Что Шнейдер хороший математик, ты знаешь сам, так что, мне его рекомендовать тебе нечего. В качестве хорошего математика, а также способного, дельного и в высшей степени добросовестного и исполнительного человека, умеющего культурно и честно работать, я его самым искренним образом могу рекомендовать кому угодно.

Лина Самойловна пишет, что договорилась, что одна ее знакомая (которая живет в точности против нашего дома) будет обслуживать тебя. Имей это в виду.

Сегодня, через час, иду в Институт на топологический кружок и потом на свою лекцию. Из множества деятельностей, произведенных в процессе писания этого письма (чистка машинки, кофе и др.), следует, что мне уже давно пора идти, особенно имея в виду, что мне надо еще склеить конверт, побриться и пообедать.

Поэтому письмо кончается.

-
- Юбилейный номер — может быть, имеется в виду номер, который должен был выйти к 25-летию Великого Октября.
 - Боря — Б.В. Гнеденко.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.

27 марта 1942 г.

(из Казани

в Москву, Трубниковский пер.)

Сегодня первый весенний день, на улице — 1°, сильный влажный ветер, и по голубому небу быстро проносятся разорванные облака. Ясно воображаю себе Комаровку и совсем не представляю себе ни как, ни где ты живешь, ни университета, ни что делается у нас дома. От тебя получил сегодня телеграмму, сообщающую, что ты прилетел благополучно. Телеграмма от 25-го, и это непонятно, так как ты вылетел 22-го.

Здесь все наполнены происшедшей сменой в составе Президиума Академии и без конца ее обсуждают, ничего в ней не понимая и не зная, кто же будет новый вице-президент Академии.

Вчера читал в университете лекцию. Лекции мои проходят с успехом, так как, кроме Адо и Широкова, их стал слушать еще Гагаев, и ни один слушатель не потерялся. Лекции я и теперь читаю с удовольствием, но с еще гораздо большим удовольствием читал бы их в Москве.

Лев Семенович нам вчера в семинаре рассказывал замечательную вещь, а именно: существуют такие ориентируемые многообразия, которые нигде не могут быть границей никакого ограниченного многообразия или суммы ограниченных многообразий. Примером такого многообразия является комплексная проективная плоскость. Он предполагает также, что в некоторых комплексах существуют циклы, не гомологичные никаким многообразиям или суммам их. Отсюда получаются новые “группы Бетти” (собственно, наоборот, самые старые — те, которые и определял Пуанкаре) — где в качестве циклов допускаются лишь многообразия и их суммы, а в качестве пленок — лишь ограниченные многообразия. Все это следует из той его заметки, которую он только что передал тебе для “Докладов Академии Наук”.

Сегодня Абрам Федорович со своими коллегами летит в Свердловск заседать с Владимиром Леонтьевичем. Я уж думаю, что, может, и ты полетишь в Свердловск, а по дороге залетишь в Казань, но, впрочем, полагаю, что твои московские обязанности требуют твоего непрерывного присутствия и не позволят тебе никакую поездку.

Будь здоров, всем кланяйся.

-
- Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Абрам Федорович — А.Ф. Иоффе.
 - Владимир Леонтьевич — В.Л. Комаров.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.

1 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Вчера получил (в Математическом институте) твое первое письмо, чрезвычайно меня обрадовавшее своею обстоятельностью, своим общим оптимизмом, а главное, тем, что из него можно заключить, что ты здоров и не простудился в пути.

Из твоего письма я вновь усматриваю и надежду на свою поездку в Москву для работы в университете. По этому поводу спешу тебе сообщить точку зрения О.Ю., у которого я был вчера дома с частным визитом. О.Ю. подтверждает существование общего правила, воспрещающего вызовы эвакуированных в Москву на постоянную работу, но считает, что временный вызов или командировка находятся вполне в пределах возможного и зависят, в значительной степени, от энергии университета. Считает возможной он и “начальную” командировку со стороны Академии (теперь, когда не ему эту командировку придется подписывать!). В смысле энергии со стороны Московского университета, очень благоприятное впечатление на меня производит то, что Ильюшин считает желательным мой приезд. В этом а priori нельзя было быть уверенным. Я думаю, что решающую роль в этом вопросе будет играть именно позиция общественных организаций университета, а не самого ректора, который (как я опасаясь на основании того, что пишут из Ашхабада), может к этому вопросу отнестись формально. Во всяком случае, очень жду твоих дальнейших сообщений! По-прежнему готов к любой педагогической и любой организационной работе в университете. (Готов и сменить Туркина, если недовольство им со стороны студентов будет усиливаться, что, надо сказать, довольно вероятно.) Работать в университете мне хочется, а после твоего письма желание это еще стало больше. Если, как ты мне пишешь, университет собирается в ближайшем будущем хлопотать о моем самом срочном вызове, то я надеюсь, что они пришлют мне такой вызов, по которому, действительно, можно будет выехать (это не всегда бывает так — иногда оказывается, что вызывает учреждение, не имеющее на это права и т.п.). Во всяком случае, очень мечтаю, жду и надеюсь.

На твое имя пришло письмо от Петровского, очень длинное, в котором он пишет, что копию посылает тебе в Москву, но не пишет, по какому адресу. В связи с этим, а также, конечно, и вообще, тебе надо поинтересоваться, как обстоят дела с корреспонденцией, которая за это время прибывала по нашему московскому адресу (Старопимовский пер.). Так как я надеюсь, что ты в Москве так или иначе, полу-

чишь письмо Ивана Георгиевича, и так как, в основном, оно повторяет письма Бори и Куроша, то не посылаю его пока тебе. Сообщу только, в виде выдержки из письма И.Г., что “первым делом Глаголева в качестве “консультанта ректора” по механико-математическому факультету было предложено привлечь Н.Н. Лузина к преподаванию на факультете, на что Б.П. Орлов сказал, что он считает возможным привлечь Лузина только седьмым, а не первым кандидатом”. По этому же поводу И.Г. пишет о специальном письменном заявлении ректору (насколько я понял, со стороны И.Г., как декана, и может быть, еще В.В. Степанова, должно быть, как директора Института) о том, что они считают привлечение Лузина к университетской работе несвоевременным. Иван Георгиевич пишет еще о том, что из наших 100 студентов 10 больны тифом. Процент — довольно значительный, и, во всяком случае, конечно, значительно больше среднего.

П.С. Александров и Б.В. Гнеденко

Основным событием вчерашнего дня было, естественно, письмо от тебя. На втором месте — уже упомянутый визит к О.Ю., который произвел на меня большое впечатление. *Sic transit gloria mundi!* (Так проходит земная слава — лат.)

Здесь все ждут возвращения из Свердловска поехавших туда на 10–15 дней академиков, членов Президиума Академии. Между прочим, некоторые обращают внимание на то, что до сих пор не опубликован список Сталинских лауреатов, и полагают, что в связи с изменениями в составе Президиума Академии Наук, может быть, и Комитету по Сталинским премиям вновь придется заняться кандидатами нынешнего года. Как я тебе уже писал, Петр Леонидович остался в Казани, а Абрам Федорович уехал в Свердловск. Называют

самых различных кандидатов на освободившуюся вакансию в Президиуме: и А.Ф. Иоффе, и П.Л. Капицу, и Бардина, и Николая Ивановича Мухелишвили, и Трофима Денисовича Лысенко. Но, конечно, пока это одни разговоры.

Сегодня утром 12° мороза, а сейчас — солнце. Но у меня продолжается кашель, поэтому я, хоть и выхожу на улицу, но на лыжах кататься боюсь — все время сильный ветер. Все последние дни можно наблюдать, какое большое удовольствие доставляет людям чужая беда. Никто даже этого не скрывает и не стремится объяснить это какими бы то ни было соображениями “пользы для дела”.

Сегодня пришли два выпуска “Докладов Академии Наук” (т. 33, 7—8 и 9), сигнальные экземпляры которых уже давно были.

Я вновь размышляю о верхних и нижних функциях. Ни одно из существующих определений не подходит вполне для моих целей, но я вновь очень интересуюсь твоими определениями. Мне нужны именно сами “цепи” или функции, а не группы Бетти. Все это для открытых отображений, которыми я снова пробую заниматься.

Варвара Сергеевна читает мне вслух “Героя нашего времени” М.Ю. Лермонтова. В соответствии с моими ожиданиями, произведение это мне очень нравится. Совершенно неожиданна была для меня наружность Печорина (“белокурый юноша, тоненький и молоденький”) — весь байронизм, видно, еще впереди.

Сейчас у меня был Лев Семенович. Рассказывал, что Саша Кронрод участвовал в настоящих боях и ранен. Не очень серьезно, так что по выздоровлении вновь пойдет на фронт. О Николае Борисовиче Веденисове и о Рохлине ничего не известно. Может быть, ты что-нибудь узнаешь о Н.Б. в Москве?

Тут Академия Наук отправляла вагон с продовольствием в Ленинград. Кроме общественной инициативы, можно было проявлять и личную, и я послал А.А. Маркову от нас обоим некоторое количество масла, сахара и пшена.

-
- О.Ю. — Отто Юльевич Шмидт.
 - чужая беда — по-видимому, речь идет о реакции на смещение О.Ю. Шмидта с поста вице-президента АН СССР, происшедшее на Общем собрании АН в Свердловске.
 - Вакансия в Президиуме — речь идет о месте вице-президента АН СССР, освободившемся в связи с уходом О.Ю. Шмидта с этой должности.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Боря — Б.В. Гнеденко.
 - Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.

6 апреля 1942 г.

Второй день Пасхи

(из Казани в Москву,

на адрес Президиума АН СССР)

Упомянутая тобою открытка, посланная еще до письма от 23 марта, до сих пор не приходила. Письма идут, вообще, чрезвычайно медленно: например, вчера пришла открытка от Михаила Сергеевича, посланная 12 марта! Поэтому старайся не пропускать оказий, с которыми можно было бы отправлять письма. Пишу это письмо, еще не зная, как его отправлю — сейчас пойду в Президиум, узнаю, нет ли каких okazji.

Вчера, в первый день Пасхи, исполнилось ровно две недели, а сегодня — ровно полмесяца, как ты улетел.

За это время тебе приходили следующие письма: одно письмо от Бори (посланное тебе с женой Шнейдера); одно, весьма патетическое, от Куроша, письмо от Петровского, где он пишет, что копию пересылает в Москву (неизвестно, впрочем, по какому адресу). Еще была открытка от Миллионщикова, в которой он сообщает, что тронут твоим вниманием к нему и очень интересуется твоими работами (и сам понемногу начинает заниматься турбулентными делами). Далее пишет: “К сожалению, воспользоваться Вашим предложением о совместной работе в Казани будет очень затруднительно по двум причинам. Первая — это вряд ли институт согласится на этот вариант. Вторая и, пожалуй, более важная, — трудность переезда с семьей при теперешних условиях транспорта. С тем большим нетерпением буду ждать Ваших писем.”

(Адрес Миллионщикова: Алма-Ата, Выборгская, 29.)

Но самое интересное, во всех отношениях, письмо Бори, пришедшее вчера. Письмо обращено к нам обоим. Привожу из него все существенное.

“Это письмо я собирался написать еще шестого, но сознательно откладывал до девятого: на сегодня меня вызвал ректор Университета Орлов. Причина этого вызова мне была неизвестна, и поэтому я решил, что высказывание предположений по поводу истинных намерений Орлова следует отложить, тем более, что полное страстности письмо собирался написать вам Курош. Орлов попросил меня вкратце рассказать, как идет разработка темы, что мешает ее осуществлению. Я дал характеристику задачи и затем заявил, что две причины мешают работе: потеря связи с заказчиками и отсут-

ствие рабочего коллектива вероятностников, и, в первую очередь, акад. Колмогорова, возглавлявшего нашу работу.

С места в карьер ректор университета предложил мне решить, согласен ли я на длительную командировку в Москву, как для научной, так и для педагогической работы в Университете, и добавил, что, возможно, придется ехать мне одному, без Наташи. Я дал такое согласие. Сегодня Орлов выезжает в Москву и там собирается согласовать с Кафтановым список вызываемых для оборонной работы. Как Андрея, так и Вас, Павел Сергеевич, Орлов страстно желает получить именно в Москву. Человек он умный, и, конечно, видит, что Университет славен не Нилом Александровичем, а теми, кто находится в Казани и здесь. Видит он также, что основные сливки были сняты еще при эвакуации Академии. ... Орлов обещал, что, несмотря на закрытие аспирантуры на время войны, он постарается, чтобы это не относилось к Университету. Он надеется, что с нового учебного года аспирантура в Университете начнет функционировать”.

Далее пишется о том, что университетские работники взволнованы судьбою своих квартир и, в целях их сохранения, дают доверенности на имя ректора на предмет отстаивания квартир перед организациями и частными лицами, вплоть до ведения судебных процессов.

Наконец, сообщает научный результат, полученный им в связи с тем, что начал читать специальный курс “Предельные теоремы для сумм”.

Результат: Если ограничиться случаем ограниченности дисперсии сумм общей константой, то условие Маркова (стремление к нулю суммы дисперсий) является необходимым и достаточным для закона больших чисел.

Называет этот результат “пустячком”, который ему, однако, нравится.

Вот и полное содержание письма. Я дал не выдержки, а конспект, так как многие фразы написал короче, чем в подлиннике. Однако содержание передано совершенно точно, а наиболее важные места — буквально.

Больше тебе писем не было.

Теперь с все возрастающим нетерпением жду твоих дальнейших писем. После этого письма Бори я считаю свои шансы на вызов в Москву для работы в Университете значительно возросшими.

Еще одно дело. Лев Семенович очень просит зайти к нему на квартиру (Б. Калужская, дом 13, кв. 8) поглядеть там, если можно, его домработницу Шуру Крылову и вообще посмотреть, в каком виде квартира и цело ли находящееся в ней имущество, насколько это, конечно, видно невооруженным глазом.

Не задаю тебе отдельных вопросов, так как ты, вероятно, знаешь, что меня ВСЕ интересует. Из-за все продолжающегося бронхита я больше сижу дома, хотя, конечно, регулярно читаю свои лекции и президирую Математическим обществом и топологическим кружком. Доклад Мальцева на последнем заседании Общества был очень хорош и понятен, но слушали его только Лев Семенович, я, Марочка, Чеботарев и физик Никольский, который выступал на этом же заседании. Остальные все отсутствовали. Даже Сергей Михайлович забыл, что выступает Анатолий Иванович, и не пришел его слушать. Зрелище печальное — никто ничем не интересуется, кроме того, что делает сам, и это таит серьезные опасности для будущего нашей математики.

Я теперь понимаю, почему Михаил Сергеевич в своих письмах двадцать раз пишет одно и то же — потому что письма приходят не в том порядке, как посылаются (а некоторые и вовсе не приходят) — поэтому действительно существенные вещи не надо бояться писать по несколько раз.

Несмотря на Пасху, на дворе идет мокрый снег, все время холод и ветер, солнца мало.

“Скучно на этом свете, господа”, — как некогда сказал Н.В. Гоголь.

-
- Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Боря — Борис Владимирович Гнеденко.
 - Наташа — Наталья Константиновна Гнеденко, жена Б.В. Гнеденко.
 - Нил Александрович — Н.А. Глаголев.
 - Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Марочка — Меер Феликсович Бокштейн.
 - Сергей Михайлович — С.М. Никольский.

7 апреля 1942 г.

Благовещение

и третий день Пасхи

(из Казани в Москву,

на адрес Президиума АН СССР)

Вчера получил твое письмо от 2 апреля, которое привез Вольфович. В этом письме ты пишешь о начавшемся своем семинаре, а в конце приписываешь о каких-то больших расходах, которые ты имел и о которых мне писал. Но никакого твоего письма, кроме двух (от 23 марта и от 2 апреля) я не получал. Очевидно, письма между этими двумя были посланы почтою и, значит, придут еще нескоро.

Между тем, я с крайним нетерпением жду и описания твоей собственной жизни, и планов, и Комаровки, и всего. Ты пишешь, что “организуешь свое хозяйство в Старопименовском...”. Разве ты теперь живешь не в Нескучном? И не холодно ли в Пименовском? Как часто и на как долго ты едешь в Комаровку?

Мое вчерашнее письмо, в основном, было посвящено изложению письма Бори, полученного вчера же. Из него я заключаю, что Орлов вовсе не принципиально против привлечения в Москву отдельных работников Университета (вопреки тому, что он говорил в своих официальных выступлениях в Ашхабаде), и поэтому, в частности, свои личные шансы на работу в Москве я оцениваю выше, чем после письма Петровского и патетического послания Куроша. Жду выздоровления Орлова и твоей беседы с ним.

Сегодня — первый весенний день с солнцем и ручьями, которые “гонимы вешними лучами”. В Комаровке я бы катался на лыжах в одних трусах, здесь же ограничиваюсь тем, что важно и степенно иду в шубе греть надоевший мне бронхит под лучами апрельского солнца.

Л.С. Понтрягин доказал, что никакое многообразие нечетной эйлеровой характеристики не может быть границей какого бы то ни было многообразия. Это первоначально выводилось им из сложных соображений, а теперь доказано совсем просто — элементарными подсчетами типа теоремы Эйлера. Теперь Л.С. предлагает два ориентируемых и ориентированных многообразия одной и той же размерности называть гомологичными между собою (нигде!), если их разность может быть границей (где бы то ни было) некоторого многообразия на 1 большего числа измерений. Эти классы “абстрактно гомологичных между собою” многообразий образуют группу. Само собою разумеется, при этом отказываются от требования связности многообразия, что и так давно уже пора было сделать.

14 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Из всех твоих писем удовлетворило меня своею обстоятельностью только письмо от 23 марта. Из остальных писем я так и не могу себе составить картину твоего пребывания в Москве: сколько времени и по каким именно дням ты проводишь в Комаровке, сколько и где именно в Москве.

Далее я жду твоих соображений о том, как можно будет организовать наше совместное питание в случае моего приезда, на который очень надеюсь. Что касается дальнейших хозяйственных перспектив, то возлагаю большие надежды на огород в Комаровке, под который надо занять всю удобную для него землю, которую проживающий там коллектив будет в силах обработать. Я думаю, что в добывании семян помогут академические организации. Основа, конечно, картошка, тем более, что на нашем грунте именно она должна хорошо уродиться. Надеюсь, что оставленного вами количества на посадку достаточно (“надеюсь” — в смысле “доверяю в этом вам”, так как сам некомпетентен).

Ты мне не пишешь также, сколько же у нас остается дров на будущую зиму. Меня это очень заботит, так как имеющийся остаток и представляет собою то, на что мы можем рассчитывать будущей зимой и, быть может, целесообразно заблаговременно подумать обо всем необходимом для постройки печек облегченного типа. Как я знаю из опыта своей жизни на Волхонке в 1921—1922 гг., маленькой кирпичной печкой можно прекрасно отапливаться, тратя очень мало дров. Может быть, это и противоречит закону сохранения энергии, но экспериментальный факт для меня достоверен. Что касается железных печек, то я против их устройства — толка от них мало, а пожарная опасность есть.

Браудо разрешили мне пользоваться их кирпичом — он, я надеюсь, цел.

Встретился ли ты с Юрой, где он сейчас и что с ним? Если ты найдешь мою синюю академическую книжечку за 1940 год, там найдешь и его адрес (Юрий Михайлович Смирнов).

Из твоего письма от 2 апреля знаю, что твой семинар в Университете уже начался и, по-видимому, довольно удачно. Но больше о твоей работе тоже ничего не знаю. Где же происходит твоя научная работа и деятельность и какие у тебя сотрудники, и как все это, вообще, наладилось? Надеюсь, что обо всем этом узнаю еще до ответа на это письмо из более ранних писем.

У нас здесь два раза был Глеб. Первый раз в мое отсутствие (это было в четверг, и я был на лекции в университете), второй раз — сегодня утром. Он собирался в военный комиссариат для отправления в часть (конечно, неизвестно, сейчас ли его возьмут или оставят на некоторое время в Казани). Хотелось бы думать, что лица его научно-технической квалификации будут использованы по специальности. Во всяком случае, я дал ему твой московский адрес, и ты, вероятно, получишь вскоре письмо непосредственно от него.

Шанин, два дня тому назад приехавший из Москвы, сообщил мне, что в наших московских комнатах все покрыто копотью, но я так и не понял, откуда взялась эта копоть — пожар ли произошел в соседней квартире или просто сильно накопила керосинка. Кстати, напрасно ты Шанину не дал письма для меня!

Защита Шанина назначена на 27 апреля. Едва ли я до этого времени уже выеду в Москву, так что буду его оппонентом. Вторым оппонентом будет А.Д. Александров. Осуществляемый в нынешнем году порядок математических премий, когда одна премия дается по совокупности научных заслуг и, следовательно, представителю старшего поколения, а другая — за единичное блестящее научное открытие, я считаю правильным по существу. И если статья на эту точку зрения, то никто из математиков не может считать себя обойденным.

После некоторых колебаний при выборе огородного участка здесь, в Казани, мы остановились на участке вблизи Клыковки, а не за Казанкою. Во-первых, потому, что основная культура — картофель — произрастает именно здесь; во-вторых, преимущества участка за Казанкой имеют место лишь в том случае, если мы сами летом будем здесь, что, по меньшей мере, сомнительно. Если же основная работа по огороду будет лежать на Варваре Сергеевне и Гаши, то им, конечно, гораздо удобнее иметь огород здесь, поблизости. Кроме того, картофель не требует поливки, за Казанкой же будут поливные огороды, а неизбежные вечерние поливки — главная опасность в отношении малярии.

На твое имя пришло коротенькое письмецо от В.Л. Гончарова, в котором он, в основном, пишет о своем желании наладить с тобою переписку, сообщает, что у него имеются работы для “Докладов Академии Наук” и интересуется возможностью их напечатания.

Кроме того, вчера пришла открытка от Бори, в которой делового содержания нет, а лирическое посвящено ашхабадской весне с цветущими абрикосовыми и прочими фруктовыми деревьями. Это действительно, вероятно, очень красиво, хотя я и отдал бы все цветущие абрикосовые деревья всего мира за один наш куст черемухи в палисаде!

По Казани текут ручьи, и лужи на площадях бездонной глубины. Все время ветрено, хотя много солнечных дней. Я никак не могу вылезти из своего бронхита — на этой неделе первый раз пропускаю и свою лекцию, и топологический кружок (завтра), и Математическое общество (в субботу), так как хочу от него, наконец, избавиться. Вчера Варвара Сергеевна ставила мне на всю спину компресс на ночь, а сегодня будет ставить банки. При этом лечении надо сидеть дома, что я и делаю. Даже очень простые нужные мне лекарства здесь достать нельзя, поэтому, пожалуйста, снеси прилагаемые рецепты Михаилу Сергеевичу. Он, может быть, достанет — вероятно, представится возможность в Академии послать мне эти лекарства.

Очень жду твоих дальнейших писем. Не пропускай okazji — они, несомненно, бывают. Ведь гораздо приятнее читать свеженанписанное письмо, чем то же письмо, но через три недели.

Третьего дня читал постановление Правительства о Сталинских лауреатах. Особенно приятно было прочесть о присуждении премии нашему маститому Президенту Академии Наук и его достойным сотрудникам по экономическим наукам. Мне говорили даже, что в числе награжденных находится и М.П. Рудзит, но это оказалось ошибкой, как я, впрочем, и предполагал.

-
- *Марина* — М.А. Козлова.
 - *Браудо* — соседи по Комаровке.
 - *Глеб* — Глеб Александрович Селиверстов.
 - *Рудзит Милда Петровна* — сотрудница аппарата Президиума АН СССР.
 - *Варвара Сергеевна* — В.С. Александрова.
 - *Гаши* — помощница по хозяйству матери П.С. Александрова.
 - *Боря* — Б.В. Гнеденко.
 - *Михаил Сергеевич* — М.С. Александров.
 - *На Волхонке* П.С. жил недолгое время, женившись на Е.Р. Эйгес, младшей сестре своего гимназического учителя математики А.Р. Эйгеса, в апреле 1921 года. “Брак этот не был удачным, и заключение его было ошибкой. Е.Р. была создана для семейной жизни, я же к этой жизни был вовсе не приспособлен, и для меня ошибкой было бы вступление в какой бы то ни было брак”, — замечает П.С. Александров в своих “*Страницах биографии*” (УМН, т. 34, вып. 6, 1979, с. 243).

15 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Уж пора ректору Московского университета выздоравливать, а моим университетским перспективам — выясняться. Хотя сам я все время нездоров. Получить 20 граммов денатурата, чтобы поставить банки, в Академии оказалось невозможным, зато можно специально командировать оттуда сестру, чтобы она эти банки поставила (очевидно, иначе есть опасность, что академики и члены-корреспонденты эти 20 гр. денатурата выпьют). Если бы я был в Комаровке, то сразу на солнце поправился бы!

П.С. Александров и В.Н. Засухин в Комаровке (1939 г.)

Вчера я приглашался на расширенное заседание Президиума по поводу телеграммы, полученной от Председателя СНК о целесообразности назначения Общего собрания Академии Наук в Свердловске для перевыборов Президиума. В телеграмме сообщается о неимении со стороны Правительства препятствий к созыву такого собрания, а также и к переезду Президиума Академии в Свердловск. Поедешь ли ты на Общее собрание в Свердловск или твои московские обязанности не позволят тебе этого?

Вчера я тебе писал, что Глеба призвали, настроение у него бодрое, он уверен, что война кончится в нынешнем году. Очень грустно то, что ты пишешь о В. Засухине. Не заходил ли ты в Москве к родите-

лям Н.Б. Веденисова — в феврале они не имели никаких известий о сыне, едва ли получили их и сейчас.

Кто же председательствовал защитой С.Д. Россинского? Н.А. Глаголев? Хорошо, что ты на этой защите был. Я опасаясь, что многие будут склонны впоследствии объявить эту защиту “защитой военного времени”, а саму диссертацию неполноценной, что, судя по тому, что ты пишешь, было бы несправедливо.

Я рад, что нашлась книжка Волошина. Я купил ее по поводу приезда ее автора в Смоленск в 1912 году после того, как с некоторыми трудностями слушал из-за кулис его лекцию публичную, которая тогда на меня произвела огромное впечатление. С тех пор эта книжка всегда была у меня и сопровождала меня в разные периоды жизни.

А сам я сейчас много читаю между делом Тютчева. “То-то был поэт!”

Если ты увидишь где-нибудь “Будденброков” Томаса Манна в оригинале (или хотя бы в переводе), то непременно купи, я очень любил эту книжку и с грустью расстаюсь с ней.

Что же касается того, что я сейчас делаю, то я занят перепечатыванием своей работы в русском и иностранном тексте, вставлением формул и тому подобной деятельностью, общей продолжительностью еще дней на 10. Но сейчас я ко много лучшей деятельности и неспособен, так как нездоров. Работа же моя написана действительно хорошо, и, я думаю, будет иметь успех.

Если бы ты затеял читать систематический и понятный курс о гильбертовом пространстве и динамических системах, я стал бы его систематически слушать.

Твое письмо с подробностями о пожаре в квартире Лины Самойловны еще не получено, но и коротенькая приписка об этом в письме от 5 апреля, в конце концов, достаточна. Все происшедшее очень страшно, но и Бадиэль, бедную, мне очень жаль.

-
- Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Бадиэль Джамель — соседка, которая была нанята для помощи А.Н. Колмогорову, когда он жил один в Старопименовском переулке, в Москве, во время войны.
 - Глеб — Г.А. Селиверстов.
 - О работе П.С. Александрова см. Примечание к письму от 24 марта 1942 г.

16 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Вчера получились даже два твоих письма: из Комаровки от 29 марта (почтой), довольно обстоятельное, и письмо из Москвы об “Евгении Онегине”. И сообщение о дровах, и сообщение о твоих прочих расходах на меня подействовали успокоительно. Последний паек, который получили здесь мы, состоял из соленых помидоров (в довольно большом количестве), двух бутылок пива и пачки табаку. Вот почему меня очень интересуют московские “пачки”.

Что касается “Евгения Онегина”, то в музыкальном отношении сцена бала у Лариных, вообще, одна из самых замечательных в опере, а оркестровая музыка, сопровождающая ссору Онегина с Ленским, принадлежит к наиболее вдохновенным страницам из всего, написанного Чайковским. Окончательный трагизм этой музыки (ясно, что уже произошла ничем не поправимая и полная катастрофа) при необычайной сдержанности (ведь это же, как-никак, бал, а не финал шестой симфонии) объединились столь совершенным образом, как я не знаю где еще. В вокальном плане это трагическое развитие музыки достигает своей вершины в короткой реплике Татьяны после уже совершившегося вызова, которая тематически повторяет ее же “О, как обидно и как больно, как я несчастна, как жалка!” из сцены объяснения с Онегиным в саду. Повторение этой темы здесь, после бала, в еще гораздо более патетическом развитии и создает эту всеобщность катастрофы и, в силу самой своей крайней лаконичности, значительно сильнее, чем пресловутое “разочарование Татьяны в Онегине” (помнишь, в гл. 7 строфы 24, 25?) у Пушкина. Это место я всегда причислял к наименьшим удачам великого поэта, может быть, потому, что уж очень много полагалось писать о “москвиче в гарольдовом плаще” во всех гимназических сочинениях. Жаль мне, что ты не прослушал ни сцену дуэли, ни заключительного акта, в котором, несмотря на все-таки не вышедший финал, есть изумительные места и оркестровые, и вокальные. Весь оркестр петербургского бала и далее “Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была”, и дуэт о счастье, возможном и близком — все это необыкновенно хорошо. Кстати, кто же все-таки пел Ленского? (Я уже расписался об “Евгении Онегине”, почти как племянник Татьяны Борисовны (тургеневской Татьяны Борисовны, а не той, которая нам

выдавала горох и постное масло) о “Божественном Корреджио” и “неподражаемом Санцио”.)

Что же ты мне ничего не написал про Сергея Сергеевича? Он в течение нескольких месяцев был серьезно болен, и я не уверен, вполне ли поправился сейчас — поэтому твои впечатления мне особенно важны. Какой у него вид? Что у них, вообще, делается? Как они питаются и какая температура в доме?

Вчера пришло тебе письмо от Фаге. Он находится в Москве, в двух шагах от Нескучного. Адрес: Большая Калужская, 27. Пятая Советская больница, 1-й хирургический корпус. Он ранен, вплоть до полного выздоровления пройдет не меньше 4 месяцев, занимается математикой, хочет писать диссертацию, просит “указать совершенно отчетливо тему диссертации” и снабдить литературой, в которой испытывает большой недостаток. Просит навестить его, что ты, конечно, и сделаешь.

П.С. Александров

Передай ему привет от меня. Зовут его Михаил Константинович.

-
- Сергей Сергеевич — С.С. Александров.
 - Тургеневская Татьяна Борисовна — имеется в виду рассказ И.С. Тургенева “Татьяна Борисовна и ее племянник”; Татьяна Борисовна, которая выдавала горох... — Т.Б. Гендлина, ведавшая снабжением академиков и членов-корреспондентов в Московском Доме ученых; в эвакуации была в Казани.

18 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

*Что ты клонишь над водами Хоть томится, хоть трепещет
Ива, макушку свою? Каждый лист твой над струей...
И дрожащими листьями, Но струя бежит и плещет,
Словно жадными устами, И на солнце нежась, блещет,
Ловишь беглую струю?.. И смеется над тобой!*

(Ф. Тютчев, 1835)

А в Комаровке сейчас

*Лист зеленеет молодой, Давно им грезилось весной,
Смотри, как листьем молодым Весной и летом золотым, —
Стоят обвеяны березы, И вот, живые эти грезы,
Воздушной зеленью сквозной Под первым небом голубым,
Полупрозрачною, как дым... Пробились вдруг на свет дневной...*

(Ф. Тютчев, "Первый лист", 1851)

*Сияет солнце, воды блещут, Поют деревья, блещут воды,
На всем улыбка, жизнь во всем, Любовью воздух растворен,
Деревья радостно трепещут, И мир, цветущий мир природы,
Купаясь в небе голубом. Избытком жизни упоен.*

(Ф. Тютчев, 28 июля 1852 г.)

Между прочим, в длинной вводной статье к нашему изданию Тютчева говорится: "В тех редких случаях, когда природа Тютчева наделена конкретными признаками, она выступает, как природа швейцарских озер или итальянских побережий. Если природный мир Фета — мир землевладельца средней полосы России, то природа Тютчева — природа туриста, посетителя прославленных европейских курортов."

Идиот!

Но что я в Тютчевских стихах для себя отметил, — это их чрезвычайную неравноценность. И не только в применении к пресловутым "гражданским" стихотворениям, но и к чисто лирическим и даже к различным стихам в одном и том же стихотворении. Даже в хороших стихотворениях вдруг попадаются прозаические и резонерские строки, злоупотребляющие междометием "О!" и т.п.

А вот это прекрасное стихотворение написано на смерть Гёте:

*На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!*

*С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал,
Пророчески беседовал с грозой,
Иль весело с зефирами играл!*

*Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка.*

(Написано на смерть Гёте (1832), впервые напечатано в 1879 г.)

Зато у меня сегодня утром был папаша Шнейдер. Привожу выдержку из письма самого Шнейдера ко мне: “В настоящее время я работаю ротным писарем саперного батальона. Я подал рапорт в политуправление нашей части с просьбой разрешить мне устроиться на работу в том или ином оборонном учреждении, где требуются математики, указав, что я страдаю эпилепсией. Мне ответили, что если на меня будет заявка, то меня отпустят на такую работу.” Об этой заявке или запросе он и просит.

Адрес: Полевая почта 1892; 843 саперный батальон, командиру батальона.

Тебе пришло еще одно письмо от Бори, где он выражает радость, что его статья о локально устойчивых законах понравилась, благодарит за работу над этой статьей и согласен со всеми твоими исправлениями. Посылает дополнение к этой статье в ответ на пункт 3 твоих замечаний. Надеется, что это добавление вполне рассеивает допущенную им недоговоренность и думает, что его можно поместить в самом конце статьи. Рад, что ты занялся вопросами таблиц, ждет с нетерпением твоих последних работ и начинаний по курсу теории вероятностей. С наслаждением читает общий курс теории вероятностей. Из слушателей очень по душе ему Дмитриев и Погорелов. Они же слушают спецкурс по предельным теоремам для сумм. Хочет их вовлечь в повторный логарифм (бедные мальчики, они у меня топологию слушали, а теперь пропадут в логарифмах!). В общем курсе начал излагать характеристические функции, желал бы иметь набросок этой главы. Потом думает сразу перейти к статистике, жалеет, что нет твоей статьи, которую ты собирался печатать в “Известиях”. Очень хочет узнать, где пристроена его статья о максимумах. Добавление к статье состоит из целой страницы и сохраняется до твоего приезда или распоряжений.

*Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит,
Летит — куда сама не знает,
И, как шальная, голосит!*

*Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногий
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!*

*И, словно сам он, вслед за ними
Для довершения обид
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!*

Это стихотворение называется “Нападение собаки, друга дома, на стадо гусей” (в изданиях, которыми мы располагали, оно называется “В деревне”) и написано Тютчевым в 1869 году. Героем этого события (как пишет в комментариях редактор издания Г.И. Чулков) была собака Ромп. Этот Ромп был еще известен тем, что однажды в день Нового Года ему было поручено поднести жене поэта, Э.Ф. Тютчевой, салфеточное кольцо в виде ошейника.

*Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею
Сошел на землю Новый Год.*

(Из “Оды на Новый Год” Г. Державина,
сочиненной им на рубеже 1780 и 1781 годов.)

Вчера у меня был Л.С. Понтрягин и рассказывал, со слов приехавшего в Казань, но еще не виденного мною Лозинского, об обстоятельствах смерти Янчевского. Сергей Аркадьевич находился в состоянии большого истощения, но, тем не менее, пришел в университет. От пройденного пути, по-видимому, еще более ослабел, почувствовал себя дурно и там же, в университете, умер. Лозинского мне хочется повидать самому, но я сейчас никуда не выхожу из дому, а он тоже едва ли ко мне сам зайдет.

-
- Боря — Б.В. Гнеденко. Статья Б.В. Гнеденко о максимумах — работа Б.В. Гнеденко, которую можно так назвать — “*Sur la distribution limite du terme maximum d’une série aléatoire*” — опубликована в “*Annals of Mathematics*” (1943, v. 44, p. 423–453).
 - ...печатать в “Известиях” — скорее всего, имеется в виду статья А.Н. Колмогорова “Определение центра рассеяния и меры точности по ограниченному числу наблюдений”; опубликована в журнале “Известия АН СССР, Сер. матем.”, 1942, т. 6, № 1/2, с. 3–32.

21 апреля 1942 г.

(из Казани в Москву,
на адрес Президиума АН СССР)

Вчера пришло длинное письмо от Бори от 31.3, и я начну свое с его изложения.

Письмо содержит в себе длинную часть, обращенную к нам обоим, и более короткую, обращенную к тебе. Начну с этой, второй.

Вот гипотеза, которую он хочет доказать:

Постоянные $A(t)$, $B(t)$ можно подобрать так, чтобы с вероятностью 1 для однородного процесса с независимыми приращениями выполнялось соотношение

$$\limsup \frac{|\xi(t) - A(t)|}{\sqrt{2B(t) \lg \lg B(t)}} = 1$$

тогда и только тогда, когда функция распределения величины $\frac{\xi(t) - A(t)}{\sqrt{B(t)}}$ при $t \rightarrow \infty$ сходится к закону Гаусса.

Это — все существенное в “довеске” к письму к нам обоим. Перехожу к самому письму.

Сначала об общественной работе в госпиталях, об олимпиаде (у местного учительства наблюдалась тенденция отпугивать от нее учеников). Боря читал заключительную лекцию для олимпиадных юношей “О случайных явлениях и их математическом изучении”. А.Г. Курош раздал премии. Далее Боря назначен и командиром отделения всеобуча, в котором изумительную картину являет боец Розенфельд.

По словам Маркушевича, отношения между университетом и местными организациями стали напряженными настолько, что ректорат обратился за помощью в союзные организации. Местные организации требуют, помимо всего, возвращения хорошего дома, в котором живет “университетская знать”, и передачи его Туркменскому филиалу Академии Наук! Трудно сказать, в чем причина ухудшения отношений. Одни видят ее в отказе признать за докторскую диссертацию писания одного видного местного работника. Другие видят зло в нас самих. Думаю, что и в последнем суждении есть немалая доля истины. Следуют иллюстрации: о безобразном поведении одного профессора химии, который, по множеству занятий, может давать консультации на важную тему только по телефону. Ездить же на завод может лишь его ассистент, который, в свою очередь, столь важен, что может прибыть на завод не иначе, как в автомобильном экипаже, и т.д.

Еще одна иллюстрация состоит в супруге профессора физики Яковлева, которая, будучи одной из руководительниц совета жен,

в ответ на приглашение ее супругу прочесть лекцию школьникам в единственное для них возможное время (от 9 час. утра), но зато в любой день, разразилась восклицаниями: “Да вы знаете, кто мой муж! Да он великий ученый! Да он профессор! Да он доктор! и т.д., и т.п.”.

Профессоры вызываются (не сказано, кем, — очевидно, ашхабадским руководством университета) для подписания письма. Я еще не профессор, поэтому о содержании письма знаю лишь со слов других. Обращено оно к первым людям Союза, в первую очередь, к тов. Сталину, и содержит протест против того, что Орлов приглашает для работы в Москве новых лиц, а лучшие силы хочет оставить в Ашхабаде. Что среди приглашенных имеются лица, политически неблагонадежные (я слышал, что указаны Глаголев и Фиников), а их, честных людей, не берут в Москву. Орлову предъявляются какие-то мелочные обвинения, в том числе, о какой-то сумме, израсходованной не по назначению. По словам Н.К. Бари, документ составлен так, что в каждом его слове сквозит чья-либо личная обида, и она страдает, что, не подумав, его подписала. Орлову приписывается смерть Кана, который якобы умер от разрыва сердца, узнав, что его место в Москве кем-то занято. Я сомневаюсь, что это гражданская доблесть — продолжать жить, зная о гибели сотен тысяч людей, и умереть от слухов о том, что кто-то параллельно с ним работает в том же учреждении. Предводителей присутствовал при подписании письма и кричал на всякого, кто с чем-либо в письме не соглашался или выражал иным способом свое мнение.”

Вот все основное содержание Бориного письма.

Но на сегодня и я больше ничего не прибавлю, так как Варвара Сергеевна спешит в Академию. Она шлет тебе искренний привет.

Сейчас пришла твоя телеграмма, о том, что ты едешь в Свердловск и рассчитываешь там со мною встретиться. Варвара Сергеевна понесла на телеграф мой ответ:

Казанские академики едут в Свердловск двадцать восьмого отдельным вагоном, корреспонденты остаются, пишу в Свердловск, надеюсь увидеть тебя в Казани.

Увидеться нам сейчас, конечно, было бы очень существенно, но из членов-корреспондентов берут только занимающих административные должности. Кроме того, я все еще болен. Вчера мне ставили банки, и я не уверен, будучи нездоров почти что целый месяц, поправлюсь ли через шесть дней настолько, что смогу ехать в Свердловск.

Очень возможно, впрочем, что и поправлюсь, так как сегодня мне значительно лучше, и температура, которая все еще последнее время держалась по вечерам 37.6, сегодня, наверное, не поднимется выше 37.1 (сегодня утром была впервые нормальная). Но, как бы то ни было, раз членов-корреспондентов не берут, то не проситься же мне, чтобы меня взяли, дабы я мог в столь ответственном голосовании воспользоваться своим совещательным голосом! Поэтому я не еду.

Вера Яковлевна, как будто, вполне здорова, ходит в лазарет и ведет свой обычный образ жизни. Она пишет тебе сегодня отдельное письмо.

*Все шлют тебе привет.
Завтра напишу тебе еще.
Будь здоров.*

Варвара Сергеевна Александрова
(сестра Павла Сергеевича)

-
- Боря — Б.В. Гнеденко.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.

22 апреля 1942 г.

(из Казани
в Свердловск,
с оказией через С.Л. Соболева)

Вчера послал тебе письмо по почте, содержащее изложение Бороного письма об ашхабадских университетских делах — к этому письму я еще вернусь. Затем пришли сначала два твои письма: одно о пожаре, второе — несколько грустное и лирическое из Комаровки от 7 апреля. Я думал, что именно на это, последнее, письмо я буду сегодня отвечать, но под вечер Варвара Сергеевна принесла из Академии твое огромное письмо от 11 апреля, отвечать на которое надо уже не только из глубины лирических эмоций, но, собравши все остатки смысла.

Подобно Татьяне, даже “не знаю, как начать” — дело имеет так много всяких сторон, и все они друг за друга цепляются. Начну с университетских дел. Твой основной план: ты соглашаешься на полное руководство факультетом — как московским, так и ашхабадским филиалом — по существу, вероятно, правилен. Но вот какие к нему соображения, оговорки, сомнения и пожелания.

Вчерашнее письмо Бори, в основном, состояло из описания трений, существующих в ашхабадской университетской жизни. Трения двух сортов: с местными организациями и внутренние. Последние уже известны, но, по-видимому, обострились — коллективом посылается письмо непосредственно руководителям Партии и Правительства с жалобой на Орлова, с персональными упоминаниями Финикова и Глаголева в отношении их общественного лица, и т.п. Во всяком случае, обстановка складывается сложная и разобраться в ней, вероятно, легче все-таки в Москве, а не в Ашхабаде и, тем более, не мне в Казани. Что касается трений с местными властями, то, по-видимому, доля вины лежит на самой бестактности университетских профессоров (и, особенно, их жен), разыгрывающих роли великих мужей науки, очевидно, еще в гораздо большем масштабе, еще с меньшим вкусом и меньшими основаниями, чем это обычно в Казани. С другой стороны, говорят и о том, что какие-то писания какого-то весьма ответственного местного работника мыслились им в качестве докторской диссертации, но университет с этим не согласился, чем и прогневал этого местного работника. Сколько во всем этом правды, Боря не берется судить, но — замечу от себя — чистый вздор едва ли стал бы сообщать.

Итак, беря на себя руководство всем факультетом в целом, надо, во всяком случае, быть готовым к большой деятельности по приведению в порядок сложной сети личных обид и недовольств, а,

имея в виду и характер многих отдельных деятелей ашхабадского филиала, быть готовым и к прямым и упорным интригам, которые будут вестись с умением, энергией и любовью. Поэтому то или иное решение этого вопроса надо ставить в зависимость, во-первых, от того, кто будет твоим непосредственным начальством, во-вторых, ясно согласовав с КВШ (и, быть может, даже получив руководящие указания от директивных инстанций) все стоящие перед тобою задачи. Такие вопросы, как вопрос о 660 профессорских и 48 студенческих часах, требуют не только предоставления полномочий, и тем более, не предоставления самостоятельности, а предварительного согласия действительно руководящих инстанций. Полномочия могут быть даны и взяты назад, а самостоятельность, как показывает опыт, часто является источником ошибок. Это ко второму пункту.

Что же касается первого пункта — непосредственного начальства, т.е. ректора — то я совершенно не знаю Б.П. Орлова. Фактически тебе придется вести с ним большое дело. Очень важно себе ясно представить, каков этот руководитель университета, можно ли с ним работать, и, наконец, прочно ли его собственное положение. Ведь все дело в том, что сейчас не мирное время, и, принимая на себя обязанности руководителя всего факультета в целом, ты не сможешь, вероятно, от этих обязанностей отказаться, если обнаружится, что складывается обстановка, в которой тебе их трудно или даже невозможно выполнять. Задачи руководства московским филиалом факультета во всех отношениях представляются мне значительно проще.

Теперь, что касается уже непринципиальных вещей, то я считаю, что согласие на руководство факультетом в целом дает тебе полное право на то, чтобы иметь как заместителя в Ашхабаде (каковым, по-видимому, будет продолжать являться И.Г. Петровский), так и, мне кажется, заместителя по Москве, которым мог бы быть и я. Само собою разумеется, я согласен заменять тебя в предполагаемый твой ближайший отъезд в Ашхабад осенью и по деканату, и по кафедре анализа. Но если на это взглянуть с точки зрения чисто деловой, то не так уж легко найти лицо, которое на 2–3 месяца будет более чем удваивать свои обязанности!

Как бы то ни было, отношение $4:2 \approx 3,5:1,8$ заставляет меня очень желать увеличения моего заработка, который и не с точки зрения отношений, а и абсолютно (т.е. по отношению к цене картошки) сейчас уже мал. Поэтому, в случае московского варианта, я усиленно буду добиваться какого-нибудь совместительства,

в стенах ли университета или за их пределами, конечно, вполне считаясь при этом с твоими советами. Я думаю, что и в Москве, и в Ашхабаде дополнительный заработок легче найти, чем в Казани (?).

Не только с точки зрения возможного увеличения заработка, сейчас, по-моему, пришла пора серьезно поговорить и о перспективах для моей книги (см. Примечание к письму от 15 июня 1940 г.). Постарайся увидеть Рыбкина и с ним выяснить этот вопрос. Помимо всего прочего, это же все-таки несколько тысяч!

Вопрос о сохранении моей полуштатной должности в академическом Институте имеет значение не только с точки зрения зарплаты, но и еще гораздо более общее значение: ведь если я целиком уйду из Института, то потеряется всякая моя деловая связь с академическими учреждениями Казани. А это означает потерю и жилищных и всяких других казанских прав в части, касающейся меня, для нашего семейства. Вообще, вопрос о наших семействах в Казани нельзя не иметь в виду, и даже с этой точки зрения какая-то связь с Казанью все-таки должна быть. Между тем, я опасаясь, что если моя связь совсем порвется, а твоя сведется до полуштатной должности в Институте, то на одной этой ниточке наши семейства здесь не удержатся. Именно в случае благоприятного развития летних событий (на фронтах) можно надеяться, что зима 1942—1943 года может для них оказаться последней казанской зимой. Но в этих предположениях тащить их на эту зиму в Ашхабад, конечно, было бы нецелесообразно.

Подводя итог всему сказанному, я считаю комбинацию “Москва+Казань” на ближайшее время и при тех впечатлениях, которые в настоящий момент имею, более благоразумной, чем комбинацию “Москва+Ашхабад”. Конечно, это не значит, что я отвергаю ее, а только, что считаю необходимым, во-первых, обдумать выполнимость для тебя всего разнообразия задач, в том числе, неприятных и даже тягостных, которые на тебя в этом случае лягут; во-вторых, обеспечение нашему семейству возможности оставаться в Казани, если не произойдет чего-либо экстраординарного.

Само собою, против твоей поездки осенью в Ашхабад на 2—3 месяца я не стану возражать и в случае плана “Москва+Казань”: ведь возражать против этого я мог бы лишь в обстоятельствах, которые делали бы, наоборот, благоразумным “тотальный” переезд в Ашхабад, а тогда весь вопрос снимается.

Вообще же, все высказанные сомнения суть именно сомнения, а не возражения. Тем не менее, у меня нет возражений против твоего бо-

лее далекого и поэтому менее актуального плана комбинации Ашхабада с Комаровкой. Конечно, Ашхабад не то место, о котором я бы в таком плане мечтал: тот же Баку привлекал бы меня гораздо более в качестве такого места для зимних выездов. Но я думаю (и это гораздо важнее), что Боря, а особенно Наташа, едва ли захотят закапываться в такую глушь на 8 месяцев в году. Они же люди очень живые, любят и театр, и все то, что называется “культурной жизнью” в гораздо большей степени, чем я, которому из всей культуры, на худой конец, только и надо, что “полку книг, и дикий сад, и наше бедное жилище,... и радио, и ванну в нем”. Наоборот, если уж Борю где-нибудь устраивать вне Москвы, то весь твой план представляется мне гораздо более приемлемым для него, если в нем заменить Ашхабад на Баку. Но, повторяю, возражать против Ашхабада в этом плане я, во всяком случае, не буду.

К тому времени, когда это письмо уже будет в твоих руках, будет известно, заехал ли ты в Казань по дороге в Свердловск или нет, и потому имеет смысл писать лишь в предположении, что ты сюда не заехал. Тогда я не понимаю, что произойдет на обратном пути, вернее, куда ты этот путь держишь. Ведь общее собрание в Свердловске назначено на 2 мая, командировка твоя по 1 мая, и ты хотел возвращаться в Казань в первых числах мая. Естественно поэтому ждать, что ты и возвратишься из Свердловска в Казань. Если же ты желал бы видиться со мною до принятия тобою каких-либо решений в самом Свердловске — на этот случай я и шлю в Свердловск это письмо, так как полагаю, что, например, содержание последнего письма Бори тебе даже фактически может оставаться неизвестным. Я все-таки очень надеюсь, что из Свердловска ты приедешь в Казань — иначе я вообще не понимаю, каковы твои планы на ближайший месяц, и надеюсь также, что окончательные решения тебе придется принимать не во время свердловских многолюдных и торжественных собраний, а хотя бы несколько дней спустя.

Мне кажется, ты и некоторое право имеешь на это, тем более что, будучи уже вовлечен в ряд обязанностей по отношению к другим учреждениям, должен иметь время на то, чтобы выяснить, какова общая сумма обязанностей, которые ты можешь взять на себя. Ведь совершенно ясно, что повседневное личное руководство Академией В.Л. Комарова потребует от тебя гораздо большего времени при исполнении своих обязанностей члена Президиума, чем это было до сих пор. Я с самого начала считался с этим обстоятельством и поэтому сразу же возымел сомнения, сможешь ли ты эти обязанности нести.

Что касается нашего московского существования в буквальном смысле слова (т.е. пищи и жилища), то твое сообщение о том, что Файландов паек — только для избранных, представляет собой, конечно, некоторый удар. В связи с этим меня интересует, как же снабжаются знатные московские профессора, в первую очередь, Н.А. Глаголев? Конечно, у Н.А. запасы, вероятно, побольше наших, но неужели он не получает никакого пайка, а только одно карточное довольствие? Это — первое, что мне хотелось бы знать. Во-вторых, так как известие об академическом пайке основано на словах, сказанных группе академиков (в том числе, П.Л. Капице) лично Вячеславом Михайловичем Молотовым, то все промедления с ним могут быть объяснены лишь медлительностью тех или иных хозяйственных органов. Я думаю, что в числе лиц, которые соберутся сейчас в Свердловске, несомненно, будут и такие, которые будут в курсе этого вопроса, и было бы весьма желательно получить от них точные сведения. Без такого пайка я с трудом представляю себе, как мы вдвоем просуществоем в течение сколько-нибудь долгого времени. Ведь надо еще считаться с тем, что зимою мне, по-видимому, в Москве ночевать будет нелегко, значит, волей-неволей иногда придется обедать в Комаровке (летом меня совершенно не пугает перспектива хоть каждый день ездить в Москву обедать). Если будет паек и свой картофель — все будет хорошо.

Семян здесь пока никому не удалось получить. Огородными делами по нашему Институту заведует Б.Н. Делоне. Не очень меня это обнадеживает.

Что касается питания Марины, то меня интересует, получает ли Шура какой-нибудь паек. Неужели, никакого? Не может ли он помочь получить семена? Кроме картофеля, речь идет, в основном, о моркови и свекле. В зависимости от активности участия Шуры в огородной деятельности и от тех результатов, которых от этого участия можно ожидать, может идти речь о тех или иных формах нашей хозяйственной с ним кооперации. Может быть, он может получать с завода обеды хотя бы на Марину? Ну, это все обсудим при свидании.

Перебравши как будто все основные конкретные детали, возникающие по поводу твоего нового плана переключиться на университетский вариант, я в заключение хочу сказать о самом главном. О предусмотренном этим планом отодвижении твоей большой научной программы на послевоенное время. Против этого ничего

нельзя было бы, в конце концов, сказать, если бы ты один на свете занимался теми вопросами, которыми ты в настоящее время занимаешься. Или если бы эти вопросы составляли ту или иную очередную задачу математики, каких много есть и много будет и относительно которых, в конце концов, не так уж важно, в какую именно фазу ты в своей работе над ними попадешь. Но в данном случае, нет ни того, ни другого — речь идет о большой научной программе и, притом, в области, в которой, насколько я могу себе представить, уже в ближайшее время может произойти большое сосредоточение крупных математических сил. Целесообразно ли именно в такую минуту объявлять “мораторий” до конца войны? Кто знает, что во всей этой области будет сделано за время войны, быть может, при помощи твоих же идей? Конечно, я прекрасно понимаю “объективность научной истины и безразличие того, кто именно перед лицом Вечности сделает в науке то или иное”. Но, прежде всего, это даже и перед лицом Вечности не столь уж безразлично: не безразлично для науки, сделана ли какая-нибудь теория с самого начала так, как, например, Гауссом была сделана теория квадратичных форм, которая, как была сделана, так и оставалась в течение целого столетия (до Б.Н. Делоне), ничем не превзойденной в смысле полного понимания того, что там происходит. Или же теория сделана, как сделана, например, теория Галуа юным Галуа, или основы проективной геометрии генералом Понселем — т.е. сделаны так, что сами авторы хорошенько не понимают, что именно они определили и что доказали, а что просто восчувствовали как истину. Еще более близкий пример: если бы тополого-динамические теории Биркхофа были сделаны не Биркхофом (который путает еще гораздо больше, чем Н.Г. Чеботарев) или топологические и тополого-алгебраические работы Лефшеца были — в обоих случаях — сделаны не их авторами, а, например, Александером (который *a priori* мог бы сделать и то, и другое), то дальнейшее развитие этих теорий (даже в смысле тех лиц, которые стали бы ими заниматься дальше), было бы совсем другим. Одним словом, я считаю, что даже перед лицом Вечности совершенно не безразлично, кто именно данную теорию придумает.

Но “лицо Вечности” не есть единственный угол зрения, под которым мы имеем право рассматривать свою научную работу и фактически ее рассматриваем. И со всех точек зрения, мораторий на большую творческую программу в момент, когда эта программа, по крайней мере, в достаточно значительной ее части, может быть по кусочкам растаскана разными Бохнерами, самим фон Нейманом и

всем их “кругом”, есть вещь, на которую, быть может, и возможно пойти, но, во всяком случае, лишь после очень сосредоточенного размышления... Никто, конечно, не знает ближайшего будущего и того, какие “программы” будут перед нами стоять в сентябре-месяце, но я все же хотел еще раз обратить внимание на принципиальную серьезность этого вопроса.

Все это — мои соображения, начиная с пайков и картошки и кончая судьбами мировой науки! Повторяю: ни одно из моих соображений не является возражением. В тех случаях, когда ты меня спрашиваешь, согласен ли я или нет на тот или другой план, речь, по существу, может идти лишь о тех или иных советах с моей стороны — в части моего согласия действует принятое нами в Казани соглашение (“Казанская хартия”), которая установила за тобою на все время войны право — по зрелом и тщательном размышлении с учетом всех объективных обстоятельств — единолично принимать решения за нас обоих, к наилучшему для нас обоих благу. Согласие же мое заранее дается на всякое твое решение. Я лишь хочу поставить весь вопрос еще раз на размышление и обсуждение и наметить несколько существенных направлений, которые этим размышлением должны быть выяснены так, как мы к этому привыкли в математике: известные аксиомы принимаются, и тогда, в предположении этих аксиом, делается выбор между теми или другими возможностями. Между прочим, именно так мы с тобою действовали этой зимой по поводу разных представлявшихся тогда возможностей, и, я считаю, действовали умно. Обычно мы довольно легко устанавливаем аксиомы, приемлемые для нас обоих. Принявши их, я приму и все выводы!

24 апреля 1942 г.

Продолжение.

Это письмо так бесконечно удлиняется, поскольку я после твоей телеграммы, естественно, посылаю его в Свердловск (например, с Сергеем Львовичем), а так как наши казанские коллеги едут туда 28-го, то у меня есть время написать не письмо, а целый трактат, тем более что мое болезненное состояние дает мне на это полное право. Сегодня я в первый раз выходил на улицу, на солнце, передвигался с чрезвычайной медленностью, не то что,

как академик Крылов, а прямо-таки, как академик Карпинский в последние годы своей жизни. Но вообще, я теперь, хотя еще и кашляю, но уже явно нахожусь на пути к полному и быстрому выздоровлению, и свежий воздух и солнце, думаю, очень мне в этом помогут.

Сегодня канун твоего дня рождения. Передо мной геттингенская фотография 1930 года, на которой гусь, конечно, очень хорош.

И по поводу предыдущего твоего письма, и по поводу твоего завтрашнего дня рождения я много размышлял и размышляю о будущем. И считаю, что единственно, что нужно — это вооружиться терпением и пережить настоящее тяжелое время. Я имею такую полную уверенность в том, что дальнейшая жизнь устроится в серьезном смысле хорошо, я готов на столь многие и столь различные ее варианты, что трудно было бы себе представить, что не найдется такой вариант, при котором действительно все было бы хорошо. Глядя в окно и предчувствуя на несколько дней вперед, как “лист зеленеет молодой”, и как

Стоят обвеяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

(Ф. Тютчев, “Первый лист”, 1851)

я вспоминаю об очень многих прошедших веснах. Конечно, нынешняя — самая грустная за очень много лет, если не вообще самая грустная. Но я должен сказать, что вспоминаю о прошлых с умилением не только потому, что они прошли (были и среди них несколько грустных), а потому, что они действительно были хороши эти весны — и кляземские, и комаровские, и другие... И воспринимались, как таковые, со всею их красотой, прозрачностью и теплом тогда, когда были настоящим, еще не были “сновиденьем”, как теперь. Я думаю, что и в будущем предстоят такие весны, и верю в это.

Рассекиши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею
Сошел на землю Новый Год.

— это четверостишие (из “Оды на Новый Год”, сочиненной Г. Державиным в преддверии 1781 года) я тебе уже посылал (см. письмо от 18 апреля 1942 г.) — уж очень мне

оно понравилось и в то же время могло бы служить иллюстрацией того, что есть “реализм в искусстве”.

*И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн —
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн...
И меж зыбью и звездой
Он скользит, как бы во сне —
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне...*

(Ф. Тютчев, из стихотв. “На небе”, июль 1850)

И вовсе я не “побросал” наши письма — я прекрасно знал, что они в левом ящике моего стола, хотел взять их с собою и только в последнюю минуту оставил их на волю Божию, которая их и сохранила.

-
- *Боря* — Б.В. Гнеденко.
 - *Варвара Сергеевна* — В.С. Александрова.
 - *КВШ* — Комитет по Высшей Школе — структура в составе Народного Комиссариата Просвещения.
 - *Отношение 3,5:1,8* — имеется в виду, что А.Н. Колмогоров получал в то время 3 500 руб., а П.С. Александров — 1 800 руб.
 - *660 профессорских и 48 студенческих часов* — речь идет о годичной нагрузке профессора (660 часов) и недельной нагрузке студента (48 часов).
 - *Институт Гребенчи* — так, в шутку, П.С. называет Институт математики МГУ, в котором, во время отсутствия А.Н. Колмогорова, директорствовал М.К. Гребенча.
 - *Наташа* — Наталья Константиновна Гнеденко, жена Б.В. Гнеденко.
 - *Файландов паек* — пайки, выдававшиеся академикам и членам-корреспондентам в Доме ученых (ведаль снабжением Файланд).
 - *Молотов Вячеслав Михайлович* — глава Советского правительства в годы войны.
 - *академик Крылов* — А.Н. Крылов.
 - *академик Карпинский* — А.П. Карпинский.
 - *Марина и Шура* — М. и А. Козловы.
 - Две цитаты из “Евгения Онегина” — приводятся не по роману А.С. Пушкина, а по либретто к опере П.И. Чайковского.

24 мая 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Вчера, как только я вышел из твоего пароплава, оказалось, что мой катер уже подан и стоит рядом с ним. Меня пустили наверх, и я там стоял минут десять, думая, что вот-вот ты покажешься на своем променад-деке — мой катер был вплотную к нему пришвартован, и можно было бы разговаривать, но ты не показался, хотя я даже звал тебя, и мальчишки, стоявшие на палубе, повторяли за мною...

Сегодня с утра ослепительный солнечный день, хотя и довольно ветреный и прохладный — вероятно, очень хорошо плыть на твоём пароплаве. С утра я работал, а в половине одиннадцатого пошел с Володиёй заниматься на Казанку — у него завтра устный экзамен по геометрии и тригонометрии, на котором я буду присутствовать по приглашению директора школы. Вчера у него была письменная алгебра, он получил “отлично”. Назад возвращался один кладбищем, и это было очень грустно. Утром слушал по радио несколько вещей Шопена, и они тоже произвели на меня сильное впечатление, слившееся с этой цветущей и радостной весной кругом, так ужасно противоречащей всему происходящему.

Цезария Иоакимовна — мать П.С. Александрова

Вчера после твоего отъезда пришла правительственная телеграмма Цезарии Акимовне с вызовом от наркома здравоохранения

в Москву для специального лечения. Естественно, это выхлопотал Михаил Сергеевич. Она, по-видимому, колеблется, но я ей в данном случае затрудняюсь что-нибудь посоветовать — этот вопрос она должна решить сама (или Михаил Сергеевич за нее). Если она поедет, то поедет с Гашей, которая также упомянута в телеграмме наркома в качестве сопровождающего лица. Но это, с точки зрения остающихся в Казани, ни в какой степени не должно тебя беспокоить: для трудной работы можно будет нанимать время от времени приходящую женщину, с остальным справится Варвара Сергеевна. Впрочем, я далеко не уверен, что Ц.А. действительно поедет, так как она очень тяжела на подъем. Между прочим, все хлопоты М.С. об этом вызове продолжались, как мне доподлинно известно, не более десяти дней. Трагикомическим образом сравниваю это с вызовом меня самого, хлопоты о котором университет ведет вот уже скоро два месяца.

Очень жду теперь твоего письма: о том, как ты доехал, об университете и моем туда вызове, о письме Сергею Львовичу с окончательным установлением моих обязанностей по Математическому институту в подтверждение нашего устного соглашения с ним, о Бадизли и состоянии наших московских комнат, об огороде, семенах и произрастании овощей, о нашем водопроводе (не лопнула ли труба, когда он замерзал), о Комаровке и о том, как там хорошо — обо всем.

Письмо идет с А.В. Вишневым, который завтра едет в Москву и опустит его там.

-
- Цезария Акимовна (Иоакимовна) — Ц.И. Александрова, мать П.С. Александрова.
 - Гаши — (Агафья Тихоновна, фамилия неизвестна) помощница по хозяйству Ц.И. Александровой.
 - Михаил Сергеевич, М.С. — М.С. Александров.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Володя — внук А.А. Вильде, у которого квартировали в Казани Александровы и Колмогоровы.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - О Бадизли и состоянии наших московских комнат — речь идет о пожаре в квартире Л.С. Нейман (где проживали в Москве П.С. Александров и А.Н. Колмогоров), случившемся по оплошности помощницы по хозяйству Бадизли Джамель, которая была в связи с этим арестована и осуждена на 5 лет по строгости военного времени, не различавшего умышленный поджог и случайную неосторожность.

27 мая 1942 г.

(из Казани,
без конверта)

Это письмо, предположительно, опять идет с А.В. Вишневым, если он еще не уехал вчера. В письмо влагаю еще одно письмо от Бори (в конверте не обнаружено), только что полученное. Из него я не понял, решил ли Д.Е. Меньшов знаменитую проблему, т.е. построил ли пример непрерывной функции, ряд Фурье для которой не сходится почти всюду, или же просто лишь пример функции, всякая подпоследовательность ряда Фурье которой расходится хотя бы в одной точке. Мне кажется, вероятнее второе.

Как собираешься ты реагировать на беспокойство широких кругов университетской математической общественности во главе с Виктором Владимировичем и Ниной Бари по поводу твоего письма к Ивану Георгиевичу? Сознаю, что глупо мне все спрашивать об университетских делах, так как, конечно, ты и сам мне о них напишешь, но дела эти настолько близко меня интересуют, что я как-то не могу тебе написать, не спросивши о них.

В нашем институтском стакане воды все те же мелкие бури: все беспокоятся об огороде, который так же не хочет двигаться с места, как деятели академического “аппарата”. Сергей Львович вчера с авторитетным видом сообщил, что картошка приносит урожаю не более 800 граммов с квадратного метра! Потом стал говорить о том, что индивидуальные огороды — это вообще пустяки и мелочь, а главное — работа в совхозе, о котором он хлопочет для Академии, и т.п. Потом как-то проговорился, что при этом совхозе предполагается нечто вроде дома отдыха для членов Президиума, каковые, по-видимому, и будут снабжаться из этого совхоза, что и объясняет более чем достаточное охлаждение С.Л. к самой идее индивидуальных огородов.

Вчера я полдня провел на выпускном устном экзамене по геометрии и тригонометрии в той школе и том классе, где учится наш Володя. Экзамен и учительница математики (пожилая культурная дама) произвели на меня очень серьезное и в высшей степени благоприятное впечатление. Несмотря на трудности времени, мальчики, в огромном большинстве своем, проявили действительно хорошие для школьников знания и понимание, а девочки — свойственные их полу прилежание и старательность. Директор школы, присутствовавший на экзамене, произвел тоже благоприятное впечатление. Несколько потускнело это отрадное мое впечатление лишь когда я

узнал, что школа эта не есть просто такая-то средняя школа города Казани, а определенно лучшая и наиболее привилегированная казанская школа, в которой учатся, в частности, и все дети казанских академиков и членов-корреспондентов (включая Рубика, сына Б.Н. Делоне, сыновей И.Е. Тамма, Н.Н. Андреева и т.д.). Так что эта казанская средняя школа никак не может почитаться средней казанской школой. Меня упростили прийти на экзамен еще и послезавтра, что я, по слабости, обещал сделать и, следовательно, сделаю. На несколько дней дам упомянутой учительнице математики наш учебник алгебры, которым она очень интересуется, но который не держала в руках, так как в Казани будто бы никто не видал ни одного его экземпляра.

После весьма солнечного воскресенья, значительную часть которого я провел на Казанке, наступили холодные и ветреные понедельник и вторник (т.е. вчера и сегодня). Вода в Казанке стала быстро убывать, обнажая глинистые и вязкие берега, весьма неудобные для купанья. Тем не менее, купался сегодня с удовольствием, хотя и почти без солнца. Выкупался и сразу пошел домой мимо могилы Н.И. Лобачевского, у которой теперь всегда устраиваю привал. Думаю, что Н.И. Лобачевский не почел бы этого за обиду своей памяти — как никак, а мы с ним коллеги по единственной Академии, коей оба были корреспондирующими сочленами. Соловьи все еще поют на кладбище, а зелень свежая и нежная и значительно более обильная, чем была несколько дней тому назад — прошли, хотя и небольшие, но все-таки дожди.

-
- Боря — Б.В. Гнеденко.
 - Решил ли Меньшов знаменитую проблему — результат Д.Е. Меньшова, о котором идет речь, был им опубликован в статье “*Sur les sommes partielles des séries de Fourier des fonctions continues*” // Матем. сб. — 1944, т. 15, с. 385–432. Им доказано существование 2π -периодической непрерывной функции $f \in C(0, 2\pi)$, у которой любая подпоследовательность частичных сумм ряда Фурье расходится, по крайней мере, в одной точке. Лишь в 1966 году Л. Карлесон доказал, что ряды Фурье от функции $f \in L^2(0, \pi)$ сходятся почти всюду.
 - Виктор Владимирович — В.В. Немыцкий.
 - Володя — внук А.А. Вильде, у которого квартировали в Казани Александровы и Колмогоровы.
 - Наш учебник алгебры — имеется в виду “Алгебра”, выпущенная П.С. Александровым и А.Н. Колмогоровым в 1939 г.

27 мая 1942 г.

Дополнение

Нахожусь в большом огорчении от только что полученного письма Б.П. Орлова от 17 мая. Его содержание тебе, конечно, известно: “Вопрос с выездом в Москву профессоров в данный момент повис в воздухе. Я представил список больше месяца тому назад, он дошел до самых высоких инстанций и там пока застрял. Говорят, семестр скоро кончается, как-нибудь проживете, а в июле вопрос можно будет поставить более широко. Хуже дело с закреплением Павла Сергеевича. Может быть, он тоже смог бы приехать сюда в командировку?”

Что ты думаешь по этому поводу? Кем и на каких условиях мог бы я быть командирован? По-видимому, наилучший возможный случай, если Академия командирует меня, а университет мне что-то платит (худший случай — ни Академия, ни университет не платят ничего). Посоветуй, что я должен сейчас делать. Может быть, я мог бы целесообразным образом быть использованным для всяких лекционных поездок, выступлений на митингах и т.п.? Жду очень твоего письма по этому вопросу и, вообще, жду с нетерпением твоих писем, так как пока не получил еще ни одного (что, впрочем, и естественно).

Сейчас все время очень скучаю и грущу, хочется в Гусье-Песий Дом — кругом такое цветущее лето! И вообще, вновь наступили печальные дни: на днях уезжают Мальцев с Никольским. В будущее воскресенье уезжают Сергей Львович с Лазарем Ароновичем. И я очень хочу уехать. Письмо Орлова меня расстроило сразу в нескольких направлениях. В чисто субъективном, т.е. не имеющем никакого отношения ни к какой моей деятельности, но также и в другом отношении — все время я как-то оказываюсь не у дел, хотя мне всегда казалось, что в университете я действительно могу быть полезен и что здесь речь может идти о более реальной работе, чем у Сергея Львовича, т.е. не только о научной работе у себя в комнате (когда она идет). Ну, это ты все знаешь...

-
- Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - Н.И. Лобачевский и П.С. Александров в разные годы оба были членами-корреспондентами Гёттингенской Академии Наук.

3 июня 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Только что пришло письмо от В.В. Степанова. Прочтя его и собираясь изложить его содержание, я впервые понял, что есть действительно великое литературное произведение: изложить его своими словами так же невозможно, как изложить своими словами стихотворение Пушкина или Тютчева. Дать отдельные извлечения из него также невозможно (Примечание: здесь ты можешь усмотреть, когда надо писать “так же” и когда “также”) — в большей степени, чем извлекать отдельные строфы из стихотворений Тютчева, что, как ты знаешь, иногда возможно и даже служит к их украшению. С письмом В.В. ничего этого сделать нельзя — его можно только воспринять все сразу, подобно тому, как Шопенгауэр желал, чтобы восприняли его “Мир как воля и представление”.

Но послать его целиком, т.е. доверить почте или оказии самый великий подлинник, тоже нельзя. Поэтому перепишу почти все великое произведение. Самый же оригинал будет тебе послан с Сергеем Львовичем, который через несколько дней собирается в Москву.

..... Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

Ашхабад, 14 мая 1942 г.

Глубокоуважаемый А.Н.!

Сегодня И.Г. Петровский получил через Бориса Владимировича Ваше письмо, с содержанием которого он меня ознакомил. Вы сообщаете, что одновременно пишете мне. Я этого письма еще не получил, тем не менее, хочу ответить на ряд Ваших соображений.

Моя непривычка к аксиоматическому методу в ведении общественных дел не позволяет мне идти по предлагаемому Вами пути — принять аксиоматически (или догматически) три директивных тезиса и затем оспаривать или подтвердить выводимые Вами из них следствия. Со слов Орлова и Славуцкого (представитель Наркомпроса), мы знаем постановление Правительства об организации занятий в Московском университете наличными силами, и я первый на здешнем собрании приветствовал это решение. Но в одном из предыдущих писем в Ашхабад Вы сигнализировали, что вразрез с точным указанием Правительства

о “наличных силах” проявляется нездоровая тенденция к раздуванию штатов. Добавлю от себя, что, например, привлечение Перепелкина, всегда стоявшего вдали от университета... — ненужная и неоправданная роскошь. Мы знаем также, что при нынешнем положении Москвы в ближайшем тылу еще многие факторы мешают и будут мешать правильному ведению учебного процесса. Поэтому всех нас крайне удивляют попытки создать заново параллельный основному, Ашхабадскому, коллективу “Московский филиал” с конкурирующими с нами или упраздняющими нас заведующими кафедрами и директорами. Кроме соображений целесообразности, здесь есть у нас и морально-политический мотив: для оставшихся в Москве получается “премия за нелояльность” — получают преимущества лица, нарушившие директиву о выезде из Москвы. Таков Н.А. Глаголев и ряд других ученых. Не верю, чтобы таковы могли быть директивы органов, стоящих выше Б.П. Орлова, а если бы это и было, к сожалению, так, то вместо догматического принятия этого тезиса следовало бы постараться такому основному работнику университета, каким являетесь Вы, разъяснить неправильность нового толкования старой четкой директивы о “наличных силах”.

Второй тезис, как будто, направлен против тех, кто надеется на немедленный массовый вызов. Мы сейчас переживаем исторический приказ тов. Сталина от 1 мая и, хотя понимаем, что для реэвакуации нужны сроки, может быть, не очень близкие, но считаем необходимым ставить этот вопрос во главу угла, а не тот, который Вы склонны поставить на его место при помощи второго тезиса — как наилучшим образом с наименьшими просьбами к Правительству организовать московский суррогат Московского университета.

Наконец, третий тезис — о необходимости оставить часть работников для создания Туркменского университета — у нас, прошедших в Ашхабаде уже полгода, вызывает полное изумление. Эта бредовая идея появилась в качестве проекта впервые у умников, волею случая очутившихся у кормила университетской власти на первые две недели нашего пребывания здесь. Здешнему Правительству была предложена мысль (тогда я один возражал и без пользы) о поглощении Пединститута с тем, чтобы в результате пиццеварения за время нашего здесь пребывания оставить благоуханный памятник — Туркменский университет. Здешнее Правительство оказалось на большей высоте, чем наши деятели, и этот проект отвергло. По-видимому, однако, возможность появления такого проекта безнадежно испортила отношение здешнего Правительства к нам. Второй раз этот бред был услышан нами от Б.П. Орлова... (далее идет объяснение, почему проект негоден: Туркменская

республика прежде всего нуждается в национальных кадрах педагогов и врачей, в усилении своего Пединститута; главная и первая задача — срочно готовить кадры рядовой национальной интеллигенции. К тому же республика бедна, не сможет выдержать одновременно и университет и пединститут; прибавьте водопровод и электричество, рассчитанные на бытовые потребности и не могущие питать большие физические и химические лаборатории — и Вы поймете, что Правительство не питает энтузиазма к идее университета в Ашхабаде, как, впрочем, и работники Московского университета.) И опять вместо формального тезиса я выдвину общественный мотив: нас привезли сюда как коллектив Московского университета. Мы привыкли ценить как индивидуальные достижения ученых, так и результаты работы школ, и насильственное разделение таких коллективов — удар по Московской математической школе, по всему Московскому университету, каким он вырос после революции и каким мы его любим. И не к лицу вам участвовать в такой экзекуции. Из изложенного ясны ответы на Ваши конкретные вопросы, в частности, касающийся непосредственно меня вопрос о директоре НИИ математики. Когда мы все соберемся в Москве, я буду рад продолжить работу под Вашим руководством. Но сейчас у нас здесь есть 5 аспирантов, большая теоретическая и заметная оборонная работа, еженедельные научные конференции и ряд исследовательских семинаров, блестящие работы И.Г. Петровского. А в Москве сейчас это будет руководство работой трех докторов-геометров, которые все легко помещаются в один семинар. Поэтому вопрос о том, лучше ли иметь директором НИИМ в Москве Н.А. Глаголева или Вас, в деловом плане отпадает — это то самое нездоровое раздувание штатов, которое Вы раньше отмечали. А так как для меня этот вопрос связан со значительным материальным ущербом, то он изоморфен классическому вопросу, обращенному к карасю, предпочитает ли он быть зажаренным в масле или в сметане. Впрочем, из приписки к письму к Петровскому можно понять, что Ваши вопросы имели риторический характер и Вы вынесли решение о себе раньше, чем могли получить ответы от собеседников. Когда мы рекомендовали Вас Б.П. Орлову в качестве консультанта (мы не мыслили возможности упразднения декана Петровского или создания ему конкурента — Иван Георгиевич с честью выдержал самую тяжелую эпоху жизни нашего факультета и отправлять его в мусорный ящик — недопустимо), мы надеялись, что Вы лучше поймете дух коллектива нашего факультета. По моему убеждению, сейчас Вы на таком же ложном пути, как и Н.А. Глаголев и Б.П. Орлов.

Жму Вашу руку,
В. Степанов.

Всю эту эпистолау я переписал буквально, выкинув только чрезмерно длинное и утомительное развитие мысли о том, почему столь излишен и даже недопустим и вреден Туркменский университет, но и тут я все содержание аргументации передал, а сократил лишь стилистическое развитие и подробности доказательств. Все остальное письмо буквально переписано (еще есть, впрочем, отмеченный многоточием несущественный пропуск в доказательстве того, что Д.И. Перепелкин есть роскошь — пункт и без того ни в ком не вызывающий особых возражений).

Теперь спрашивается, что во всей этой “болтовне” (эту квалификацию письма В.В. я предполагаю в дальнейшем обосновать) есть такого, с чем, по-видимому, надо серьезно считаться? Это тот факт, что писать работникам ашхабадской группы университета о том, что часть их должна остаться в Ашхабаде, значило писать им о плане, который *a priori* не мог иметь у них успеха и фактически его, конечно, не имел. Это было мне ясно с самого начала даже в применении к Боре и тем более очевидно по отношению ко всем остальным университетским работникам, которые, конечно, имеют нормальную психологию всех эвакуированных, т.е. только и мечтают о возвращении в Москву. Не входя сейчас в обсуждение самого этого плана (по-видимому, действительно не очень реального), скажу лишь, что, во всяком случае, твоей ошибкой было включать его в основную программу своей деятельности (если только ты эту ошибку действительно сделал, т.е. если не произошло так, что ты просто считался с этим планом, как с одной из возможностей, а уже В.В. ее приписал тебе в качестве основного программного пункта). Я себе это просто не отчетливо сейчас представляю, но, во всяком случае, на этом пункте не стал бы настаивать.

Во всем остальном я письмо В.В. считаю “болтовней” по следующим причинам.

1. Происходит прямое и не могущее быть бессознательным искажение фактов — возмущил меня этот “мусорный ящик” в применении к И.Г.Петровскому, особенно, если принять во внимание, что во всех без исключения своих высказываниях, как устных, так и письменных, И.Г. всегда только и говорил о том, как его тяготят обязанности декана и как он желал бы от них освободиться.

2. Во всем письме не чувствуется ни единого проблеска мысли или заботы о столь любимом Вячеславом Васильевичем Московском университете, т.е. о тех студентах, которых в Москве, как и в Ашхабаде (а в Москве их больше, чем в Ашхабаде) надо учить, и следовательно, надо заботиться о том, чтобы было кому это делать не так, как это делается в Москве сейчас. Вместо этого с истинно

“месткомовской” философией идут рассуждения о пресловутом “коллективе” нашего факультета (“коллектив работников дома отдыха”, для которого наличие отдыхающих является неприятным осложнением — психологию такого коллектива ты, действительно, видимо, не достаточно хорошо понял).

3. Такой же ложью, как “мусорный ящик для Петровского”, является разговор о пресловутых конкурирующих кафедрах и конкурирующих директорах. С кем эти кафедры конкурируют? Разве не подчеркивалось тысячу раз, что само распределение работы между московскими и ашхабадскими профессорами ни в какой мере не предопределяет окончательного распределения сил Московского университета? Я очень хорошо понимаю, что В.В. боится потерять следующее ему за его наименование директором НИИМ вознаграждение и нисколько не осуждаю его за эту боязнь, но считаю, что в устах человека, с самого начала обратившего должность директора Института в синекхуру и никогда в этой должности ничего не делавшего (спроси об этом Бору), привязывать к этой, хоть и естественной, боязни за свои доходы какую-то видимость принципиальных соображений также недопустимо. Я знаю В.В. в течение 30 лет, и картина его психологии в настоящую минуту мне совершенно ясна: наконец, он получил то, чего ему недоставало всю жизнь и о чем он, будучи достаточно для этого умным человеком, действительно, ни при Дмитрие Федоровиче, ни после его смерти не мог мечтать — это положение лица, стоящего во главе пресловутого “математического коллектива” Московского университета. Теперь, в Ашхабаде (!) он это положение чудесным образом получил. Всё остальное отсюда следует. Отсюда и эта, поистине бредовая, идея о “конкурирующих с нами или упраздняющих нас” зав. кафедрами. Не надо быть большим психологом, чтобы понять всю навязчивость этой идеи именно для В.В. Вся его психология, повторяю, ясна мне, как стекло, и я бы нисколько не был ею возмущен, если бы не те явно недобросовестные методы, на которые он решился на ее почве. Я понимаю, что Нина Карловна, которая в 1931 году говорила о том, что ты собираешься себе делать карьеру “по профсоюзной линии”, может теперь говорить о том, что ты собираешься делать эту карьеру “по линии деканата”, но что В.В. мог находиться в добросовестном заблуждении, связывая с твоим именем планы “мусорного ящика” для И.Г. Петровского, — этому я никогда не поверю! Единственной целью его письма к тебе является, по моему глубокому убеждению, заставить тебя отказаться от всякого руководящего участия в университетских делах путем сознательной и недобросовестной спекуляции на твоей брезгливости. Андрей Николаевич-мол испугается такой грязи и поспешит ретироваться — вот и все.

Одновременно с письмом В.В. пришло письмо от Бори нам обоим. В нем содержатся некоторые подробности смерти сестры И.М. Гельфанда.

(Она почувствовала себя нехорошо во время прогулки в пустыню (в этот день температура на поверхности песка была выше 52° , а бывает и до 80°), и ее спутник пошел за водой и медицинской помощью в город (оставив ее, по-видимому, на этом самом раскаленном песке). По возвращении не нашел ее на прежнем месте. Найдена она была только на следующий день с использованием самолета, мертвой. В этот день в пустыне погибло около 20 человек.)

Далее Боря описывает свои экскурсии в разные старые городища. Ничего спешного его письмо не содержит — пришлю его тебе с Сергеем Львовичем. Экскурсии свои он совершал с Ниной Карловной и Виктором Владимировичем, так что их гнев на него, слава Богу, не распространяется.

Из событий, всколыхнувших наше академическое болото, отмечу два. Во-первых, в один прекрасный день было разрешено всем академикам и членам-корреспондентам пойти в магазин “Люкс” (строго однократно на два часа — от 7 до 9 час. вечера) и купить там всего, чего они пожелают, на сумму до 2000 руб. (на персону). Стоит отметить, что это разрешение вышло в самом конце мая, когда ни у кого не было денег. С большим трудом, путем кредитных операций, удалось наскрести 1300 руб., на которые было куплено: хороший шерстяной материал на покрытие шубы Веры Яковлевны (шуба находится в состоянии совершенных лохмотий) на 580 руб., юбки В.Я. и В.С., бумажные, по 80 руб., два ярких шелковых платка (для мены) по 150 руб. каждый, кепка серая, хорошая, легкая (одна на нас двоих) — около 60 руб., две пары женской обуви, грубой и не подходящей ни для кого из состава нашего семейства — тоже для мены. Вот и все. Несмотря на то, что этот вернисаж удостоил своим посещением сам Отто Юльевич со своею супругою, там происходило нечто совершенно невероятное — всего был недостаток, многие не смогли или не успели купить, что хотели, за два часа, отведенные на всю операцию, очередь у кассы, ругань — все походило на толкучку, а не на собрание жен академиков. Наши покупки всеми признаются очень удачными. Если бы я знал, что будет такой ужас, я бы не пустил В.С. одну, а пошел бы с нею, а то она с большим трудом штурмовала все стоявшие на ее пути препятствия.

Вторая академическая новость — с завтрашнего дня начнут давать обеды и иждивенцам академиков и членов-корреспондентов (но по сильно повышенной коммерческой цене — пока не знаю, какой

именно). Талоны получены на всех, но будет ли целесообразно брать все причитающиеся нам обеды или только часть их — будет, конечно, зависеть от их цены.

Вчера Варвара Сергеевна и я были на хорошем фортепианном концерте Гинзбурга. И пианист хороший, и программа была хороша: Соната Аппассионата, много хороших вещей Шопена, была божественная “Сицилиана” Баха (для меня на этот раз в ней и была вершина всей программы). На концерте было много математиков: Гельфонд, А.Д. Александров, Мальцев с Никольским, Марочка и др. Концерт был осложнен чрезвычайной духотой в зале (в Казани стоит жара, выше 30° в тени).

Я довольно часто хожу на далекую Казанку купаться и пребывать (читаю там Марочкину диссертацию и т.п.). Мальчишки из прилежащих деревень купают там лошадей — не в самой Казанке, а в оставшихся от разлива “сажалках” — зрелище, достойное, если не кисти Айвазовского, то, во всяком случае, П.П. Кончаловского и пера И.С. Тургенева. Последний, впрочем, был бы, вероятно, затруднен бедностью лексикона — все существительные вообще сведены к двум, из которых одно существенно мужского, а другое — столь же существенно женского рода. Но, вообще, там хорошо: и жаворонки и соловьи поют, и солнце светит...

*Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов...
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?*

-
- Письму В.В. Степанова П.С. Александров предпосылает строки, предпосланные А.С. Пушкиным письму Татьяны к Онегину.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Дмитрий Федорович — Д.Ф. Егоров.
 - Боря, Борис Владимирович — Б.В. Гнеденко.
 - Нина Карловна — Н.К. Бари.
 - Виктор Владимирович — В.В. Немыцкий.
 - Марочка — М.Ф. Бокштейн.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Отто Юльевич — О.Ю. Шмидт.

7 июня 1942 г.

(из Казани,
без конверта)

Это письмо идет с Сергеем Львовичем, поэтому вкладываю в него все, что получено за это время, т.е. и письмо В.В.Степанова, и письмо И.Г.Петровского, полученное третьего дня, и письмо Бори, полученное несколько дней тому назад.

Здесь стоит жаркая солнечная погода, и чрезвычайно неприятно отсутствие всяких сколь-нибудь приемлемых возможностей ежедневного купанья. Казанка стала мелкой и, главное, грязной — вода в черте города в ней просто кофейного цвета и для купанья непригодна совершенно. А погода стоит прекрасная, такого лета давно не было.

Последние дни в центре внимания — огород. Мы получили участок “за Клыковкой” (в действительности же, за аэродромом) размером около 200 квадратных метров и за эти два дня перекопали его (я, Гаша и Варвара Сергеевна) и посадили картошкой. Собственные участки, кроме нас, пожелали взять Л.С.Понтрягин, Мальцев с Никольским, Плеснер и Чамова. Остальные образовали некий коллектив, назвать который колхозом, как они сначала желали, значило бы принизить наиболее передовой вид организации сельскохозяйственного труда. Некоторые, очевидно, ждут получить картошку по своему комплексному авторитету, другие, по-видимому, чувствуют себя не очень заинтересованными в ней. Но, во всяком случае, у “единоличников” уже все засажено, тогда как на коллективной части огорода пока еще до этого далеко. Я думаю, что, в конце концов, все будет благополучно, но в нашем институте все такие начинания выглядят не так, как в других. Например, рядом с нами участок института Капицы. Там, действительно, коллективная обработка, и все было сделано в один день, причем весьма тщательно. Между прочим, все капицные молодцы, как по форме, работали в одних трусах, и так как и работали они лучше многих, то тем более заслужили поощрение. У нас эту форму одежды избрали А.Д.Александров, С.М.Никольский, я и, кажется, еще И.М.Виноградов. Очаровательна была миссис Плеснер, которая была одета так, как если бы собралась в воскресенье гулять в Булонском лесу.

Теперь в части, касающейся нас, эта деятельность, слава Богу, окончилась на некоторое время, да и в дальнейшем предстоят уже менее сложные операции, с которыми справятся Гаша и Варвара Сергеевна. Вера Яковлевна несколько раз тоже порывалась туда идти, но это совершенно невозможно хотя бы потому, что этот огород

находится на расстоянии 5 км от нашего дома, причем вся дорога идет по припеку без единого дерева или даже кустика и без малейшей тени вблизи самого места работы. Во всяком случае, наш здешний маленький огородик представляет более чем достаточное поле применения ее сил.

Переходя к перспективам Комаровского огорода, замечу, что трех ведер картошки, если ее разумно сажать (картошку размером $\leq$ куриного яйца сажают целиком, картошку больших размеров режут пополам так, чтобы в каждой половине была часть верхушки), должно хватить на 120—150 квадратных метров, что может дать при самой лучшей обработке 250—300 килограммов = 5—6 мешков. Наша зимняя потребность этим могла бы быть, в основном, удовлетворена. Теперь это, вероятно, в прошлом, но, конечно, очень было бы важно, чтобы в обработке огорода ты принял существенное участие. Как я теперь вижу, один полный рабочий день достаточен для того, чтобы вскопать это количество земли даже одному крепкому человеку. Между тем, если земля будет обработана лишь трудами Шуры и Марины, то наши права на ее плоды будут, конечно, очень сильно снижены — земледельческая психология весьма определена: за мужскую работу признается именно копка, в меньшей степени окучивание, которое производится два раза и которое, говорят, гораздо легче.

Я тебе уже писал, что для иждивенцев теперь даются те же обеды, что и для академиков, но по повышенной цене. Практически, если брать все причитающиеся нам пять обедов (два по низкой цене и три по повышенной), то это обойдется в 35—40 рублей в день. Но беда в том, что качество всех обедов резко ухудшилось. Традиционные котлеты совершенно малосъедобны, супы приобрели систематический характер смеси воды и плавающих в ней лохмотьев серой лапши или гороховой шелухи. Я бы предпочел, чтобы вместо этих “мясных” блюд давались каши и овощи, но овощей совершенно нет, как не было и раньше, а каши даются лишь в виде гарнира (мне, впрочем, удается иногда заменять кашей и самую котлету).

Теперь несколько слов об университетских делах (по поводу письма Ивана Георгиевича). Мне кажется, сравнение писем И.Г. Петровского и В.В. Степанова весьма красноречиво демонстрирует различие между самими авторами этих писем. В письме Ивана Георгиевича действительно чувствуется и любовь к университету, и забота как о нем, так и о работающих в нем людях, а не только

одна “воплощенная укоризна”, далее которой и вообще уже не может пойти В.В. По существу же, конечно, вопрос трудный — трудный, в особенности, потому, что Б.П. Орлов как-никак сумел сохранить у ашхабадцев свой авторитет, который он вначале, насколько я понимаю, имел. Я боюсь, что во всей сложившейся обстановке необходимо все-таки получить директивные указания, как же, наконец, быть с Московским университетом. Само настроение ашхабадского коллектива, конечно, в значительной степени определяется беспокойством за свою судьбу — чувство в данной обстановке вполне естественное. И необходимо, чтобы кто-то, пользующийся авторитетом и имеющий на то бесспорные полномочия, дал по этому поводу определенные и ясные установки: в Ашхабаде будет делаться то-то и теми-то; в Москве — то-то и теми-то. Орлов, по-видимому, таких разъяснений дать не может или не хочет, и положение университета в Ашхабаде, где он даже неизвестно какой университет, конечно, совершенно ненормально. Я думаю, что, раз ты уже взялся за это дело, то тебе не миновать бесед с более авторитетными инстанциями, чем даже ректорат Московского университета. Из письма И.Г. вижу, что в чисто человеческом плане тебе же придется, вероятно, взять на себя миссию успокоения мятущихся ашхабадцев, т.е. сообщения им, как же, в конце концов, с ними будет — ведь Иван Георгиевич явно ищет в тебе именно моральной поддержки, и трудно ему в ней отказать. Я очень жалею, что меня сейчас нет в Москве — ведь ясно, что все это неустройство с нашим факультетом именно сейчас должно, наконец, прекратиться и смениться каким-то упорядочением его жизни и работы (откровенно временного, военного характера, но, тем более, четким). Я все эти вопросы, действительно, принимаю близко к сердцу, и, мне кажется, мог бы с пользою участвовать в их решении. В частности, мне кажется неправильной точка зрения И.Г., что все надо сохранять до окончательного возвращения университета в Москву (т.е. значит, до окончания войны) в неизменном виде. Если ко всему факультету и всем его работникам относиться, как к кастрюле, наполненной до краев молоком и бояться расплескать хотя бы каплю, то этим — ввиду явной неприемлемости такого “консерватизма” ни для какого администратора, стоящего во главе университета — и создаются условия управления факультетскими делами одними распоряжениями из Москвы без какого бы то ни было участия самого его “коллектива”, рассматривающего себя, как некое абсолютное единство. Я понимаю аргументацию И.Г.Петровского, когда он говорит, что В.В. не может в Ашхабаде оставить свою

дочку, но я не понимаю его аргументов о математической и организационной незаменимости Вячеслава Васильевича. Спрашивается: что же сам Иван Георгиевич не может заменить В.В. и по чтению лекций по дифференциальным уравнениям и по председательствованию конференциями?

Конечно, очень жаль, что тебе придется расхлебывать всю эту кашу.

Только что пришло, уже на мое имя, письмо от Вячеслава Васильевича, которое несколько меня с ним примирило своим более мягким тоном. Очевидно, первое письмо тебе было написано под свежим впечатлением всех чрезвычайно взволновавшего твоего плана об оставлении части ашхабадских математиков там на вечные времена. Между прочим, в своем письме ко мне В.В., во-первых, уполномочивает меня вскрыть адресованное тебе письмо в случае, если оно придет в твое отсутствие (что дает мне возможность и самому непосредственно ответить ему — без этого я бы ему не стал писать, так как в данном случае считал бы неуместным в письме к нему ссылаться на предоставленное тобою право распечатывать письма к тебе). Во-вторых, В.В. пишет, что твоего письма к нему он так и не получил. Сообщает о смерти своей матери, случившейся 11 апреля от воспаления желчных протоков, неправильно диагностированного. По этому поводу он тяготеет мыслью о том, что не была сделана операция, которая могла бы ее еще спасти. Спешу ему писать для опровержения этой тягостной мысли, что операция, о которой могла бы идти речь, настолько сложна и продолжительна, что человек восьмидесяти с лишним лет все равно не смог бы ее перенести.

В лирическом аспекте читаю книгу Станиславского про Любимовку и проч. Он и писал ее сам в таком же лирическом аспекте, и я это читаю медленно и не спеша, чтобы дольше находиться в этой атмосфере. Но и от дальнейших глав жду некоторой грустной радости — Художественный театр так тесно связан с моими молодыми годами — от самых первых студенческих (1913) до черниговских (1919, включительно), что все, касающееся его, полно для меня и чисто субъективного очарования. И лекции свои я сейчас тоже читаю в порядке воспоминаний, так как читал в последнее время то, что было придумано 20 лет тому назад именно в точности в это же время года на берегах Клязьмы (соответствующий доклад читался в Математическом обществе 8 июня 1922 года — в это время года заявок на доклады бывало мало, и выступали,

главным образом, мы с Павлом Самуиловичем, излагая результаты, только что полученные, прямо “со сковороды”). И все это опять те же самые кляземские места, только Клязьма была тогда чистая и прозрачная и не такая многочисленная, как теперь, или вернее, как недавно. Если вспомнить, что в Любимовке не только основывался Художественный театр, но и первые свои выступления делал Собинов, а главное, если не забывать всего того, что нарисовали у нас в Гусье-Песьем Доме Владимир Иванович и Марианна Михайловна, а в соседнем доме написал покойный Евгений Максимович Браудо о Чайковском и Моцарте, то я думаю, нет другого участка реки, протекающей в сельской местности, которая внесла бы в российскую культуру столько, сколько участок реки Клязьмы от Любимовки до Образцовского пруда (пожалуй, надо этот участок продлить вверх по течению до ст. Клязьма, чтобы захватить то, что мы с тобою придумали у Веры Архиповны и у Михаила Сергеевича). Сими нескромными и суетными размышлениями пора кончать письмо.

Рассказываю сейчас на лекциях результаты А.Н. Тихонова об R_τ , чтобы затем перейти к Чеху и дальнейшим вещам. Все-таки поражаюсь таланту, проявленному А.Н. Тихоновым в этих его первых топологических вещах! Хотел бы знать компетентное суждение о том, достигли ли этого уровня математического творчества его дальнейшие работы по теплопроводности и проч. и что от него останется в веках — его аналитические работы или R_τ и, вообще, топологические произведения бикомпактных пространств со всем, что вокруг нихросло.

Каждый день бывает сильный дождь, вчера с градом. Для нашего маленького огорода около дома такие дожди, особенно с градом, чересчур сильны, так как забивают вырастающие растения. Для картофельного огорода — безразличны, вообще же, дожди полезны сейчас. Каждый день стараюсь ходить купаться на далекую Казанку. Эта прогулка с купаньем, но без лежания на солнце, занимает два с половиною часа. День теперь велик, и я не вижу оснований ее не делать. Но очень неприятно, если при этом попадаешь под дождь, не столько из-за самого дождя, сколько из-за того, что вся глина, по которой идет путь, начиная от кладбища и до выхода на тропинку вдоль железной дороги, раскисает и делается скользкой до полной непроходимости. В остальном же, прогулка приятна, поют жаворонки, и это самое приятное при моей общей грусти.

От тебя до сих пор, кроме письма с дороги, не было ничего. Между тем, уже были письма из Москвы от разных лиц, пришедшие по почте и отосланные уже после твоего приезда туда. Так что, я даже несколько беспокоюсь, не заболел ли ты там.

За время после моего последнего письма писем тебе не было.

Прилагаемые письма Михаилу Сергеевичу и другим передай или ему или Сергею Сергеевичу, или, если будет некогда, просто опусти.

Кланяюсь Марине и Шуре.

Деньги Марине за май ты заплатил, за июнь пошлю я, так как боюсь, что у тебя там мало денег.

Пришло прилагаемое письмо от Бори (в конверте не обнаружено).

Его содержание кажется мне в части, касающейся Ашхабада, естественным, в некоторых других частях — преувеличенно скромным, а в общем, я уверен, что все, в конце концов, устроится хорошо, если только доживем до конца переживаемого сегодня времени...

-
- *Сергей Львович* — С.Л. Соболев.
 - *Боря* — Б.В.Гнеденко.
 - *Варвара Сергеевна* — В.С. Александрова.
 - *Гаша (Агафья Тихоновна)* — домашняя работница матери П.С. Александрова, также жившая в Казани.
 - *Владимир Иванович и Марианна Михайловна* — художник В.И. Козлинский и его жена.
 - *Вера Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.
 - *Михаил Сергеевич, Сергей Сергеевич* — М.С. и С.С. Александровы.
 - *Марина и Шура* — М. и А. Козловы.
 - *Павел Самуилович* — П.С. Урысон.
 - *Браудо Евгений Максимович* — сосед по Комаровке, музыковед, оставивший, среди других, сочинения о жизни П.И. Чайковского и В.А. Моцарта.
 - *Мы с тобою придумали у Веры Архиповны и Михаила Сергеевича* — имеются в виду те годы (с 1930 по 1935), когда П.С. и А.Н. поселились вместе на ст. Клязьма и жили попеременно то в доме брата П.С. Михаила Сергеевича Александрова, то снимали полдома у Веры Архиповны Пономаревой.
 - *Институт Капицы* — созданный и возглавляемый П.Л. Капицей — *Институт физических проблем АН СССР.*

14 июня 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Это письмо так же, как и предыдущее, посылаю с Лазарем Ароновичем (предыдущее хотел послать с Сергеем Львовичем, но тут он, как раз, и уехал). Завтра увижу только что приехавшего из Москвы Николая Евграфовича Кочина — вероятно, ты виделся с ним в Москве и, может быть, даже послал с ним письмо.

Интересно, что из моих писем до тебя дошло. Жду ответов на многочисленные интересующие меня вопросы, не повторяю эти вопросы в сотый раз, так как надеюсь, что ты на них за это время уже ответил.

Университетские дела, по-прежнему, меня очень волнуют, я ожидал от нашего “коллектива” все же более здравого смысла, чем он проявляет в действительности.

Письмо Орлова от 17 мая, которое я тебе в свое время подробно реферировал и которое сейчас прилагаю (так, без особой нужды, конечно), быть может, все же объясняется пресловутой петицией ашхабадского коллектива. Скажу только, что под влиянием одних лишь ашхабадских настроений тебе все же не следует бросать взятого на себя дела (пишу об этом потому, что моя собственная первая реакция была: “Ну и варитесь в собственном соку, если вас больше всего интересует ваш “коллектив”!). В действительности же, такая реакция была бы неправильной: само дело достаточно важно, чтобы не ставить его в зависимость от той или иной психологии, хотя бы и коллективной, и его надо делать так, как того действительно требуют интересы университета, а не настроения Вячеслава Васильевича, даже если считать их заслуживающими всякого внимания. Что же касается самих этих настроений, т.е. самой этой ашхабадской “психологии”, то она, в конце концов, понятна, и, будучи понятой, не кажется мне ни серьезной, ни сколько-нибудь окончательной. Люди, действительно, там изнервничались, а тут ты им преподнес план, чтобы для значительной части это положение сделалось их окончательным жизненным назначением. По устранении этой единственной твоей ошибки уляжется и все море ашхабадских страстей, ведь все относится, по существу, к тебе с полным доверием, и, в конце концов, конечно, хотят, чтобы ты ими правил — это же совершенно очевидно из письма Ивана Георгиевича и из прилагаемого письма Вениамина Федоровича.

Копию своего ответа на письмо Вен. Фед. я тоже прилагаю (ни письмо, ни копия ответа в конверте не обнаружены). Объективно говоря, я считаю, что твое руководство факультетскими делами в целом,

независимо от того, как ты при этом будешь называться — деканом, директором Института или председателем Ученого совета — представляет собою единственную возможность разумного и благополучного устройства этих дел. Ашхабадские “настроения” представляют собой при этом мелочь, которая уляжется и успокоится в ближайшие же недели, если не успокоилась уже.

Гораздо больше беспокоят меня два других обстоятельства. Первое — сможет ли Кафтанов и другие лица его и большего масштаба, по множеству их занятий, уделять университету тот интерес и внимание, в которых он нуждается — т.е. дадут ли эти лица действительно четкие директивы, которые устранят весь существующий в настоящее время разнобой в вопросе, где и как должен работать университет. Ответ на этот вопрос, конечно, прежде всего, зависит от того, считает ли КВШ Московский университет за один из многих сотен подведомственных ему вузов или за Московский университет.

Второе мое опасение — не осложнится ли весь вопрос о Московском университете сейчас еще и сменой его руководства. Независимо от достоинств и недостатков нынешнего и предстоящего руководства фактическое течение дел, во всяком случае, на ближайшее время будет задержано, а может быть, и затруднено.

Думаю, что к тому моменту, когда это письмо попадет в твои руки, все эти вопросы будут, в значительной степени, уже ясны. Письмо Вен. Фед. ко мне заставило меня, наконец, тоже высказаться об этих вещах.

Надеюсь теперь на твои частые письма и жду их.

На какой же их двух концертов 31 мая ты попал — на Скрябина с Софроницким или на Чайковского с Юдиной? Софроницкий — лучший в настоящее время исполнитель Скрябина, пианист блестящий (но неровный, в том смысле, что иногда бывает “не в ударе” и играет хуже своих возможностей). Юдина, как я ее слышал осенью, лучшая в настоящее время пианистка для “Трио” Чайковского, и, вероятно, ее исполнение фортепианной партии в этом “Трио” — настоящее, большое произведение искусства. Как камерный музыкант скрипач Цыганов очень хорош, а виолончелист Ширинский — великолепен, так что все “Трио” будет, вероятно, очень хорошо. Если ты попал на этот концерт, то какой или какие игрались там еще квартеты Чайковского (из трех существующих)?

Неприменно пойди на “Лебединое озеро”. Музыкально (кроме великолепных вальсов и многих вообще прекрасных отдельных

мест) всё произведение состоит из одной гениальной темы (“полет лебедей”), с которой начинается увертюра, которой кончается как увертюра, так и весь вообще балет (в грозе и буре), которая появляется во все значительные моменты балета. И если, как в отличие от Н.Н.Лузина, несомненно думает Иоганн Кеплер, трансфинитные числа не столько пахнут фиалками, сколько поют, то я считаю вполне достоверным, что поют они (в Канторовом Парадизе) ни какую-то, сколь угодно прекрасную тему Моцарта, Бетховена, Шуберта или даже Шумана, а именно и единственно основную тему “Лебединого озера”. Ни в какой известной мне музыкальной теме свойственные человеку во всей его слабости “полет” и стремление к бесконечности не выражены с такой окончательностью и так лаконически, как здесь. Чайковский написал много замечательных вещей, но, как и музыка Бетховена, музыка его вся насквозь земная и буруеваема земными страстями. Основная тема Лебединого озера есть едва ли не единственный случай “небесной” музыки у Чайковского и, в то же время, не похожей на Шуберта, у которого, как известно, все поют ангелы. “Лебединое” же озеро поют именно гуси, когда они вдруг забудут, что они толстые и тяжелые, и летят (а также, как уже сказано, поют трансфинитные числа).

Для меня совершенно очевидно, что все “Лебединое озеро” возникло именно в тот период жизни Чайковского, когда вдруг возможной показалась победа над роковыми силами жизни, что уже никогда не казалось возможным в его последующем творчестве...

Между прочим, твое письмо, где упоминается намерение пойти на “Лебединое озеро”, попало мне как раз, когда я все время нахожусь, так сказать, в нем, когда хожу купаться, и даже вообразил себе, что все и происходило на том самом, со всех сторон окруженном лесистыми холмами лугу на далекой Казанке, где я купаюсь. Не далее как вчера утром я все время об этом думал, а когда собрались кругом черные тучи и поднялся ветер, то мне даже стало немножко страшно.

Завтра 15 июня. Тринадцать лет тому назад в этот день мы выехали в город Ярославль, а 16-го поплыли по Волге. Никогда не забывал и никогда не забуду этого дня. И никогда не чувствовал себя в этот “юбилейный” день в таком смятении, как теперь. Ни разу еще не было, чтобы мы в этот день были врозь, а вот в нынешнем году довелось — недаром это тринадцатая годовщина. И летнее солнцестояние, по-видимому, я тоже буду один. Хоть бы на будущий год эти дни нам быть в Комаровке и в мире, и благополучии!

Мое письмо уже устарело. Сейчас я увидел приехавшего в Казань на несколько дней Алексея Антоновича Ильюшина, который сообщил мне о состоявшемся постановлении Правительства о переводе Ашхабадского “филиала” Московского университета в Свердловск. Что-нибудь определенное о перспективах университета он мне сообщить не мог, кроме, впрочем, следующего:

- 1. Пока никаких вызовов профессоров не предполагается.*
- 2. Поездки в длительные командировки вполне возможны.*
- 3. Москва мыслится Правительством как основное местопребывание Университета.*
- 4. По его мнению, тебе нужно проявить самому инициативу в деле упорядочения сложившегося на факультете положения.*

Я не понимаю, и, по-видимому, никто не понимает, какими же силами будет осуществляться преподавание математики в университете в Москве с осени. Я испытываю состояние некоторой растерянности, так как не вижу, как же, в конце концов, можно свести концы с концами на нашем факультете. Ильюшин мне говорил, что университетскими делами занимался мой однофамилец в директивных инстанциях и что он, Ильюшин, в частности, вызывался к нему.

Я совершенно не получаю от тебя писем — между тем, в такой острый момент жизни всего университета и, в частности, нашего факультета, мне очень трудно обходиться без всякой возможности контакта с тобой. Ведь положение трудное и для тебя, и так существенно было бы обсудить вместе, на что же нужно сейчас ориентироваться. Я тебе уже писал, что, по мнению Орлова, моя командировка в Москву вполне возможна, и спрашивал тебя, что мне для этого нужно сделать. Обсуди этот вопрос с Орловым и, может быть, с Сергеем Львовичем, который сейчас в Москве.

Старайся не пропускать возможности послать мне письмо скорее, чем оно может прийти по почте. Сейчас, признаюсь, меня очень беспокоят отношения с нашими ашхабадскими коллегами. Не знаю, будет ли письмо, отправленное мною В.Ф. Кагану, способствовать улучшению этих отношений или наоборот.

С нетерпением жду твоих писем.

-
- Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Вениамин Федорович — В.Ф. Каган.
 - Иван Георгиевич — И.Г. Петровский.
 - Юра — Ю.М. Смирнов.

21 июня 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Только что получил твое письмо от 7-го июня. Оно меня успокоило в том смысле, что с тобою ничего не произошло, но, конечно, не рассеяло той неопределенности, которая и тебя, и меня одинаково угнетает. Я успокоен тем, что В.В. Степанов остается директором Института — успокоен с точки зрения личных отношений с пресловутым ашхабадским “коллективом”, но раздражен в то же время деловой бессмысленностью этого решения.

Теперь меня интересуют, прежде всего, две вещи. Во-первых, в каких формах, вообще, мыслимо твое организационное участие в жизни университета (декан, председатель Ученого Совета и т.п.)? Во-вторых, каковы перспективы твоей и моей университетской работы и, в частности, возвращения в Москву—Комаровку хотя бы к сентябрю в случае, если ты вообще не будешь на себя брать никакой организационной работы?

Независимо от моего желания находиться эту зиму в Москве и Комаровке и работать в университете, мне представляется объективно полной нелепостью, если в настоящее время для нас не найдется работы в Москве, а преподавание будет вестись Туркиным и Гребенчей. И этот вопрос представляется мне объективно настолько важным, что даже и в случае, если ты не займешь никаких официальных постов по университету, тебе, по-моему, просто как носителю известного научного и общественного авторитета, вероятно, придется им заняться — ведь речь идет, действительно, как-никак, о судьбе университета в самом непосредственном смысле этого слова. Конечно, я согласен и на вторую зиму в Казани (мало ли на что еще я согласен!), но должен сказать, я соскучился не только по комаровской лирике, но и, действительно, по работе в университете, и мне очень трудно представить себе опять целый год без чтения лекций или с лекциями для одного только Широкова.

Вчера для закрытия сезона в Математическом обществе был поставлен доклад А.Н. Крылова “Об основаниях динамики”. Содержание доклада составляли три основных закона Ньютона (закон инерции, относительного движения и действия, равного противодействию), причем весь интерес доклада предполагался в том, что изложение будет буквально, как у самого Ньютона в переводе А.Н. Крылова. Никаких физических, математических и даже

исторических комментариев и анекдотов не было. Все читалось по тетрадке, так что нельзя даже было понять, что сам автор доклада считал в нем новым или неизвестным для своих слушателей. В этом отношении все мои ожидания были далеко превзойдены действительностью. Тем не менее, с точки зрения театральной антрепризы предприятие вполне удалось — слушать Алексея Николаевича пришли (и весь доклад от начала до конца действительно прослушали): П.Л. Капица, Б.Г. Галеркин, Порай-Кошиц, акад. Поздунин (при начертании его фамилии чрезвычайно важно не сделать ни одной опечатки), какие-то лица в военно-морской форме, Л.Н. Сретенский, Н.Е. Кочин (в последнем не совсем уверен), все наличные наши коллеги по Институту и много других лиц, совершенно переполнивших нашу скромную аудиторию. Были долго не смолкавшие аплодисменты в начале и в конце и мое краткое приветствие — одним словом, все, как и должно было быть, по самому первому рангу. Книга протоколов Общества будет украшена ценной для потомства записью, что А.Н. Крылов в возрасте 79 лет делал в Казани, в Московском математическом обществе доклад “Об основаниях динамики”. Каждый будущий читатель протоколов будет при этом думать о содержании доклада то, что он пожелает, так как резюме, по беспечности президента Общества (и в вечное осуждение ему), не оказалось приложенным к Протоколу (несомненно, если бы я попросил Алексея Николаевича об этом резюме, то он бы не отказал, почему в отсутствии одного и виновата моя беспечность). При всем том все было очень трогательно, все сердца, дремавшие тихо и мирно в течение всего доклада, всколыхнулись в начале и в конце его теми эмоциями, ради которых такие доклады и ставятся...

Но никакого закрытия сезона Общества не произошло, так как в первую июльскую субботу будут делать доклады Б.Н. Делоне и Ю.В. Линник.

На огороде познакомился с супругой Фаддеева. Она настояла, оказывается, на том, чтобы один из их сыновей был назван Людвигом в честь Л. ван Бетховена. Когда последовала реплика А.Д. Александрова, что за такое имя ее сын едва ли будет ей благодарен, а я, со своей стороны, сказал, что не проще ли было назвать сына просто Петей, Вера Николаевна Фаддеева ответила, что хотя музыку Чайковского она очень любит, но замуж бы за него не пошла, а за Бетховена очень мечтала бы. Все это говорилось совершенно серьезно и с большим темпераментом.

Что это за книга “Дни и годы Чайковского”? Кем она написана? Или, может быть, это просто его дневник, изданный с надлежащими комментариями? Читал в английском энциклопедическом словаре (издания 1936 г.) статью о Чайковском, дельно и хорошо написанную. Даже узнал из нее кое-что для себя новое — например, что первые его музыкальные увлечения сложились под влиянием ближайшего друга его юности — поэта Апухтина, водившего его усердно в итальянскую оперу. В ряду лучших произведений Чайковского на первое место поставлен “Манфред” и только затем Шестая симфония, о которой, впрочем, сказано, что она занимает вполне единственное и неповторимое место в мировой симфонической литературе и т.д. Но “Пиковая Дама” и “Евгений Онегин” все-таки оказались незамеченными в этом первом ряду.

Пришел Сергей Васильевич Фомин, и мне надо уже кончать это письмо (оно пересылается с ним).

Дабы никого не злить зря, стоит, по-моему, посоветоваться с Г.И. Двухшерстовым о моей командировке в Москву и просить его об этом возбудить ходатайство. Впрочем, тебе, конечно, виднее, как поступить.

Завтра собираюсь к Александру Яковлевичу — беспокоюсь об его настроении и здоровье.

Жене Мищенко я давно ответил на письмо о том, как ему заниматься математикой, если ему предстоит военная профессия. Очевидно, мое письмо до него не дошло, во всяком случае, конечно, напишу ему сегодня же опять. А вот как там Юра будет радистом на Черноморском флоте, и что его там ждет? Не можешь ли ты как-нибудь иначе узнать его адрес — я хотел бы ему написать.

Пиши мне подробнее, скорее и чаще.

-
- Жень Мищенко — Мищенко Евгений Фролович.
 - Юра — Смирнов Юрий Михайлович.
 - Книга “Дни и годы Чайковского” — речь идет о сочинении А.А. Альшванга “Дни и годы П.И. Чайковского. Летопись жизни и творчества”, М.—Л., 1940. О приобретении этой книги для библиотеки Комаровского дома А.Н. Колмогоров сообщает П.С. Александрову в письме от 6 июня 1942 г.

22 июня 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Только что получил твои письма, переданные мне Сергеем Львовичем. Я очень расстроен провалом наших московских планов. Только после того, как они провалились, я понял, как много все-таки, значила для меня предполагавшаяся возможность иметь отправной точкой во всякой моей деятельности Комаровку, каким отдыхом для меня была бы возможность после любой работы возвращаться туда хотя бы только для того, чтобы провести там вечер, ночь и утро. Поэтому, когда мечта всех этих последних месяцев разбилась, и я оказался у разбитого казанского корыта, я почувствовал себя очень грустно. Мне так хотелось побывать в Комаровке летом, когда такая пышная зелень и можно сидеть у открытого окна, и нет всех этих зимних забот, которых так много будет предстоящей зимой, где бы мы ни были, в Москве или в Казани. А главное, мне действительно обидно эта внезапная моя ненужность в университете при полной физической возможности и большом желании работать там!

Конечно, я согласен на комбинацию “Казань+Свердловск” — ведь никакой другой комбинации, по-видимому, нет? Правда, ашхабадский “коллектив” протестует, но я не думаю, чтобы из-за их протеста (детского в данной обстановке) вопрос стали пересматривать. Я вполне согласен на “Казань+Свердловск”, но отдаю себе отчет и в том, что зима Казань—Свердловска, конечно, будет означать для меня не улучшение, а ухудшение прошлой, казанской зимы. Ведь прошлая зима содержала в себе и много лирики: читали мы и “Гамлета”, и “Евгения Онегина”... В Свердловске это невозможно хотя бы уже потому, что ты там будешь уж очень много и очень разнообразно занят. В Свердловске будет существование для меня, конечно, бивуачное, и даже того “дома”, какой в Казани, не будет и не может быть. Но это все я пишу только непосредственно в качестве “сердца горестных замет” ...

Что из хотя бы кажущегося возможным я предпочитаю комбинации “Казань+Свердловск”? Конечно, в том или ином виде комбинацию “Москва+Казань”, но на нее, по-видимому, нет никаких надежд. В письме от 17-го ты пишешь: “Может быть, постепенно выкристаллизуется и такой план, при котором мы с тобою будем, в основном, в Москве, а факультет будет руководиться Петровским из Свердловска”. Этот план, конечно, был бы, с моей субъективной

точки зрения, наилучшим. Но моя субъективная точка зрения есть моя субъективная точка зрения и, в данном случае, ничего больше. Всю серьезность мотивов, склоняющих тебя к Свердловску, я вполне понимаю. Я считаю также невозможным, чтобы ты рвался на три части между Москвой, Свердловском и Казанью из-за моего желания быть в Комаровке.

Вообще, прошу тебя, с другой стороны, и не переоценивать серьезность моего разочарования. Вся беда в том, что уж очень я настроился на то, что в эту зиму свалится на меня такое необыкновенное счастье — быть вместе в Комаровке.

Само собою разумеется, что в такой обстановке (т.е. если в Свердловске будет университет и ты в нем будешь работать) буду там работать и я, а не предпочту сидеть один в Казани.

Жду твоих дальнейших писем. Не пропускай верных okazji!

Ученики П.С. Александрова
В.Г. Болтянский, Ю.М. Смирнов, К.А. Ситников, Е.Ф. Мищенко

1 июля 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Было несколько хороших дней. В один из них я ездил в Услон купаться — высокий берег Волги, под ним каменистое известковое шоссе и далее такие же известковые камни, мелкие и угловатые, до самой воды. На них и пришлось располагаться, положив, по образцу американских безработных, несколько номеров газет под себя. Но сама Волга произвела на меня вновь впечатление неотразимое. Она была совершенно спокойна, с легкой дымкой после сильного дождя, с где-то вдали проходившим пароходом, песочком на другом берегу ответвляющегося вблизи протока — все это было необыкновенно хорошо, трогательно и грустно...

Я теперь имею желания, значительно более скромные, чем Адамар, — я не желал бы умереть, не проехав в третий раз на лодке по Волге (может быть, на этот раз, от Ярославля до Саратова или еще ниже, чтобы покрыть все, проплытое по Волге до сих пор). Когда это будет — в 1949 году или раньше?..

Вчера и третьего дня была сессия Отделения физ.-мат. наук с докладами Вавилова, Галеркина, Фока и др. Я был на вчерашнем заседании с докладом Фока (которого не понял, как и следовало, впрочем, ожидать, тем более, что ничего не видел, что писалось на доске). На заседании был в числе других и О.Ю. После научного заседания состоялось закрытое заседание Отделения как такового. Абрам Федорович любезно всех пригласил для этого в “кабинет вице-президента”, т.е. в бывший кабинет О.Ю. Там картина была такая: А.Ф. председательствовал, сидя сбоку, за длинной стороной стола, близко к углу, т.е., во всяком случае, не на председательском месте. О.Ю. — тоже, естественно, на одном из рядовых мест. А собственно председательское кресло, с которого ранее председательствовал О.Ю., так и оставалось пустым. Всем разнесли по стакану чая с тремя пряниками и довольно большим куском шоколаду (этого угощения хватило бы с избытком и на второй стакан чая, которого многие жаждали из-за большой жары, но которого, к сожалению не восполняло). На заседании сначала избрали Абраму Федоровичу в заместители Вула, который, по-видимому, и будет заниматься собственно делами Отделения (из происшедшего обмена мнениями выяснилось, что Сергей Львович для этого уж чересчур велик). Выборам предшествовало замечание А.Ф., что, собственно, на эту должность мыслился П.Л. Капица, но так как он решительно отказывается, то вот Вул тоже очень хорош. Потом была информация А.Ф.,

довольно подробная, об его поездке в Москву. Из этой информации я не получил впечатления о том, чтобы поездка эта была особенно удачной. В заключение было сказано, что в первой половине июля произойдет одно или даже два заседания Отделения для обсуждения кандидатур в академики и в члены-корреспонденты, что результаты этих обсуждений должны быть 15–20 июля уже направлены в Свердловск для последующего доклада в центр, для того чтобы Правительство имело хотя бы ориентировочный материал для суждения о том, сколько же надо объявить вакансий. Сами выборы предполагаются в ноябре. А.Ф. говорил, что имеются основания думать, что выборы будут произведены с достаточной широтой и что они коснутся всех заинтересованных специальностей.

А.Ф. обращался также к вопросу научных взаимоотношений с зарубежными учеными. Правительство относится в высшей степени благожелательно к этому, однако письмо А.Ф., адресованное заместителю наркома иностранных дел акад. А.Я. Вышинскому, еще не получило ответа, так что в настоящее время посылать научные рукописи через Наркоминдел все еще нельзя. Моя рукопись, наконец, готова к отправке, но, по-видимому, вместе с другими должна ждать выяснения этого вопроса. Я думаю, не целесообразнее ли посылать ее просто по почте, что отнимет, правда, полгода.

Кстати, что нужно делать с большой рукописью Бори (“*Sur la distribution limite du terme maximum d’une série aléatoire*”)? Нужно ли ее посылать в Америку для напечатания (тогда напиши, в каком именно журнале) или же это — второй экземпляр уже посланной рукописи, и тогда нужно только справиться о судьбе посланного первого экземпляра? Мне помнится, ты говорил, что речь идет именно о втором случае, но я боюсь, не путаю ли я — прошло уже много времени.

После заседания возвращался с Н.Н. Семеновым, который излагал свои мечты о том, чтобы по окончании войны устроить в городе Ульяновске своего рода “советский Кембридж” (в память В.И. Ленина) — первоклассный университет с основным упором в научную работу и подготовку аспирантов, со всякими научными институтами повышенного типа и т.п. В качестве дат, с которыми следовало бы связать открытие такого учреждения он намечает либо 1945 год — год 75-летия Владимира Ильича, либо 1949 — год двадцатипятилетия со дня его смерти.

Сегодня с раннего утра уже несколько часов подряд льет сильный дождь, и не только что на далекую Казанку невозможно идти купаться, но трудно идти и в Институт за картошкой и за хлебом.

Я уже писал тебе, что у нас, кроме 180 кв. метров картофельного огорода за аэродромом, имеется еще 100 кв. м огорода за Казанкой. Картошка уже возшла (и у нас лучше, чем у всех других), а вот с огородом за Казанкой беда — Академия не может найти материалов, чтобы построить шалаш и нанять сторожа (что делают гораздо более скромные казанские учреждения). В результате по академическому огороду ходят лошади и козы, и неизвестно, что от него останется.

Вчера у меня украли легкие штаны, в которых хожу купаться. Они висели в окне — вор перелез через забор на крышу террасы и на глазах у всех, находившихся на улице, их утащил. Все растерялись, и никто его не задержал. Это — бумажные штаны, не Бог весть какой ценности, но других у меня нет.

Получил письмо от Бори от 22 июня — письма из Ашхабада идут столько же, сколько и из Москвы! Письмо содержит исключительно описание волнений “ашхабадского коллектива”, теперь по поводу предстоящего переезда в Свердловск (особенно ярко описывается бушующая Нина Карловна). Весь же “коллектив”, в целом, сильно (и, главное, трудно опровержимым образом) скомпрометирует себя, если будет протестовать против переезда в Свердловск — боюсь, скомпрометирует настолько, что этим может быть даже нанесен ущерб самому Московскому университету. Когда же теперь придет Петровский в Москву? Собираюсь сегодня послать в Ашхабад телеграмму с вопросом о сроке выезда Петровского. Такую телеграмму и тебе было разумно давно послать, но ты как-то вообще не очень признаешь великое изобретение Гавса и Вебера.

Перехожу к нашему, казанскому, “коллективу”.

Третьего дня было заседание Математического общества с двухчасовым докладом Б.Н. Делоне об обратной задаче Галуа. Доклад, если не считать обычных ужимок Б.Н. и неизбежного диалога во время самого доклада между Б.Н. и Н.Г. Чеботаревым, понятного лишь для обоих собеседников, был прочитан хорошо, и многое в нем было понятно. Но сама обратная задача теории Галуа, как мне кажется, попадает в безнадёжное (до поры, до времени, конечно) положение многих великих задач, когда от них постепенно откалывается по маленькому кусочку без того, чтобы это содействовало выяснению всей проблемы. Ясно, что еще предстоящая Борису Николаевичу научная деятельность вполне может быть этим заполнена, но ясно также и что вся задача в целом, если будет решена, то не этими кусочками, а каким-нибудь кем-нибудь придуманным существенно

новым методом. После заседания, по предложению Сегала, чуть не было уже решено, что следующее заседание Общества с докладом Линника будет служить закрытием сезона. Но тут вдруг появился А.О.Гельфонд (за весь год бывший в Обществе один раз, на своем собственном докладе) и стал чрезвычайно горячо говорить о совершенной необходимости продолжать заседания Общества в течение всего лета и, по возможности, даже еженедельно. Я делаю из такой активности Александра Осиповича тот отрадный для науки вывод, что он, вероятно, весьма интенсивно работает и готовится удивить всех нас неожиданными существенными результатами, которые и имеет потребность доложить. Впрочем, пока от А.О. заявки на доклад еще не поступило. Еженедельных заседаний мы все же решили не устраивать, а ближайшее будет 18 июля с докладами Линника и А.Д.Александрова.

Я тут однажды был на “Травиате”. Исполнение было лучше, чем я опасался: два главных действующих лица, Альфред и Виолетта, были, конечно, не Собинов и Нежданова, коих я когда-то слушал в Москве, но все же вполне удовлетворительны. Ужасен был папаша — можно было думать, что он в свободное от служебных занятий время торгует на Сорочке старыми пиджаками, в один из которых и сам был одет. В целом я получил удовольствие и не жалел, что пошел. Богатство и свежесть мелодий в этой опере остаются поразительными, и в ней есть неумирающее очарование. Я считаю, что “Травиата” есть вершина всей итальянской оперы и, в частности, вершина самого Верди — в ней гораздо больше музыки, чем в “Риголетто”, например, и нет никаких потуг на большой оркестр и всякий вагнеризм, как в “Аиде”. А вместо этого есть обаяние исключительного мелодического дарования и юношеской свежести и трогательности.

-
- О.Ю. — Отто Юльевич Шмидт.
 - А.Ф. — Абрам Федорович Иоффе.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Нина Карловна — Н.К. Бари.
 - *Моя рукопись* — имеется в виду рукопись статьи “On homological situation properties of complexes and closed sets”, опубликованной на английском языке в *Trans. Amer. Math. Soc.* (1943, v. 54, p. 286–339). Русский текст этой работы вышел в журнале *Известия АН СССР. Сер. матем.* (1942, т. 6, с. 227–282).
 - Боря — Б.В.Гнеденко. Статья Б.В.Гнеденко с таким названием опубликована в “*Annals of Mathematics*” (1943, v. 44, № 3, p. 423–453).

13 июля 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Получил от тебя много писем и сразу ожил. Но сейчас пишу чрезвычайно наспех, в Институте, в неподходящей обстановке, так как только что узнал, что завтра на рассвете вылетает в Москву акад. Бруевич — это хорошая оказия. Поэтому письмо будет деловое.

1. Только что был у А.Ф. Иоффе по поводу отправки работ в Америку. А.Ф. имел по этому поводу переписку с А.Я. Вышинским, которая, как мне сказал А.Ф., определенного результата не дала. Во всяком случае, специально для выяснения относящихся сюда вопросов в Москву командирована Лидия Алексеевна Бах, с которой существенно, чтобы ты увиделся, чтобы выяснить, как же, в конце концов, обстоит весь вопрос в целом и не нужно ли тебе этим вопросом заинтересоваться — вот уже полгода, как он не сдвигается с мертвой точки. По мнению А.Ф., вопрос должен решаться в Москве.

По-видимому, ранее конца июля ничего отправить не удастся. Тем не менее, сообщи мне как можно скорее, как мне быть с толстой (и отпечатанной на толстой бумаге) работой Бори: а) отправить ли ее; б) если да, то в какой именно журнал. Я предполагаю целесообразным отправить ее Лефшецу с просьбой напечатать в "Transactions" (Александр Яковлевич мне это советует, говоря, что большинство работ по теории вероятностей печатается именно там). Постарайся все же ответить мне сам возможно скорее.

В остальном комплект посылаемых работ будет состоять из работы С.В. Фомина (которую посылаю на усмотрение Лефшеца со своею очень высокой оценкой), работы Д.А. Василькова и из моей собственной работы. (Заметим, что все три обсуждаемые работы опубликованы в одном томе (№ 44 за 1943 год) журнала "Annals of Mathematics".)

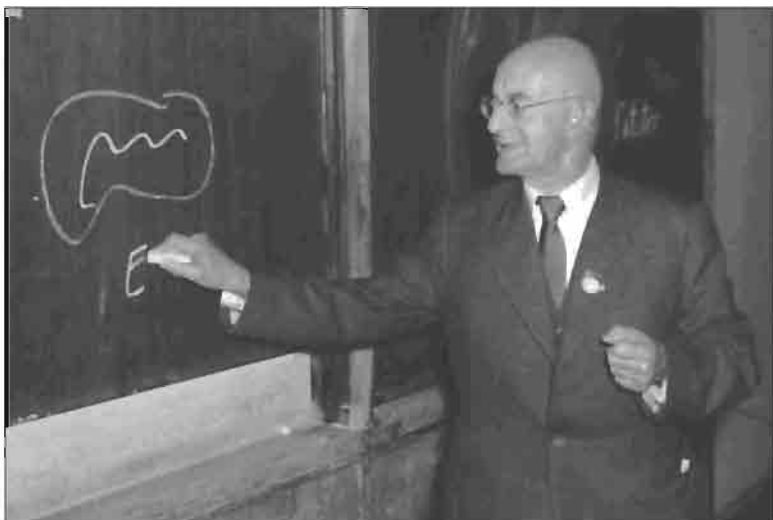
2. Я собираюсь с 20-го ехать в Шелангу в надежде, что в последних числах июля приедешь и ты и что мы вместе пробудем там хотя бы первую половину августа (до твоего отъезда в Свердловск).

3. Я тебе уже сообщал о телеграмме Бори о выезде 16-го первой очередью. Вероятно, такую же телеграмму он послал и тебе в Москву.

4. Защиту Марочкиной диссертации целесообразно устраивать, по-моему, в середине августа. Я не предвижу ни с чьей стороны возражений. Институт не будет возражать и против меня

в качестве оппонента, если Лазарь Аронович не согласится. Я согласен на любой срок (если даже буду в Шеланге, то всегда смогу приехать на день).

Деловая часть письма закончена (см., впрочем, ниже!). Но боюсь, что надо кончать и все письмо, так как для неделовой части уж чересчур неподходящая обстановка: пишу в кабинете Сергея Львовича, имея слева Александра Осиповича, а впереди себя чл.-корр. Розенберга, который собирается читать нам весьма интересный доклад на актуальные темы дня. На этот доклад и собирается сейчас публика.

Доклад на Математическом Обществе

5. Да, еще все собираюсь тебя попросить вот о чем: меня очень интересует содержание реферата Tucker'a о моей работе "General Combinatorial Topology" = "Общая теория гомологий". Если возможно, перешли или изложи достаточно подробно своими словами этот реферат.

6. Ты мне ничего не пишешь, имел ли ты какой-нибудь разговор с Рыбкиным о моей книге. Если нет, то постарайся такой разговор с ним иметь — это все же очень для меня важно.

Пусть это письмо уж и остается таким скучным и деловым, хоть и очень многое мне хочется сказать в ответ на твои последние письма, и в то же время хочется, чтобы это скорее до тебя дошло, но нельзя мешать одно с другим...

Сегодня же, придя домой, начну писать тебе настоящее ответное письмо. Но успею ли послать его так, чтобы ты еще успел его получить?

Я писал уже о том, что Абрам Федорович на заседании Отделения официально заявил, что к 15 июля Отделение должно собраться для обсуждения кандидатур в академики и члены-корреспонденты, дабы эти предварительные кандидатуры могли быть сообщены вышестоящим организациям. Подчеркивал, что кандидатуры должны быть по всем наукам, представленным в Отделении, и давал понять, что это предварительное обсуждение представляется существенным. Осенью все будет объявлено в газетах по всей форме. Пишу об этом на случай, если, не имея возможности принять участие в обсуждении кандидатур, ты, может быть, найдешь целесообразным сообщить свои кандидатуры письменно Абраму Федоровичу как секретарю Отделения.

Пришли мне из Комаровки какой-нибудь цветочек, например, незабудки (они тоненькие).

-
- Бах Лидия Алексеевна — скорее всего, дочь акад. Алексея Николаевича Баха (1857–1946), биохимика.
 - Боря — Б.В. Гнеденко. О работе, о которой здесь речь, см. Примечание к письму от 1 июля 1942 г.
 - Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Фомин Сергей Васильевич. Работа С.В. Фомина — скорее всего, его статья “*Extensions of topological spaces*”, опубликованная в “*Annals of Mathematics*”, (1943, v. 44, p. 471–480).
 - Васильков Дмитрий Алексеевич. Работа Д.А. Василькова — скорее всего, его статья “*On the theory of partially ordered linear systems and linear spaces*”, опубликованная в “*Annals of Mathematics*” (1943, v. 44, p. 580–609).
 - Моя собственная работа — см. Примечание к письму от 1 июля 1942 г.
 - Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - Статья (П.С. Александрова) “*General combinatorial topology*” опубликована в “*Trans. Amer. Math. Soc.*” (1941, v. 49, p. 41–105). Приравненная к ней статья “Общая теория гомологий” опубликована в “Ученых записках Московского университета”, (1940, т. 45, с. 3–60).
 - Марочка — Бокштейн Меер Феликсович. Защита его докторской диссертации действительно состоялась в Казани в 1942 году.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Александр Осипович — А.О. Гельфонд.
 - Моя книга — “Комбинаторная топология” — см. Примечание к письму А.Н. Колмогорова от 28 июня 1942 г.

15 июля 1942 г.

(из Казани
без конверта)

Я собрался было писать тебе большое письмо вчера вечером после чая и начал с того, чтобы перечитать все последние семь твоих писем в том порядке, как они писались, а не в том, как они приходили. Я их читал медленно и внимательно, и поэтому за чтением письма от 28 июня (как раз о Гусе, возрастающем до Монблана) меня застигла темнота. Сегодня с утра продолжил это занятие, и вот теперь вся эта совокупность писем передо мною. Так как ответить на них все одним письмом нельзя, то начну с конца.

Вообще же, я думаю часто о том, что у нас все пока, по существу, очень благополучно, и от этого делается даже несколько страшно (Поликратов перстень). Серьезно только и можно говорить не о недовольстве настоящим, а о страхе перед будущим. Будем надеяться, что, в частности, и с Надеждой Яковлевной все обойдется благополучно. Вообще же, сейчас мною владеют, конечно, уже другие тревоги и беспокойства, чем те, которые были в моих предыдущих письмах.

Что же касается Гуся и Монблана, то полагаю, что он напрасно ставит вопрос так: "Действительно ли следует Гусю тянуться равняться с Монбланом?". То есть, как говорится непосредственно дальше, чувствовать, в некотором роде, персональную ответственность за нашу прекрасную науку математику в целом.

Я думаю, вопрос решается гораздо проще тем не разложимым далее обстоятельством, что ты такое чувство ответственности фактически имеешь (что и подтверждается, между прочим, и всем дальнейшим течением твоего же письма). Это чувство ответственности вполне относится к области эмоций, а не одобренных логикой волевых предписаний. И поэтому, как и в отношении всякой эмоции, единственный, реально возникающий здесь, вопрос есть вопрос:

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДАННАЯ ЭМОЦИЯ ИЛИ НЕТ?

И утвердительный ответ на этот вопрос очевиден и для тебя самого, кроме разве отдельных минут малодушия...

Слов нет, осуществлять эту эмоцию тебе приходится в несравненно более сложной обстановке, чем Гильберту, но с этим уже ничего не поделаешь, это вытекает из величия переживаемой нами эпохи и проч... А математический коллектив, состоящий из нас обоих, Понтрягина, Петровского и Ленечки Канторовича, мне очень по душе. Мне только представляется, что очень немного поддержки

(и в то же время воспитания в духе строгости) надо проявить по отношению к А.И. Мальцеву — чтобы он также был естественным членом нашего коллектива. Мне кажется, что собственно математическое самочувствие А.И. резко улучшилось именно в этом году, когда он, в основном, стал заниматься группами Ли.

Что же касается того, что во всей этой концепции “советского математического Кембриджа” я сам выступаю, как некий *begrifflicher* Ландау, то это положение (совершенно для меня неожиданное) мне доставляет удовольствие. Только, к сожалению, я никогда не мог и не смогу регулярно заниматься математикой 10 часов в день и, в соответствии с этим, столько читать и столько знать (а потом и столько написать), как Ландау.

Совершенно случайно и независимо от твоих писем я несколько дней тому назад испытал весьма интенсивное и вполне лирическое переживание, относящееся к обсуждаемому кругу идей, по совершенно, казалось бы, неожиданному поводу — по поводу систематического просмотра мною (в стенах Математического института Академии Наук) топологического отдела реферативного журнала “*Fortschritte der Mathematik*” за десятилетие 30-х годов. Лирическим это переживание было потому, что я, действительно, воспринимал топологию, как “*unsere geliebte Wissenschaft*” (наша возлюбленная наука — нем.). Именно, как, прежде всего, “*geliebte*”, а затем — не скрою этого — и как “*unsere*” в том смысле, как ты приписываешь этот атрибут Гильберту (ему, однако, по отношению ко всей математике). Неожиданным же в этом переживании было то, что, думаю, без греха против объективности, я нашел поводов к такому толкованию слова “*unsere*” много больше, чем сам когда-нибудь предполагал. Я бы никогда не получил столь нескромных впечатлений от просмотра за тот же срок “*Zentralblatt’a*” по той простой причине, что, как ты знаешь, я руководил там всем отделом топологии и, будучи исключительно сам референтом всех связанных с моими интересами работ, естественно, не занимался тем, чтобы при этом “выпячивать” свою собственную персону (с меня достаточно было и того, что я имел возможность весь отдел вести в соответствии со своим вкусом даже тогда, когда этот вкус расходился со вкусами Чеха, Лефшеца и других, столь же уважаемых мною людей). Все это впечатление воздействия моих работ и интересов — правда, не на вечность и не на всю математику, а всего только на одно десятилетие и на одну топологию — не было бы столь эмоционально окрашенным, если бы оно не переплеталось и со всеми теми человеческими образами, через которые эти воздействия производились. И, как это

ни парадоксально, но я воспринял со страниц реферативного журнала то некоторое весьма своеобразное “биение сердец”, которое моя научная деятельность вокруг себя распространяла. Своеобразное потому, что оно происходило вовсе не в рамках моей собственной университетской “школы”, а гораздо шире (зато, конечно, и менее напряженно), но столь же несомненно, так как были люди, и притом, конечно, молодые, для которых мои топологические идеи были увлекательны, и которые, продолжая их, думали, что делают дело, объективно гораздо более значительное, чем, вероятно, они делали в действительности (всякое биение “научных сердец”, к сожалению, именно и заключается в несоответствии объективной значительности данных работ и субъективной уверенности производящей их научной молодежи).

Во всем этом лирическом размышлении стало мне вполне ясным и то, на что именно я обижен в отношении ко мне наших математических коллег: во-первых, на то, что научный коллектив, как-никак, первоклассный в научном отношении и пользующийся в соответствии с этим, полной мерой моего научного уважения, отказывает мне не в тех или иных почестях (их суетность я вполне понимаю), а в кажущейся мне справедливой оценке всего сделанного мною за 25 лет моей научной деятельности. Ни для какого ученого, более того, ни для какого творчески работающего человека такая оценка — если он искренен перед самим собою — не является безразличной (нет поэта, не написавшего, в том или ином виде, “Памятника”!). Мое же отношение к тому, что я воспринимаю несправедливостью по отношению ко мне, есть именно обида, а не озлобление: человек обиженный искренне желает устранения причины, вызвавшей его обиду, а человек озлобленный культивирует причину этой своей эмоции. (Мы знаем с тобой человека из нашей среды, который тщательно охраняет обвалившуюся в его квартире штукатурку!)

Я, впрочем, не переоцениваю серьезность вышеизложенных эмоций и, если о них пишу, то более в порядке отчета, а не потому, что мне от них так уж совсем плохо!

Наоборот, вполне серьезной является, увы, почти что даже не надежда, а, скорее, мечта — чтобы и я еще был способен произвести в будущем вокруг себя хоть некоторое скромное “биение сердец”, тем более, что, в отличие от того, что было раньше, я теперь все же надеюсь на то, что моя собственная научная деятельность, в том или ином объеме, но до 50–55 (а может быть, и до 60) лет еще протянется. Так что, видишь, мои сегодняшние размышления даже значительно более оптимистичны, чем часто бывало ранее...

Если только такой эгоистический оптимизм вообще еще законен и если (формула, ставшая весьма содержательной!) все вообще вокруг нас будет благополучно. Так возвращаешься поневоле к размышлениям, уже по существу грустным.

Не знаю, дойдет ли до тебя это мое письмо. Во всяком случае, оно — последнее до твоего приезда. Разве что, будет какая-нибудь неожиданная оказия послать еще письмо с самолетом — на ближайшие дни такой оказии, во всяком случае, не предвидится.

Об “облаках” (музыке Шумана и прочем) не пишу, хотя и искренне обрадовался такому восполнению осенне-зимних твоих концепций. Эти “облака”, несмотря на свою абстрактность, наполнили концепции эти теплом...

Из Бориного письма мне, полученного вчера, заключаю, что он раньше середины августа в Свердловск не попадет. То же подтверждается и сегодня в письме от Вениамина Федоровича — весь Мехмат едет лишь вторым эшелоном, т.е. выезжает лишь в августе.

К понедельнику заказаны отзывы (я о Льве Семеновиче, а он — обо мне), в соответствии с тем, что я тебе писал раньше, к предстоящим выборам в Академию.

Погода жаркая, летняя. Ходить на далекую Казанку тяжело, но хожу. Закончил совершенно свою работу (и русский, и английский текст) и теперь, можно сказать, ничего не делаю. Таким образом, этой работой я занимался ровно полгода — от зимнего до летнего солнцестояния. Мне казалось, что это непозволительно долго. Но получил от В.А. Фока работу для “Матем. сборника” “О некоторых интегральных уравнениях математической физики”, датированную: “Елабуга, октябрь 1941 — апрель 1942”. Последние страницы рукописи Владимир Александрович, впрочем, дописывал уже здесь, во время недельного пребывания в Казани в июле. Поэтому я решил, что полгода на одну работу, может быть, и не так уж и много... Поэтому и хожу сейчас на далекую Казанку отдыхать (неизвестно, от чего). Тем более, мне хочется скорее отослать, наконец, эту рукопись, о чем, впрочем, я достаточно подробно писал тебе в предыдущем письме.

• Надежда Яковлевна — Н.Я. Колмогорова.

• Боря — Б.В. Гнеденко.

• Вениамин Федорович — В.Ф. Каган.

• Работа, о русском и английском текстах которой идет речь, — см. Примечание к письму от 1 июля 1942 г.

3 сентября 1942 г.

Шеланга

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

Приехали сюда (с Варварой Сергеевной — Вера Яковлевна не захотела ехать) 29-го в 12 часов. 30-го при прекрасной погоде ездили на лодках в наш проток, снизу до отказа. 31-го я один ездил на лодке вверх с утра, до завтрака, при солнце и предавался своим размышлениям...

Потом погода испортилась, и после чая мы слушали “художественное чтение” М-те Тиме, которая тоже здесь отдыхает. Актриса она крупная, и мне было ее интересно слушать с точки зрения ее техники. Читала она один рассказ Чехова (из серьезных, читала хорошо), смерть Анны Карениной (читала плохо — я могу прочесть лучше), финал “Евгения Онегина” (читала отвратительно), монолог Иоанны д’Арк из одноименной пьесы Бернарда Шоу (читала очень хорошо) и Пушкинское “Клеветникам России” (хорошо). В общем, я пришел к выводу, что, на худой конец, и я не пропаду!

1-го было совершенно ясно, но очень холодно, и Варвара Сергеевна потащила меня за 6 верст за грибами — мимо церкви, через поля, но не вдоль Волги, а перпендикулярно к ней. Шли частью уже убранными полями, частью неубранными плохими овсами, частью незасеянными полями, заросшими бурьяном. Грустный, но лирический пейзаж... Последние стихотворения Блока (“О чем поет ветер”) все время вспоминались мне...

Вчера также было ясно и холодно, мы гуляли в глубине острова, до протока, там я купался в совершенно чистой и прозрачной, но очень холодной воде. Искали шиповник, но не нашли.

Сегодня с утра я опять катался на лодке один. Сегодня вновь прекрасный, теплый, солнечный день, лишь немного ветрено. Сейчас удивительный закат, я пишу тебе на нашем балконе. Волга спокойная и точно перламутровая, как была в тот вечер, когда мы сидели с тобою у кирпичного завода...

Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,
И средь растущей темноты

Припомнишь ты
И то, и се,

Все, что было,

Что манило,

Что цвело,

Что прошло —

Все, все...

(А. Блок. Из цикла “О чем поет ветер”, 1913.)

Так вдруг, выйдя вчера холодным, солнечным, ветреным утром совсем рано на песок противоположного берега, я вдруг ясно ощутил такой же ветер и такой же песок одного холодного майского утра на острове Norderney в 1927 году. Но это было мимолетным воспоминанием, одним из многих мимолетных воспоминаний, врывающихся в живую и непрерывную ткань последних тринадцати лет. И в начале, и в конце этих тринадцати лет та же Волга, и тот же покой над ней, и те же пески, и то же солнце, и тишина, и красота.

Все эти годы я, несмотря на весь их фон, ценил и чувствовал настоящее и “благодарил за каждый день и каждый час”. Так что, хоть в этом отношении не делаю себе упреков. Только одного я в настоящем не понял и не оценил — того, как все-таки необыкновенно дорога мне будет эта прошедшая казанская зима! И как горько я теперь сожалею о каждой нашей не сделанной лыжной прогулке... Наоборот, этот твой последний приезд в Казань и пять дней в Шеланге — меня даже пугала какая-то их непонятная для меня значительность. Я не понимал, но чувствовал, что это станет целым отдельным периодом моей жизни...

Последний вечер и утро в Казани ты был очень грустный и сумрачный, а между тем, тебя ждет так много хорошего! И ты не должен смущать это хорошее никакими излишними размышлениями.

И должен помнить, что если тебе будет хорошо, то и всем вокруг будет хорошо!

Ни одного выпуска “ *Journ. of Symb. Logic* ” у нас дома обнаружить не удалось (поиски производил и Анатолий Иванович, и я). Точно так же нет ни одного экземпляра книжки Сакса об интеграле — ни английского, ни французского. Также нет ни одного экземпляра книжки Зигмунда о тригонометрических рядах. Вообще, из всей польской серии математических монографий здесь, в Казани, имеется только “Топология” Куратовского. Зато в поисках Сакса благополучно натолкнулись на Волощина, который просто заехал несколько назад и будет мною перевезен в Гусье-Песий Дом, где ему и место, ибо весьма важно, чтобы в жизни каждый предмет, как одушевленный, так и неодушевленный, находился на своем месте!

Уже совсем стемнело...

-
- 3 сентября 1942 г. — в день, когда писалось это письмо, в Москве А.Н. Колмогоров вступил в брак с Анной Дмитриевной Егоровой.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Анатолий Иванович — А.И. Мальцев.

6 сентября 1942 г.

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

Третьего дня (т.е. 4 сентября) приехал из Шеланги и опустил в почтовый ящик письмо тебе, писанное при закате на Волге.

Вчера ходил на ближайшую Казанку купаться и президировал в Математическом обществе.

Сегодня, идя вновь на Казанку, получил твое письмо, помеченное “Ночь с 30 на 31 августа”) и обрадовался не только самому письму (неожиданно скоро пришедшему) и не только его содержанию, но и тому, что, наконец, несу тебе и вам обоим навстречу одно лишь чувство радости, уже не омраченное более никакими эгоистическими переживаниями. Это не значит, конечно, что больше не будет тяжелых и острых минут, когда будет безумно жаль прошедших, таких единственных и неповторимых (не только для меня, а единожды во всей истории мироздания случившихся) тринадцати лет, не будет жаль всего хорошего, что было и прошло — прошло, хотя бы и перед лицом нового хорошего, которое (и для меня, как я надеюсь) будет! Конечно, такие минуты будут, но не в них дело, а в том, что я совершенно ясно и всей своей душой понял, что вся боль моих эгоистических потерь, вся грусть о дорогом мне прошлом окончательно потонула в радости за тебя, в радости от того, что тебе есть и будет хорошо.

Не только ты, но и я переживаю сейчас очень существенные дни в своей жизни и, главное, не только *per defectum*, но и с полной готовностью к какой-то неизвестной мне новой жизни. Поэтому я совершенно открыто и без всяких беспокойств о том, удастся ли мне или нет эта новая жизнь, смотрю ей в глаза. В каком-то смысле она уже удалась — в том, впрочем, весьма простом смысле, что Аня, дорогая тебе и любимая тобою, уже сейчас дорога и мне. А уж как устроится сама эта жизнь, про то уж решай ты — большому гусю — большое и плаванье!

У графа Л.Н. Толстого в “Анне Карениной”, как известно, в самом начале сказано, что “Все счастливые семьи счастливы одинаковым образом. Каждая несчастная семья несчастна по-своему”. Я надеюсь, что нам удастся самому графу Л.Н. Толстому натянуть нос в отношении первой части упомянутого изречения!

Варвара Сергеевна очень-очень горячо и сердечно радуется за тебя. Я думаю, что ты это почувствуешь (я же окончательно и серьезно верю в передачу чувств на расстояние). Надеюсь только, что на этой почве не влюблюсь в *Madame Мусатову-тёре!*

Все это время стоит необыкновенная погода. Я каждый день бываю на Казанке и подолгу греюсь там на солнце. Песок бывает не только теплый, но и горячий. Воображаю, как хорошо сейчас в Шеланге! Но и на Казанке хорошо. Вода и воздух совершенно прозрачны, но воздух все же значительно прозрачнее воды, которую портят

проплывающие по ней в большом количестве отдельные куски тины. Но все же, очень хорошо.

Я размышлял также о том, что все мои самые значительные работы имели под собою вполне определенную эмоциональную базу: это в полной мере относится к моей первой работе о B -множествах. Весь цикл работ по абстрактной топологии в этом смысле был посвящен Павлу Самуиловичу, а *Dimensionstheorie* — тебе. Сложнее обстоит дело с *“Gestalt und Lage”*, которая, в сущности, посвящена “гёттингенскому биению сердца” и лишний раз подтверждает, что это биение, проецированное в самого меня, представляло собою значительную и единую эмоцию. Кяземскому нашему житию у М.С. посвящены *Local properties*, а комаровскому — с одной стороны, второй цикл работ по теоретико-множественной топологии (дискретные пространства, бикомпактные расширения), а с другой стороны — общая теория гомологий. Все это совершенно разные периоды, каждый со своей особой эмоциональной окраской и вполне точной хронологией. В этом смысле моя последняя большая работа посвящена полностью казанскому периоду, очень трогательному, то печальному и тревожному, то зовущему лететь на Лебединое озеро!

Я не знаю, применим ли такой анализ и в какой мере к твоим работам, но льщу себя мыслью, что твои *“Analytische Methoden der Wahrscheinlichkeitslehre”* (Правильно *Wahrscheinlichkeitsrechnung*) в некоторой степени посвящены мне, и в этом смысле двойственны *“Dimensionstheorie”*! (Анализ, которому подвергает П.С.Александров свою творческую деятельность, как нам видится, касается следующих его работ: 1. Первая работа о B -множествах — *“Sur la puissance des ensembles mesurable B ”* // С. г. Acad. sci. Paris. — 1916, t. 162, p. 323–325. (Русск. перевод в кн.: Александров П.С. Теория функций действительного переменного и теория топологических пространств. — М.: Наука, 1978, с. 35–39). 2. Цикл работ по абстрактной топологии. 3. *“Dimensionstheorie”* — *“Dimensionstheorie. Ein Beitrag zur Geometrie der abgeschlossenen Mengen”* // Math. Ann. — 1932, Bd. 106, S. 161–238. 4. *“Gestalt und Lage”* — *“Untersuchungen über Gestalt und Lage abgeschlossener Mengen beliebiger Dimension”* // Ann of Math. — 1929, Bd. 30, S. 101–187. 5. *“Local properties”* — по-видимому, имеется в виду статья *“Sur les propriétés locales des ensembles fermés”* (С. г. Acad. Sci., Paris. — 1934, t. 198, p. 315–317. 6. Последняя большая работа — *“On homological situation properties of complexes and closed sets”*, опубликована на английском языке в *“Trans. Amer. Math. Soc.”* (1943, v. 54, p. 286–339) и на русском языке: *“О гомологических свойствах расположения комплексов и замкнутых множеств”* — опубликована в *“Известиях АН СССР. Сер. матем.”* (1942, т. 6, с. 227–282). 7. Второй цикл работ по теоретико-множественной топологии. 8. Общая теория гомологий — *“Общая теория гомологий”* опубликована в *“Ученых записках университета”*, (1940, т. 45, с. 3–60). Приравненная ранее к ней статья *“General combinatorial topology”* опубликована в *“Trans. Amer. Math. Soc.”* (1941, v. 49, p. 41–105))

Было бы удивительно, если бы ничто не оказалось посвященным осени 1942 года!...

-
- *Мусатова-mère* — Полина Александровна Ивашева-Мусатова — мать Сергея Мусатова, художника, первого мужа А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

14 сентября 1942 г.

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

По получении 6 сентября твоего письма (от 30.8) я стал терпеливо, но от этого не менее горячо, ждать твоих дальнейших писем и вот сегодня получил сразу твое четвертое письмо ("Mein Herz vergeht vor lauter Liebe!") ("Мое сердце заходится от оглушающей любви!" — дословный перевод строчки из Гейне). Значит, второго и третьего письма пока еще нет — жду.

Чуть-чуть грустно, что эти единственные, неповторимые дни вашей жизни вы проводите у Лины Самойловны (кстати, ей сам напиши, если еще не написал), а не у нас в Комаровке. И я даже не знаю, были ли вы уже там. Все это, конечно, пустяки, но мне хочется, чтобы какая-то печать вашей любви легла на комаровские стены.

А для того, чтобы сказать больше, нужно, очевидно, быть поэтом или музыкантом. Поэзия, в частности, и является, по определению, искусством выражать словами то, что словами не выражается! В этом смысле твои два письма такую настоящую поэзию содержат и со строчкой из Heine связаны вполне непрерывно, в одно целое, так что даже нет никакой "цитаты". Между прочим, и у меня с самого дня моего приезда из Шеланги на моем "личном" высоком столике (где всю зиму лежал Томас Манн, а с 23 марта — Ф.И. Тютчев) оказался Heine, в котором многое сейчас мне хочется читать. С другой стороны, совсем по-новому я сегодня с утра перечитал стихотворения Волошина (среди них лежит и засохший цветок клевера с дороги от дальней Казанки к пасеке).

Я много думаю о будущем, причем больше думаю о более далеком, чем о совсем близком будущем. И оно мне представляется хорошим. Самое близкое будущее уж очень неизвестно по своим внешним очертаниям, его и жду и боюсь за него.

Мне сейчас грустно по целой совокупности причин, но никто и никогда в моей жизни не занимал и никто и никогда не будет занимать такого места, какое занимал, занимаешь и будешь занимать ты. И это по той простой "арифметической" причине, что я несомненно ощущаю, что ушло больше половины всего моего существования, а на все остальное остается уже меньше половины ...

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье...

(Ф. Тютчев, из стихотв. "Последняя любовь", 1854.)

Это стихотворение я повторял осенью 1929 года, когда мы ездили на Клязьму смотреть дачу...

Гусь все-таки очень глупый, когда пишет, что единственное его “горе”, что все не произошло раньше (см. письма А.Н. Колмогорова от 17 сент. 1942 и от 1 окт. 1942, а также от 6 февр. 1943). Он должен всецело радоваться тому, что у него сейчас есть, а не думать о том, что было бы еще лучше, если бы все это было 15 лет тому назад (причем, очевидно, сожалеть о том, что этого не было 15 лет тому назад, он может только в предположении, что все 15 лет он бы себя чувствовал, как эти 15 дней — в противном случае, он бы все это пережил 15 лет тому назад, а сейчас бы переживал нечто другое, тоже, впрочем, очень хорошее, но именно то, что он и будет переживать через 15 лет!). Гусь очень уж фокусный, пусть меньше размышляет, а поет и танцует под скрипичную сонату Шумана (кстати, я ее никогда не слыхал и даже, к стыду своему, не знал, что такая существует: может быть, ты перепутал, и это была фортепианная соната Шумана? Таковых имеется три, и все необычайно хороши и вдохновенны, особенно, первая, фис-мольная, которая как будто специально написана для влюбленных гусей).

А теперь вы оба должны непременно послушать “Карнавал” Шумана, причем так, чтобы заметить, когда будет играть “Кьярина” (*Chiarina*=*Chiara*=Клара=Клара Вик, жена Шумана). Другого такого гимна восторженной любви (“любви, разрешенной и несущей восторг и счастье”) в музыке не существует. Мотив настолько простой, что я даже не теряю надежды, что гусь научится сам его петь, и представляет один лишь вдохновенный полет звывь, без последующего падения, в которое, увы, даже в чисто музыкальном смысле, разрешается тема лебедей! И я вам желаю вовсе не тему лебедей в качестве символа вашей любви, а именно шумановскую *Chiarin’u*, которая при всей своей экстаичности все же есть тема чистой радости (которая у Бетховена так и не получилась, несмотря на все усилия, или, может быть, потому, что было чересчур много усилий) и в этом смысле перекликается с первой темой первой фортепианной сонаты... Вообще, вам надо слушать “Карнавал” — кроме “*Chiarin’u*” там есть еще “*Aveu*”, тоже как будто специально написанное для вашего случая... Я сейчас вполне живу в вашей атмосфере, и пою все время эту самую “*Chiarin’u*”; к сожалению, “*Aveu*” (признание) не умею спеть.

Теперь о разных менее экстаических вещах. Никаких препятствий к переезду сюда Варвары Яковлевны, конечно, не может быть. Практических затруднений никаких не предвижу — места всем хватит, несмотря на то, что живет у нас и Анатолий Иванович. Вообще, все будет хорошо.

Существеннее представляется мне в интересах Варвары Яковлевны обеспечить ее жилищные права в случае нашего всеобщего возвращения в Москву, скажем, осенью будущего года. Ведь надо

иметь в виду, что первые послевоенные годы могут быть очень тяжелыми в хозяйственном (в частности, в топливном) отношении. На зиму 1943–44 Гусье-Песий Дом в Комаровке дровами не обеспечен вовсе, и хоть я, более чем кто-нибудь, буду стремиться жить в нем, но тем не менее, считаю с возможностью, что зиму 1943–44 нам всем придется, в основном, жить в Москве. А если удастся жить в Комаровке, то, во всяком случае, лишь на теперешней свернутой базе — в “старом” доме.

У меня здесь достаточно времени для того, чтобы я мог не спеша и с полным вниманием прочитать “Братьев Земганно” Эдмона де Гонкур. Книга эта произвела на меня такое большое и лирическое впечатление, что мне жаль, что ее нет в нашей собственной библиотеке. Вероятно, это самое лирическое произведение во всей французской литературе и, вообще, одно из самых волнующих произведений среди всех, какие есть. Я многие места там перечитывал по несколько раз.

В это письмо вложено и письмо Ане — мой первый привет вам обоим. (Такое отдельное письмо Анне Дмитриевне не обнаружено.) Восприятие вас обоих и составляет главное, что у меня в жизни прибавилось за эти полмесяца, и это произошло, как я тебе уже писал, сразу же, мгновенно и внезапно. И мне хочется, чтобы это мое, действительно, большое и важное для меня внутреннее приобретение дошло до вас обоих — и до тебя, и до Ани — и поэтому я все об этом пишу. А когда пишу, то убеждаюсь в том, что то, что чувствуешь разными способами и с разных сторон, приходится выражать все одними и теми же словами (“хорошо” да “радостно”), тогда как хочется сказать гораздо больше.

Буду по-прежнему ждать твоих писем. С Варварой Сергеевной мы много хорошего говорим про тебя, и она очень радуется за тебя со всей возможной сердечностью. Что до Веры Яковлевны, для нее произошедшее событие — настоящий праздник, ты и сам знаешь.

Сообщаю и печальное известие — убит Миша Бебутов. После него осталась жена (он ведь женился за месяц до войны) и трехмесячный младенец, которого он даже не видал.

-
- Аня — Анна Дмитриевна Колмогорова.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Марина — М.А. Козлова.
 - Варвара Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Анатолий Иванович — А.И. Мальцев.

21 сентября 1942 г.

в день осеннего равноденствия

(из Казани

в Москву, Старопименовский пер.)

Получил “письмо второе, день четвертый”, а также два письма, посланные с Соболевым, и письмо (короткое), датированное “суббота 1942 г.” Мне очень хорошо от твоих писем, и они поддерживают во мне хорошее и светлое настроение. Вот только меня смущает, что ты вновь и вновь возвращаешься к прошлому, к тому, чего не было, но что могло быть. Нужно ли делать это? Неужели тебе мало настоящего и будущего и тебе не страшно предъявлять еще какие-то счета судьбе в минуту, когда она тебе расточает, кажется, действительно, все свои дары!

Грустно мне, что на тебя уже сейчас ниспровергается поток всяких забот. Ты так мне и не пишешь, чем же кончились твои хлопоты о переводе Ани на половинную нагрузку. Я не представляю себе, чтобы такая вещь могла не удасться хотя бы по медицинским соображениям. Может быть, целесообразно посоветоваться по этому поводу с Михаилом Сергеевичем? К сожалению, он сейчас со мною очень холоден, и мы что-то не пишем друг другу, но на тебя эта холодность может и не распространяться.

Что же касается всевозможных материальных забот, которые в большом количестве обрушатся на бедного Гуся, то, к сожалению, ему придется в значительной степени расстаться со своим аристократизмом (= барством) и научиться добиваться различных материальных благ, а не только снисходить к их получению, и то не всегда (сколько усилий мне пришлось затратить, чтобы ты соглашались принять причитающиеся тебе по Математическому институту башмаки!)! Конечно, очень приятно жить без всякого личного и семейного эгоизма, но это и значит быть барином в самом тонченном смысле этого слова.

Уж раз зашло дело о всякой житейской прозе, то, само собою разумеется, с моей стороны не будет никаких препятствий к разделению нашего “бельевого имущества” — дело ведь идет о том, чтобы создать вам то естественное чувство общего хозяйства и общего имущества, мешать созданию которого я уж никак не намерен. Более того, тебе самому надо определить, какие именно бытовые общности со мною ты продолжаешь считать желательными и быть совершенно уверенным в том, что я всякому твоему пожеланию пойду навстречу.

Я до сих пор ничего не писал об Олеге, несмотря на то, что очень радуюсь его существованию и близко принимаю к сердцу все твои заботы о нем. Просто не доходило еще до этого: сейчас об Олеге не представляю себе еще самого элементарного: где он сейчас, где и когда начнет учиться, где и с кем будет жить и т.д.

Я надеюсь на то, что в дальнейшем мы будем составлять одно семейство, причем мечтаю более о том, что именно я буду входить в ваше семейство. Но в тоже время отлично понимаю, что это есть постепенный и органический процесс, начальная стадия которого должна состоять из некоторой добровольной диссоциации входящих в это сложное семейство элементов, чтобы создавалось то чувство свободы и некоторого “расслабления” (Entspannung), из которого только и может возникнуть некоторое новое единство.

Все последние дни мы с Варварой Сергеевной заняты уборкой огорода. Дело это и для нее, и для меня мучительное и непосильное. Вчера приволокли (на тачке) за семь верст около четырех пудов картошки. За два предыдущих дня — примерно столько же моркови. Картошка, уже привезенная нами, составляет приблизительно четверть всей, имеющейся на нашем участке, и убрать ее надо в ближайшие пять дней, так как после 25-го вся эта земля поступает в распоряжение военного ведомства и туда ходить будет нельзя. Нам помогает Анатолий Иванович в перетаскивании картофеля с огорода за 6—7 верст сюда, а мы помогаем ему в копке. Иначе мы с Варварой Сергеевной вообще бы не справились с этой задачей. Всего картофеля у нас будет около 12 пудов.

Сегодня пошел холодный дождь, идти копать картошку невозможно, просто не знаю, как быть. Все это меня ужасно угнетает, а еще надо таскаться по техснабам за ящиками для этой самой картошки, не говоря уж о хлопотах о дровах, о вставлении рам, нуждающихся в починке, о железной печке, чтобы где-то готовить, так как электричества у нас решительно не стало и керосина, естественно, тоже нет. Перспективы казанской зимы не сладки, и забот у нас, как видишь, тоже достаточно.

Наш Володя призван и сейчас отправлен в какую-то школу в Горький. Желаю ему, чтобы война окончилась еще до окончания им этой школы. Ему пришлось впервые покидать родительский дом, что и в самые благополучные времена, когда молодые люди уезжали в Москву учиться в университетах, проходило не без эмоций. А расставание при теперешних обстоятельствах было, конечно, очень тяжелым для всех. Тем более, что Володя чрезвычайно привязан к своей семье, и, по существу, несмотря на свой рост, конечно, еще совсем

мальчик. Вообще, наши хозяева хорошие люди и отношения между ними и всеми нами, сложившиеся за эти полтора года, конечно, совсем не похожи просто на отношения между хозяевами и квартирантами.

Есть ли электричество в Комаровке? И вообще, что там делается? Убрала ли Марина свой огород? Передал ли ты ей мое письмо и заплатил ли деньги за сентябрь?

Ну, будь здоров и благополучен!

Ане привет.

Сейчас Варвара Сергеевна прочитала в “Медицинском работнике” постановление СНК СССР, что с 1 сентября пенсия для академиков установлен в размере 3000 руб, а для чл.-корреспондентов — 1500 руб. в месяц; профессор, заведующий кафедрой — 2300 руб.

Я все время продолжаю думать о вашем будущем, о том, как сложится наша жизнь, и ваша, и моя, и не могу поверить, чтобы из этого желания и устремления к благу, к тому, чтобы всем было хорошо, что-нибудь другое, кроме этого блага, могло получиться.

***Поэтому я не только надеюсь, но и верю, что,
действительно, всем нам будет хорошо!***

-
- Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Варвара Сергеевна — В.С. Александрова.
 - Варвара Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Аня — А.Д. Колмогорова.
 - Олег — Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов.
 - Евгений Михайлович — Е.М. Тареев.
 - Наш Володя — внук А.А. Вильде, у которого квартировали в Казани Александровы и Колмогоровы. Погиб на фронте в том же 1942 году.
 - Марина — М.А. Козлова.
 - Анатолий Иванович — А.И. Мальцев.

А.Н. КОЛМОГОРОВ

Избранные письма

П.С. АЛЕКСАНДРОВУ

28 февраля 1931 г.

(из Берлина
в Принстон, США)

Приехал в Берлин вчера в 18.01. По дороге беседовал с

1) голландцем, занимающимся теорией чисел, в частности, доказавшим любопытные вещи о приближении e^x при помощи алгебраических чисел (студент, занимается у Mahler'a — кстати, что ты знаешь о последнем? Он ведет какой-то кружок по теории чисел при Манчестерском университете в приватном порядке);

2) англичанином (родом из Киева), занимающимся математической логикой.

Голландец, как ему и следует, ехал в Голландию, а англичанин — в Берлин.

26-го вечером был у Neugebauer'a, куда пришел и Courant.

27-го вечером у Норф'ов — было очень хорошо и мило.

2 марта утром буду у Mises'a в его институте, вечером — у Норф'a.

Neugebauer'овский “Schmidts Hotel” весь занят. Живу по соседству, в “Europäisches Hof”. Комната темная, типично отельная, в остальном, все безукоризненно и даже собственный телефон в комнате. Стоит 5 т. 50 pf. с Bedienung (обслуживание — нем.). (Следует все же завести адрес пансиона со светлыми и покойными комнатами около Tiergarten'a (зоопарк — нем.), а не около вокзала — такие, говорят за 4–5 марок существуют.)

Сегодня делал покупки, получил польскую визу, обедал у Кемпинского, спал, гулял в направлении Tiergarten — Alt Moabit. Гавани, барки, мосты в сумерки под дождем были очень хороши. Затем видел огромную Моабитскую тюрьму и неподалеку от нее обнаружил то самое Schwimmbadeanstalt — в котором ты когда-то купался (в Моабите оно единственное).

-
- Как и в письмах П.С. Александрова, в дальнейшем мы даем некоторые разъяснения к письмам, маркированные точками (•). Эти разъяснения, а также примечания в угловых скобках (⟨...⟩) внутри текста принадлежат Редактору издания. Сноски, принадлежащие А.Н. Колмогорову, отмечены звездочками (*). Большинство имен, встречающихся на страницах писем, и некоторые сведения о них можно найти в Указателе имен.
 - Кемпинский — владелец ресторана в Берлине.

2 марта 1931 г.

Продолжение.

Продолжаю описание моего Берлинского пребывания.

В воскресенье, 1 марта, был в Pergamon Museum'e (он был закрыт летом). Вавилонская башня со львами (изразцовые стены в 10 метров высоты), привезенная в Берлин, наверное, производит огромное впечатление на школьников. Сам же Пергамский жертвенник, наверное, самое волнующее и трагическое произведение скульптуры и единственное, где не чувствуется никакого расстояния между нами и древним миром (классический V век мы всегда рассматривали с восхищением, но как посторонние).

В Kaiser Friedrichs Museum один можешь и не ходить, там надо лишь выудить несколько прекрасных, но не незаменимых произведений Рембрандта и Веласкеса.

Затем я поехал в Wuhlheide и оттуда лесом прошел в Copenick — прелестный маленький городок на острове среди Spree, окруженный лесами и озерами (хотя все это Gross-Berlin) с сомнительной архитектурной ценности готическими башенками Rathaus'a (ратуша — нем.) и нескольких церквей. Обедал в Ratskeller'e (погребок при Ратуше — нем.) Copenick'a, почти конгруэнтном (и по кельнерам, и по ценам, и по готическим сводам и общему стилю) с Ratskeller'ом Гемтингена.

Оттуда 3 км до Müggelsee. Обошел его кругом, пил кофе в Rahnsdorf Mühle и уехал в Берлин из Friedrichshagen'a. Погода была не совсем воскресная — мокрый снег и ветер. Но почтенные семейства мужественно прогуливались с зонтиками и свертками провизии, а на реках скользили многovesельные спортивные гички (просто катающихся не было заметно), правда, команды их были одеты в страшные мокрые и грязные фуфайки.

К вечеру прояснилось, ветер еще усилился, температура упала ниже 0°, и на замерзшей половине Müggelsee кто-то носился на коньках с парусом.

Затем ужинал где-то на Friedrichstrasse, переоделся и слушал “Летучего Голландца” под управлением Kleiber'a.

Сегодня был у Mises'a в институте с 10 до 12. Было интересно, хотя исключительность его (в смысле нежелания знать и понимать работы других направлений) меня и удивила. До его прихода некий ассистент демонстрировал вечную модель с шариками. Кстати, Mises пишет книгу по теории вероятностей для какого-то венского издательства. Видал корректуры: принципы Kollektivslehre несколько пухлы (100 стр.), настоящая теория (в смысле Чебышева и Ляпунова) очень редуцирована, но физические применения будут, наверное, интересны.

Будел Hopf'a (в универсуме). Купался в Stadtsbad Mitte в 10 мин. от Friedrichstrasse-Bahnhof — новейшее и лучшее учреждение этого рода в Берлине. И потолок, и стены почти сплошь стеклянные, бассейн огромный, чистота абсолютная, стоит 40 пф. В том же здании Turnhalle (тренировочный зал — нем.), где занимается школа Koch'a Freikörperkultur (культура свободного тела — нем.) (такой срам в муниципальном здании! При этом, распределение по дням постепенно меняется: было 4 дня в неделю для приличных людей и 2 дня для F.K., с 1 марта — наоборот), и на крыше — Loppnenbad (воздушные ванны — нем.).

После обеда делал разные покупки. Куплено:

- 1. Костюм с брюками-бридж — кажется, очень удачно.*
- 2. Lumberjacks (полуспортивная куртка — нем.) за 14 марок — очень рекомендуется тебе — плотная рыжая материя вроде кожи, вязанные обшлага и ворот. Тепло, непромокаемо и достаточно прилично для МГУ в то же время.*
- 3. Windhosen — специальная лыжная принадлежность.*
- 4. Гетры.*
- 5. Два чемодана — можно бы обойтись и одним, но боюсь, что твой старый не доживет до следующего путешествия.*

После приобретения билета осталось 150 марок.

Все твои \$150 уже...

-
- *Вечная модель с шариками* — по-видимому, имеется в виду так называемая “доска Гальтона” — обычно демонстрируется студентам для убедительности возникновения нормального закона распределения.
 - *Kollektivslehre* — учение о так называемых “коллективах”. По Мизесу, “коллектив” — это совокупность бесконечных последовательностей результатов повторных экспериментов, таких, что для них (1) существуют пределы их относительных частот и (2) эти пределы остаются одними и теми же для всех подпоследовательностей, образуемых из самой последовательности с помощью некоторой системы допустимых правил (“принцип случайности”). Соответствующее предельное значение частоты появления того или иного события в повторных испытаниях принимается за определение значения вероятности этого события (так называемый “Мизесовский подход”).

8 марта 1931 г.

(из Клязьмы
в Принстон, США)

Сижусь сейчас за твоим столом. Сегодня — 17°, масса пушистого и рассыпчатого снега и солнце. Вчера катался на лыжах к Болиеву, было очень хорошо. Везде живет гораздо больше народу (населен домик у колодца, дом Волкова и крайний к полю, в доме отдыха много лыжников). Домик наш показался меньше, но очень чистеньким и веселым — в качестве лыжного домика на каникулярное время он понравился бы и нашим немецким знакомым.

В Берлине непременно отправься в Stadtbad Mitte — они построены в 1930 г. и являются лучшими в Европе. Мы же имеем теперь бассейн в 33 метра у Семеновской заставы, говорят, хорошо организованный (даже дается по кусочку мыла), и бассейн на заводе АМО. В Ленинграде тоже два и несколько удачнее расположены в центре города. Зато Сандуновские бани открыты только три раза в неделю (из-за недостатка топлива).

3 марта обедал с Норфами у Кемпинского, затем немножко гулял по городу до отправки поезда. Ехал с двумя русскими инженерами, возвращавшимися из Америки, ответственными за бездействие отопления в электрических поездах на Северной железной дороге (ждали со страхом, что-то с ними за это сделают!). В поезде была еще делегация берлинских лыжников и конькобежцев — молодых людей 17—23 лет, столь подлинных рабочих (каменщики, слесари, частью безработные), что им пришлось объяснять, где расположен Геттинген и что по Москве-реке сейчас не ходят пароходы.

По переезде границы эти молодые люди пришли в восторг от массы снега, от нашего 3-го класса с постельным бельем (моими стараниями они получили его раньше, чем запас истощился). Но когда они пришли в вагон-ресторан (шницель — 3 р. 50 к., бутылка пива — 2 р. и т.п.), то повернулись, повернулись, да так и сидели до Москвы, ничего не евши. Вторым за дороговизной их впечатлением была русская публика из всяких Орш и Гжатсков, вся в новых сапогах, новых полушубках, смело поедающая все трехрублевые шницели — правда, все это разные “работники” районного масштаба.

Но и в Москве, и на Клязьме рабочая публика и, особенно, молодежь выглядит хорошо одетой (масса новых калош, валенок, сапог и полушубков) и краснорожей.

Вчера ждал поезда на Клязьме 2 часа (оборвался электрический провод), но сегодня идут минута в минуту. Среднего вывести еще не могу: кто говорит, что вчера было исключение, а кто — что общее правило.

Мои три чемодана вызвали большой скептицизм моих спутников. Но все было в Негорелом осмотрено и найдено не подлежащим ни

отобранию, ни обложению пошлиной (оттиски и книги после небольшого разговора были тоже пропущены без специальных на то разрешений).

А.Н. Колмогоров (1930 г.)

отобранию, ни обложению пошлиной (оттиски и книги после небольшого разговора были тоже пропущены без специальных на то разрешений).

В январе М.Я. Выгодский назначен директором Института, а А.Я. — заместителем. Но Выгодский в тот же день скрылся в неизвестном направлении. Вместо него был оставлен Барсуков, которым и было дано предписание мне вернуться. На днях М.Я. приехал и скоро вступит в должность. В Институте буду вести статистико-вероятностный семинар (не учебный) — и это, кажется все, для чего я был нужен здесь.

По институту Либкнехта еще ничего не знаю, но, может быть, вместо него буду заниматься чем-либо вроде консультаций при постройке автоматической телефонной станции (Wartungsproblem (задача ожидания – нем.) Pollaczek'a). В Институте, по-прежнему, платят 100 р., и вообще, заработки интеллигенции не увеличились.

По институту Либкнехта еще ничего не знаю, но, может быть, вместо него буду заниматься чем-либо вроде консультаций при постройке автоматической телефонной станции (Wartungsproblem (задача ожидания – нем.) Pollaczek'a). В Институте, по-прежнему, платят 100 р., и вообще, заработки интеллигенции не увеличились.

А.Я. теперь только в Институте и Университете и очень доволен. Приехал из Саратова В.В. Голубев.

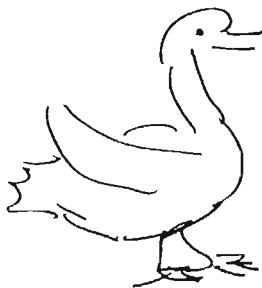
При нашем Институте открыты подготовительные курсы для студентов из педагогических институтов (частью, они посещают университетские занятия, частью для них ведутся особые).

Гельфонд, наконец, сделался настоящим профессором и имеет 120 групп ($120 \times 20 = 2400$ студентов) у подчиненных ему аспирантов.

В Институте Либкнехта, кроме меня, — только Шнирельман и Гливенко (Люстерник лишь эпизодически). Шнирельман действительно руководит прикладной работой — т.е. служит каналом по размещению математиков на должности консультантов при научно-технических институтах.

Вера Яковлевна тебе кланяется, выглядит она не хуже, чем раньше.

Из-за твоих счетов не купил в Берлине часов, так что, когда я уезжаю, В.Я. определяет время, по-прежнему, — по солнцу и по печке.

А.Я.

-
- А.Я. — А.Я. Хинчин.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Наш Институт — имеется в виду Научно-исследовательский институт (НИИ) математики и механики Московского университета (создан в 1923 г.). М.Я. Выгодский был назначен директором, а А.Я. Хинчин — его заместителем.
 - Институт Либкнехта — Московский Индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта (существовал с 1927 по 1937 год, затем вошел в МГПИ им. В.И. Ленина), А.Н. Колмогоров преподавал в нем тогда по совместительству.
 - Клязьма — дачный поселок под Москвой, где тогда снимали (у В.А. Пономаревой) половину дома П.С. Александров и А.Н. Колмогоров.

11 марта 1931 г.

(со ст. Клязьма
в Принстон, США)

Мои обязанности по двум институтам пока (на март-апрель) рисуются в таком виде:

1) По Институту математики буду вести семинар (или кружок) по теории вероятностей и статистике. Обещают работать Н.В. Смирнов, И.Н. Хлодовский, В.И. Гливенко. Будут темы из приложений (я сам буду рассказывать о работах F. Bernstein'a по наследственности), будут и по новым аналитическим методам в теории вероятностей. Хотя, вообще, все жалуются, что научная работа остановилась, кажется, это удастся неплохо. Больше по Институту надеюсь никакой нагрузки до лета не получить.

Получаю, по-прежнему, 100 рублей.

2) По Институту Либкнехта с 10 марта по 1 мая получаю второй курс на 60 часов (12 в декаду). Их человек 20, так что веду сам и упражнения, и "семинар". За это заплатят 600 р. (т.е. все по-профессорски — 10 р. в час, как и в прошлом году). Это не Бог знает как интересно, но, кажется, курс хороший. Устрою для них дифференциальную геометрию кривых (на плоскости и в пространстве) и дифференциальные уравнения (непосредственный переход от одного к другому мне кажется интересным). Больше до лета тоже ничего не будет. Как видишь, моя незаменимость в Москве оказалась не очень несомненной.

Кафедрой в Институте Либкнехта руководит Гливенко с большой энергией и умно. Оспаривать у него эту прерогативу не собираюсь — 100 р. в месяц, которые это приносит, он честно зарабатывает. В частности, состав преподавателей подобрал очень хороший. В качестве профессоров: он сам, Шнирельман, я и Люстерник; доценты: Огородников, Хлодовский, Тибиш (из Одессы, как будто, хороший педагог) и Кеткович (единственный оставшийся там еще с дохинчиновских времен); ассистенты: Курош, Дицман, Лотоцкий и еще несколько наших окончивших студентов, попавших теперь в аспиранты Института математики (они не очень грамотны, но зато послушны).

Я пока на Клязьме:

читаю работы F. Bernstein'a ("Variations und Erbliehkeitsstatistik" — как справочник вещь незаменимая!) и думаю о дальнейших возможностях в этом направлении;

разбираю рукопись Зарецкого и собираюсь уже вплотную взяться за ее обработку;

пишу отчет о командировке.

Теперь ОТВЕТ на твои ЗАМЕЧАНИЯ о случайных знакомствах и разговорах.

Твои правильные предпосылки:

1. Люди не есть объект незаинтересованного наблюдения. Общение между людьми ценно только тогда, когда оно является выражением любви, хотя бы и мимолетной.

2. Понять человека в его неповторимой индивидуальности, полюбить его за его собственную и своеобразную сущность — дело нелегкое, и дается это не всегда.

Неправильный вывод:

Не стоит на случайных людей, встреченных в вагоне железной дороги, и глядеть. Нет ничего ценного в путешествии по новой стране в поисках случайных встреч и общения на день—два с ее обитателями.

Причина ошибки:

Существуют не только люди, но и человечество, и в этом человечестве отдельные группы, объединенные общностью мироощущения и устремлений. Общение возможно не только между двумя людьми, а и между человеком и коллективом и между двумя коллективами. И не поняв его индивидуальности, можно относиться к человеку любовным (может быть, и не очень глубоким) образом, и не обязательно, как к носителю определенного типа красоты, определенного типа устремлений. Человеку свойственно излучать усвоенную им манеру жить и видеть вещи на всех окружающих (а не на одного избранного друга) и впитывать окружающую духовную атмосферу (последнее рекомендуется делать с большой осторожностью и во многих случаях запасаться в предупреждение такого явления высокими резиновыми сапогами и перчатками).

Маленький пример:

На вокзале мне было, действительно, печально покидать упоминавшихся в предыдущем письме берлинских юношей (наверное, больше в качестве представителей именно той Германии, которая мне нравится, чем за их личные достоинства — как видишь, мое германофильство оказалось гораздо более глубоким, чем я сам думал). Хотя они и нетвердо знают, где находится Гёттинген, но все же привезли какие-то элементы немецкой культуры, отсутствующие в нашем отечестве (и у Вячеслава Васильевичей, а не только у нашей демократии).

Пример выбран, конечно, специально для твоего удовольствия, так как можно было найти и получше, и позначительнее. Когда-то в трехдневном плавании по реке Кулой в таинственных, пахнущих смолой лесных избушках были случайно сведены вместе три человека: дикарь, живущий в лесу, боящийся Ильи Пророка, надеющийся на Николу, с лихой удалью, но с младенческим разумом;

созерцатель, сектант, ищущий божественной правды;

я — характеристика из скромности опускается — (но должно быть, я там, рядом с австралийцем и азиатом, был европейцем).

И я думаю, что это соприкосновение трех миров было полноценным событием духовной жизни для всех трех нас, а не развлечением праздного путешественника.

О твоих покупках перед возвращением буду, наверное, еще писать.

Пока пишу по лыжной части:

Ботинки лыжные хорошие стоят 36 марок. Для горнолыжного дела они необходимы. Купи в двух экземплярах, так как в Германии я их не мог найти (это новинка, в Гарце я их видел и пробовал). Вообще, ботинки несколько тяжелее пьекс (специальная обувь (с загнутыми сверху носками) для ходьбы на лыжах), но бесконечно удобнее в смысле возможности спокойно ходить не скользя, полной непромокаемости и т.п. Самые лыжи и палки, при известных связях, у нас можно доставать очень хорошего качества. Наши две пары для Клязьмы вполне хороши (я хочу купить еще одну пару, более короткую, так как наши 10 футов не всегда необходимы). Горные, если потребуются, тоже достанем.

Продолжение о летних вещах, палатках и пр. следует.

Андрей.

-
- Два института — НИИ математики и механики МГУ и Индустриально-педагогический ин-т им. К. Либкнехта.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.

17 марта 1931 г.

(со ст. Клязьма
в Принстон, США)

Вчера второй раз занимался в институте Либкнехта. Группа приятная — половина кончила перед институтом педагогический техникум, половина — рабфак. Изучаем бесконечные ряды. Говорю немного (не больше одного часу из трех), последний час отводится целиком на самостоятельную работу.

Был у Льва Семеновича вместе с Ефремовичем. Франкель, наконец, перевел работу Л.С., и послезавтра я получу этот перевод для просмотра. Сам Л.С. разговаривает о прикладной математике, но думает о множествах особых точек аналитических функций двух переменных. Обещает доказать, что это множество в каждой точке размерности два (оно лежит в четырехмерном пространстве), но не в классическом, а в каком-то из ваших новых смыслов. Я считаю, что, если это верно, то очень важно.

Завтра будет у меня на Клязьме Курош. Сегодня должен явиться Глеб (до 6 часов еще не явился).

По поводу работы Зарецкого обнаружилось, что кое-что в этом направлении сделано В.В. в хорошей работе “Sur les conditions de l’existence de la différentielle totale” (“Матем. сборник”, т. 32). Именно, доказано, что если $F(x,y)$ почти всюду имеет частные производные, то имеет почти всюду и асимптотический полный дифференциал. Существование же асимптотических частных производных почти всюду необходимо и достаточно для существования почти всюду же асимптотического дифференциала!

По поводу моей работы в Институте математики:

Выгодскому сказано, что я буду бывать в Москве не более 4–5 раз в декаду — согласился. Педагогической (включая исследовательского типа семинар) работы будет часов 8 в декаду. Индивидуальное руководство аспирантами сохранено — с этим, наверное, придется повозиться. Назначу часы в Институте, если дадут столь печальных, что звать их к себе будет неинтересно.

Не знаю, где моя работа об основаниях проективной геометрии. Понтрягин ее не получил, у меня ее нет, может быть, она еще у тебя? А то придется писать вновь! Теперь, с окончанием перевода Понтрягинской работы, это становится интересным. Еще по поводу

Понтрягина — имей в виду, что сейчас чуть не все его высказывания и предложения носят иронический характер.

Перед обедом катался в направлении нашей лесной просеки, затем к Ивантеевке, оттуда к дому отдыха — и домой. Снегу этой зимой много больше, чем прошлой, поэтому многие пешеходные дорожки, существовавшие прежде, отменены, и лыжные тоже все заносит. Лунный лес зимой остается для меня самым удивительным явлением, особенно потому, что стоит он совсем рядом с Москвой, где живет 2 000 000 людей, которые его никогда не видели (даже Виктор Владимирович, который бывал на Тянь-Шане и за полярным кругом).

Сижу у тебя за столом, в моей же комнате тикают стенные часы — новое приобретение В.Я. за 3 рубля. Циферблат у них жестяной с нарисованным сенокосом, маятник тоже жестяной, голубенький, а гиря — стеклянная.

По коэффициенту стоимость часов / стоимость фунта сливочного масла = 0,3 индустриализация сделала действительно большие успехи.

*...И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод.
И подо мной, и надо мною
Трепещет звездный небосвод...*

(М. Волошин. Заставка к книге "Годы странствий", 1902)

*Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.
Ключья тумана — вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья...*

(М. Волошин, из цикла "Когда время останавливается", 1904)

*Я поклоняюсь вам, кристаллы,
Морские звезды и цветы,
Растенья, раковины, скалы
(Окаменелые мечты
Безмолвно грезящей природы),
Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать — Земля, и Царь — Огонь!
Я духом Бог, я телом конь.*

*Я чую дрожь предчувствий вещей,
Я слышу гул идущих дней.
Я полон ужаса вещей,
Враждебных, мертвых и зловещих...*
(М. Волошин, из стихотв. "Письмо", 1904)

*В мирах любви — неверные кометы —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных солнц к себе нас манят светы.*
(М. Волошин, из венка сонетов "Corona Astralis", 1909)

Был у Николая Николаевича. Основное, во что никто не верит: Н.Н. действительно болен и выглядит очень плохо. Склероз аорты и еще что-то — с трудом взбирается на свою лестницу. Бросил университет именно поэтому и тяжко обижен, что ни "академические круги", ни общественность этому не желают верить. Вначале бегал без опозданий на все лекции в университете и заседания Института (теперь строгости!), но потом не смог. Чувствует, видимо, себя одиноко и несчастно. Даже потерял французские манеры — прием производил впечатление простой русской сердечности.

Вера Яковлевна тебе кланяется. Вера Архиповна вспоминает о тебе и ждет не дождется твоего возвращения.

-
- *Институт математики* — НИИ математики и механики Московского университета.
 - *Лев Семенович* — Л.С. Понтрягин.
 - *Работа Л.С.Понтрягина* — см. письмо П.С. Александрова от 8 апреля 1931 г.
 - *Глеб* — Г.А. Селиверстов.
 - *В.В.* — Вячеслав Васильевич Степанов.
 - *Вера Архиповна* — В.А. Пономарева.
 - *Николай Николаевич* — Н.Н. Лузин.
 - *Моя работа об основаниях проективной геометрии* — речь идет о работе "Zur Begründung der projektiven Geometrie", опубликованной в 1932 г. в "Annals of Mathematics", (v. 33, p. 175—176). Рус. пер. (И. Пенкова): "К обоснованию проективной геометрии", в кн.: А.Н. Колмогоров. *Избр. труды. Математика и механика.* — М.: Наука, 1985, с. 149—150.

23 марта 1931 г.

(со ст. Клязьма
в Принстон, США)

Индустриализация земледелия и математика.

Володя заведует инкубаторием на ст. Александровка Ейского района с 500 000 яиц, из которых он должен вывести 300 000 цыплят и к осени воспитать 250 000 (таковы контрольные цифры — остальные имеют право погибнуть. Если же погибнет больше, то его, должно быть, посадят вместо инкубатория в какое другое место).

По Борелю, 500 000 уже очень мало отличается от $\aleph_0$. А если $\aleph_0 = 500\,000$, то разница между хозяйственной деятельностью и чистой математикой уже стирается.

Кроме того, Володя пишет, что готовит какие-то брошюры по куриному делу для печати! — боюсь только, что орфография в них будет не совсем удовлетворительна. Может быть, включим в план нашего путешествия по Кавказу созерцание $\aleph_0$ яиц? Володя очень зовет к себе.

Сегодня был первый настоящий весенний солнечный день, такой, что снег в поле был уже весь мокрый (у домов и на дорогах уже давно тает, но это — другое дело). Приехал домой почти к 12-ти и до 2-х пользовался солнцем (носил воду, колол дрова, делал гимнастику, катался на лыжах в одних трусах). Затем обедали, немного спал после обеда, теперь занимаюсь (к сожалению, всё разными программами, заданиями и т.д.) и пишу тебе.

Вчера излагал ряды Тейлора, в промежутке между часами принимал участие в заведенной для студентов 5-минутной гимнастике (по преимуществу, дыхательной и выпрямительной), а также беседовал на различные экскурсионные темы — одна из слушательниц утверждает, что хорошо управляет парусной лодкой (добиралась сама из Николаева до Херсона и Одессы), другие тоже интересуются лодочными путешествиями.

Затем был на заседании “Теоретической секции Института математики и механики” под председательством Л.А.Люстерника с докладом Гельфонда об интегральных уравнениях (Вячеслав Васильевич говорит, что интересно, я же не понял). Интересно, что вся компания (Лазарь Аронович, Лев Генрихович и Александр Осипович), видимо, и сейчас много думает и работает в математике, несмотря на большую активность в “организационных” вопросах и весьма солидную нагрузку по специальным ВУЗам.

Оргдеятельность же Выгодского и его заместителя (зав. учебной частью Берманта) производит впечатление хорошее: они отдают

Институту много времени и стараются все наладить самым деловым образом. Разгруппировывают вновь полученных аспирантов по степени подготовки и не боятся заставить неграмотных изучать дифференциальное исчисление. Отстаивают и достаточно теоретические специальности, хотя и намерены направлять на них небольшое число хорошо подготовленных аспирантов. Восстанавливается индивидуальное руководство аспирантами.

Намечены следующие специальности (рекомендуемые аспирантам с типовыми программами):

1. Дифференциальные и интегральные уравнения (линейный анализ) — руководитель В.В. Степанов.
2. Теория функций действительного переменного с приближенными формулами, интерполяцией, функциональными пространствами, линейными операторами в теории квант и т.п. — я и Дмитрий Евгеньевич.
3. Приближенный (прикладной) анализ — руководитель не найден (может быть, выпишут на большой оклад Н.М. Крылова).
4. Нелинейный анализ (вариационное исчисление и т.д.) — специально для Лазаря Ароновича.
5. Конформные отображения и др. приложения к механике — Лаврентьев и Голубев.
6. Остальные вопросы теории аналитических функций — Привалов.
7. Алгебра — Шмидт, Понтрягин.
8. Проективная геометрия с номографией, графостатикой и т.д. — Глаголев.
9. Дифференциальная геометрия — Бермант сказал, что “геометры любят уединение” и что с Сергеем Павловичем, может быть, поторопились, удаляя его из Института.
10. Топология — руководитель Александров, заместитель Понтрягин.
11. Статистика и теория вероятностей — Хинчин и я.

Много специальностей по механике, коей руководит Голубев.

Программа на 9 триместров, из них два — “производственная практика” в научно-технических институтах с параллельными, впрочем, занятиями в Институте. На семинарские занятия велено не очень напирать (10 часов в декаду на первом семестре, включая философию, и 4 на последнем).

Кстати, в Институте математики дают рабочую карточку, и во многих технических учебных заведениях тоже.

Делаю вскоре отчет о командировке (общие впечатления) и большой доклад “Проблемы теории вероятностей” (речь идет о докладах в Мате-

математическом обществе, которые, действительно, состоялись 4 и 29 апреля 1931 г.). *Затем открываю статистический семинар. Что статистики (Смирнов, Ястрембский, Боярский, Слуцкий и ряд более молодых) будут достаточно активно участвовать, уже видно. Но выполнят ли обещания математики (Хлодовский, Петровский, Тихонов и др.) — не знаю.*

Понтрягин ведет сейчас семинар по алгебре в университете (теория Галуа) — 6 участников (к концу года — не так уж мало).

В профессорской висит плакат:

*Долой егоровщину в математике!
Математику — на службу социализму!*

26 марта 1931 г.

(со ст. Клязьма
в Принстон, США)

Только что приехал из Москвы. Светит молодой месяц, и немножко подморозило, может быть, завтра будет солнце (завтра и послезавтра я сижу здесь).

Пришло письмо от P. Lévy, в котором он сообщает, что получил еще пять теорем, напечатал в C.R. и потом обнаружил, что две из них доказаны А.Я. и мною. Письмо так и начинается: “Je n’ai décidé-tent pas de chance avec vous...” (“Мне решительно не везет с Вами” — фр.). Кроме того, он тоже додумался до еще не опубликованного мною принципа “все или ничего”, т.е. теоремы, что в ряде случаев (вроде сходимости рядов независимых величин) вероятность всегда равна 0 или 1.

Читал работы Bruno de Finetti, написал ему письмо.

Студенты мои (те же 13) продолжают мне нравиться. Сейчас написал задания по дифференциальной геометрии (ряды уже кончаются) на 15 часов (длина дуги, кривизна, эволюты и эвольвенты). Вячеслав Васильевич предлагал руководство всем анализом в МГУ на первом курсе, но я жду еще нагрузки по Институту математики и механики и не могу так скоро отказаться от Института Либкнехта — так что, пришлось отклонить. Студенческая жизнь и занятия в Институте Либкнехта (на том же ограниченном материале) производит впечатление более ус-

троенное: система коллективных занятий бригадами (по 3–4 человека) и дисциплина с приготовлением “уроков” к каждому дню привились, и им подчиняются без недовольства. “Бригада” живет в одной комнате и работает по всем предметам вместе. Время жестко распределено между занятиями (3% пропусков), общественной работой, бригадной “проработкой” материала, физкультурой (обязательные дни для лыжных экскурсий, 5-минутная гимнастика между занятиями и т.д. Благодаря этой гимнастике и вечной спешке на какие-то заседания я не нахожу времени для личных бесед с интересующимися вопросами, выходящими за пределы программ). Психология такого “коллективизированного студента” мне не очень понятна, но любопытна. А насколько уж система хороша, решит будущее. Сторонники большего индивидуализма думают, что будущее принадлежит так называемым “заочникам”, которых очень много и для которых часто работают лучшие силы. Для них устраиваются конференции, устные консультации и дается возможность работать в лабораториях. Многие утверждают, что они много интеллигентнее обычных студентов (даже и тогда, когда их происхождение столь же демократично!).

По поводу описываемой в ваших газетах московской информации: исчезновение белых воротничков, действительно, катастрофическое (в частности, в Институте математики). Зато они входят в большую моду у рабочих молодых людей в Мытищах и Пушкине.

“Рижские корреспонденты” после враз в декабре выпустили специальное обращение к мировой печати, где указывается, что они ничем не хуже всех прочих и, сидя в Риге, дают более независимую (от связи с реальной действительностью?) информацию, чем московские.

Пришли как-нибудь, для образца, 50-страничную газету.

-
- Володя — по-видимому, Владимир Парфентьевич Сычев, двоюродный брат А.Н. Колмогорова, сын Любови Яковлевны Колмогоровой (Сычевой), сестры матери А.Н.
 - Лев Генрихович — Л.Г. Шнирельман.
 - Дмитрий Евгеньевич — Д.Е. Меньшов.
 - Сергей Павлович — С.П. Фиников.
 - А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Виктор Владимирович — В.В. Немыцкий.
 - С.Р. — “Comptes Rendus” — математический журнал Парижской АН (точное название: “Comptes rendus hebdomadaires des séances de l’Académie des sciences de Paris” сохранилось до 1931 г.; затем установилось название: “Comptes rendus de l’Académie des sciences de Paris” и принято сокращение: “С. г. Acad. sci.”).
 - Институт математики и Институт Либкнехта — НИИ математики и механики МГУ и Индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта.

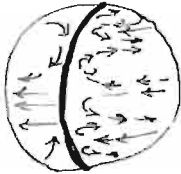
30 марта 1931 г.

(из Москвы

в Принстон, США)

Сегодня будет заседание Математического общества (первое при мне) с докладом Кольмана "Динамическая и статистическая закономерность". Что это означает — пока не знаю.

Потрясно был для меня А.Н. Тихонов. Видно, что он старательно убеждает (хотя он и несколько похудел). Условно у него было 40 лет, но теперь 12 в декаде. Работает еще в Госплане. Инкр. (там предлагает профессор В.С. Ковнер), где получает 250р. Занимается расчетами маршрутов пароходов в прибрежном, при них знает только один маршрут из одного только по маршруту с полосу и до полосу;

(справившись, какие ли это маршруты, как пароходы удовлетворены?)

Кроме того, Тихонов очень занят решениями дифференциальных уравнений. Хочет доказать следующее:

Пусть $x' = f_1(x, y, z)$

$y' = f_2(x, y, z)$ (по t) правильны во всем пространстве.

$z' = f_3(x, y, z)$

Тогда решение или расположено всюду плотно во всем пространстве, или навивается на тор, или асимптотически приближается к циклу.

По-моему, это неверно. Доказательство, что если решение не всюду плотно в пространстве, то оно нигде не плотно (А.Н. предлагал мне такое) оказалось ошибочным.

Долго ждали, чтобы к вечеру подмерзло и можно было кататься на лыжах, но этого так и не случилось.

У Куроша опять какие-то несчастья — он сказал мне, что не хочет поэтому приезжать, так как у него слишком плохое настроение, чтобы серьезно разговаривать о математике. Понтрягин делал вчера в топологическом кружке доклад о твоей работе.

§ 40. Die Beziehung auf mögliche Anwendung gehört zum logischen Sinn der formalen Mathesis.

E. Husserl "Formale und transzendentale Logik",
Jahrbuch für Phil. u. phänom. Forsch., Bd. X.

Видишь, даже нашидеалистический Husserl тебе изменяет!

Вообще же, новое исследование Husserl'a — большой шаг вперед именно для философии математики. Вместо формализма или интуиционизма останавливаются на том факте, что математика имеет двойственный характер:

или это formale Apophantik,
или formale Ontologie.

Формальная онтология — это то, что есть в основном тексте "Grundlagen der Geometrie" Hilbert'a: система предметов и отношений неизвестной природы, аксиомы, полнота в смысле изоморфизма двух систем, удовлетворяющих аксиомам, и т.д.

Formale Apophantik — это изучение возможных форм дедуктивной теории, т.е. системы элементарных понятий, способов их комбинирования, аксиом, способов вывода. Полнота здесь понимается в смысле возможности любое предложение вывести из аксиом по известным правилам (решение Entscheidungsproblem (задача принятия решения — нем.)).

Каждая дедуктивная теория может быть формализована, но объектом логического и математического изучения остается все же форма дедуктивной теории, а не символы, в которых она записывается. (Этому, впрочем, противоречит теория идеальных элементов Hilbert'a: после того, как возможная дедуктивная теория формализована, вводятся символы, не имеющие даже возможности получить значение вроде $\tau(\alpha)$ или, проще, и т.д., правила символических операций над ними, и т.д.)

Формальная онтология же принципиально шире: континуум действительных чисел определен однозначно (вплоть до изоморфизма); в какой-либо дедуктивной же теории лишь счетное число его элементов могут получить определенное обозначение. Тем не менее, задача математиков и состоит в развитии дедуктивной теории, охватывающей возможно большее число фактов формальной онтологии. (Можно считать более целесообразным называть теорию дедуктивных систем логикой и только формальную онтологию, имеющую дело с бесконечными множествами объектов, — математикой. Конечную же онтологию, может быть, тоже отнести к логике? Или исследование группы икосаэдра все же есть математика?)

Получил еще докторскую диссертацию, защищенную Гончаровым в Париже в 1929 году — Н.Н. когда-то настаивал, чтобы я сделал то же самое. Помимо прочих удовольствий, за степень доктора Парижского университета полагается заплатить 145 франков — не очень уж дорого!

⟨На вложенной в письмо открытке А.Н. пишет:⟩

Это чтобы ты вспоминал Москву! Запомни — раз уж ты так любишь старый Университет, что (по тексту на обратной стороне открытки)

По правой стороне подряд 5 зданий 1-го Московского Государственного Университета. Крайнее — постройка начала XX в.; затем 2 выступа “старого” Университета, построенного в 1786 г. арх. М.Ф. Казаковым и возобновленного после пожара 1812 г. арх. Д. Жилярди (в 1817 г.); за ними выступ “нового” здания (1835 г.), в центре всей перспективы — университетская библиотека (1901 г.).

• Н.Н. — Николай Николаевич Лузин.

1 апреля 1931 г.

Продолжение.

Доклад Кольмана ("Динамическая и статистическая закономерность") вначале содержал дельное изложение марксистской теории соотношения случайности и закономерности (которая, действительно, значительно превосходит соответствующие теории других школ), но затем раскрылся в фантазерстве (о будущей математике), не всегда грамотном и в устах столь авторитетного человека не безвредном.

4-го делаю доклад о своей командировке (тогда же доклад Глаголева);

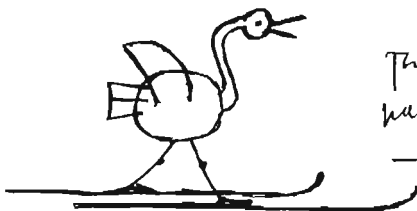
29-го — "Современное положение и проблемы теории вероятностей".

Намечено еще в Матем. обществе: 1) о работах Зарецкого; 2) теория вероятностей и изучение действительности (неизвестно, где); 3) факты из исследований по основаниям математики.

В конце апреля приедет С.Н. Бернштейн для ряда докладов; предполагается еще А.Н. Крылов.

Сегодня приезжал Гельфонд — обедал, катался на лыжах и уехал к 8-ми. Математическая беседа была очень интересна (впервые с ним у меня), но лыжи шли неважно, хотя сначала он и нахвастал своим искусством и знанием дела. Впрочем, лыжные условия замечательно хороши — 3 см нового снега поверх наста.

Опять настоящая зима: мороз, пасмурно, идет снег.

Как план редакции
ти календарь кн. и др. изданий
научной Zentralblatt?

→ Там написано, пр. Г. Илюмина и др. в
Версале — кн. и др. и др. и др. и др.

P. Alexandroff, Kijasma.

Александров

12 апреля 1931 г.

Светлое Христово Воскресенье

(со ст. Клязьма

в Принстон, США)

Вчера был здесь В.В. с супругой. Был солнечный и ветреный день. Гуляли до Болиева. В.В. был в на редкость хорошем настроении, был интересен (математически и всячески) и, пожалуй, в первый раз для меня доступен со стороны более личной и лирической (это уже по поводу весны, ручейков, грачей и т.п.).

Между прочим, из математики:

Пусть все монотонно возрастающие непрерывные функции, определенные на полупрямой $(0, +\infty)$, разделены на два класса: A и B . Можно ли всегда выбрать для любого $h(x) \rightarrow \infty$ такие $f(x) \in A$, $g(x) \in B$, что

$$\frac{|f(x) - g(x)|}{h(x)} \rightarrow 0?$$

Это нужно мне во вполне конкретных исследованиях и, кажется, с трансфинитными шкалами ростов не связано. Для $h(x)$, ограниченных, вопрос уже решается отрицательно, как показывает пример:

$f(x) \in A$, если $\sum 1/f(k)$ сходится,

$f(x) \in B$, если $\sum 1/f(k)$ расходится.

Однако в этом случае для $h(x) \rightarrow \infty$ предложение уже верно.

Кстати, вопрос почти относится к топологии некоего функционального пространства, но не совсем. Можешь ли ты сформулировать его как вопрос о связности некоего топологического пространства?

Если бы в топологии основным понятием было бы не понятие предельной точки множества, а понятие “соприкосновения” двух множеств, то дело вышло бы.

То, что ты пишешь о русской информации из “N.Y.T.”, очень интересно.

По поводу лесорубов — принудительный труд для северного крестьянства, конечно, действительно отсутствует (кроме, может быть, 9-дневной гужевой повинности в год). При всех перебоях и неурядицах, часто вызывающих недовольство, количество материальных благ, получаемых северянами, сильно увеличилось (в соответствии с увеличением роли севера в экспорте и всей экономике страны). Если же на 16 человек имеется 9 зубных щеток и в лесных избушках не достаёт простынь (!?) и отсутствует искусственная вентиляция (при мне в них ещё обычно отсутствовали трубы, и дым выходил в дыру под крышей), то это прогресс, которого я и не ожидал! Вообще же,

экономическое наше развитие идет под знаком исключительной концентрации внимания на важнейших объектах (северные леса к ним не относятся) и обеспечения их всем необходимым — об этом можно судить хотя бы по огромному количеству ввезенных иностранных рабочих и техников (главным образом, немцев). Статистических сведений у меня, к сожалению, нет (может быть, они есть в “New York Times”?), но они везде заметны: в Пушкине на новых больших фабриках их сотни, и везде для них особые столовые, распределители и т.д.

Кстати, еще о дифференциальной геометрии: в зуборезных станках, оказывается, есть эволюты и эвольвенты.

Резец идет на ползуне по эвольвенте, оставаясь к ней перпендикулярным, и режет зубец по касательной к контуру. Преподавателю предмета “СТАНКИ” было так и не известно, почему эта часть станка носит такое странное название (эвольвента).

Что ты думаешь о следующем предложении:

Пусть A и B — прямые делители группы (т.е. $AX=G$, $BY=G$ — прямые произведения), не разложимые далее в прямые произведения. Тогда или A изоморфно B , или AB — прямое произведение.

Доказать его, впрочем, я не умею.

Разговаривал с Курошем. Он все сомневается, заниматься ли ему абстрактными группами. Но, в общем, математический (а также методический — о преподавании в специальных вузах) разговор был достаточно содержателен и для него, вероятно, достаточно полезен.

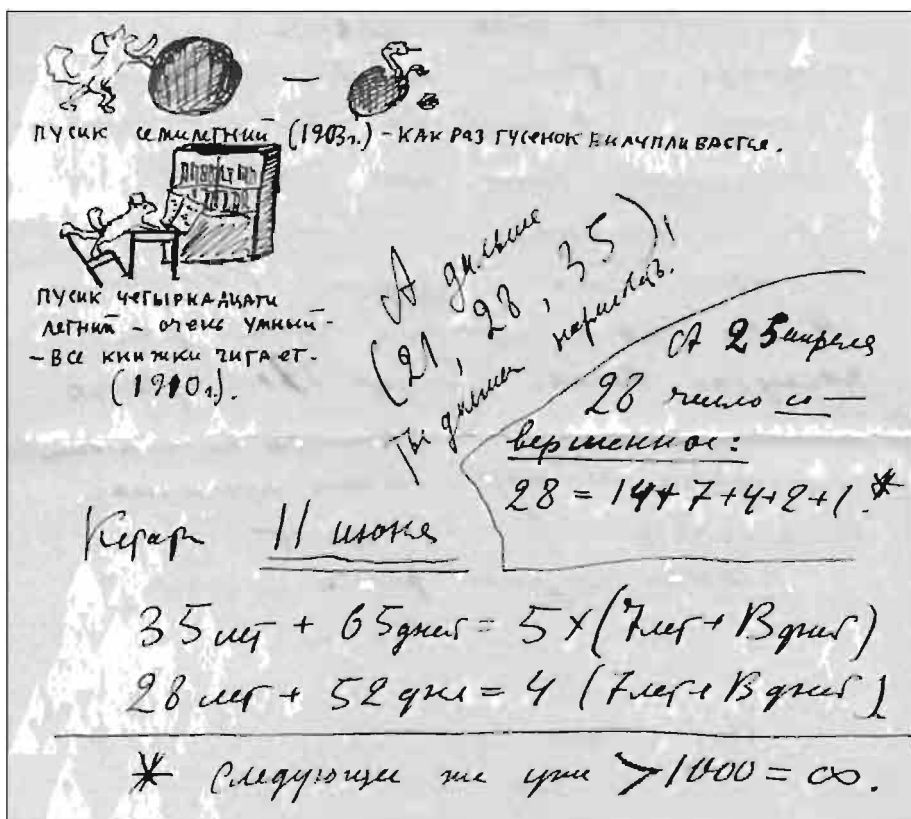
Понтрягин делал целых два доклада о твоей работе в топологическом кружке. Он пишет тебе о его и Шнирельмана результатах в области связи метрической и топологической размерности — отсюда следует и решение вопроса в моих постановках, которым ты собирался заниматься.

Третьего дня слушал Мусоргского (Вступление к “Хованичине”, “Ночь на Лысой горе” и т.д.). В концерте все это выглядит жидковато, хотя настоящие “Хованичина” и “Борис Годунов” значительно всего Вагнера (хотя Вагнеровского “Летучего Голландца” слушал с большим удовольствием, и он мне нравился). Стихийную и грандиозную оперу можно написать, только опираясь на хоры.

Сегодня была у меня Аня (супруга С. Мусатова и моя подруга по школе, дочь историка Д.Н. Егорова) — она гораздо лучше своего мужа, хотя и не имеет претензий потрясать весь мир фресками страшного суда. И даже ничуть не хуже Анны Евгеньевны (ты, кажется, склонен думать, что в Москве таких не бывает).

О друге и друзьях:

Теория единственного друга в современном обществе несостоятельна: жена всегда будет претендовать на то, чтобы им быть, а соглашаться на это было бы очень печально. При Аристотеле эти две стороны дела не приходили в соприкосновение: жена сама по себе, а друг сам по себе.

〈Факсимиле текста с рисунком из отдельного листочка, вложенного в письмо — А.Ш〉

- В.В. с супругой — Вячеслав Васильевич Степанов и Юлия Антоновна Рожанская.
- "N. Y. T" — "New York Times".
- Топологический кружок — возник в НИИ математики и механики МГУ в 1925 г. для развития топологических идей П.С. Александрова и П.С. Урысона (из этого кружка вышли топологи Н.Б. Веденисов, Л.А. Люстерник, В.В. Немыцкий, Л.С. Понтрягин, Ю.А. Рожанская, А.Н. Тихонов, Л.А. Тумаркин и Л.Г. Шнирельман).
- Аня — Анна Дмитриевна Егорова. (3 сентября 1942 г. она стала женой А.Н. Колмогорова.)
- С. Мусатов — Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов, первый муж А.Д. Егоровой (Колмогоровой).
- Анна Евгеньевна — жена Х. Хопфа (урожд. фон Миквитц).
- В 1931 году П.С. Александрову исполнилось 35 лет, а А.Н. Колмогорову — 28 лет.

16 апреля 1931 г.

(со ст. Клязьма
в Пристон, США)

В первый раз по приезду получил сегодня кое-какие новые результаты — в направлении совсем неожиданном — именно, в теории ошибок. Повод к этому — чтение и раньше мне знакомой книги J. Haag'a "Applications..." из Борелевской теории вероятностей. Раньше я не обращал внимания на то, что у Haag'a масса интересных идей, гораздо более общего значения, чем специально баллистика. Между тем, тонкие асимптотические выкладки ведутся с необычайным искусством. Haag — профессор на Faculté des sciences de Clermont-Ferrand и не имеет кругозора, выходящего за пределы своей баллистики, а то был бы, наверное, прекрасным математиком, и книжка его, быть может, даже более поучительна, чем P. Lévy (и уж, конечно, теоретико-вероятностных писаний самого E. Borel'я).

Хочу заняться восстановлением уважения к методу медианы. Кроме того, из этих исследований извлек некоторые идеи чрезвычайной общности, еще не вполне оформленные. Именно, если

$$\varphi(x) = f_1(x)f_2(x)\dots f_n(x)$$

— произведение чрезвычайно большого числа функций, и в x_0 имеет максимум $A = \varphi(x_0)$, то вблизи x_0

$$\varphi(x) \sim Ae^{-k(x-x_0)^2}$$

(т.е. Гауссов закон распределения!). Это еще новая причина появления Гауссовой кривой, видимо, совсем отличная от сложения большого числа малых величин! Именно поэтому (при любом основном законе распределения ошибок) ошибка результата n измерений (будь то, по методу средних арифметических, методу медианы или любому другому) всегда следует закону Гаусса.

Между прочим, все больше убеждаюсь в том, что, так называемая, "прикладная математика" просто законсервирована на уровне математики начала и середины века — т.е. математики, по преимуществу, вычислительной. Но способна, не менее дифференциальных уравнений, к более современному основательному развитию: очень часто там, где нагромождены всякие разложения по полиномам Эрмита, было бы достаточно очень простых качественных рассуждений. Особенно в статистике, где наворочен

грандиозный аппарат лишь из-за неумения видеть функции без их аналитического изображения.

Предполагается в помещении Фундаментальной библиотеки (там нашли комнату размером с нашу профессорскую для этого) из библиотек Математического общества, Института и самой Фундаментальной библиотеки устроить Московскую *Lesezimmer* (читальный зал — нем.). Выйдет ли из этого что-либо путное, не знаю, но меня просили принять участие в наблюдении за этим. Помогать мне должна Ю.А. (кроме того, Фундаментальная библиотека дает двух технических сотрудников), а с осени предполагается, что она (Ю.А.) будет и ведать всем делом.

Вообще же, многое в Институте тебе не понравится, но теперь ясно, что он не погиб (это и В.В. теперь признает) и работать можно, и с пользой. Бермант (а отчасти, и сам Выгодский) очень увлечены тем, чтобы перешибить Европу (например, заявляют, может быть, и не без оснований, что через год-два наша *Lesezimmer* должна стать лучше Гёттингенской). Деньги им дают в большом количестве. Я, в частности, с 1 марта получил по 300 руб., и обещают по 400. Буду спрашивать о тебе. Если тебе уйти из Смоленска, то это, вероятно, будет рассматриваться как большой дополнительный аргумент за тебя. Но для этого, очевидно, необходимо перевезти твою сестру — постараюсь узнать все, что можно.

Мою проективную работу придется писать вновь!

К характеристике же нравов в Институте:

Приказ по НИИММ № X.

1. Объявляю выговор н. сотр. Ястремскому за непредоставление учебных планов.
2.
3.

Были у меня Тулайков, Юнович и Двойченков (теперь аспиранты, кончили в октябре 1930) — трое молодых людей, воспитанных Д.Е. и Н.К. на тригонометрических рядах. Юнович, впрочем, к ужасу своих “духовных родителей”, интересуется аддитивными функциями множеств. Поил их чаем и водил гулять на Учу. Вчера было тепло, и я первый раз купался в Уче (впрочем, еще с остатков льда у берега). В Москве ледоход начался в ночь на сегодня.

Коля Ньюберг шлет тебе привет, а также интересуется, удастся ли ему положить тебя на обе лопатки, или ты берешь в Принстоне уроки борьбы и бокса.

У Лины Самойловны я все еще не был, и это действительно очень нехорошо. Пойду, как только найдется время.

Вера Яковлевна тебе кланяется. Она все кормит меня киселем из овсяного какао с молоком.

Осенью в ВУЗы страны будет принято 104 тысячи студентов, на рабфаки и курсы по подготовке — 166 тыс., в техникумы — 244 тыс., в фабзавучи — 700 тыс., в школы второй ступени — 1100 тыс., в школы первой ступени — 6 миллионов.

К сожалению, особенной разгрузки от 40–60 часов в декаду наших математиков при этом ожидать не приходится! В университете в будущем году организуется 12 групп (!), изучающих дифференциальные уравнения.

Посылку еще не получил. Ведер нет — не знаю, достану ли к твоему приезду (было два, да одно в колодце). Зато можно записываться на автомобили: платить два года по 65 руб. в месяц (всего 1500) и через два года получить автомобиль. Если бы перспективы постройки гаража и получения бензина не выглядели такими фантастическими, то, наверное, многие уже бы записались! Автозавод должен начать работать летом. Правда, тракторный, уже пущенный, начал с выполнения 20% программы и теперь дошел до 50% (78 штук в сутки).

-
- *Метод медианы* — работа А.Н. Колмогорова “Метод медианы в теории ошибок” опубликована в журнале “Матем. сборник”, (1931, т. 38, № 3-4, с. 47–50). (Опубл. также в кн.: Колмогоров А.Н. *Теория вероятностей и математическая статистика*. — М.: Наука, 1986, с. 111–114.)
 - Ю.А. — Юлия Антоновна Рожанская.
 - В.В. — Вячеслав Васильевич Степанов.
 - Д.Е. — Дмитрий Евгеньевич Меньшов.
 - Н.К. — Нина Карловна Бари.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - *Институт, НИИММ* — НИИ математики и механики Московского ун-та.
 - *Lesezimmer* (букв. читальный зал — нем.) — А.Н. Колмогоров проводит параллель со знаменитой Гёттингенской университетской библиотекой, основанной Ф. Клейном. П.С. и А.Н. могли заниматься там в любое время, когда бывали в Гёттингене (имели свои ключи).
 - *Проективная работа* — см. Примечание к письму от 17 марта 1931 г.

1 мая 1931 г.

(из Москвы, Трубниковский пер.,
в Принстон, США)

Был сегодня на Первомайской демонстрации, и не без пользы, так как благодаря этому избежал от лишних 6 часов в декаду (на демонстрации удалось найти себе заместителя — А.Г. Куроша). Курош еще говорил о двух слепых студентах первого курса университета, необычайно одаренных. По его словам, он “подготавливает их к твоему приезду”, обучая их теории множеств, топологии и алгебре.

Демонстрация, вообще, была несколько серьезнее, чем обычно, с меньшим числом песен, хотя и с достаточной веселостью. Особенно эффектны были огромные новые аэропланы, рядом с которыми были пущены обыкновенные, маленькие. Кроме того, бросалась в глаза в рабочих колоннах масса новых рабочих, недавно прибывших из деревни, и сезонных строителей, загорелых и в сапогах. Голубые безрукавные майки так же распространены, как и у твоих Принстонских студентов, но, к сожалению, носятся под пиджаками.

Студенты всех учебных заведений участвовали в параде (а не общей демонстрации) в виде сводной студенческой дивизии с винтовками с примкнутыми штыками — подготовка к этому велась (на университетском дворе, например) с увлечением и несколько комической серьезностью. Милиция же выступала в новой форме со страшными зелеными твердыми касками (говорят, форма скопирована с английской).

Много разговаривал с Лаврентьевым — он все больше привлекает меня своей деловитостью и, в то же время, жизнерадостной непосредственностью. Работает в ЦАГИ и, не в пример многим прочим, с искренним интересом.

29-го делал в Обществе доклад “Современные проблемы теории вероятностей”. О.Ю. Шмидт, вообще появляющийся очень редко, ушел сейчас же после конца доклада. Гельфонд и Шнирельман говорили о приложениях теории вероятностей к теории чисел. А.Я. начал с авторитетного заявления, что все такие приложения — чистый вздор, но кончил тем, что, хотя в теории чисел нет случайности, существует “иррелевантность” распределения признаков целых чисел (например, аддитивных и мультипликативных свойств). Вокруг этих вопросов (должно быть, как более философских и диалектических) и развернулась дискуссия, но были и внимательные слушатели самого моего доклада.

“Борис Годунов” — наверное, лучше все же твоих “Эдипов”, хоть и написан с провалами и пьяницей. Коутс дирижировал хорошо, может быть, слишком сильно подчеркивая контрасты и смену темпов. Впечатление и на этот раз осталось очень большим. Независимо от известных дефектов постановки, впервые воспринял необходимость и закономерность в музыкальном целом некоторых сцен, которые выпадали раньше из восприятия. Так, после бунта против монастырской тишины и отрешенности в сцене у Пимена, жизнь и должна была впервые появиться в, может быть, нелепой, но полнокровной пляске отца Варлаама, а уж потом развернуться в пышную любовь к Марине. И тут же все кончается — сын Грозного следует своей роковой судьбе, это уже не вольный странник на веселой земле... Вот сам Борис у Мусоргского хуже, чем у Пушкина, но все тонет в грандиозной народной трагедии, вместо которой у Пушкина только и стоит: “Народ безмолвствует...”

Музыкальное же содержание целого, наверное, можно рассказать в каких-то совершенно общечеловеческих терминах. Так реален вызываемый музыкой к бытию поток жизни и народа, и отдельных людей, так непосредственно сливается все это с твоей собственной жизнью и тем общим потоком, в который она включена, что не хочется относить это к веку.

Квантовая философия (Bohr) меня очень занимает, хотя я а priori убежден в ее беспочвенности, т.е. в том, что все выводы о непознаваемости, там получаемые, суть чистая мистификация, основанная на несерьезной игре математическим аппаратом теории квант. Иначе говоря, что идея неизбежного взаимодействия между объектом и субъектом и невозможности изучать объект вне этого взаимодействия, сама по себе НЕ вздорная, с таким же успехом может быть развита и по поводу всякого другого раздела физики. Положительного же познания о существовании непознаваемого нельзя извлечь из теории квант, так же, как и из чего-либо другого. Также окончательная случайность (а не детерминированность явлений) — вывод, не более обоснованный, чем окончательная детерминированность в концепции Laplace’a.

Пусть дан замкнутый контур C в трехмерном пространстве.
Если криволинейные интегралы

$$V_{xy}(C) = \int_C x \, dy, \quad V_{yz}(C) = \int_C y \, dz, \quad V_{zx}(C) = \int_C z \, dx$$

существуют в обычном смысле, C называется квадрируемым.

Если Γ — поверхность, ограниченная квадратируемым контуром и разбиваемая на сколь угодно мелкие части $d\Gamma$ такими же контурами, то

$$J = \int_{\Gamma} \sqrt{V_{xy}^2(d\Gamma) + V_{yz}^2(d\Gamma) + V_{zx}^2(d\Gamma)}$$

равняется лебеговой площади Γ . Этот аппарат, видимо, должен дать легкое решение всех относящихся сюда вопросов.

Кроме того написана еще одна прекрасная новелла формулы из теории вероятностей:
 Пусть $F(x)$ закон распределения (непрерывный, но привлекательный) и $F_n(x)$ функция близкая к нему приближенно. Тогда по n наблюдений, р-е

$$P\{\max(F_n - F) \geq y\} \sim e^{-2ny^2}$$

Формула совсем не зависит от характера закона $F(x)$, впрочем, формула еще не совсем доказана.

Написал, по просьбе Понтрягина, отзыв о его работе о непрерывных телах для представления на премию (хотя и не знаю, почему устраивается такое перманентное премирование Понтрягина!).

Послал проективную работу (написанную вновь!).

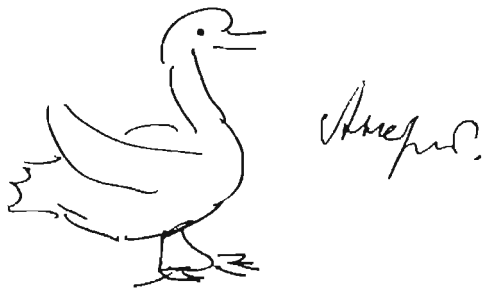
О моей "Теории функций" можешь никаких переговоров не вести — все равно, здесь предположения об ее издании оказались плодом чрезмерного увлечения. Но "Теорию вероятностей" к 1933 году издать будет можно — может быть, мы вместе с А.Я. напишем ее для русского и для немецкого изданий.

(Планы А.Н. написать "Теорию вероятностей" на немецком и русском языках вместе с А.Я. Хинчиным были реализованы следующим образом. В 1933 году в серии "Ergebnisse der Mathematik und Ihrer Grenzgebiete" (изд-во Julius Springer'a) вышла ставшая классической монография А.Н. Колмогорова "Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung". В той же серии и в том же 1933 году появилась книга А.Я. Хинчина "Asymptotische Gesetze der Wahrscheinlichkeitsrechnung". В 1936 году обе эти монографии были изданы на русском языке в серии "Математика в монографиях" (М.-Л.: ОНТИ). Книга А.Н. Колмогорова вышла под названием "Основные понятия теории вероятностей", а книга А.Я. Хинчина — под названием "Асимптотические законы теории вероятностей".

Моя "Теория функций" — как следует из многих писем, в начале тридцатых годов А.Н. Колмогоров имел контракт с издательством Julius Springer на книгу по теории функций для так называем-

мой “желтой серии” (“Gelbe Sammlung”). Рукопись этой книги так и не была представлена в это издательство. На русском языке это намерение осуществилось в виде совместной с П.С. Александровым книги *“Введение в теорию функций действительного переменного”*, вышедшей в 1932 году, а затем, через много лет — совместной с С.В. Фоминым книги *“Элементы теории функций и функционального анализа”*. Книга вышла сначала двумя отдельными выпусками в 1954 и 1960 годах, затем — в существенно переработанном и сильно расширенном варианте — в 1968 году. Эта ставшая очень известной книга много раз переиздавалась и переведена на многие языки (см. Библиографию А.Н. Колмогорова, например, в нашем издании).

Я выбран членом месткома НИИММ, где должен вести “производственным сектором”, т.е. соцсоревнованием, ударничеством и т.п. Помогать мне должен аспирант-механик Космодемьянский — чрезвычайно редкое соединение интеллигентности и хорошего образования с достоинствами советского юноши — энергией, простотой, физкультурной тренировкой, член общества спасания на водах и стрелкового кружка.

-
- *Два слепых студента* — по-видимому, речь идет об А.С. Пархоменко и И.В. Проскурякове, действительно ставших учениками П.С. Александрова.
 - А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
 - Говоря о поведении вероятности $P\{\max(F_n - F) > y\} \sim \exp\{-2ny^2\}$, Андрей Николаевич указывает (в 1931 году!) результат об асимптотическом поведении вероятности $P(\sqrt{n}D_n^+ > y)$ для статистики $D_n^+ = \sup(F_n(x) - F(x))$, исследованной впоследствии Н.В. Смирновым (см. Матем. сб., 1939, т. 6 (48), с. 3–26).
 - *Работа Л.С. Понтрягина* — скорее всего, речь идет об опубликованной в следующем, 1932 году работе: “Über stetige algebraische Körper” // Ann. of Math. (2) — 1932, v. 33, p. 163–174.
 - *Bohr* — здесь имеется в виду Нильс Бор, выдающийся физик, Нобелевский лауреат, брат математика Харальда Бора.
 - *Институт, НИИММ* — НИИ математики и механики МГУ.
 - *ЦАГИ* — Центральный аэро-гидродинамический институт.
 - *Проективная работа* — см. Примечание к письму от 17 марта 1931 г.

4 августа 1932 г.

(с парохода "Ленин"

под Новороссийском

в Москву, Старопименовский пер.)

Сегодня до ночи стоим в Новороссийске.

В Ялте горы были очень хороши до восхода солнца, потом же, как обычно на южном берегу, все сделалось несколько будничным. Проходили совсем близко под Аю-Дагом и видели любимые мною Партенит, мыс Плака, потом широкую, спокойную Алуштинскую долину с всегда меня волнующим контуром Чатыр-Дага вдали. Дальше пустынные желтые берега с отдельными кусочками зелени в речных долинах...

Но Судак, которого я никогда не видел, превзошел все мои ожидания. Бездарность фотографов и отсутствие в Судаке вторых Волошина и Богаевского было причиной тому, что весь район Судака был для меня полной неожиданностью. Светло-серые и желтые горы и скалы образуют здесь комбинации, совершенно необычайные. Генуэзская крепость действительно величественна, в противоположность башенкам в Гурзуфе. За перешейком, отделяющим массив мыса Меганом, видны черно-красные пальцы Кара-Дага, верст на двадцать далее к востоку вплоть до Отуза желтая пустыня и однообразные крутые обрывы к берегу. И тут начинается царство Волошина и Богаевского. Круглая Коктебельская бухта с амфитеатром ставших уже мягкими и плавными пустынных холмов и острая гряда мыса Кийк-Атлама (прыжок Иды?). Море то серое, то, местами, ярко-зеленое.

Назад буду возвращаться с тем же "Лениным". Кстати, его водоизмещение 27 000 тонн, и построен он был в 1910 году для срочных рейсов Одесса—Владивосток, имел ход в 18 узлов, но сейчас, по скорости, развивает не более 13,5 (расписание же товаро-пассажирской линии требует не более 9-ти).

Андрей.

22 сентября 1932 г.

(из Днепропетровска
в Цюрих, Швейцария)

Вчера появилось Постановление ЦК о высшей школе. Все благоразумные предложения, о которых много говорилось (80—85% времени на специальные дисциплины, введение факультативных курсов по выбору, восстановление лекций, некоторое ограничение практики в технических вузах, дипломные работы, дифференцирование оплаты по квалификации преподавателей и по роду занятий (лекция, семинар, упражнения), вступительные экзамены даже для окончивших рабфаки, набор аспирантуры по отзывам кафедр, индивидуальные планы работы аспирантов, за-прещение досрочных выпусков и т.д.) широко развиты. Говорится еще о восстановлении ученых степеней, об учреждении “инженерной академии” и т.п.

Как обычно, правовое направление мысли законодателя, кроме того, выразилось в

1. предоставлении директорам университетов права налагать взыскания на профессоров, вплоть до запрещения преподавать в вузах на 1—5 лет (и именно за пропуск занятий без уважительных причин);
2. установлении шестидневной недели с 48 днями летнего перерыва и 12 днями зимнего (при этом профессорам и преподавателям обеспечивается 2 месяца отпуска летом).

В силу того же постановления в Днепропетровске открывается Университет.

Вопросы из топологии. Кажется, нетрудно доказать, что замкнутое множество размерности n может быть расположено в пространстве достаточно высокого числа измерений лишь единственным образом. Я умею доказать это для полиэдров при помещении в (евклидово) пространство $(4n+2)$ измерений. По-видимому, свойства множеств, выражимые через дополнительную область в таком многомерном пространстве, и должны называться гомологическими?

То есть, F и F_1 гомологически эквивалентны, если, будучи помещены в пространство достаточно большого числа измерений, они имеют гомотопические дополнительные области.

После этого будет иметь вполне определенный смысл вопрос о полной системе гомологических инвариантов — это полная характеристика свойств дополнительной области в пространстве достаточно высокого числа измерений.

Задачу о разбиении n -мерной сферы на $< (n+1)$ множеств не решил. По-видимому, стоящее у тебя $\leq (n+1)$ — ошибка.

Или n -мерной сферой называется поверхность сферы в $(n+1)$ -мерном пространстве?

Читаю 24 часа теории вероятностей и 16 часов избранных вопросов геометрии. Заканчиваю свою геометрию 24-го (только сегодня добрался до классификации аффинных преобразований и перешел к дробно-линейным на комплексной плоскости, так что конец будет сильно редуцированным).

Взял с собой Reidemeister'a "Grundlagen der Geometrie". Мне он не очень нравится — очень часто пугает читателя абстрактностью без всякого толку, просто из кокетства.

Как тебе понравится следующая идея?

Пусть F обозначает замкнутое множество, G — область, $F_1 \sim F_2$ — гомеоморфизм, $F + G = R^n$ понимается в смысле, что есть дополнение F до R^n .

Два множества F_1 и F_k называются гомологически эквивалентными, если их можно связать последовательностью отношений:

$$\begin{aligned} F_1 &\sim F_2 \\ F_2 + G_2 &= R^{n_2} \\ G_2 &\sim G_3 \\ F_3 + G_3 &= R^{n_3} \\ F_3 &\sim F_4 \\ &\dots\dots\dots \\ G_{k-1} &\sim G_k \\ F_k + G_k &= R^{n_k} \end{aligned}$$

Симплексы любого числа измерений эквивалентны, но размерность сферы уже не может быть понижена.

После этого приобретает определенность вопрос о полной системе гомологических инвариантов множества.

Мне неясен и вопрос о необходимости столь длинных цепей, может быть, все сводится к

$$\begin{aligned} F_1 &\sim F_2, \quad F_2 + G_2 = R^n \\ G_3 &\sim G_2, \quad F_3 + G_3 = R^n \\ F_3 &\sim F_4 \end{aligned}$$

Весь Днепропетровск увешан почтовыми ящиками — не знаю, стала ли от этого лучше двигаться почта, но моя телеграмма “ПРИЕДУ 10 СКОРЫМ” была передана в виде: “ПО РАДИО 10 ИЗ КРЫМА”, ввиду чего меня встречали утром, а я вечером до половины двенадцатого искал, где мне приготовлено помещение. Живу, впрочем, в той же комнате, что и весной, и обстановка в ней та же, только на кровати паук сплел прекрасную паутину, столь обширную и искусную, что жалко было ее разрушать.

“Интереснейшая” Днепропетровская новость — здесь открыт магазин “академиков”, к которому прикреплено всего 40 человек! Ценность месячного пайка И.Е. (который, естественно, его получает) определяется в 400—500 руб. по рыночным ценам. Говорят, что-то аналогичное устраивают и в самой Москве. Может быть, учиняемое А.Я. Хинчиным разделение членов института на великих и простых связано с этим? (Первым, так сказать, декоративным, с международным престижем, предполагают платить 1000—1500 в месяц. Тебе запроектировано 1500, но с условием, что ты можешь ездить в Смоленск, Днепропетровск, Тьмутаракань и т.д., сколько тебе вздумается, но лишь бесплатно.)

Сердечный привет Анне Евгеньевне и Норф’у, Neugebauer’у, Courant’am и Frl. Noether.

Получил открытку с Zürichsee (Цюрихское озеро — нем.) — что там написано под гусиком N.C. (N. Courant), я так и не понял. (См. письмо П.С. Александрова от 21 сентября 1932 г.)

-
- Постановление ЦК о высшей школе — было опубликовано 21 сентября 1932 г.
 - И.Е. — Исаак Ефимович Огневский.
 - Анна Евгеньевна — жена Х. Хопфа.
 - Courant’ы — Courant Richard и его жена Nina Courant.

24 сентября 1932 г.

(из Днепропетровска
в Цюрих, Швейцария)

Вчера было организационное собрание семинара по проблеме Дирихле. Собралось человек двенадцать (Никольский, Тверитин, Дубровский, Огиевецкий-мл., Петров — на лекциях не бывавший ученик Синцова, по-видимому, наиболее образованный из здешних ассистентов и доцентов, и пять аспирантов. Последние не могут изучить немецкого языка, и что с ними делать, я не знаю). Все должны будут читать Bieberbach'a и Goursat (знают французский язык четверо) или Стеклова, а затем заниматься по двое одним из методов решения (Dirichlet— Hilbert'a, Neumann'a, Poincaré с конформным отображением, Perron'a, Courant'a).

Беседовал долго с Никольским — он назначен моим ассистентом по теории вероятностей, будет весной читать сам курс в качестве доцента. Выбор удачный, так как он и достаточно самостоятелен, и умен и, в то же время, без мнительности Тверитина.

25-го и 26-го кончаю теорию вероятностей и уезжаю 26-го в 11.05. Всего дал 42 часа — это не было утомительно, но больше уж ничего не делал, кроме катания по Днепру. Написал только свою часть работы о броуновском движении, совместной с Леонтовичем.

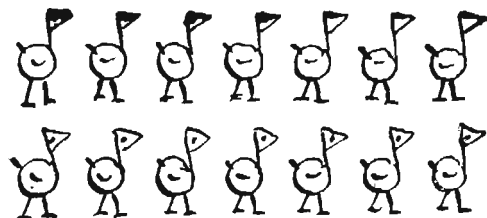
На Днепре

В свой свободный день (19-го) нанес визит И.Е., довольно тягостный, так как Исаак Ефимович настойчиво излагал свои геометрические идеи и старался вычитать в самых безобидных местах у Reidemeister'a подтверждение своих идей.

Ездил на лодке к устью Самары. Там вновь появились большие камни, на которых мы бывали прошлой осенью (весной их не было видно). Мост, действительно, с необыкновенной быстротой заканчивается и будет очень красив. Был совсем летний день, хотя вода уже очень похолодала. Плаваю без паруса на лодке металлургического института, как повелось весной. Там сделали новые, длинные и очень хорошие весла, так что грести очень приятно.

Прожил здесь 340 руб., так что чистая прибыль составит 920 рублей — это все же окончательно поправит наши финансовые дела.

Получил твое письмо с открытками из Локарно и потом еще одно — из Цюриха.

-
- Огиевецкий-мл. — Илья Исаакович Огиевецкий.
 - Исаак Ефимович — И.Е. Огиевецкий.
 - Работа о броуновском движении, совместная с Леонтовичем — имеется в виду статья “Zur Berechnung der mittleren Brownschen Fläche” // Phys. Ztschr. Sowjetunion. — 1933, Bd. 4, №1, S. 1—13. Русск. перевод (А.М. Яглома): “К вычислению средней броуновской площади” в кн.: Колмогоров А.Н. Теория вероятностей и матем. статистика. — М.: Наука, 1986, с. 124—134.
 - Самара — здесь — левый приток Днепра.

30 сентября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Аскону, Швейцария)

Утром 26-го читал последнюю лекцию, а Маруся свезла вещи и сдала в багаж (последние дни она пропадала на огородах, где была бригадиршей, и тут почувствовала, видимо, необходимость проявить свои заботы обо мне, чтобы не лишиться выгод к следующему приезду — так что, все сделала хорошо).

Здесь уже совсем осень: прохладно, сыро, но перед калиткой такое удивительно ярко-желтое дерево среди сосен... и вообще очень хорошо.

Приехал Чеботарев и делал 28-го доклады в нашем новом конференц-зале.

Сначала о зале. В нем старые столы Математического общества, большая доска и много новых диванов и кресел. В Институте, кроме конференц-зала, как ты знаешь, есть еще кабинет директора — на нем стеклянная дощечка с золотыми буквами:

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА А.Я. ХИНЧИН

и кабинеты отделов тоже со стеклянными дощечками, совсем, как в Харьковском институте!

Собралась, естественно, масса народу. Первый доклад был “Современные проблемы теории Галуа”. Открытия самого Чеботарева, по-видимому, замечательны, но вовсе не так окончательны, как это иногда изображается. В частности, об уравнениях 7-й степени из них все же ничего не удалось извлечь (т.е. число измерений, 2 или 3, соответствующей непрерывной группы так и остается неизвестным, откуда вытекает, что построение ее не столь уж прозрачно). Кроме того, Чеботарев проявляет полную беспомощность при попытке формулировать какой-нибудь результат в логически безупречных терминах.

Между прочим, среди проблем, которыми ты мог бы заняться, я считаю 13-ю проблему Hilbert’a. В Hilbert’овской постановке это не проблема алгебры, а проблема из теории аналитических функций, и решение ее следует искать через исследование топологических свойств римановских поверхностей для функций многих переменных. Именно, надо показать, что римановские поверхности аналитических функций трех переменных, изображимых при помощи итерации функций двух переменных, обладают какими-то специальными свойствами (отсутствием каких-нибудь кручений высших порядков?). Замечу, что Чеботаревские методы, вообще, к проблеме Hilbert’a

никакого отношения не имеют, так как у него дело идет просто о возможности рациональным преобразованием свести уравнение к уравнению с данным числом параметров. Hilbert же спрашивает, можно ли получить решение посредством произвольно сложной итерации функций данного числа переменных.

Затем был второй доклад, о съезде, очень бледный (после вытягивали из докладчика более интересные ответы на вопросы). Впрочем, следующее место имело успех: “На докладе тов. Кольмана я не был, так как хотел послушать Мюннца, докладывавшего одновременно, однако, сам Мюнц каким-то образом оказался на докладе тов. Кольмана”.

Ты ничего не писал еще о единственной даме из СССР на конгрессе — М-те Кольман.

Лев Семенович разъяснил мне, что изотопичность комплексов в $(2n+2)$ -мерном пространстве давно доказана Brouwer’ом. Что же касается множеств, то аналогичное предложение не верно (примеры антуановского типа), так что, для комплексов остается вопрос о свойствах, выражающихся через дополнительное пространство $\leq (2n+2)$ измерений — для множеств же дело гораздо сложнее.

Из газет я узнал, что через Денежный, Трубниковский, Ермолаевский и Пименовский переулки будет проложена новая кольцевая улица. Ее следует назвать улицей Математиков.

Наконец, раздобыл своих аспирантов Тулайкова и Юновича.

Тулайков напишет пристойную заключительную работу о функциональных пространствах с $\rho(f, g) = \left(\int_F |f(x) - g(x)|^\mu dx \right)^{1/\mu}$, где будут разобраны вопросы о том, когда удовлетворяет аксиомам треугольника, о компактности в таких пространствах, о единственности наилучших приближений и т. д.

Юнович должен заниматься разложением в ряды Фурье аддитивных функций множеств. Аспирант Защинский будет заниматься остаточным членом формулы Лапласа—Ляпунова.

Теорию функций действительного переменного начинает читать А.Я. Хинчин с передачей Ник. Ник. по его приезду. Я на такие условия вряд ли согласился бы. Вяч. Вас. просит подумать, за какие бы специальные курсы я взялся. Думаю о 1) Общей теории множеств; 2) Основаниях геометрии в смысле проективной аксиоматики в связи с алгебраическими телами и проективной метрики; 3) Группы преобразований в духе Днепронетровского курса; 4) Теории вероятностей.

Пока купаюсь каждый день. К сожалению, лодки все убраны, а обе наши реки именно сейчас очень хороши — прозрачные и чистые. Делаю гимнастику утром с ядром и всякими новыми манерами (вроде твоего приседания на одной ноге).

Сижу сейчас за твоим столом, счетчик жуужжит вроде сверчка.

Просматривал все твои журналы — не хватает одной тетради “*Mathematische Annalen*” (106, Heft 4), остальное все идет без пропусков. Разделил свои отписки на теорию вероятностей и “остальное”, но соединять с твоими не решился, так как это большая работа, но сделать это было бы целесообразно (т.е. устроить три рубрики: топология, теория вероятностей и “остальное”).

P.S. Цезария Иоакимовна просит тебе написать, что утонул в озере под Москвой доктор Баканов, и она очень за тебя боится.

-
- Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Ник.Ник. — Н.Н. Лузин.
 - Вяч.Вас. — В.В. Степанов.
 - Цезария Иоакимовна — Ц.И. Александрова (Здановская).
 - Харьковский институт — имеется в виду Украинский математический институт, открытый в г. Харькове в 1926 г. Первым директором был С.Н. Бернштейн.
 - Конгресс — только что закончившийся Международный математический конгресс 1932 года в Цюрихе (Швейцария).
 - Улица Математиков — в указанном районе тогда жили: Н.Н. Лузин (ул. Арбат), В.И. Гливенко (Кропоткинский пер.), В.В. Степанов и Ю.А. Рожанская (ул. Воровского), П.С. Александров (Старопименовский пер.), А.Н. Колмогоров (Трубниковский пер.).
 - 13-я проблема Гильберта, заняться которой А.Н. Колмогоров предлагает П.С. Александрову, была много позже разрешена самим Андреем Николаевичем совместно с его учеником В.И. Арнольдом (см. “О представлении непрерывных функций нескольких переменных суперпозициями непрерывных функций меньшего числа переменных” // ДАН СССР — 1956, т. 108, № 2, с. 179–182; и “О представлении непрерывных функций нескольких переменных в виде суперпозиций непрерывных функций одного переменного и сложения” // ДАН СССР — 1957, т. 114, с. 953–956; а также комментарий В.И. Арнольда “Суперпозиции” к книге: Колмогоров А.Н. *Избранные труды. Математика и механика*. — М.: Наука, 1985, с. 445).
 - О работе Туйлакова см. сноску к письму от 8 ноября 1932 г.

7 октября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Аскону, Швейцария)

Получил от тебя два письма и письмо с анкетами от Tisdale'я. Жду еще отзыва от А.Я., и тогда уже отправлю все материалы к тебе. Я думаю, целесообразно обойтись без С.Н.Бернштейна (надеюсь, он не обидится, а, напротив, будет рад этому). Ты заменяешь мне Париж Берлином в списке заранее заявленных поездок из Геттингена. Конечно, Мюнхен, Париж, Рим — это слишком *vie artistique* (артистическая жизнь — фр.), но без половины года в Париже вряд ли следует ожидать поддержки Fréchet и даже Hadamard'a.

Tisdale пишет: "I shall want to be assured that it will be possible for you to have a visa from the Russian Government...". (Я хотел бы быть уверенным, что для Вас будет возможно получить разрешение Российского правительства — англ.) Надеюсь, что согласие Института отпустит меня пока удовлетворит его. Полагаю, однако, что стоит уже сейчас поставить в известность и Наркомпрос (твое мнение?) о возбужденном ходатайстве.

М. Фреше

Получил, наконец, от "Zentralblatt'a" книгу Banach'a "*Théorie des opérations linéaires*". Вопреки моим опасениям, она очень хорошо составлена и легко читается. Много любопытных неопубликованных результатов самого Banach'a и, особенно, некоего M. S. Mazur'a — по-видимому, еще очень молодого математика. Вообще, приятное впечатление завершения некоторого этапа развития теории и расчищения почвы для постановки новых проблем. Объем, не в пример вам с Норфом, всего 254 страницы (вот у Stone'a — 600 страниц на одни линейные операции в Гильбертовом пространстве!).

5-го октября А.Я. делал доклад о методе Birkhoff'a в статистической механике, где, наконец, решился дать действительно общую теорему в терминах теории вероятностей.

11-го Кольман делает доклад о Международном съезде в Цюрихе.

(В период подготовки этого издания к печати нам в руки попала книга швейцарских математиков —

тиков — профессора Г. Фрая, ученика Б.Л. Ван дер Вардена, и профессора У. Штамбах, ученицы Б. Экмана, — название которой можно было бы перевести как “Математики Цюрихских высших школ” (“Die Mathematiker an den Zürcher Hochschulen”) / Gunther Frei; Urs Stammach. — Basel: Birkhäuser, 1994). В книге, которую авторы посвящают своим учителям, прослеживается история математической школы Цюриха, начиная с Первого Международного конгресса математиков, который состоялся в 1897 году именно в Цюрихе. И подробно, по дням, и чуть ли не по часам, описывается Международный конгресс в Цюрихе 1932 года, о котором мы читаем в Письмах (П.С. Александров был участником конгресса). Приведем здесь некоторые сведения, и сегодня интересные неравнодушному читателю.

Оргкомитет Конгресса был образован в феврале 1930 г. под председательством Р. Фютера (Fueter Rudolf). В ноябре 1931 г. было разослано 6000 приглашений математикам всего мира, а в марте 1932 г. готова научная программа. 5 сентября 1932 г. в Главной аудитории Высшей политехнической школы (ETH) Конгресс открыл Р. Фютер в присутствии почти 90-летнего Карла-Фридриха Гайзера, президента Конгресса 1897 года. На открытии были все 850 участников из 41 страны. Был избран руководящий состав Конгресса: Р. Фютер — президент; вице-президенты: Ж. Адамар, Ш. де ла Валле-Пуссен, О. Веблен, В. Виртингер, Д. Гильберт, А. Гульдберг, С. Заремба, Н.М. Крылов, С. Пеншерль, Т. Тагаки, Х. Юнг. Секретарями президиума были назначены Ф. Гонзет (ETH, Цюрих) и А. Шлайзер (Цюрихский университет). Церемония открытия завершилась докладом Р. Фютера на тему: “Idealtheorie und Funktionentheorie”. Вечером все участники были приглашены на концерт симфонического оркестра г. Цюрих под управлением Ф. Андреа, состоявшийся в самом большом концертном зале Цюриха (даже программа концерта приводится).

В последующие дни состоялись доклады по приглашению Оргкомитета: К. Каратеодори, Г. Жюлиа, Н.Г. Чеботарева, В. Паули, Т. Карлемана, Э. Картана, Л. Бибербаха, Э. Нётер, М. Морса, Х. Бора, Ф. Севери, Р. Неванлинны, Дж.У. Александера, Р. Уовра, Ф. Рисса, В. Серпинского, Г. Валирона, С.Н. Бернштейна (был прочитан Б. Гостинским), К. Менгера и Й. Штенцеля.

Работа конгресса протекала в восьми секциях: I — Алгебра и теория чисел; II — Анализ; III — Геометрия; IV — Теория вероятностей, математическая теория надежности и статистика; V — Технично-математические науки и астрономия; VI — Механика и математическая физика; VII — Философия и история; VIII — Педагогика.

В четверг, 8 сентября, в работе Конгресса был сделан перерыв, и всем участникам была предоставлена возможность ознакомиться с красотами швейцарской природы в одной из четырех предлагаемых экскурсий.

Конгресс завершился в субботу, 10 сентября торжественным актом с последующим банкетом и даже фейерверком (на эти торжества П.С. Александров не пошел из-за отсутствия у него надлежащего костюма — см. письмо от 10 сентября 1932 г.). На закрытии вновь выступал Р. Фютер, как Президент Конгресса, а также М. Планшерель, как ректор ETH, Ф. Фляйнер, как ректор Цюрихского университета. Затем О. Веблен (глава американской делегации), Г. Вейль (от сообщества немецких математиков), Э. Картан (по поручению правительства Франции) и Ф. Севери (глава итальянской делегации). Были также речи “отцов” города Цюрих. В книге Г. Фрая и У. Штамбах приводятся отрывки из многих выступлений. Последними стоят слова Андре Вейля: “Цюрих останется в памяти как лучший из всех конгрессов”.)

Сегодня гулял далеко в новом направлении — за Пушкино. Кстати, летом 1935 года окрестности Москвы будут выглядеть совсем иначе, чем теперь. Около нас на Клязьме будет плотина, бассейн же выше плотины будет составной частью канала Волга—Москва, и в некоторых местах будет в километр ширины. Ни-

же ст. Клязьма река Клязьма останется прежней или лишь немного увеличенной, но Звягино будет лежать уже на огромном озере. Далее канал из этого озера пойдет в бассейн на реке Сходне и из него уже выйдет в Москву-реку у Тушина. Озеро в верховьях Яузы тоже будет очень большим, но сейчас — это болото посреди Лосиного острова.

Что все это будет уже в 1935 году, кажется вполне правдоподобным так же, как и открытие первой линии метро в конце 1933 (может быть, в начале 1934) года. Вот будет ли вокруг новых озер изобилие картошки и капусты — это более сомнительно.

Роман купается на берегу реки (среди воды, между островов). К сталям, лодки
уже ушли, а все наши рыбы и рыбы сейчас тоже хороши — прозрачны
и чисты. Делаю пикантную утку с морем и большим каменным камнем,
кап. с рыбой и морем на берегу нас

- Отзывы и разрешения, о которых идет речь, потребовались в связи с возбуждением, по инициативе П.С. Александрова, хлопот о предоставлении А.Н. Колмогорову стипендии Рокфеллеровского Фонда (*Rockefeller Foundation fellowship*), дающей возможность годичной самостоятельной работы за рубежом.
- А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.
- Речь идет о книге М. Стоуна "Linear Transformations in Hilbert Space and their applications to analysis". New York: Amer. Math. Soc., 1932. VIII+622 P.

15 октября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Цюрих, Швейцария)

Я пока благополучно езжу в Москву раз в шестидневку и получаю там сразу несколько писем. Пиши что-нибудь и на Клязьму.

Сегодня пасмурно, но очень тепло, так что я бегал на Учу и даже переплывал ее.

Сейчас написал рецензию на книгу Банаха и свою заметку “Sur la détermination empirique d’une loi de distribution” и пишу соответствующее полное изложение по-французски, но с последующим переводом (для Cantelli’евского журнала) на итальянский (так что, все дефекты языка исчезнут). (Заметка с таким названием вышла в “Ученых записках МГУ” в 1933 г. (вып. 1, с. 9–10), а перевод полного изложения на итальянский — в журнале “Giorn. Ist. ital. attuari” (1933, v. 4, p. 83–91), основателем и главным редактором которого был Ф. Кантелли.)

Книжку Банаха советую тебе читать. Положение там сейчас такое: общие контуры теории линейных пространств и линейных операторов более или менее закончены. Но осталось несколько трудных проблем, которые полякам не по зубам, и проблем достаточно важных.

Если же желать создавать новые теории, то надо заниматься нелинейными функционалами и операторами. Серьезного здесь сделано мало, только изолированно, но довольно глубоко работает Fantappie над аналитическими функционалами, и сам Банах обещает целую книгу, но выйдет ли у него она так же хорошо — не знаю. Задача здесь совсем другая: линейные функционалы, как и обычные линейные функции, все элементарны, среди нелинейных же должны найтись интереснейшие классы, которые вряд ли легко было бы определить методами, аналогичными теории функций действительного переменного так же, как специальные классы аналитических функций.

Кстати, кажется новым результат, что пространство непрерывных функций с расстоянием $\rho(f, g) = \sup |f - g|$ есть универсальное для всех метрических со второй аксиомой счетности (т.е. в нем они укладываются изометрически!).

К числу же упомянутых трудных проблем относится, например, вопрос о том, гомеоморфны или нет пространства непрерывных функций, определенных на сегменте и на квадрате.

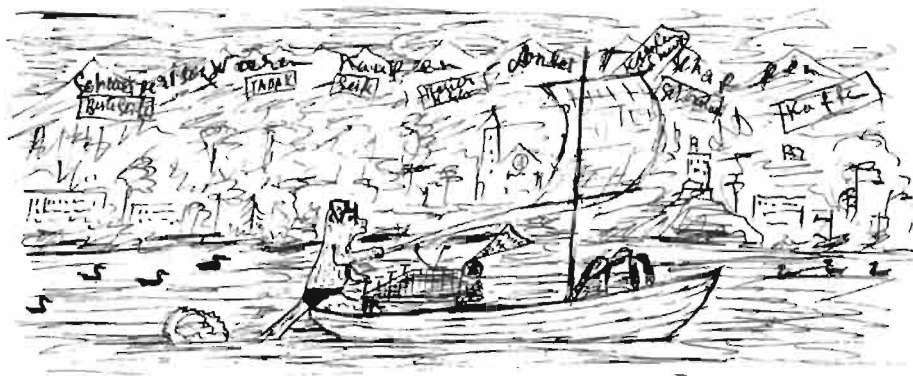
Меньше скажет тебе сейчас проблема о том, имеет ли всякое нормированное векторное пространство базис, т.е. последователь-

ность $x_1, x_2, \dots, x_n$ элементов, при помощи которых любой другой изображается единственным образом сходящимся рядом $x = \sum \xi_n x_n$.

Маша ходила сейчас копать картошку — здешние колхозники так хорошо ее “выкопали”, что вся Клязьма ходит по полям, должествующим быть уже пустыми, и собирает по ведру в час. Я говорил Маше, что ее могут лет на 10 засадить, но она не верит (“Раз хозяева выкопали, что им было нужно!”).

Еще необычайные происшествия со съездом (по рассказам В.В. Степанова).

Н.Н. Лузина 31 августа вызвали в МК и сказали: “Поезжайте на съезд!” Н.Н. ответил, что уже поздно. 3 сентября его вновь вызвали в МК партии и сказали: “Поезжайте на аэроплане!” Н.Н. ответил: “Теперь уже и на аэроплане поздно”.

Это ты едешь с пишущей машинкой и рюкзаком из одного пансионата в другой. По горам, как известно, в Швейцарии пишутся различные надписи — почему и неизбежно заниматься альпинизмом в Тянь-Шане, а не в Альпах.

Кончили читать Г Hofmannовского “Meister Martin’a”, сюжет коего имеет ближайшее отношение к интегральному исчислению, так как описывается вся сложность и необычайное благородство бочарного производства, из нужд которого, как известно, и возникло интегральное исчисление.

-
- Съезд — имеется в виду Международный конгресс математиков в Цюрихе (сентябрь 1932 г.).
 - Маша — М.А. Козлова.
 - Книга Банаха — Banach S. *Théorie des opérations linéaires*. — Warszawa: Subw. Fund. Narod., 1932.

19 октября 1932 г.

(со ст.Клязьма
в Цюрих, Швейцария)

Твоя маленькая книга получена и мной, и Юлией Антоновной.

Ю.А. просит сообщить, что в ее распоряжении уже имеется не менее шести высокоодаренных аспирантов нового приема, коих она готова уступить тебе в любом количестве.

Что касается меня, то я получил неожиданно новопринятого аспиранта Бавли, кончившего университет в 1930 году и пришедшего с тем, что вот он интересовался тем-то и тем-то, обобщил таким-то (вполне разумным и нужным) образом некий результат фон Мизеса — как же мы отвыкли от таких явлений! Следует отметить, что принят он только в вечернюю (рабочую) аспирантуру, без отрыва от производства (и без стипендии).

А.Я. ухитрился в эту вечернюю аспирантуру принять еще нескольких способных людей (например, статистика Лукомского). Тулайков мой становится все интереснее как математик, но все хворает и выглядит, действительно, очень плохо. Борис же Маркович Юнович угнетает меня — ничто ему не нравится, чем ни предложишь заниматься. Зато у меня есть Защинский, который усердно работает над чем скажут.

Часы от 7 до 9 в четвертый день шестидневки, о которых ты спрашиваешь, уже заняты философским семинаром, когого ты состоишь руководителем (вкупе с С.А. Яновской, О.Ю. Шмидтом, А.Я. Хинчиным, Л.С. Понтрягиным и мною). Это не означает, впрочем, что ты должен там часто бывать. Открывается семинар моим докладом об основаниях теории вероятностей, но далее идет обширная программа исторических докладов (Варьяш, Выгодский, Яновская ...), в которой я не принимаю активного участия.

Вычитал много интересного из присланных тобой газет. О разорении Рокфеллера писали и у нас, но его Foundation, к счастью, финансово совершенно независим от его собственных средств.

В твоей “Vossische Zeitung” Днепрострой назван самой крупной электростанцией мира, что не верно (самым крупным он является только среди гидростанций), и ошибочно сообщено, что Купер награжден высшим орденом — Красного Знамени (высшим трудовым орденом является Орден Ленина, который и получили Винтер и Веденеев). Орденом же Красного Знамени награждены и Шмидт, и Воронин (капитан), и Визе.

Еще я вычитал из “Frankfurter Zeitung”, что в Германии существует нечто вроде “значка ГТО” — “Turn und Sportabzeichnung”. Например, из миллиона немецких футболистов его имеют 40 000 — именно, те, которые сдали соответствующие испытания по всем видам спорта.

За отсутствием других, слушал Бетховена (Ор. 2, 10, 90, 109, 57) с Игумновым, которого ты, бедного, так ругаешь. Приехал еще Артур Рубинштейн. Для симфонических же концертов будут Фрид, Штидри и еще довольно много иностранцев.

В Ленинграде “учреждена” Академия Художеств, и ей передан дом № 17 на Васильеостровской набережной (кому он принадлежал прежде, скромно умалчивается, так как это и была Академия Художеств).

В Москве же учрежден высокочемодательный Институт омоложения и лечения всех болезней при помощи впрыскивания в кровь... мочи беременных женщин. История этого открытия такова. Давно известно, что кровь беременных необычайно богата чрезвычайно ценными гормонами. Два немецких ученых установили, что в некотором количестве они переходят и в мочу, и много лет работали над выделением хотя бы некоторых гормонов. Работы эти особым успехом не увенчались (ценнейшие свойства при извлечении терялись)... И вот, Кольцову пришла в голову гениальная идея (куда там немцам!): ничего не выделять, а просто вводить мочу в кровь! Результаты, говорят, удивительные!. Во всяком случае, уже есть директор института, делопроизводитель, машинистка, бухгалтер с помощником... И государство уже получило первую прибыль от нового дела — сотрудники института подписались на 13 000 рублей на заем “Пятилетку — в четыре года!”. Впрочем, кажется, это вполне серьезное открытие.

Насчет волжских пароходов, пристающих в Звягине — это пока еще не известно, когда будет, но то, что уже сделано, тоже любопытно: поднят уровень плотин на Москве-реке, и уже этим летом ходили из Москвы в Нижний (он теперь называется “город Горький”) пароходы волжского типа. Только на Оке они часто садятся на мель, Москва-река же могла бы пропускать еще более крупные. В будущем году открывается линия Москва—Уфа — 11 дней по Москве, Оке, Волге, Каме и Белой.

Варвара Сергеевна приезжала сюда и — о, несчастье! — осмотрев Веру Яковлевну, заявила, что сердце у нее очень хорошо. Теперь Вера Яковлевна через заборы будет лазать, а то и еще что-нибудь придумает!

Без тебя мы совсем позабыли отпраздновать 14 октября — годовщину нашего поселения на Клязьме.

-
- *Маленькая книга* — речь, скорее всего, идет о вышедшей в 1932 году в издательстве Julius Springer’a 48-страничной книге П.С. Александрова “*Einfachste Grundbegriffe der Topologie*” (со вступительным словом Д. Гильберта). Об истории написания этой книги см. Примечание к письму П.С. Александрова от 20 февраля 1931 г.
 - Ю.А. — Юлия Антоновна Рожанская.
 - *Rockefeller Foundation* — см. Примечание к письму от 7 октября 1932 г.

26 октября 1932 г.

(из Москвы)

в Гёттинген, Германия)

Кончив статью для “*Giorn. degli Atti*” (см. письмо от 15 октября 1932 г.), я взялся, наконец, сегодня за “*Ergebnisse*”. Написано введение и параграф 1-й — *Axiome*. Конечно, к этому нужны несколько подстрочных примечаний, длины, превышающей сам параграф. Параграф 2-й, *Empirische Begründung der Axiome*, будет переписан из конспекта моих днепропетровских лекций и будет много длиннее. Вообще же, вся Глава I (*Die elementare Wahrscheinlichkeitsrechnung*) довольно точно будет совпадать с этим конспектом.

Пишу тебе, как видишь, и из Москвы.

Слушал в топологическом кружке доклад Льва Семеновича о группах Бетти с действительными числами по mod 1. Особенно меня занимает алгебраическая часть. Старая теория ортогональных пар групп здесь видоизменена, но всё это — частные случаи общих алгебраических понятий, которые, кроме тогда же указывавшихся применений, известных еще арабам, имеют следующие, менее тривиальные.

Если V есть аддитивная группа действительных чисел и A — некое функциональное пространство, то гомоморфные непрерывные отображения A в V суть линейные функционалы, они образуют сопряженное пространство A^* . В случае Hilbert'овского пространства A пространство A^* изоморфно A , в случае A из функций, суммируемых в степени $p > 1$, изоморфны A^{**} и A (так дело обстоит с новыми понтрягинскими группами!). Но при $p = 1$ и это не верно, так как A^{**} уже не удовлетворяет второй аксиоме счетности! Интересно, можно ли все это вложить в какую-то общую теорию?

В топологическом же кружке я предполагаю рассказать результаты Банаха о пространстве непрерывных функций как универсальном метрическом.

Между прочим, А.И. Плеснер бегал много по разным учреждениям и выудил на 750 руб. новых иностранных книг, в том числе, Neumann'a, собрания сочинений Hilbert'a, Cantor'a и др. Библиотечная деятельность Института ему официально передана (по моей просьбе, хотя и заявленной с некоторым опозданием). Он также продолжает переписку с Fock'ом, но больше 450 марок вряд ли с того удастся получить — в их счет “*Math. Annalen*” и “*Math. Zeitschrift*” пока получа-

ются. Ты ничего не ответил о возможности американской субсидии на комплектование библиотеки.

Получил еще из “Zentralblatt’a” неожиданно интересную заметку Fréchet (по теории вероятностей), которая удивительна тем, что в ней доказана нетривиальная теорема и средствами настоящего хорошего анализа! (Посылаю реферат об этой заметке тебе, так как он, мне кажется, не очень хорошо написан.)

Я развивал проекты заменить значительную часть штата Института (у нас уже 49 научных работников!) стипендиями для поощрения научных исследований, присуждаемыми на 1 или 2 года (а в случаях продуктивной работы с возможностью возобновления). 18 работников в 1929 году, 27 — в 1930, 35 — в 1931 и 49 — в 1932 — вряд ли может долго так продолжаться!

А кто такой физик Northeim? Он будет у нас читать квантовую механику.

Посылаю в твой адрес работу Тулайкова. Посылаю тебе, а не Куранту — по его собственному разъяснению, приходящие к нему бандероли лишь совершенно случайно могут быть им распечатаны — обычно же складываются под столом. Я просил бы его напечатать работу в “Göttinger Nachrichten”, так как она является дополнением к моей, напечатанной там же.

-
- “Ergebnisse der Mathematik” — в этой серии об основаниях математики в 1933 г. вышла (на нем. языке) монография А.Н. Колмогорова “Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung”. Первое русское издание этой книги появилось в 1936 г. под названием: “Основные понятия теории вероятностей”. (Впоследствии монография переиздавалась еще дважды — в 1974 и 1998 годах.)
 - Окончательное название обсуждаемого здесь 2-го параграфа (по изданию 1933 г.): “Das Verhältnis zur Erfahrungswelt”; в русских изданиях он называется “Отношение к данным опыта”.
 - Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Работа Тулайкова — скорее всего, речь идет о заметке А.Н. Тулайкова “Zur Kompaktheit im Raum L_p für $p=1$ ”, опубликованной в “Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen”, (1933, S. 167–170).
 - Работа, напечатанная там же: А.Н. Колмогоров, Über Kompaktheit der Funktionenmengen bei der Konvergenz im Mittel // Nachr. Ges. Wiss. Göttingen. 1931, H. 1, S. 60–63. Рус. пер. (С.Б. Стечкина): “О компактности множеств функций при сходимости в среднем” в кн.: Колмогоров А.Н. Избр. труды. Математика и механика. — М.: Наука, 1985, с. 139–141.

8 ноября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Геттинген, Германия)

Вчера у А.Я. в Ученом Совете обсуждалось “Положение об университетах”. По этому Положению, в Университете должен быть Факультет математики и механики в составе а) Отделения математики, б) Отделения механики, с) Института математики и механики — всё с деканом во главе.

А.Я. предлагает, чтобы в Институте были научный и учебный сектора. Учебный же сектор должен иметь отделения математики и механики. Насколько я понял, разница в том, что директором института будет А.Я., а деканом был бы неизвестно кто.

Затем установлены 8 премий за научные работы аспирантов (1 — 500 р., 2 по 300 р., 3 по 200 р. и еще 3 по 200 р. специально для аспирантов первого года обучения).

Наконец, обсуждался вопрос о математических журналах. По предложению ГНТИ, принят следующий их список:

1. Математический сборник (редактор О.Ю. Шмидт, секретарь редакции — Бермант);

2. Журнал прикладной математики и механики (редактор Е.Л. Николаи);

3. Математическое образование (редактор В.И. Гливенко);

4. Успехи математики (редактор — я, секретарь редакции — А.Г. Курош (?)).

Каждому журналу еще причисляется редакция человек в двенадцать. У Николаи это Л.С. Лейбензон, В.В. Голубев, А.Н. Динник. У меня В.Ф. Каган, Б.Н. Делоне.

“Успехи математики”, по образцу “Успехов физических наук”, будут содержать обзоры и переводы наиболее интересных работ из иностранных журналов. Авторам будут платить от 300 руб., переводчикам — меньше. Я думаю, что можно сделать такой журнал достаточно интересным.

Сейчас я довольно успешно вылезая из множества мелких научных и полунанучных работ. Именно, написана статья для “Giornale degli Attuari” (см. письмо от 15 окт. 1932 г.), закончена работа для Семена Самсоновича, скоро прикончу и военные работы.

Тогда останется только:

на ноябрь–декабрь–январь 1932 г.: Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung;

на весь 1933 год: 1) книжка для Куранта и 2) новый комплекс тем по теории вероятностей, который должен составить большую работу, стили “Analytische Methoden der Wahrscheinlichkeitsrechnung”, о случайных функциях и случайных процессах.

При этом в весеннем полугодии будет: 1) спецкурс по теории функций действительного переменного и 2) курс случайных процессов.

Что Куранту не было заранее сказано об удлинении срока сдачи моей книжки, и действительно, ты виноват — положение вещей ты знал. Зато за это время к книжке прибавилась (мысленно) новая глава “Линейные приближения”, где на 30 страницах из общих теорем будет извлечено почти все интересное и о тригонометрических рядах, и о различных полиномах (сходимость, скорость сходимости, суммируемость). Главная опасность для Курантовской книжки — со стороны раздела 2, тем более, что он связан с очень интересными для меня и кажущимися значительными вопросами анализа. Самый интересный заключается в рациональном определении бесконечно малого линейного функционального преобразования.

Постановка вопроса ясна: рассматривается однопараметрическая группа линейных преобразований, зависящих от параметра t . Каждой такой группе и должно соответствовать бесконечно малое преобразование, ее порождающее. При обычных определениях (Volterra, Hostinsky, Schlesinger) это не достигается. В работе, опубликованной в “Rend. Lincei”, мне удалось решить вопрос в одном частном случае (ядра). Но, кроме того, теория случайных функций связана с новыми постановками вопросов о почти периодических функциях (только что возникшими после некоторых сообщений Александра Яковлевича).

Биологические темы я пока ликвидирую. Половина моего семинара будет на весеннее полугодие передана А.Я., за мной останется статистическая (прикладная) половина, но в ней работать должны, главным образом, Н.В. Смирнов и В.И. Гливенко. Семинар по приближенным изображениям (представлениям рядами) я предполагаю передать В.Л. Гончарову — кредиты на его привлечение (на один семестр) обещаны.

Книжка в “Ergebnisse” (см. Примечание к письму от 26 октября 1932 г.) появится раньше Курантовской потому, что она заменяет необходимую в моем плане работы (да и плане работы всей Московской школы теории вероятностей) чисто научную публикацию — не знаю, может ли это служить утешением Куранту.

О “Московской школе” вновь можно говорить серьезно, так как расцвет Александра Яковлевича продолжается и “Теория стационарных случайных процессов” составляет уже вторую главу к моим “Аналитическим методам”, не менее важную, чем первая (одно из применений — доказательство эргодической теоремы).

И.Г.Петровский продолжает работать, и книжка А.Я. в “Ergebnisse” будет содержать, в значительной мере, изложение его (и моих) результатов, сильно переработанных самим Александром Яковлевичем. Вскоре пошлю Куранту работу Петровского (в переводе А.Я. — его работоспособности в этом году, действительно, следует удивляться).

Книга по теории вероятностей, по-видимому, может быть написана только к 1936 году, но говорить об этом с Курантом и ввиду отдаленности срока, и ввиду сомнений в реальности и первой книги не имеет смысла. Тем более что к 1936 году мы, говорят, уже перегоним Америку, а сам Курант, по увереньям Кольмана, будет сидеть в Москве.

-
- *Факультет математики и механики* (Механико-математический факультет) Московского университета был действительно создан в 1933 году. Его первым деканом стал В.В. Голубев
 - ГНТИ — Государственное научно-техническое издательство.
 - Семен Самсонович — С.С. Ковнер.
 - *Статья А.Н. Колмогорова: Über die analytischen Methoden in der Wahrscheinlichkeitsrechnung* // Math. Ann., Bd. 104, 1931; 415–458. Рус. пер.: УМН, вып. 5, 1938; 5–41. Опубл. также в кн.: А.Н. Колмогоров. Теория вероятностей и матем. статистика, М., Наука, 1986; 60–105.
 - *Книжка для Куранта* — см. Примечание к письму от 1 мая 1931 г.
 - *Книжка А.Я. в “Ergebnisse”* — см. Примечание к письму от 1 мая 1931 г.
 - *Книга по теории вероятностей* — видимо, тогда А.Н. Колмогоровым задумывался учебник (курс) теории вероятностей, который так и не был написан для “Gelbe Sammlung”. Позднее А.Н. принял непосредственное участие в создании “Курса теории вероятностей” Б.В. Гнеденко, впервые вышедшем в 1950 г. В предисловии к этому, первому, изданию Б.В. замечает: “Первые четыре параграфа главы I являются незначительной переработкой неопубликованных рукописей А.Н. Колмогорова”.
 - *Работа, опубликованная в “Rend. Lincei”* — скорее всего, имеются в виду две статьи: (1) *Sulla forma generale di un processo stocastico omogeneo. (Un problema di Bruno de Finetti)* // Atti Accad. naz. Lincei Rend. — 1932, v. 15, №10, p. 805–808 и (2) *Ancora sulla forma generale di un processo omogeneo* // Atti Accad. naz. Lincei Rend. — 1932, v. 15, №12, p. 866–869. Русск. перевод (Л.А. Бассальяго) под общим заголовком: “Об общей форме стохастического однородного процесса (Проблема Бруно де Финетти)” в кн.: Колмогоров А.Н. Теория вероятностей и матем. статистика. — М.: Наука, 1986, с. 117–123.

15 ноября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Гёттинген, Германия)

Получил сейчас на Клязьме твое длинное письмо со всякими картинками. Твои идеи о “Математическом сборнике” кажутся мне разумными, но в “Wissenschaftliche Beirat”, кроме Бернштейна, Лузина, Виноградова, Н.М. Крылова, Чеботарева, Колмогорова и Шнирельмана, надо ввести кого-либо из механиков (например, Чаплыгина и Голубева) и Хинчина. А может быть (за счет меня или Шнирельмана), следует ввести Люстерника.

“Успехов математики” пока еще никаких нет, так что рецензию твою надо будет печатать в “Матем. сборнике” (в библиотеку сочинения Дедекинда А.И. Плеснер уже достал). Если “Успехи” все же будут существовать, то там книжная библиография будет вестись вполне систематически. Пока же бесплатные экземпляры получает от издательств какой-то нелепый библиографический институт при Ленинской библиотеке. Естественно, что в “Успехах” книги будут оставаться собственностью редакции (а референтам будут платить), а как уж это будут делать в “Сборнике” тебе лучше знать (т.е. придет Дедекинд на Клязьму и там окончательно поселится или нет).

Писание моих “Grundbegriffe” (“Основные понятия” — см. Примечание к письму от 26 окт. 1932 г.) подвигается медленно. Написаны из первой главы (Die elementare Wahrscheinlichkeitsrechnung):

Введение.

§ 1. Axiome.

§ 2. Das Verhältnis zur Erfahrungswelt.

§ 3. Terminologische Vorbemerkungen.

§ 4. Unmittelbare Folgerungen aus den Axiomen, bedingte Wahrscheinlichkeiten, der Satz von Bayes.

§ 5. Unabhängigkeit.

Особенно долго я возился с § 5, и все-таки он выглядит очень страшно. Но к этому понятию, действительно, принято слишком легкомысленно относиться. Вообще же, строгое изложение оказывается несколько более длинным, чем я думал, и я боюсь, что все 80 страниц придется потратить на разъяснение основных понятий (предполагалось же еще поместить закон больших чисел со всеми его обобщениями!).

Зато §1, §3 и §4 мне самому нравятся. В частности, §3 содержит просто табличку для перевода с языка теории вероятностей на язык теории множеств и обратно. Еще будут два параграфа к первой главе и потом основная новинка — Глава II “Unendliche Wahrscheinlichkeitsfelder”.

Посылаю тебе ряд оттисков для гёттингенцев. Какова судьба отправленных с тобой? Все они розданы и разосланы или еще лежат у тебя?

Норф у я отправил все недостающие и получил от него ряд его новых работ.

18 ноября 1932 г.

(со ст. Клязьма
в Гёттинген, Германия)

Тебе сюда прислана любопытная работка Ingebricht Johansson'a о безразмерностной топологии (может быть, создателям теории размерности это и обидно). Именно, он желает рассматривать инварианты полиэдров относительно преобразований следующего сорта:

А. Из полиэдра можно выбросить элемент E^n , имеющий с остатком пересечение в виде элемента E^{n-1} .

В. Обратно: к полиэдру можно прибавить E^n , пересекающийся с ним по E^{n-1} .

При этом сохраняются группы Бетти и фундаментальная группа. Но размерность может меняться, не спускаясь, впрочем, ниже определенной грани (эта грань есть очень интересный новый инвариант полиэдра).

Фреше написал еще нечто, чрезвычайно классическое в “Comptes Rendus”, но на этот раз получилось не очень удачно, так как предположение, которое должно быть доказано в последующем большом мемуаре, доказывается благополучно в моей рецензии в “Zentralblatt” средствами, доступными студенту первого курса (надо знать, что такое матрица, обратная к данной). Вообще же, число занимающихся, по преимуществу, случайными процессами возросло: Hostinsky, Finetti, я, Александр Яковлевич, Fréchet.

P. Lévy пока молчит, но, думаю, и он соблазнится новой областью и перестанет суммировать при помощи теории вероятностей ряды Фурье.

В Третьяковской галерее, в отделе “Искусство феодальной эпохи” выставлены:

Божия Матерь Владимирская

Божия Матерь Донская (Феофан Грек)

Троица (Рублев)

Успенье Божией Матери (Рублев)

Чин Звенигородского собора (Рублев)

Копия одной из Ферапонтовских фресок (Дионисий)

Копия фрески с ангелом из Спасо-Преображенского собора в Новгороде

Копия фрески Параскевы Пятницы (из Нередицы под Новгородом)

Положение во гроб и снятие с креста из собрания Остроухова

Божия Матерь Одигитрия (Дионисий)

и многое другое, за чем надо было бегать в Исторический музей, в собрание Остроухова, на Рижское кладбище, ездить в Сергиев Посад, в Звенигород, Новгород, Псков, Ферапонтов, Ярославль и т.д.

В остальной же Третьяковской галерее тоже выставлено много интересного, но все ... размещено тематически, то есть Репина следует искать в залах, отведенных портретам реакционной буржуазии, отражению народничества в искусстве, распаду дворянского землевладения и во многих других. Часть же ценных портретов еще перенесена на выставку “ЛИЦО КЛАССОВ”, где портреты мелкопоместных помещиков размещены на одной стене, крупных же — на другой; дальше буржуи (мелкие, крупные), финансовый капитал, и т.д.

Сегодня еще опубликовано постановление о том, что во всех учебных заведениях зимние каникулы будут с 1 по 15 янва-

Андрей Рублев. Троица

ря, а летние — с 1 июля по 1 сентября. (При этом в городе неделя шестидневная, а в деревне — семидневная.)

Вчера звонили из Госиздата с просьбой прислать предисловие к нашей книжке. Сейчас идет верстка листов. Но возникает новая опасность, что второй корректуры нам вообще не дадут. Буду говорить об этом с Выгодским. Нас редактирует Райков, но, судя по беседе с ним, ничего зловредного он там не нашел.

Вера Яковлевна утверждает, что сегодня как-то необыкновенно хорош воздух. Мы с ней были у Пелагеи Ивановны (самый угловой домик). Когда мы с тобой искали, где поселиться, он был еще пустой и без печек. Но его можно было очень дешево снять и поставить печи. В нем четыре комнаты и кухня, и все выглядит очень приятно. Живут там всё старички и старушки — один бывший управляющий пароходством Кашиной на Волге, другие — еще что-то бывшее из традиционной купеческой среды Нижнего Новгорода, но все бывали за границей, и в Ницце, и в Англии на судостроительных заводах...

Вера Яковлевна тебе кланяется.

В “Известиях” прочел еще буквально следующее:

“Институт математики и механики отправляет ряд экспедиций на Запад, в Швецию, в Цюрих и в Париж, для изучения движения вязких жидкостей, действий переменных функции и геометрии”.

-
- Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Предисловие к нашей книжке — по-видимому, речь идет об изданной в ГТТИ в 1932 году книге А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова “Введение в теорию функций действительного переменного”.
 - “Известия” — здесь имеется в виду центральная газета “Известия Советов депутатов трудящихся” (а не математический журнал).

4 марта 1933 г.

(из Днепропетровска
в Москву, Старопименовский пер.)

Думал, думал, куда же тебе писать и решил писать в Москву, а то в Смоленск не попадет вовремя.

Здесь все устроилось благополучно. Сегодня начал курс теории вероятностей. Послезавтра открываю свой семинар (он соберется всего три раза!) и еще читаю отдельную лекцию (на заседании физико-математического общества) об основах статистической механики (А.Я. будет там хвалить, но рассказывать-то я буду, естественно, о вещах, давно известных).

Вообще, план у меня таков:

4 и 5 марта — теория вероятностей;

6 марта — вводная лекция о проблеме Дирихле и заседание физ.-мат. общества;

7–10 марта — снова теория вероятностей и три раза (вечером) — семинар по проблеме Дирихле.

Обедаю я с сегодняшнего дня на стадионе “Динамо”. На сие учреждение обращается всяческое твое внимание, поскольку высота стилиа, а также и реальные достоинства его превосходят бесконечно все имеющиеся в Днепропетровске возможности. Ресторан — а речь, собственно, именно о нем — занимает круглую ротонду с окнами в два этажа со всех сторон и имеет не только чистые ска-терти, зеркала, оркестр и все, что полагается, но и, по крайней мере, сейчас порции — столь обширные, что съесть их даже затруднительно. Летом все переносится на террасу, прямо над Днепром. И цены не так уж велики.

Завтра собираюсь, наконец, кататься на лыжах (лыжи и пьексы мне принес Никольский). Сегодня же на том же стадионе “Динамо”, наряду с таким процветанием ресторана, обнаружилась “Лыжная станция” в холодном сарайчике, к тому же запертом на замок!

• А.Я. — Александр Яковлевич Хинчин.

7 марта 1933 г.

(из Днепропетровска
в Москву, Старопименовский пер.)

Математика в Днепропетровске, мне кажется, начинает, если не процветать, то укрепляться, так как здешние математики начинают сами кое-что делать.

Сейчас:

1. *Петров — очень скромный, но вполне серьезный ученик Синцова — ведет семинар с аспирантами по дифференциальным уравнениям с частными производными. Так как Никольский сделан аспирантом, то его докладами семинар, видимо, и держится.*
2. *Начинается еще семинар Тверитина по вариационному исчислению.*
3. *Мой семинар по проблеме Дирихле, кажется, не будет бесполезен. Был уже мой доклад о случаях неразрешимости (пример Лебега), будут еще два доклада (Дубровского и Тверитина), а к приезду Петровского приготовят и еще несколько.*
4. *Никольский устроил студенческий математический кружок. Сегодня там какой-то студент рассказывает о “великой теореме Ферма” (вероятно, по книжке Александра Яковлевича).*

“Личный состав” Днепропетровской математики представляется мне в таком виде:

- И.Е. Огиевецкий — не требует комментариев.
- Петров (лет 35) — частные производные, теория поверхностей и т.п.
- Тверитин (29 лет) — начитан в дифференциальных уравнениях, вариационном исчислении, хорошо знает теоретическую механику. Хочет заниматься траекториями, предельными циклами и т.п., но склонен к излишней самоуверенности и кустарным занятиям.
- Никольский (27 лет) сделан аспирантом, надеется на 1933–1934 год попасть в Москву, и в этом случае он может окончательно состояться.
- Дубровский
- Пинкевич
- Шапиро
- Аспиранты второго года обучения (за вычетом Никольского) — безнадёжны.
- Три аспиранта первого года обучения — говорят, много лучше.
- Студент 4 курса Кац — живо всем интересуется и много спрашивает. Что из него будет, пока неясно (22 года).

— Совсем отдельно есть еще некий Франк — сын профессора психиатрии — еврейского происхождения, но убежденный евангелист, выставленный из всех учебных заведений и профсоюза, однако очень ценимый в местных технических кругах.

Затем еще некий молодой человек приносил мне грамотно разработанную (по поручению “Коксохима”) теорию уравнения

$$\frac{\partial u}{\partial t} = a(t) \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}.$$

К сожалению, подстановкой $t = \int a(t) dt$ оно приводится к обычной, тепловому

$$\frac{\partial u}{\partial t} = \frac{\partial^2 u}{\partial x^2},$$

и вся обширная теория пропадает даром.

Обедаю я в “Динамо” и, по-прежнему, очень доволен. Немножко только удивителен ресторан при стадионе с подачей водки. Впрочем, кроме водки, заслуживает внимания и то, что на 8—10 посетителей имеется человек 8 официантов, 6 оркестрантов и, наконец, тут же, в зале, установлены столы для трех счетоводов (один счетовод пишет счета, подаваемые посетителям, а два других заняты уже внутренними расчетами с официантами).

Гулял, наконец, на лыжах. Снегу уже маловато, но было очень хорошо, солнечно, хотя и очень ветрено. Был в Лоцманской Каменке и в степи за ней, потом у тоннеля Мередио-Херсонской железной дороги (оказывается, Днепропетровск стоит на таких больших горах, что даже тоннель понадобился!). Очень интересно выглядят зимой овраги — стены совсем отвесные, красные и черные, а сверху нависает снег — даже страшнее Софруджи! Днепр замерз только отчасти — посреди целый свободный ото льда проток.

Александр Николаевич и Надежда Петровна тебе кланяются (он обедает в столовой СНР, а она готовит себе дома).

-
- Александр Николаевич и Надежда Петровна — супруги Динник.
 - СНР — Секция научных работников.

2 октября 1933 г.

(из Ленинграда
в Москву, Старопименовский пер.)

Приехал вчера в 9 час. утра, отыскал (не без труда) Площадь Коммунаров — бывшую Никольскую. Мое спешное письмо от 29-го не пришло и до сих пор.

У Янчевского, действительно, довольно просторно, и есть ванна с душем. Но довольно несложно снять номер и в хорошей гостинице в центре, у Исаакия.

Вчера же было томительно длинное заседание математической группы Академии. Председательствовал А.Н. Крылов, играющий в Ленинграде роль Гильберта (между прочим, и в том отношении, что ему разрешается мило шутить как по личным, так и по политическим поводам). К концу все академики разбежались, первый — Иван Матвеевич. И только Николай Николаевич все сидел и говорил (по поводу бесконечного доклада какого-то инженера из ЦАГИ): “Грандиозно... Грандиозно...”

Вечером был у Соболева. И он, и его супруга мне очень понравились. У самого Соболева есть, пожалуй, что-то общее с Van der Waerden’ом (сейчас ему 26 лет, как V.d.W. было в 1930 году). Он разумным образом работает в сейсмологическом и математическом институтах Академии Наук без какого-либо обязательного преподавания. Жена его имеет вид еще более младенческий, но уже мать двух детей (двух лет и десяти недель). Огромная комната с лепным потолком в одном из академических зданий разделена не до верху на три: в одной только обеденный стол и умывальник, в другой рояль, письменный стол и кровать, в третьей — дети.

Все молодые ленинградцы чрезвычайно уважают Гюнтера. Так и говорят, что Ленинград очень отстал, занимается только копанием в отдельных частных проблемах, но вот Гюнтер...

4-го будут доклады, мой (проблемы изображения (т.е. представлений рядами) непрерывных функций) и Лазаря Ароновича.

6-го — мой доклад по теории вероятностей.

Нас с тобой обоих просят приехать сюда в конце октября. Насколько это окончательно — не знаю.

Я вернусь 7-го утром.

Адрес Янчевского: Ленинград, Площадь Коммунаров, д. 6, кв. 25.

-
- Иван Матвеевич — И.М. Виноградов.
 - Николай Николаевич — Н.Н. Лузин.
 - Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - ЦАГИ — Центральный аэро-гидродинамический институт.

6 августа 1934 г.

(со ст. Клязьма
в Бати-Лиман, Крым)

Вчера утром был в Институте. Подано еще несколько новых заявлений в аспирантуру, в том числе от бывшего директора Гидрометеорологического института, по-видимому, идентичного с тем необычайно ответственным работником ЦК, о котором рассказывал Семен Самсонович, служивший заместителем при этом лице по научной части. Теперь этот великий муж, имеющий, впрочем, законченное университетское образование, обещает скромно заниматься аспирантской работой.

Был в нашем новом “Распределителе”. Магазин маленький и плохонький. Вывешенное в нем объявление гласит, что на третий квартал полагается: белья — 1 пара, рубашка — 1, ботинки кожаные, калоши, пальто или костюм, 5 метров мануфактуры.

В наличии было только полотно, которое я и купил.

Вечером обнаружился жар (38,1) у Цезарии Иоакимовны, и мы позвали доктора. Доктор велел лежать, принимать хинин (на случай малярии) и прочищать желудок — т.е. то, что и так можно было сообразить. Кстати, доктор этот, Николай Константинович Казанский, работает в железнодорожной поликлинике, а живет на Клязьме в собственном домике. Конечно, о его медицинских познаниях я ничего не могу сказать, но впечатление производит очень культурного и умного человека, что уже достаточно много значит. Приглашая его, я был у него дома, и домашняя обстановка тоже вполне соответствует его внешности — несколько старомодного человека интеллигентных кругов. Так что, может быть, это и полезное приобретение нашего кляземского устройства. Его профессиональные качества ждут, впрочем, твоей авторитетной экспертизы.

Докторшу же, которая ко мне приставлена, зовут Зинаида Владимировна Гурвиц. Она старается, но ее познания в медицине и опыт вызывают сомнения. В ее понимании она должна обмеривать, взвешивать, показывать терапевту, ухо-горло-носу и даже психиатру и еще писать бесконечные анкеты. Кажется, она и тебя хочет взять под свое попечение.

У Сергея Сергеевича я познакомился с Юрием Васильевичем Соболевым и вскоре же понял все его величие из следующих данных. Существует, как тебе неизвестно, наука о Чехове (чехововедение).

Так вот, оказывается, из общего числа трудов по этой науке наибольшее число (29) принадлежит Ю.В. Соболеву. Несколько отстал от него сам Антон Павлович (20 трудов), остальное же все мелко-та (выше всех Айхенвальд — 10 трудов)! Писателей же в Москве уже 700 (на 1 августа было 500), но ни Ю.В. Соболев, ни Лина Самойловна еще не приняты.

Сегодня третий день хорошая солнечная погода.
И вода в Чре очень быстро нагревается.

Подал заявление о Бати-Лимане — обещано рассмотрение к 8-му числу.

- Бати-Лиман <современное написание: Батилиман> — поселок на Южном берегу Крыма между мысом Форос и Балаклавой, а также одноименный санаторий Комитета содействия ученым (КСУ), располагавшийся в этом поселке.
- Институт — НИИ математики и механики МГУ.
- Семен Самсонович — С.С. Ковнер.
- Цезария Иоакимовна — Ц.И. Александрова.
- Сергей Сергеевич — С.С. Александров.
- Лина Самойловна — Л.С. Нейман.

13 августа 1934 г.

(со ст. Клязьма
в Бати-Лиман, Крым)

Прием аспирантов обещает дать лучшие результаты, чем я думал. Пока имеются следующие достойные кандидаты:

1. Белинский — член ВКП, бывший директор Института, научный работник, кончивший в 1931 г. математическое отделение у нас. Рождения 1905 г., сын батрака. Имеет ряд печатных работ по аэрологии.
2. Стариченко, тебе известный.
- 3 и 4. — Крамер и Даревский — наши студенты с отметкой “отлично” за дипломные работы и рекомендациями Меньшова и Привалова.
5. Мальцев, тебе известный.
6. Волковоский — приятель Гельфанда, без высшего образования (!), ассистент ВТУЗа, с восторженной рекомендацией Лаврентьева и Привалова.
7. Гнеденко (1912) — статистик с несколькими печатными работами и с очень солидным образованием. Научный работник текстильной промышленности. Кажется весьма способным.

Остальные кандидаты значительно более сомнительны. Среди них комсомолец Селевцев из Смоленского педагогического института. Что тебе известно о нем?

Вчера был у меня Коля Ньюберг. Он написал вполне приличную работу об интегральных уравнениях, нуждающуюся, впрочем, еще в некоторой отделке. С ним мы ездили на Образцовский пруд. Успехи социалистического строительства превзошли все мои ожидания! Открыт ряд новых лодочных пристаней в Буркове. Напротив, у самого Образцовского пруда построен ряд организованных купален. Но и количество катающихся и купающихся возросло неимоверно — просто негде ни стать, ни сесть.

Сегодня видел Вадима Арсеньевича. Из Ленинграда он отправился в Новгород, Валдай и на оз. Селигер, где и застрял на целый месяц. Вид у него необыкновенно цветущий и загорелый. Вместе с ним мы были у Ивана Георгиевича Петровского. Иван Георгиевич изучает теорию инвариантов и еще научился плавать.

Мы с Вадимом Арсеньевичем отправляемся (с вечера 17-го и до 22-го) на Селигер, без байдарки, в расчете на швертботы тамошней базы.

• Вадим Арсеньевич — В.А. Ефремович.

25 августа 1934 г.

(из Москвы)

в Бати-Лиман, Крым)

Я уже вернулся с Селигера и сразу закрутился с экзаменами, занимающими очень много времени. На Селигер мы еще поедem с тобой — там очень хорошо!

Кроме прежних, конкурируют еще: Е.П. Сычева (с твоей рекомендацией), Дубровский (из Днепропетровска) и еще два-три неизвестных провинциала. Сычева заявила, что она четыре года не занималась, теперь же, почувствовав, что погибает, пришла, но ничего не помнит. Все же, отметка “удовлетворительно” так же, как и у Стариченко.

Сами испытания по математике мы ведем втроем с моим постоянным участием и переменным составом из Шнирельмана, Петровского, Гливенки, Тихонова и Ефремовича. Хорошо оценены Дубровский и Крамер, и решительно провалился Селевцев. Последний никак не может сообразить, что в определении непрерывности к чему подбирается — δ к ϵ или наоборот. Блестяще экзаменовался Волковьский, очень хорошо — Мальцев.

Волковьский, впрочем, провалился по диалектическому материализму, но ему это будет прощено. Экзамены по диалектическому материализму ведет Варьяш, довольно умно, но понимает он диалектический материализм очень расширительно. В частности, один кандидат был провален за то, что не знал, в какой части планеты находится Венгрия (к счастью, математические познания этого претендента лишь немногим более высоки).

Вообще, я держусь той позиции, что настаиваю на принятии явно очень способных людей и непринятии неграмотных, и надеюсь, что все мои категорические требования (в обоих направлениях) будут выполнены без исключения. В промежуточных же случаях предоставляю возможность проявить свою активность остальным членам комиссии, оценивающим социально-общественную ценность кандидата и его знания по диамату.

В мое отсутствие Хворостин ходил (вместо меня) на заседание Совнаркома. Просидел 6,5 часов в прихожей, затем был впущен на 3 минуты для доклада. В результате с 1 января учреждается особый Институт механики. Директором предполагается или С.А. Чаплыгин или Л.С. Лейбензон.

- *Институт механики действительно, выделился тогда из Научно-исследовательского института математики и механики МГУ (и, в отличие от Института математики, существует и в настоящее время, располагая отдельным корпусом в комплексе зданий МГУ на Воробьевых горах).*

31 августа 1934 г.

(со ст. Клязьма
в Бати-Лиман, Крым)

Вчера был хороший, солнечный день, и у меня был Мальцев. Он проводил лето на стекольном заводе в лесных краях вблизи Арзамаса в 20 км от железной дороги у своего отца. Сейчас туда отправляются на время его аспирантуры (во всяком случае, на первый год) его супруга с младенцем. Она устраивается учительницей фабричной школы. Все же, желательно подыскать ему заработок переводами — я думаю, что он может хорошо их выполнять. Мальцев предполагает в ближайший год заниматься алгеброй и топологической алгеброй, но пока остается под моим руководством. Может быть, можно будет взять Куроша соруководителем? Оказалось, что Мальцев имеет, все же, кроме своих ученых свойств, и все свойства деревенского молодого человека: хорошо плавает, любит ловить раков, а карасей ловит сетями, причем бродит по воде, как полагается, в штанах и пиджаке (не у нас на Клязьме, а на реке Алатырке у своего папашки).

Сегодня же с утра был дождь и пасмурная, осенняя погода. Я все же бегал на Учу, при этом определил, что умеренный бег по лесной дорожке (т.е. самым коротким путем) занимает 10 минут, а возвращение, шагом и бегом попеременно — 14 минут.

Результаты приема в аспиранты таковы:

Приняты безусловно: Гнеденко,
Стариченко.

Приняты с досдачей диалектического материализма в январе:
Дубровский,
Волковыский,
Крамер,
Мальцев.

Приняты условно, впредь до выяснения достаточности подготовки:
Белинский.

Отклонены:

Даревский,
Сычева

и многие, явно не подготовленные провинциалы (один из таких не принятых провинциальных ассистентов рекомендован на четвертый курс университета, другой — в аспирантуру при Институте Либкнехта).

Еще не решен вопрос о Смирнове и еще одном кандидате.

Теперь к тебе как к члену Института: научная работа большинства семинаров начинается в октябре, но еще в сентябре

1. все аспиранты должны иметь вполне отчетливые планы работы на полугодие с ясным указанием, что ими сдается в зачетную сессию (указать следует не только предмет, но и книги, и главы в книгах);

2. было бы очень желательно, чтобы в семинарах распределили литературу, темы для докладов и т.д. ...

Поэтому, пожалуйста, подумай, не следует ли, с твоей стороны, поручить Кирошу или Ефремовичу те или иные шаги в этом направлении по твоим семинарам и аспирантам.

Пересматривал, в соответствии с твоим указанием, твои письма и отписки. Birkhoff'a я нашел только "Sur la démonstration directe du dernier théorème d'Henri Poincaré par M. Dantzig" из "Bull. Sci. Math." за 1918 год. Вероятно, это не то?

Об Институте Академии Наук еще почти ничего не известно. Пока заведомо приезжают лишь Виноградов, Соболев, Купрадз и Сегал. Заведомо же переходят от нас Гельфанд, Шнирельман, Лаврентьев. Вл. Ив. Смирнов — "думает". Между прочим, возник проект взять Владимира Ивановича заведовать кафедрой вместо Вячеслава Васильевича, а Вяч.Вас. перевести на персональную ставку в Институте — впрочем, это пока еще даже открыто не обсуждается. Сергей Натанович определенно обещал переехать в будущем году.

Какую тебе взять бумагу? Привозить только советскую, мне доступную, или из каких-либо неведомых твоих хранилищ извлечь голландскую?

-
- Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Сергей Натанович — С.Н. Бернштейн.
 - Институт — НИИ математики и механики МГУ.
 - Институт Академии Наук — Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР (МИАН) существует как самостоятельное научное учреждение с 1934 года, когда он официально выделился из состава Физико-математического ин-та АН, организованного В.А. Стекловым в 1921 году. "Труды" Института издаются регулярно с 1931 года. С 1932 года — года фактического отделения МИАН и по день своей кончины в 1983 г. его директором был академик И.М. Виноградов. (В годы войны, в период эвакуации в Казань, директором Института был назначен академик С.Л. Соболев.)

4 сентября 1934 г.

(со ст. Клязьма
в Бати-Лиман, Крым)

Сегодня опять чудесный день, но я все время пишу. Вечером еду в Москву. Завтра утром устраиваю свой семинар, вечером защищает диссертацию Темляков, и я делаю доклад о дальнейшей деятельности Института и задачах в связи со всеми новейшими событиями.

Завтра же буду экзаменовать Смирнова по математике. Вчера он экзаменовался по диамату, и первый из всех кандидатов получил отлично. Все, принятые нами, за исключением одного, утверждены. Еще дело идет о Даревском — может быть, его и примут.

Сегодня проверял работу Плеснера о сопряженных рядах. Изложение ужасное, все индексы перепутаны, но результат правилен: если ряд сходится на множестве A , то сопряженный ряд сходится на A почти всюду. Таким образом, эта теорема, не дававшаяся И.И. Привалову, А. Zygmund'у и многим другим, действительно доказана.

Не подумаешь ли еще о следующей моральной проблеме: общеизвестно, что руководитель, дав тему своему ученику, не должен сам заниматься ею. Но допустим, ученик категорически заявил, что поставленная проблема решается отрицательно и на этом успокоился (отрицательное решение имеет лишь внутренний интерес). После этого руководитель обнаруживает, что в действительности решение положительно. Что в этом случае ему делать?

В Одессу я думаю не ехать, и, так как считаю невероятным, чтобы ты один поехал, то ничего и не устраиваю. Впрочем, в Одессу поедет Лазарь Аронович, и таким образом они будут утешены.

Пишу тебе уже без расчета на ответ — еду 6-го, но только сегодня вечером смогу телеграфировать, с каким поездом.

• Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.

9 марта 1935 г.

(из Тифлиса

в Москву, Старопименовский пер.)

Разные наблюдения в Аджаристане.

Национальный костюм аджарцев сильно отличается от европейского, хотя и состоит из тех же элементов. На тело надевается джемпер, поверх него пиджак, ниже — красноармейские брюки и поверх них носки, подхваченные подвязками. Поверх носков на ноги надеваются калоши и привязываются к ноге веревочкой.

Вместо магазинов везде (и в Боржоме тоже) “точки” — гастрономическая точка, культтоварная точка и т.д.

В Цихис Дзири помимо домов на горках за железной дорогой есть строго одна дача на отвесной скале над морем с лестницами и террасами в скалах. На ней написано просто “Дом отдыха”, и я полагал, что он принадлежит, по меньшей мере, Наркоминделу, а, может быть, и более высокому учреждению. Оказалось, однако, что дача эта есть дом отдыха Грузинского университета, и, надо думать, что с натуральной оплатой в виде нескольких докладов туда можно вселить в октябре тебя, Норфа и других. Ранее же дом принадлежал близким друзьям Тамары Николаевны, и она в нем неоднократно жила.

Зато дом Наби Накашидзе оказался не его собственным, а казенным. Сам же Наби является лишь его управляющим, так что все мое житье у него было предприятием, которое вряд ли может повторяться неограниченно.

Более тебя может интересовать, что в зеленом леске на холмике над станцией выстроено великолепное здание санатория ВЦСПС. Санаторий открывается уже в апреле, но кто в него попадает — только ли аппарат ВЦСПС или члены всех профсоюзов — не знаю.

Во исправление данных о цветущих растениях в начале марта: больше всего везде мимоз, они растут не только в садах, но и просто у дороги. То, что я принимал за магнолии, есть японская айва (магнолии тоже цветут). А еще цветут сливы и миндаль.

Последний день (8 марта) в Батуме был сплошь солнечный, я весь день был у моря, лежал долго на солнце, дважды купался, потом гулял по горам над Чаквой и вечером уехал сюда, в Тифлис.

В поезде Тифлис—Батум, который ходит в обе стороны только ночью, кроме спального вагона, есть и ресторан. Впрочем, это вовсе не ресторан, а просто грузинский духан, где публика поет и пляшет.

-
- Тамара Николаевна — Т.Н. Николадзе.
 - ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов.

11 марта 1935 г.

(из Тифлиса
в Москву, Старопименовский пер.)

Наши тифлисские планы кажутся мне вполне реальными, так что хорошенько подумай, насколько хорошо они соединяются с иными твоими обязанностями.

Сегодня видел дома специалистов — один готовый и один строящийся. Расположены они в 20—30 минутах ходьбы от университета, в сторону от города, на пустыре. Рядом конечная остановка автобуса из центра города, к ней сейчас асфальтируется пешеходная дорожка. Длинными сторонами дома выходят на восток и на запад. С востока глинистый обрыв к Военно-Грузинской дороге, за нею сады, спускающиеся непосредственно к Куре. Отсюда до Мцхеты по асфальтированному шоссе 16 км, так что, если бы ты научился кататься на велосипеде, то и без собственного автомобиля мог бы ездить туда купаться. С запада — пустое пространство, которое в ближайшие годы будет застраиваться, и в будущем здесь будет один из основных жилых районов Тифлиса. С севера тоже пустое пространство, а с юга — окраина Тифлиса, застроенная скверными лачужками.

Сами дома специалистов производят хорошее впечатление, с большими двойными окнами, угловыми, по современной моде, и балконами. Квартыры в них из 4—5 комнат, об их внутреннем устройстве узнаю вскоре больше.

Как я уже писал, основное дело об учреждении Закавказского филиала академического института решается в Москве. Если задумывать дело расширения тифлисской математики широко, то, может быть, еще взять Куроша? Поедет ли он?

Вчера слушал доклад Л.П. Гокиели с критикой всех существующих систем обоснования математики. Все было остроумно и культурно, но не всегда совсем точно. Поэтому мы сильно поспорили о возможности (по его мнению) из принципа полной индукции вывести принцип исключенного третьего для натуральных чисел. Оказалось, что в этом вопросе он все же проврался. Предстоит еще вторая, положительная часть, которая обещает быть более тягостной (в частности, для меня, так как все явно рассчитано на то, чтобы услышать мое мнение). Позднее те же материи будут сообщаться на грузинском языке в порядке защиты диссертации, и там уже на речь, произнесенную по-грузински, я буду отвечать похвалами по-русски.

Затем я рассказывал, в порядке продолжения своих лекций, о решении уравнения Смолуховского, причем впервые оживился Николай

Иванович, который в каких-то своих исследованиях столкнулся с аналогичными вопросами и поэтому внимательно слушал и расспрашивал. Впрочем, всем очень понравилась статистическая теория спектров (Wiener, Хинчин и я), особенно, Георгадзе (физик, с которым я и до того чувствовал известный контакт) и Гогоберидзе, но также и Николаю Ивановичу. Аспиранты же очень внимательны, но совершенно непроницаемы.

Сегодня приглашен к Николаю Ивановичу обедать. Тамара Николаевна уезжает в Кутаис судить на гимнастических состязаниях, так что обед перейдет в ее проводы, и дальше, кажется даже, намечена еще внушительная программа времяпрепровождения.

Послезавтра буду под руководством проф. Амиранашвили осматривать персидские миниатюры в музее.

О московских и кляземских делах.

1. Перед отъездом я не сделал одно дело: Гаврила Кириллович очень хотел иметь для обсуждения в партийной фракции математических учреждений материал о научной деятельности А.Я. Хинчина. Ввиду выдвижения А.Я. от Математического общества вы, очевидно, поручили кому-либо составление отзыва? Напиши, пожалуйста, кому именно. Может быть, материалы этого отзыва удовлетворяют и Гаврилу Кирилловича.

2. То, что ты пишешь о “доме Станиславского” и т.п., очень интересно. Но я так и думал, что проблема превращения наших средств не так проста. Зато я думаю, что, если бы нашелся культурный продавец, желающий их получить в “непревращенном” виде, то перевод их на его имя мог бы быть вполне законной операцией (об этом надо справиться).

Обрати внимание, что коммерческая цена этого дома сильно понижается удаленностью от станции (вероятно, по отношению к аналогичным домам у станции почти в отношении 2:1, тем более, что на снос он вряд ли может быть с успехом продан).

В Москву утром отправляются из Комаровки в 6.08, приезжают в Болшево в 6.33, в Москву в 7.13 и, если положить на метро 20 минут, — в университет в 7.35, что, конечно, несколько рано. Выйдя из дому в 9.20, можно попасть в университет к 11.00 — это кажется более подходящим. Наконец, выйдя в 17.15, попадешь в университет в 19.20, что годится для вечерних лекций (и концертов). Как видишь, полная доставка демократическим способом занимает ровно 2 часа. Другой возможный, господский, вариант (предполагающий закрепленное право на автотранспорт КСУ раз в шестидневку

или, что, вероятно, тоже осуществимо, постоянный уговор с каким-либо местным жителем), боюсь, при неаккуратности такого транспорта, будет даже и дольше.

3. Делается ли мой шкаф у Петра Алексеевича?

-
- *Николай Иванович* — Н.И. Мухелишвили.
 - *Тамара Николаевна* — Т.Н. Николадзе.
 - *Гаврила Кириллович* — Г.К. Хворостин.
 - *Петр Алексеевич* — П.А. Капков.
 - *“Дом Станиславского”* — имеется в виду дом в Комаровке, купленный позднее в том же году (этот дом ранее принадлежал сестре К.С. Станиславского, А.С. Алексеевой).
 - *Выдвижение А.Я.* — по-видимому, речь идет о выдвижении А.Я. Хинчина в чл.-корреспонденты АН СССР на выборах в июне 1935 г. (избран в 1939 г.).
 - *КСУ* — Комитет содействия ученым.
 - *Сегодня видел дома специалистов* — по свидетельству Э.В. Хмаладзе, сейчас этот район Тбилиси изменился неузнаваемо. Старожилы еще помнят открытые поля на левом берегу речки Вере; пустырь, который упоминает А.Н., оставался незастроенным до начала 50-х годов. Война отодвинула планы строительства, и в военные и первые послевоенные годы на этом пустыре роилась известная всем тбилисцам толкучка, где можно было за старинный книжный шкаф выменять несколько кусочков хозяйственного мыла. Постепенно пустырь застроился, и, в первую очередь, академическими институтами и корпусами Грузинского Политехнического. Большая новая площадь обнимает Дворец спорта и гостиницу “Абхазети”. К северу и, еще больше, к западу город развился чрезвычайно. Спуститься к Куре можно по небольшой уютной улочке Готуа, мимо знаменитого Научно-исследовательского комплекса по производству бактериофагов и вакцин, мимо Института биофизики и молекулярной биологии, мимо Института физиологии, а дальше набережная переходит в Военно-Грузинскую дорогу, ведущую в Мцхета. Не доезжая Мцхета — водохранилище, где сливаются “струи Арагвы и Куры” — его и предлагал А.Н. как лучшее место для настоящего купания. Берега его теперь очень живописны, густо поросли ивами.

Новое здание Института математики им. А.М. Размадзе Грузинской Академии наук так же, как и Институт вычислительной математики, носящий имя Н.И. Мухелишвили, примерно в четверти часа ходьбы от этих “Домов специалистов”. Вообще, теперь это не только один из центральных, но и самых престижных районов грузинской столицы, и только название его — Сабуртало — что означает “место, где гоняют мяч”, напоминает о времени, которое описывает А.Н. Колмогоров.

12 марта 1935 г.

(из Тифлиса
в Москву, Старопименовский пер.)

Вчера за обедом у Н.И. Мухелишвили были представлены все три профессора, населяющие квартиру Николая Ивановича: он сам, историк Полиевктов и грузинская женщина-химик с труднопроизносимой фамилией. Так что, все великолепие столовой площадью метров в 80, плиты, размером с целую комнату, и т.д. все же делится между этими тремя высокими персонами. После обеда Николай Иванович со своим сыном занимался монтажом игрушечных электромотора, подъемного крана и т.п., Тамара же Николаевна беседовала с гостями. Т.Н. познакомила меня с лучшей альпинисткой и с лучшей гимнасткой Грузии. Обе эти изящные девицы (и, действительно, грузинки) почему-то очень мало похожи на лучшую лыжницу Грузии Таню Селезневу (по прозвищу Танк), и, при всей их привлекательности, у меня поэтому имеются сомнения, признано ли официально их первенство.

Теперь о делах.

1. Киев. Орфография Граве мне кажется безукоризненной. Если он пишет “Дом Академиков”, тогда большое “А” относится к единственному в Киеве дому с этим именем. Менее корректно было бы “дом Академиков”, так как в этом случае большое “А” уже приходится делить между всеми академиками.

Единственное, что меня смущает в Киевском проекте, это твое упоминание четырех свободных месяцев (а не пяти). Если два из них ты будешь занят в Москве, то остаются уже только два, а ты и сейчас привык, по меньшей мере, к трем. Просить пять месяцев отпуска, конечно, трудно, но следовало бы просто указать, что, помимо обычных двух месяцев отпуска, мы предполагаем проводить еще три месяца в Москве и других городах.

2. Москва. Из подмосковных планов реально перенесение какого-либо дома и последующее строительство (особенно, при 6 000 р. от М.С.) и, с другой стороны, “дом Станиславского”. Я не думаю, чтобы тебе стоило сейчас заниматься дальнейшими поисками в других направлениях. Дом же Станиславского, если при этом будет, действительно, высокий “кооператив персон”, лишается некоторой доли романтичности, но с более серьезной точки зрения, кажется мне обладающим многими важными преимуществами (и с чисто субъективной стороны для меня этот план имел бы некоторую, хотя и почти невесомо большую привлекательность,

чем строительство на Клязьме). А может быть, “кооператив персон” заведет себе собственный автомобиль? (Стоит это всего 4 500 р., а право на приобретение М.Ф. Андреева должна выхлопотать.)

3. Тифлис. В доме специалистов (он будет готов к осени), оказывается, имеются только 3-х и 4-комнатные квартиры, а две трехкомнатных, при возможности обойтись одной, тифлисцам, видимо, жалко. Но весьма вероятно, что они придумают какой-нибудь выход. Купаться можно:

а) в Куре выше города (т.е. как раз у дома специалистов, где не только чище, но и нет всякой металлической гадости;

б) в бассейнах: летний бассейн, сооруженный сейчас, никуда не годится, но строится (и к весне 1936 г. будет, несомненно, готов) другой, большой, на другом берегу Куры, против того же дома специалистов (но так как моста здесь нет, то до него минут 30–40);

с) в озере Лисис-Тба, в 3–4 км от дома специалистов, за городом;

д) в Мцхете, в огромном и прекрасном озере, в 17 км по асфальтированному шоссе (автомобиль? велосипед?).

Независимо от “больших планов” все (Тамара Николаевна, а следовательно, и Николай Иванович, а также менее ответственные лица) приглашают нас в октябре в Цихис-Дзири.

Читал ли ты в “Докладах Академии” представленное академиком Н.Н. Лузиным новое обоснование теории вероятностей, исходя из теории академика Павлова (автор Н.Н. Романов)? Французское резюме, вероятно, написано самим Николаем Николаевичем.

Храм Светицховели во Мцхета
(древней столице Грузии), 1021–1029 гг.

24-го я обещал выступать в диспуте по поводу диссертации Л.П. Гокиели, поэтому я заказываю себе билет на 25 марта, с тем, чтобы приехать в Москву, на Октябрьский вокзал, 28-го (в 18.05). Имей в виду только, что тифлисский поезд часто сильно запаздывает.

Впрочем, со сроками ты все напутал: ты убедил Веру Яковлевну, что лекции мои кончатся 12-го, тогда как кончатся они 16-го марта, в 11 часов вечера. В промежутке до 24-го уезжаю в Бакуриани без больших туристических планов, с наймом комнаты в частном доме и умеренными научными занятиями по вечерам. Может быть, по дороге еще все же загляну в Кинцивиси.

Николай Иванович приедет в Москву или вместе со мной, или на несколько дней позднее, так что заранее ничего решить о наших планах нельзя.

Еще одно дело.

Мне должны были прислать из Военкомата повестку о явке для перерегистрации. Я опоздаю на законном основании (командировка), но повестку (если она была), пожалуйста, сохрани. Меня и так не оштрафовали только из уважения к профессорскому титулу.

17 марта 1935 г.

Продолжение

(из Тифлиса

в Москву, Старопименовский пер.)

Сегодня еще лежит снег, но светит солнце, и все блестит ослепительно. Занимался приведением в порядок лыж (пропитывал их дегтем и т.д.) в кухне Ник. Ив. при деятельном участии его сына. Квартира Николая Ивановича, собственно говоря, есть квартира Николадзе — здесь было основано Географическое общество Грузии, и при жизни Н.Г. Николадзе оно обычно и заседало здесь же. Еще она называется “Гановский университет” по названию улицы Гановской (теперь переименованной в ул. А. Церетели).

Мой отъезд отсюда окончательно определился — 26-го, а не 25-го, так что приеду я 29-го вечером (тебе, наверное, даже удобнее, т.к. 29-е — пятый день, и ты как раз освобождаешься). Дело в том, что, как я писал тебе, 24-го защита диссертации Л.П. Гокиели (потом соответственный торжественный обед), 25-го же вечером — заседание Института с докладами Харадзе и моим.

Вчера читал заключительную лекцию — к концу слушатели несколько оживились (впрочем, только старшие, т.е. Николай Иванович, Харадзе, Векуа, Георгадзе). Новое доказательство теоремы Лапласа—Ляпунова Харадзе даже записывал, а именно им курс и был закончен (впрочем, доказательство есть в новом издании С.Н. Бернштейна).

Вчера же слушал второй доклад Левана Петровича. Все же обнаружилось полное отсутствие привычки к строго логическим рассуждениям. Обычен такой прием: дается доказательство теоремы А, опирающееся на аксиому В, и заявляется, что и сама теорема А существенно зависит от признания аксиомы В. Я тут же привожу доказательство, не опирающееся на аксиому В, но получаю ответ: “Ведь я же показал, что для доказательства теоремы А употребляется аксиома В, а искусственный обход ее не меняет дела”. К счастью, на диспуте все, кроме меня, будут говорить по-грузински, так что мне останется просто произнести что-либо об общих задачах и важности обоснования теории множеств.

Только что получил твое письмо от 12 марта. Твои новости о Льве Абрамовиче, как о нашем декане, очень интересны. Также интересует меня, о чем совместно с тобой будет писать в юбилейном сборнике В.Ф. — я думал, что он будет писать о факультете в качестве декана.

Что касается конференции, то имей в виду, что Фреше надо посылать приглашение на конференцию и чтение лекций, а то он человек мнительный и может подумать, что приглашение на конференцию отменяет приглашение на чтение лекций.

Привинтил ли тебе П.А. лыжные крепления? Удобны ли они? А то я буду страдать от угрызений совести при катании на лыжах.

Только сейчас обнаружил, что у меня в трамвае вытащили часы, и я даже полагаю теперь, что вполне определенные молодые люди, со мной беседовавшие.

-
- Николай Иванович — Н.И. Мусхелишвили.
 - Тамара Николаевна — Т.Н. Николадзе.
 - М.С. — Михаил Сергеевич Александров.
 - Вера Яковлевна — В.Я. Колмогорова.
 - Лев Абрамович — Л.А. Тумаркин.
 - В.Ф. — Вениамин Федорович Каган.
 - П.А. — Петр Алексеевич Капков.
 - Новое издание Бернштейна — по-видимому, имеется в виду вышедшее в 1934 г. 3-е издание “Теории вероятностей” С.Н.Бернштейна (ГТТИ, М.—Л.).
 - Юбилейный сборник — по-видимому, готовился сборник статей, посвященный 180-летию Московского университета (см., например, письмо П.С. Александрова от 21 сентября 1935 г.).

20 марта 1935 г.

(из Бакуриани, Грузия,
в Москву, Старопименовский пер.)

Вчера после солнечного утра пошел мокрый снег. Поэтому после обеда все время занимался. Кажется, удастся вывести новые дифференциальные уравнения для случайных функций, распределения которых внутри области при заданных значениях на границе не зависят от значений вне области. Это будет существенным расширением моих основных результатов ("Math. Ann.", 1931), если, конечно, что-либо действительно выйдет.

Сегодня снег и туман, но уже -4° . Ходим по лесу вдоль 15-километровой "дистанции" (дорожки, проложенной для состязаний). В лесу, сосновом и буковом, и сегодня очень хорошо. Видел два озера в сосновом лесу, километрах в четырех от Бакуриани. Конечно, сейчас они покрыты снегом, но, по-видимому, летом очень хороши. Может быть, именно здесь следует соорудить маленький Гусье-Песий домик в дополнение к большому, Тифлисскому (и еще второй маленький в Цихис-Дзири).

У меня сейчас надежно отдельная комната, однако с завтрашнего дня дом официально закрывается, и немногочисленные остающиеся не знают еще, будут ли их кормить.

Сегодня уехала Сельма Ивановна Бильхен — впрочем, с ней я еще увижусь в Тифлисе. Это полунемка — полунорвежка, приехавшая в Москву из Германии и кончившая Московский университет в 1928 году по специальности этнограф. Кроме того, она очень хорошая альпинистка и лыжница. Живет она в Тифлисе, где занимает одна небольшой домик. Очень любит хевсурцев и сванов, о грузинской же интеллигенции отзывается с некоторой враждебностью, как об обладающей лишь формальной любезностью и внешней культурностью. О своем переезде из Москвы в Тифлис в 1928 г. очень сожалеет и селиться в Тифлисе не советует. Очень жалуется также на нестерпимый грузинский национализм. В этом, последнем, она, отчасти, права... В остальном же, самое ее существование убеждает меня в обратном — а именно, в возможности найти в Тифлисе достаточно интересное общество, состоящее не из одних грузин.

Здесь, кроме меня, сейчас остались в большом числе киноработники (их 8), продолжающие съемки, и при них Миша Шевчук, знакомый мне по первому приезду в Бакуриани лыжник. Во время Всекавказских соревнований в "слаломе" (спуске с горы с поворотами) победил близкий знакомый Т.Н. Николадзе альпинист Гвали со временем 61 секунда. Шевчук же, вне конкурса, спустился за 46!

Еще одного человека я до сих пор не замечал в Бакуриани, так как он мало показывался и молчалив. Это Вернер — славный молодой немец, работавший в феврале инструктором в здешней лыжной школе, а теперь отдыхающий и занимающийся фотографией.

В Тифлис возвращаюсь 23-го вечером. К описанной прежде программе добавляется 25-го утром (в случае хорошей погоды) поездка в Бетанию и вечером визит к С.И. Бильхен. Утром 26-го отношу букет цветов Тамаре Николаевне и подвергаюсь проводам в Москву. Приезжаю 29-го в 18^h05' (фактически, обычно поезд приходит с большим запозданием) на Октябрьский вокзал.

В Бакуриани

-
- “Math. Ann.”, 1931 — имеется в виду ставшая классической статья “Über die analytischen Methoden in der Wahrscheinlichkeitsrechnung” (Math. Ann., 1931, Bd. 104, S. 415–458). Рус. пер.: Об аналитических методах в теории вероятностей // УМН. — 1938, вып. 5, с. 5–41. Оpubл. также в кн.: Колмогоров А.Н. Теория вероятностей и математическая статистика. — М.: Наука, 1986, с. 60–105.

23 марта 1935 г.

(из Тифлиса
в Москву, Старопименовский пер.)

Два последних дня в Бакуриани погода была неудачная — не переставая шел снег. Правда из-за такой массы снега получился совсем новый пейзаж, сходный с Harz'ем.

Ходил под снегом и в тумане по десятикилометровой “дистанции”. Вчера все же спустился в Цагвери вдоль шоссе (14 км при 800 м разницы уровней). Это — прогулка для тебя: лыжи катятся сами, и нет никаких трудностей. Кругом лес, внизу, в ущелье, речка.

В Цагвери завтракал и потом отправился за 3 км в Тимотес-Убани. Дорога среди нависших скал очень красива, только в этот раз на них не было снега. В этом Тимотес-Убани имел разговор с учительницей, миловидной грузинкой, достойный того, чтобы быть приведенным дословно. Я спросил ее, где здесь старинная церковь. Ответ: “Новый учительница не должны это знать!” Однако после объяснений о необходимости изучения памятников старины

Церковь в Тимотес-Урбани

было сказано: “Там, на гора!” и указано ручкой на уже видный вдаль купол.

Сама церковь расположена на горке в лесу и очень хороша. Впервые увидел грузинскую архитектуру XII века совсем без переделок и позднейших наслоений. Фрески тоже очень хороши и гораздо интереснее Шио-Мгвиме. Потом побродил, уже на лыжах, по соседним холмам и вернулся в Цагвери, где обедал. Возвращался в Бакуриани поездом.

Сегодня первый весенний день, в нашем смысле: облачно с резкими прояснениями, тает, тянет весенним, влажным воздухом, и небо бледно-голубое, а не интенсивно-синее, как здесь полагается. Пока ехали в поезде, совсем прояснилось, и теперь светит солнце.

Смотрел еще из вагона поезда, где тебе купаться в Куре. По-видимому, немного выше города есть уже совсем хорошие места с быстрым течением, но не таким, как в городе, а вроде Дуная под Ульмом.

Фреска на западной стороне церкви

Закавказский филиал Академии Наук расформировывается в три: Грузинский, Армянский и Азербайджанский. Но, по мнению Николая Ивановича, каким-то образом $1/3$ от этого целого должна сделаться лишь больше целого, а отнюдь не меньше. Очень возможно, что такая диалектическая арифметика и справедлива. Возможно, впрочем, по математике может остаться и то или другое общезакавказское учреждение (институт или его филиал).

Насколько я понимаю из твоего письма, 29-го никакого Математического общества не будет, ты свободен, и мой приезд в этот день вполне разумен.

• Николай Иванович — Н.И. Мусхелишвили.

29 июля 1941 г.

(из Комаровки
в Казань)

Вчера, наконец, пришла от тебя телеграмма из Казани. Ваш адрес — Академическая ул., д. 22, кв. 1 — выглядит весьма солидно и означает, по-видимому, достаточно хороший дом. Мне не ясно только, дана в нем одна комната на всех или все же две.

Я торопился закончить все свои дела к субботе, 26-го, так как на этот день обещали еще один вагон для Академии Наук. Однако этот вагон отменили ввиду переполнения Казани. Я решил подождать приезда Отто Юльевича, который попадет в Москву сегодня или завтра. Разъехаться с ним было бы очень досадно.

Приехал ли к вам Сергей Натанович? Здесь говорят, что из-за этого переполнения Казани вторая очередь академических учреждений (в том числе, и Математический Институт) поедет не в Казань, а в какой-либо другой город. Но если Сергей Натанович уже в Казани, вместе с Александром Яковлевичем, мне, быть может, разумно будет просить о переводе моего отдела (т.е. Н.В. Смирнова и Е.Е. Слуцкого) в Казань, а вычислители могут быть наняты уже в Казани.

Надеюсь, что библиотека Казанского университета и Казанского математического института никуда из Казани не уедут (они не так плохи). Уже с общеакадемической точки зрения было бы очень важно, чтобы туда же попала и университетская типография.

Может быть, впрочем, дело будет идти лишь о размещении оставшихся институтов где-то рядом с Казанью — в Свяжске, Зеленом Доле — тогда особых трудностей с повторным переездом для нас не возникнет.

В Университете тоже возобновились разговоры об эвакуации в более широком составе. В качестве возможного места назначения называют даже Елабугу. Но окончательных решений пока не принято. Во всяком случае, основным работникам университета (в том числе, Курошу и Боре) твердо сказано, что они университету нужны (в Москве ли, в эвакуации ли).

Как и следовало ожидать, основным видом разрушений от бомбардировок в Москве являются выбитые стекла. Выбиты они и у нас с Линой Самойловной. В твоей комнате вывалились даже рамы (были очень слабо закреплены). Окна сейчас заделываются,

большей частью, фанерой. Лина Самойловна сначала очень испугалась, но сейчас ей уже вновь не хочется уезжать, и она ищет себе комнату в пригородной зоне, с тем чтобы жить там и приезжать в Москву.

С зажигательными бомбами научились управляться так хорошо, что их уже никто не боится. На их сбрасывании и тушении специализировались Боря, Мальцев, Коля Селиверстов и многие другие. Деятельность эта, однако, не из особенно приятных, так как кроме зажигалок сыплются осколки зенитных снарядов, а немцы стреляют по крышам из пулеметов. Впрочем, из наших знакомых пока никто не пострадал.

Уполномоченный президиума АН академик Никитин издал приказ по Академии, запрещающий пускать академиков на крыши. Сергей Львович очень гордится тем, что он, как капитан корабля, остался при Институте в Москве.

В Комаровке достаточно спокойно, только Владимир Иванович во время бомбардировок бежит по саду за Марианной Михайловной, чтобы затащить ее в убежище (наше, так как своего он не вырыл). Я ухажу спать за закрытыми ставнями, но Марина все тревоги проводит на балконе (что защищает ее от зенитных осколков) — говорит, что ей страшно, когда она ничего не видит. Боря приезжает в ночи, свободные от дежурств, а Наташа — на каждую ночь. С Наташей и Мальцевым (который один раз ночевал у нас) мы плавали в воскресенье на Образцовский пруд. Варвара Яковлевна приехала в субботу и вчера, несмотря на все уговоры, уехала в Москву. В Москве она не спускается во время тревоги в убежище, а сидит у себя в комнате, чем очень нервнрует всех соседей. Даже Коля Селиверстов, который как инженер руководит охраной Ленинской библиотеки и много времени во время налетов проводит на ее крыше, говорит, что ему было очень страшно, когда он попробовал провести тревожную ночь в своей кровати.

Свои вычислительные работы я кончил благодаря Кишкиной и Шимбиревой, сохраняющим полную жизнерадостность и работоспособность (Шимбирева еще и отличилась в тушении бомб!). Чамова нервничает, что ее не берут в Казань, и считает плохо, а Ефименко вообще перестала работать по моей теме. Неожиданно сбежал заведующий издательскими делами Университета, и теперь я безрезультатно ищу свою рукопись и оттиски уже отпечатанной

работы. Однако и без заведующего типография продолжает печатать последнюю работу Бебутова. Академическое издательство продолжает работать нормально.

Вообще, в Москве все действует без заметных перебоев (телефон, электричество, водопровод и пригородное сообщение). В Доме ученых кормят по-прежнему хорошо, только очень долго приходится ждать. Когда метро закрыто в связи с тревогой, а трамваи переполнены, трудно добраться до вокзала. Но я обнаружил, что от нашего дома до вокзала всего сорок пять минут ходьбы! Неприятно только вечером из-за перспективы, что начнется тревога и на всю ночь загонят в убежище. Но если уже сядешь в поезд, тут и беспокойство кончается, так как поезда ходят и во время тревоги.

Я провел в Москве только одну ночь — спокойно спал в очень хорошем убежище Института физических проблем, играл с Петром Леонидовичем в шахматы.

Разобрал все твои бумаги и убрал в сундук все твои топологические оттиски. Книги в холодную комнату уберет Марина уже без меня.

-
- Летом 1941 г. Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР был эвакуирован в Казань (обязанности директора Института были возложены на акад. С.Л. Соболева). С первой очередью в Казань выехали П.С. Александров со своей матерью и сестрой, а также тетушка А.Н. Колмогорова В.Я. Колмогорова. Объединенное семейство поселилось в квартире казанского аптекаря А.А. Вильде, предоставившего в их распоряжение две комнаты общей площадью в 45 кв. метров.
 - *Отто Юльевич* — О.Ю. Шмидт.
 - *Сергей Натанович* — С.Н. Бернштейн.
 - *Александр Яковлевич* — А.Я. Хинчин.
 - *Боря* — Б.В. Гнеденко.
 - *Наташа* — Н.К. Гнеденко.
 - *Лина Самойловна* — Л.С. Нейман.
 - *Сергей Львович* — С.Л. Соболев.
 - *Владимир Иванович* — В.И. Козлинский.
 - *Марианна Михайловна* — жена В.И. Козлинского.
 - *Петр Леонидович* — П.Л. Капица.

4 августа 1941 г.

(из Москвы
в Казань)

В пятницу, 1 августа, приехал О.Ю. Шмидт, и в субботу я с ним разговаривал. Чего-либо определенного об эвакуации Института он сказать еще не мог. Несомненно лишь, что в случае эвакуации Институт поедет именно в Казань, но возможно, однако, что и останется в Москве.

В пятницу же начались занятия в университете. Моя первая лекция (теория вероятностей) назначена на ближайший четверг, мой специальный курс начнется с сентября. Тебе можно поручить аналитическую геометрию (с 1 сентября) и какой-либо специальный курс (топологию?). Вызов в Москву для разрешения на въезд тебе можно получить.

Вскоре (может быть, даже в этот четверг или пятницу) выеду в Казань с возвращением в Москву до 1 сентября. Теорию вероятностей поручу на это время Боре.

Воздушные тревоги в Москве стали реже и короче. В Комаровке спокойно, по-прежнему. Вчера с Гнеденками, Мальцевым и Никольским плавали на Образцовский пруд. Никольский отправил жену, сына и тестя на Урал и теперь чувствует себя спокойно. Правда, кроме пожарных дежурств (раз в три дня) ему поручили еще заменять завхоза по Институту.

Приезжал Алиханов и ночевал у меня в Комаровке. Их институт еще в Ленинграде. В Казань, вероятно, поедет не весь институт, а лишь отдельные лаборатории. Алиханов пробудет в Москве еще довольно долго. Просил передать тебе привет.

Еду сейчас в Москву, оттуда отправлю тебе телеграмму и справку о карточках для Веры Яковлевны.

От тебя пока, кроме одной телеграммы, ничего нет.

-
- Боря — Б.В. Гнеденко.
 - Алиханов Абрам Исаакович — работал тогда в Физико-техническом институте АН СССР (в Ленинграде).

23 марта 1942 г.

Нескучный дворец

(из Москвы
в Казань)

Вчера в половине десятого на Казанском аэродроме обнаружилось, что подлетает самолет из Свердловска, на котором четыре свободных места. Провожавший меня Сегал сообщил, что два из этих мест даются Академии Наук, а два другие — некоему фронтовому офицеру, везущему в Москву двух своих детей, оставшихся без призора в Казани после смерти их матери. Бедной Ольге Сергеевне было обещано отправить ее ближайшим следующим самолетом. Мы с Николаем Севастьяновичем связали наши чемоданы ремнями, перекинули их через плечо и отправились к посадке. В самолете все было заполнено ящиками с грузами, через которые пришлось перелезть, чтобы добраться до своих мест.

Полет зимой над Русской равниной — вещь еще более однообразная, чем летом. Зато солнце грело так, что на крыльях таял иней. В Москве нас неожиданно высадили прямо в аэропорту на Ленинградском шоссе, а не где-либо далеко за городом, как теперь часто делают. Внезапное перенесение в Москву после пятимесячного отсутствия и было единственным заметным впечатлением от всего перелета. Ходить вновь по улицам Москвы было неожиданно и приятно.

Из-за воскресного дня наладить связь с Академией удалось не сразу. Прилетели мы в половине третьего, а только в шестом часу, случайно, в Доме ученых я встретил Файланда и на его машине отправился в аэропорт за вещами.

Условия жизни в Москве для меня создаются вполне хорошие. Получил прекрасную комнату в нижнем этаже Нескучного дворца с кроватью и чистым бельем (производится также тщательная уборка, и утром дается хороший чай). За окном уголок двора и Нескучного сада. По утрам и вечерам полная тишина. Температура около 18°. В Доме ученых тоже тепло и обеды на вполне довоенном уровне. Там же можно получать по карточке хлеб на весь день и “холодный паек” (из чего он состоит, еще не знаю) для утренних и вечерних трапез. С апреля ждут настоящего академического пайка.

Вчера же был у Варвары Яковлевны на Трубниковском, где отключены свет, вода и отопление. Ольга Яковлевна переехала к Кате, Варвара же Яковлевна пока не соглашается переезжать (хотя у Кати две теплых комнаты) — кажется, ее все же уговорят.

Затем был у Селиверстовых — у них тепло и довольно благополучно.

Вечером, после того, как привез вещи, отправился к Михаилу Сергеевичу, которого застал в постели с желудочной интоксикацией. Лидия Алексеевна поила меня чаем. Кроме этой интоксикации, у них, по-видимому, все благополучно. Письма передал.

Возвращался пешком в лунную ночь, с большим удовольствием. После Казани Москва выглядит величественно и строго.

Сегодня утром делал разные мелкие дела, звонил по разным телефонам и принимал разных людей. Среди дня был в университете. Канцелярия нашего факультета помещается под Коммунистической аудиторией (где был штаб ПВХО), там же сидит И.О. декана — молодой механик Герасимов. На факультете около 100 студентов, занятия идут на всех четырех курсах. Кроме известных уже тебе Глаголева, Гребенчи, Финикова, Россинского и Кудрявцева, лекции читают еще Хлодовский, Романовский, Демидович. Упражнения ведут Папуш и Чебан. Семестр идет с 1 февраля и продолжится до 1 августа. Нам с тобой, оказывается, был выслан целый ряд телеграфных запросов, и все, увидев меня, решили, что я приехал по их вызову. Разговаривают о деканстве Глаголева, но он еще не дал согласия.

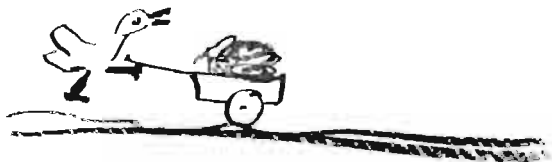
Решено, что для тебя будут хлопотать о самом срочном вызове. Я открою спецсеминар по анализу (организационное собрание послезавтра утром) и в случае, если найдутся подготовленные слушатели, начну курс теории стрельбы. Читать курс теории вероятностей не для кого, так как на третьем курсе только один математик, а для механиков теорию вероятностей сняли (осенью я читал ее для всех вместе). Поскольку семестр кончается 1 августа, планируется, что я буду вести занятия до начала мая и затем, во второй приезд, с середины июня и уже до конца семестра. Если не будет нового приема, что вполне возможно, то, вероятно, тебе можно будет дать и анализ. Орлов должен приехать из Ашхабада в ближайшие дни. Будет разговор и о тебе в качестве декана, но пока трудно сказать об этом что-либо определенное.

Нам в расписании поставлены: теория вероятностей и теория стрельбы — для меня, спецкурс — для тебя и спецсеминар — для нас вместе. Идея, что тебе следовало бы поручить чтение основных курсов на младших семестрах, кажется Герасимову и Ильюшину правильной — только с ними я виделся, и они, видимо, наиболее основательно занимаются факультетом. Но сейчас эти курсы уже давно читаются (аналитическая геометрия — Глаголев, анализ —

Гребенча и Хлодовский, алгебра — Туркин, уже вызывающий неудовольствие). Т.Ф.Д.П. читает Романовский, а Туркин читает еще уравнения математической физики. Из механиков здесь есть еще Булгаков — серьезный и приятный человек и хороший ученый.

После университета прошелся по ул. Горького. Обнаружил, что кафе “Националь” закрыто, а все центральные рестораны обслуживают только прикрепленных к ним лиц. Обедал в Доме ученых, беседа с Вольфовичем (живущим в “Национале”). Затем в АН занимался разными делами.

С артиллеристами из Арткома увижусь завтра, а в Комаровку думаю поехать послезавтра (после семинара в университете). Поезда туда ходят по расписанию, каждые час—полтора. Разрешение на проезд мне готовят. Может быть, еще зайду к Сергею Сергеевичу.

-
- Николай Севастьянович — Н.С. Державин; Ольга Сергеевна — его жена.
 - Аэропорт на Ленинградском шоссе — аэропорт внутри Москвы, на так называемом Ходынском поле (ныне — Ленинградский проспект, метро “Аэропорт”).
 - Нескучный дворец — так А.Н. называет здание Президиума АН СССР, размещавшееся в б. Нескучном дворце.
 - Катя — скорее всего, жена П.С. Кузнецова.
 - Селиверстовы — Александр Николаевич и Нина Васильевна — родители друзей А.Н. по гимназии Николая и Глеба Селиверстовых.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров; Лидия Алексеевна — его жена.
 - ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона.
 - Сергей Сергеевич — С.С. Александров.
 - Т.Ф.Д.П. — сокращение от: теория функций действительного переменного.

27 марта 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Все еще занят непрерывно в Москве разными делами — от Арткома и издания “Докладов” и “Сборника” до своих продовольственных карточек, прописки и т.п. Вселяюсь в наши комнаты на Старопименовском, где +5° (свет есть, канализация действует), но сохраняю в Академии кабинет с возможностью там ночевать.

Провел первое собрание семинара по анализу (геометрия функциональных пространств), но будет ли он жизнеспособен, не знаю.

Вчера заходил к Штеккерам. Они очень много говорят о своих бедствиях. Екатерина Дмитриевна, действительно, сильно осунулась, но живут они со вкусом, в тепле и с двумя собаками. Георгий Андреевич варит кофе с прибавкой какао (так он находит особенно вкусным) и разрисовывает масляной краской свою ванную комнату, превращая ее в “сад чудесный Парадиз”, где Ева соблазняется змием и сделаны надписи славянской вязью.

Действительно плохо на Трубниковском у Варвары Яковлевны, где нет ни света, ни воды, ни канализации, и недавно было в комнате 7° мороза.

Получил в Доме ученых продовольственный паек за апрель, в отличие от Казани, с точной калькуляцией (на 153 р. 23 к.).

Непосредственные перспективы моего житья в Москве, в смысле помещения и питания, остаются благополучными. От мартовского пайка и казанских продуктов еще кое-что осталось, и денег у меня достаточно (накопилось на сберкнижке, и еще будут вскоре получения по университету).

Твой вызов в Москву направлен на подпись к наркому просвещения.

-
- *Штекеры* — Георгий Андреевич Штеккер и Екатерина Дмитриевна Штеккер (Четверикова).
 - *Варвара Яковлевна* — В.Я. Колмогорова.

4 апреля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Моим ожиданиям, что на этой неделе период въезда в Москву и устройства дел закончится, не суждено было сбыться.

Вчера в 8 часов утра я взял в Академии машину и с великой важностью отправился на ней со своим чемоданом из Нескучного — переселяться на Старопименовский, где все к моему приезду должно было быть вымыто-вычищено Бадизель Джамелью. Однако на двери я увидел пломбу! Страшно разозлился на какие-то очередные фокусы домоуправления и направился туда. Но по пути мне встретилась Анна Рафаиловна Постникова (богомольная старушка из квартиры №1, которая хорошо знакома с Линой Самойловной и мне покровительствует), которая и объяснила мне, что ночью в нашей квартире случился пожар. По-видимому, Бадизель Джамель выгребла из печки не вполне сгоревшие угли в деревянный мусорный ящик. Сгорел разный хлам в кухне, прогорел пол, загорелись косяки дверей, и вся квартира наполнилась таким дымом, что почернели снаружи даже книги и журналы в ящиках моего стола! Самое же страшное, что дым и угарный газ прошел в квартиру над нами (№7), и там две женщины угорели насмерть! Правда, такая их бесчувственность к запаху гари, говорят, объясняется веселыми именинами одной из них, справлявшимися накануне, но это обстоятельство вряд ли существенно после их смерти вспоминать. Заметили же пожар с улицы, когда пошел дым из окон. Пожарные взломали переднюю дверь и все быстро потушили.

Бедную Бадизель отвели в МУР, и ожидается следствие. Я ходил в милицию, но от меня никаких показаний не приняли, так как следствие будет вести не милиция, а уголовный розыск. Высказывают предположение, что ничего страшного с Бадизелью не случится. Кто-то из толпившихся в квартире (пожарные?) утащил у меня продукты, лежавшие между рамами, но карточки целы.

В полном расстройстве я соорудил временный запор на двери, перенес привезенные вещи к А.Р. Постниковой и уехал сюда.

В Москве буду теперь в понедельник, 7-го, в Университете и Артеме.

Событие с пожаром, угорением и судьба Бадизель, которая еще не определилась (от условного осуждения до 5 лет), полностью выбили меня из равновесия.

О научных делах пишу в письме на Академию.

-
- Бадизель Джамель — помощница по хозяйству в Старопименовском переулке.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.

17 апреля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

По здешним сведениям, Общее Собрание Академии Наук откроется в Свердловске 2 мая. Я поеду туда, в основном, для того, чтобы выбывать из состава Президиума. Файланд организует отъезд академиков и членов-корреспондентов, находящихся в Москве. Вероятно, будет отдельный вагон 26 или 27 апреля. На самолет надежда невелика. Думаю, что тебе тоже было бы хорошо поехать в Свердловск. То, что Академия обязана доставить туда всех желающих членов-корреспондентов, бесспорно. Оттуда мы тогда вместе вернемся в Казань ждать решения о твоём вызове в Москву.

О делах академических.

В будущем устройстве АН решающими силами являются:

1. большая физика и химия (Иоффе, Капица, Семенов, Фрумкин, Вольфович и др.), по-видимому, не совсем единая;
2. непосредственные сотрудники В.Л. Комарова;
3. академики-техники (Чудаков, Бардин, Терпигорев и др.).

Опасаясь, что решающей из этих сил является вторая, а третья будет с ней охотно блокироваться. Первая же будет более всего занята вопросом о том, кто первый физик СССР.

О делах университетских.

Наконец, виделся с Б.П. Орловым. Он производит впечатление человека умного, но не особенно сильного. Полного взаимного понимания мне с ним будет легко добиться по всем вопросам, но насколько решительно из этого будут вытекать соответствующие действия с его стороны — не ясно. Орлов еще не знает, каково будет количество профессоров, которых ему будет разрешено вызвать (40—30—20 на университет из 10 факультетов). Во всяком случае, мы с тобой входим, по словам Орлова, в любую, сколь угодно сокращенную, норму. Вызов производится только без последствий. Поэтому Вячеслав Васильевич, по-видимому, не поедет. Меньшов тоже предполагается к вызову, но не исключено, что он присоединится к распространенной в Ашхабаде точке зрения “ехать всем или никому” (о ней говорит с сожалением сам Орлов). Орлову в Ашхабаде весьма понравился Боря, но он, как, впрочем, и я, находит, что включать его в лимит вызываемых по линии

университета нельзя. Ходатайствовать же о его вызове по линии Арткома я пока не предполагаю.

Мои проекты будущих постоянных отношений с Ашхабадом, естественно, во всяком случае, до осени, не подлежат юридическому оформлению. Разговоры же о них я уже повел и считаю это, со многих точек зрения, правильным.

В 40 км от Ашхабада на высоте 1 000 м находится курорт Фируза, окруженный горами до 2 500 м. Университету дано обещание вывезти туда на лето 100 профессоров и 200 детей.

Основная трудность состоит в том, что наш приезд в Москву возможен в двух формах:

- 1) мы приезжаем со всем возможным почетом, но с невмешательством в деятельность Глаголева и К°;
- 2) мы беремся за организацию факультета при противодействии Глаголева и К°.

Заседание математической секции Ученого Совета на меня произвело мрачное впечатление. В частности, Гребенча потчует четвертый курс лекциями по “методике математики” в “стиле... Клейна” со включением туда “теоремы Фробениуса–Понтрягина” и с моей статьей из БСЭ в качестве учебного пособия. Председательствовавший Глаголев особенно подчеркивал, какой это прогресс по сравнению с неизменной методикой Фетисова.

Глаголев действует весьма умно. Штатное расписание, в части деканатов и дирекций, таково:

В Москве деканат (из декана и технического секретаря) и дирекции институтов (из директора + ученого секретаря Института механики и директора + ученого секретаря Института математики).

В Ашхабаде деканат (из декана и технического секретаря).

Заместителей деканов нет. Ввиду этого деканом предполагается какой-либо деятель ранга бывшего зам. декана (быть деканом без заместителя, действительно, ни ты, ни кто-либо из основных профессоров факультета не сможет). На должность директора Института математики уже назначен Глаголев (при секретаре Россинском). В ответ на мое представление о необходимости авторитетного декана Орлов сказал сначала, что деканом может быть

бесплатно кто-нибудь из профессоров (с сохранением ставки декана для зама). Решение этого вопроса сделаю пробойю внимания Орлова к моим представлениям, т.е. буду настаивать на ненормальности такого положения и на необходимости его изменения.

Четвертый курс математиков состоит из трех студентов, которые все ходят и на мой семинар, и на курс “стрельбы” (и собираются этот курс сдавать в качестве курса по выбору). Из этих троих Стечкин, видимо, очень способный, но, как принято в последнее время, занимается всем понемногу. Два других производят тоже хорошее впечатление.

17 апреля 1942 г.

вечером.

(из Комаровки
в Казань)

По весенней традиции, ходил сегодня гулять вдоль реки. Любовался нашим домом на солнце с реки, через луг. Размышлял о том, что здесь много, как никак, пережито, и что эти места уже не воспринимаются, как какие-то случайные — объективно, они не слишком хороши среди подмосковных — а имеют необычное очарование.

Утром писал тебе, что достойное возвращение в университет не так для нас просто. Сейчас, на весеннем воздухе, испытываю крайнюю лень и желание лежать на солнце и ничего не делать. Дел, однако, много, несмотря на то, что за почти месяц в Москве и сделано немало.

Наконец, получил очень приятную комнату над ректоратом для “кабинета прикладного анализа”. Там же, рядом устроена комната Дирекции Института математики. Читаю лекции и веду семинар в Зоологическом корпусе, в хорошей аудитории, теплой и с большой доской. В роли моего основного ассистента (организация вычислительной работы, заключение договоров, распределение литературы к семинару) выступает Чебан. Приходят на мои занятия Диткин, Хлодовский, Папуш. Вся эта деятельность пока еще только начинается, но протекает приятно. Глаголеву очень хочется, чтобы установлением такого изолированного своего круга деятельности мое участие в университетских делах и ограничилось.

Дела артиллерийские развиваются пристойно (за исключением того, что мой доклад в среду, 15-го, не состоялся), но чинно и мед-

ленно. Библиотека Арткома еще не распакована после возвращения из эвакуации, и об этом никто не беспокоится. Поэтому из иностранной литературы достать ничего нельзя. В “Annals of Math. Stat.” за октябрь 1941 г. напечатана статья J. von Neumann’a об одном специальном вопросе теории стрельбы. Уровень ее не выше работ, сданных мною в Артком прошлой осенью. Судя по этому, по сравнению с Американским комитетом помощи математиков военному делу, я не слишком запаздываю.

Иностранные журналы продолжают приходить во множестве. По-видимому, весьма интересно развитие, которое собирается дать Гельфандовой теории нормированных колец E.R. Larch, который строит теорию аналитических функций на таких кольцах (Abstract в “Bull. A.M.S.”).

Чтение журналов меня очень нервнрует, так как опять боюсь расплыться в мечтаниях о всех возможных путях дальнейшего развития математики, вместо сосредоточенной работы. В общем же, чувствую себя хорошо.

Больше писать пока не собираюсь, так как предполагаю, что в последних числах апреля ты выедешь в Свердловск.

Досадно, что С.Н. премирован сейчас за совершенно не подходящие для этого работы (из коих лишь одна могла бы быть допущена в качестве кандидатской диссертации). Многие называют в качестве “обойденных” тебя и Гельфанда (обычно вместе).

-
- *Выбывать из состава Президиума* — А.Н. Колмогоров входил в состав Президиума АН СССР с 1939 года, с момента избрания его действительным членом АН СССР. По предложению О.Ю. Шмидта, избранного тогда же вице-президентом АН СССР, А.Н. Колмогоров стал академиком-секретарем Отделения физико-математических наук. На общем собрании Академии в Свердловске в мае 1942 г. О.Ю. Шмидт был переизбран (вице-президентом стал А.Ф. Иоффе), а Андрей Николаевич сам вышел из состава Президиума и сложил с себя обязанности академика-секретаря.
 - *Статья из БСЭ* — имеется в виду статья А.Н. Колмогорова “Математика”, БСЭ, 1-е изд., т. 38 (1938), с. 359–401. Эта статья затем перепечатывалась и в последующих изданиях БСЭ.
 - *Вячеслав Васильевич* — В.В. Степанов.
 - *Боря* — Б.В. Гнеденко.
 - “Bull. A.M.S.” — журнал Американского Математического общества “Bulletin of the American Mathematical Society”.
 - С.Н. — Сергей Натанович Бернштейн.

19 апреля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Приехал вчера сюда после четырехдневного перерыва. Снег на полях уже сошел, и на лыжах не катался бы уже и ты. Сегодня тепло, солнце, поют (вернее, верещат) какие-то птички. Пойду гулять вдоль берегов Клязьмы. Завтра еду в Москву к двум часам (университет, обед в Доме ученых и “Евгений Онегин”). После завтра устрою уборку у себя в комнатах, зайду к Д. Ромашову, Ане Егоровой и уеду сюда.

Вчерашний обед в Доме ученых был просто пиршеством, по теперешним временам. Академического пайка, как я тебе уже писал, впрочем, нет, а Файландовы выдачи могут на тебя и не распространяться. Хлебная порция = 600 гр. в день плюс 250 гр. в столовой. По карточкам получаю крупу, сахар и т.д. Молоко Марина достает по 20 руб. кружка, картофель — уже 70 руб. за кило.

Распорядок жизни тебе намечается такой: по понедельникам, средам и пятницам ты едешь к вечеру — обедать и в театр. А по вторникам, четвергам и субботам — возвращаешься сюда.

В воскресенье в Комаровку вдруг явился Верченко со своим папашей — рабочим в ватнике, очень моложавым (по мнению Марины, моложе самого Ивана Яковлевича) и приятным. Привезли мне в подарок пять лимонов и две пачки азербайджанского чая. Они эвакуировались из Ростова в Баку и поступили на военный завод (И.Я. — конструктором, а отец — рабочим). И сейчас их перевели в Москву. Иван Яковлевич привез математическую работу, которую оставил мне для просмотра. В военное время он предполагает продолжить работу на заводе.

В понедельник я поехал обедать и слушать 7-ю симфонию Шостаковича. Однако ее исполнение было неожиданно перенесено с 6 часов на 4, и я не попал.

Во вторник с утра был в университете, беседовал с Орловым и занимался с вычислителями.

Вечером смотрел “Бал-маскарад” в театре Станиславского. Это — лучшая из традиционно оперных постановок, которые я видел. Все очень эффектно. Классическая традиция исполнения певицами юношеских ролей употреблена весьма удачно. Прекрасные декорации, построенные, главным образом, на скульптурах (копии из папье-маше бронз времен итальянского Возрождения, языческих богов в пещере Ульрики и т.п.). Пели хорошо, хотя опера рассчитана на гораздо более мощные голоса. Музыка чисто иллюстратив-

ная и неглубокая, зато часто, действительно, блестящая. Хороши и трогательны арии бедной Амелии, напоминающие “Травиату”.

“Евгения Онегина” в субботу буду слушать с лучшим составом, чем в первый раз. Очень хочу попасть на “Лебединое озеро”, но пока не удастся.

В среду с утра должен был делать доклад в Арткоме, который не состоялся. Провел там все же несколько часов с некоторым толком.

Затем ездил в АН, обедал, вел свой семинар, участвовал в заседании математической секции Ученого совета (что произвело на меня удручающее впечатление).

В четверг занимался со своими сотрудниками (в предоставленной мне, наконец, комнате), читал лекцию и уехал сюда.

Сегодня и завтра кончаю работу по стрельбе в Комаровке и переносу ее на утра в своем кабинете в Университете. В Комаровке же займусь систематическим изучением новых и старых материалов по Гильбертовскому пространству и эргодическим теоремам в аспекте применений к турбулентности, с тем чтобы выяснить, что можно уже сейчас прибавить к мемуару, который предполагаю писать в мае в Казани.

В моей программе этого года остается:

1. Написание статей по стрельбе (одна почти закончена, как ты знаешь, в Казани перед отъездом).
2. Мемуар о статистических однородностях — не окончательный, а применительно к турбулентности.
3. Турбулентность, где, кроме сделанного ранее и самого писания, нужны еще результаты вычислений Василькова и Никольского и база в виде мемуара (предшествующий пункт).

Одновременно отправляю письмо с оказией по АН. Эти два письма будут последними, так как рассчитываю, что ты выедешь в конце апреля в Свердловск, и мы там увидимся.

-
- По программе этого года (пп. 1, 2 и 3) А.Н. сосредоточил в 1942 г. свои усилия, в основном, на работах оборонного значения по теории стрельбы (опубликованных лишь в 1945 г. в “Стрельбном сборнике” — “Труды МИАН”, т. 12). Собственно, “мемуар о статистических однородностях” в задуманной форме в то годы, по-видимому, не был написан. Впоследствии к этому кругу вопросов (пп. 2 и 3) А.Н. Колмогоров возвращается в работах 1946, 1949, 1952 и 1962 годов.

Замыслы Андрея Николаевича по теории однородных случайных полей нашли свое отражение в работах его ученика А.М. Яглома “Некоторые классы случайных полей в n -мерном пространстве, родственные стационарным случайным процессам” (“Теория вероятностей и ее применения”, 1957, т. 2, вып. 3, с. 292–338).

24 апреля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Пишу на случай, если ты не попадешь в Свердловск.

Имел длительный разговор с Орловым, без Глаголева (первая беда происходила втроем). Орлов производит очень приятное впечатление, понимаем мы друг друга во всех вопросах с полуслова. В личных и научных заслугах и свойствах наших коллег он очень осведомлен. По собственной инициативе он начал разговор о ненормальности состава и руководства нашего факультета. На случай освобождения меня от Президиума АН я дал согласие быть директором Института математики и верховным деканом (при штатном заместителе из молодых механиков). (Оплачивается только ставка директора.)

С точки зрения внешнего авторитета и необходимости управлять реально механиками я подхожу Орлову более тебя. Однако я на твою реальную помощь очень рассчитываю. В частности, мне хотелось бы иметь возможность передать тебе московские дела, когда я осенью поеду в Ашхабад (Орлову этот мой план очень по душе).

После того, как все уже будут расставлены по своим местам, можно будет подумать о разделении (между нами) функций директора Института и декана факультета. Сейчас же нужно именно их объединение. Среди механиков надеюсь на помощь Христиановича и Келдыша (а не Котельникова, как хочет Глаголев) — оба они будут в Москве.

Борю планируется вызвать в научную командировку на два месяца в июле—сентябре, но вернуть затем в Ашхабад. Что касается планов постоянной его (и нашей) работы в Ашхабаде, то естественно, что до осени это остается только пробными шагами, которые, с точки зрения факультета в целом, полезно было бы предпринять.

В случае твоего приезда в июне тебе можно передать курс анализа от Хлодовского, но можно этого и не делать. Возможно и, что будет, по моему предложению, проведено объединение кафедр топологии и алгебры — тогда с осени, уже несомненно, тебе придется читать алгебру. Если, кроме того, ты со мной вместе согласишься читать анализ, то нашей нагрузки на первых курсах уже достаточно, и остальная твоя нагрузка может состоять из топологического семинара и т.п. Может быть, еще теория функций комплексного переменного, если это тебя занимает? Или —

действительного переменного? И то, и другое может быть отдано и Меньшову. Аналитическая геометрия, очевидно, останется за Глаголевым.

Из казанцев я бы считал нужным привезти Люстерника или Гельфонда (пока кого-нибудь одного), с тем чтобы временно заведовать, например, кафедрой дифференциальных уравнений, так как Вячеслав Васильевич, по-видимому, придет лишь временно. Кафедру же анализа я предполагаю пока взять себе, а функционального анализа — на военное время закрыть.

Таким образом, на военное время в Москве предполагается:

анализ — Колмогоров

алгебра — Александров

аналитическая геометрия — Глаголев

дифференциальная геометрия — Фиников

теория функций — Меньшов

дифференциальные уравнения — Люстерник или Гельфонд

общая механика — Булгаков

теория упругости — Ильюшин

аэро- и гидромеханика (две кафедры) — Келдыш, Седов, Христианович

общая астрономия — Орлов

астрометрия — ?

небесная механика — Дубошин.

Выезжаю в Свердловск вагоном для академиков 28-го (воскресенье) в 6 час. вечера Владивостокским поездом.

В чемодане едут:

посылка Л.С. Понтрягину;

посылка Гаши от Марины;

сверток (сахар, кофе и бинты) — Ц.И. от Мих. Серг.;

твой эфедрин — на дне.

Остальное понятно без пояснений (продукты — из выданных мне на дорогу).

-
- Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Гаши — помощница по хозяйству матери П.С. Александрова.
 - Марина — М.А. Козлова, помощница по хозяйству в Комаровском доме.
 - Ц.И. — Цезария Иоакимовна Александрова.
 - Мих. Серг. — М.С. Александров.

27 мая 1942 г.

(из Ярославля
в Казань)

Сегодня утром проплыли мимо Прусова и Туношны.

По Волге по-прежнему бегают “пчелки”, которым я не знаю, сколько уже лет, и все стоит на своем месте. Только в Туношне сняты главы с церкви, и почему-то нет никакой пристани (впрочем, весной она, кажется, ставилась на Туношенке, и может быть, ее просто не было видно).

Сейчас стоим в Ярославле. На месте лица все еще пусто, но на набережной появился ряд новых домов.

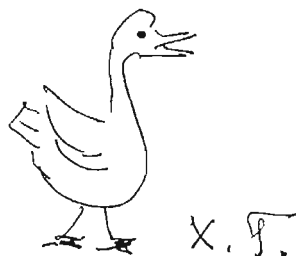
Утро пасмурное и холодное, но вчера к вечеру было солнце, когда проплывали Семигорье и Плес.

Рассчитываю быть в Москве завтра вечером (в Химках).

Привет Альберту Альбертовичу, Нине Анатольевне и всем нашим.

Юра Смирнов недавно уехал радистом на Черноморский флот. Коля Селиверстов с увлечением и успехом строит ДОТы, а Коля Ньюберг обучается саперному делу, но чувствует себя, в отличие от Коли Селиверстова, скверно, очень устает и военный режим выносит с трудом.

Прилагаю письмо Жени Мищенко (в конверте не обнаружено). Напиши ему.

-
- Места, о которых пишет Андрей Николаевич, связаны с его ранним детством, прошедшим в имении деда в Туношне под Ярославлем, а также, по-видимому, с впечатлениями от первого совместного с П.С. Александровым лодочного путешествия по Волге летом 1929 года.
 - *Альберт Альбертович и Нина Анатольевна* — супруги Вильде, хозяева дома, приютившего семейства Колмогоровых и Александровых в эвакуации в Казани.
 - *В Химках* — имеется в виду Московский Северный речной вокзал, не входивший тогда в черту города.

31 мая 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Приехал только 29-го, в 4 часа дня, так как от Костромы до Рыбинска наш пароход еще тащил баржу, а утром 29-го стоял на якоре из-за тумана на “Рыбинском море”. В Ярославле ходил на нашу Проломную улицу, к нашему дому. Он цел, и на нем висит мемориальная доска, но не “обо мне”, а о создателе первого русского театра Волкове, который там жил. Только розовые пряники вместе с прежде белыми стенами закрашены лилово-серой краской.

Сегодня пойду или на концерт Софроницкого (Скрябин) или на квартет и трио Чайковского (Цыганов, Ширинский и Юдина). Утром сегодня идет “Лебединое озеро”, но билетов мне не удалось достать.

От Бори получил письмо, в котором он, в соответствии с твоими ожиданиями, сообщает, что Ашхабад в качестве постоянного места работы ему не подходит и что, принимая, в принципе, план устройства вне Москвы (с нашими приездами), он желает выбрать город со среднерусской природой, которую он (подобно Чайковскому) любит более всего. Обещано совместное (!) послание мне Куроша и Бори с полным планом замещения всех кафедр и устройства университета, как в военное время, так и после войны. Пока это послание мною еще не получено.

В Москву прибыл Двухшерстов и желает быть деканом (мне же отводится роль “председателя ученого совета” и директора Института). Из всех вызовов пока утвердили только Вильнера и Рахматулина (по спец. работам). Все это мне не нравится. Завтра буду говорить с Орловым и вскоре затем с Кафтановым. После этих разговоров напишу подробнее.

В Комаровку поеду завтра после обеда. Посылку и письма Михаилу Сергеевичу и Сергею Сергеевичу передал.

Кланяйся Варваре Сергеевне и Ц.И.

-
- Проломная улица (по другим источникам, Пробойная) — улица в Ярославле, на которой имел собственный дом дед А.Н. Колмогорова Яков Степанович Колмогоров.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Сергей Сергеевич — С.С. Александров.
 - Ц.И. — Цезария Иоакимовна Александрова.

4 июня 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Вчера вечером вернулся из Комаровки.

Марина с Шурой перекопали весь наш участок и весь Браудин. В дополнение к нашим трем ведрам картошки на посадку Шура достал еще. Посажено множество огурцов, а также свекла, морковь, петрушка, репа, лук, и т.д. Казанские семена девать уже почти некуда, но кое-что будет посеяно. Денежные отношения с Шурой несколько затруднены тем, что 1000 рублей, данная ему на дрова, отдана кому-то в долг, и в данную минуту нет ни дров, ни 1000 р. Марине 150 руб. уплачены.

Наши продовольственные дела обстоят следующим образом: академики и члены-корреспонденты получают:

- обед в Доме ученых с 250 гр. хлеба;*
- карточку "А" — 700 гр. хлеба (в день);*
- 500 гр. сахару, 500 гр. какао, 300 гр. шоколаду, 800 гр. жиров (масла и сала), 2000 гр. крупы, 2200 гр. мяса или колбас, 1000 гр. рыбы (в месяц);*
- сухой паек вместо ужина в Доме ученых (на декаду я получил: 800 гр. колбасы, 200 гр. сливочного масла, 300 гр. хорошей рыбы, 200 гр. сахару, 500 гр. рису и 1 яйцо).*

Все это в нашем распределителе дается в срок и хорошего качества (но академического пайка, в старом смысле, так и нет). Если эти корма сохранятся, то это даст мне возможность выделять кое-что и Варваре Яковлевне, и Марине. Буду выяснять возможность замены одного-двух обедов в неделю дополнением к сухому пайку.

• *Марина с Шурой* — М. и А. Козловы, помогали по хозяйству в Комаровском доме.
• *Браудо Евгений Максимович* — музыковед, сосед по Комаровке; перу Е.М. Браудо принадлежат исследования о В.А. Моцарте и П.И. Чайковском .

5 июня 1942 г.

Продолжение

Бадизель Джамель присудили к пяти годам лишения свободы. По-видимому, сейчас добиться какого-либо смягчения приговора невозможно: хотя весь этот несчастный случай есть результат лишь неосторожности, сейчас считают нужным выносить в подобных случаях суровые приговоры, так как пожары в Москве представляют, действительно, большую опасность. Впрочем, напишу Михаилу Семеновичу, может быть, он что-либо посоветует.

В университетских делах все еще нет никакой ясности. Сегодня вновь буду у Орлова — может быть, что-либо прояснится. Получил письмо от И.Г. Петровского, копию которого ты, вероятно, тоже уже получил в Казани. Помимо общих соображений, письмо содержит сообщение о смерти матери Вячеслава Васильевича.

Комаровка — из “художественных дневников”
А.Н. Колмогорова

У Вишнезского получил семена и одно (!) письмо, на котором написано: “Письмо второе”.

-
- Бадизель Джамель — помощница по хозяйству в Старопименовском переулке.
 - Михаил Семенович — М.С. Липецкер.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.

6 июня 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Вопрос о целесообразности приглашения меня в качестве декана все еще согласуется в высоких инстанциях.

Вчера присутствовал при обсуждении вопроса об аспирантуре — ее предлагают всячески усиливать. Рекомендовано всеми способами стараться возвращать старых аспирантов (из учреждений, с предприятий и из числа отпущенных из армии из-за ранений и т.п.). Будет и небольшой новый набор аспирантов.

Сегодня получил сведения (не проверенные), что будто бы Н.Б. жив и будто бы даже в Москве. Проверю это.

Вместе с Глезерманом был расстрелян немцами наш бывший профорг, студент Иванов (оба пытались бежать из немецкого плена).

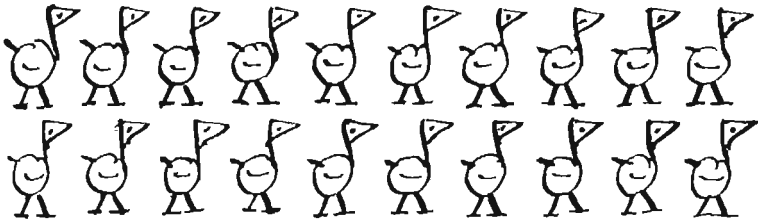
Фаге эвакуирован в какой-то госпиталь — надеюсь, что напишет мне оттуда.

Купил “Дни и годы” П.И. Чайковского, которые ждут тебя.

Получил на время “Mathematical Reviews” №10, который и у нас здесь, и в Казани отсутствует. В нем рефераты о твоих “General combinatorial topology” (Trans. Am. Math. Soc., 49 (1941), 41–105) и “General Theory of Homology” (Uchenye Zapiski Mosk. Gos. Univ., 49 (1940), 3–60), написанные A.W. Tucker’ом.

Начинают приходить журналы за 1942 год.

Писать мне можно на Старопименовский пер.

-
- Н.Б. — Николай Борисович Веденисов.
 - Речь идет о книге: А.А. Алышванга “Дни и годы П.И. Чайковского. Летопись жизни и творчества”, М.—Л., 1940. (Название приводится А.Н. Колмогоровым не совсем точно, что и вызывает вопросы П.С. Александрова — см. его письмо от 21 июня 1942 г.)
 - Работы П.С. Александрова, о которых идет речь — см. письмо П.С. от 13 июля 1942 г.

7 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Весь день льет дождь. Все размокло, и кругом такие лужи, что я не поехал даже на концерт. Вместо этого сижу в угловой голубой комнате у открытого окна, читаю “Дни и годы П.И. Чайковского” и придумываю новые украшения нашего дома ко времени, когда мы вновь в нем заживем. Очень хороша получается серия портретов Чайковского (1862, 1879, 1889, 1893), которые предполагается повесить в одинаковых рамках рядом. А по соседству — рисунок Леонардо да Винчи “Старость и юность”, очень хорошую репродукцию с которого я нашел.

Воздух из открытого окна упоителен! Сирень цветет, зелень этой влажной весной особенно пышна.

В Москве я чувствую себя одиноко (в обществе Григория Ивановича и Нила Александровича). Несколько нервничаю из-за неопределенности своего положения и еще не могу взяться за работу, как следует. По-видимому, к привлечению академиков к организационной работе в Москве относятся с некоторым сомнением. Возможно, что будет признано более удобным обойтись администратором, вроде Г.И. Двухшерстова.

Получил очень хорошее письмо от Петровского. Из письма видно, что многое в моих взглядах крайне беспокоит “ашхабадцев”, но на взаимное понимание все же рассчитывать можно, тем более что вопрос об оставлении кого-либо из работников университета в Ашхабаде, видимо, отпадает. Почти решено “перезавакуировать” университет в Свердловск, Куйбышев или Ульяновск.

Долго беседовал с профессором Галкиным — проректором университета по Ашхабаду. Он приятный и дельный человек (был ранее директором Историко-Литературно-Философского института, влившегося в университет), но обладает чрезмерной застенчивостью и скромностью, вроде нашего Петровского. Мое намерение считать существенной частью работы в Москве помощь эвакуированной части университета (снабжение заказами на научные работы прикладного характера, снабжение иностранной литературой, к чему некоторые возможности все-таки имеются, и т.д.) ему очень импонирует — к этому “ашхабадцы” со стороны московского руководства не привыкли.

Предполагается прием аспирантов осенью. Здесь два, пригодных для аспирантуры студента: Стечкин и Монин. Последний хочет заниматься бесконечномерной дифференциальной геометрией и,

действительно, достаточно много знает для этого (тензорный анализ и функциональный анализ).

Возобновляю свой семинар, к которому участники приготовили пять докладов, и курс теории стрельбы (два раза в неделю, с тем, чтобы кончить его в июне).

Сделал кое-что новое в турбулентности, но должен сначала кончить переработку и расширение написанной в Казани работы по стрельбе.

В этой обстановке, субъективно, я буду даже рад возможности махнуть рукой на организационные дела, быстро кончить упомянутую работу и в начале июля уехать в Казань продолжать турбулентность. Но неопределенность, имеющаяся сейчас, меня очень угнетает.

-
- “Дни и годы П.И.Чайковского” — см. Примечание к письму от 6 июня 1942 г.
 - Григорий Иванович — Г.И. Двухшерстов.
 - Нил Александрович — Н.А. Глаголев.

15 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

В субботу, 13-го, узнал о состоявшемся решении Совнаркома о переводе Московского университета из Ашхабада в Свердловск. В ЦК партии настаивают на том, чтобы Орлов, как ректор, жил в Свердловске и рассматривал бы Свердловск, как основное место работы Университета, а в Москве держал бы лишь подчиненный Свердловску филиал. По существу, это правильно: надо или перевезти в Москву основной состав профессоров, или и руководство должно находиться в эвакуации. Иначе с неизбежностью руководство начинает думать, что оно существует лишь для самого себя. Орлов, естественно, еще упрямится.

Из Свердловска можно реально руководить Москвой. Поэтому возможно, что ряда самостоятельных кафедр (и деканатов) в Москве не будет. Это тоже, по существу, правильно. Сможет ли только на нашем факультете такое руководство осуществлять Петровский? Для этого ему пришлось бы часто ездить в Москву, ходить в ЦК, КВШ и т.п., держать Двухшерстова (если его оставлять уполномоченным по Москве) в строгом подчинении и т.д....

На случай сохранения самостоятельного московского руководства факультетами я не снял (несмотря на письмо Вяч. Вас.) своего согласия руководить нашим. Однако, более вероятен все-таки вариант концентрации основной работы и руководства в Свердловске. В этом случае нам обоим влезть со стороны в Московский филиал (тебе — в качестве заместителя Бахвалова как заведующего кафедрой геометрии по Москве — ?) было бы, может быть, и возможно, но мало удобно.

В случае переезда Орлова в Свердловск ему хочется в качестве единого декана нашего факультета иметь (в Свердловске) меня. Я его понимаю (и на его месте тоже думал бы так), но на это не согласен. Однако я уже дал предварительное согласие на работу в Свердловске в качестве профессора и написал об этом Петровскому.

Естественно, что этот пункт требует согласования с тобой.

Вопрос о возможности достойного нашего общего въезда в Москву (въезжать жуликом нам и не к лицу, и не для чего!) приходится решать здесь мне одному. Если такая возможность будет, я постараюсь ее не упустить. Спрашивается, однако, прием-

лем ли для тебя следующий план (на случай отсутствия упомянутой возможности):

1. Наше семейство сохраняется в Казани; я остаюсь зав. отделом МИАН, по совместительству, а ты — научным сотрудником, лучше на полной ставке. (Такое положение в твоём случае мне кажется более благоразумным.)

2. Мы оба нанимаемся в Свердловск профессорами Университета — я на основную ставку, а ты по совместительству — и проводим там большую часть осеннего семестра (может быть, впрочем, и мне лучше сохранить формально основную ставку в Академии Наук).

Не исключено, что тебе можно будет организовать и командировку в Московский филиал на месяц или два, совместив ее с моей поездкой по делам Арткома и т.п.

Кормить в Свердловске нас будут, как и в Москве, вполне достаточно, и возможно будет жить там без хозяйственных забот. Сомневаюсь только в возможности получить на нас в Свердловске две комнаты, но и это можно попробовать. Комнаты, по всей видимости, будут в общежитии за городом, рядом с Индустриальным институтом, где расположится наш университет, в 30 мин. езды на трамвае (плюс 10—15 мин. пешком) до столовой, оперного театра, концертного зала и прочих благ.

Я, лично, очень хотел бы осуществить этот план. Твое участие в нем может варьироваться от почти полного переезда до наездов, сравнительно коротких. Мне же определенно хотелось бы жить в Свердловске, лишь наезжая в Казань. В случае если план окажется серьезным, я перевез бы в Свердловск значительную часть нашей библиотеки из Москвы. Это дало бы мне возможность уже в военное время полностью осуществить программу мирного времени, так как в Свердловске без административных обязанностей я имел бы 1) университет, 2) Борю, 3) Кибеля и Авиационный институт с его лабораториями для занятий механикой, 4) полную библиотеку, 5) хорошие лыжи с прекрасными лесами кругом (лыжи, естественно, будут отправлены из Москвы и на тебя).

Я думаю, что, сохраняя в МИАН основную работу, ты фактически сможешь, уехав к 1 сентября в Свердловск, попасть в Казань на месяц или два (к концу семестра) и снова уехать до февраля. Естественно, что все это пишется пока на случай неизбежности отмены московского плана. Впрочем, для меня Москва означала

бы: 1) организационные дела факультета, 2) частые поездки и в Казань, и в Свердловск — т.е. почти ноль времени для серьезной работы.

Вчера (в воскресенье) был у Михаила Сергеевича на даче. Большая дача готовится на лето для Цезарии Иоакимовны, а он, Лидия Алексеевна и мальчик с нянькой живут в избушке, где раньше проживал Герасим.

Вчера я застал там такую картину: за столом Михаил Сергеевич угощал водкой с селедкой и луком некоего Ерофея Семеновича (седого бородатого мужика, который ему помогает в разных хозяйственных делах) и двух монтеров, приехавших из Москвы проводить радио. Лидия Алексеевна при этом, как настоящая русская баба, вытаскивала из русской печки на стол суп, картошку и т.п., а в глубине избы нянька урезонивала скандалившего в кровати мальчика. И надо всем этим орало новоустановленное радио. Все это происходило после того, как этот Ерофей Семенович, находясь в небольшом предварительном подпитии, свалил одну ель на забор и электрические провода, а другую — на большую сосну. Старший из монтеров (который привязан к Мих. Серг. за спасение своей матери) лазал по поваленной елке наверх, собираясь обрубить тот сук, на котором она повисла, и, свалив ее, самому остаться висеть на высоте 15 м на другом суке сосны, без ясных перспектив спуска вниз. От этого его с трудом удалось отговорить. Сбежать ото всех этих удовольствий не было никакой возможности, так как Михаил Сергеевич обещал в этом случае “серьезно обидеться”.

Письма сейчас пишутся и откладываются до отлета Соболева в Казань.

-
- КВШ — Комитет по делам высшей школы Наркомпроса.
 - МИАН — Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР.
 - Вяч. Вас. — В.В. Степанов.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Цезария Иоакимовна — Ц.И. Александрова.
 - Лидия Алексеевна — Л.А. Александрова, жена М.С. Александрова.

17 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Я понимаю, что количество разных планов на ближайшее будущее, которые я предлагаю в течение весны, становится чрезмерным, но я ничего не могу с этим поделать.

Во всяком случае, обнаружение в Москве моего плана отъезда в Свердловск оказалось удачным. И Н.А. Глаголев, и Г.И. Двухшерстов пришли (искренне) от него в ужас. По-видимому, их пугает все же перспектива, что без нас с тобой московский филиал университета захиреет и закроется.

Вести пока какие-либо разговоры дальше университета воздерживаюсь — мне хочется подождать самоопределения Орлова: добьется он сохранения своей позиции в Москве или согласится перебраться в Свердловск. Говорят о возобновлении работы ВАКа в Москве. Поскольку я единственный после смерти И.И. Привалова член ВАКа (математик), это было бы лишним аргументом за мое проживание в Москве. Может быть, постепенно выкристаллизуется и такой план, при котором мы с тобой будем, в основном, в Москве, а факультетом Петровский будет руководить из Свердловска.

Матушка Кронрода хлопчет о его определении в аспирантуру. Сам Кронрод уже выписался из лазарета и стремится на фронт, но я думаю, что, получив откомандирование в университет (пока для сдачи гос. экзаменов), не станет упрячиться.

Для тебя здесь (кроме, эвентуально, Шклярского) в качестве аспиранта, может быть, будет взят некий юноша, прочитавший все-го Хаусдорфа, две главы твоей книжки и пр. Буду слушать его доклад в своем семинаре, тогда смогу оценить его лучше.

Я, действительно, вместе с Курошем, готов поддерживать на послевоенное время такой состав университетских кафедр:

- 1. Анализ — Хинчин*
- 2. Дифференциальные уравнения — Степанов*
- 3. Теория функций — Меньшов*
- 4. Функциональный анализ — Люстерник*
- 5. Алгебра — Курош*
- 6. Геометрия — Александров*
- 7. Дифференциальная геометрия — Каган*
- 8. Теория вероятностей — Колмогоров.*

Одобрять ли ты, впрочем, такое упразднение кафедры топологии? Особенно, имея в виду, что упразднение не менее эфемерной

и возвышенной кафедры функционального анализа в существующей обстановке мне кажется нежелательным.

На случай нашего вселения осенью в Комаровку закончено художественное оформление столовой. Оно состоит теперь из Царско-сельского дворца, Пушкина, Роденовского музея, Анатоля Франса (в новой красивой рамке), Гоголя, вида Рио-де-Жанейро (в честь Nadamard'a), портрета Гёте (в рабочем кабинете в халате и при секретаре) и портрета 28-летнего Дарвина времени путешествия на корабле "Бигль". Изображение самого "Бигля" предполагается повесить в ванной.

Таким образом, вся экспозиция имеет две лирические темы: XIX век и прекрасные далекие страны. Впрочем, кабинет Гёте мог бы быть расположен и в Комаровском доме (Марине сказано даже, что это ты диктуешь Юре. Даже твоя конторка видна там у окна).

Проблема рамок, оказывается, решается очень просто: надо просто покупать много портретов вождей, которые продаются в рамках разных форматов (со стеклом) на всех перекрестках.

В Москве совершенно спокойно, цены не выше казанских, на Клязьме жить можно, так что, может быть, Ц.И., в самом деле, можно приезжать.

Пожалуйста, пришли возможно скорее с какой-либо оказией сверток с диссертацией Коли Ньюберга.

Нет ли писем от Глеба?

Александр Николаевич очень о нем беспокоится.

Марина и Шура кланяются тебе, Вере Яковлевне, Варваре Сергеевне, Цезарии Иоакимовне и Гаши.

-
- Юра — Юрий Михайлович Смирнов.
 - Марина и Шура — М. и А. Козловы.
 - Цезария Иоакимовна, Ц.И. — Ц.И. Александрова.
 - Гаши — помощница по хозяйству Ц.И. Александровой.
 - Глеб — Г.А. Селиверстов.
 - Александр Николаевич — А.Н. Селиверстов.

21 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Завтра самый длинный день в году и годовщина начала войны.

Пора уже мне перестать, по преимуществу, заниматься переживанием происходящего мирового потрясения, подвести некоторый итог первой фазы этого переживания, привести себя в порядок и заниматься делом.

Сегодня, однако, я никаким делом не занимаюсь, а пишу письма неделового содержания.

Из-за частых дождей в этом году все необычайно зелено. Акация вновь страшно вытянулась вверх, и весь сад зарос высокой травой. Среди травы и между грядками с капустой цветут желтые лилии, желтые и красные горные маки, фиолетовые анютины глазки и множество незабудок. Получается именно тот трогательный “запущенный сад”, который нельзя сделать нарочно... Стоит погода, именуемая тобой “озером Мстино”. Ты должен, однако, признать, что именно она предполагается в “Лебедином озере”. Я утверждаю даже, что на Лебедином озере днем всегда господствует погода “озеро Мстино”, на закате поднимается ветер, разгоняющий облака, и ночью сияют звезды (Mitternachtsonne! (полуночное солнце – нем.)).

Вообще, после войны мы с тобой для успокоения нервов поедem жариться на волжских песках под Саратовом, но мне кажется, что именно твоей музыкальной природе гораздо ближе белые ночи на Селигере (помнишь наше ночное плаванье из Полнова к вершине острова Хачина?) и океан в Batz в октябре.

Музыка, вообще, требует температуры ниже 20°C. Между прочим, когда ты пишешь о периоде возникновения у Чайковского темы “полета лебедей”, ты имеешь в виду 1875-й год или 1871-й? Дело в том, что летом 1871 года Чайковский в Каменке сочинил детский балет “Лебединое озеро”, поставленный детьми Давыдовых. И главная тема большого балета (1875–1876 года) заимствована именно из этого детского балета 1871 года.

С Лазарем Ароновичем пришло много твоих писем — сейчас передо мной лежат восемь. Судя по этим письмам, ты грустишь, но и поешь разные арии на далекой Казанке. Ты должен еще, хотя бы раз, пойти к пасеке, куда я постоянно бегал на лыжах зимой и где однажды мы были вместе, и признать, что Казань — прекрасный город. В будущем мы с удовольствием будем приезжать в него на

несколько дней, делать визит Альберту Альбертовичу, посещать могилу Лобачевского и оттуда ходить на далекую Казанку. Надо бы, вообще, ежегодно, в начале июня, устраивать в Казани какие-либо “Лобачевские чтения” (нет ли подходящей даты в его биографии?).

К сожалению, твое одиночество будет продолжаться еще месяц, так как моя московская командировка продлена до 23 июля (предельный срок, на который АН разрешается давать такие командировки). Решение остаться в Москве вызвано двумя обстоятельствами:

1. Из-за некоторого смятения, вызванного неудачным течением университетских дел, я мало сделал за истекшие 20 дней по Арткому. Между тем, мне предстоит окончить и сдать первую часть заказанной Арткомом работы по теории стрельбы (что я надеюсь сделать к 10 июля) и разобраться в материалах темы по баллистике. Необходимо выяснить, можно ли рассчитывать при помощи имеющейся у меня идеи дать реальный ответ на интересующий их вопрос. Если анализ предоставленных мне материалов покажет, что это возможно, то возникнет договор до конца 1942 года на работу целой группы математиков над значительно более конкретной и непосредственно нужной задачей, чем мои исследования по теории стрельбы. После выяснения вопроса в Москве я еще хочу проконсультироваться с наиболее серьезным нашим баллистиком — Вентцелем — в Свердловске и тогда уже братья за это дело вместе с подходящими сотрудниками. При полной актуальности, тема кажется вполне академически солидной и спокойной (в смысле полной ясности и ограниченности задач математиков, отвечающих лишь за совпадение результатов новых, упрощенных методов расчета с расчетами по старым, более громоздким методам, а не результатов расчета с результатами их применения на фронте).

2. Я рассчитываю на скорый приезд в Москву Ивана Георгиевича Петровского. В письме, отправленном вчера с профессором Галкиным в Ашхабад, я прошу его телеграфировать срок своего приезда. Поэтому в случае, если, вопреки моему ожиданию, И.Г. не захочет приехать быстро, я смогу вернуться в Казань и раньше указанного выше срока.

Скорый приезд сюда И.Г. я считаю единственным способом приведения в порядок дел факультета. Дело в том, что Б.П. Орлов явно охладел к проекту предоставления мне реального руководства факультетом в Москве (если, вообще, когда-либо этот проект его,

действительно, привлекал). Добиваться же такого решения в более высоких инстанциях, помимо Орлова и при сомнительном отношении “ашхабадцев”, я не собираюсь. К тому же, сейчас возникает надежда, что все утрясется и без таких героических решений, без превращения меня в декана какой бы то ни было части факультета, а лишь при моем консультативном участии. Более трезво рассмотрев обстановку, я пришел к выводу, что надежды воспользоваться необходимостью восстанавливать факультет для его ПЕРЕустройства (“реконструкции” в употребительном, но отрицаемом тобою, как филологом, понимании этого слова) и существенного улучшения мало обоснованны. К сожалению, в Москве положение таково, что Орлов никак не может везти нас с тобой (поскольку в применении к нам он использует, вероятно, добросовестно, лишь официальный свой авторитет, а не связи, требующие оплаты “любезностью за любезность”). Если у меня и были за истекшие десять лет известные успехи в научно-организационной работе, то совсем не из-за умения добиваться желаемых результатов такими способами и в такой обстановке. Тем не менее, я думаю, что совместными усилиями нашего “коллектива” удастся со временем вернуть на работу в Университет не только Немыцкого с Ниной Карловной, но и Крейнеса с Гальперном.

Вероятнее всего, все же, кончится тем, что нас с тобой призвут в Москву одними из первых и уже к началу сентября. Так что, в отношении Свердловска дело сведется к одной или нескольким моим поездкам туда (если Борю пока оставить там). Я даже Курошу написал, что в случае неудачи моих претензий на великие свершения по преобразованию нашего факультета я ограничусь более скромной программой размещения при себе

1. М.Д. Миллионщикова — для совместных трудов по механике,
2. Б.В. Гнеденко — для совместных трудов по теории вероятностей,
3. Д. Василькова и Ю. Соколова — для вычислений и чертежей.

Впрочем, “организационный зуд” не дает мне покоя, и тут же я готов прибавить, что как раз Свердловск мог бы быть подходящим местом для создания факультета, на котором нашлось бы по самостоятельной кафедре для Мальцева, Никольского, Бори, Миллионщикова и Обухова (а для тебя можно было бы завести маленькую лодку для ежедневного катания по Нижне-Исетскому пруду в самом городе, и большую, с домиком на палубе, на Верхне-Исетском пруде, имеющем 20 км в длину и до полутора в ширину, вместо дачи).

Сергей Львович повез пропуск в Москву Цезарии Иоакимовне. Хотелось бы знать, на что же она решится. Бомбардировок нет

совершенно, нет и тревог, но говорят, и, по-видимому, это правда, что несколько попыток налетов на Москву было отбито (однажды даже направлялись к Москве, будто бы, 300 самолетов). Все же, Москву можно считать достаточно безопасной. Не ясно только, как Михаил Сергеевич будет управляться с тремя семьями, ведущими отдельные хозяйства. Он и без того очень много работает и сильно устает.

Поезда теперь ходят много скорее. Лазарь Аронович ехал из Казани всего двадцать пять часов, т.е. почти со скоростью мирного времени. При этих условиях, Ц.И., видимо, разумнее ехать поездом — паромом неизбежна пересадка в Горьком, и весь путь займет больше пяти суток.

21 июня 1942 г.

вечером.

(из Комаровки
в Казань)

Утром написал тебе длинное письмо, которое пойдет с okazji, а это — пошлю почтой.

С завтрашнего дня хочу начать более систематически работать. Впрочем, завтра еще придется заниматься продлением прописки и карточками. Сегодня же устроил себе день, свободный от всяких дел. После обеда читал твои письма из Принстона и с Lago Maggiore, которые привез из Москвы сюда.

Еще об университетских делах. Б.П. Орлов уезжает завтра в Свердловск, откуда должен вернуться к 10 июля. Вчера в Ашхабад уехал профессор Галкин (заместитель Орлова по Ашхабаду). С ним я отправил письма Петровскому и Степанову.

Петровского я убеждаю возможно скорее ехать сюда, в соответствии с посланным ему вызовом.

Степанову пишу о необходимости приезда Петровского сюда ради урегулирования всех университетских дел. Сообщаю также, что до приезда И.Г. я ничего не предпринимаю, но что в случае, если И.Г., урегулировав здешние дела, захочет вернуться к эвакуированному “коллективу”, я готов сделаться его заместителем по Москве. То,

что деканов должно быть все-таки два (в Москве и в Свердловске), здесь считается установленным.

Из решения Совнаркома о переводе университета в Свердловск можно заключить, что считается весьма вероятным продолжение работы части университета в эвакуации в течение еще длительного времени и что правительство озабочено тем, чтобы эта работа была достаточно продуктивна (Свердловск в этом отношении много лучше Ашхабада). Верно и то, что свердловские местные организации постараются в будущем удержать какие-то научные силы у себя и будут иметь к этому больше оснований и возможностей, чем ашхабадские. Впрочем, на другой же день после решения о вывозе университета из Ашхабада Туркменское правительство предоставило места на своих курортах шестидесяти профессорам и детям университетских работников. Не означает ли это, что сведения о малой заинтересованности туркменских организаций в пребывании у них университета были сильно преувеличены нашими коллегами? Ашхабадский “коллектив” выразил уже свою необычайную благодарность туркменскому правительству и протест против решения о переводе в Свердловск. Думаю, однако, что этот протест против разумной меры, вызванной их же жалобами на плохие условия в Ашхабаде, останется без последствий. Боре я советую ехать в Свердловск как можно скорее (вначале и комнату легче получить, и вполне реальная и нужная работа для него найдется немедленно).

О наших осенних перспективах я сейчас ничего сказать не могу. Я считаю наиболее вероятным, что к осени все утрясется так, что мы с тобой понадобится оба в Москве (а в Свердловск мне придется лишь съездить раз или два).

Сведения о появлении в Москве Николая Борисовича оказались, по-видимому, ошибочными.

-
- Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - Альберт Альбертович — А.А. Вильде.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Цезария Иоакимовна, Ц.И. — Ц.И. Александрова.
 - Михаил Сергеевич — М.С. Александров.
 - Николай Борисович — Н.Б. Веденисов.

23 июня 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Сегодня ровно месяц, как я уехал из Казани, и моя командировка продлена еще ровно на месяц (до 23 июля). Вчера продлил до этого же срока прописку в Москве и получил июльскую продовольственную карточку.

Чувствую себя в Москве очень одиноко. Иногда сижу подолгу у Александра Николаевича Селиверстова, разговариваю с ним о самых разных материях. Да в нашей квартире иногда по радио (довольно паршивому) слушаю музыку. Вот и сейчас Нина Отто играет “Сентиментальный вальс” Чайковского. Вероятно, из-за этого радио ты, попав в Москву, довольно много сидел бы здесь по вечерам.

Продовольственное снабжение наше следует признать достаточно хорошим. В целом (по карточкам, плюс паек из Дома ученых вместе с очень хорошим обедом и дополнительными 200 гр. хлеба, плюс молоко, которое я покупаю в Комаровке) — значительно больше моих потребностей, что и позволяет не только уделять кое-что Варваре Яковлевне, но и давать регулярно Марине и даже А.Р. Постниковой. Единственной непоправимой моей растратой является одна банка черешневого варенья в Комаровке.

Я тебе уже писал о возможном скором возобновлении работы ВАКа. Орлов показал мне предполагаемый состав экспертной комиссии, где я должен председательствовать Финиковым, Глаголевым, Келдышем и Лаврентьевым. Непосредственно ко мне, однако, пока никто не обращался, и согласия председательствовать таким составом комиссии я не давал. К тому же, я нахожусь в Москве лишь в командировке, а Лаврентьев проживает в Уфе.

Радио перешло тем временем к исполнению Грига, Мендельсона и чуть ли не Бетховена оркестром народных (!) инструментов. Ускоряю свой отъезд в Комаровку, где завтра с раннего утра буду заниматься.

Привет Варваре Сергеевне и всем нашим соседям.

От Вячеслава Васильевича и мне пришло более спокойное письмо.

-
- Марина — М.А. Козлова.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.

26 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

После долгих холодов и дождей, наконец, началось лето. Сегодня, чуть не в первый раз, лежу на солнце под нашими окнами и пишу это письмо.

Решил до приезда Петровского не думать об университетских делах и довольно интенсивно занимаюсь окончанием работы для Арткома, которую надо сдать в начале июля. К сожалению, окончательный текст этой работы в чисто математической части будет содержать некоторую гипотезу (оправдывающуюся во многих частных случаях, что проверено вычислениями), которую мне пока не удастся доказать.

Естественно, что ждать Петровского следует, только если он решит приехать быстро. Иначе что-то придется делать без него. Я ведь пока не обращался никуда выше Б.П. Орлова и во всем верил ему на слово. Со мной сейчас довольно смешное положение. Без всякой инициативы с моей стороны я назначен 1) председателем Ученого совета мехмата и 2) председателем государственной экзаменационной комиссии на сентябрьскую сессию. Кроме того, в КВШ считают, что я буду председателем математической экспертной комиссии ВАК, которая вскоре должна начать работать. Все это как-то мало вяжется с моим отъездом в Казань 23 июля (срок окончания командировки по Академии Наук).

Я думаю в связи с этим, что кому-то придется и без моей инициативы, подумать об изменении такого положения. Я же хочу попробовать вызвать тебя на время по линии КВШ. Боре же лучше зарабатывать престиж самостоятельного и верного члена университетского "коллектива" в Свердловске, хотя бы с тем, чтобы иметь моральное право вернуться вместе со всеми в Москву.

В Комаровке полное разложение. Во-первых, Грачев собирал деньги за электричество без всяких квитанций, и сейчас выяснилось, что в МОГЭС он их не вносил чуть ли не с прошлого августа. Поэтому электричество выключено во всей Комаровке. Сейчас жители (и я в том числе) подают на Грачева соответствующую жалобу.

Во-вторых, у Петечки Спицына найдены вещи, утащенные у Алексеевых и Браудо, и он сидит в ожидании суда.

Наконец, Дорофеев посажен за хищение каких-то продуктов в "Комбикорме".

Зато у нас в доме некоторое улучшение — на днях начал отмерзать водопровод. Вода идет еще медленно, но идет! Замерзли, по-видимому, трубы в земле на подъеме к дому, и таяние дошло до них только сейчас. В остальном же наш дом в полном порядке. В огороде все быстро растет (хотя в отношении труда и семян огород всецело принадлежит Шуре с Мариной).

Твоим письмом к Вячеславу Васильевичу я не вполне доволен, так как сейчас претендую на меньшее, чем раньше (письмо же соответствует моим апрельским настроениям).

Думаю, однако, что Понтрягин прав, и все “образуется”.

В.В. Гнеденко

-
- *КВШ* — Комитет по делам высшей школы Наркомпроса.
 - *Алексеевы* — бывшие владельцы Комаровского дома. Дом в Комаровке когда-то принадлежал крупному заводчику С.В. Алексееву, отцу К.С. Станиславского (Алексеева), открывшему там бесплатную *Лечебницу для проходящих*, названную им *Елисаветинской* по имени его жены Елизаветы Васильевны, матери К.С. Станиславского.
 - *Браудо* — семья Е.М. Браудо, соседи по Комаровке.
 - *“Комбикорм”* — это предприятие по производству комбикормов и сейчас работает поблизости от Комаровки.
 - *Вячеслав Васильевич* — В.В. Степанов.

27 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Я прозевал две okazji в Казань (Б.М. Вул и А.Ф. Иоффе), поэтому все три “х+четные” письма едут вместе. Они не содержат в себе чего-либо предосудительного, но не могут быть отправлены по почте из-за наличия картинок. Два “х+нечетные” письма отправлены почтой. От тебя после письма (с А.А. Ильюшиным) ничего нет.

Был на заседании спецсовета МГУ. Кроме Б.П. и начальника спецчасти Герасимова, весь находящийся в Москве состав спецсовета представлен Ильюшиным, мною и неким не известным мне биологом. Об основном содержании заседания, естественно, не пишу. Но до и после заседания беседовал с Б.П. об общеуниверситетских делах. К сожалению, у меня складывается впечатление, что Б.П. сильно охладел к моему участию в этих делах. Внешне мне оказывается чрезвычайное уважение. В частности, на заседании Совета Б.П. специально по каждому вопросу спрашивал моего мнения, а в своем резюме повторял сказанное мною.

Однако, во-первых, очевидно, что представление о моем вызове в Москву было сделано лишь в форме внесения меня в общий список и никак специально не мотивировано, что и привело к неудаче (академиков, “вообще говоря”, избегают вызывать в Москву).

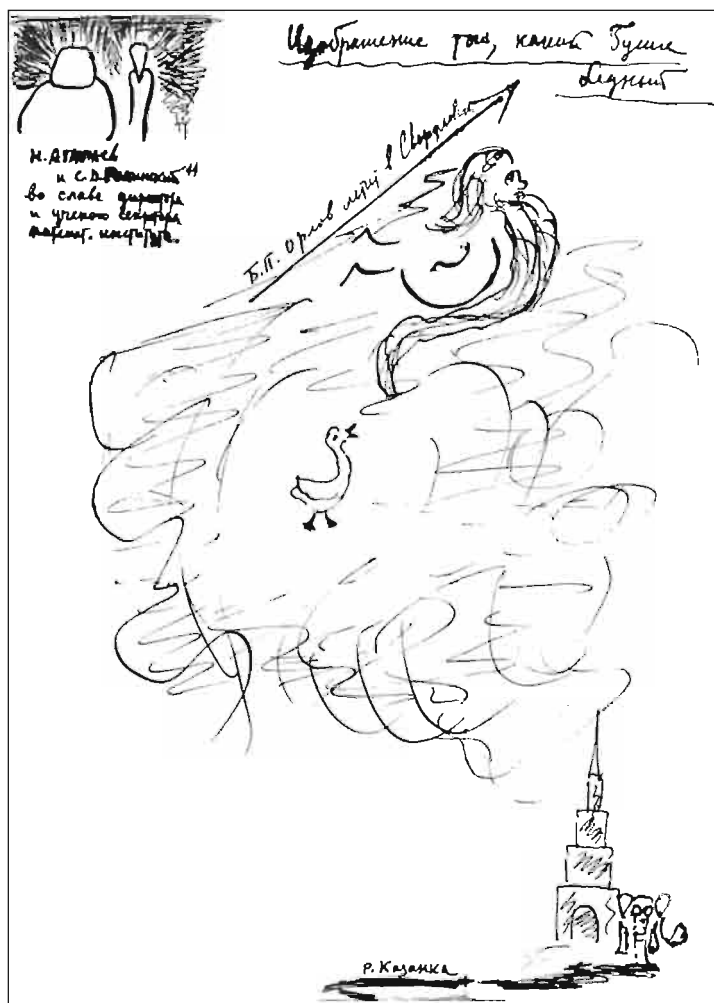
Во-вторых, как я уже писал, сначала мне было предложено занять должность директора Института математики Университета. Затем Б.П. “вспомнил”, что существует еще Вячеслав Васильевич, и, при полной моей поддержке, пришел к заключению, что смещать В.В. неудобно. Естественно, что я указал на желательность в таком случае сделать соответствующие выводы и по отношению к Нилу Александровичу. Тем не менее, Н.А. здравствует в качестве директора и по сей день.

Наконец, никакого желания обсуждать со мной существенные оперативные вопросы (кого вызывать, например) Б.П. не проявляет, а организует лишь приглашения меня на заседания по обсуждению общих принципов (подготовки аспирантов и т.п.).

Ты можешь сказать, что я напрасно потерял целый месяц, беседуя с Орловым и не обращаясь куда-либо выше. Это верно. Однако если бы я начал более ответственные разговоры, не сориентировавшись в обстановке, то вполне мог бы в чем-либо важном ошибиться. Кроме того, письма “ашхабадцев” тоже не настраивали меня на прояв-

ление чрезмерной активности. Тем более что Ильюшин, и вообще московские механики, в основном, хотят поскорее вытащить в Москву всех “своих”.

К сожалению, Орлов вылетает в Свердловск лишь завтра и обещает вернуться только 18 июля. От Петровского еще нет известий, но даже если он и придет до возвращения Орлова, то мы не сможем без ректора осуществить какие-либо организационные изменения (хотя между собой, конечно же, договоримся).

- Б.П. — Борис Павлович Орлов.
- Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
- Нил Александрович — Н.А. Глаголев.

28 июня 1942 г.

Продолжение

(из Комаровки
в Казань)

Сегодня и завтра сижу здесь. После двух солнечных дней вновь пасмурно и прохладно. В саду у нас расцвели маки громадных размеров, каких раньше не бывало. Они стоят и у меня на столе, и в столовой (скажи Вере Яковлевне).

Вчерашний Совет с разговорами с Орловым и письмо к тебе вновь выбили меня из рабочего настроения, поэтому больше не пишу об университетских делах. Сообщу еще только, что Щеголев ранен и лежит в Уфе. В Наркомросе хотят, по выздоровлении, вернуть его ведать университетами и педвузами. Райков пытался, при моем содействии, устроиться в МГУ, затем, с приездом Сергея Львовича переориентировался на то, чтобы зачислиться сотрудником МИАН с работой в Москве, но этот план не получил утверждения Абрама Федоровича. Дмитрий Абрамович был на переосвидетельствовании в военкомате и вновь признан годным к воинской службе.

Организовал (что вполне разрешается) получение в мае обедов из Дома Ученых на дом (Варваре Яковлевне). Получил паек за ужин на третью декаду июня. В нем баранки (Марине), овсяная крупа, 11 яиц, масло, рыба, сахар.

Конец деловой части.

К неделовой части относится, что на улице меня изловил Потемкин (Бутягинский) и изливал свою скорбь по поводу упадка Московского университета. Вспоминал, что Щеголев в свое время разъяснял ему мое научное величие, сравнивая меня с Монбланом. Спрашивал меня, действительно ли я люблю университет, не без остроумия назвал Петровского красной девицей. А в заключение вдруг, понизив голос, попросил меня зайти к нему поговорить о каких-то делах 1937—38 годов. От всего этого я, понятно, уклонился, сбежав в Доме ученых в комнату для академиков и членов-корреспондентов (где раньше занимался фотографический кружок).

Штефц уше издвасимо от Партиника,
 Действительно ли Гусику следует
 танцевать равняры с микбланом?

В этом отношении Гусь испорчен именно тобою, который и внушает ему настойчиво идею о, так сказать, его персональной ответственности за математику в целом. Поэтому ты и должен нести часть ответственности в решении этого вопроса.

Вообще говоря, подобная идея вовсе не является порождением на-
 прасной и бессмысленной гордыни. Гильберт гораздо раньше перешел
 бы на преимущественный интерес к “die schönsten Danseusen” (пре-
 красивые танцовщицы — здесь смесь немецкого с французским), если бы не его чувство
персональной ответственности за “unsere geliebte Wissenschaft” (на-
 ша возлюбленная наука — нем.), где “Мы” в значительной мере означало “Мы,
 Гильберт”.

К тому же, это чувство, вообще говоря, может быть и коллек-
тивным, не в смысле, конечно, абстрактного “коллектива всех тру-
 жеников науки”, а в том смысле, который складывался, например,
 в компании молодых французов (N. Bourbaki).

Я думаю, что могу искренне сказать, что для меня дело идет не
 о престижах и относительных оценках (лучше или хуже я von
 Neumann’a). Существенный вопрос заключается в следующем. По-
 сле первых 10—15—20 лет, когда молодой математик занимается
 стихийно тем, что попадает ему под руку, большинство серьез-
ных математиков начинает стремиться к тому, чтобы очер-
 тить себе достаточно узкий круг интересов и сосредоточить

свои усилия на такой области, где они чувствовали бы себя полными хозяевами, в смысле полного владения всем, что в данной области известно, а, по возможности, и не имели бы равных по силе конкурентов.

Судя по твоим многократным высказываниям, ты с полным достоинством соблюдаешь такую позицию (не любишь “толкучки” вокруг “модных вопросов” и не желаешь в ней участвовать, но в своей области гордишься тем, что не попадал никогда впросак, открывая уже открытое, и т.п.).

Курош, в соответствии с его талантами и здравым смыслом, очертил круг своих интересов еще в тридцать лет. Но в каком-то возрасте это сделал и Carathéodory (интересно, в каком?), и Hausdorff. Я вполне мог бы еще с 1931–33 годов увидеть свое назначение в разработке теории вероятностей на основе теории меры и теории случайных процессов, и все Lévy, Feller’ы, Doob’ы (и даже Wiener’ы) ходили бы смиренно подо мной (для демонстрации чего и предполагалось созвать международную конференцию по теории вероятностей).

Другая позиция отнюдь не заключается в том, чтобы заниматься сразу всем, но в том, чтобы иметь смелость браться за все то, что с чисто субъективной точки зрения кажется наиболее существенным и интересным в математике вообще.

Конечно, возникающая таким образом “гёттингенская”, “принстонская”, “С.Н. Бернштейновская” или даже “В.И. Смирновская” концепция ЕДИНОЙ МАТЕМАТИКИ всегда бывает более или менее односторонней, но, по-видимому, такие, хотя бы и несовершенные, конкретизации абстрактной идеи единства математики являются существенными этапами развития нашей науки.

Неизбежна, по-видимому, и известная “персонификация” этой идеи. Но это не существенно. Существенно, что очерченная позиция по отношению к самой работе математика (а не его зазнайству, чего, повторяю, я не очень боюсь) имеет две опасности:

1. уклон в философствование вместо конкретной работы (Н. Weyl);
2. дилетантское создание доморощенных систем (Шатуновский, “General Analysis” Eliakim Hastings Moore’a и т.д.).

Не скрою, что к философствованию я имею некоторую склонность, а опасность доморощенности становится реальной в силу того, что как никак, центром математической жизни стала Америка, а я, при всем уважении к новейшей американской математике, не могу преодолеть некоторого отвращения к тому изменению стиля, которое отделяет Гёттингген от новейшей Америки.

У нас дерзают себя считать “математиками вообще”, в основном,

И.М. Гельфанд,
М.Г. Крейн,
Л.В. Канторович.

Но боюсь, что из меня с ними ничего аналогичного (уже с более личной стороны) компании молодых французов, возглавленной А. Weil’ем, не выйдет. Имею в виду отнюдь не писание новых “*Eléments de Mathématique*” (по последним сведениям, те тетрадоочки, которые у нас имеются в корректуре, наконец, вышли из печати), а то обстоятельство, что и математика в ее историческом аспекте, по-видимому, состоит не только из теорем, а из совместного биения сердец, имевшего место в Лузитании, но не осуществимого в указанном сообществе.

Это и возвращает меня к мечтаниям о собственном “Гёттингене”. Я понимаю, что мечтания эти сейчас беспредметны, но идеальное ядро “Советского Гёттингена” могло бы состоять из

1) Меня	с	→	в сути D. Hilbert (о каком-то!)
2) Тобан		→	E. Landau (на изнанку:
3) А.С. Понтрягин		→	вместо E-Wittgenstein - begriffliche mathematik, а Рим не менее пикантен)
4) И.Т. Петровский	→	E. Noether (как красивая девушка)	
5) Л.В. Канторович	→	R. Courant (не хуже, а лучше!)	

Это уже совсем не план для хлопот об “Институте Лобачевского” в Казани или еще каких-либо новых “заскоков”, а просто, чтобы показать, что совсем немного надо, чтобы этот скачок от отдельных хороших мемуаров к математическому центру, определяющему стиль целого периода развития математики, произошел (подобно тому, как, по твоему замечанию, таинственным образом из овощей, масла и крупы, плавающих в воде, образуется СУП; или, в более грандиозном масштабе, произошел в городе с 200 000 жителей непотворимый пятый век до Р.Х.).

В нашей конкретной обстановке “СУП” мог бы свариться только при условии последовательного отделения от Гельфондов, Гельфан-дов и Делонеев, какими бы замечательными математиками они ни были.

В этом воображаемом “Гёттингене” Л.В. Канторович редактировал бы (под моим наблюдением!) новую “*Gelbe Sammlung*”, которая открывалась бы двумя томами моей

“Чистой математики” | “*Pure Mathematics*”

как, подражая Hardy, разумно озаглавить задуманный мною курс анализа (естественно, все издавалось бы параллельно на русском и английском языках),

а ты произвел бы

“Общую топологию” | “*General Topology*”

в пяти томах, которая превзошла бы по основательности “*Vorlesungen über Zahlentheorie*” E. Landau (содержащую, как известно, в трех томах лишь 1046 теорем и 1141 нумерованную формулу).

Естественно, что предполагается еще и собственный
Bademeister Klie, и пр.

Этот рисунок напечатан автором в
Календаре

Все это, однако, фантазии, и Гусю остается попробовать вырастить “выше Монблана” на огороде в Комаровке.

Пока же и этот скромный план является фантазией, об осуществлении которой закономерно, однако, помечтать.

-
- Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Абрам Федорович — А.Ф. Иоффе.
 - *Bourbaki Nikolas* (Бурбаки). По-видимому, здесь упоминаются корректуры французского издания первых книг знаменитого многотомного трактата Н. Бурбаки (начал выходить отдельными книгами с 1935 г.; написан выдающимися, в основном французскими, математиками). Первые переводы на русский язык (книга I — *Теория множеств*, книга II — *Алгебра*, книга III — *Общая топология* и др.) появились лишь в самом конце пятидесятых годов.
 - “Институт Лобачевского” в Казани — см. письмо от 21 июня 1942 г.
 - *Gelbe Sammlung* — см. письмо от 1 мая 1931 г.
 - *Лузитания* — так, по имени своего учителя, называли свое сообщество ученики Н.Н. Лузина начала 20-х годов.
 - *Дом ученых* — и А.Н. Колмогоров, и П.С. Александров были давними членами Московского дома ученых (у Андрея Николаевича был членский билет за № 5422, а у Павла Сергеевича — за № 6044).

28 июня 1942 г.

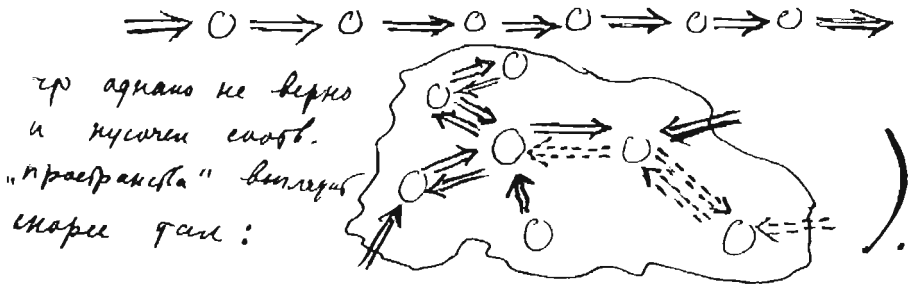
Продолжение.

(из Комаровки
в Казань)

Самым же удивительным является случай возникновения "СУПА", именуемого русской поэзией, или, вообще, русской культурой 19-го века, а также персонификации этой русской поэзии в А.С. Пушкине, что все произошло в Царскосельском лицее.

Это и приводит меня к вопросу о том, не нуждается ли развивавшаяся мною этой осенью и зимой философская концепция в некотором расширении.

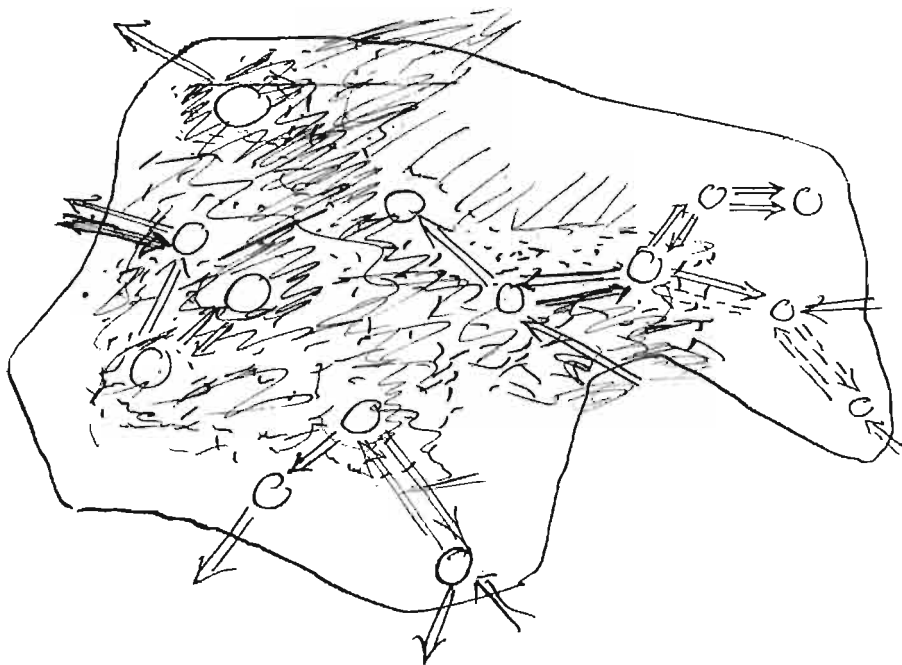
Именно, тогда дело шло о том, что настоящими реальностями являются лишь отдельные люди и очень ограниченное количество отношений между ними (так что "реально существуют" для каждого данного человека лишь несколько (1-2-3-4) индивидуальностей, связанных с ним идущими от него нитями), причем эти отношения не всегда симметричны, а, по Гамсуну, вообще, устроены в виде бесконечных цепей погони

Теперь возникает вопрос о том, не должны ли сюда быть включены в качестве абсолютных реальностей и некоторые явления, вроде "Göttinger Geist" (дух Гёттингена — нем.) или (тем более!) музыки Шумана.

Этот третий вид реальностей, в отличие от первых двух (обозначенных — первый — кружочками, и второй — стрелками) должны изображаться в виде расплывчатых облаков, более или менее задевающих различные кружочки.

(Если среди этих реальностей существует (это утверждает Б.И. Сегал!) Институт им. Стеклова, то уж не знаю, облаком какого цвета его обозначить.)

Каждый из трех видов абсолютных реальностей имеет еще свои материальные воплощения, реальность которых уже относительна. Таковы Г.П.Д. или (по Сегалу) “Труды Института им. Стеклова”. Отображение абсолютных реальностей на относительные, однако, не однозначно. Например, “Математический сборник” может считаться материальным воплощением самой личности А.Ф. Берманта или реальности третьего вида (абсолютное существование которой вызывает, однако, некоторые сомнения), именуемой “Московской математической школой”.

За это время погода успела измениться. Сейчас светит солнце, и, к тому же, уже совсем не утро, а два часа дня.

Так-то я занимаюсь усердно научно-оборонной работой!

Правда, сегодня воскресенье.

-
- Институт им. Стеклова — Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР (МИАН).
 - “Труды Института им. В.А. Стеклова” — издаются с 1931 года.
 - “Математический сборник” — научный журнал, заведующим редакцией которого бессменно был А.Ф. Бермант.
 - Г.П.Д. — сокращенное название Комаровского дома (Гусье-Песий Дом).

В бумагах А.Н. Колмогорова обнаружены несколько листочков, на которых от руки написан печатаемый здесь ОТЗЫВ. Он подписан и датирован — 31 мая 1941 г. Сама же книга П.С. Александрова *“Комбинаторная топология”* увидела свет, как известно, лишь в 1947 г. Понятно, что причиной такой чудовищной задержки с публикацией (как видно из ОТЗЫВА, в мае 1941 г. книга была уже полностью готова) явилась война, грянувшая меньше чем через месяц после написания этого отзыва.

В письмах П.С. Александрова военной поры и в ответных письмах А.Н. Колмогорова звучат неоднократные упоминания об этой книге и возможностях ее скорейшего издания — А.Н. Колмогоров хлопочет вместе с Г.Ф. Рыбкиным, директором Издательства физико-математической литературы, о возвращении П.С. Александрова из эвакуации в Москву или хотя бы о вызове его в длительную командировку, в том числе и для публикации этой книги. Как видим, хлопоты эти долго не могли увенчаться успехом. По каким причинам книга все же не была издана и после возвращения П.С. Александрова из Казани к осени 1943 г., остается неизвестным.

Мы помещаем этот отзыв здесь, в дополнение к письму 28 июня 1942 г., просто в связи с тем, что в этом письме звучит, в частности, идея (шуточная по форме, но вполне серьезная по содержанию) написания П.С. Александровым превосходящей все ранее написанное по объему и основательности *“Общей топологии”* в пяти (!) томах.

ОТЗЫВ

о книге П.С. Александрова “Комбинаторная топология”

По сравнению с получившей всеобщее, мировое признание книгой Александрова—Хопфа, новая книга П.С. Александрова отличается в следующих отношениях:

1). Чисто теоретико-множественная часть ограничена первой, вводной, главой, в которой, частью без доказательств, перечислены результаты теоретико-множественной топологии, употребляемые в дальнейшем изложении. Для русского читателя такое ограничение не представляет неудобства, так как отличное, полное изложение теоретико-множественной топологии включено в русский перевод книги Хаусдорфа (соответствующие главы русского перевода книги Хаусдорфа представляют собою переработку первых двух глав книги Александрова и Хопфа) по теории множеств.

2). Систематическому построению комбинаторной топологии предпослано несколько глав (вторая, третья и пятая), знакомящих читателя с рядом важных топологических фактов, имеющих большое значение в применениях топологии, которые могут быть изло-

жены без пользования общим аппаратом гомологической топологии. Сюда относятся доказательство теоремы Жордана (вторая глава) и инвариантность числа измерений (пятая глава). Эти главы несомненно найдут широкий круг читателей, интересующихся, в первую очередь, перечисленными более простыми, классическими результатами топологии. Для читателей, приступающих к изучению всей книги, выделение этих глав тоже педагогически целесообразно. Оно дает возможность еще до изучения всей сложной системы вспомогательных конструкций комбинаторной топологии соприкоснуться с непосредственной геометрической реальностью.

3). В главе шестой дается с достаточной широтой введение в теорию размерности, чего нельзя найти ни в одном из существующих руководств по топологии.

4). Центральную часть книги составляют главы восьмая—пятнадцатая, в которых излагаются основы современной гомологической топологии. Весь этот раздел написан совершенно заново и является отражением существенно нового этапа в развитии комбинаторной топологии, связанного, в значительной мере, с последними исследованиями самого П.С. Александрова. Здесь впервые органически включены в систематическое изложение комбинаторной топологии так называемые “верхние гомологии” и получена формулировка закона двойственности Александрера, обладающая исключительной законченностью и простотой (глава четырнадцатая).

В целом, появление этой книги явится большим научным событием в топологии и, вместе с тем, удовлетворит потребность в современном большом руководстве по комбинаторной топологии, существующую у весьма широкого круга математиков.

При описанном богатстве содержания объем книги ни в коей мере нельзя считать преувеличенным.

Изложение весьма прозрачно и обстоятельно, однако в книге имеется много мелких шероховатостей, устранение которых требует еще некоторой редакционной работы автора или его помощников.

А. Колмогоров
31 мая 1941 г.

-
- Упомянутая книга с Хопфом — Alexandroff P., Hopf H. *Topologie*, Bd. 1. — Berlin: Julius Springer. 1935, XIII, 636 S.
 - Русский перевод книги Хаусдорфа по теории множеств — Хаусдорф Ф. *Теория множеств*. — М.—Л.: ОНТИ, 1934.
 - Объем книги — вышедшая в 1947 г. “Комбинаторная топология” П.С. Александрова содержит 660 страниц.

29 июня 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Начну с нескольких собственно математических (а не организационно-факультетских) дел и впечатлений.

1. Диссертацию Марочки я получил. Когда предполагается ее защита? Читать ее, по-видимому, буду по дороге в Казань.

2. Английский перевод статьи, напечатанной в Бюллетенях МГУ, я буду печатать в “Бюллетенях” же. Поэтому находящаяся у тебя серия работ, отправляемых в американские журналы, может быть отправлена (с сопроводительной бумагой Отделения Ф-МН).

3. Сегодня закончил изучение диссертации В.И. Кондрашова (ученик С.Л. Соболева) и написал о ней отзыв для допущения к защите. Она будет защищаться здесь, при М.В. Келдыше и мне в качестве оппонентов. В связи с этим просмотрел вновь работу С.Л. Соболева о полигармонических уравнениях (“Матем. сборник”, 2 (1937), стр. 465—499). Работу эту я и раньше считал едва ли не лучшим творением Сергея Львовича. Она, действительно, очень хороша. Тема уже, чем решение задачи Коши для гиперболических уравнений, но зато здесь не было предшественников — Адамара и Маттиссона. К тому же, неожиданен и замечателен не только метод, но и самый результат.

В “Zentralblatt” эту работу зря погубили Schauder и Янчевский. Schauder крайне формально прореферировал заметки в “ДАН”, где изложение раздроблено между четырьмя заметками, из которых одна поправляет ошибки, сделанные в других. Янчевский же по поводу полной работы (на русском языке) сообщил лишь, что она содержит изложение результатов, уже прореферированных Schauder’ом. Таким образом, и тогда, когда С.Л. делал что-либо, действительно хорошее, ему не везло с международным признанием (откликов в дальнейшей литературе, за исключением Кондрашова, на эту работу Сергея Львовича я не встречал).

Работа Кондрашова тоже интересна, но написана крайне некультурно.

4. Получил еще на отзыв диссертацию Н. Молчанова (давний ученик В.В. Степанова), в которой он доказывает весьма любопытную теорему:

При единственном допущении, что функция $\varphi(x, y)$ непрерывна, уравнение

$$\frac{dy}{dx} = \varphi(x, y)$$

имеет “общий интеграл”, т.е. функцию $\Phi(x,y)$, которая имеет почти всюду первые частные производные, причем почти всюду

$$\frac{d\Phi}{dy} \neq 0$$
$$\frac{d\Phi}{dx} + \varphi(x,y) \frac{d\Phi}{dy} = 0.$$

Доказательство занимает 50 страниц. К счастью, мне удалось найти другое, гораздо более короткое (но достаточно интересное, чтобы не компрометировать самую теорему в качестве темы кандидатской диссертации!), что избавляет меня от необходимости проверять детали авторского. Если Романовский, который эту страшную работу обязан проделать, найдет, что все в порядке, то, мне кажется, кандидатскую степень можно будет дать. К сожалению, Молчанов полагает, что его методы могут помочь ему в решении проблемы эффективного определения предельных циклов для уравнения

$$\frac{dy}{dx} = \frac{P(x,y)}{Q(x,y)},$$

где P и Q — полиномы, что кажется мне маловероятным, а из-за этого он будет настаивать, чтобы я изучил именно его метод и высказал свое мнение о перспективах его применения.

5. Зарезал на прошлой неделе диссертацию Папуша, которая считалась уже совсем готовой, но оказалась постыдной ерундой (одна часть ошибочна, а другая является частным случаем метода “циклов без контактов” Пуанкаре). Папуш, бедный, опечален, но не злится, а просит новой темы.

За исчерпанием бумаги, в этом письме больше ничего не будет.

-
- Речь, по-видимому, идет о статье “Стационарные последовательности в гильбертовском пространстве” // Бюлл. МГУ; Математика. — 1941, т. 2, вып. 6, с. 1–40. Опубл. также в кн.: Колмогоров А.Н. *Теория вероятностей и математическая статистика*. — М.: Наука, 1986, с. 215–255. Английский перевод этой статьи тогда, судя по всему, не появился.
 - *Марочка* — Меер Феликсович Бокштейн.
 - *Отделение Ф-МН* — Отделение физико-математических наук АН СССР.
 - “ДАН” — журнал “Доклады Академии Наук СССР”.

1 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Письмо, отправленное с Сергеем Львовичем, писалось спешно, и только отправив его, я вполне сообразил, как ты будешь расстроен, его получив. Однако ты чрезмерно привередлив. Ведь никто из наших коллег (математиков) еще в Москву не вернулся, кроме Христиановича (ценою превращения в зам. директора ЦАГИ!), Келдыша и Акушского. А в командировки никто не ездил, кроме меня, Соболева, Лаврентьева и Люстерника (все по военно-научным делам, наиболее реальным у Лаврентьева).

Письмо Сергея Натановича могло бы тебя тоже подвести к выводу, что тебе еще не так плохо. Мне, наоборот, даже как-то страшно, что, в отличие от многих других, по существу у нас обоих все так благополучно!

Следующая зима (в Казани и Свердловске) во многих отношениях и для тебя может оказаться уютнее и приятнее, чем предыдущая. Сейчас же наиболее нервнрует нас обоих, очевидно, неопределенность. На этот счет придется еще потерпеть немного. Очень может быть, что ты будешь осенью и со мною, и в Комаровке (и с кофеем, но без пряников, которых в Москве не видно).

Получил письмо от хорошего специалиста по математической логике L. Chwistek'a (что это за национальность?). Это, кажется, единственный Львовский математик, который успел (или захотел?) эвакуироваться. Он был назначен сперва в Днепропетровский университет, но потом попал в какое-то село на Сев. Кавказе и преподает в средней школе. Он писал тебе почему-то в Тбилиси (?), но не получил ответа.

*Ближайшую неделю я кончаю свою военную работу
и стараюсь ни о чем другом не думать.*

-
- Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - ЦАГИ — Центральный аэро-гидродинамический институт.
 - Сергей Натанович — С.Н. Бернштейн.

2 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Наконец, в моем семинаре произошел один доклад. Докладывал старательный (но не более того) студент Юрьев. Все, аспирирующие в аспирантуру, очень стараются приготовить хорошие доклады. Я уже писал, что дельное впечатление производят:

Стечкин — тригонометрические ряды (для Меньшова),

Монин — тензорный и функциональный анализ (для меня),

Петров — теория множеств и Т.Ф.Д.П. (для тебя).

В Ашхабаде в аспирантуру выдвинуты двое
(в том числе, Виленкин).

Сейчас пришло твое письмо от 25 июня.

Орлов уехал только 30 июня, но твердо обещал вернуться до 18 июля (на этот день назначен Совет).

От Петровского я еще ничего не имею. Но незадолго до решения о переводе “ашхабадцев” в Свердловск И.Г. писал Двухшерстову, что ему приехать в Москву было бы трудно.

Написал С.В. Кафтанову письмо с изложением обстоятельств, касающихся лично меня: приглашение от Орлова на работу в университете и на должность декана; письмо Орлова В.Л. Комарову; согласие руководства АН; уже состоявшееся перенесение моей оборонной работы в университет; моя работа здесь с выпускниками и аспирантами; неожиданная неудача хлопот Орлова об оформлении моего пребывания здесь.

Двухшерстов этот шаг вполне одобряет. Ильюшин тоже. С Глаголевым не советовался. В том же письме прошу С.В. принять меня по общеуниверситетским делам.

Возможностей вызвать тебя в июле пока не вижу.

Приеду в Казань не позднее 25 июля.

Я здоров и благополучен.

4 июля 1942 г.

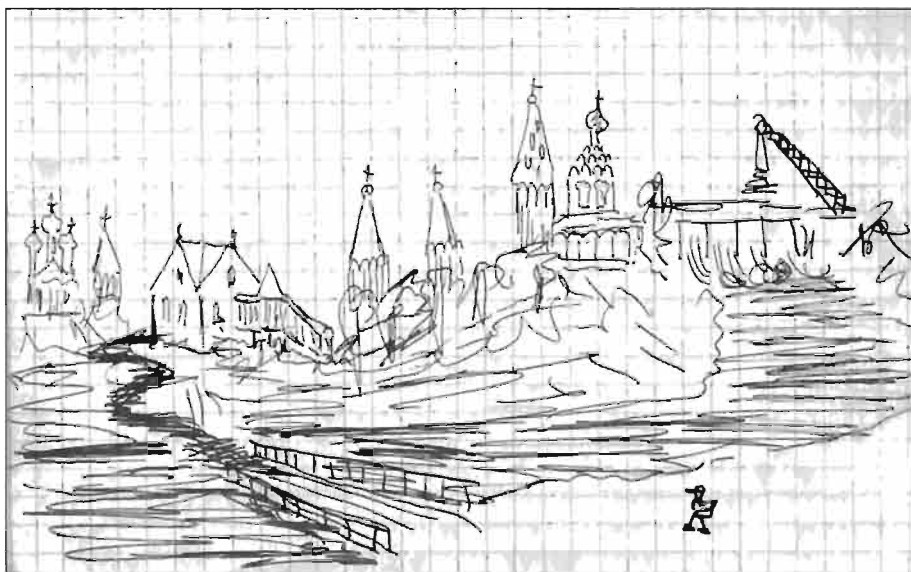
(из Москвы
в Казань)

О факультетских и о своих делах разговаривал с нашим парторгом. В результате ли этого разговора или же моего обращения к Кафтанову, но на факультете всполошились. Двухшерстов обещает даже быстро провести мое оформление на постоянную работу — каким способом, не знаю (но в отношении себя ему ведь это удалось!). Нил Александрович Глаголев тоже вдруг специально сегодня разыскал меня и сообщил, что был бы рад передать мне функции директора Института математики. В чем тут дело — пока не разобрался.

В аспирантуру мы с Двухшерстовым и Кронродовой мамой получили разрешение взять из лазарета Кронрода, но сам Кронрод воспользоваться этим не пожелал и возвращается на фронт, получив из Университета только рекомендацию в члены партии.

Еду сейчас в Комаровку. Оттуда напишу завтра.

На четверг, 9-е, достал, наконец, билет на “Лебединое озеро”.

Из “художественных дневников” А.Н. Колмогорова

5 июля 1942 г.

Воскресенье

(из Комаровки
в Казань)

Приехал в Комаровку вчера вечером. И сразу отправился с мадам Дорофеевой к Грачеву усовещивать его по поводу неуплаты наших денег за электричество. Он клянется и божится, что часть денег внесена в банк (и у него есть банковские квитанции), а другая часть лежит у него дома, в сохранности. Задержка же, будто бы, произошла только потому, что никак не мог получить денег с кого-то из жителей. Договорились, что в среду он пойдет со мною вместе в контору, и там, в моем присутствии, все урегулирует.

Сегодня утром работал. Потом лежал на солнце и рассматривал (а отчасти, и читал) купленную вчера монографию Волынского “Леонардо да Винчи” (издания 1900 г.). Текст ее весьма дилетантского характера, но репродукции — вполне удовлетворительны. Волинский держится той точки зрения, что “Мадонна Литта” не может принадлежать кисти Леонардо, так как не имеет характера, каким проникнуто все его творчество. Однако, по поводу “La belle Ferronnière” (портрет Лукреции Кривелли) из Лувра, которая считается “одним из самых несомненных произведений Леонардо да Винчи” (и очень похожа, как раз, на “Мадонну Литту” по технике и настроению), Волинский уже не решается на аналогичное утверждение сам, а предпочитает вложить его в уста “старого энтузиаста” (часть монографии написана в форме диалогов автора с двумя вымышленными лицами).

Виктор Владимирович обратился с просьбой <u>помочь ему вернуться в Москву, хотя бы ценою отказа от работы в Университете</u> , к Н.А. Глаголеву.

Что же касается Цезарии Иоакимовны, то Михаил Сергеевич не отчаивается получить разрешение на ее въезд в Москву. Однако многие авторитетные люди ему советуют подождать месяц — полтора, чтобы не получить сейчас отказа (возобновлять хлопоты будет после отказа затруднительно).

Вообще, из числа людей, возвращающихся в Москву, едва ли 1 % возвращается по всем установленным для этого правилам. О соответствующих выводах для нас с тобой — в одном из следующих писем.

Марина устроила мне сегодня роскошный обед: салат с горчичной подливкой, зеленый суп и рисовая каша.

Она и Шура тебе кланяются.

7 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Завтра буду у С.В. Кафтанова. Несомненно, надо было с самого начала обратиться непосредственно к нему. Но я чересчур ориентировался на Б.П. Орлова, нашего ректора, и не хотел ничего принимать через его голову. А сейчас выясняется, что специально о моей работе (организационной и научно-оборонной) он ни с кем в Наркомпросе и КВШ не говорил! Он просто включил меня в список и сразу успокоился, когда меня из этого списка вычеркнули (именно как академика, с указанием, что на работу в Москву надо брать людей помоложе!).

К чему приведет беседа с С.В. Кафтановым, сейчас трудно сказать, но думаю, что после нее перспективы моей работы, в ту или иную сторону, все же прояснятся. Теперь общая обстановка такова, что согласовать с Кафтановым вызов каких-либо других лиц (включая и тебя) вряд ли удастся. В лучшем случае, можно будет получить некоторые предварительные указания о перспективах вызовов к началу учебного года.

Обо всем этом, впрочем, напишу завтра подробнее.

Сейчас же о Шеланге. Я не думаю, чтобы мне удалось поехать туда на месяц, но на 15 дней, и с тобой вместе, я бы поехал очень охотно, лучше всего, начиная с 25 июля (или 1 августа) — это в предположении, что до возвращения в Москву к 1 сентября я должен буду еще съездить в Свердловск.

К сожалению, на 22 июля здесь назначены две диссертации, на которых я выступаю оппонентом, и мой доклад о турбулентности, а то я постарался бы приехать раньше.

Прилагаю заявление Гозенпуду — о более точном сроке вскоре телеграфирую.

А не наняться ли нам, вместо Шеланги, в сторожа академического огорода за Казанкой?

-
- *КВШ* — Комитет по делам высшей школы Наркомпроса.
 - *Шеланга* — в этом местечке на Волге под Казанью был дом отдыха КСУ.

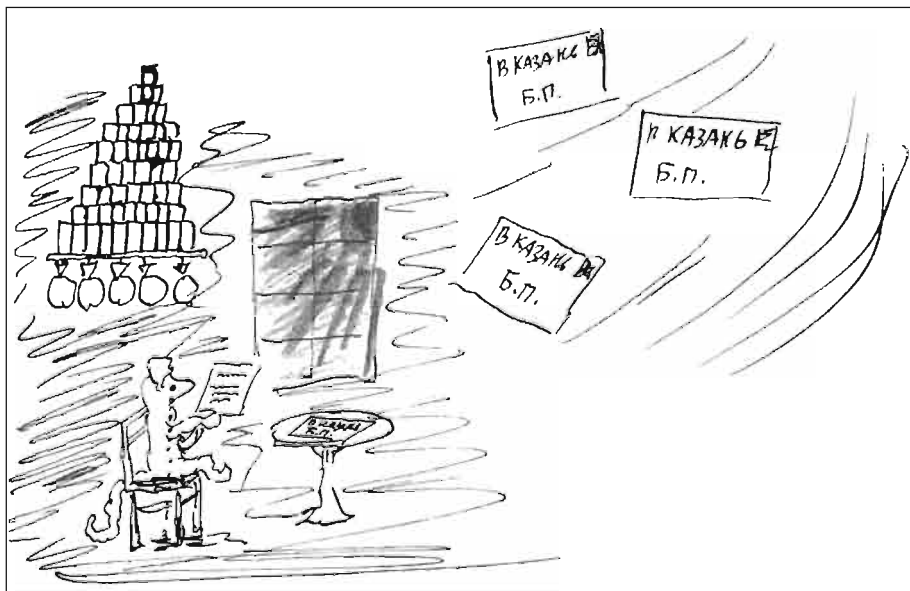
8 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Сегодня провел несколько часов в КВШ и секретариате Уполномоченного Комитета Обороны по делам науки. Эти два ведомства двух ипостасей Сергея Васильевича Кафтanova находятся под одной кровлей, но строго разделены. В первое учреждение вход свободный, а второе охраняется часовым в форме НКВД, ну и так далее...

Сначала я беседовал с заместителями Кафтanova тов. Балезиным и тов. Москвиным. Они по телефону сносились с НКП, Университетом и с разными другими деятелями КВШ. Затем я вместе с Балезиным был проведен к С.В. Кафтанову, который при мне сам звонил в Университет и НКП, и, наконец, к тов. Землячке. По окончании всех этих переговоров мне было сообщено, что я могу оставаться на постоянной работе в Москве в счет тех двадцати человек, вызов которых разрешен Университету.

Конечно, было бы гораздо проще, если бы мы пошли к Кафтанову вместе с Б.П. Орловым. Я это давно предлагал Борису Павловичу, но он от этого уклонялся. Провести же все это чисто бумажным пу-

Из "художественных дневников"

тем было, как я теперь вижу, явно безнадежно. Сложность всего этого дела объясняется двумя обстоятельствами:

1. Уже в момент моего приезда в Москву события под Харьковом заставили быть с вызовами новых работников в Москву осторожнее. Сейчас же, с появлением Воронежского направления, такие вызовы совсем прекращены.

2. Есть специальное указание Правительства не разрешать въезд в Москву академикам и членам-корреспондентам (это указание почему-то не подлежит оглашению среди заинтересованных лиц). Для преодоления этого указания и потребовался разговор с Землячкой.

В этой ситуации начинать сейчас (т.е. до осени) разговор о тебе было явно бессмысленным. Все произведенные до сих пор вызовы мотивировались оборонной работой, но и по этой линии все академики и члены-корреспонденты из списка отстаиваемых Университетом были в ЦК партии вычеркнуты. В моем случае уломать Кафтанова (а ему — Землячку) удалось лишь потому, что дело шло об уже организованной в Москве оборонной и иной работе.

Я думаю, что поступил правильно, добившись решения вопроса хотя бы о себе самом. Переориентироваться на зиму на Свердловск никогда не будет поздно, а положение, при котором я все-таки уже твердо чувствую себя в Москве, облегчает и все дальнейшее. Кафтанов сказал мне также, что основное руководство Университетом и местожительство ректора определено в Свердловске.

Из Ашхабада первый университетский эшелон в Свердловск отправляется 16 июля. Получена телеграмма, что с этим эшелоном едут Космодемьянский, а также получившие вызовы в Москву Вильнер и Рахматулин. О Боре пока не известно, когда он едет. Нет никаких известий и от Петровского.

-
- НКП — Народный Комиссариат Просвещения (Наркомпрос).
 - КВШ — Комитет по делам высшей школы Наркомпроса.
 - Боря — Б.В. Гнеденко.

9 июля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Дела по Арткому и факультету я рассчитываю кончить к 22 июля. После этого я могу поехать на месячный срок в Казань, Шелангу и Свердловск. Теперь, когда я стал “москвичом”, со всякими трудностями уже сопряжен для меня выезд из Москвы на срок, больший месяца. К тому же, я определенно хочу быть в Москве до 1 сентября для университетских дел (в частности, и твоих). В связи с этим, как я уже писал, для меня самый подходящий срок Шеланги с 25 июля по 10 августа (соответствующее заявление Гозенпуду прилагаю).

До сих пор не знаю, едет ли Боря в Свердловск первым эшелонем (16 июля). Вообще, все сведения из Ашхабада поступают только от механиков. Боюсь, что Борю вызвать в Москву было бы значительно легче, чем тебя, в мой кредит у Кафтанова, под оборонную работу и без Землячки, поскольку ему не требуется обходить запрет, действующий для академиков и членов-корреспондентов (видишь, ревниво оберегаемое тобою равенство в правах членов-корреспондентов с академиками не всегда выгодно!).

С Двухшерстовым мы в полном ладу. Боюсь, что на факультете можно располагать только Келдышем (комплексное переменное и уравнения математической физики), Райковым и “прежними” Глаголевым и Финиковым, Хлодовским и Романовским, Кудрявцевым и Демидовичем.

Лазарь Аронович надеется оформить свое постоянное пребывание в Москве по линии АН, как заведующего вычислительным отделом МИАН. Сергей Львович на это согласен.

Я не получал никакого официального приглашения на заседания Отделения и не знаю, когда они будут (или уже были).

Естественно, что в случае такого вызова (желательно, все-таки, чтобы это был официальный вызов Отделения) на определенные дни, я немедленно выеду. В этом случае, однако, я должен был бы, пробыв в Казани два дня, немедленно возвращаться обратно в Москву.

Телеграфируй, на каком варианте с Шелангой ты остановился.

-
- Лазарь Аронович — Л.А. Люстерник.
 - Сергей Львович — С.Л. Соболев.
 - Шеланга — имеется в виду дом отдыха на Волге под Казанью.

10 июля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Вчера был на “Лебедином озере”. Оркестр под управлением Сахарова (я не слышал его раньше — кажется, он довольно молод) звучал хорошо. Исполнители (за исключением Зигфрида) мне тоже понравились. Одетту-Одиллию танцевала С.А. Мессерер — судя по инициалам, дочь (на самом деле сестра — А.Ш.) заслуженного Асафа Мессерера, который для нее и соорудил новую постановку. Она очень хороша как Одетта, как Одиллия несколько хуже (а в обращении со своими бывшими подругами, оставшимися в кордебалете, вероятно, отвратительна). Зато очаровательны, именно своею молодостью и непосредственным юношеским обаянием, Бессмертнова и Васильева, танцующие в первом действии невест, а затем, с какой-то третьей, тоже молодой, балериной, танец маленьких лебедей. Особой моей слабостью остаются, впрочем, “рядовые” лебеди. Все они очень молоды (более зрелые, по-видимому, услаждают сейчас иностранных дипломатов в Куйбышеве), и даже детская неразвитость их фигур очень трогательна и к месту.

Самое неожиданное, однако, заключалось в восстановлении жизнерадостного финала! Нет никаких черных лебедей, и никто не умирает, кроме... злого гения, побежденного Зигфридом (он отрывает у него крыло)!

О “теме лебедей” и, вообще, о самой музыке не умею писать, подобно тебе, но слушал ее с большим наслаждением.

Возвращаясь к университетским делам. Перспективы преподавания в Университете выглядят так:

I курс. Анализ — я.

Алгебра — ты (или Туркин, Окунев, Дицман).

Аналитическая геометрия — Н.А. Глаголев.

Физика — Хайкин.

II курс. Алгебра — Туркин (?) — продолжение.

Анализ — Хлодовский — продолжение.

Дифференциальная геометрия — Фиников.

Дифференциальные уравнения — Люстерник, Райков.

Комплексное переменное — Келдыш.

III курс. Дифференциальные уравнения — Гребенча (?) — продолжение.

Комплексное переменное — Келдыш.

Вариационное исчисление — Люстерник.

Действительное переменное — ты (Романовский, Райков).

Теория вероятностей — я (Райков).

IV курс. Уравнения матем. физики — Келдыш.
(4-го курса математиков фактически нет).

Как видишь, если не будет тебя, Люстерника, Меньшова и Петровского, то будут опять Гребенча с Туркиным. Петровский, впрочем, почти наверное, не придет. Я предполагаю, в случае, если, кроме тебя, удастся вызвать еще нескольких “ашхабадцев”, в первую очередь вызвать В.В. Степанова с тем, чтобы Институтом в Свердловске руководил Курош (а в Москве — я). Может быть, для Университета это было бы наиболее полезно.

Еще некоторые дела:

1. Мне важно знать, приготовил ли Хинчин заключение на работу Бородачева.

2. Поехал ли Н.В. Смирнов в Свердловск?

3. Когда возвращаются Мальцев и Никольский?

4. Бороина работа, которая лежит у тебя, еще никуда для печати не отправлялась. (В ДАН напечатана только соответствующая заметка.) Отправить ее всего лучше в “Amer. Math. Journ.”. Референтами могут быть и Bochner, и Doob, или же Neuman (впрочем, и J. v. Neumann теперь от таких вещей не далек и оценит работу по достоинству, т.е. напечатает, похвалив за изящество результатов, но и поняв, что они не очень трудные).

Справляться надо было о работе Боброва, которая давно отправлена в “Annals”. Ее копия лежит в моих ящиках (в столе).

Два варианта распределения моего времени в июле—августе, которые были бы для меня наиболее удобны:

I вариант		II вариант	
Отъезд из Москвы в Казань	23/VII	Отъезд из Москвы в Свердловск	28/VII
Шеланга	25/VII — 8/VIII	Шеланга	10/VIII — 24/VIII
Отъезд в Свердловск	10/VIII	Возвращение в Москву	28/VIII
Возвращение в Москву	22/VIII		

В первом варианте все сроки могут быть, в случае необходимости, сдвинуты на несколько дней, но не позднее 30-го — иначе уже становится предпочтительным второй вариант. Пока же первый более желателен.

• Бороина работа — речь идет о работе Б.В. Гнеденко “Предельные теоремы для максимального члена вариационного ряда”, напечатанной в “Докладах АН СССР” (1941, т. 32, № 1, с. 7–9). Позднее полное изложение появилось в “Annals of Mathematics” (1943, v. 44, № 3, p. 423–453).

14 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

События на юге развиваются все более тревожно. Вот, Богу-чар — всего в 60 км от Калача, где живет Надежда Яковлевна. Сейчас не верится, что мы всего три недели назад собирались Варвару Яковлевну отправлять в Калач!

Если Надежде Яковлевне придется эвакуироваться, то могут понадобиться срочные меры помощи ей. Пусть Вера Яковлевна немедленно телеграфирует мне, если получит какие-нибудь сведения о Надежде Яковлевне. Может быть, придется хлопотать о разрешении для Н.Я. выехать в Казань.

В субботу (11-го) из Комитета Кафтанова мне передали весьма срочное расчетное задание. Работал в Комаровке воскресенье и понедельник с утра до ночи и достаточно овладел вопросом, чтобы завтра засадить за осуществление выработанной программы шестерых студентов с Дмитрием Абрамовичем Райковым в качестве надзирателя. Зато в первый раз имею ощущение настоящего дела: расчеты довольно элементарны, но уже через месяц все итоги работы должны быть разосланы по воинским частям, т.е. существенно было наладить эту работу быстро. На Дмитрия Абрамовича очень рассчитываю, как на образцового, хотя и временного, заведующего кабинетом прикладного анализа в Университете. Думаю, что на него можно положиться в организации и контроле безукоризненности работы, как мало на кого еще из математиков.

Не знаю теперь только, вылезу ли из всех дел к 24–25 июля. Надо сдать еще мою, хотя и чисто академическую, стрельбную работу, распорядиться кое-чем на факультете, и т.д.

Ввиду этого мне было бы желательно, чтобы твоя поездка в Шелангу допускала мое присоединение 25 июля или 1 августа (или 10 августа — т.е. уже после Свердловска) хотя бы на 10 дней! Мне кажется, что, имея право на полный месяц и претендуя только на житье в палатке в течение менее чем половины этого срока, я могу быть допущенным тогда, когда приеду. Пожалуйста, все-таки договорись об этом.

Последние дни очень устаю.

• Комитет Кафтанова — КВШ (Комитет по делам высшей школы Наркомпроса).

15 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

От Петровского получил телеграмму:

ОЧЕНЬ ПРОШУ ВЕСТИ ДЕЛА ФАКУЛЬТЕТА ПО АСПИРАНТУРЕ,
ПОЛУЧЕНИЮ ЗАКАЗОВ. ИМЕЕМ ШЕСТЬ КАНДИДАТОВ АСПИРАНТУРЫ.
МОСКВУ ПОЕДУ ЧЕРЕЗ СВЕРДЛОВСК. ПЕТРОВСКИЙ.

Телеграмму от Бори получил еще раньше.

Экспертная комиссия ВАКа по математике пока сформирована в составе:

Я — председатель,

М.В. Келдыш, Н.А. Глаголев, С.П. Фиников, Д.А. Райков.

Я уже жаловался на ее недостаточность и заговаривал о желательности периодических приездов “казанцев” (имея в виду, кроме тебя, еще Гельфонда). Пока это считается нежелательным. Но устроить бумагу не с вызовом, а с просьбой к Абраму Федоровичу, как к вице-президенту, тебя командировать, наверное, со временем, будет можно. Сейчас я на этом не очень настаиваю, имея в виду Шелангу, да и дела ВАКа еще не приехали.

Бумага о разрешении моей прописки, в соответствии с Постановлением Совнаркома от 8 июня сего года за № 893, пункт 3 (в нем говорится, что Московскому университету разрешается вызвать 20 человек), за личной подписью С.В. Кафтanova у меня в руках. Так что, я попал в тот 1% от числа въезжающих в Москву, который (в отличие от 99%) въезжает по всем правилам.

К Михаилу Сергеевичу надеюсь зайти сегодня, отдать ему твое письмо. Дней пять тому назад, когда я его видел, он был здоров и благополучен.

Я надеюсь выехать 27–28-го (не ранее).

Мне задержали выплату денег в университете (просто по нераспорядительности), и я не уверен, получу ли до отъезда причитающееся мне еще с марта.

-
- *Абрам Федорович — А.Ф. Иоффе*
 - *Михаил Сергеевич — М.С. Александров.*

16 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Сижу сейчас в паспортном отделе Московской милиции. Здесь полный порядок, но 22-й номер моей очереди обещает мне довольно долгое ожидание...

При этом сейчас я только сдам бумаги, а самое разрешение на прописку получу только через пять дней.

В университете сейчас конец экзаменационной сессии и отправление студентов на сельскохозяйственные работы. Учебный план уже утвержден на Совете 2 июля, но распределение нагрузки, даже между наличествующими работниками, откладывается. Без Орлова сделать что-нибудь трудно (его заместители отказываются даже обсуждать вопросы комплектования штатов с осени). Это, однако, имеет и свои преимущества — к осени будет яснее, кто же будет в Москве.

Математиков на 4 курсе почти нет (в то время 4-й курс был последний, выпускной). Четвертый курс будет слушать (математики и механики вместе) теорию вероятностей и вариационное исчисление, и этот курс будет распределен по прикладным специальностям. Кроме какого-нибудь одного спецкурса и одного семинара (может быть, вместе с аспирантами), им, по существу, ничего и не нужно (в учебном плане стоит теория чисел и высшая геометрия).

На третьем курсе нашлось целых девять математиков, столько же механиков и шесть астрономов (астрономы обучались тогда на Механико-математическом (а не на Физическом, как сейчас) факультете). Этим математикам в первом семестре должна читаться теория функций действительного переменного. Пока она, в ожидании тебя, за Романовским.

Тебе резервируется еще анализ на втором курсе. Пока он записан за Хлодовским (вместе с физиками!), но на втором курсе это уже нехорошо, и можно будет физиков отделить и отдать Хлодовскому.

На меня определенно записан анализ на первом курсе: четыре часа в неделю вместе с физиками и один час математикам дополнительно. Если я возьму себе еще и одну группу упражнений, то отдам Райкову теорию вероятностей — она читается сразу всем математикам и механикам третьего и четвертого курсов (читается, как обычно, один семестр, но только два часа в неделю). Зато во втором

семестре к ней примыкает теория стрельбы, которую придется читать мне (той части 3-го и 4-го курсов, которые изберут соответствующую специальность).

Вычислительные дела — под Райковым. По-видимому, там начнется хорошая работа, занимающая человек до 10—15 студентов и все меньше требующая организационных усилий от меня.

Мое положение председателя Совета при сменяющемся И.О. декана неприятно невозможностью изловить этого И.О. и что-либо быстро сделать. Зато сам я не очень теперь стремлюсь править факультетом, так как вижу, что это трудно.

16 июля 1942 г.

Продолжение

(из Москвы
в Казань)

Отправляю тебе почтой письмо, написанное, в значительной части, в паспортном отделе Московской милиции (мои милицеские страдания еще не кончились: завтра надо идти к начальнику милиции Свердловского района). Не стану, однако, писать о вынесенных из пребывания в этом учреждении впечатлениях относительно перспектив твоей прописки осенью (в основном, эти впечатления сводятся к тому, что в твоём случае придется уже не брезговать более обычными способами ускорения, без формального включения в лимиты, и что таких способов очень много).

Сейчас меня, да, вероятно, и тебя, настолько больше волнует развитие событий на юге, что как-то нелепо обсуждать прописочные проблемы. Ты читаешь, конечно, что, подобно октябрю прошлого года, выдвинут лозунг

ОСТАНОВИТЬ ВРАГА ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

И это понятно, так как пустить немцев к нижней Волге было бы чуть ли не хуже, чем отдать Москву. Удастся остановить — быть может, последует и наше осеннее наступление. Все это бесконечно существеннее и для нашей личной судьбы, чем то, когда ты поедешь в Москву — в августе, сентябре, январе или... мае.

Сейчас стал еще важным вопрос о Надежде Яковлевне. Я посылаю ей в Калач телеграмму:

ПРИЕЗЖАЙ СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ КАЗАНЬ.
ЖИЛЬЕ РАБОТА НАЙДУТСЯ.

Приехать она может не раньше меня. Надеюсь, что ее прописать в Казани удастся. Вероятно, несмотря на возраст, она захочет работать. По-видимому, это возможно? Спрашиваю тебя, так как ты можешь спросить, например, Вишневецкого, указав, что дело идет о рядовом, но по общему местному мнению, опытном и хорошем деревенском враче 75-летнего возраста. Конечно, очень возможно, что Надежда Яковлевна будет автоматически эвакуирована в какую-либо деревенскую же местность и будет этим очень довольна, но дать ей возможность, в случае нужды, уверенно ехать к нам, в Казань — необходимо. Все-таки, она может совсем растеряться и нуждаться в приюте просто для успокоения. Если даже дело с ее работой в Казани не выйдет, такая телеграмма должна облегчить ей решение приехать к нам, если она этого захочет. Возможно, повторяю, что она и сама предпочтет искать себе место в каком-нибудь маленьком городке, а не в Казани. Если вы получите какие-либо сведения о Н.Я. (уже после ее выезда из Калача), то необходимо, чтобы и Вера Яковлевна немедленно телеграфировала бы ей о возможности приехать к нам, в Казань (я все же не очень рассчитываю, что моя телеграмма до нее дойдет).

Пишу за маленьким столиком, который у меня стоит на месте снятого телефона — это мой вечерний кабинет (за отсутствием затемнения в комнате). Перехожу на темы чисто лирические.

Последним впечатлением сегодняшнего дня было следующее. Я шел от Ани Егоровой (которой, впрочем, не застал) к себе домой по Тверскому бульвару. Вдруг прямо передо мной остановился, загородив мне дорогу, молодой армянин с зелеными нашивками фронтовика и двумя квадратиками и начал, не очень внятно, говорить: “...Можно Вас на минуту... Послушайте одну минуту... Я вижу, Вы орден носите... Давайте, пойдемте, вина купим...”

Я ему объяснил, что, к сожалению, никак не могу, но не сказал, что у меня при этом в кармане только что купленная книжка молодого армянского поэта Ашота Граши “Карабахская весна”. Купил я ее по непонятной интуиции (книжек со стихами современных поэтов сотни, а я пока купил только две (первая — Ивана Егоришина — несравненно слабее) и пришел от нее в восторг с чисто поэтической стороны. Тебе же, может быть, особенно интересным покажется следующее автобиографическое стихотворение.

Детство

*...Я приставлен к гусям пастухом,
Белоснежных хозяйских гусей стерегу,*

*Я на пастбище птиц выгоняю с зарей,
Темным вечером лишь пригоняю домой.*

*Ночью сплю я с собакой вдвоем в конуре,
И от холода дрогну я с ней на заре,
Мы дружны — делим все пополам меж собой.*

*Гуси спят в своем теплом загоне, все спит.
Слышно из дому — громко хозяин храпит.
Съел он гуся и пьян от вина...
Скоро триста гусей я пастишь погоню...*

*И собрал я гусей, и знакомой тропой
Я, веселый, довольный, погнал их домой.
Мой хозяин не лег, как всегда, еще спать.
Вышел из дому, начал гусей он считать.
Всех гусей, не спеша, мой хозяин считал,
А сосчитанных — в птичий загон загонял.
Все считал он, а двор от гусей все белел,
Будто нет им числа и не дан им предел!*

А купил я “Карабахскую весну” в фойэ театра, где был вновь на “Лебедином озере”. С балетной стороны, это посещение было удачнее. Руденко (мы его видели с тобой в “Шелкунчике”) хорош в роли Зигфрида — танцует не только легко, но и с настоящей одухотворенностью, которая в этой роли так нужна. И Головкина значительно лучше Мессерер (основное достоинство которой заключается в том, что она не Серафима или какая-нибудь Эльвира, а Суламифь Мессерер). Может, Головкина и уступает Улановой, но московские военные ею очень увлечены, и многие пришли специально “на нее”. После третьего акта, в конце которого тема лебедей гремит с необычайной мощью, ушел, чтобы не присутствовать при стряпне самого Мессерера в финале. Музыка там, наверное, вся самого Петра Ильича (и даже, насколько я понял, первые представления и были с жизнерадостным финалом), но как-то уж очень глупо все это, все-таки, получается.

Разобрался по программке: первые три акта сохранены в постановке Горского, а только четвертый заново поставлен Мессерером. При этом в заключительном апофеозе никакой “темы лебедей” нет!

17 июля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Нагорный Карабах — прекрасная лесная горная страна к востоку от Севана, куда я давно собираюсь поехать.

Граши Ашот — член ВЛКСМ, рожд. 1911 г. (стал ли он с возрастом и членом ВКП(б) — не указано). Переводы на русский язык в книжке принадлежат множеству различных авторов, но все они “авторизованы” и, судя по однородности стиля, довольно сильно.

Повесть печальной любви прежних дней,
Повесть о сердце, грустившем давно,
Схожа с игрою вечерних теней —
Сердце? Не пеплом ли стало оно,
Чтоб улетучиться с запахом роз?
Юность любимой была так нежна,
Пенье ее волновало, неслоь,
Словно звенела ветвями весна.
Думал я — пусть пролетают года,
Станет она юной липы стройней,
Думал — она для любви молода,
Как нерасцветившие маки полей...
Встретил вчера на закате ее,
Снова тоскою душа смятена...
Где же ты, счастье слепое мое!
Стала женою другого она...

Чаша неба глубока —
Отпылала на заре,
Стали пеплом облака.
Шли багряною грядой,
Потускнели в вышине,
И остался прах седой...
Молодость, и ты цвела,
Озаряла дни мои,
Алым облачком плыла,
И сейчас еще ярка...
Но погаснешь, догоришь,
Как погасли облака.

Журавли поют песни
Над зарею моей,
Узнаю свои песни
В голосах журавлей.

*Журавлиные песни
У меня на устах,
И мои поют песни
Журавли в небесах.*

*Да, на горах сегодня умер снег,
Весенними лучами покорен,
Под ласточкино пенье умер он,
Растаял снег..*

*Пусть умер снег, — пушистым облакам
Такая смерть завидна и легка.
День смерти снега — день рождения рек,
Весну благословляя, умер снег!*

*Приди ко мне, лес ветвистый,
Листвою ворвись в окно,
Грущу о тебе давно,
Приди ко мне, лес ветвистый.
Жизнь мчится рекою быстрой...
С прохладою заодно
Приди ко мне, лес ветвистый,
Листвою ворвись в окно.*

*Снесите привет, ветерки.
Весне и лужице талой,
Маку в косынке алой
Снесите привет, ветерки.*

*Летите за песней, легки,
К ручью, что звенит, как бывало,
Снесите привет, ветерки,
Траве и лужице талой.*

*Узнать бы, кто бродит дорогой,
Где прежде бродил я один,
У бурных и пенных стремнин...
Узнать бы, кто бродит дорогой,*

*Где ветер ложбины отлогой
Вдыхает ромашку и тмин...
Узнать бы, кто бродит дорогой,
Где прежде бродил я один?*

*Сына своего я назвал Давид,
Чтобы перерос он меня стократ,
Чтоб из бронзы был мой олень отлит,
Чтобы сердце в нем зрело, как гранат.*

*Тебя пою, Аястан, страна заоблачных гор,
Руин в сединах узор, долин цветущих простор,
Гехардадзор! Сколько роз
Увяло здесь! Сколько слез
Здесь пролилось!
Сколько солнц померкший видит мой взор!
Осенний лес рыжеволос, как яр,
Осенний ветер затевает пляс,
И листопад бушует, как пожар,
Листва червонным золотом зажглась.
И, словно птица, кружится листва,
Чуть замедляя в воздухе полет,
Речной волны касается едва
И золотой флотилией плывет.
Так осыпаются мои года:
Уходит молодость, тускнеет взор,
Но сердце юность сохранит всегда,
Как зеленеет вечно шумный бор.
Так солнечна родимая страна!
На юношей похожи старики!
Зима, как май, прекрасна и ясна...*

.....
*Осенний лес рыжеволос, как яр,
И листья усыпают путь певца,
И золото свое приносят в дар.
Чтобы звенела песня без конца.*

-
- Сборник *“Карабахская весна”* армянского поэта Ашота Граши мы пока не отыскали. Но в Комаровском доме есть более поздний сборник лирики А. Граши, 1956 года, в который вошли три из цитируемых здесь стихотворения. Значит, полюбился Андрею Николаевичу этот молодой поэт, родом из Карабаха, первый сборник стихов которого был куплен в тот день 16 июля 1942 года. В коротенькой аннотации к сборнику *“Лирика”* (1956) читаем:

“Ашот Граши (Ашот Богдасарович Григорян) получил среднее образование в Баку, в 1931 г. окончил Ереванский педагогический институт. Первый сборник стихов “Вступление” вышел в 1934 г. На русский язык переведены сборники: “Карабахская весна” (1941), “Горы поют” (1946), “Солдаты мира” (1950). Многие стихи А. Граши переложены на музыку”.

19 июля 1942 г.

Воскресенье

(из Комаровки
в Казань)

Два из беспокоивших меня или досаждавших мне дел пришли в порядок.

1. Дело с пропиской (оно меня не беспокоило, но очень досаждало своей бессмысленностью). Вчера, в одиннадцать часов вечера (!) мне, не без скандала, удалось добраться до начальника милиции Свердловского р-на тов. Бурмистрова. Естественно, что, как в таких случаях и полагается, сам тов. Бурмистров был мил и любезен, извинялся за то, что заставил ждать, и начертил на письме С.В. Кафтанова:

Начальнику 13 отделения милиции.

Прописать постоянно.

Бурмистров

При этом к начальнику 13 отделения мне уже идти не нужно — все дальнейшее делает домоуправление.

2. Дело, которое начинает приходить в порядок — это университетский кабинет прикладного анализа. Д.А. Райков сразу поставил вопрос так, что, пригласив его, я уже не должен вмешиваться в заключение договоров, оплату сотрудников и работающих у нас студентов, и т.п. Более того, когда я предлагаю метод разложения нужных нам функций в ряды, требующий довольно сложных, хотя и элементарных, выкладок для составления схемы расчета, которую уже можно дать вычислителям, то он тут же берется сам все подготовить, без меня. Вообще, это не то, что Чебан или Папуш!

Наконец, Куликов (бывший заместитель Фесенкова по ГАИШу), сделавшийся заместителем декана, — очень приятный и дельный человек, с ним будет работать намного легче, чем с Двухшерстовым.

Дел осталось еще порядочно, но теперь уже можно видеть, как и когда они кончатся. Поэтому рассчитываю около 30 июля выехать в Казань и провести в Шеланге дней десять.

В Москве появился Бермант. Видно, однако, что он, хоть и доволен, но в то же время боится, вовремя ли он приехал (это, вообще, довольно распространенное сейчас настроение).

По существу же, сейчас важен исход БИТВЫ ЗА ДОН. По-видимому, ее считают столь же решающей, как оборону Москвы осенью прошлого года.

В Москве, впрочем, все устроивается на спокойный лад. В частности, против нас (в Комаровке — А.Ш.), вместо лазарета, открывается Дом отдыха для "АКАДЕМИКОВ И ВЫСШЕГО КОМСОСТАВА". Сейчас руководство этого заведения приходило спрашивать, не сдадим ли мы им наш дом, так как именно ученую часть своих клиентов они хотят разместить в нанятых соседних домах. Очень жалею с Мариной, что не им отдана дача Браудо.

Надеюсь, что в открываемый дом отдыха можно будет частично перевести наше питание.

X.T.

P.S. Взял лодку в Толмаче и дотам до самого Вязового, но погода совсем не исправилась: был даже вьюга маленький цыганчик.

P.S.P.S. Еще к Губину вечером: прописывать в Мирищенском р-не по вьюгам полу-убедительным путем, говорят, еще легче.

• ГАИШ — Государственный Астрономический институт им. П.К. Штернберга — подразделение МГУ.

19 июля 1942 г.

Продолжение

(из Комаровки
в Казань)

Выводы относительно перспектив твоего водворения в Москву.

1. Вполне разумно, что это не случилось сейчас — в Москве всюду вывешены новые объявления:

Прием по вопросам выдачи пропусков и прописки без вызовов
Наркоматов прекращен.

Основание: Постановление Комитета Оборона.

2. Возможно, что осенью удастся ввезти тебя и по первому разряду (т.е. в счет лимитов, отпускаемых Совнаркомом).

Однако, а) это сомнительно, так как пока эти лимиты отпускались только под соусом оборонных работ, а ты, кажется, не только не склонен их вести, но и делать вид, что их ведешь; б) это вряд ли необходимо. В моем случае С.В. Кафтанов распорядился прописать меня в счет лимита из 20 человек, отпущенного Совнаркомом Университету еще в июне, но прописан я фактически без использования этого лимита (получилось это потому, что у меня уже было две временных прописки — и хотя основание это было, очевидным образом, ошибочно, я не стал на этом настаивать).

3. Начать следует с твоего приезда в сентябре (будем предполагать, что положение на фронте к этому времени улучшится) в командировку. Я заведомо могу получить адресованную в Академию Наук просьбу тебя командировать от Университета (а вероятно, и от КВШ). В этом случае решение вопроса будет зависеть от настроения Абрама Федоровича.

4. Приехав в Москву и прописавшись временно, надо стараться получить ходатайство о постоянной прописке, адресованное начальнику милиции нашего Свердловского района тов. Бурмистрову от Кафтанова, наркома или зам. наркома. И если такое ходатайство будет подписано, то можно рассчитывать на успех.

Прописаться в Мытищинском районе по всяким полу-убедительным бумагам, говорят, еще легче.

Погода исправилась, и я ходил посмотреть, нет ли лодок в Болшеве. Взял лодку и доплыл до самого Образцова, но опять под маленьким дождиком.

• Абрам Федорович — А.Ф. Иоффе.

23 июля 1942 г.

(из Москвы
в Казань)

Нашелся Глеб! После обучения в Йошкар-Оле он отправлен на фронт, в инженерно-строительную часть, но рядовым.

Получил твое двадцатое письмо, которое объявлено последним. Надеюсь, все же, что ввиду изменения моего срока отъезда в Казань, ты успеешь написать еще.

Боюсь, что мое отсутствие в Москве в августе придется всячески сократить, так как, например, вчера новый и.о. декана Куликов сообщил мне, что ему передали (форма — неопределенная) следующий список необходимейших и первоочередных вызовов по факультету:

Бухгольц, Петровский,
Степанов, Тумаркин

— все. Куликов, впрочем, очень порядочный и довольно умный человек и исполнен лучших намерений. С ним мы (о математиках) договорились, что

1. Петровский, уже имеющий вызов, должен сам решать, хочет ли он первым из всего возглавляемого им коллектива отбыть в Москву, или же, побывав в Москве, вернуться в Свердловск.

2. Первоочередными из дальнейших вызовов считать тебя и Степанова. Что касается Вячеслава Васильевича, то его вызов и обоснован объективно (необеспеченность здесь дифференциальных уравнений, возможная оборонная тематика), и был бы только полезен для Свердловска (где по Институту его мог бы заменить, например, Курош).

Из механиков в Москве, независимо от Университета, появился еще Ишлинский. Вообще, механиков так много, что им решительно нечего делать. Поэтому 15 студентов-механиков старшего курса должны, каждый, избрать а) одну из 6 специальностей и б) один из 4 “спецциклов” (в любой из 24 возможных комбинаций).

Вчера происходила защита Кондрашова (удовлетворительно).

Затем был утвержден учебный план в части общих для всего факультета дисциплин. Он почти тождествен с обычным, мирным.

Для тебя имеются такие возможности: алгебра (на 1 курсе) и анализ (на 2 курсе).

Кроме того, Романовский согласен передать тебе действительное переменное. (Мне сейчас важно иметь нагрузку для тебя, но такую, которая могла бы быть обеспечена кем-либо еще, если тебя, все же, не будет.)

25 июля 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Приехал в Комаровку вечером в четверг, 23-го, с намерением не уезжать, не окончив работы для Арткома. Есть надежда, что это намерение будет выполнено и в понедельник работа будет окончена. (Вчера написал два параграфа на 12-ти страницах, сегодня — один на 8-ми и обдумал ряд следующих.)

К сожалению, как и все последние годы, даже в этих, чисто практических писаниях вполне преходящего значения меня продолжает мучить проблема точного изложения мыслей. Ты, вероятно, помнишь, что эти мои страдания начались с писания нашей “Алгебры” в 1937 г. и отзыва о тебе в 1938-м. С тех пор эти мучения забирают значительную часть моей нервной энергии. Даже письма я пишу по несколько раз.

Несомненно, в этом есть некоторые элементы психоза, который должен быть излечен отдыхом и умеренностью в работе. Но с другой стороны, именно при писании нашей “Алгебры” и при всяких писаниях по прикладным поводам мне кажется, что дело здесь идет о серьезной и объективной проблеме, совсем не связанной с детскими слабостями.

В отвлеченных (теоретико-множественных) частях современной математики достигнута точность (не строгость доказательств, а просто точность самих формулировок), которая еще весьма упорно не удаётся не только в психологии или философии, но и в любой прикладной математической науке (пресловутые споры об определениях силы, массы и т.п.). При “математизировании” любой подобной области трудность может быть обойдена путем создания аксиоматики, но тогда остается проблема интерпретации. Ты знаешь, что кроме одного, по-моему хорошего, параграфа в “Grundbegriffe” я ничего не напечатал относительно связи аксиоматики теории вероятностей с реальным смыслом понятия “вероятность”, хотя и мог бы сделать это лучше многих, и в докладах в Математическом обществе говорил на эту тему очень много.

Что касается специально реальной интерпретации теории вероятностей, то последнее время мне, кажется, удастся найти очень простое и убедительное изложение моих довольно давних взглядов.

Но иногда я уж совершенно зазнаюсь и начинаю мечтать сделаться настоящим философом и заняться существенным углублением и уточнением работ Husserl'я и т.п. Ведь у Husserl'я, в основном, дело и шло о возможном расширении области, в которой можно, хотя бы ничего не утверждая, точно определить смысл тех или иных (пусть гипотетических!) высказываний.

С нашим Ученым советом положение такое: и ранее Двухшерстов, и теперь Куликов объявили мне, что я назначен его председателем, но Нила Александровича они в известность почему-то не поставили, и он спокойно занял вчера председательское место.

26 июля 1942 г.

воскресенье

Продолжение

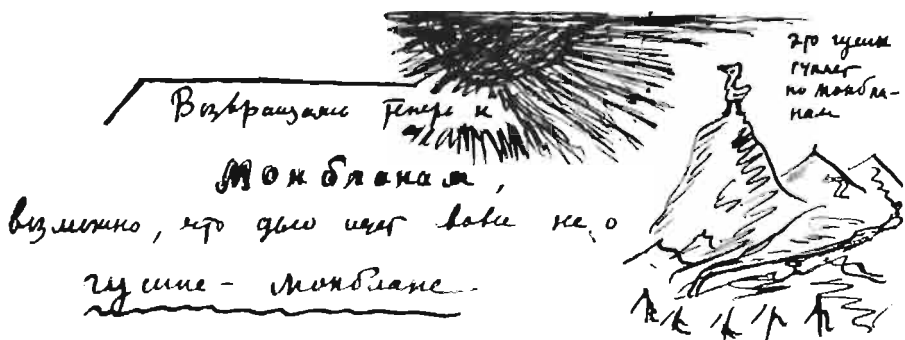
(из Комаровки
в Казань)

Не буду продолжать предыдущие размышления на тему о возможности использовать отсутствие филологической одаренности для борьбы с тем, что я называю филологическим стилем мышления. Расскажу лишь анекдотический случай, произошедший со мной во время поездки в Свердловск в мае этого года. Я, как раз, вещал академику Сперанскому о вреде филологического мышления и рассуждал при этом относительно микроскопических и макроскопических закономерностей в физике, никак не будучи в состоянии понять, что его в моих рассуждениях так забавляет. И только потом я сообразил, насколько моя терминология была хорошей (хотя и несколько забавной) иллюстрацией к развивавшемуся мною перед этим тезису о безразличности выбора терминов (говорилось об интегралах- L , интегралах- D и бессмысленности вопроса о том, что такое интеграл “вообще”, или, еще лучше, что такое выражение

“ y стремится к b ,
когда x стремится к a ”,

где каждая половина выражения, вообще, не имеет смысла).

Недавно я купил книжку Промптова "Перелеты птиц" (А.Н. Промп-тов "Сезонные миграции птиц". — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941; хранится в Комаровском доме.). Промптов — автор довольно глупый, но добросовестно ре-ферирует мнения всех знаменитостей. Главное же, что поражает меня и у Промптова, и у знаменитостей, это отсутствие логики. Особенно, в вопросе о разуме и инстинкте, в котором со времени Фабра произошел лишь регресс благодаря дурно понятому учению акад. Павлова. Пишу "дурно понятому" потому, что сам Павлов не делал особого различия между условными рефлексами и челове-ческим "разумом", в зоопсихологии же, когда "разум" животных заключается в кавычки, это обозначает их противопоставление человеку. Настоящая же научная задача и заключается в том, чтобы в терминах "поведения", т.е. подлежащих объективному наблюдению реакций живого существа, установить различия между "инстинктами" и "разумными реакциями", что, вероятно, возможно.

а именно о
правильности гугулы
по общепринятым монблан-
(математическим и не математическим).

Может быть мы (и я, в особенности) слишком привыкли серьезно относиться только к тому, что является нашим собственным привязаном в человеческую культуру. Мне кажется, это — особенность последних лет, бывших, по существу, годами бескультурья.

Когда я, например, начинаю мечтать, что когда-либо мы вместе с тобой напишем книжку

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

(траурная рамка в честь того, что он основательно кончился), в которой неким образом будут синтезированы Канторовский Парадиз с Музыкой Шумана и погружены в более широкую демократически-человеческую атмосферу Пастеров и Эдисонов, социализма и (в более трагическом, но все же простом и демократическом аспекте) музыки Чайковского, то, вероятно, только потому, что мне казалось бы зазорным серьезно заниматься культивированием этой темы просто для себя — пойти, например, в университетскую библиотеку и разыскать там музыкально-критические писания Шумана (недавно по радио передавали Шумановский “Карнавал” в исполнении Рахманинова!).

Я перечитывал брошенные (или “оставленные на Волю Господню”) тобой наши письма 1930—1932 годов и живо воспринимал, насколько все это было хорошо и насколько весь этот, созданный тог-

да и позднее наш с тобой общий, но отделенный от всего остального особый мир (Г.П.М. — в дополнение к Г.П.Д., где он территориально помещается) для меня дорог и существен.

Я очень обрадовался твоему письму, в котором сообщается, что ты предполагаешь продлить свою научную деятельность “до 50—55, а может быть, и до 60 лет”. После 60 лет ты уже спокойно будешь писать свои мемуары или упомянутый “Девятнадцатый век”, если вдруг, в самом деле, случится, что мы в Ко-

маровке останемся последними его представителями, которые еще будут способны воспеть его во всем его великолепии, которого сам он никогда не сознавал. Это, в самом деле, весьма замечательно, что

19-й век, сознавая свое величие в технике, всегда страшно скромничал в остальных отношениях перед античностью, средними веками, Возрождением и даже 18-м веком, а будет, наверное, через тысячу лет светиться, как особая яркая точка в мировой истории вовсе не из-за техники (которая, вместе с мировыми войнами, будет отнесена больше к 20-му веку).

Боюсь, однако, что ориентироваться надо больше не на *begrifflicher* (отвлеченного — нем.) Ландау в новом Гёттингене на Волге, а, скорее, на нового Хаусдорфа, сидящего замкнуто в Комаровке при своем радио и *Weinkeller'e* (винный погребок — нем.). (Это, впрочем, относится к нам обоим.)

Впрочем, придя к заключению (это уже для себя), что никаким “спасением” Московского университета сейчас мне заниматься не стоит, а надо более последовательно (и уже сейчас) пытаться как-то стабилизировать свою замкнутую внутреннюю работу (и круг людей, с ней непосредственно связанных), я, все же, сохраняю мечту, что в надлежащий момент мы для “Кембриджа на Волге” по Н.Н. Семенову (хотя я и предпочел бы, чтобы это был просто *Volga—University*) или чего-либо подобного можем понадобится. Думаю только, что, имея значительно более сложные требования, мы и вероятные сроки должны отнести еще дальше.

Однако, в более узком плане, именно для топологии, ты в ближайшие же годы после войны, может быть (и, даже, вероятно), найдешь в Москве материал для нового “топологического” биения сердца, если сам будешь его иметь.

Что же касается твоего “признания” математическим “коллективом”, то

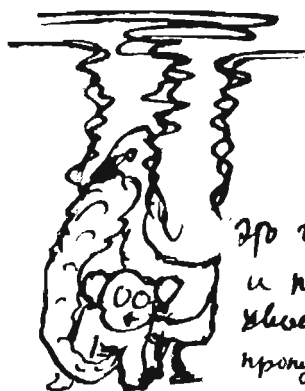
А) Несомненно, было бы хорошо добиться должных, хотя бы и “суетных”, почестей. Я очень сожалею, что вышел не только из Президиума, но и, вообще, из переплетения академических блоков и взаимных услуг как раз к тому моменту, когда объявляются новые выборы. Дело достаточно важное, чтобы ради него и подождать полгода, если не с Президиумом, то с общим устранением от академической “политики”, которого я мог и не производить так круто. Сейчас буду стараться, как сумею.

Я пришел к заключению, что я лишь очень удачно сделал вид, что добился своего вывода сам (этому многие, кажется, верят?). В действительности же, увлечение А.Ф. желанием руководить физикой, вместе с нерасположением ко мне В.Л. Комарова, могли бы привести к этому результату в Свердловске и помимо моего желания. Другое дело, если бы дело существенно зависело от членов Физико-мате-

матического отделения. Там все, во главе с Петром Леонидовичем, поддерживали бы меня именно ради некоторого обуздания А.Ф.

В) В то же время надо понимать, что признание со стороны математиков, знающих топологию, появится искренне или лишь после снабжения тебя всеми надлежащими почестями, или после окончательного снятия вопроса об этих почестях с очереди.

Так уж устроена человеческая природа, что приятно впервые выдвигать (в академики или лауреаты) кого-либо, кого никто еще не выдвигал; возможно (хотя и не так приятно) признавать заслуги кого-либо, кто уже проскочил (в академики или лауреаты); но вызывает лишь раздражение много лет подряд ожидающий заслуженного им звания или премии.

Этот член философского
и не менее с философией
является, который он
пропустил между латинскими

-
- “Алгебра” — речь идет о совместном с П.С. Александровым учебнике “Алгебра”, вышедшем в 1939 г. 1937 год, по-видимому, упоминается, как год работы над рукописью учебника.
 - “Grundbegriffe” — монография “Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung”, впервые вышла в 1933 г. на немецком языке. Русское издание под названием “Основные понятия теории вероятностей” появилось в 1936 г. и затем еще дважды — в 1974 и 1998 годах.
 - Нил Александрович — Н.А. Глаголев.
 - Г.П.М. — сокращение от “Гусь-Песий Мир”.
 - Г.П.Д. — сокращение от “Гусь-Песий Дом”.
 - А.Ф. — Абрам Федорович Иоффе.
 - Петр Леонидович — П.Л. Капица.

16 августа 1942 г.

(Казань,
без конверта)

В Казань мы с А.Ф. приехали только в половине девятого, так как, как это и полагается, наша моторка три раза останавливалась и требовала починки, а за два километра до пристани вышел весь бензин и его покупали у смотрителя некоего нефтесклада.

Тебе советую плыть нормальным парходом — на линию Казань—Шеланга—Красновидово пущен прекрасный катер “Молоков” с Волгоканала. Мы его встретили немного выше Шеланги, а перед Казанью он уже нас обогнал (!), возвращаясь из Шеланги, откуда отошел, по-видимому, в шесть часов.

Титов служит у А.Ф. в Институте механиком, но фактически (по крайней мере, последний месяц) он занят приобретением, ремонтом и отставиванием от других организаций моторной лодки. Таким образом, поездки А.Ф. в Шелангу требуют:

- 1. штатного механика в Институте;*
- 2. содержания в Шеланге жены и дочери этого механика;*
- 3. моториста;*
- 4. 60 (!) литров бензина на каждую поездку.*

Оставляю у В.Я. том “Воспоминаний” А.Н.Крылова (написано осенью 1941 г. в Казани и издано Академией Наук).

Сейчас от Бори получено еще письмо, где он пишет, что ввиду расширения деятельности университетских канцелярий его перевели в одну комнату с Лаврентьевым. Второй эшелон со всеми математиками выехал из Ашхабада 5 августа.

Тебе кланяются (в письме) Глеб и Аня. Глеб на фронте командует минометом (в воинском звании сержанта).

Еду завтра, в 12 часов, в каком вагоне — еще не знаю.

Приеду, как условлено, 22-го или 23-го.

-
- А.Ф. — Абрам Федорович Иоффе.
 - Том “Воспоминаний” А.Н. Крылова — книга А.Н.Крылова “Мои воспоминания” была написана в Казани и впервые вышла в свет в 1942 г.; последнее, 8-е издание — 1984 г.
 - Глеб — Глеб Александрович Селиверстов.

30 августа 1942 г.

Час ночи с воскресенья
на понедельник

(из Москвы, Старопименовский пер.
в Казань)

Приехал 29-го около двух часов дня. Сегодня утром забегал на минуту к Варваре Яковлевне и Ольге Яковлевне по хозяйственным делам, пил кофе у Маргариты Михайловны в Б.Могильцевском переулке и уехал с Аней в Люблино на ее огород (огромный: 400 кочнов капусты и т.д.). Там мы выкопали и окучили 0,2 га картофельного участка и пропололи капусту, попали под дождь (что дало возможность Аниным сослуживцам, которые в воскресный день, естественно, тоже работали на огородах, наблюдать академика босиком и без рубашки и Аню, в совершенно мокром платье, стоящими, тесно прижавшись к дереву).

Приехали в Москву в 8 час. вечера к Маргарите Михайловне, которая уже разогревала обеды, которые она получила (из Дома ученых и из Аниной столовой). Здесь Маргарите Михайловне было объявлено о нашем с Аней решении, она нас поцеловала и представила меня как новоявленного брата Аниной сестре Аде.

Вечером мы сидели с Аней вдвоем и обсуждали разные планы будущего. О них позднее. Во всяком случае, Аня переселяется на днях ко мне (в Москве), а в ближайшее воскресенье мы едем в Комаровку. Все это могло бы случиться еще в 1927 году (март 1927 года в Аносине был единственным месяцем Сережиной любви к Ане, что и привело к рождению Олега в декабре 1927 года), если бы я не был слишком тих тогда.

Сейчас пишу тебе в комнате Аниного брата Левы, от которого с осени нет никаких известий с фронта. Завтра в шесть часов утра мы пьем кофе и расходимся: Аня в Люблино, а я к себе, на Старопименовский и в Университет. В 8 час. вечера Аня прибудет ко мне.

Маргарита Михайловна — приятная и умная женщина из чисто русской семьи, но приписывает себе примесь цыганской крови, уклоняясь, однако, от объяснений, почему не то у ее бабушки, не то у ее прабабушки все дети были беленькими, а только одна дочь черненькой. Немкой же была бабушка Ани по отцу.

-
- Маргарита Михайловна — М.М. Егорова.
 - Ада — Ада Дмитриевна Егорова.
 - Лева — Лев Дмитриевич Егоров.

1 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

Дни мои переполнены. Об их университетском наполнении здесь не буду писать, хотя оно и занимает большую долю времени. Наш с Аней роман развивается в стиле романа Нью-Йоркских безработных (по Чарли Чаплину):

- 2—5 августа — она заболевает цингой от недоедания;
— он приносит ей сливочное масло, морковку и печенье;
— она, хотя ей велено лежать, бежит к нему, но он ее прогоняет, чтобы лежала и потому, что он торопится на поезд в Казань.
30 августа — они полют огород на полях орошения и объясняются в любви на мостках, переброшенных через каналы со сточными водами;
— их застигает дождь, и они стоят под деревом на глазах у убегающих от дождя ее сослуживцев (он в одних засученных штанах, а она в мокром прозрачном платье);
— они идут по шоссе — она в башмаках, подвязанных проволокой и с выглядывающими из дыр пальцами, со связкой репы в руке; он — босиком, с двумя лопатами на плече.

Более интересное:

В 1929 году (Sic!) Мусатов-старший сказал своему сыну: “Приди ко мне в кабинет и, выслушав то, что я тебе скажу, уходи, ничего не отвечая”.

В кабинете было сказано: “Мне кажется, вы с Анной Дмитриевной неправильно поступили. Лучше было бы ей соединиться, например, ... с Андреем Николаевичем”.

Вчера, 31 августа: еду в Университет, Академию Наук и пр. По дороге покупаю для Ани прекрасные большие тома (французские):

*“Искусство средних веков и Возрождения”
“XVIII век (нравы, быт, искусство)”.*

В обеих книгах масса необычайно занятных бытовых картинок, в первой же — много хороших цветных репродукций примитивов (Благовещенье, въезд различных принцесс в те или иные города и пр.).

Между прочим, справляюсь в ЗАГСе о часах его работы.

После обеда в Доме ученых готовлю Ане прием в комнате на Старопименовском, куда она должна явиться в половине девятого вечера.

В семь иду к Егоровым, Аня же, задержавшись в Люблине, бежит прямо ко мне, на Старопименовский. Мы с Маргаритой Михайловной и Адой, догадавшись об этой возможности, обсуждаем, что мне делать. Наконец, Аня прибегает с похолодевшими руками и говорит, что она уже думала, что “все кончилось”.

За поздним временем мы решаем отложить переселение ко мне до среды.

Сегодня заходил к Александру Романовичу, с которым долго и очень сердечно разговаривал о самых различных предметах.

В заключение дня я был у Мусатовых, быстро уладил дела с разделом огородной продукции и снабжением Полины Александровны тремя моими обедами в Доме ученых в возмещение той поддержки, которую Аня оказывала этому милому семейству (иначе продолжала бы отдавать свои). Затем начал с огромным напряжением нервной энергии борьбу за освобождение Олега из-под влияния Полины Александровны (сам Олег в эвакуации под Уфой, но его судьба, в значительной мере, решается здесь). Достиг в этом довольно больших успехов в смысле убеждения Сережи и Аллы (его жены). Полина Александровна сидела совершенно неподвижная и бледная, как мел. Дело, однако, весьма серьезно.

План Полины Александровны заключается в том, чтобы, обменяв свою комнату и Анину (!) на две смежные, поселиться в них отдельно и от нас, и от Сережи с Аллой, но с Олегом!!!

Завтра мне дадут письма Олега к Полине Александровне, говорят, исполненные самой трогательной нежности.

Сережа провожал меня. Я рассказал ему в общих чертах всю мою “взрослую” биографию и думаю, что поступил хорошо. Во всяком случае, после моих рассказов Сережа поцеловал меня (в лоб).

Завтра (т.е. уже, строго говоря, сегодня, так как сейчас первый час ночи) мы с Аней пойдем на “Лебединое озеро”. Естественно, что для Ани получится Зигфрид = Олег.

-
- ЗАГС — Отдел записей актов гражданского состояния — учреждение, регистрировавшее, в частности, браки.
 - Маргарита Михайловна — М.М. Егорова.
 - Ада — Ада Дмитриевна Егорова.
 - Александр Романович — А.Р. Эйгес.
 - Полина Александровна — П.А. Ивашева-Мусатова.

4 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

Аня ушла и придет только завтра в шесть часов вечера.

В комнате у меня все теперь передвинуто: мой стол стоит у левого окна, у правого окна — маленький Анин столик, так что я могу смотреть на нее сзади, когда она сидит и занимается (по-видимому, ей дадут отпуск для окончания кандидатской диссертации о самоочистке речной воды). Перед кожаным диваном стоит стол, накрытый скатертью, с огромным букетом цветов (принесены Аниными товарищами по полям орошения, где к ней относятся совсем не так, как в семействе Мусатовых). В углу, где стоял второй диван, поставлены два кожаных кресла около маленького столика (т.е. просто туалетной тумбочки), на котором стоит зеленая лампа.

Все это хорошо, и Гусь один танцует в своей комнате под финал сонаты Шумана для скрипки и фортепиано (передается по радио).

Вечером 2-го были на "Лебедином озере". По-видимому, идея сделать его основным музыкальным выражением нашей любви вполне принята Аней. Был какой-то юбилей Файера.

Поэтому оркестр играл особенно подтянуто. Головкина и Руденко танцевали хорошо. Аня была впервые на балете и, помимо большого музыкального впечатления (она когда-то увлекалась игрой на виолончели, не достигнув, впрочем, многого, так как сами занятия прервались с революцией, кажется, в четырнадцатилетнем возрасте), очень живо воспринимала выразительность самого танца (лебеди, Одетта и Одиллия в их противоположности, Зигфрид).

Полина Александровна и Олег

Ушли после третьего акта, заходили к Ане за разными вещами, после чего я ввел, наконец, Аню к себе. Свадебный пир происходил, впрочем, в коридоре, так как затемнение устроить не удалось (теперь эта трудность преодолена) за отсутствием подходящих материалов.

3-го днем занимались прозой вроде ЗАГСа, фотокарточек для перемены Аниного паспорта (в связи с переменной фамилии). Были, кроме того, у Маргариты Михайловны и принимали у себя Д. Ромашова (пришел он ко мне по делам, но вышло очень хорошо).

Аня подарила мне кольцо для салфетки в виде гуся — салфетка продевается через самую середину. Я сначала советовал подарить этого гусика

тебе, но Аня находит, что тебе нельзя дарить гусика с вынутой серединкой.

Олег подписывается иногда в своих письмах “Ваш Гусёк”. Таким образом, ты через меня и Аню приобретаешь еще одного гусика!

Вполне счастлив и понимаю теперь, что предыдущий цикл моих писем на тему об “Олимпиаде моего процветания” относился, в сущности, не к математике, которая служила лишь прикрытием приближающейся радости (хотя и математическое процветание, наверное, будет). По существу, в Ане должно быть еще очень много молодости и сил, не только духовных, но и физических.

Аня говорит, что страшно тебя боится, но, по-видимому, уже относится к тебе с некоторой нежностью.

-
- 3 сентября 1942 г. А.Н. Колмогоров вступил в брак с А.Д. Егоровой, взявшей его фамилию.
 - Маргарита Михайловна — М.М. Егорова.

6 сентября 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Вчера приехали в Комаровку поздно вечером. О том, что мы нашли здесь, пусть лучше напишет Аня. Сидим в угловой голубой комнате и пишем письма.

Были вчера у Ольги Яковлевны, где были приняты с необычайной широтой. Тем не менее, необходимость изъять от нее Варвару Яковлевну вполне созрела, а сейчас положение изменилось в том отношении, что Варвара Яковлевна согласна выехать в Казань. Если этому ничто не препятствует, то я отправлю ее в конце сентября.

Начал разговор о твоём вызове в Москву.

Во-первых, университету вновь предложено дать свой список дополнительных лиц, подлежащих вызову. Здесь мы с Куликовым проектируем, кроме Петровского, еще тебя и Степанова (естественно, с правом замены, по усмотрению свердловцев, Степанова и Петровского на других, желательных им, лиц).

Во-вторых, ходатайство к Абраму Федоровичу вскоре будет послано (о командировке).

(В конверт вложено письмецо от Анны Дмитриевны:)

Дорогой Павел Сергеевич!

Жду Вас очень-очень, но должна искренне признаться, что горячее желание Вас видеть ощущается мною наравне с некоторым страхом.

Мы сейчас в Комаровке, сидим, безмятежные и счастливые, и пишем письма самым дорогим и близким нам (моим и Андреевым).

Приезжайте скорее! Всей душой и сердцем хотелось, чтобы Вы были с нами в нашем счастье.

С сердечным приветом,

Аня.

7 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

Вчера провели весь день в Комаровке, а вечером были у С.Н. Ньюберг и у Егоровых. Сегодня Аня в половине седьмого уехала в Люблино, а я занимаюсь дома хозяйством, программами Мехмата и прочими делами.

Вечером еду в Комаровку один, чтобы начать там работать. Приеду только в среду.

Наиболее реальный и приемлемый московский план у нас с Аней заключается в том, что Аня переходит в Люблине на половинный оклад с обязательством бывать там три дня в неделю. Работа в Люблине ее интересует, сотрудники ее любят, и уходить оттуда совсем ей не хочется, не говоря уже о том, что это вызвало бы и некоторые формальные затруднения. Вскоре отправимся вместе к ее шефу Сергею Николаевичу Строганову. Самый переход на половинный оклад может быть проведен или в порядке предоставления возможности работать над кандидатской диссертацией (как уже писалось, на тему “Самоочистка рек”), или по медицинским соображениям.

Рассматривал фотографии моих новых свойственников. Анины родители произвели в быстром темпе пять потомков:

*1902 — Ада, 1903 — Аня, 1905 — Андрей,
1906 — Борис, 1908 — Лев.*

Все пятеро их детей были к началу войны живы и пользовались совершенным здоровьем. Уже с детства Ада, Андрей и Лев были немного простоваты, а Аня и Борис — несколько одухотвореннее (и дружили между собой, по преимуществу). Борис был не менее завзятым спортсменом, чем его братья, но увлекался не равнинным лыжным бегом и греблей, а, по преимуществу, горнолыжным спортом. Он обладал в юности, по-видимому, чрезвычайным изяществом. Сейчас Борис в армии, Лев пропал без вести, Андрей в эвакуации, а Ада занята романом с неким любителем рыбной ловли и различных восточных настоек (роман этот развивается, для контраста, параллельно нашему, но не дошел еще до ЗАГСа). Прежний муж Ады, Н. Бунеев, несколько приятнее (он тоже появляется в доме Егоровых).

• Егоровы — семья А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

9 сентября 1942 г.

(из Комаровки
в Казань)

Сижу один в Комаровке и занимаюсь программами, корректурами и пр. С утра идет дождь. Тепло, пасмурно и туманно. Такая Комаровка, как ты знаешь, тоже хороша. Поеду в Москву к позднему обеду, потом пойду к Егоровым, куда приедет из Люблина и Аня. Вместе мы пойдем к С.Н. Строганову, Селиверстовым и Варваре Яковлевне.

Завтра мой приемный день в Университете (четверг, с 10 до 13, и суббота, с 9 до 12) как зам. директора Института математики. Рыбкин зайдет за твоей книгой. Буду говорить и с ним, и в Университете о твоём вызове в командировку. Письма Абр. Фед. рассчитываю послать в ближайшие дни.

Рассуждать о том, что было бы, если бы чего-нибудь не было бы (см. предыдущее письмо) довольно глупо, тем более что, не будь тебя, я, как известно, нанялся бы в Харьков к Сергею Натановичу и поехал бы уже в 1929—30 г. с Рокфеллеровской стипендией за границу. Во всяком случае, и я, и все были бы совсем другие, чем они есть.

Однако к 1939 году в моей жизни произошло уже решительно все, что в ней вообще произошло до 1942 г., и в 1939 году это было уже просто слабостью, когда после Аниного появления в Комаровке я не поехал немедленно в Пески (где жила Аня с Олегом), как собирался. Поехать туда я порывался несколько раз, но не решился, так как ясно понимал, что, отправясь я туда один раз — все пойдет дальше уже неудержимо.

А строить новый, расширенный

Анин—Гусье—Песий Дом

было бы в 1939—1940 годах проще и веселее, чем сейчас.

Впрочем, и теперь все будет хорошо!

-
- *Селиверстовы* — родители Николая и Глеба Селиверстовых.
 - *Абр. Фед.* — А.Ф. Иоффе.
 - *Сергей Натанович* — С.Н. Бернштейн.
 - *Книга П.С.* — речь идет о рукописи книги П.С. Александрова “Комбинаторная топология”, полностью готовой к печати уже в 1941 г. и включенной в план издательства (директором которого был Г.Ф. Рыбкин) на 1943 г. В действительности, книга вышла лишь в 1947 г. (см. также Примечание к письму от 28 июня 1942 г.).

11 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

*С восьмого до вчерашнего дня мы с Аней целых три дня не ви-
дались: то я был в Комаровке, то вдруг ей назначили дежурство
в Люблине. Было еще недоразумение с ключами от нашей квартиры,
которые я специально отнес к Егоровым, в то время как Аня думала,
что они будут у Анны Рафаиловны. Постараемся заказать ключи
в трех экземплярах (третий — для тебя).*

*За эти дни я выспался и принялся за дела. Завтра Рыбкин придет
в Университет за твоей книжкой. Завтра же составим бумаги Аб-
раму Федоровичу о твоей командировке. Вчера был у зам. ректора
Юдинцева (биолога, а не известного тебе профессора Юдовского).
Велено начать занятия с первым курсом 1 октября. В соответствии
с этим, и рассмотрение вопросов о вызовах ускоряется. Есть доволь-
но обоснованная надежда, что ты получишь самый нормальный и за-
конный вызов. Естественно, что это не снимает вопроса о твоей
командировке.*

*Вчера были у Аниного начальства — Сергея Николаевича Строга-
нова. Начальство очень мило, интересуется искусством и имеет
дочку-художницу (вопреки обыкновению, даже не без настоящего
таланта), специализирующуюся на рисовании лошадей и других зве-
рушек в духе Ватагина. Чего-либо определенного, однако, наш раз-
говор не принес. Есть еще проект сделать Аню на год аспиранткой,
может быть, даже в Университете.*

Привет В.С., В.Я. и всем.

Х.Т.

-
- Анна Рафаиловна — А.Р. Постникова.
 - В.С. — Варвара Сергеевна Александрова.
 - В.Я. — Вера Яковлевна Колмогорова.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Твоя книжка — см. Примечание к письму от 9 сентября 1942 г.

13 сентября 1942 г.

Суббота

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

Сейчас уезжаем в Комаровку, но завтра вернемся в Москву слушать квинтет Шостаковича (в исполнении автора и Цыгановского квартета).

В понедельник мне обещают изготовить бумаги (и от Издательства, и от Университета) с просьбой командировать тебя в Москву. Возможно, что занятия на первом курсе начнутся 1 октября. В этом случае тебе сразу надо будет начинать курс высшей алгебры.

Дело о твоём вызове на постоянную работу в Москву тоже идет, но сомнительно, чтобы оно было завершено в срок.

Ане было бы приятно, чтобы сначала наладилось наше с ней существование вдвоем, но к числу к 20 сентября, и с этой точки зрения твой приезд будет уже своевременен.

Получил вполне дружественное письмо от Вячеслава Васильевича. Своей супруге В.В. написал, что считает полный переезд в Москву с дочкой “преждевременным” и будет для себя лишь хлопотать о командировке в Москву. Зато Дмитрий Евгеньевич рвется в Москву и написал мне по этому поводу специальное письмо. Но это уже должен решать Петровский — кого прислать в Москву из Свердловска из числа людей, способных, в частности, читать дифференциальные уравнения.

Анна Дмитриевна и Андрей Николаевич

Получил твое письмо от 31 августа из Шеланги. Оно весьма грустное, но мне кажется, не какое-либо особенно безнадежное, и я, действительно, верю, что нам всем будет хорошо в эту зиму и в Москве и в Комаровке.

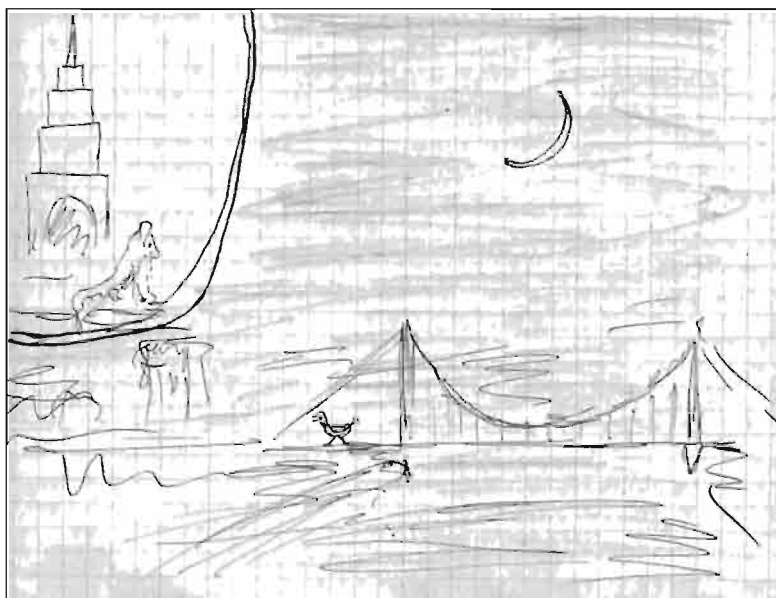
Аня очень изводится с ежедневными путешествиями в Люблино, но надеюсь, что этот режим удастся, так или иначе, изменить и без

отъезда в Свердловск (а то я уже думал о переезде в Свердловск именно с этой точки зрения).

Я уже писал о настоятельной желательности изъятия Варвары Яковлевны от Ольги Яковлевны и о том, что она теперь согласна ехать в Казань. Возможен, однако, и план ее перевода ко мне в Москве. Этот, последний, план потребовал бы, однако, нового нашего распределения у Лины Самойловны и в твоих университетских комнатах. Говорю о нем только на случай, если бы тебе (например, с точки зрения интересов Варвары Сергеевны) показался нежелательным план перевода Варвары Яковлевны в Казань.

О вещах, которые необходимо привезти, напишу еще, вместе с посылкой обращений к Абраму Федоровичу.

Все работы для Америки отвез в АН к Лидии Алексеевне Бах.

Из «художественных дневников» Андрея Николаевича

-
- Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов.
 - Дмитрий Евгеньевич — Д.Е. Меньшов.
 - Абрам Федорович — А.Ф. Иоффе.
 - Лина Самойловна — Л.С. Нейман.
 - Бах Лидия Алексеевна — скорее всего, дочь академика Алексея Николаевича Баха.

16 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

Надеюсь завтра получить и послать тебе просьбы командировать тебя в Москву и от Университета, и от Издательства. Тебе уже пора приезжать, как с точки зрения течения наших личных дел, так и для Университета: 1 октября начинается занятия первый курс, на котором ты должен читать высшую алгебру. Телеграфируй о получении командировки и дне приезда.

Хозяйство. Список имеющегося в Москве белья у тебя имеется. При житье в Москве и в Комаровке этого мало. В соответствии с этим, завоз простынь в Москву из Казани должен быть слегка увеличен. Обнаружилось, впрочем, что кое-что Ане можно купить по ее и моей промтоварным карточкам.

Кроме того, мне существенно получить пальто брезентовое (пока я ношу брезентовое же пальто Бориса Егорова).

Везти в Москву какие-либо продовольственные запасы я считаю излишним (кроме, может быть, соли для солки капусты и т.п., если ее у вас в Казани много). Хорошо было бы получить хотя бы 1—2 пустых мешка. Иначе не в чем не только хранить, но и перевезти из Люблина картошку, свеклу и пр. Все это, однако, в случае избытка в Казани.

Отправление Варвары Яковлевны в Казань, поскольку его не успеть совершить до твоего отъезда из Казани, по-видимому, разумно немного отложить. Если в октябре будет сессия Отделения, то, может быть, можно будет соединить переезд Варвары Яковлевны с моей поездкой на сессию. А может быть, окажется возможным и целесообразным устроить как-нибудь так, чтобы она жила у нас в Москве. После твоего приезда это будет виднее.

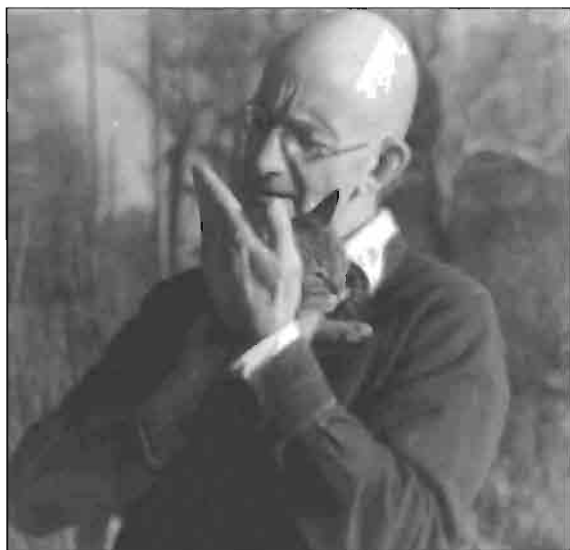
Сейчас 12 часов ночи. Я сижу один за маленьким столиком в одном из больших кресел. Аня в Комаровке — у нее отпуск для поправки до 21-го. Поеду туда завтра вечером. Вечером 18-го, впрочем, Аня приедет в Москву с тем, чтобы в субботу, 19-го, идти в наш распределитель (получать сразу все карточные продукты на сентябрь).

Только что ушел Митя Ромашов с женой. Оба они уезжают на днях на Углическое водохранилище продолжать занятия ихтиологией и рыбным хозяйством. Угощал их чаем (с булкой и сахаром)

и сырой кормовой брюквой с Аниного огорода, которая была нарезана тонкими ломтиками и подана на тарелочке.

Завтра утром должен перепечатывать для С.С.Г-ва просьбу о взятии Виктора на поруки, отзыв о последнем жителей Комаровки, свой отзыв и т.п. Виктор написал письмо, в котором признает, что, по Петькиному наущению, в даче Браудо был и кое-что из вещей (вроде серебряной зажигалки) взял. Общее впечатление, однако, остается таким, что все дело было затеяно Петькой, и Виктор пошел на него даже под некоторым давлением (к тому же, “Петичке” 18 лет, а Витьке — 15).

В Комаровке главная новость — наконец, починен водопровод, и завтра будет топиться колонка. Через Маргариту Михайловну заказано шесть (!) миниатюрных лампочек со стеклами из разрезанных пробирок, так что, к твоему приезду коптилок не останется.

П.С. Александров (сороковые годы)

В воскресенье в Комаровку приезжал Юра Смирнов. После обучения в соответствующей школе он несколько месяцев плывал радистом на торпедном катере Северного флота, участвовал в спасении у кромки полярных льдов шлюпок с англичанами с потопленного немецкими подводными лодками транспорта и т.д. Сейчас работает (временно) радистом под Москвой, но, вероятно, через некоторое время вновь отправится на какое-либо из морей. Несмотря на морскую форму, в Москве получает лишь гражданский рабочий паек и говорит, что, по сравнению с Северным флотом, сильно похудел. Кормил его овсяной кашей, предлагал купаться, но, ввиду осеннего холода, он не решился.

Перспективы Аниной работы еще неясны. С октября обеды в Доме ученых она будет получать как жена (т.е. независимо от службы). “Обеденная повинность” в пользу Полины Александровны

с октября тоже кончается (так как Сережа и Алла получили литературную столовую как художники). На Марину у нас с Аней получается большой избыток хлеба, но пока (при Варваре Яковлевне) — ничего больше.

Содержание Олега в эвакуации (плата за содержание + посылка денег на прикупку продуктов) будет стоить 350 рублей в месяц. Мои заработки в Университете увеличились на 750 р. (как зам. Вячеслава Васильевича). Получу еще кое-что за договорные работы, а пока денег хватает, но в обрез. Марине дано 150 р. за сентябрь плюс 100 р. “к нашей с Аней свадьбе”.

(В конверт вложено письмо и от Анны Дмитриевны Колмогоровой:)

Дорогой Павел Сергеевич!

Очень, очень ждала от Вас письма и страшно рада получить его, а особенно, таким хорошим и сердечным.

За этот короткий срок нашего общего жития, т.е. всего того бесконечно хорошего, нахлынувшего как-то сказочно, мы постоянно вспоминаем и думаем обо всех наших домашних и, особенно, о Вас.

О себе же я должна сказать, что мой страх перед Вами, в существовании которого я уже Вам признавалась, как-то, незаметно для меня, совершенно исчез и сменился чувством полной сердечной доверчивости, переплетенным с чувством нежности.

Жду Вас очень, очень!

А Комаровский Ваш дом, который почему-то кажется мне страшно близким и родным, я уже полюбила.

Жду Вас с открытой душой и горячим желанием быть Вам родной и не внести ни капли горечи в Вашу жизнь. От всей души радуюсь Вашему скорому приезду.

Любящая Вас

Аня.

Передайте, пожалуйста, Вере Яковлевне, что я ее нежно обнимаю и целую.

-
- Маргарита Михайловна — М.М. Егорова.
 - Вячеслав Васильевич — В.В. Степанов

17 сентября 1942 г.

(из Москвы, Старопименовский пер.,
в Казань)

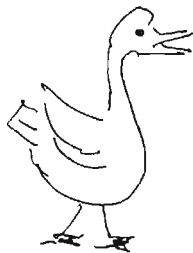
Радио играет финал фортепианного концерта Хачатуряна (исп. Л. Оборин), и я надумал написать тебе менее деловую приписку.

Возможно, что в одном из предыдущих писем я напрасно вдался в умствования о том, что было бы, если бы все было не так, как было. В действительности же, наверное, все было именно так, как и должно было быть.

Аня сидит сейчас в Г.П.Д. (надеюсь, что ты не в обиде за то, что Г.П.Д. сохраняет свое название и для Ани и даже в столовой повешена картинка, изображающая, как гусь и пес встречают Аню у ворот дома), и ей там очень нравится. У нее возникают даже идеи, что в более далеком будущем она, вместо своей химии, будет разводить при Г.П.Д. пчельник и тому подобное поэтическое сельское хозяйство.

Единственное, чего я не могу изменить — это ощущение, что переход в этот новый этап существования Г.П.Д. и нас самих должен был произойти осенью 1939 года, а не 1942-го (но и так будет хорошо).

В Казани у меня был пакет фотографий Бори и Наташи в конверте для оттисков изделия нашего Института. Если будет время, найди его и привези.

-
- Г.П.Д. — сокращение от “Гусь-Песий Дом” — так называли дом в Комаровке его обитатели.
 - Боря и Наташа — Б.В. и Н.К. Гнеденко.

*1 октября 1942 г.,
День Аниного рождения
(Москва,
без конверта)*

Хотя ввиду скорого твоего приезда (сегодня) это письмо и не будет отправлено, мне хочется его написать в ответ на твое, полученное вчера, чтобы, действительно, не возвращаться к сетованиям на прошлое.

Почему эти сетования в моих письмах появились?

Во-первых, потому, что для Ани ряд истекших лет вовсе не проходил так радостно и хорошо, как для меня, а прозябание в течение более десяти лет было совсем бессмысленным.

Во-вторых, потому, что в 1939 году не произвели то, что сделано сейчас, уже было некоторой моей слабостью: после Аниного приезда в Комаровку она ждала меня к себе в Пески (где жила с Олегом), но я, чего-то испугавшись, туда не поехал.

Именно только с этого лета 1939 года и начинается уже некоторая моя вина (а не твоя), недаром же годы 1939—1942 и не принесли нам с тобою особенного счастья.

А.Н. Колмогоров

Вот, кажется, и все, а в остальном, я вполне признаю, что рассуждать о том, что было бы, если бы я был не я и Аня не Аня, глупо и неблагодарно по отношению к судьбе, бывшей всегда ко мне крайне благосклонной.

5 февраля 1943 г.

(из Москвы
в Казань)

Вчера весь день писал в Сталинский Комитет отзывы о твоих и Л.А. работах и, отдельно от отзыва о работах, общую характеристику твоего величия (вторник весь день был занят отзывами на физиков). Теперь мне осталось только прочесть работу Амбарцумяна по рассеянию света (интересную) и дать на нее отзыв. Сегодня отнесу эти отзывы в Комитет, зайду в сберкасса и отдел кадров (за своей броней по воинской службе), пообедаю и поеду в Комаровку.

На заседании в среду, 3 февраля, было решено две первые премии просить Капице и тебе. На вторые же имеется много конкурентов (не окончательно забраковано пока семь), ввиду чего предложено на окончательном заседании секции выделить четырех и просить премировать их всех.

Приехал Анин брат Андрей. Так как в его квартире 4° мороза, он несколько дней проведет у нас (его разместили в твоей комнате).

Доверенности на мою зарплату вышлю с ближайшей оказией.

Кланяйся Варваре Сергеевне, Вере Яковлевне и Варваре Яковлевне от нас с Аней.

Аня шлет еще тебе отдельный привет.

(Ниже мы публикуем отзыв А.Н. Колмогорова о работах П.С. Александрова и "общую характеристику его величия", представленные им в Комитет (по машинописным черновикам, сохранившимся в Комаровском доме).)

-
- Л.А. — Лазарь Аронович Люстерник.
 - Сталинский Комитет — имеется в виду Комитет по присуждению Сталинских премий в области науки и техники.
 - Напомним читателю, что П.С. Александров был в 1943 году удостоен Сталинской премии первой степени за выдвигаемые работы, однако монография "Комбинаторная топология", являющаяся составной частью совокупности этих работ, была опубликована только спустя четыре года, в 1947 году.

О Т З Ы В

О РАБОТАХ Павла Сергеевича АЛЕКСАНДРОВА

- 1) “Гомологические свойства расположения комплексов и замкнутых множеств” и
2) “Комбинаторная топология”.

Представляемые на соискание премии имени товарища Сталина работы П.С. Александрова

- 1) “Гомологические свойства расположения комплексов и замкнутых множеств” — выполнена в 1942 году; печатается в настоящее время в “Известиях АН СССР, Серия математическая” (вып. 6);

- 2) “Комбинаторная топология” — монография, закончена в декабре 1941 года, включена в издательский план Гостехиздата на 1943 год

являются значительными достижениями в области топологии и занимают видное место в мировой математической литературе.

Топология, первые зачатки которой восходят еще к работам Л. Эйлера и К. Гаусса, была поставлена на очередь дня исследованиями А. Мёбиуса и К. Жордана, а в особенности, Б. Римана и Э. Бетти, но стала большой и самостоятельной математической дисциплиной лишь после классических мемуаров А. Пуанкаре. Дисциплина эта посвящена наиболее общим пространственным соотношениям, которые сохраняются при всех так называемых взаимно однозначных и взаимно непрерывных преобразованиях, то есть, с более широкой точки зрения, может быть определена как учение о непрерывном и разрывном в математике вообще. Общность задач топологии, с одной стороны, и большая наглядность и сила ее геометрических построений, с другой, объясняют возрастающее влияние топологии на развитие всей современной математики.

Что касается самой топологии, то она строилась в двух существенно различных и мало связанных между собою направлениях: комбинаторно-алгебраическом, возникшем на почве топологического исследования простейших геометрических форм (поверхностей и трехмерных многообразий) и теоретико-множественном, посвященном систематическому изучению понятий топологического пространства в наиболее общем его виде.

Первые советские топологические работы относятся к 1921—1922 гг. и принадлежат безвременно скончавшемуся талантливейшему советскому математику П.С. Урысону (1898—1924) и П.С. Александрову, то есть именно П.С. Александров и П.С. Урысон являются основателями советской топологической школы. Работы П.С. Урысона и первые топологические работы П.С. Александрова (до 1925 года) относятся к теоретико-множественной топологии, где ряд их первоклассных исследований принесли как их авторам, так и всей советской топологии еще в двадцатых годах широкое международное признание.

Однако, начиная с 1925—1926 гг., П.С. Александров выступает в качестве основателя нового направления в топологии. Это направление может быть охарактеризовано как исследование наиболее общих теоретико-множественных объектов комбинаторно-алгебраическими методами, что привело к существенному преобразованию всей современной топологии, выразившемуся, в основном:

а) В синтезе обеих основных линий развития топологии финитной (комбинаторной) и инфинитной (теоретико-множественной) и в заполнении казавшейся ранее непреодолимой пропасти между этими двумя линиями развития. Само противоположение комбинаторной и теоретико-множественной топологии после работ П.С. Александрова устарело и потеряло почву под собою, заменившись, например, разделением топологии на гомологическую и гомотопическую.

б) В установлении ряда новых геометрических фактов, сложившихся в целые новые теории, как, например, построенная П.С. Александровым гомологическая теория размерности, дающая чрезвычайно глубокие соотношения между основными геометрическими понятиями, связанные с числом измерений пространства и лежащих в нем множеств.

Среди уже ставших классическими отдельных результатов П.С. Александрова по теории размерности упомянем: деформационную теорему, сводящую размерность любого замкнутого множества к размерностям простых полиэдров; теорему о существенных отображениях, характеризующую размерность через возможность особо сильных (“существенных”) отображений данного множества на простейшие геометрические фигуры данного числа измерений (отрезок, квадрат, куб и т.п.); и, в особенности, теорему о “препятствиях”, выясняющую связь между размерностью данного множества и свойствами дополнительного к этому множеству пространства. Эта теорема, явившаяся в самое последнее время отправной точкой новых исследований, по-видимому, устанавливает тот подход к размерности, который в наибольшей степени плодотворен с точки зрения математического анализа. Она является применением к теории размерности одной из так называемых теорем двойственности, установленной П.С. Александровым, и, в свою очередь, явившейся первым звеном в длинной цепи замечательных теорем, полученных позднее различными авторами в обобщение так называемого закона двойственности Дж. Александра (доказанного им лишь для полиэдров).

в) Существенное изменение самой проблематики современной топологии: мировая топологическая литература после работ П.С. Александрова обогащается рядом совершенно новых задач, прямо или косвенно связанных с его результатами. Ряд замечательных исследований как советских (Л.С. Понтрягин, А.Н. Колмогоров), так и зарубежных математиков (Дж. Александер, С. Лефшец, Х. Хопф, Э. Чех и др.) отправляется от теорем, доказанных П.С. Александровым, или от поставленных им проблем.

Научное направление, созданное в топологии П.С. Александровым, разработано им в течение последних более чем пятнадцати лет в многочисленных работах, среди которых основными являются следующие:

1. Untersuchungen über Gestalt und Lage abgeschlossener Mengen // *Annals of Mathematics*, 30 (1929), 101–187.
2. Dimensionstheorie // *Mathematische Annalen*, 106 (1932), 161–298.
3. On local properties of closed sets // *Annals of Mathematics*, 36 (1935), 1–35.
4. Общая теория гомологии // Ученые записки Московского государственного университета, вып. 45 (1940), 1–60 (английский перевод вышел в “*Transactions of the American Mathematical Society*”, 49 (1941), 41–105).
5. О гомологических свойствах расположения комплексов и замкнутых множеств — работа, печатающаяся в “Известиях Академии Наук СССР Серия математическая”, образует содержание 6-го выпуска этого журнала за 1942 год.

Эта, последняя, работа, выдвигаемая ныне на соискание премии имени товарища Сталина, является завершением всего этого цикла работ П.С. Александрова и вместе с его монографией “Комбинаторная топология” подводит итог значительной части научной деятельности П.С. Александрова за два последних десятилетия, а также, в известном смысле, завершает и длинную цепь работ других, в частности, упомянутых авторов.

Эти исследования велись до сих пор в предположении односвязности самого объемлющего пространства, т.е. в предположении, что его группы Бетти равны нулю. Лишь однажды С. Лефшецем и Л.С. Понтрягиным были получены результаты, касающиеся

фигур, расположенных в не односвязных многообразиях. Однако, при всей важности полученных этими авторами результатов, они, вследствие своего специального характера, не могут считаться решением задачи исследования гомологического расположения одной фигуры в другой. Эта задача впервые поставлена и в очень широких предположениях решена в представляемой работе П.С. Александрова. Решение это потребовало новых подходов и привело к неожиданным по своей окончательности результатам. В частности, в наиболее важном и классическом случае, когда один полиэдр A расположен в другом полиэдре K , мы имеем следующую исчерпывающую теорему:

Группы Бетти дополнительной области $\Gamma = K - A$ вполне определяются группами Бетти A , K и теми подгруппами групп Бетти A , которые получаются, если в группах Бетти A взять элементы (гомологические классы), состоящие из циклов, гомологичных нулю в K .

Из других результатов разбираемой работы П.С. Александрова укажем на так называемую теорему снятия цикла:

Верхний цикл объемлющего пространства K тогда и только тогда гомологичен циклу, лежащему в Γ (т.е. может быть “снят с множества A ”), если его скалярное произведение с любым циклом множества A равно нулю. Эта теорема, алгебраическая по своей формулировке, но касающаяся самых общих теоретико-множественных образований, может служить весьма типичным примером всего созданного П.С. Александровым объединенного “комбинаторно-теоретико-множественного” направления.

Интересно отметить, что теорема о снятии цикла, и притом именно в той полной общности, в которой она доказана в представляемой работе, имеет далеко идущие аналитические приложения и, в частности, является одной из основных отправных точек весьма интересных новых исследований Л.А. Люстерника по качественным проблемам математического анализа и дифференциальной геометрии.

Переходя к книге П.С. Александрова “Комбинаторная топология”, надо заметить, что она является систематической монографией, охватывающей большой фактический материал и поднимающей даже в изложении фактов, полученных не самим автором, до уровня высокой оригинальности. Весь классический материал комбинаторной топологии и значительная часть теоретико-множественной топологии самым глубоким образом переработаны здесь с новых позиций и существенно обогащены собственными результатами автора, а отдельные главы этой книги могли бы быть напечатаны в виде самостоятельных работ. Оригинальные методы и установки автора пронизывают все изложение во всех его мельчайших деталях. Таким образом, книга П.С. Александрова отражает значительную часть творческого пути ее автора.

Вместе с тем, она является систематическим курсом топологии, в чрезвычайно точном виде излагающим основы этой дисциплины так, что может служить пособием для аспирантов и студентов старших курсов. Этот комплекс свойств делает книгу П.С. Александрова “Комбинаторная топология” выдающимся и вполне своеобразным произведением не только отечественной, но и мировой математической литературы.

На основании всего изложенного считаю работу П.С. Александрова “О гомологических свойствах расположения комплексов и замкнутых множеств” и монографию “Комбинаторная топология” достойными награждения их автора премией имени товарища Сталина.

Лауреат Сталинской премии,
академик А. Колмогоров.

2 декабря 1942 г.

О Т З Ы В

В советской математической науке, весьма широко разветвленной и богатой крупными научными достижениями, одно из ведущих мест по праву принадлежит Павлу Сергеевичу АЛЕКСАНДРОВУ.

Блестящий организатор и крупный общественный деятель, превосходный воспитатель молодежи, Павел Сергеевич прежде всего является весьма продуктивным ученым, получившим ряд важных и основополагающих результатов. П.С. Александров является создателем значительной части современной топологии (науки об общих качественных свойствах геометрических фигур), всех ее аппроксимационных методов (т.е. методов, позволяющих изучать свойства геометрических образований при помощи приближающих их полиэдров) и современных алгебраических методов (гомологической теории произвольных топологических пространств и множеств в них). Из методов и проблем, возникших вокруг исследований П.С. Александрова, развилась и современная теория непрерывных групп, превратившаяся в самостоятельную математическую дисциплину большого значения. Кроме того, П.С. Александрову принадлежит ряд исключительно значимых работ по теории функций действительного переменного (1915—1922).

С 1932 года П.С. Александров — бессменный президент Московского математического общества, видный деятель в области математического просвещения и исключительно талантливый популяризатор больших научных математических идей. Вряд ли будет преувеличением сказать, что среди профессоров математики наших университетов П.С. Александрову принадлежит первое место в мастерстве лекционного преподавания. В своих лекциях Павел Сергеевич соединяет приподнятость и увлекательность с безукоризненной точностью и систематичностью изложения, современность и новизну научной трактовки — с максимальной доступностью. Широкою и блестящую деятельность ведет П.С. Александров в области популяризации достижений современной математики и перед учительской и ученической аудиторией.

Не с чем сравнить роль и влияние многих книг, написанных П.С. Александровым (и среди них известная монография “Топология”, в соавторстве со швейцарским математиком Х. Хопфом (1935), полезная более ранняя книга “Введение в теорию функций действительного переменного”, в соавторстве с А.Н. Колмогоровым (1932), и представляемая на соискание премии имени товарища Сталина монография “Комбинаторная топология”).

Учениками П.С. Александрова являются крупные советские математики: члены-корреспонденты АН СССР Л.С. Понтрягин и А.Н. Тихонов, профессора Московского университета А.Г. Курош, В.В. Немыцкий, Л.А. Тумаркин и многие другие. Непосредственными продолжателями его работ признают себя виднейшие ученые Польши и Чехословакии (К. Куратовский, К. Борсук, Э. Чех и другие). Фактически и значительная часть исследований крупнейших американских и западно-европейских топологов (прежде всего, Дж. Александера, С. Лефшеца, Х. Хопфа и многих других) развиваются под влиянием методов и результатов П.С. Александрова. Результаты П.С. Александрова находят широкое применение в фундаментальных исследованиях в математическом анализе и геометрии (в частности, в выдвигаемых на премию имени товарища Сталина работах члена-корреспондента АН СССР Л.А. Люстерника). Сведения о роли П.С. Александрова в развитии советской и мировой математической науки можно найти в любом издании, посвященном успехам математики за последние десятилетия.

Лауреат Сталинской премии
академик А. Колмогоров

2 декабря 1942 г.

6 февраля 1943 г.

(из Комаровки
в Казань)

Смотрю сейчас в окно на закат, происходящий, как раз, в эту пору у края леса, где при лыжных прогулках мы переходим “кукушку”.

Только что вернулся с лыжной прогулки в обе стороны вдоль Клязьмы. Описание этой прогулки, посвящается, собственно говоря, вам всем:

Пусе,

Боре,

Ане.

(Пусе, так как ему это письмо пишется,

Боре, так как “хлево́чек”, где я сижу, для него был построен,

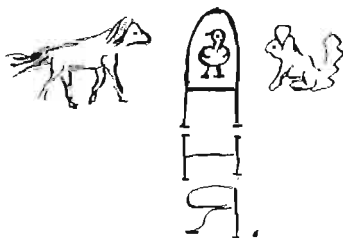
Ане, так как она сейчас должна приехать из Москвы.)

День был солнечный, морозный и тихий. Снег чудесный (Pulverschnee (снег, как пудра — нем.)). Добравшись до наших горок, я пришел в самое жизнерадостное и восторженное, Шумановское, настроение. Не могу, впрочем, поручиться, что распеваемые мною мелодии были бы действительно опознаны тобою как Шумановские (возможно, что они были таковыми только в моем воображении). На горках обнаружил, что в лыжном отношении я пришел в полный упадок и что по самому обычному стандартному направлению мне с них скатиться немножко страшно. Тем не менее, с большой осторожностью и под тормаживая, скатился благополучно.

Тогда я решил скатиться второй раз уже с разбега и с полной скоростью, загадав, что в случае удачи все и всегда будут счастливы и со мною не разлучатся (т.е. вы, трое). Спуск с полной скоростью тоже произошел благополучно, но ввиду мягкого свежего снега я остановился очень близко, не вылетев за пределы кустиков под горкой, как это полагается.

Тогда я решил скатиться в третий раз, загадав, что в случае, если остановлюсь дальше кустиков, то не только буду жить долгие годы счастливо в Комаровке, окруженный всеми вами, но и процвету необычайно (выше Монблана) в математике и прочем. Скатившись этот, третий, раз, я остановился на целых четыре метра дальше кустиков и нарисовал там:

Затем мне пришло в голову скатиться с более крутой горки (слева от основной) и через маленький трамплин; но, забравшись туда, я решил, что это уже

слишком страшно (хотя это отнюдь не тот совсем крутой спуск, о котором ты, может быть, подумаешь и на котором я и раньше почти всегда падал, а просто левый склон основной впадины) и не поехал... Вместо же этого спустился вниз, минуя трамплин, на солнечный лужок под горкой и предался приятным воспоминаниям.

Прежде всего мне вспомнилось, что ранней весной 1930-го года эти горки были конечным пунктом самого длинного нашего бегательного маршрута, пролежавшего лесами в обход “Лесных полей”. Потом моя мысль перебросилась на другой берег, по которому обычно происходили уже более лирические и иногда грустные, иногда же самые восторженные прогулки.

Особенно памятны мне: прогулка с Борей в тихий вечер ранней весной 1937 года (снятая во время этой прогулки Борина фотография на фоне прозрачного озера и леса на другом берегу Клязьмы и соответствующая моя фотография находятся в большом альбоме в Казани); день первой пробы моей “лейки” и первого приучения Шарика к цепочке (серия фотографий, в основном, в альбоме Гусье-Песьего Дома) в июне 1938 года; наша прогулка в сентябре 1938 года в день первого появления Наташи в Комаровке; моя единственная смятенная прогулка с Аней летом 1939 года; наши с тобой вечерние прогулки поздней осенью и зимой 1940—41 года, начинавшиеся по расчищенной прогулочной дорожке санатория и продолжавшиеся вдоль берега Клязьмы в глубоком снегу по едва заметным и занесенным следам; и, наконец, прогулка в день первого приезда Ани в Комаровку в воскресенье, 6 сентября 1942 года.

По этим милым берегам я направился, минуя санаторий, к тому (летом не вполне благоговенному) пруду, вокруг которого церемонной вереницей гулял под твоим предводительством весь состав Первой Международной Топологической Конференции, которому отсюда показывался издали еще перестраивавшийся и не готовый тогда наш Комаровский замок.

Далее, мимо кукушкина моста я направился по маршруту нашей февральской лыжной прогулки 1939 года, с таким великолепием увечковеченной фотографически. Маленький дневной ветерок (который все же был) совсем утих, и в этот предзакатный час солнце грело с какой-то особой, как бы осенней, нежностью.

Затем я направился на опушку в сторону Тарасовки, скатился с известной тебе маленькой горки и пошел потихоньку назад мимо большой просеки, через которую мы с тобой впервые проникали во весь этот мир еще в январе-феврале 1930 года на лыжах от Веры

Архиповны (наш маршрут проходил обычно после выхода из просеки или прямо мимо моста к санаторию, или в сторону Комаровки мимо нашего дома, тогда еще не бывшего нашим, но уже привлекавшего нас). Мимо Пусика Андрюши и его родничка поднялся я на кукушкину насыпь, увидел Г.П.Д. в розовых лучах заходящего солнца, посмотрел на место у берега реки перед мостом, где мы купались со снега, а нас снимал Боря и забредший посторонний фотограф 12 апреля 1936 года, и благополучно прибыл домой.

Кончая уже после обеда, при лампочке. Подводя итог, я хотел было уже написать, что 1929—1942 были, в целом, особенно счастливыми в моей жизни, но вспомнил многие, еще более ранние (гимназию с Кристей Кротковой и братьями Селиверстовыми, Потылиху, куда я возвращался весной на рассвете мимо спящего Новодевичьего монастыря и спящих часовых на мосту Окружной дороги в не менее восторженном настроении) и решил, что жизнь вообще хороша.

Во всяком случае, уже специально тебе мне хочется сказать несколько слов благодарности за все хорошее, что ты внес в мою жизнь, и высказать предположение, что, быть может, вся музыка и восторг моих последующих лет, хотя и изливались не на тебя (а более на Бору и Аню — опять моя скверная привычка во всем ставить точки над “и”!), то Бог знает, были ли бы таковы, как они были и есть, если бы тебя не было.

Вообще, сегодня я склонен к лейбницевской концепции, что всё в мире происходит наилучшим возможным образом, и придумываю даже некоторые оправдания для печального трехлетнего промежутка между летом 1939-го и летом 1942-го года.

Может быть, если бы я не пережил этих грустных трех лет, а сразу решил бы ехать за Аней в Пески (где она жила летом 1939 года), то стал бы потом разрываться в воображаемых противоречиях... и этим только Аню мучить.

-
- Пуся — домашнее имя П.С. Александрова.
 - Наташа — Наталья Константиновна Гнеденко.
 - Вера Архиповна — В.А. Пономарева.
 - Кристя Кроткова, братья Селиверстовы — одноклассники и друзья А.Н. Колмогорова по Гимназии Репман — частной гимназии (организатор и директор Е.А. Репман, впоследствии преобразована в 23-ю школу Наркомпроса). Братья Селиверстовы оба погибли на фронте. Кристя Кроткова работала в ООН (сохранилось ее письмо в А.Н. Колмогорову от 1959 г.).
 - Потылиха — так А.Н. называет школу на ул. Потылиха в Москве, в которой он работал учителем математики и физики в свои студенческие годы (1922—1925).

- *Весь состав Первой Международной Топологической Конференции* — известно, что такая Конференция была организована П.С. Александровым (под эгидой Института математики Московского университета) и проходила в Москве с 4 по 10 сентября 1935 г. Недавно в бумагах А.Н. Колмогорова обнаружилась маленькая книжечка — научная программа этой конференции. Из этой книжечки можно не только узнать этот “весь состав” (вернее, весь состав докладчиков), но и все темы их докладов. Состав этот настолько потрясает своей “звездностью”, что мы решили здесь привести полностью всю программу (в переводе, как нам кажется, нет никакой необходимости). Сведения об участниках Конференции мы приводим в Указателе имен.

INSTITUT MATHÉMATIQUE
DE L'UNIVERSITÉ DE MOSCOU

Réunion topologique internationale

4–10 septembre 1935.

=====

PROGRAMME

SCIENTIFIQUE

4 septembre

12 heures

1. Ouverture de la Réunion
2. S. Lefschetz, Princeton — On locally sets and their applications (30 min.)
3. E. Čech, Brno — Betti groups with different coefficients groups (30 min.)

19 heures

1. H. Hopf, Zürich — Neue Untersuchungen über n -dimensionale Mannfaltigkeiten (45 min.)
2. A. Weil, Paris — Démonstration topologique d'un théorème de M. Cartan (30 min)

5 septembre

10 heures

1. P. Heegaard, Oslo — Über das Vierfarbenproblem (45 min.)
2. J.W. Alexander, Princeton — On the ring of a complex and the combinatory theory of integration (45 min.)
3. J. Nielsen, Kopenhagen — Topologische Invarianten der Klassen von Flächenabbildungen (1-ière communication) (30 min.)
4. G. De Rham, Lausanne — Sur les nouveaux invariants topologiques de M. Reidemeister (20 min.)
5. A.A. Марков, Ленинград — О свободной эквивалентности замкнутых кос (A.A. Markoff, Leningrad — Sur l'équivalence libre de tresses fermées) (30 min.)
6. Ch.H. Muntz, Leningrad — Zur kombinatorischen Topologie (30 min.)

19 heures

Séance de la Société Mathématique de Moscou, dédiée à la mémoire d'Emmy Noether:

6 septembre

10 heures

1. S. Mazurkiewicz, Warszawa — Sur quelques problèmes concernant les ensembles compacts de dimension ≥ 2 (15 min.)
2. G. Nöbeling, Erlangen — Beweisskizze für die Triangulierung einer Mannigfaltigkeit und die sog. Hauptvermutung (45 min.)
3. E. Čech, Brno — Accessibility theorems in homology theory (30 min.)
4. W. Hurewicz, Amsterdam — Homologie und Homotopie (45 min.)
5. K. Borsuk, Warszawa — Über sphäroidale Räume (45 min.)
6. J. Rozanska, Moscou — Sur les représentations continues des éléments (15 min.)

16 heures

1. J. von Neumann, Princeton — Theory of integration in continuous groups (45 min.)
2. M.H.A. Newman, Cambridge, Engl. — Topological theorems on continuous groups (45 min.)
3. D. van Dantzig, Delft — Algèbre topologique (45 min.)
4. N. Kryloff et N. Bogoliouboff, Kiew — Les mesures invariantes et la transitivité métrique pour les systèmes dynamiques de la mécanique non linéaire (45 min.)

7 septembre

Reservé aux excursions

8 septembre

10 heures

1. K. Reidemeister, Königsberg — Überdeckungen von Komplexen (30 min.)
2. J. Nielsen, Kopenhagen — Topologische Invarianten der Klassen von Flächenabbildungen (2-ième communication) (30 min.)
3. P. Smith, New York — Transformations of period two (15 min.)
4. A. Weil, Paris — Courbes et familles de courbes sur le tore et les surfaces fermées (30 min.)
5. A.B. Ивановский, Ленинград — Алгебраические рассуждения о проблеме тождества в группе кос (A.W. Iwanowski, Leningrad — Considérations algébriques sur le problème d'identité dans le groupe de tresses) (20 min.)
6. A. Tychonoff, Moscou — Sur les points invariants pour les espaces bicomacts (15 min.)
7. Н.К. Брушлинский, Москва — О непрерывных отображениях сферических многообразий (N.K. Bruschlinsky, Moscou — Sur les représentations continues de sphères) (20 min.)

16 heures

1. H. Whitney, Cambridge, Mass. — Topological properties of differential manifolds (45 min.)
2. G. De Rham, Lausanne — L'aspect topologique de la théorie des intégrales multiples (20 min.)
3. С. Кон-Фоссен, Москва — Топологические вопросы дифференциальной геометрии im grossen (S. Cohn-Vossen, Moskau — Topologische Fragen der Differentialgeometrie im Grossen) (45 min.)
4. I.I. Gordon, Moscou — On the intersection-invariants of a complex and its residual space (15 min.)
5. Н.Н. Боголюбов, Киев — Об устойчивости и почти периодичности (N. Bogoliouboff, Kiev — Sur la stabilité et presque périodicité) (30 min.)
6. В.В. Немыцкий, Москва — Неустойчивые динамические системы (V.W. Niemytzki, Moscou — Systèmes dynamiques instables) (15 min.)

9 septembre

11 heures

1. C. Kuratowski, Lwow — Sur les ensembles projectifs (45 min.)
2. G. Birkhoff, Cambridge, Mass. — Continuous groups and linear spaces (45 min.)
3. J. Schauder, Lwow — Einige Anwendungen der Topologie der Funktionalräume (45 min.)
4. A. Kolmogoroff, Moscou — Sur les anneaux d'homologie des ensembles fermés (45 min.)

17 heures

1. H. Hopf, Zürich — Über topologische Existenzbeweise für Lösungen von Gleichungen (45 min.)
2. E.R. van Kampen, New Haven — The structure of compact groups (15 min.)
3. Л.С. Понтрягин — Топологические свойства компактных групп Ли (L. Pontrjagine — Propriétés topologiques des groupes de Lie compacts) (45 min.)

10 septembre

11 heures

1. M.H. Stone, Cambridge, Mass. — Some mapping theorems in general topology (45 min.)
2. H. Freudenthal, Amsterdam — R_n -adische Erzeugung von Raumen (30 min.)
3. A.W. Tucker, Princeton — Cell Spaces (15 min.)
4. P. Alexandroff, Moskau — Gelöste und ungelöste Probleme der mengentheoretischen Topologie (45 min.)

Интересно посмотреть на эту программу с точки зрения употребляемых в ней языков.

Общий текст распорядка конференции идет по-французски. Доклады представлены на языке страны докладчика (или одним из трех языков конференции). При этом советские математики и названия их докладов, как правило, даются на двух языках — русском и французском. Однако доклад А.Н. Колмогорова объявлен только на французском, а П.С. Александрова — только на немецком языках, что позволяет предположить, что и сами эти доклады звучали на этих языках.

Обратим еще внимание на то, что 7 сентября было зарезервировано для экскурсий — можно почти с уверенностью сказать, что именно в этот день, 7 сентября 1935 г., “весь состав” Конференции и посетил окрестности Комаровки.

В совместной статье П.С. Александрова, Б.В. Гнеденко и В.В. Степанова “*Математика в Московском университете в XX веке (до 1940 г.)*” (опубликована в “Историко-математических исследованиях”, 1948, вып. 1, с. 9–42) читаем: “*Эта конференция не только подвела итоги развитию топологии за последние 15–20 лет, но и поставила перед мировой наукой ряд новых проблем, в значительной степени определивших проблематику мировой топологии*”.

7 февраля 1943 г.

(из Комаровки
в Казань)

Деловая, математическая и академически-анекдотическая часть письма.

На заседании, 3-го числа, Абрам Федорович заявил, что, хотя это и является нарушением правил, он сообщил о нашем намерении объединить Капицу с Ландау самому Петру Леонидовичу. П.Л. страшно разбушевался и сообщил следующее:

Еще перед началом войны им были произведены опыты для проверки теорий Ландау. Опыты эти дали результаты (еще не опубликованные), решительно опровергающие все построения Ландау. Новую теорию, которая должна объяснить всю совокупность опытных данных, в настоящее время строит Мигдал, работающий в тесном контакте с самим Петром Леонидовичем. Очевидно, задержка опубликования опытных данных для того и устроена, чтобы Ландау свою теорию не успел поправить (так как известно, что "ему ничего не стоит изготовить теорию под любые данные"!).

В результате решили Петру Леонидовичу дать первую премию отдельно, а Ландау тоже представить, в числе кандидатов на вторые премии, но за другие работы (до окончательного разбирательства 15 февраля).

По поводу Лазаря Ароновича я рассказал собравшимся доказательство теоремы о трех геодезических, заявив, что считаю его одним из прекраснейших математических доказательств, существующих вообще на свете!

Рассказанное доказательство явилось импровизацией, навеянной новыми работами Люстерника. Сфера S_2 отображается гомотоморфно на поверхность M_2 (с заданной на ней метрикой). Семейство всех больших кругов D_2 отображается на семейство T_2 на M_2 . Семейство T_2 непрерывной деформацией приводится к такому виду T_2^* , при котором максимум длин содержащихся в нем кривых достигает минимума (из высших комбинаторных соображений вытекает, что этот минимум положителен, т.е. что, в частности, семейство T_2^* нельзя все согнать в точку!). Наиболее длинная кривая в T_2^* и будет первой геодезической (самой длинной из трех). Далее, аналогичная операция производится с семейством всех меридианов, соответствующих некоторой паре полюсов на S_2 . Если длина второй (полученной из второго семейства) геодезической совпадает с длиной первой, то геодезических бесконечно много (так как в семействе T_2^* лежит достаточно много семейств второго типа). Теперь, после того, как существование замкнутых геодезических доказано, третья геодезическая находится, как самая короткая из всех (если ее длина совпадает со второй, то геодезических бесконечно много).

От изучения твоей работы, произведенного по обязанности члена секции, я пришел в большой восторг. Не знаю, Впрочем, удовлетворяет ли тебя высказывание, сделанное мною на секции, что эту твою работу (а не всю их совокупность) я считаю равноценной Шнирельману—Люстерниковским методам в вариационном исчислении в целом! Я написал удобопонятное (в меру возможности) изложение предмета твоей работы с примерами на шести страницах. К нему приложена (отдельно) еще общая похвала тебе, о чем я тебе уже писал.

Однако я немало досадовал на то, что сама твоя работа, при всем блеске изложения со схемами и стрелками, как будто нарочно, написана так, чтобы уже Отто Юлиевич был лишен всякой возможности постигнуть ее конкретное содержание (т.е. то, что она содержит в себе целую систему новых и вполне классически элементарных геометрических фактов) без посторонней помощи. Между тем, например, Вейль (Герман, а не Андре) нисколько не постеснялся бы напечатать в "Annals" или "Transactions" статью с удобопонятными картинками и примерами, вплоть до разъяснения того, как во всю систему входит простая теорема Жордана. Редакция же любого журнала такую, написанную тобою (а не, например, Вейлем) статью с удовольствием бы напечатала, и длиннее такая статья была бы не более чем на 50%.

Теперь по существу самой работы.

Все соотношения, которые содержатся в твоих формулах, для нижних гомологий отдельно (или для верхних отдельно) можно и записать и (в комбинаторном случае — далее не пробовал) доказать без всяких характеров.

Для нижних циклов система получается такой.

Определения.

$$\Delta_{KA}^r = E_K^A \Delta_A^r \subseteq A_K^r$$

$$\Delta_{gK}^r = I_g^K \Delta_K^r \subseteq \Delta_g^r$$

$$\Delta_{A:K}^r = (E_K^A)^{-1} O_K^r \subseteq \Delta_A^r$$

“Теорема о снятии”

$$(I_g^K)^{-1} O_g^r = \Delta_{KA}^r$$

Основные соотношения

$$(1) \Delta_A^r - \Delta_{A:K}^r \approx \Delta_{KA}^r$$

$$(2) \Delta_K^r - \Delta_{A:K}^r \approx \Delta_{gK}^r \quad (\text{следствие теоремы о снятии})$$

$$(3) \Delta_{g:K}^r = \Delta_g^r - \Delta_{gK}^r \approx \Delta_{A:K}^{r-1}$$

С точки зрения геометрии, здесь (или, с не меньшим успехом, в двойственной системе соотношений для верхних групп) все содержится, если только привыкнуть наглядно мыслить в открытых циклах в G , т.е. привыкнуть к тому, что число компонент в открытом многообразии есть ранг группы Бетти старшей размерности; а в случае K , не являющегося многообразием, вообще не вычисляется по Δ_K^r , $\Delta_{A:K}^r$ и Δ_{KA}^r как показывают простые примеры различных помещений элемента в элемент.

Между прочим, раз ты уже связан с тензорностью, то вместо $(E_K^A)^{-1}$ надо просто писать E_A^K .

Привет Варваре Сергеевне от меня и Ани.

-
- Абрам Федорович — А.Ф.Июффе.
 - Отто Юльевич — О.Ю.Шмидт

11 февраля 1943 г.

(из Комаровки
в Казань)

Вчера, в мое отсутствие, устроили заседание секции Сталинского Комитета и установили окончательно:

*Первые премии: П.Л. Капица
П.С. Александров.*

*Кандидаты на вторые П.А. Черенков
(в порядке очередности): Л.Д. Ландау
Г.А. Гринберг
С.В. Орлов.*

Таким образом, Лазарь Аронович выпал.

Аня написала тебе длинейшее письмо, но оно столь замечательно, что я предложил не вверять его почте, а положить в Комаровке до твоего возвращения.

Так же я поступаю и со своим длинным письмом.

В Комаровке срубили большую березу, но от этого наша столовая только выиграла — стало светлее. До тебя, во всяком случае, больше ничего пилить не будем (разумно было бы еще сосну около турника — она, все равно, сохнет).

Возвращение университета из Свердловска ожидается к апрелю (или в апреле). Теперь уже все надеются на скорое всеобщее воссоединение эвакуированных и москвичей.

-
- *Сталинский Комитет* — Комитет по присуждению Сталинских премий в области науки и техники.
 - *Лазарь Аронович* — Л.А. Люстерник.
 - *Длиннейшее письмо А.Д. Колмогоровой* — в конверте не обнаружено.
 - *Длинное письмо А.Н.* — имеется в виду письмо от 6 февраля 1943 г., которое было вклеено в тетрадь для дневниковых записей А.Н.

2 марта 1943 г.

(из Москвы
в Казань)

Я совершенно здоров уже давно, и вообще, все беспокойство о моем гриппе напрасно. Он, действительно, помешал мне выехать в Казань в конце января, но уже через неделю вполне прошел, и я не приехал из-за занятости делами, которые совершенно нельзя было бросить в Москве.

Сейчас мы с Аней переживаем самый лучший период первого устройства, и, во многих отношениях, теперешние дни у нас дома напоминают первые годы нашей с тобою жизни на Клязьме. Аня начала работать над своей диссертацией и уделяет ей три

дня в неделю. Остальные дни ездит в Люблино. В последнее воскресенье мы с нею кончили читать "Гамлета".

Анин Олег, вероятно, тоже вскоре придет. Наиболее правдоподобно, что он поселится с Полиной Александровной (или с П.А. и Сережей вместе). Это отнюдь не из-за тесноты у нас, а из-за чрезвычайной привязанности к бабушке.

Готовимся к огородной деятельности в Комаровке, Люблине и еще на Воробьевых горах (там огороды сотрульников АН).

Глеб находится в тылу на отдыхе (непосредственно фронтовые части периодически меняются), но ему предстоит, вероятно, вскоре вновь настоящая фронтовая жизнь. Коля Селиверстов тоже пишет с фронта после непосредственного участия в боях. Оба они, несмотря на трудности и опасности, настроены очень бодро.

Передай Вере, что я получил от Нади телеграмму. По-видимому, у нее все благополучно, если не считать того, что Соне, окончившей десятилетку и обучающейся в техникуме, надоело быть в домработницах, хотя бы и очень любимых. Я не думаю, чтобы Варе было разумно в ближайшее время ехать к Наде, по-видимому, она сама слишком слаба, чтобы оказывать там какую-либо помощь. Но, во-

Анна Дмитриевна и Андрей Николаевич в Комаровке

обще говоря, план их совместного житья в деревенской обстановке может оказаться и удачным способом устройства их жизни. Следует, однако, иметь в виду, что все необходимые меры к тому, чтобы Вера с Варей могли жить в Москве и в Комаровке без всякого стеснения для других, уже приняты (если в ближайшую зиму весь Комаровский дом будет трудно отопить, им уже обусловлена комната в Москве). Возвращение всех семейств работников Академии Наук из Казани намечено уже на эту весну, и может быть, в апреле мы все поедем из Казани в Москву на пароходе. Мне очень хочется, чтобы мы поскорее оказались все вместе.

Привет Варваре Сергеевне и Анатолию Ивановичу.

Специально прошу передать нашим добрым и милым Вильде пожелание остаться целым и невредимым Володе.

Из “художественных дневников”

-
- *Анатолий Иванович* — А.И. Мальцев.
 - *Вильде* — хозяева дома в Казани, где жили в эвакуации семейства Александровых и Колмогоровых. Их внук *Володя* был, после окончания десятилетки, отправлен на фронт и в том же году погиб.

15 мая 1943 г.

(из Казани,
не отправлено)

Вскоре отправляюсь в Институт. Там сейчас идет упаковка. После часу Бенцион Израилевич обещает прислать машину за нашими вещами. Сначала было объявлено, что вещи все должны свозить сами во Дворец Труда или в Институт, но потом Б.И. ко мне (как академику, как никак!) смягчился и решил послать машину, вскоре же сообразив, что та же машина, уже без всякого затруднения, может завернуть и к нему самому на Клыковку.

Сейчас десять часов утра, но я успел уже:

1) лежа в постели, полюбоваться на розовые облачка на голубом небе перед восходом солнца и наблюдать самый восход солнца в промежутке между двумя пишущими машинками, стоящими на полочках под высоким столиком между кроватью и окном;

2) на перекопанном третьего дня огороде (при доме) разбить три грядки;

3) наколоть дров и чурок для самовара;

4) сходить на Казанку (за это время небо покрылось тучами, но жаворонки поют над полями, а на кладбище уже расцветает акация, так что даже в холодное, пасмурное утро очень хорошо);

5) вернуться домой, как раз, к приходу Варвары Сергеевны с базара, где она покупала масло и лук для посева;

6) вместе со всеми позавтракать жареной картошкой с зеленым луком и чаем с хлебом с маслом и медом (!);

7) сделать надписи на вещах, отправляемых с оборудованием Института, и вытащить вещи в сени.

Сегодня рассортировал и разложил по трем пакетам

(1) — март-апрель, (2) — май-июль, (3) — август-сентябрь)

мои письма к тебе за прошлый, 1942 год. Перечитывая же их, возымел желание написать тебе еще. Так как 18-го я уже выезжаю в Москву, то письмо будет одно-единственное и поедет в Москву вместе со мной.

Как бы то ни было, между всеми этими разнообразными занятиями мне хочется написать тебе длинное письмо взамен целой воображаемой серии писем, которые можно было бы посылать с разными okazиями или почтой (в Москву или в Комаровку).

16 мая 1943 г.

Продолжение

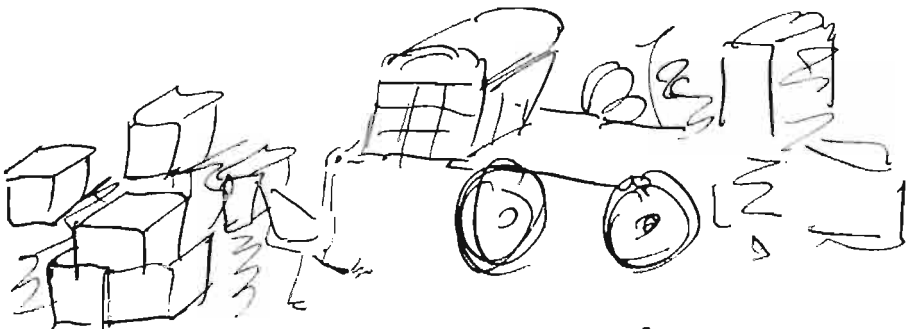
Вчера я так и не добрался до продолжения письма. Написав первую страницу, я отправился в Институт, где был "аврал" по погрузке институтского имущества. Я себя участием в подобных предприятиях не очень затрудняю, но решил, для развлечения, пойти на часок.

При упаковке библиотеки несколько дней тому назад я тоже трудился с час, за который, кроме полутора ящиков, заполненных нашими с тобой книгами, привезенными мною из дому на ручной тележке, забил еще четыре ящика и, под верховным руководством Зоры Яковлевны, таскал ящики с Гельфандом и Шафаревичем.

Последнее занятие имело свою занимательность:

Гельфанд силится, во что бы то ни стало, поднимать тяжелые ящики со мной вдвоем, но из этого ничего не выходило (даже Зоря Яковлевна может это лучше).

Призванный Зорей Яковлевной Шафаревич стал лениво помогать одной ручкой Гельфанду тащить его конец ящика, в то время как другой конец тащил я один. Вообще, Шафаревичу свойственно сломяться в скептическом ничегонеделании по Институту, проявляя энергию лишь при попытках (слабых и нерешительных) дирекции рассматривать его как "институтского молодца", вроде Никольского и Фаге, существующего для таскания дров и поездок за картошкой. Аналогичный стиль Шафаревич проявлял и в Свердловске, где ему даже удалось добиться от общеуниверситетского руководства освобождения от посылки на картошку тогда, когда подлежа-

Гусь чурчат ящики

ли отправке сами Виктор Владимирович и Нина Карловна (причем, Викт. Влад. считал это естественным, а Нина Карловна бушевала, но бесплодно). Однако, спровоцированный каким-то моим замечанием, вскоре Шафаревич вдруг принялся за дело в полную силу, и мы с ним вдвоем быстро стали громоздить ящики один за другим. По существу, он, конечно, сильнее меня.

Я тебе рассказывал о Шафаревиче-папаше, который находит, что его великий сын может снизить до принятия должности университетского доцента лишь в порядке подражания Суворову, начинавшему “с простого солдата”. Так вот, этот самый папаша работает в Москве, в Энергетическом институте, пользующемся почему-то сейчас особым вниманием. Он устроил туда сына Бориса Николаевича Делоне, и теперь оба дружественные семейства объединены настолько, что сын Бориса Николаевича живет в Москве у Шафаревича-отца, а Шафаревич-сын — у Бориса Николаевича в Казани.

Вчера, впрочем, я никакого “аврала” в Институте не застал, а наблюдал лишь Бенциона Израилевича в безукоризненных белых брюках, покрикивавшего на двух нанятых грузчиков, и нескольких фланирующих великих мужей во главе с Борисом Николаевичем Делоне.

Гельфанд с жадностью вцепился в меня для математических разговоров. У него очень интересные замыслы и есть некоторые результаты в направлении, которое меня давно интересовало: подобно тому, как верхние гомологии можно получить “переходом от непрерывного к дискретному”, из внешнего дифференцирования кососимметрических тензоров получить новые топологические инварианты из различных других известных тензорных образований. Пока получилось, правда, лишь нечто, оказавшееся эквивалентным инвариантам, уже придуманным недавно Понтрягиным, и нечто, вроде многомерных обобщений фундаментальной группы, не поддающееся удобному изучению и использованию.

Затем имел длинный разговор с Александрой Доминиановной, происходивший в хождении взад и вперед по университетскому двору в районе анатомического театра. Она признала, что оснований предполагать с моей стороны какие-то чувства к ней, выходящие за пределы сожаления к ее судьбе, ни в прошлом, ни в настоящем у нее не было. Трезвым голосом она заявила, что до прошлого года она знала, что ее не любят, но имела надежду на изменение этого положения, а теперь не имеет. Со своей стороны,

я принужден был, в возможно мягких выражениях, разъяснить ей, что после ее писем прошлого года об “эгоистической любви” и прочем я уже не в состоянии поддерживать прежней системы, когда ей предоставлялась полная возможность работать по Институту непосредственно при мне.

После Чамовой я отправился домой и до семи часов вечера ждал машины для вещей. Поэтому за обедом пришлось ходить Вере Яковлевне. За вещами прибыла машина с Бенционом Израилевичем, Фаге и Гельфандом. Затем машина отправилась еще за вещами Юлии Осиповны (собственными усилиями доставлять вещи должны, очевидно, лишь простые доктора и члены-корреспонденты, как А.Я. Хинчин, а не академики-секретари, ученые секретари или обыкновенные секретари). Между прочим, с Институтom в Москву выезжает не только Юлия Осиповна, но и Татьяна Борисовна.

После обеда читал Вере и Варваре Яковлевне “Тонио Крегера”. Прочли только две главки (Ганс Ганзен и Ингеберг Хельм до отъезда из родного города). Кончили чтение вчера вечером вместе с Варварой Сергеевной.

Чтение прервалось приходом Гагаева с супругой. Приглашен он был на воскресенье, но перепутал и явился в субботу. Он очень плох физически, в остальном, все было, как обычно.

-
- Бенцион Израилевич — Б.И. Сегал.
 - Дом, где квартировали в эвакуации семейства Александровых и Колмогоровых, примыкал непосредственно к городскому кладбищу, и оно, таким образом, было самым ближним местом для прогулок.
 - Зоря Яковлевна — З.Я. Шапиро.
 - Виктор Владимирович — В.В. Немыцкий.
 - Нина Карловна — Н.К. Бари.
 - Бенцион Израилевич — Б.И. Сегал.
 - Татьяна Борисовна — Т.Б. Гендлина.
 - Во фрагменте, где А.Н. шутиливо перечисляет разнообразных “секретарей”, участвуют: сам А.Н., как академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР (хотя и бывший), Сегал Б.И. — ученый секретарь МИ им. В.А. Стеклова Академии наук, Т.Б. Гендлина — секретарь Московского Дома ученых. Кто такая Юлия Осиповна — нам пока установить не удалось.

17 мая 1943 г.

Продолжение

Вчера (в воскресенье, 16-го) все встали сравнительно поздно (обычно Варвара Сергеевна занимается своей диссертацией с пяти часов утра до завтрака). В девятом часу пили кофе с испеченными В.С. лепешками с изюмом. Потом я разрядился в голубую рубашку и белые брюки, и мы с Варварой Сергеевной отправились гулять на Казанку. Низом, вдоль берега, дошли до “Лебединого озера” (теперь это возможно, так как радиостанция огородила свою территорию колючей проволокой и поставила за ней часового, но зато этот часовой прохожих на тропинке, идущей непосредственно вдоль изгоро-
ди, не трогает).

Рассмотрели детально самое озеро. Весной оно довольно велико и, как я потом обнаружил, пригодно для купания — будучи глубиной по грудь, наполнено чистой и более теплой, чем в Казанке, водой. Здесь мы сидели довольно долго. Потом я проводил Варвару Сергеевну до “Селезня” и вернулся к озеру.

На лугу паслись кавалерийские лошади под наблюдением двенадцатилетних мальчишек и старого сержанта. В роще несколько мальчишек бешено рубили траву и кусты настоящими кавалерийскими саблями. На перешейке между озером и Казанкой расположились трое юношей постарше, занимавшихся взаимным обучением хождению на руках и пр. Вода в Казанке показалась им холодна, и они пробовали купаться в озере, но выбрали неудачную его мелкую и тинистую часть. Потом я сам купался в Казанке. Трое юношей ушли, а я долго лежал на солнце, потом еще купался, уже в озере, с песчаной и глубокой стороны.

Утром по голубому небу плавали кучевые облака, но затем, при сильном ветре, наступила полная, почти осенняя ясность. Жаворонки пели, зеленая трава и целые луга желтых цветов поддерживали вместе с ними впечатление все-таки весны, а не осени.

Обедали около четырех часов, все вместе. Потом прочли “Тонио Крегера” до конца и пили чай.

Сегодня ночью, под влиянием “Тонио Крегера”, мне снились запутанные сны. Одновременно вдруг обнаружил (не из сегодняшних снов, а отдельно) момент появления моего пристрастия к голубому цвету.

Последний вопрос меня давно интересовал. Ты знаешь, что ряд цветов для меня имеет очень острую эмоциональную окраску. Моим детским цветом был золотисто-желтый. Когда возник голубой,

я тщетно пытался для себя выяснить. Попытки “нарядить в него” Крестю Кроткову или Маню Данилову не давали убедительного результата в моей памяти, хотя такие платья у них и бывали.

Вдруг, следующий параллелизм с “Тонио Крегером” сделался для меня вполне очевидным:

Ганс Ганзен = Валя Бочаров

Ингеборг Хельм = Крестя Кроткова

Магдалена Фермерен = Коля Селиверстов.

Аналогии, конечно, все условны, в частности моя “Магдалена Фермерен” с успехом символизировала “интеллектуальные” интересы, неловкость и мешковатость, но не имела нежности и привязанности ко мне такого рода, как, по-видимому, “настоящая” Магдалена Фермерен к Тонио Крегеру.

Сам я тоже не был особенно похож на Тонио Крегера. В 1914–1916 годах Крестя Кроткова, Валя Бочаров и я образовывали триумвират, господствовавший всецело в классе (в нем тогда еще было 16-18 учеников). Мы получали всегда круглые “вполне успевает” (большего, как я рассказывал, у Евгении Альбертовны не полагалось: были три отметки: “успевает”, “вполне успевает”, “не успевает”), однако, никогда не отказывались подсказывать неуспевающим и были одновременно первыми учениками и зачинщиками всех шалостей. А когда Евгения Альбертовна, несмотря на противодействие Веры Федоровны Федоровой, затеяла “Общество друзей хорошего поведения” со взаимным наблюдением и жетончиками, которые товарищи сами должны были отнимать у провинившихся, то мы организовали целый бунт — на нем затея и провалилась.

Триумвират распался в 1916–1917 году с появлением в классе Бори Попова и Коли Селиверстова. Боря Попов впоследствии сделался толстовцем и, в самом деле, жил в деревне и копал землю в Херсонской губернии целый ряд лет. Но тогда он был представителем партии уличных драчунов с допущением нечестных ударов, неприличных анекдотов, и т.п. В части анекдотов (а не драки) его поддерживал и Миша Шмелькин. Над этими “противниками” сначала триумвират одержал полную победу: за воротами гимназии они были остановлены, Валя Бочаров отошел в сторону, я вздул Борю Попова, а Крестя — Мишу Шмелькина (это для примазавшегося к партии уличных мальчишек было уже полным уничтожением).

Распадение триумвирата, тем не менее, произошло незаметно. Валя Бочаров — сын главного судьбы на московских конных бегах —

подружился с Володей Обезьяниновым, имевшим дядю-конезаводчика. Вместе они и обратились более к книжкам о лошадях.

*Валя Бочаров = Ганс Ганзен
Володя Обезьянинов = Эрвик Иммерталь.*

Этот Володя Обезьянинов, который недавно умер, тогда возбуждал мою острую зависть тем, что ходил всю зиму в одной фуфайке из верблюжьей шерсти и без калош, и, главное, делалось это с полного одобрения родителей. Манеры у Володи Обезьянинова были вполне безукоризненны, он принадлежал к какой-то из возникавших тогда спортивных организаций, но всегда крайне раздражал меня своим неприятным смехом. С тех пор, может быть, я отношусь с особым неудовольствием ко всяким “скаутам”, “соколам” и тому подобным начинаниям того времени.

Крестя Кроткова стала отходить к специально девичьей компании — впрочем, ненадолго, так как с 1918 года в Екатеринославе увлекалась греблей и, если не ошибаюсь, плаванием — исключительно в обществе юношей.

Я же все более дружил с Колей Селиверстовым по ученой линии, а по линии шалостей — парадоксальным образом вошел в новый триумvirат из Коли Селиверстова, Бори Попова и меня, сидевших на задней парте и смущавших учителей тем, что двое из нас (я и Коля), ничего не слушая на уроках и занимаясь под партой своими приватными делами, тем не менее, превосходили девиц, сидевших на первой парте (куда перебрался и Валя Бочаров после того, как Володя Обезьянинов, оставшись на второй год, перешел в другую гимназию, как у нас было принято).

Как бы то ни было, к этому периоду относится, по-видимому, возникновение целого ряда комплексов, преследовавших меня далее. Более всего меня мучили ватные штанишки, которые я должен был надевать, выходя на улицу, и снимать в гимназическом гардеробе. Далее, и Валя Бочаров, и Крестя Кроткова очень гордились тем, что они все лето бегают босиком, а Крестя Кроткова со своим братом и тарусскими приятелями еще упражнялась в достижении способности бегать босиком по крапиве и битым стеклам. На последнее я не претендовал, но бегать босиком по секрету пробовал летом 1914 года и в следующие лета с большим волнением. Может быть, именно вследствие этого, и теперь прикосновение, правда уже не сырой земли и травы, а снега к босым ногам на меня действует крайне возбуждающе.

Далее, из-за того, что у меня часто болели уши, мне было велено зимой ходить с ушами, заткнутыми ватой. Уроков пения у нас долго не было. Когда же они начались, то я долго принадлежал не к “поющим”, а к “слушающим”. Однажды мне вздумалось запеть. Результат, однако, вызвал всеобщий смех, а я, совершенно растерявшись, принялся вытаскивать из ушей вату, что, естественно, еще усилило всеобщее ликование.

Так вот, Валя Бочаров и носил всегда голубые рубашки и синюю шапочку.

Весь период 1914–1917 годов вмещал, впрочем, еще:

1) Разыскания по энциклопедии Брокгауза о пантеизме, манихействе, Франциске Ассизском и т.п. и соответствующие молитвенные и экстатические состояния (весна 1915).

2) Увлечение стихами Соловьева и Гамсуна (я пробовал тогда читать “Пана”, особенно по поводу пантеизма, но, кроме описаний природы, там ничего не воспринял).

3) Первое увлечение наукой при чтении “Жизни растений” Тимирязева (осень 1915). Более раннее увлечение арифметическими задачами не рассматривалось субъективно как увлечение “наукой”, а просто как род спорта.

4) Увлечение историей с Колей Селиверстовым (1916–1917).

Надо укладывать вещи, поэтому более широкая программа письма не будет выполнена, а предполагалось включить в него еще многое. До свидания (довольно уже скорого).

-
- “Тонио Крегер” — любимая Андреем Николаевичем новелла Томаса Манна.
 - Ганс Ганзен, Ингеборг Хельм, Магдалена Фермерен, Эрвик Иммерталь — персонажи новеллы Томаса Манна “Тонио Крегер”.
 - “Селезень” — так называлась лодка, на которой А.Н. и П.С. совершали лодочные путешествия с А.И. Мальцевым и С.М. Никольским в предвоенные годы.
 - Кристия Кроткова и Маня Данилова — подруги школьных лет. В бумагах Андрея Николаевича обнаружилось письмо от Кристи Кротковой из Нью-Йорка, датированное 3 ноября 1959 г., где она сообщает, что работает в ООН.
 - Валя Бочаров, Коля Селиверстов, Боря Попов, Миша Шмелькин, Володя Обезьянинов — одноклассники А.Н. Колмогорова по гимназии Е.А. Репман.
 - Евгения Альбертовна — Е.А. Репман.
 - Федорова Вера Федоровна — вторая соучредительница гимназии, в которой учились А.Н. и А.Д. Колмогоровы.

18 мая 1943 г.

Продолжение

Набрав много вещей, я решил не ехать с вагоном для командированных, который идет сегодня, а ждать до завтра или послезавтра эшелона эвакуируемых институтов. В этом эшелоне тоже обещают место в мягком вагоне, но к нему будет прицеплено еще два вагона для вещей, да и с собой, естественно, можно будет грузить больше.

Вчера, после долгой жары и пыли, была сильная гроза, а сегодня — опять солнце и особенное великолепие. Сегодня, наконец, собираемся с Верой Яковлевной гулять и, предположительно, слушать соловьев, хотя, кажется, пока поют еще только жаворонки.

Вера Яковлевна заметно постарела, в смысле ослабления ее аскетической дисциплины. В некоторой степени, такое расслабление сдерживающих центров, в случае Веры Яковлевны, даже полезно, хотя я и понимаю, что это — начало дальнейшего падения психических сил.

Вера Яковлевна Колмогорова

Зато в некоторых других отношениях происшедшие события, т.е. моя женитьба и очевидное благополучие, в то же время, наших с тобой и твоих с Аней отношений (оно вполне воспринято Варварой Сергеевной, а от нее и Верой Яковлевной), устранили ряд

многолетних недомолвок, создававших между мной и Верой Яковлевной некоторое отчуждение.

Перевезти Веру Яковлевну на зиму к нам в Москву явно нужно, даже в условиях военного времени, не по хозяйственным, а по “высшим” соображениям. Боюсь, правда, что в этом, высшем, плане ее постарение (имеющее, конечно, и более реальные объяснения) должно рассматриваться как естественная реакция на осуществление того (моя женитьба), чего она твердо решила дожидаться.

Варвара Яковлевна, наоборот, мне представляется человеком, внутренне исчерпанным. Если будет, с житейской стороны, можно и удобно поселить ее у Надежды Яковлевны, то это будет совершенно так же хорошо с точки зрения ее интересов. Субъективно, ей нужно лишь немного тепла, ласки и заботливости от кого-нибудь (от кого же именно — безразлично).

Переходя, таким образом, в план хозяйственно-эмпирический, должен сказать, что трудности сосредоточения моего семейства в Москве я понимаю, но письма Надежды Яковлевны рисуют не слишком блестящие перспективы у нее. Из-за большого количества военных (несмотря на удаленность от фронта) цены в Калаче выше казанских. В соответствии с этим, а также с легкостью устроиться на работу в военных учреждениях, требования всякой женщины, пригодной для обслуживания Варвары Яковлевны, будут довольно высокими. По-видимому, в каком-либо маленьком городке на Волге это было бы проще. Однако начинать строительство временного очага для моих старых тетушек где-либо на новом месте из-за того, что Калач оказался случайно дорогим, вряд ли возможно. Впрочем, к осени все может измениться.

P.S. Вера Яковлевна — не Сельма Ивановна Бильхен, и поэтому я думаю, ты не сетуешь на то, что так много места отведено ей, и не скажешь, что ее внутренний мир “тебя не интересует”.

20 мая 1943 г.

Продолжение

Отъезд наш состоится только завтра. С академическим вагоном приехал Сергей Львович. Я ждал с ним писем от тебя и от Ани, но их не было.

Сегодня совершенно прозрачный, ясный день, довольно холодный. Утром ходили на Казанку купаться с приехавшим вчера Анатолием Ивановичем. Его брат умер в Горьком 14 мая. Вообще, Анатолий Иванович очень занят семейными делами, видимо, довольно трудными, так как отец стареет и не может уже содержать всю семью. А.И. остается в Казани до осени с намерением ездить в Космодемьянск. Тем не менее, его научное процветание продолжается. О перспективах исследований в теории групп он рассуждает и с увлечением, и с большой серьезностью, не теряя, однако, и иронического, собственного ему, тона.

После завтрака я отправился в последний раз на далекую Казанку ("Лебединое озеро") и провел там время до двенадцати. Затем Варвара Сергеевна собирала мне дорожные продукты, я ходил за обедами, и мы все вместе обедали. Потом В.С. ушла на службу, я же ждал машину для отправки вещей, но около четырех пришел Анатолий Иванович и сказал, что погрузка тоже будет завтра.

В некоторое продолжение предыдущего раздела письма: Вера Яковлевна говорит, что в твой последний приезд она лучше и более свободно себя чувствовала с тобой, и ей казалось, что и ты с ней. Не помню точно, но мне казалось, что, наоборот, у тебя были какие-то неприятные впечатления в тот твой приезд. Или они относились только к более эмпирическому плану возросшего непослушания Веры Яковлевны разумным советам?

Вчера имел сердечный и серьезный разговор с Львом Семеновичем. Он говорит, что в последнее время почувствовал себя в математике еще увереннее, чем прежде, — видит, что он может делать "очень трудные вещи", и имеет много планов. Один из этих планов — заняться кривыми на многообразиях. В частности, Лев Семенович разрешил проблемы, относившиеся к замкнутым кривым на сфере (ты, вероятно, помнишь разговоры о них).

Новым является то, что Лев Семенович, по его словам, только теперь понял, насколько математическая работа требует много труда и времени, и даже желает, по возвращении в Москву, еще сократить свою педагогическую деятельность, по сравнению с ее довоенными размерами.

21 мая 1943 г.,

утро.

Продолжение

Вчера вечером беседовал о научных вопросах с Н.В. Смирновым, а до этого — с А.М. Обуховым. Обухова пришлось сильно ругать за то, что он, вместо сосредоточенной работы над решением отчетливо поставленных трудных задач, все занят переодеванием в новые и новые наряды своих довольно давних достижений, т.е. пишет статьи для “Журнала геофизики”, в которых старается показать “товар лицом” и спрятать то, что не доделано. Такие нравовучения, однако, делают особенно своевременным, чтобы и мой собственный период пересмотра и сортировки старых достижений уже кончился, хотя он и имеет другой смысл (по той простой причине, что я уже избран в академики, а Обухову еще многого хочется — например, до намерения сделаться им докторантом, хотелось, без новых усилий, сделаться доктором).

Что касается меня самого, то я переполнен всякими планами (к тому же, рассортированными в порядке очередности), и теперь мне совершенно необходимо, в соответствии с мнением Льва Семеновича, спокойно и систематически трудиться над их выполнением. Соединение этих трудов с “Курсом анализа” представляется мне, по-прежнему, возможным и желательным, но все остальное необходимо точно отметить, хотя тот же Лев Семенович все и обижается на мое нежелание заниматься организационно-математическими делами.

Что же касается фантазий на мое шестое (или седьмое) десятилетие, то я придумал еще одну: после учебника логики написать длинную, в нескольких томах,

“Историю форм человеческого мышления”,

посвященную анализу форм мышления греческих математиков и философов, Отцов церкви, и т.д., вплоть до современных медиков (это — по поводу чтения “Болезней кровообращения” Ланга, которые очень интересны; Ланг же сам, по-видимому, очень умен) и психиатров, а также форм мышления среднего студента нашего факультета, средней студентки, Е.А. Чудакова, чл.-корр. Беляева, И.Е. Огиевского.

Сегодня ветрено, холодно и пасмурно.

-
- Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - чл.-корр. Беляев — по-видимому, Беляев Николай Михайлович.
 - “Курс анализа”, “История форм человеческого мышления” — о намерении писать такие сочинения см. том “Из дневников” настоящего издания, запись от 1 декабря 1943 г.

21 мая 1943 г.,

вечер.

Заклучение

Настрочил прилагаемые отзывы. С них у меня нет копий. Отзыв о Петровском, однако, кроме Университета и Математического общества, может быть затребован еще и Математическим институтом АН.

Мы решили, что до осени оставить здесь Веру Яковлевну и Варвару Яковлевну можно даже в случае выезда Варвары Сергеевны. Лев Семенович собирается оставить здесь Татьяну Андреевну (и едет без вещей). Заведомо остаются Новиков с Людмилой Всеволодовной и Н.В. Смирнов, а может быть, и Александр Яковлевич. Соболев оставляет свое семейство. В этой обстановке, мне кажется, что в возможности вывоза семей (и вещей) осенью не может быть сомнений, даже и при отсутствии формальных гарантий и назначенных сроков, — слишком большого числа людей это касается (так и по всей Академии, а не только по Математическому Институту).

Шеланга будет опять действовать с 1 июня по 1 сентября. Я подал заявление на места для нас с Аней с 15 июля по 15 августа. Думаю, что это подходит и тебе.

Теперь уже, действительно, все.

-
- Петровский Иван Георгиевич
 - Лев Семенович — Л.С. Понтрягин.
 - Татьяна Андреевна — Т.А. Понтрягина.
 - Людмила Всеволодовна — Л.В. Келдыш.
 - Александр Яковлевич — А.Я. Хинчин.
 - Шеланга — имеется в виду дом отдыха КСУ в местечке Шеланга на Волге под Казанью, где в конце августа 1942 г. отдыхали А.Н. Колмогоров и П.С. Александров.

22 июня 1943 г.

(из Комаровки
в Казань)

С 16-го по 22 июня было сплетение праздников и дат.

16-го в известную, 14-ю, годовщину я изготовил рамки для Джованино и четырех портретов Чайковского и все это развесил.

20-го в Комаровке был впервые Олег и, впервые после 1941 года, супруги Гнеденки.

22-го (т.е. сегодня) я праздновал один летнее солнцестояние и поминал годовщину начала войны чтением “Войны и мира” Л.Н. Толстого, что вновь произвело на меня огромное впечатление.

Вечером с Аней кончили “Амура и Психею”.

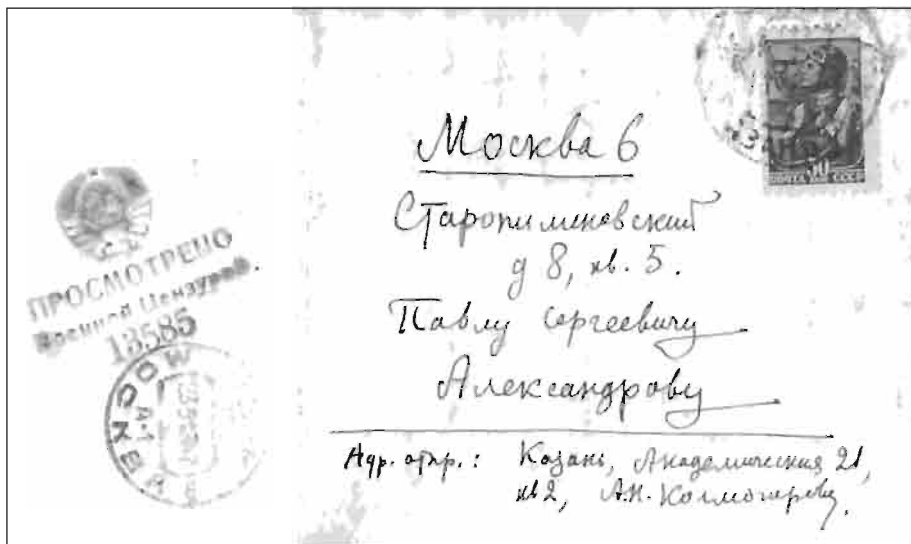

К сожалению, все эти дни я болен, ввиду чего особенно жду тебя, так как от здешнего доктора не вижу большого толку, а ехать в Москву не хочется. Видимо, желудочная интоксикация (из-за неосторожности). 17-го была температура 39,0°, в последующие дни — то ниже, то снова выше, но сегодня температура пока не поднималась выше 37,1°. В результате всего этого — сильная слабость — все время лежу и много сплю.

-
- 16 июня, известная 14-я годовщина — А.Н. имеет в виду годовщину начала дружбы с П.С. Александровым, которую они исчисляли с 16 июня 1929 г., дня отплытия в их первое лодочное путешествие по Волге.
 - Супруги Гнеденко — Борис Владимирович и Наталья Константиновна Гнеденко.

13 сентября 1943 г.

(из Казани
в Москву)

Конверт этого письма

Получил твою телеграмму:

ЛЕГКИЙ ПЕРЕЛОМ РУКИ ЗАСТАВЛЯЕТ ОТМЕНИТЬ ПОЕЗДКУ

Жду твоего письма с пояснениями, что же случилось.

Вагоны нашего эшелона должны прибыть из Москвы завтра, 14-го. Предположительно, погрузка будет 17-го, а выедем утром 18-го.

Здесь Анатолий Иванович. Он, может быть, поедет нашим эшеломом. С вещами управлюсь без тебя вполне благополучно. Пока упаковал 10 мест, среди которых: сундук, чемодан, меньший из двух ящичков, ручная корзина и маленький деревянный сундучок, который я привез из Москвы.

Вера Яковлевна здорова. У Варвары Яковлевны были некоторые желудочные неустройства, но и она сейчас в довольно хорошем состоянии.

Решено, что сейчас Варвара Яковлевна едет к Ольге Яковлевне на Трубниковский переулок. Будем туда приносить ей обед. Ее переезд к Надежде Яковлевне становится весьма проблематичным, так как

Н.Я. болеет и все еще остается в Калаче, в маленькой комнатке в весьма населенной квартире (предполагалось, что она к этому времени переселится в Кривушу). Девушка, которая ей помогает, тоже ненадежна (все собирается уйти).

Если вдруг уже этой осенью Сергей Львович благодетельствует меня квартирой, то самым простым и спокойным решением будет поселить Варвару Яковлевну вместе с Верой Яковлевной там. Если же нет, придется на всю зиму оставить ее на Трубниковском переулке с обедами от нас.

Свои денежные ресурсы сохраняю на случай надобности докупать картофель и самые необходимые овощи в Москве.

Привет Варваре Сергеевне.

-
- В начале сентября 1943 г. Андрей Николаевич отправился в Казань за своими тушками. Первоначально предполагалось, что Павел Сергеевич тоже приедет в Казань помочь со сборами и переездом. Но 11 сентября произошло событие, которое сам П.С. описывает следующим образом:

“пишу тебе одной правой рукой, поэтому без больших букв, в излишности которых, таким образом, еще раз убеждаюсь. в минувший четверг, после доклада сергея львовича о международном положении, я, наконец, собрался с варварой сергеевной к сергею сергеевичу и, возвращаясь лунным поздним вечером по набережной, не заметил лестницы-спуска к реке и грохнулся прямо на ее гранитные ступени. в результате сильно разбил левое бедро (без каких-либо серьезных повреждений) и сломал лучевую кость левой руки у самого запястья. к сожалению, в результате этого приключения опоздали на метро, и пришлось тащиться пешком до самого дома, что с ушибленной ногой было довольно затруднительно и произошло лишь в половине первого ночи (с проверкой документов, но все же благополучно). на следующее утро отправился в институт склифасовского, где был сделан рентгеновский снимок и наложена гипсовая повязка на 12—14 дней, в каковой я сейчас и нахожусь. к моему удовольствию, я прекрасно могу купаться, плавая правой рукой и держа левую высоко в воздухе, чтобы не замочить повязку — как бы упражняюсь в плавании с гранатой, что даже имеет оборонное значение. в связи с этим решил все же в казань не ехать, о чем и послал тебе телеграмму”.

- *Анатолий Иванович* — А.И. Мальцев
- *Сергей Львович* — С.Л. Соболев.

29 августа 1946 г.

(из санатория “Курпаты”, Крым,
в Москву)

Санаторий “Курпаты” в Ялте принадлежит Министерству животноводства. Он у самого моря, далеко от других санаториев. Берег напоминает Бати-Лиманский, большие гладкие скалы и камни. Есть и хороший большой пляж, и отдельные маленькие пляжики. В самом санатории очень чисто, хорошие белые комнатки смотрят прямо на море. Питание несколько чрезмерно мясное, но с возможностью замены отдельных блюд на “диетические”. Можно неограниченно покупать виноград и помидоры. Аня очень довольна.

Комнат на двоих, к сожалению, однако, всего восемь. Мы получили одну из них исключительно благодаря тому, что такая комната была заранее заказана для некой “персоны” с супругой, приехавшей, однако, без супруги и выразившей пожелание жить в четырехместной комнате со своими тремя друзьями. Впрочем, получить комнату на двоих при предварительной договоренности в Москве (конкретно, в Министерстве, которому принадлежит

Андрей Николаевич и Анна Дмитриевна

санаторий) можно и без всяких случайностей. Рядом с нами в такой комнате живет Василий Васильевич Варзар с супругой. Он принимает в хлопотах об отдельной комнате для тебя самое живое участие, собирается еще говорить с разными служащими о возможности частного найма, но, и по его мнению, из этого вряд ли что выйдет.

Мне кажется, что в “Курпатах” ты получил бы большое удовольствие и без отдельной комнаты. Если соберешься, телеграфируй — мы продолжим тогда попытки найти что-либо подходящее.

Что касается Коктебеля, то, если ты поедешь туда, я непременно на несколько дней к тебе приеду. Ехать туда надо не с тем поездом, который идет на Симферополь и Севастополь, а с Евпаторийским скорым, где есть прямые Феодосийские плацкартные вагоны. Этот поезд идет значительно скорее. Можно даже до станции Джанкой ехать в нем в мягком (и, кажется, даже в международном) вагоне, а в Джанкое пересест в Феодосийский, что, кажется, трудностей не представляет.

Сейчас был еще в санатории Верховного Совета — на краю Ялты, еще на городской улице, но очень близко от моря (по высоте, впрочем, метров 60), прилегающий же к Ялте край ливадийского парка оказался всем доступным (считается, что Ливадия закрыта, но, по-видимому, закрыты лишь окрестности дворца). В санатории, по-видимому, не слишком много отдыхающих. Директор был очень любезен, долго говорил, как ему хочется получить к себе “такого человека” и обещал устроить тебя одного, если не в настоящей комнате, то на стеклянной веранде.

В этом случае ты, по-моему, тоже будешь доволен. Обстановка Ялты, еще очень разрушенной и тихой, с естественной жизнью, мальчишками на берегу тебе должна понравиться.

Телеграфируй свое решение.

30 августа 1946 г.

(из санатория “Курпаты”, Крым,
в Москву)

Вчера на обратном пути из Ялты встретил А.О. Гельфонда с супругою (на этот раз из институтских вычислительниц). Они живут, как раз, в санатории Верховного Совета — на двоих им дали комнату без всяких разговоров (не как у нас, где большинство скромных супругов разлучены).

Все переговоры в наших “Курпатах” о комнате, хотя бы и приватной, пока оказались безуспешными. До войны здесь было два совершенно одинаковых жилых корпуса (приблизительно на 40 комнат каждый) — всего 180 “мест”. Сейчас один из корпусов разрушен, а в другом живут те же 180 человек. В остальном же, тебе было бы здесь очень хорошо. Берег довольно люден, но чуть ли не лучше Бати-Лиманского. Мы открываем все новые пляжи и гладкие, приятные для лежания на них, скалы.

Пешком от “Верховного Совета” 8—9 км, с очень большим подъемом на верхнее шоссе, в обход Ливадии и Ореанды. Дорога очень красива, и в части, пролегающей по шоссе над Ореандой, и по сократительной тропинке вниз, к нам, но из-за подъема утомительна. Но из Ялты накануне всегда можно купить билет на автобус, так что, когда я буду приходить к тебе, ты будешь заранее запастись мне билет на обратную дорогу.

С Аней мы много гуляем, и она, по собственной инициативе, бежит по горам на уровне, далеко превосходящем всех здешних дам. Но третьего дня на “царской тропе” (как ты знаешь, очень удобной и довольно широкой) она вдруг испытала приступ крайнего страха перед высотой, и, по своей привычке, теперь его усиленно культивирует, останавливаясь в страхе перед предполагаемым отвесным обрывом на шоссе метрах в 20 от края.

В основном здесь молодые люди, в большинстве довольно невзрачные. Все скромно подчиняются твердому распорядку, впрочем, гораздо более безукоризненно соблюдаемому и служащими санатория (например, завтрак, обед и ужин никогда не запаздывают ни на минуту). Все рано встают — многие даже раньше назначенных семи часов. Единственная существенная неприятность — радио, которое гремит везде, если не испорчено (или не выключено электричество). Вечером бывают танцы под баян, что издали звучит скромно и приятно.

11 сентября 1946 г.

(из санатория “Курпаты”, Крым,
в Москву)

Наконец, получил от тебя следующую телеграмму:

ВТОРИЧНО НЕПОЛУЧЕНИЕМ СРОЧНАЯ ЯЛТА САНАТОРИЙ КУРОПАТЫ
АКАДЕМИКУ КОЛГОГОВУ ОСТАЮСЬ МОСКВЕ ПИШУ АЛЕКСАНДРОВ

Очень жалею, что ты не приедешь. Я так привык быть на море с тобой, что куда ни пойду, везде представляю, как было бы тебе здесь. Берег здесь очень хорош. Несколько дней назад я нашел дорожку от самого санатория вниз, которая, как мне казалось, была бы доступной для тебя (Аня не может). Внизу же — большой плоский и гладкий камень в море на расстоянии полуметра от берега. Подолгу сижу на нем. Утром отправляюсь туда с восходом солнца, до заката. Когда тихо, по утрам у самого камня плавает множество рыбок, названий которых я, к сожалению, не знаю. Одни, очень быстрые и юркие, с зелеными спинками, проносятся стайками — подойдут к берегу, блеснут на повороте серебряными головками и уносятся в море. Другие, большие и толстые, лениво плавают у дна. Третьи, похожие на золотых рыбок из аквариумов, гуляют степенно в среднем слое. Ползают крабы, к скалам посреди водорослей присосались конические ракушки, на первый взгляд совсем слившиеся с камнем, и даже края их приспособились к его неровностям. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что, по временам, они немного приподнимаются — должно быть, дышат. Как-то именно в этот год я нашел большое разнообразие живых существ около моего камня — прежде Черное море казалось мне сравнительно мало обитаемым. Вспоминаю Batz...

Льва Семеновича пока нет. Мы продолжаем водить знакомство с Василием Васильевичем Варзаром и его женой Софьей Михайловной. В Ленинграде у них три дочери: одна — замужем за Шостаковичем, другая занимается древнерусской архитектурой (“обмеривает” какие-то церкви), а третья — чем-то, более реальным. С Варзарами путешествовали в Никитский сад. Так как В.В. знаком с директором (он у них вроде юрисконсульта), то нас угощали изумительными персиками. По дороге еще попали к одному старому виноградарю (работающему в Магараче, где теперь НИИ виноделия) — пробовали самые восхитительные сорта французского и испанского винограда из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть! Мне показалось, что хозяин, многословный и любезный, не отказался бы и от

вознаграждения, но Варзар, который оказался еще и земляком хозяина (оба они из Чернигова), решил, что mzда была бы оскорблением. Сам Никитский сад тоже, все-таки, изумительно хорош.

Вчера ходили с Аней в Алупку — туда по нижней дороге, а обратно — по верхней, мимо Гаспры. Вообще же, у Ани очень уж причудливо желание самостоятельности и независимости (например, во времяпрепровождении) переплетается с обидчивостью, когда такая независимость достигается. Впрочем, это — мои претензии, а у Ани, может быть, есть и свои. К тому же, в общем, мы здесь проводим время дружно и приятно. Аня физически очень крепнет, учится плавать, загорает, много ходит — решительно больше, чем все здешние животноводческие дамы (за исключением двух хоккеисток, заслуженных мастеров спорта).

Собираюсь завтра на Ай-Петри в компании двух молодых людей, из которых один — аспирант (он, к сожалению сильно упал от этого в моем мнении, ибо в качестве комбайнера, каким он мне казался, он обладал бы вполне достаточной интеллигентностью), а другой — не то лаборант, не то просто слесарь в том же институте моторостроения, где первый аспирант, и выглядит несколько интеллигентнее. Это будет, вероятно, последняя моя большая прогулка. Потом буду больше сидеть на море и заниматься.

Аня все читает “На горах” Мельникова-Печерского. Я же читаю взятого Аней из дома “Фауста”, к которому в здешней библиотеке нашелся перевод Холодковского. Получаю большое удовольствие от второй части, не от символических толкований, а от освобождения от нагромождений и выделения основной, чисто поэтической линии и еще от более ясного понимания автобиографических элементов. Впрочем, и ясность некоторых образов со стороны философской ранее мною не замечалась. Во всяком случае, от многого получаю удовольствие. О некоторых формально поэтических наблюдениях тоже позже буду рассказывать.

Не знаю, удачно ли, вместе читаем “Избирательное сродство” в не слишком хорошем переводе Кронеберга. В отличие от поэтических переводов, он, по-видимому, точен, но тяжел и бесцветен. Ане интересно, и она легко запоминает все детали, чтобы следить за внутренним механизмом развития событий.

Уровень здешней культурной жизни определяется тем, что библиотекаря (носителница такой жизни) сделала мне замечание, зачем я сразу взял 5-й и 7-й тома сочинений Гёте, а не читаю их по порядку.

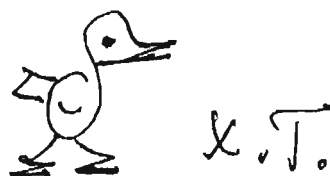
Но закупили они классиков, как раз, недавно, много, и русских и иностранных, и их никто не читает. Сам культурный Вас. Вас. выискивает себе, естественно, какие-нибудь воспоминания Кони (наверное, действительно интересные) и тому подобное.

Сейчас пишу тебе с чудесного пляжа около Кичкипа. В свое время, будучи в Гаспре, мы его не обнаружили, так как он находится под совершенно отвесной скалой (от “Ласточкина гнезда” к Ялте, сейчас же за “парусом”). На него при этом ведет удобный искусственный спуск, кончающийся у моря лестницей с перилами. С пляжа можно выплыть на обширную россыпь камней у самого “паруса”. Сейчас порядочный прибой, не мешающий еще, впрочем, плавать, и прохладный ветерок при солнце.

Плаваю довольно много — иногда вдоль берега, а в море вместе с Мих. Мих. Названовым — артистом театра Завадского и сыном певицы. Это — тридцатидвухлетний дядя огромного роста — несравненно больше и толще нашего Владимира Ивановича Козлинского, но плавает очень хорошо (хотя предпочитает ездить в Ялту, в ресторан).

Аня шлет привет тебе и Варваре Сергеевне.

От меня тоже кланяйся В.С.

-
- *Batz* — поселок во Французской Бретани, где в 1924 году утонул П.С. Урысон.
 - *Никитский сад* — Ботанический сад в Ялте.
 - *Лев Семенович* — Л.С. Понтрягин.
 - “*Избирательное родство*” — роман И. Гёте (“*Wahlverwandschaften*”).
 - *Театр Завадского* — так обычно называли Театр Моссовета, художественным руководителем которого был Ю.А. Завадский.

15 сентября 1946 г.

(из санатория “Курпаты”, Крым
в Москву)

Путешествие наше на Ай-Петри было приятным. Присоединившийся к нам М.М. Названов несколько задерживал передвижение (и в результате потерял 4 из своих 91 кг), но не настолько, чтобы испортить всю прогулку. На обратном пути все три моих спутника еще решили поживиться виноградом с колхозного гаспринского виноградника. Изловившая их дородная украинка, на счастье, подумала, что этим же виноградом набиты и их рюкзаки. Это и позволило мне их выручить, когда на бабий визг набегали уже серьезные мужчины! Продемонстрировав, что в рюкзаках ничего нет, мы спокойно ушли, сделав при этом еще и обиженный вид (сами провинившиеся были намерены удирать через забор, и еще неизвестно, чем бы это кончилось!).

Читал вчера немного “Очерки и воспоминания” Кони. Кое-что (например, о Пушкине) в них красиво, но довольно скучно. Но кое-что и очень интересно (о Достоевском, о Д.А. Ровинском — сенаторе, прокуроре, собирателе “народных картинок” и всемирно известном издателе гравюр Рембрандта).

“Wahlverwandtschaften” (“Избирательное сродство” — роман И. Гёте) кончили. Аня, по своему обычаю, все надеялась на тот или иной благополучный конец (сначала на возвращение Эдуарда к Шарлотте, а потом хотя бы уже на союз с Отиллией). Поэтому за конец она не на шутку на Гёте обиделась, так и сказав, что он “перемудрил”. Другие мои опасения, что как-либо что-либо она может отнести к себе, кажется, необоснованны.

Я же еще раз был удивлен необычайной силе этой вещи. Жалко, что форма романа из жизни среды, где мужчины воюют или охотятся, а девушки готовятся к придворной жизни, затрудняет понимание современным читателям. По существу же, я не знаю романа, в котором было бы так много близких и понятных мне деталей. Конечно, и серьезность, с которой говорится о перечитывании и обработке Эдуардом его воспоминаний, о разборке архивов и т.п., более напоминает, на самом деле, самого Гёте...

За бетховенские абонементы спасибо. Три концерта Шуберта я тоже готов слушать. Кажется, предполагался еще очень полный цикл (чуть ли не в семи или восьми концертах) из симфонических произведений Чайковского.

Аня кланяется.

Билеты заказаны на 19-е, что означает приезд в Москву 22-го, в воскресенье, рано утром.

6 октября 1946 г.

(из Комаровки,
без конверта)

Два дня Юра сидел над вычислениями к одной биологической задаче, предложенной в моем семинаре. Следуя Фишеру и Стефенсену, я в своей заметке, которую он должен реферировать, употребляю производящие функции, что сводит дело к итерациям: $f^{(n)}(x) = f(f \dots f(x) \dots)$

Юре же, во что бы то ни стало, захотелось получить все прямым подсчетом вероятностей. Пока у него ничего не вышло, но поупражняться в преобразованиях всяких сумм произведений в произведения сумм и т.п. ему полезно, а времени на это неизбежно уходит много. Теперь ему предстоит, все-таки, до среды еще разобрать изложенный у меня метод.

В пятницу у меня был Ефимов. Нам рекомендуют в “Успехах” больше заниматься актуальными и, в частности, плановыми вопросами. По этому поводу к тебе вопросы:

1. Сохранился ли текст твоего выступления о пятилетнем плане на Общем собрании Академии Наук?

2. Не собирается ли Математическое общество скоро (скажем, в октябре) устроить заседание с обсуждением перспектив развития математики в пятилетие (сам план Академии — для служебного пользования, но Келдыш ли, ты ли, наверное, можете о нем достаточно подробно рассказать, а мы эти ваши сообщения могли бы напечатать).

Твоя статья, по-видимому, была все-таки передана в редакцию “Успехов”. Если же они ее там затеряли, то они сами и будут восстанавливать (по рукописи). Надеюсь, впрочем, что у тебя еще один отпечатанный экземпляр найдется. Не помнишь ли, много ли ты потом вносил изменений и поправок?

В пятницу мы, напоследок, к окончанию жителя В.Я. здесь, слушали по радио (с 22.00 до 23.30) “Иоланту”. Я не знаю, тонфильм ли это или еще какой-то метод воспроизведения, но она идет подряд вся, без перерыва, что очень приятно. (Иоланту пела Жуковская, Водемона — Большаков). В.Я. эту оперу довольно хорошо знает.

Вчера неожиданно приехала Аня и забрала В.Я. с Н.Я. с кучей всяких узелков, тазов и ведер. Юра сейчас собирается к тебе и обещает сообщить нам, что узнает. Если ты будешь в больнице и во вторник, то непременно приеду около трех часов. Я тебя очень жду сюда!

4 июля 1948 г.

(из Калязина
в Москву)

Сегодня нашел на Калязинской почте твою телеграмму о том, что вы выезжаете 7-го. Значит, будем ждать вас 8-го рано утром с пароходом Москва—Горький.

На всякий случай (если мы почему-либо разминемся) сообщаю адрес:

*ул. Лермонтова, д. 46,
РУМЯНЦЕВ Иван Кириллович.*

Найти его по такому адресу, впрочем, трудно. Лермонтовскую улицу знают, но дальний ее конец, где находится наш дом, расположен на геометрическом продолжении реальной улицы через поле.

На Волге

Лучше всего от пристани идти вдоль Волги вниз, свернуть к “белой школе”, перейти по мостику через ручей и спросить дом И.К. Румянцева — его все знают. Для нас сняты три маленьких комнатки (“передняя половина” обычной деревенской пятистенки) не у самого Ивана Кирилловича, а через два дома, у жены его сына, погибшего на войне. Кроме хозяйки, Любови Ивановны Румянцевой, в доме еще дочь 17 лет, студентка педагогического училища в Москве и сын 10 лет. Живут они, видимо, бедно, но со следами большого достатка в прошлом.

Волга метрах в двухстах от дома. Можно было бы найти что-либо и поближе, но, попав в дом Румянцева, коим заправляет его супруга Матрена Ивановна, было уже трудно обойти “систему” домов его потомков (10 детей и 28 внуков, из которых внучка Светлана и есть наша студентка 4 курса). Директор здешнего музея даже рассматривает Ивана Кирилловича как некоего рода местную достопримечательность (“колоритная фигура”).

Видимо, протекция Ивана Кирилловича будет вполне эффективной и в раздобывании для нас лодки. При наличии надежной лодки ближайшие окрестности Калязина очень хороши. На байдарке же никогда нельзя быть уверенным, что, переправившись на другой берег, можно будет вернуться назад. От Кимр мы вполне благополучно проплыли 50 км за три дня, но плыли только в хорошую погоду (по утрам, пока не поднимется ветер). Байдарка наша и сейчас стоит в Новом Акатове, в 25 км отсюда. Оттуда я приехал сюда на катере, а Юра остался там до завтра еще у одной Румянцевой — учительницы. На катере можно плыть еще километров 40 вверх, по Нерли, а местные пароходики ходят из Калязина вниз, в Углич, и вверх — в Калинин. От пристани Шатрищи можно пересесть еще на пароходик, идущий вверх по реке Медведице. По этим речкам лучше всего и плавать на байдарке.

Из продовольствия из Москвы надо брать только сахар (и, может быть, крупу). Хлеб добывается с очередями, но бывает довольно регулярно (за белыми булками здесь ездят в Москву с шестичасовым поездом!). Молоко, творог, сметана есть всюду. На воскресном базаре есть масло, яйца и много рыбы, свежей и копченой (очень вкусной). Свежую рыбу можно купить и прямо в деревнях, в рыболовецких артелях. И конечно, много всяких ягод, особенно черники.

Юра просит себе “Сагу о Форсайтах”, и я готов ее вслух читать. Если уж брать, то, по моему мнению, всю. Кроме того, он интересуется Шекспиром, которого читал лишь в возрасте 13—14 лет.

• Юра — Юрий Михайлович Смирнов.

7 октября 1948 г.

(из Чимгана

в Сочи, санаторий “Правда”)

За окном горячее, синее с золотым сиянием небо, начинающие желтеть акации с большими гроздьями коричневых стручков, журчит фонтан. Сейчас, впрочем, появились и новые звуки — пришла большая свинья и с треском грызет какую-то кость.

Сейчас мертвый час, и поэтому молчит радио (вообще же, так как санаторий находится в Казахстане, а обслуживает Ташкент, оно поочередно переключается то на Ташкент, то на Алма-Ату). В отсутствии высокого начальства мне предоставлены даже не одна, а целых две “специальных комнаты”, одна из которых совершенно пуста, а вторая содержит диван, покрытый ковром, кровать, шкаф, столик со скатертью и тумбочку. А на стене, в золоченой раме — большая масляная копия с “Девятого вала” Айвазовского. В потолок ввинчена электрическая лампочка, очень слабая, и при этом нет не только настольной лампы, но и никаких признаков розетки. Поэтому пишу тебе днем.

Сюда меня привез на виллисе Сарымсакова управляющий делами Академии Маркамов (без самого Сарымсакова). Маркамов, имея вполне стандартный вид местного ответственного деятеля (и, как было установлено здесь, в санатории, 84 кг веса), оказался страстным любителем и знатоком роз (не хуже твоего Кнастера). Ехали мы сначала по выжженной и пыльной долине великолепной голубой реки Чаткал. Она течет из ледников, расположенных километрах в 200 отсюда. Подобной красоты мощного горного потока я, пожалуй, еще не видел (Катунь многоводнее, но не течет таким сомкнутым потоком среди скал). Хотя, наверное, ей далеко до Нарына, Зеравшана или, тем более, Пянджа. Купаться в Чаткале я еще не пробовал, но видел там плесы с песчаным берегом и очень быстрым, но совершенно спокойным, без водоворотов, течением — так что, плавать там вполне возможно.

Парк кругом довольно велик и похож своими аллеями из пирамидальных тополей и белых акаций на запущенную усадьбу в степной части Украины. На площадке в парке посередине — Сталин, а по бокам — Пушкин и Джамбул. Вниз идет длинная аллея с непрерывными фонтанчиками и каскадами воды. Фонтанчики эти, намного выше человеческого роста, должны, видимо, увлажнять воздух и создавать прохладу. Есть еще бетонная танцевальная площадка, которую тоже заливают фонтаны, так что танцевать можно было бы только в трусиках, что здесь вряд ли кому-либо придет в голову. При таком обилии фонтанов удивляет отсутствие в санатории ду-

ша — есть только баня, которую топят два раза в неделю!

Заговорило радио, и я ухожу гулять. Продолжаю на лавочке на краю парка. Солнце уже скоро зайдет за невысокий хребтик, обрамляющий нашу долину с запада, и уже дует с горных перевалов и горы Большой Чимган прохладный ветерок.

Большой Чимган от нас на юго-востоке. Левее него перевал, на который я вчера поднимался (страшно выветрившиеся гранитные скалы, из которых и образуется серо-красный песок). За перевалом спуск в мрачную долину, похожую, должно быть, на твои пиринейские цирки. В пять часов там было совсем темно. Не спускаясь туда, я повернул влево по хребту и через час попал на вершину Малого Чимгана (2000 м над уровнем моря), сложенного из серых известняков. Вдоль хребта много тиссов, таких, как растут вблизи Ай-Петри в Крыму. Склоны же нашей долины во многих местах заросли шиповником с массой красных ягод.

Комната моя наполнена яблоками, персиками, виноградом, дынями и арбузами, которые и в Ташкенте, и здесь появляются у меня сами собой в явно избыточном количестве — все жалею, что ты не приехал со мной.

8 октября 1948 г.

Продолжение

Снова 6 часов вечера. Кончается дождь, и постепенно развеиваются туман и облака. Вершина Большого Чимгана еще в облаках, а открывшиеся пониже склоны покрыты новым снегом.

Между тем, ровно двенадцать часов назад, при совершенно безоблачном небе с одной утренней звездой на нем я вышел на Большой Чимган. В 12 часов дня, после шестичасового подъема я был близок к вершине, которую рассчитывал достигнуть через час или меньше. Но перистые облака надо мною и белая пелена на северном горизонте показались мне слишком подозрительными, и я повернул назад. Когда я достиг надежной тропы, на перевале было два часа, и солнце уже скрылось за облаками. Тут я поел и отдыхал в течение получаса, пока не пошел мелкий дождик. Под ним я и шагал еще два часа до санатория, а облака все более окутывали горы, спускаясь все ниже следом за мной.

Независимо от этой внешней неудачи прогулка была очень приятна. Здешные перевальные тропы разрабатывались веками и очень торны и ясны, с большим искусством преодолевают довольно трудные подъемы. Очень трогательны редкие в это время яркие цветочки, растущие в одиночку среди щебня.

9 октября 1948г.

Окончание

Во вчерашние впечатления еще уместился закат солнца с красными разорванными облаками и блеском новых снегов после заката, а потом совсем ясный лунный и звездный вечер. Сегодня с утра весь наш парк покрыт густым инеем, небо ясно и тихо. Иней и замерзшие на деревьях капли дождя держались до 9 часов утра, когда из-за гор проникли к нам лучи солнца.

Приехал здешний агроном, который, как оказалось, вопреки моим ожиданиям (я думал, что “Чимган” существовал еще чуть ли не как летняя резиденция Ташкентского генерал-губернатора) насадил весь наш парк на совершенно пустом месте в 1932-1933 годах. Вот если бы в Комаровке за пятнадцать лет можно было вырастить такие деревья!

Агроном этот очень удручен разорением парка за военные годы и сейчас руководит работами по посадке новых деревьев. Есть нечто общее у всех таких местных энтузиастов разных скромных дел — желание терпеливо объяснять свое дело не желающим его понимать. Площадка с фонтанами была задумана, оказывается, действительно, как танцевальная, но с тем, чтобы выключать фонтаны в танцевальное вечернее время. Поливка же днем должна была сохранять цемент от растрескивания на солнце. К сожалению, он еще проектирует украсить свое детище новыми скульптурами и даже сейчас уехал в Ташкент закупать их (готовые), а свои планы об аллеях для терренкура развивает, говоря об удобствах “больного” (в единственном числе), совсем, как говорят о “заботе о коне”.

Солнце греет через промытый воздух, как я еще не наблюдал за этот приезд сюда — пойду купаться в речке. Речку нашу обрамляют обычные березы, сейчас уже облетающие, и разные высокие травы, пахнущие мятой и разными другими степными сухими запахами, которые я точно определить не умею.

Завтра, в воскресенье, я еще приглашен на прогулку к водопаду за песочным перевалом.

16 октября 1948 г.

(из Комаровки

в Сочи, санаторий “Правда”)

Мое пребывание в Чимгане окончилось в воскресенье, 10 октября. Все воскресенье при этом я путешествовал по прекрасному ущелью реки Ходаллях. Сначала через перевал спустился к площадке над водопадом, потом в обход водопада поднимался по тропинке высоко в горы и часа через полтора вышел вновь к водопаду, но уже снизу. Купался под водопадом и потом еще раз, ниже, в очень хорошем солнечном месте. Собирал дикие яблоки, мелкие, но очень сладкие, грелся на солнце на камнях над рекой и потом, через другой перевал вернулся в долину Чимганки.

В санатории меня уже ждал Сарымсаков. С ним мы поехали уже вечером в Ташкент. На следующий день, в понедельник, я делал доклад о задачах, которые ставит теория вероятностей перед функциональным анализом (чтобы Гринблум и его ученики могли импонировать Сарымсакову и Романовскому). Затем слушал доклад об интеграле Перрона некоего 19-летнего Володи Винокурова (ученик Гринблума, по-видимому, способный, хотя доклад можно было считать содержащим “самостоятельный результат” лишь с натяжкой). И, наконец, читал в Доме ученых, в Обществе по распространению политических и научных знаний, лекцию “Математика и естествознание”.

Во вторник утром ездил в Старый город, смотрел всякие кузницы, мастерские, медресе, действующую мечеть и пр. Купил там довольно скверный ножик с чеканной ручкой.

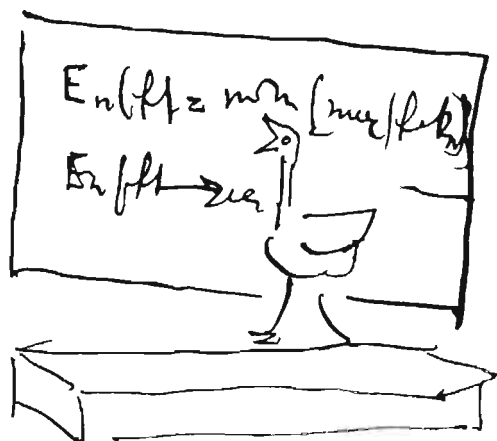
Затем читал в Академии Наук доклад о цепях Маркова и слушал доклад Аржаных (по механике) и Арешева (о кольцах дифференциальных операторов). Обедал в гостях у Сарымсакова и получил от его жены Турсоной в подарок шелковый халат и тюбетейку.

В среду с ящиком яблок, дынями и пр. был доставлен на автомобиле прямо к самолету за 10 минут до отлета. Вылетел в 9.15 (по Ташкенту) и прилетел в 16.30 (по Москве). Летел с академиком Дмитрием Васильевичем Наливкиным, который возвращался из Ашхабада, где был как раз во время землетрясения. Сам он в этот момент был на заседании и остался цел, но все его вещи остались погребенными под развалинами гостиницы. На аэродроме меня встретил Алексей Аркадьевич, тоже с автомобилем, правда, уже не у самого трапа! Мы с ним завезли Наливкина для доклада об Ашхабаде прямо в Президиум Академии Наук, а сами поехали домой, на Б.Калужскую.

В Москве еще ни с кем, кроме Фомина, не виделся, так как сразу, в четверг утром уехал сюда. Сегодня мы с Алексеем Аркадьевичем развозили по саду навоз, копали ямы под новые деревья, пересаживали акацию, провели новую дорожку между двумя рябинами к наружной аллее от разветвления дорожек перед твоим окном, жгли сухие листья...

На деревьях листьев уже мало, только березы совсем еще золотые, да сирень еще зеленая. Несколько туманные, солнечные и не очень холодные дни...

В понедельник поеду на Совет Университета, потом уже со вторника начну свою нормальную деятельность.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

От составителя. В письмах Андрея Николаевича Колмогорова и Павла Сергеевича Александрова проходит множество лиц, встречается много имен. Одни из них — люди с мировыми именами — крупнейшие ученые, деятели искусства, другие — ученики и коллеги, третьи — люди ближнего окружения, члены их семей, соседи по Комаровке.

В настоящем **Указателе** мы приводим краткие сведения о людях, составлявших окружение А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова в то время (не комментируя при этом имена, которые упоминаются лишь как авторы тех или иных произведений). С тех пор минуло 60 лет, и мы не сумели найти достаточно свидетелей той поры, которые могли бы нам рассказать сколько-нибудь подробно обо всех из них. Поэтому сведения обо многих являются недостаточными, а возможно, и неточными.

Приносим свою глубокую благодарность за помощь и ценные сведения, которые нам предоставили

Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов, Юрий Михайлович Смирнов

и, особенно, профессор кабинета истории математики и механики МГУ **Сергей Сергеевич Демидов**.

При составлении **Указателя** мы пользовались также следующими справочными изданиями:

- Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1978;
- Советский Энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1981;
- Академия Наук СССР. Персональный состав. В 2 томах. — М.: Наука, 1974;
- Российская Академия Наук. 1724–1999. Электронная версия (http://hp.iitp.ru/win/pers_ac.htm), 2002;
- Математика в СССР за сорок лет (1917–1957). Т. 2: Биобиблиография. — М.: Физматгиз, 1959;
- Математика в СССР (1958–1967). В 2 томах. — М.: Наука, 1969, 1970;
- Mathematiker-Lexikon (von Prof. Herbert Meschkowski), Bibliographisches Institut Mannheim / Wien / Zürich, 1980;
- Выдающиеся математики. Биографический словарь-справочник (сост. А.И. Бородин, А.С. Бугай). — Киев: Радянська школа, 1987;
- Математики, механики. Биографический справочник (сост. А.Н. Боголюбов). — Киев: Наукова думка, 1983.

А

Абрикосов Алексей Иванович (1875–1955) — патологоанатом, академик АН (1939) и АМН (1944), Сталинская премия (1942).

Адамар (Hadamard Jacques Salomon) (1865–1963) — французский математик, профессор университета в Париже и Политехнической школы, член Па-

рижской АН (1912), иностранный член АН СССР (1922), почетный член (1929); иностранный член Московского математического общества (1923). Труды по теории дифференциальных уравнений, теории функций, теории чисел, геометрии и механике.

Адо Игорь Дмитриевич (1910–1983) — математик, окончил Казанский университет (1931), доктор наук (1936), профессор.

Акушский Израиль Яковлевич (1911–1992) — математик и вычислитель, доктор технических наук, профессор, чл.-корр. АН КазССР (1970). В 1936–1948 гг. работал в МИАН СССР.

Александр (Alexander James Waddell) (1888–1971) — американский математик, профессор Принстонского университета (1928), с 1933 г. работал в Принстонском Институте перспективных исследований, член Национальной АН США и ряда иностранных академий; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Александров Александр Данилович (1912–1999) — математик, чл.-корр. АН СССР (1946), академик АН СССР (1964), ректор Ленинградского университета (1952–1964). Основные труды: по геометрии и ее приложениям, основаниям теории относительности и философии естествознания, Сталинская премия (1942); золотая медаль им. Л. Эйлера (1991).

Александров Михаил Сергеевич (1885–1965) — брат П.С. Александрова, известный московский хирург.

Александров Павел Сергеевич (7.V.1896–16.XI.1982) — математик, основатель научной школы по топологии, чл.-корр. АН СССР (1929), академик АН СССР (1953), действительный член Академии педагогических наук СССР (1945); член Национальной АН США и многих других академий, Герой Соц. Труда (1969); Сталинская премия (1943). Один из первых учителей и самый близкий друг А.Н. Колмогорова на протяжении более полувека. С 1935 г. они вместе владели домом в Комаровке, где жили и работали большую часть времени.

Александров Сергей Сергеевич — брат П.С. Александрова, пианист.

Александрова Варвара Сергеевна (1890–1984) — сестра П.С. Александрова, врач, кандидат медицинских наук, жила вместе с Павлом Сергеевичем до самой кончины. В эвакуации в Казани работала в пункте переливания крови.

Александрова (Здановская) Цезария Иоакимовна (1861–1946) — мать П.С. Александрова.

Алексеев Владимир Сергеевич — брат К.С. Станиславского (Алексеева).

Алексеева (Штеккер) Анна Сергеевна — сестра К.С. Станиславского (Алексеева) — бывшая владелица Комаровского дома.

Алиханов Абрам Исаакович (1904–1970) — физик, академик (1943), основатель и директор Института теоретической и экспериментальной физики. Герой Соц. Труда (1954), Сталинская премия (1941, 1948, 1953). Труды: по физике атомного ядра и космических лучей.

Алиханьян Артем Исаакович (1908–1978) — физик, чл.-корр. АН СССР (1943), академик АН АрмССР (1943); брат А.И. Алиханова. Труды по физике атомного ядра и космических лучей, Сталинская премия (1941, 1948); Ленинская премия (1970).

Алхимов Марк Игнатьевич (1902) — математик, работал в Днепропетровском университете (в 1949–1961 гг. — проректор по научной работе, в 1951–1972 гг. — зав. кафедрой математического анализа); участник Великой Отечественной войны.

Амбарцумян Виктор Амазаспович (1908–1996) — астрофизик, один из основоположников теоретической астрофизики в СССР, чл.-корр. АН СССР (1939), академик (1953); президент АН АрмССР (1947–1987); основатель и директор Бюраканской астрофизической обсерватории. Герой Соц. Труда (1968, 1978); Сталинская премия (1946, 1950); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1971).

Амиранашвили Шалва Ясонович (1899–1975) — историк искусства, чл.-корр. АН СССР (1943), академик Грузии (1955), основатель и директор Музея искусств Грузии.

Андреев Николай Николаевич (1880–1970) — физик-акустик, чл.-корр. АН СССР (1933), академик АН СССР (1953), Герой Соц. Труда (1970).

Андреева Мария Федоровна (наст. фамилия **Юрковская**) (1868–1953) — русская актриса, в 1931–1948 гг. директор Московского Дома ученых.

Араманович Исаак Генрихович (1918) — математик, ученик П.С. Александрова, канд. физ.-матем. наук (1955), доцент (1956).

Арешев Михаил Сергеевич (1912) — математик, окончил Средне-Азиатский университет (1941) и аспирантуру там же (1945).

Аржаных Иван Семенович (1914–1980) — математик, доктор физ.-матем. наук, профессор (1957), чл.-корр. АН УзССР (1960), с 1936 г. работал в Средне-Азиатском университете.

Арнольд Игорь Владимирович (1900–1948) — математик, профессор (1943), чл.-корр. АПН РСФСР, в 1930–1947 гг. работал в Московском университете; отец В.И. Арнольда.

Артин (Artin Emil) (1898–1962) — немецкий математик, профессор университета в Гамбурге (1926–1937 и с 1958) и Принстонского университета. Труды по теории групп, полугрупп и топологии.

Арчибальд (Archibald Raymond Clare) (1875–1957) — американский математик и историк науки, доктор философии Страсбургского университета, профессор Гарвардского и Аллистонского университетов, университета Дж. Брауна, член Национальной АН США. Издавал *“Bulletin of the American Mathematical Society”*, гл. редактор журнала *“American Mathematical Monthly”*.

Б

Бавли Григорий Минкелевич (1908–1941) — математик, окончил Московский университет (1930) и аспирантуру там же (1935), ученик А.Н. Колмогорова, погиб на фронте.

Бадиэль Джамель — соседка по Старопименовскому переулку, помогавшая по хозяйству в годы войны.

Базилевский Б.В. — врач, знакомый семьи П.С. Александрова по Смоленску.

Банах (Banach Stefan) (1892–1945) — польский математик, член Польской АН и чл.-корр. АН Украины, профессор и декан Львовского университета, родился и похоронен во Львове. Один из создателей современного функционального анализа.

Бардин Иван Павлович (1883–1960) — ученый в области металлургии, академик (1932), Герой Соц. Труда (1945).

Бари Нина Карловна (1901–1961) — математик, профессор Московского университета, ученица Н.Н. Лузина, член Московского математического общества (1925), Французского и Польского математических обществ (1927).

Баркалая Акакий Константинович (1905) — математик, окончил аспирантуру МГУ (1936) у А.Н. Колмогорова, позднее профессор Тбилисского университета.

Барсуков Александр Николаевич (1891–1958) — математик, автор известного учебника по алгебре.

Бахвалов Сергей Владимирович (1898–1963) — математик, геометр, профессор Московского университета (1935), однокурсник А.Н. Колмогорова по университету.

Бebutov Михаил Валерьевич (1913–1942) — математик, окончил МГУ, защитил диссертацию в 1941 г., погиб на фронте.

Беляев Николай Михайлович (1890–1944) — механик, чл.-корр. АН (1939).

Бергман (Bergman Stefan) (1895–1977) — математик, профессор Берлинского, в 1933–1937 гг. Томского и Тбилисского и (с 1953) Стенфордского университетов.

Бермант Анисим Федорович (1904–1959) — математик, профессор (1933), заведующий редакцией журнала “Математический сборник”.

Бернштейн Сергей Натанович (1880–1968) — математик, академик АН СССР (1929) и Украины (1925); иностранный член Парижской АН; почетный член Московского (1940) и Ленинградского (1966) математических обществ. Основные труды: по теории дифференциальных уравнений, теории функций, теории вероятностей; Сталинская премия (1942).

Бернштейн Ф. (Bernstein Felix) (1878–1956) — немецкий математик, профессор Гёттингенского университета (до 1933), позже эмигрировал в США.

Бильхен Сельма Ивановна — этнограф из Германии, окончила Московский университет (1928), альпинистка и лыжница, жила в Тбилиси.

Биркгоф (Birkhoff Georg David) (1884–1944) — американский математик, профессор Гарвардского университета, член Национальной АН США. Труды по теории динамических систем, топологии; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Битюцков Вадим Иванович (1926–1999) — математик, с 1950 г. заведующий редакцией математики и астрономии *Большой Советской Энциклопедии*, ученик А.Н. Колмогорова.

Блюменталь (Blumenthal Ludwig Otto von) (1876–1944) — немецкий математик, профессор университета г. Ахен; погиб в концлагере.

Бляшке (Blaschke Wilhelm Johann Eugen) (1885–1962) — немецкий математик австрийского происхождения, профессор Гамбургского университета, основатель гамбургской геометрической школы.

Бобров Александр Александрович (1912–1988) — математик, доцент Днепрпетровского университета.

Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — русский живописец-пейзажист, член известного объединения “Мир искусства”; с 1900 г. жил в Крыму, в Феодосии.

Боголюбов Николай Николаевич (1909–1992) — математик и физик-теоретик, чл.-корр. АН СССР (1946), академик АН СССР (1953), директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне (с 1965). Директор МИАН СССР (1983–1988). Основатель научных школ по нелинейной механике и теоретической физике. Участник Пагоушского движения. Герой Соц. Труда (1969), Сталинская премия (1947, 1953); Ленинская премия (1958). Золотая медаль им. М.А. Лаврентьева (1983), золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1984), золотая медаль им. А.М. Ляпунова (1989); участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Бойченко В.М. — математик.

Бокштейн Меер Феликсович (1913) — математик, окончил МГУ (1936), ученик П.С. Александрова; диссертацию защитил в эвакуации в Казани (1942).

Большаков Григорий Филиппович (1904–1981) — певец (тенор), народный артист РСФСР (1951), солист Большого театра (1938–1958); Сталинская премия (1942).

Бор Х. (Bohr Harald) (1887–1951) — датский математик, профессор университета в Копенгагене, директор Математического института при этом университете, брат выдающегося физика Нильса Бора. Труды: по теории почти периодических функций.

Бор Н. (Bohr Niels) (1885–1962) — датский физик, чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1929), создатель теории атома, легшей в основу квантовой механики; Нобелевская премия по физике (1922).

Борель (Borel Felix-Emil) (1871–1956) — французский математик, профессор Высшей нормальной школы в Париже и Сорбонны, директор Института А. Пуанкаре, член Парижской АН, чл.-корр. АН СССР (1929), иностранный член Московского математического общества (1926). Труды: по математическому анализу, теории функций, математической физике и теории вероятностей.

Бородачев Николай Александрович (?) — математик, доктор технических наук, сотрудник А.Н. Колмогорова в то время; в 1950–1960-х годах работал в МИАН СССР.

Борсук (Borsuk Karol) (1905–1982) — польский математик, тополог, член Польской АН; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Бохнер (Bochner Solomon) (1899–1982) — американский математик польского происхождения, член Национальной АН США.

Боярский Арон Яковлевич (1906–1985) — статистик, демограф, доктор экономических наук (1940), работал в Московском экономико-статистическом институте (1933–1953), профессор экономического ф-та МГУ (1955); широко известны его учебники по демографической статистике.

Браудо Евгений Максимович (1882–1939) — музыковед, заслуженный деятель искусств, сосед по Комаровке.

Брауэр (Brouwer Luitzen Egbertus Jan) (1881–1966) — математик, приват-доцент (1913) и профессор Амстердамского университета, член Нидерландской Королевской академии, Лондонского Королевского общества; иностранный член Московск. математического общества (1926) и многих иностранных академий. Положил начало математическому интуиционизму, ряд трудов по топологии.

Бриан (*Briand Aristide*) (1862–1932) — в то время премьер-министр Франции (ранее министр иностранных дел), один из инициаторов Локарнского договора (1925), направленного против СССР.

Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) — специалист в области точной механики, машин и механизмов, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1942), академик-секретарь АН СССР (1942–1949). Один из создателей теории точности и надежности машин и приборов.

Брушлинский Николай Константинович (1907–1987) — математик, профессор; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1940) — советский партийный и государственный деятель, нарком просвещения в те годы.

Бугаев Борис Николаевич (творческий псевдоним **Андрей Белый**) (1880–1934) — писатель, один из ведущих представителей символизма.

Булгаков Борис Владимирович (1900–1952) — математик и механик-теоретик, чл.-корр. АН СССР (1946). Труды: по гироскопам, следящим системам, теории нелинейных колебаний.

Бурбаки (*Bourbaki Nikolas*) — собирательный псевдоним группы французских математиков, образовалась в 1935 г. (первые члены: А. Картан, К. Шевалле, Ж. Дельсарт, Ж. Дьёдонне и А. Вейль) с целью дать систематическое изложение современной математики с позиций формально-аксиоматического метода Гильберта. Основной труд — многотомные *“Основания математики”* (*“Éléments de Mathématique”*), а также *“Очерки по истории математики”*.

Бурстин Целестин Леонович (1888–1938) — математик, профессор Белорусского университета в Минске (1929), академик АН БССР.

Бутягин Алексей Сергеевич (1881–1958) — математик, директор (1934–1939) и ректор (1939–1943) МГУ.

Бухгольц Николай Николаевич (1880–1944) — механик, профессор МГУ; Сталинская премия (1943).

Бюшгенс Сергей Сергеевич (1882–1963) — математик и механик, профессор МГУ (1922), член Московского математического общества (1910); труды по дифференциальной геометрии.

В

Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) — физик, академик (1932), президент АН СССР (1945–1951), первый директор Физического института АН, первый председатель общества *“Знание”*, гл. редактор *Большой Советской Энциклопедии*. Труды по физической оптике, по философии естествознания и истории науки; Сталинская премия (1943, 1946, 1951 (посмертно), 1952 (посмертно)).

Валле-Пуссен (*de la Vallée Poussin Charles Jean*) (1866–1962) — бельгийский математик и физик, член Бельгийской и Парижской АН, профессор университета в Лёвене (1897–1957), почетный президент Всемирного математического общества. Основные труды: по теории множеств, аналитической теории чисел, теории тригонометрических рядов, теории приближений функций полиномами.

Вальтер (*Walter Bruno*, наст. фамилия **Schlesinger**) (1876–1962) — немецкий дирижер, в 1924–1931 гг. руководил постановкой опер немецких композиторов в “Ковент-гардене”, в 1929–1933 гг. — оркестром “Гевандхауз” в Лейпциге.

Вальфиш Арнольд Зелманович (1892–1962) — математик, окончил Гёттингенский университет, доктор наук, работал в Математическом институте АН ГрузССР (с 1935).

Ван дер Варден (*Van der Waerden Bartel Leendert*) (1903–1996) — голландский математик, профессор Гронингенского, Лейпцигского и Цюрихского университетов, ученик Э. Нётер.

Васильков Дмитрий Алексеевич (1916) — математик, окончил МГУ (1938), сотрудник А.Н. Колмогорова по “стрельбной” тематике, работал в МИАН СССР.

Вашакидзе Дареджан Ражденовна (1909) — математик, окончила аспирантуру МГУ (1936) у А.Н. Колмогорова, первый кандидат наук по теории вероятностей в Грузии.

Веблен (*Veblen Oswald*) (1880–1960) — американский математик, с 1910 г. профессор Принстонского университета, первый директор Института перспективных исследований в Принстоне, с 1950 г. — заслуженный профессор этого института, член Национальной АН США, президент Американского математического общества (1923–1924).

Веденев Борис Евгеньевич (1885–1946) — ученый в области энергетики и гидротехники, академик АН СССР (1932); Сталинская премия (1943).

Веденисов Николай Борисович (1905–1941) — математик, доцент Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского, ученик П.С. Александрова, пропал без вести в 1941 г.

Вейль А. (*Weil André*) (1906–1998) — французский математик, член Парижской АН, профессор Принстонского университета, один из основателей группы Бурбаки, с 1958 г. — профессор Принстонского Института перспективных исследований; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Вейль Г. (*Weyl Hermann*) (1885–1955) — немецкий математик и физик, профессор Высшей технической школы в Цюрихе (1913–1930), Берлинского, Гёттингенского (1930–1933) и Принстонского университетов, профессор Института перспективных исследований в Принстоне (1933–1952); член Национальной АН США. Труды: по теории функций, теории чисел, теории групп и ее применениям в физике.

Векуа Илья Несторович (1907–1977) — математик и механик, академик АН СССР (1958) и АН Грузии (1946), президент АН Грузии (с 1972), ректор Новосибирского университета (1958–1964) и Тбилисского университета (1965–1972); профессор кафедры дифференциальных уравнений МГУ (1952–1958). Основные труды: по дифференциальным и интегральным уравнениям, теории функций и теории оболочек. Сталинская премия (1950), Ленинская премия (1963).

Вентцель Дмитрий Александрович (1898–1955) — ученый артиллерист и баллистик, профессор Военной академии.

Вербицкий Лев Львович (1915) — математик, окончил Днепропетровский университет (1939) и аспирантуру (1941).

Верченко Иван Яковлевич — математик, ученик А.Н. Колмогорова.

Визе Владимир Юльевич (1886–1954) — географ, геофизик, исследователь Арктики, чл.-корр. АН СССР (1933); Сталинская премия (1946).

Виленкин Наум Яковлевич (1920–1991) — математик, профессор.

Вильде Альберт Альбертович — хозяин дома в Казани, в котором в эвакуации жили семейства Александровых и Колмогоровых.

Вильде Володя — внук А.А. Вильде, окончил школу в Казани в 1942 г., ушел на фронт (1942) и в том же году погиб.

Вильнер Иосиф Александрович (1908–1969) — математик, профессор; Основные труды: по номографии.

Винер (Wiener Norbert) (1894–1964) — американский ученый, один из основоположников кибернетики, профессор Массачусетского технологического института. Сформулировал основные положения кибернетики (“Кибернетика”); труды по математическому анализу, теории вероятностей, электрическим сетям и вычислительной технике.

Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983) — математик, академик (1929), директор МИАН СССР (1932–1983). Член Лондонского Королевского общества, Парижской АН и многих других академий и научных обществ. Главный редактор серии “Математика в монографиях”, гл. редактор журнала “Известия АН СССР. Серия математическая”, гл. редактор “Математической энциклопедии”. Основные труды: в области аналитической теории чисел. Герой Соц. Труда (1945, 1971); Сталинская премия (1941); Ленинская премия (1972); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1970).

Винокуров Владимир Григорьевич (1929) — математик, доцент Средне-Азиатского университета (1957).

Винтер Александр Васильевич (1878–1958) — ученый в области энергетики, академик (1932), начальник строительства Днепрогэса.

Вишневский Александр Васильевич (1874–1948) — известный хирург, академик АМН (1946); Сталинская премия (1942).

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — историк, академик (1930), непреременный секретарь АН СССР (1930–1935).

Волковский Лев Израилевич (1913) — математик, окончил МГУ (1935), профессор (1949).

Волошин (полная фамилия **Кириенко-Волошин**) **Максимилиан Александрович** (1877–1932) — известный русский поэт и художник-акварелист; с 1900 г. жил в Крыму в Коктебеле (его полотна представлены в Художественном музее г. Феодосия — картинной галерее им. И.К. Айвазовского).

Вольперт А.Я. — математик, аспирант П.С. Александрова по Днепропетровскому университету.

Вольтерра (Volterra Vito) (1860–1940) — итальянский математик и физик, профессор университетов Пизы, Турина, Рима, член Национальной академии деи Линчеи (президент этой академии в 1921–1926 гг.), организатор и первый президент Общества прогресса наук, почетный член АН СССР (1926). Труды по теории дифференциальных уравнений в частных производных, теории упругости, интегральным и интегро-дифференциальным уравнениям, теории множеств, функциональному анализу.

Вольфкович Семен Исаакович (1896–1980) — химико-технолог, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1946). Сталинская премия (1941); золотая медаль им. Д.И. Менделеева (1967), золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1976). Основные труды: по минеральным удобрениям.

Воронин Владимир Иванович (1890–1952) — российский капитан ледокольного флота, участник спасения экспедиции У. Нобиле (1928), капитан “Челюскина” (1933–1934) и ледокола “Ермак” (1934–1938).

Вул Бенцион Моисеевич (1903–1985) — физик, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1972), Герой Соц. Труда (1969); Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1964). Основные труды: по физике диэлектриков и полупроводников.

Выгодский Марк Яковлевич (1898–1965) — математик, профессор МГУ (1931–1941 и 1945–1946), в 1931 г. — директор НИИ математики и механики Московского университета, один из создателей советской историко-математической научной школы, первый доктор наук по специальности “история математики” (1933).

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — юрист, историк, государственный деятель, академик (1939), государственный обвинитель в процессах 30-х годов.

Г

Гагаев Борис Михайлович (1897–1975) — математик, профессор Казанского университета (1933).

Гамсун (Hamsun Knut) (наст. фамилия **Pedersen**) (1859–1952) — норвежский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1920).

Галкин Илья Саввич (1898–1990) — историк, профессор, проректор МГУ в годы войны.

Галеркин Борис Григорьевич (1871–1945) — ученый в области строительной механики и теории упругости, чл.-корр. АН СССР (1928), академик АН СССР (1935); Сталинская премия (1942).

Гальперн Самарий Александрович (1904–1977) — математик, учился в МГУ с А.Н. Колмогоровым, ученик И.И. Привалова; работал на кафедре дифференциальных уравнений с 1932 г., профессор (1962).

Гантмахер Феликс Рувимович (1908–1964) — математик и механик, профессор (1938), с 1938 г. работал в МИАН СССР, в 1942–1946 гг. руководил отделом в ЦАГИ.

Гельфанд Израиль Моисеевич (р. 1913) — математик, чл.-корр. АН (1953), академик (1984), член Национальной АН США, Парижской АН и многих других академий мира, ученик А.Н. Колмогорова. Сталинская премия (1951). Основные труды: в области функционального анализа, математической физики, прикладной математики. В настоящее время живет и работает в США.

Гельфонд Александр Осипович (1906–1968) — математик, чл.-корр. АН СССР (1939), чл.-корр. Международной академии истории наук (1963), зав. кафедрой теории чисел МГУ; Основные труды: в области теории чисел и теории функций.

Гендлина Татьяна Борисовна — ведала продуктовым обеспечением академиков и членов-корреспондентов в Московском Доме ученых во время войны.

Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) — всемирно известный пианист, народный артист СССР. Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1962).

Гильберт (Hilbert David) (1862–1943) — немецкий математик, один из величайших математиков XX столетия, профессор Кёнигсбергского и Гёттингенского университетов, почетный академик Берлинской АН, чл.-корр. АН СССР (1922) и иностранный член Московского матем. общества (1904), почетный член АН СССР (1934). Фундам. труды по теории инвариантов, основаниям геометрии, теории алгебраических чисел, вариационному исчислению, теории дифференциальных и интегральных уравнений, математической физике.

Гинзбург Григорий Романович (1904–1961) — выдающийся пианист и педагог, профессор Московской консерватории (1935).

Гихман Иосиф Ильич (1918–1985) — математик, профессор Киевского университета, чл.-корр. АН УССР (1965), участник Великой Отечественной войны.

Глаголев Нил Александрович (1888–1945) — математик и логик, работал в Московском университете с 1916 г., профессор (1931), член Моск. математического общества (1921).

Гливенко Валерий Иванович (1897–1940) — математик, профессор (1928), заведующий кафедрой Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта.

Гнеденко Борис Владимирович (1912–1995) — математик, академик АН УССР (1948), зав. кафедрой теории вероятностей МГУ (1966–1995), ученик А.Н. Колмогорова и А.Я. Хинчина. Государственная премия СССР (1979). Основные труды: в области классической и прикладной теории вероятностей, истории математики.

Гнеденко Наталья Константиновна (1915–1987) — жена Б.В. Гнеденко.

Гогоберидзе Дмитрий Борисович (1906–1953) — математик, профессор Тбилисского университета (1941).

Гозенпуд Ной Соломонович — начальник лечебно-бытового отдела АН СССР, занимался обеспечением академиков и членов-корреспондентов, эвакуированных в Казань.

Гокиели Леван Петрович (1901–1975) — математик, историк и философ, профессор Тбилисского университета (1936), чл.-корр. АН ГрузССР (1961).

Головкина Софья Николаевна (р. 1915) — балерина, народная артистка СССР, с 1960 г. директор Московского хореографического училища (ныне Российская Академия хореографии). Сталинская премия (1947).

Голубев Владимир Васильевич (1884–1954) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1934), первый декан Механико-математического ф-та МГУ, член Московского математического общества (1911); ученик Д.Ф. Егорова. Труды по теории функций и аэромеханике.

Гонзет (Gonseth Ferdinand) (1880–1975) — математик, профессор университета в Цюрихе.

Гончаров Василий Леонидович (1896–1955) — математик и педагог, профессор, чл.-корр. АПН РСФСР (1944).

Горбунов Николай Петрович (1892–1944) — ученый-химик и государственный деятель, академик (1935), непрем. секретарь АН СССР (1935–1937).

Гордон И.И. — математик, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Горский Александр Алексеевич (1871–1924) — русский артист балета, педагог и балетмейстер, заслуженный артист императорских театров.

Гостинский (Hostinsky Bohuslav) (1884–1951) — чешский математик и физик-теоретик.

Граве Дмитрий Александрович (1863–1939) — математик, профессор Харьковского и Киевского университетов, академик УССР (1919), чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1929), член Московского математического общества (1900); директор Института математики АН УССР с 1934 г. Труды по теории чисел, алгебре, теории дифференциальных уравнений, истории математики, теории картографии.

Гребенча Михаил Кузьмич (1897–1948) — математик, окончил МГУ (1919), профессор.

Гринберг Георгий Абрамович (1900–1991) — математик и физик, профессор Ленинградского университета, чл.-корр. АН СССР (1946). Основные труды: по электронике, распространению электромагнитных волн, математической физике. Сталинская премия (1949).

Гринблум Максимилиан Михайлович (1903–1951) — математик, профессор Средне-Азиатского университета (1945).

Гришкова Надежда Петровна — математик, профессор, жена А.Н. Динника.

Гумбольдт (Humboldt Alexander von) (1769–1859) — немецкий натуралист и путешественник, имя которого носит университет в Берлине, почетный член Российской АН СССР (1818).

Гурвиц Зинаида Владимировна — главный врач санатория в Бати-Лимане (Крым), лечащий врач П.С. Александрова и А.Н. Колмогорова.

Гуревич (Hurewicz Witold) (1904–1957) — польский математик, тополог, профессор Амстердамского университета и Массачусетского технологического института; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Гуссерль (Husserl Edmund) (1859–1938) — немецкий философ, основатель учения о феноменологии.

Гюнтер Николай Максимович (1871–1941) — математик, чл.-корр. АН СССР (1922), профессор Петербургского и Ленинградского университета. Работы по теории дифференциальных уравнений, математической физике, теории потенциала.

Д

Данжуа (Denjoy Arnaud) (1884–1974) — французский математик, профессор Парижского университета (1922), член Парижской АН (1942) и ее президент (с 1962), иностранный член АН СССР (1971) и иностранный член Московского математического общества (1926); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1971). Основные труды: по теории функций.

Данциг Ван (Van Dantzig David) (1900–1959) — голландский математик, ученик Я. Схоутена, профессор Амстердамского университета, основатель математического центра в Амстердаме; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Даревский Валерий Михайлович (1910) — математик, окончил МГУ (1934), профессор.

Двойченко А.Н. — математик, ученик А.Н. Колмогорова.

Двухшерстов Григорий Иванович — механик, доцент Механико-математического ф-та МГУ, заместитель декана в годы войны.

Дедекинд (Dedekind Richard) (1831–1916) — немецкий математик, профессор Гёттингенского и Цюрихского университетов, член Берлинской АН. Труды по алгебраической теории чисел; дал обоснование теории действительных чисел.

Дедюхин Александр Александрович — пианист, артист Московской филармонии.

Делоне Борис Николаевич (1890–1980) — математик, чл.-корр. АН СССР (1939), зав. кафедрой высшей геометрии МГУ (1935–1943); мастер спорта по альпинизму (1937). Труды: по геометрии, теории чисел, математической кристаллографии.

Демидович Борис Павлович (1906–1977) — математик, работал в Московском университете с 1935 г., профессор (1963).

Ден (Dehn Max) (1878–1952) — немецкий математик, ученик Д. Гильберта, работал в университетах Мюнстера, Киля и Франкфурта, жил в Дании и Норвегии, член Норвежской АН, член Национальной академии деи Линчеи.

Де Рам (De Rham Georges) (1903–1990) — швейцарский математик, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Державин Николай Севастьянович (1877–1953) — филолог, академик (1931). Сталинская премия (1948).

Держинская Ксения Георгиевна (1889–1951) — певица (сопрано), народная артистка СССР (1937); Сталинская премия (1943).

Дёринг (Deuring Max Friedrich) (1907–1984) — немецкий математик, профессор Гёттингенского университета.

Динник Александр Николаевич (1876–1950) — математик и механик, академик (1946), академик Украины (1929), работал в АН УССР с 1929 г., профессор Киевского университета (1944); основатель украинской научной школы по теории упругости.

Диткин Виталий Арсеньевич (1910–1987) — математик, профессор (1952), возглавлял отдел математических таблиц и номограмм Вычислительного Центра АН СССР, гл. редактор журнала “Вычислительная математика”.

Дицман Алексей Петрович (1904) — математик, окончил МГУ и аспирантуру там же (1933), доцент (1947).

Дмитриев Николай Александрович (1924–2000) — математик, ученик А.Н. Колмогорова, принимал участие в работах, связанных с “Атомным проектом”.

Доронин Иван Васильевич (1903–1951) — летчик-испытатель, один из первых Героев Советского Союза, участвовал в спасении экипажа парохода “Челюскин”.

Драйзер (Dreiser Theodor) (1871–1945) — известный американский писатель.

Дуб (Doob Joseph Leo) (р. 1910) — американский математик, профессор Иллинойского университета (1935–1978), член Национальной АН США.

Дубенская Матильда Исидоровна — близкая подруга В.Я. Колмогоровой, приемная мать П.С. Кузнецова.

Дубинский Хаим Нафтулович (1911–1942) — математик, окончил Днепропетровский университет (1940), погиб на фронте.

Дубнов Яков Семенович (1887–1957) — математик, профессор.

Дубошин Георгий Николаевич (1904) — математик, профессор МГУ (1940).

Дубровский Владимир Михайлович (1906) — математик, окончил Днепропетровский институт народного образования (1929) и аспирантуру МГУ (1937), с 1939 г. работал в Московском университете, доктор физ.-матем. наук (1952).

Е

Егоров Андрей Дмитриевич — брат А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Егоров Борис Дмитриевич — брат А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) — историк и библиотековед, чл.-корр. АН СССР (1928), отец А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Егоров Дмитрий Федорович (1869–1931) — математик, чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1929), профессор Московского университета (1903), первый директор НИИ математики и механики МГУ (1923–1930), член (1893) и президент (1922–1930) Московского математического общества. Труды: по дифференциальной геометрии, теории интегральных уравнений, вариационному исчислению, теории функций действительного переменного; в 1910 г. организовал первый большой математический семинар в Московском университете.

Егоров Лев Дмитриевич — брат А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Егорова Ада Дмитриевна — сестра А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Егорова (Колмогорова) Анна Дмитриевна (1.X.1903–16.IX.1988) — жена А.Н. Колмогорова.

Егорова Маргарита Михайловна — мать А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Ефимов Николай Владимирович (1910–1982) — математик, профессор МГУ (1946), одно время декан Механико-математического ф-та МГУ, чл.-корр. АН СССР (1979), Ленинская премия (1966).

Ефремович Вадим Арсеньевич (1903–1989) — математик, профессор, ученик П.С. Александрова; работал в Ивановском (1949–1957), Шуйском педагогических институтах и МИАН СССР (1962–1970).

Ж

Жордан (Jordan Camille) (1838–1922) — французский математик, профессор университета в Париже, член Парижской АН, президент (1916), иностранный чл.-корр. Петербургской АН (1895). Издавал журнал чистой и прикладной математики (*“Journal de mathématiques pures et appliquées”*). Автор первого систематического трактата по теории групп и теории Галуа (1870), трехтомного курса математического анализа (1887), труды по механике, теории вероятностей, топологии и теории функций.

Жуковская Глафира Вячеславовна (1898–1977) — певица, заслуженная артистка РСФСР (1937), солистка Большого театра (1925–1948).

Жюлиа (*Julia Gaston*) (1893–1978) — французский математик, профессор университета в Париже и член Парижской АН; “Гран-при” Парижской АН за работу о множествах, носящих его имя.

З

Забелин Иван Егорович (1820–1909) — русский историк и археолог, почетный член Петербургской АН СССР (1907), председатель Общества истории и древностей российских.

Завадский Юрий Александрович (1894–1977) — актер и режиссер, художественный руководитель Театра им. Моссовета, народный артист СССР (1948). Герой Соц. Труда (1973); Сталинская премия (1946, 1951), Ленинская премия (1965).

Заремба (*Zaremba Stanislaw*) (1863–1942) — польский математик (родился в России), профессор Краковского университета, член Польской АН, чл.-корр. АН СССР (1924), один из создателей Польского математического общества. Труды: по математической физике, теории дифференциальных уравнений, теории рядов.

Зарецкий Моисей Аронович (1903–1930) — математик, сотрудник Физико-математического института им. В.А. Стеклова.

Засухин Виктор Николаевич (1915–1941) — математик, ученик А.Н. Колмогорова, погиб на фронте.

Защинский Кива Израилевич — математик, учился в аспирантуре МГУ в 30-е годы.

Зейдель (*Seidel Wladimir*) — математик, доктор философии (1930, Ludwig-Maximilians-Universität München), ученик К. Каратеодори.

Землячка Розалия Самойловна (1876–1947) — советский партийный и государственный деятель, в то время заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Зетель Семен Исаакович (1896) — математик, окончил МГУ (1930), доцент Московского института связи.

Зигель (*Siegel Carl Ludwig*) (1896–1981) — немецкий математик, профессор Университета И.-В. Гёте во Франкфурте (1922), Гёттингенского (1937–1940 и с 1951) и Принстонского (1940–1951) университетов. Основные труды: по теории чисел, комплексному анализу, небесной механике.

Зигмунд (*Zygmund Antoni*) (1900–1992) — польский математик, член Польской АН, член Национальной АН США, профессор Варшавского и Чикагского университетов.

И

Иванов Лев Николаевич (1903–1957) — историк международного права и международных отношений, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1943).

Ивановский А.В. — математик, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Ивашев-Мусатов Олег Сергеевич (р. 1927) — математик, доцент Московского университета, сын А.Д. Колмогоровой и С.М. Ивашева-Мусатова, ученик А.Н. Колмогорова.

Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович (1900–1992) — художник-живописец, учился в гимназии вместе с А.Н. Колмогоровым, первый муж А.Д. Колмогоровой (Егоровой).

Ивашева-Мусатова Полина Александровна (1874–1959) — мать С.М. Ивашева-Мусатова.

Игумнов Константин Николаевич (1873–1948) — выдающийся пианист, народный артист СССР (1946), доктор искусствоведения (1940); Сталинская премия (1946).

Ильюшин Алексей Антонович (1911–1998) — механик, специалист в области теории упругости и пластичности, чл.-корр. АН СССР (1943). Сталинская премия (1948).

Иохансон (Johansson Ingebrigt) (1904–1987) — норвежский математик, профессор университета в Осло (1942); основные труды: по геометрии и топологии.

Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) — физик, чл.-корр. АН СССР (1918), академик АН СССР (1920), вице-президент АН СССР (1942–1945); первый директор Физико-технического института и Института полупроводников; Герой Соц. Труда (1955), Сталинская премия (1942), Ленинская премия (1961 — посмертно).

Ишинский Александр Юльевич (1913–2003) — механик-теоретик, академик АН СССР (1960) и АН УССР (1948), зав. кафедрой прикладной механики МГУ, директор Института проблем механики АН СССР (с 1964). Труды по теории гироскопов, автономных систем навигации. Ленинская премия (1960).

К

Каган Вениамин Федорович (1869–1953) — математик, профессор МГУ (1923), член Московского математического общества (1923); зав. кафедрой дифференциальной геометрии МГУ; Сталинская премия (1943).

Кампен ван (Van Kampen Egbertus Rudolf) (1908–1942) — голландский математик, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве, в 1931–1942 гг. работал в Университете Джонса–Хопкинса.

Кантелли (Cantelli Francesco Paolo) (1875–1966) — итальянский математик, профессор Римского университета (1931), основатель Итальянского института актуариев и гл. редактор журнала института (*“Giornale dell’Istituto Italiano degli Attuari”*) (1930–1958). Труды: по небесной механике, теории вероятностей и актуарной математике.

Канторович Леонид Витальевич (1912–1986) — математик и экономист, чл.-корр. АН СССР (1958), академик АН СССР (1964). Основные труды: по функциональному анализу, вычислительной математике; положил начало линейному программированию, один из создателей теории оптимального планирования и управления. Сталинская премия (1949), Ленинская премия (1965), Нобелевская премия по экономике (1975).

Капица Петр Леонидович (1894–1984) — физик, академик (1939), основатель и директор Института физических проблем АН СССР, создатель сов. физической школы физики низких температур и физики сильных магнитных полей, дважды Герой Соц. Труда (1945, 1974), иностранный член многих академий и научных обществ. Сталинская премия (1941, 1943); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1959). Нобелевская премия по физике (1978).

Капков Петр Алексеевич — знакомый П.С. Александрову и А.Н. Колмогорову плотник, который выполнял для них плотницкие работы и мнению которого они доверяли.

Каратеодору (*Carathéodory Constantin*) (1873–1950) — немецкий математик греческого происхождения, профессор Гёттингенского, Берлинского университетов (1913–1918), Афинского университета (до 1924) и Мюнхенского университета (1924–1938). Труды по теории функций и вариационному исчислению; дал аксиоматическое построение основ термодинамики.

Карпинский Александр Петрович (1847–1936) — ученый-геолог и общественный деятель, академик Петербургской АН (1896), первый выборный президент Российской Академии Наук (1917–1925) и АН СССР (1925–1936). Один из организаторов и директор Геологического комитета (1885–1903), директор Российского минералогического общества.

Картан Анри (*Cartan Henri Paul*) (1904–) — французский математик, член Парижской АН (1974), в 1931–1940 гг. преподавал на Страсбургском факультете наук, позже — профессор Парижского университета; президент Международного математического союза (1966–1970), член Лондонского Королевского общества и Национальной АН США, один из создателей группы Н. Бурбаки.

Картан Эли (*Cartan Elie Joseph*) (1869–1951) — французский математик, член Парижской АН, профессор Сорбонны (1912). Труды по теории групп, дифференциальным уравнениям, геометрии. Отец А. Картана.

Кастельнуово (*Castelnuovo Guido*) (1865–1952) — итальянский математик, профессор Римского университета, президент Национальной академии деи Линчей. Труды по математическому анализу, проективной геометрии, алгебре и алгебраической геометрии.

Катаев Николай Матвеевич — отец А.Н. Колмогорова, сын сельского священника из вятской губернии, окончил Петровскую (ныне Тимирязевскую) академию, участвовал в народническом движении, был выслан в Ярославль, где работал земским статистиком. С Марией Яковлевной Колмогоровой состоял в гражданском браке. Погиб в 1919 г. во время Деникинского наступления.

Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978) — председатель Комитета по делам высшей школы (КВШ) Наркомпроса СССР и Комитета по научным оборонным исследованиям в те годы.

Келдыш Людмила Всеволодовна (1904–1976) — математик, ученица Н.Н. Лузина, доктор физ.-матем. наук, профессор, работала в МИАН СССР с 1934 г., сестра М.В. Келдыша и жена П.С. Новикова, однокурсница А.Н. Колмогорова по университету.

Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1943), академик (1946) вице-президент АН СССР (1960),

президент АН СССР (1961–1975), директор Института прикладной математики АН СССР, теперь носящего его имя. Герой Соц. Труда (1956, 1961, 1971); Сталинская премия (1942, 1946); Ленинская премия (1957); золотая медаль им. К.Э. Циолковского (1972), золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1975). Фундаментальные труды: по теории функций комплексного переменного, функциональному анализу, аэрогидродинамике и теории колебаний.

Керекъярто (*Kerékjártó Béla*) (1898–1946) — венгерский математик, тополог, профессор Гёттингенского, Принстонского и Будапештского университетов.

Кибель *Илья Афанасьевич* (1904–1970) — математик, гидромеханик и метеоролог, чл.-корр. АН СССР (1943); труды по газовой динамике и гидродинамическим прогнозам погоды; Сталинская премия (1941).

Кишкина *Зоя Михайловна* (1917) — математик, доцент кафедры математического анализа МГУ, жена А.Г. Куроша.

Клайбер (*Kleiber Erich*) (1890–1956) — выдающийся австрийский дирижер, с 1923 г. генеральный директор Берлинской оперы.

Клейн (*Klein Felix*) (1849–1925) — немецкий математик, профессор Эрлангенского, Лейпцигского и Гёттингенского университетов, чл.-корр. Петербургской АН СССР (1895) и Берлинской АН. Совместно с В.Ф. Майером основал “Энциклопедию математических наук”; с 1876 г. главный редактор журнала “*Mathematische Annalen*”. Труды по неевклидовой геометрии, теории непрерывных групп, теории алгебраических уравнений, теории эллиптических функций, теории автоморфных функций, топологии, истории и методике математики.

Кнастер (*Knaster Bronislaw*) (1893–1980) — польский математик, тополог, работал в Варшавском и Львовском университетах.

Ковнер *Семен Самсонович* (1896–1962) — математик, профессор (1931).

Кожевников *Валентин Алексеевич* — математик, ученик П.С. Александрова.

Козлинский *Владимир Иванович* — художник, один из совладельцев Комаровского дома.

Козлова *Мария Андреевна* (1909) — помощница по хозяйству в Комаровском доме с момента его покупки.

Колмогорова (*Егорова*) *Анна Дмитриевна* (1.X.1903–16.IX.1988) — жена А.Н. Колмогорова.

Колмогорова *Варвара Яковлевна* (1869–1943) — сестра матери А.Н. Колмогорова.

Колмогорова *Вера Яковлевна* (1863–1951) — сестра матери А.Н. Колмогорова, усыновившая и воспитавшая его и жившая вместе с А.Н. Колмогоровым до своей кончины.

Колмогорова *Мария Яковлевна* (1871–1903) — младшая из шести дочерей Якова Степановича Колмогорова, предводителя Угличского дворянства и почетного попечителя народных училищ Ярославской губернии. Окончила Ярославскую женскую гимназию с особыми успехами по математике и правом преподавать этот предмет в начальных училищах и при частной практике. При рождении А.Н. Колмогорова скончалась.

Колмогорова Надежда Яковлевна (1865–1952) — сестра матери А.Н. Колмогорова, врач, единственная из сестер получила высшее образование (окончила Женский медицинский институт в Петербурге).

Колмогорова Ольга Яковлевна — приемная дочь Варвары Яковлевны Колмогоровой.

Кольман Эрнст (1892–1979) — ученый в области истории и философии математики, чех по происхождению; в те годы заведовал отделом науки МК ВКП(б).

Кольцов Николай Константинович (1872–1940) — биолог-генетик, цитолог, чл.-корр. Российской АН СССР (1916).

Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник, географ, флорист-систематик и организатор науки, академик Российской Академии наук (1920), президент АН СССР (1936–1945); Герой Соц. Труда (1943); Сталинская премия (1941, 1942).

Кондрашов Владимир Иосифович (1909) — математик, доктор физ.-матем. наук (1951), профессор (1953).

Кон-Фоссен (Cohn-Vossen Stefan) (1902–1936) — немецкий математик польского происхождения, профессор Гёттингенского и Кёльнского университетов; с 1934 г. работал в Ленинградском университете и МИАН СССР; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Космодемьянский Аркадий Александрович (1909–1988) — механик, профессор Московского университета (1939) и Института истории естествознания и техники АН СССР, чл.-корр. Международной академии истории наук.

Котельников Александр Петрович (1865–1944) — математик и механик, профессор Киевского и Казанского университетов и Московского высшего технического училища, член Московского математического общества (1897); с 1930 по 1944 г. работал в ЦАГИ; Сталинская премия (1943).

Котов Иван Иванович (1909–1976) — математик, участник Великой Отечественной войны, работал в Московском авиационном институте, профессор.

Коутс (Coates Albert) (1882–1953) — английский дирижер и композитор, родился в Петербурге, гастролировал во многих странах мира, в том числе в СССР (Ленинграде и Москве).

Кочин Николай Евграфович (1900–1944) — математик и механик, академик (1939), директор Института метеорологии АН СССР. Фундаментальные труды: по гидродинамике, теории волн, теоретической механике, аэродинамике и математике.

Краммер (Cramér Harald) (1893–1985) — шведский математик, профессор университета в г. Упсала.

Крейн Марк Григорьевич (1907–1989) — математик, чл.-корр. АН УССР (1939).

Крейнес Михаил Александрович (1903–1977) — математик, профессор кафедры математического анализа МГУ (1945), ученик П.С. Александрова. Сталинская премия (1946).

Кронрод Александр Семенович (1921–1986) — математик, окончил МГУ, доктор физ.-матем. наук, профессор.

Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — математик, физик, механик, кораблестроитель, академик Российской Академии наук (1916), член Московского математического общества (1904); главный инспектор кораблестроения, предсе-

датель Морского технического комитета, председатель Русского физико-химического общества; Герой Соц. Труда (1943); Сталинская премия (1941).

Крылов Николай Митрофанович (1879–1955) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1928), академик (1929), член Московск. математического общества (1922); участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Кудрявцев Всеволод Александрович (1885–1953) — математик, профессор МГУ, член Московского математического общества (1923).

Кудрявцев Лев Дмитриевич (р. 1923) — математик, чл.-корр. АН СССР (1984), профессор.

Кузнецов Петр Саввич (1899–1968) — филолог, профессор МГУ, рос и воспитывался в доме деда А.Н. Колмогорова с раннего детства.

Кузьмин Родион Осиевич (1891–1949) — математик, профессор Пермского университета и Ленинградского политехнического института, чл.-корр. АН СССР (1946). Труды: по теории чисел и математическому анализу.

Куликов Константин Алексеевич — астроном, профессор Московского университета.

Кулишер Александр Рувимович — математик, в то время директор Ленинградского отделения МИАН СССР.

Купрадзе Виктор Дмитриевич (1903–1985) — математик, профессор (1935), академик Грузии (1947), член президиума АН Грузии, Председатель Верховного Совета ГрузССР (с 1955).

Курант (Courant Richard) (1888–1972) — немецкий математик, профессор Гёттингенского университета, основатель Математического института при этом университете, в 1933 г. эмигрировал в США, профессор Нью-Йоркского университета, член Национальной АН США, иностранный член АН СССР (1966). Труды по теории конформных отображений, математической физике, дифференциальным уравнениям.

Куратовский (Kuratowski Kazimierz) (1896–1980) — польский математик, тополог, профессор Варшавского университета, директор Математического института в Варшаве, член и вице-президент Польской АН (1957), иностранный член АН СССР (1966). Труды по топологии и теории функций; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Куриков Николай Семенович (1860–1941) — физико-химик, член Петербургской АН (1913), один из основоположников физико-химического анализа, организатор отечественного металлургического производства; Сталинская премия (1941).

Курош Александр Геннадьевич (1908–1971) — математик, профессор (1937), зав. кафедрой алгебры МГУ, ученик П.С. Александрова и О.Ю. Шмидта. Почетный член Московск. математического общества (1963).

Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) — русский дирижер, виртуоз-контрабасист и музыкальный деятель.

Кэлэр (Kähler Erich) (1906–2000) — немецкий математик, профессор Кёнигсбергского, Лейпцигского, Берлинского технического и Гамбургского университетов.

Кюннет (Künnet Hermann) (1892–1975) — немецкий математик, тополог, профессор Эрлангенского университета.

Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) — математик, ученик Н.Н. Лузина, академик (1946), вице-президент АН СССР (1957–1976), член Московского математического общества (1925); первый зав. кафедрой анализа и теории функций и с 1935 по 1960 г. работал в МИАН СССР; один из организаторов и председатель Сибирского Отделения АН СССР (1957–1975). Основные труды: по теории функций, теории дифференциальных уравнений, механике сплошной среды и прикладной физике. Герой Соц. Труда (1967), Сталинская премия (1946, 1949); Ленинская премия (1958), золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1977).

Ландау Лев Давидович (1908–1968) — физик-теоретик, академик (1946), основатель научной школы. Герой Соц. Труда (1954); Сталинская премия (1946, 1949, 1953); Ленинская премия (1962); Нобелевская премия по физике (1962). Фундаментальные труды: во многих областях теоретической физики.

Ландау (Landau Edmund) (1877–1938) — немецкий математик, с 1909 г. профессор Гёттингенского университета, профессор Берлинского университета, иностранный чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1932). Труды: по аналитической теории чисел, теории функций комплексного переменного, теории целых функций. Автор фундаментальных курсов по аналитической теории чисел и математическому анализу.

Ландсберг Григорий Самуилович (1890–1957) — физик, академик (1946); открыл (совместно с Л.И. Мандельштамом) комбинационное рассеяние света; основатель научной школы по спектроскопии и спектральному анализу; Сталинская премия (1941).

Ланжевен (Langevin Paul) (1872–1946) — французский физик, чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1929). Создал статистическую теорию диа- и парамагнетизма; разработал метод генерации ультразвука.

Лебег (Lebesgue Henri Léon) (1875–1941) — французский математик, член Парижской АН, чл.-корр. АН СССР (1929), иностранный член Московского математического общества (1926); один из создателей теории функций действительного переменного.

Леви Г. (Lewy Hans) (1904–1988) — немецкий математик, ученик Р. Куранта, профессор Гёттингенского университета, в 1933 г. эмигрировал в Америку, профессор Калифорнийского университета (Беркли).

Леви П. (Lévy Paul) (1886–1971) — французский математик, профессор Политехнической школы в Париже, член Парижской АН. Труды по теории вероятностей, теории функций, функциональному анализу и механике.

Левин Борис Рувимович (1919) — математик, окончил Московский университет (1941) и Военно-воздушную академию (1945); доктор технических наук (1963), профессор (1965).

Лейбензон Леонид Самуилович (1879–1951) — механик, геофизик, чл.-корр. АН СССР (1933), академик АН СССР (1943), член Московского математического общества (1911); основатель подземной гидравлики. Труды по теории упругости, прочности, геофизике. Сталинская премия (1943).

Леонтович Михаил Александрович (1903–1981) — физик-теоретик, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1946). Основатель научной школы по радиофизике и физике плазмы, руководил исследованиями по проблеме управляемого термоядерного синтеза. Ленинская премия (1958).

Лефшец (Lefschetz Solomon) (1884–1972) — американский математик, родился в Москве, с 1924 г. профессор Принстонского университета, член Национальной АН США; гл. редактор журнала *“Annals of Mathematics”*; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Линдберг (Lindberg Charles) (1902–1974) — американский летчик, совершивший в 1927 г. первый беспосадочный полет через Атлантический океан.

Линник Юрий Владимирович (1914–1972) — математик, профессор Ленинградского университета, участник Великой Отечественной войны, чл.-корр. АН СССР (1953), академик АН СССР (1964). Герой Соц. Труда (1969); Сталинская премия (1947), Ленинская премия (1970). Основные труды: по теории чисел, теории вероятностей (предельные теоремы) и математической статистике.

Липецкер Михаил Семенович — племянник Л.С. Неймана и П.С. Урысона, юрист по образованию.

Литвинов Максим Максимович (наст. имя **Валлах Макс**) (1876–1951) — советский государственный и партийный деятель, нарком иностранных дел СССР (1930–1939); посол СССР в США (1941–1943).

Лозинский Сергей Михайлович (1914–1985) — математик, профессор Ленинградского университета (1946), председатель Ленинградского математического общества, участник Великой Отечественной войны.

Лотоцкий Андрей Владимирович (1906) — математик, окончил МГУ (1930) и аспирантуру там же (1935), с 1936 г. работал в Ивановском педагогическом институте.

Лузин Николай Николаевич (1883–1950) — математик, академик (1929), один из создателей московской математической школы, член Московского математического общества (1910) и вице-президент (1926); ученик Д.Ф. Егорова; учитель П.С. Александрова и А.Н. Колмогорова. Основные труды: по метрической и дескриптивной теории функций действительного переменного, а также аналитическим функциям, дифференциальной геометрии, дифференциальным уравнениям.

Лукомский Яков Ильич (1906–1961) — статистик, доктор экономических наук (1947), один из разработчиков методов статистического контроля качества продукции.

Лурье Анатолий Исаакович (1901–1980) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1960), профессор. Труды по теории упругости, устойчивости систем автоматического управления, аналитической механике.

Льюис (Lewis Sinclair) (1885–1951) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1930).

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) — биолог и агроном, академик (1939), президент ВАСХНИЛ; Герой Соц. Труда (1945); Сталинская премия (1941, 1943).

Люстерник Лазарь Аронович (1899–1981) — математик, профессор Московского университета, чл.-корр. АН СССР (1946), член Московского мате-

математического общества (1927); первый зав. кафедрой функционального анализа МГУ (1933–1943) и первый гл. редактор журнала “Успехи математических наук”, с 1970 г. — профессор кафедры общих проблем управления МГУ; ученик Н.Н. Лузина. Фундаментальные труды: по теории функций, вариационному исчислению и вычислительной математике. Сталинская премия (1946).

М

Мазур (*Mazur Stanislaw*) (1905–1981) — польский математик, профессор Львовского, Лодзинского и Варшавского университетов, член Польской АН, ученик С. Банаха.

Мазуркевич (*Mazurkiewicz Stefan*) (1888–1945) — польский математик, профессор Варшавского университета, член Польской АН, основатель журнала “*Fundamenta Mathematicae*”, президент Польского математического общества; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Малер (*Mahler Kurt*) (1903–1988) — английский математик, член Лондонского Королевского общества, профессор университета в Манчестере и Национального института в Канберре.

Мальцев Анатолий Иванович (1909–1967) — математик, академик (1958), ученик А.Н. Колмогорова; в годы войны — Сталинский докторант МИАН СССР, докторскую диссертацию защитил в 1941 г. в эвакуации в Казани. С 1932 по 1960 г. работал в МИАН. Основные труды: по алгебре (теории групп и колец, топологической алгебре), математической логике и ее приложениям. Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1964).

Мандельштам Леонид Исаакович (1879–1944) — физик, чл.-корр. АН СССР (1928), академик (1929); один из основателей научной школы по радиофизике; основополагающие исследования по нелинейным колебаниям, радиоинтерференционному методу; труды по рассеянию света; Сталинская премия (1942).

Марков Андрей Андреевич (м.л.) (1903–1979) — математик, профессор Ленинградского университета (1936–1955), чл.-корр. АН СССР (1953), первый зав. кафедрой математической логики МГУ (1959). Труды: по топологии, топологической алгебре, теории алгоритмов, конструктивной математике, теории динамических систем, математической логике и основаниям математики; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Маркушевич Алексей Иванович (1908–1979) — математик и педагог, профессор Московского университета, действительный член (1950) и вице-президент (1964–1975) АПН РСФСР, действительный член АПН СССР (1966). Труды: по теории функций, педагогике и методике преподавания, истории науки.

Менгельберг Виллем Йозеф (1871–1951) — голландский дирижер, гастролировал в России с музыкой Р. Штраусса, К. Дебюсси и П.И. Чайковского

Меньшов Дмитрий Евгеньевич (1902–1988) — математик, чл.-корр. АН СССР (1953), профессор Московского университета (1929), ученик Н.Н. Лузина, член Московск. математического общества (1919); первый зав. кафедрой теории функций и функционального анализа МГУ. Основные труды: по теории функций. Сталинская премия (1951).

Мессерер Асаф Михайлович (1903–1992) — артист балета и хореограф, народный артист СССР (1976); Сталинская премия (1941, 1947).

Мессерер Суламифь (1908) — балерина, солистка Большого театра СССР, сестра А.М. Мессерера.

Мигдал Аркадий Бейнусович (1911–1991) — физик, чл.-корр. АН СССР (1953), академик (1966). Труды по квантовой теории поля, физике атомного ядра и элементарных частиц.

Мизес (Mises Richard, von) (1883–1953) — математик и механик австрийского происхождения, профессор Берлинского, Стамбульского и Гарвардского университетов; основатель и руководитель Института математики Берлинского университета.

Миллионщиков Михаил Дмитриевич (1913–1973) — советский математик и организатор науки, академик АН СССР (1962), вице-президент АН СССР (1962–1973), ученик А.Н. Колмогорова. Основные труды: по теории турбулентности, фильтрации, газовой динамике, ядерной энергетике. Герой Соц. Труда (1967); Председатель Верховного Совета РСФСР (1967–1973), председатель Советского национального комитета Пагоушского движения; Сталинская премия (1951, 1954); Ленинская премия (1961).

Мищенко Евгений Фролович (р. 1922) — математик, участник Великой Отечественной войны, работал на кафедре дифференциальных уравнений МГУ (1954–1962), с 1957 г. работает в МИРАН, академик (1984), ученик П.С. Александрова и Л.С. Понтрягина, гл. редактор *“Трудов МИАН”*. Основные труды: по теории дифференциальных уравнений, математической теории оптимальных процессов. Ленинская премия (1962).

Млодзеевский Анатолий Болеславович (1883–1959) — физик, профессор МГУ, сын физика и математика Б.К. Млодзеевского (1859–1923), бывшего одно время президентом Московского математического общества, профессора Московского университета.

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) — советский политический и государственный деятель.

Молчанов Николай Николаевич (1903) — математик, окончил МГУ (1930), доцент.

Монин Андрей Сергеевич (1923) — математик, метеоролог и океанолог, чл.-корр. АН СССР (1972), академик (2000), ученик А.Н. Колмогорова. Труды: по физике атмосферы, общей теории турбулентности, динамическим процессам в океане и атмосфере, долгие годы — директор Института океанологии АН СССР.

Морс (Morse Harold) (1892–1977) — американский математик, член Национальной АН США, профессор Принстонского Института перспективных исследований (1935).

Мур Р. (Moore Robert Lie) (1882–1974) — американский математик, тополог, член Национальной АН США.

Мур Э. (Moore Eliakim Hastings) (1862–1932) — американский математик, профессор Чикагского университета, член Национальной АН США и Американской Академии искусств и наук в Бостоне. Один из основателей и вице-президент Американского математического общества.

Мусхелишвили Николай Иванович (1891–1976) — математик и механик, профессор Тбилисского университета (1922), директор Математического института АН ГрузССР (с 1941), чл.-корр. АН СССР (1933), академик (1939), президент АН ГрузССР (1941–1972), председатель Национального комитета по теоретической и прикладной механике СССР, вице-президент ИМУ (Международного Математического Союза). Основные труды: по теории упругости, интегральным уравнениям и граничным задачам теории аналитических функций. Герой Соц. Труда (1945); Сталинская премия (1941, 1947); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1972).

Мюнц Герман Моисеевич (*Müntz Chaim H.*) — немецкий математик, в 1933 г. иммигрировал в СССР, профессор Ленинградского университета; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве. О его судьбе с конца 30-х годов ничего не известно.

Н

Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) — геолог, палеонтолог, чл.-корр. АН СССР (1933), академик АН СССР (1946). Герой Соц. Труда (1963); Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1957); золотая медаль им. А.П. Карпинского (1978).

Нёбелинг (*Nöbeling Georges*) — немецкий математик, профессор Эрлангенского университета, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) — певица (лирико-колоратурное сопрано), народная артистка СССР, доктор искусствоведения; Сталинская премия (1943).

Нейгебауэр (*Neugebauer Otto E.*) (1899–1990) — австрийский математик и историк науки, профессор Гёттингенского и Копенгагенского университетов, основатель (1931) и первый редактор реферативного журнала *“Zentralblatt für Mathematik”*, в котором П.С. Александров вел топологический отдел; с 1939 г. профессор университета Дж. Брауна (США).

Нейман (Урысон) Лина Самуиловна (П.С. и А.Н. называют ее *Лина Самойловна*) (1885–1971) — детская писательница, сестра П.С. Урысона, в ее квартире в Старопименовском переулке в Москве жили в предвоенные и военные годы П.С. Александров и А.Н. Колмогоров.

Нейман Джерси (Ежи) (*Neyman Jerzy*) (1894–1981) — американский математик польского происхождения, профессор Варшавского, Краковского и Лондонского университетов; с 1938 г. — профессор Калифорнийского университета, член Национальной АН США.

Нейман Дж. фон (*Neumann John von*) (1903–1957) — американский математик, профессор Берлинского, Гамбургского и Принстонского университетов, с 1933 г. работал в Принстонском Институте перспективных исследований; президент Американского математического общества, член Национальной АН США. Труды по функциональному анализу, теории игр. Внес большой вклад в создание первых ЭВМ и разработку методов их применения; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Нейшулер Леонид Яковлевич (1901–1959) — математик, сотрудник МИАН СССР, доктор физ.-матем. наук (1954); ученик П.С. Александрова.

Немыцкий Виктор Владимирович (1900–1967) — математик, профессор кафедры дифференциальных уравнений МГУ, ученик П.С. Александрова; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве; однокурсник А.Н. Колмогорова по университету.

Нёмер (Noether Emmy) (1882–1935) — немецкий математик, внештатный профессор Гёттингенского университета, в 1928–1929 гг. читала абстрактную алгебру в Московском университете; после прихода фашистов эмигрировала в США, с 1933 г. профессор университета шт. Пенсильвания.

Никитин Василий Петрович (1893–1956) — ученый в области электромеханики и электросварки, академик (1939). Основные труды: по теории электрических машин и аппаратов электросварки.

Николадзе Николай Яковлевич (1843–1928) — грузинский общественный деятель, публицист, литературный критик.

Николадзе Тамара Николаевна — жена Н.И. Мусхелишвили, дочь Н.Я. Николадзе.

Николаи Евгений Леопольдович (1880–1950) — механик, профессор Ленинградского политехнического института.

Никольский Сергей Михайлович (1905) — математик, чл.-корр. АН СССР (1968), академик АН СССР (1972), ученик А.Н. Колмогорова; в годы войны — докторант МИАН СССР, докторскую диссертацию защитил в эвакуации в Казани (1942), с 1940 г. работает в МИАН. Фундаментальные труды по функциональному анализу, теории приближений, квадратурным формулам и краевым задачам дифференциальных уравнений. Сталинская премия (1952), Государств. премия (1957).

Нильсен (Nielsen Jakob) (1890–1959) — датский математик, с 1925 г. профессор теоретической механики в Техническом университете Копенгагена, в 1951 г. сменил на посту профессора математики в Копенгагенском университете Х. Бора. Член Королевской Академии наук Дании (1926). Труды: по теоретической механике, теории групп, топологии. Участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Нобиле (Nobile Umberto) (1885–1978) — знаменитый итальянский авиатор и дирижаблестроитель.

Новиков Петр Сергеевич (1901–1975) — математик, чл.-корр. АН СССР (1953), академик (1960), один из основателей научной школы математической логики, с 1934 г. работал в МИАН СССР. Однокурсник А.Н. Колмогорова по университету. Труды по теории множеств, математической логике, теории алгоритмов, теории групп. Ленинская премия (1957).

Ньюмен (Newman Maxwell Herman Alexander) (1897–1984) — английский математик, профессор Кембриджского университета, член Лондонского Королевского общества (1939), участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Ньюберг Николай Дмитриевич (1902–1990) — физик-оптик, доктор наук, друг А.Н. Колмогорова по гимназии. Его мать **Софья Николаевна Ньюберг** (1874–1964) преподавала в этой гимназии латынь.

О

Оборин Лев Николаевич (1907–1974) — выдающийся пианист и педагог, народный артист СССР, профессор Московской консерватории; Сталинская премия (1943).

Обухов Александр Михайлович (1918–1989) — математик и геофизик, чл.-корр. АН СССР (1953), академик АН СССР (1970); ученик А.Н. Колмогорова. Труды: по физике атмосферы, теории турбулентности и математической статистике.

Огиевецкий Исаак Ефимович (1889–1956) — математик, профессор Днепрпетровского университета, председатель Днепрпетровского математического общества.

Огородников Кирилл Федорович (1900–1985) — математик, профессор, член Ленинградского математического общества.

Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) — выдающийся скрипач, педагог и дирижер, народный артист СССР (1953), профессор Московской консерватории; Сталинская премия (1943), Ленинская премия (1960).

Окунев Леопольд Яковлевич (1905) — математик, доцент МГУ.

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, академик (1935), первый президент АН Армении, директор Государственного музея “Эрмитаж” (1934–1951).

Орлов Борис Павлович (1892–1967) — географ, декан Географического ф-та МГУ, в годы войны исполнял обязанности ректора МГУ.

Орлов Сергей Владимирович (1880–1958) — астроном, астрофизик, чл.-корр. АН СССР (1943). Сталинская премия (1943).

Отто Нина — концертирующая пианистка, солистка Московской филармонии.

П

Папуш Павел Николаевич — математик.

Парфентьев Николай Николаевич (1877–1943) — математик, профессор Казанского университета, президент Казанского математического общества в те годы.

Пархоменко Алексей Серапионович (1909–1982) — математик, окончил МГУ (1935) и аспирантуру (1938), доцент кафедры высшей геометрии МГУ, ученик П.С. Александрова.

Певзнер Белла Исааковна — математик, жена С.С. Ковнера.

Перепелкин Дмитрий Иванович (1900–1954) — математик и педагог, профессор (1935), чл.-корр. АПН РСФСР (1950).

Петров Алексей Аркадьевич (1920–1971) — математик, ученик и личный секретарь А.Н. Колмогорова в те годы, работал в МИАН СССР (1962–1971) и Московском инженерно-физическом институте.

Петровский Иван Георгиевич (1901–1973) — математик, чл.-корр. АН СССР (1943), академик АН СССР (1946), член президиума АН СССР (1953–1973). Работал в Московском университете с 1927 г.; зав. кафедрой дифференциальных уравнений (1951–1973); в годы войны (1940–1944) — декан Механико-математического факультета МГУ, ректор МГУ (1951–1973); депутат и член Президиума

Верховного Совета СССР (1966–1973). Фундаментальные труды: по дифференциальным уравнениям, математической физике, алгебраической геометрии. Герой Соц. Труда (1969); Сталинская премия (1946, 1952).

Пикус Давид Львович (1918) — математик, окончил Днепропетровский университет (1939) и аспирантуру МГУ (1945), доцент (1947).

Пильняк Борис Андреевич (наст. фамилия **Boray**) (1894–1941) — русский, советский писатель.

Пинкевич Владимир Терентьевич (1907–1942) — математик, окончил Днепропетровский университет, защитил диссертацию, погиб на фронте.

Писаржевский Лев Владимирович (1874–1938) — химик, академик (1930), профессор Днепропетровского университета, организатор и директор Украинского института физической химии.

Плеснер Абрам Иезекиилович (1900–1961) — русский математик польского происхождения, окончил Гисенский университет, в 1932 г. возвратился в СССР, профессор Московского университета, сотрудник МИАН СССР (1934–1949).

Плетенева Наталия Александровна — знакомая А.Н. Колмогорову врач-окулист.

Плетнев Дмитрий Дмитриевич — известный московский терапевт.

Погорелов Алексей Васильевич (р. 1919) — математик, профессор (1943), чл.-корр. АН СССР (1960), академик АН УССР (1961) и АН СССР (1976). Труды: по геометрии и математической теории оболочек.

Позднюкин Валентин Львович (1883–1948) — механик, кораблестроитель, чл.-корр. АН СССР (1933), академик (1939).

Поля Дьердь (Pólya George) (1887–1985) — венгерский математик, профессор Цюрихского университета; в 1940 г. эмигрировал в США, профессор университета Дж. Брауна и Стенфордского университета. (В русском переводе книги “Задачи и теоремы математического анализа”, написанной в соавторстве с Г. Сегё, значится как *Полиа*.)

Полак Александр Иосифович (1912–1956) — математик, окончил МГУ (1935) и аспирантуру (1938), ученик П.С. Александрова.

Пономарева Вера Архиповна — хозяйка дома в подмосковном пос. Клязьма, у которой в начале 30-х годов снимали половину дома П.С. Александров и А.Н. Колмогоров.

Понтрягин Лев Семенович (1908–1988) — математик, чл.-корр. АН СССР (1939), академик (1958), ученик П.С. Александрова; с 1931 г. работал в Московском университете (с 1954 по 1962 г. — профессор кафедры дифференциальных уравнений) и одновременно в МИАН СССР. Основные труды: по топологии, теории групп, дифференциальным уравнениям. Фундаментальные труды и научная школа по математической теории оптимальных процессов; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве. Герой Соц. Труда (1969); Сталинская премия (1941), Ленинская премия (1962).

Понтрягина Татьяна Андреевна — мать Л.С. Понтрягина.

Порай-Кошиц Александр Евгеньевич (1877–1949) — химик-органик, чл.-корр. АН СССР (1931), академик АН СССР (1935). Основные труды: по синтезу и технологии органических красителей; Сталинская премия (1943).

Постникова Анна Рафаиловна — соседка по Старопименовскому переулку.
Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) — советский партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1943), нарком просвещения в те годы; Сталинская премия (1942).

Потемкин В.В. (Бутягинский) — так А.Н. Колмогоров называет в шутку, по аналогии с известным *Потемкиным (Таврическим)*, проректора МГУ, заместителя А.С. Бутягина, ректора МГУ (1934–1943).

Предводителей Александр Саввич (1891–1973) — физик, чл.-корр. АН СССР (1939). Труды: по молекулярной физике, гидродинамике, физике горения. Сталинская премия (1950).

Привалов Иван Иванович (1891–1941) — математик, ученик Д.Ф. Егорова, чл.-корр. АН СССР (1939), профессор Московского университета (с 1922), первый зав. кафедрой теории функций МГУ, член Московского математического общества (1915); ученик Д.Ф. Егорова. Труды по теории функций комплексного переменного.

Принсгейм (Pringsheim Alfred) (1850–1941) — немецкий математик, профессор Мюнхенского и Цюрихского университетов, член Баварской АН. Труды по теории функций, теории непрерывных дробей, рядам Фурье, истории математики.

Проскуряков Игорь Владимирович (1910) — математик, окончил МГУ (1935), доцент кафедры высшей алгебры МГУ, ученик П.С. Александрова.

Пуанкаре (Poincaré Henri) (1854–1912) — французский математик, физик, астроном и философ; член Парижской АН (1887), вице-президент (1905), президент (1906), член Французской академии (1908), иностранный член Петербургской АН (1895) и более 35 других академий мира. Автор свыше 1000 работ, посвященных алгебре, теории чисел, топологии, теории дифференциальных уравнений, математической физике, небесной механике, основаниям математики.

Р

Рабинович Адольф Иосифович (1893–1942) — физико-химик, чл.-корр. АН СССР (1933).

Райдемейстер (Reidemeister Kurt Werner Friedrich) (1893–1971) — немецкий математик, профессор Кёнигсбергского университета, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Райков Дмитрий Абрамович (1905–1981) — математик, окончил МГУ (1929), профессор (1941).

Раухваргер Ирина Леонидовна (1918) — математик, канд. физ.-матем. наук, работала в Смоленском пед. институте, ученица П.С. Александрова.

Рахматулин Халил Ахмедович (1909–1989) — математик и механик, профессор Московского университета, академик АН УзССР (1947).

Рибиндер Петр Александрович (1898–1972) — физико-химик, академик АН СССР (1946), Герой Соц. Труда (1968). Труды по физико-химической механике, поверхностным явлениям в дисперсных системах; Сталинская премия (1942).

Репман Евгения Альбертовна — основательница и директор частной гимназии в Москве, в которой учился А.Н. Колмогоров.

Рожанская Юлия Антоновна (1901–1967) — математик, тополог, ученица П.С. Александрова, член Московского математического общества (1927); жена В.В. Степанова; участница Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Рождественская Наталья Васильевна — певица, мать известного дирижера Г.Н. Рождественского.

Рогинский Симон Залманович (1900–1970) — физико-химик, чл.-корр. АН СССР (1939). Основные труды: по катализу, кинетике гетерогенных реакций, химии протонов; Сталинская премия (1941).

Розенберг Давид Иохелевич (1879–1950) — экономист, чл.-корр. АН СССР (1939).

Романовский Всеволод Иванович (1879–1954) — математик, профессор (1935), академик АН УзССР (1943); основатель Института математики АН УзССР, ныне носящего его имя.

Романовский Павел Игнатьевич (1900) — математик, окончил МГУ (1922), профессор (1940).

Ромашов Дмитрий Дмитриевич (1899–1963) — биолог, генетик, товарищ А.Н. Колмогорова по гимназии Репман.

Россинский Сергей Дмитриевич (1897) — математик, окончил аспирантуру МГУ (1926), профессор (1944).

Рошаль Слава Соломоновна — концертирующая скрипачка, лауреат международных конкурсов, жена А.И. Алиханова.

Рохлин Владимир Абрамович (1919–1984) — математик, профессор (1954); участник Великой Отечественной войны; с 1947 по 1952 г. работал в МИАН СССР, профессор Ленинградского университета.

Рубинштейн Артур (1887–1982) — всемирно известный польский пианист, много раз приезжал с концертами в СССР.

Рунге (Runge Carl David Tolme) (1856–1927) — немецкий физик и математик, профессор Ганноверского и Гёттингенского университетов.

Рыбкин Георгий Федорович (1903–1972) — математик, окончил аспирантуру МГУ (1935), профессор, директор Физматгиза, отв. редактор *“Историко-математических исследований”*.

С

Садовников Виктор Иванович (1886–1964) — певец (тенор), дирижер и композитор, профессор Московской консерватории.

Садовский Леонид Ефимович (1916) — математик, окончил МГУ (1938) и аспирантуру (1941), профессор Московского института инженеров транспорта.

Сарымсаков Ташмухамед Алиевич (1915–1995) — математик, академик АН Узбекистана (1943), президент АН УзССР (1946–1952), ректор Средне-Азиатского университета (1952–1958); участник Великой Отечественной войны. Герой Соц. Труда (1990), Сталинская премия (1948).

Севери (Severi Francesco) (1879–1961) — математик, профессор университетов Турина и Рима (ректор в 1923–1925 гг.), Пизы, Болоньи, Падуи и Пармы, член Национальной академии деи Линчей, чл.-корр. АН СССР (1924).

Труды: по алгебре, алгебраической геометрии, проективной геометрии, теории функций, топологии.

Сегал Бенцион Израилевич (1901–1974) — математик, профессор (1938), ученый секретарь МИАН СССР в те годы.

Седов Леонид Иванович (1907–1999) — механик, чл.-корр. АН СССР (1946), академик АН СССР (1953); Герой Соц. Труда (1967), в 1930–1947 гг. работал в ЦАГИ, с 1937 г. профессор МГУ, с 1945 г. работал в МИАН СССР. Труды: по гидро- и аэромеханике, механике сплошной среды, газовой динамике, теории подобия и моделированию. Сталинская премия (1952), золотая медаль им. А.М. Ляпунова (1974).

Селиверстов Глеб Александрович (1905–1944) — математик, близкий друг А.Н. Колмогорова с гимназических лет, погиб на фронте.

Селиверстовы Александр Николаевич и Нина Васильевна — родители Николая и Глеба Селиверстовых, друзей А.Н. Колмогорова с гимназических лет.

Семашко Николай Андреевич (1874–1949) — советский партийный и государственный деятель, академик АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945), организатор здравоохранения в СССР, гл. редактор *“Большой медицинской энциклопедии”*.

Семендяев Константин Адольфович (1908) — математик, профессор, с 1932 г. работал в МИАН СССР.

Семенов Николай Николаевич (1896–1986) — химико-физик, академик АН СССР (1932), вице-президент АН СССР (1963–1971). Основатель научной школы по хим. физике, создал общую количественную теорию цепных реакций, теорию теплового взрыва газовых смесей. Дважды герой Соц. Труда (1966, 1976), Нобелевская премия по химии (1956); Сталинская премия (1941, 1949), Ленинская премия (1976).

Сенкар (Szenkar Eugen (Jenő)) (1891–1977) — венгерский дирижер, в 1933–1944 гг. жил в России.

Силина Наталья Васильевна — секретарь А.Н. Колмогорова по Президиуму АН СССР.

Синцов Дмитрий Матвеевич (1867–1946) — математик, академик АН Украины (1939), профессор Харьковского университета, член Московского математического общества (1897); председатель Харьковского математического общества. Труды: по теории так называемых коннексов и их применению в теории дифференциальных уравнений и дифференциальной геометрии, а также по истории и методике преподавания математики.

Слезкин Николай Алексеевич (1905–1991) — механик, профессор (1938), одно время был деканом Механико-математического факультета МГУ.

Слуцкий Евгений Евгеньевич (1880–1948) — математик, профессор МГУ (1934–1938) и сотрудник МИАН СССР (1938–1948).

Смирнов Борис Николаевич (1910) — математик, окончил аспирантуру МГУ (1939), ученик Л.А. Люстерника.

Смирнов Владимир Иванович (1887–1954) — математик, профессор Ленинградского университета, чл.-корр. АН СССР (1932), академик АН СССР (1943). Герой Соц. Труда (1967), Сталинская премия (1948).

Смирнов Николай Васильевич (1900–1966) — математик, член-корр. АН СССР (1960) участник Первой мировой войны. Основные труды: по математической статистике и ее приложениям. Сталинская премия (1951).

Смирнов Юрий Михайлович (р. 1921) — математик, участник Великой Отечественной войны, ученик П.С. Александрова, ныне профессор кафедры высшей геометрии и топологии МГУ.

Смит (Smith P.) — американский математик, профессор Нью-Йоркского университета, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — певец (лирический тенор), народный артист СССР (1923), первый выборный директор Большого театра.

Соболев Сергей Львович (1908–1989) — математик, академик (1939), профессор кафедры дифференциальных уравнений и зав. кафедрой вычислительной математики МГУ, исполняющий обязанности директора МИАН СССР в годы войны, работал в Институте атомной энергии СССР (1943–1952); позднее (с 1958) — директор Института математики Сибирского Отделения АН СССР. Фундаментальные труды по теории упругих волн, уравнениям математической физики, функциональному анализу, вычислительной математике; Сталинская премия (1941, 1951, 1953); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1988).

Соколов Юрий Дмитриевич (1896–1971) — математик, профессор Киевского университета, чл.-корр. АН УССР (1939).

Софроницкий Владимир Владимирович (1901–1961) — выдающийся пианист и педагог, профессор Московской и Ленинградской консерваторий; заслуженный деятель искусств, Сталинская премия (1943).

Спасокукоцкий Сергей Иванович (1870–1943) — хирург, основатель научной школы раневой хирургии, академик АМН СССР (1942), друг отца П.С. Александрова **Сергея Александровича Александрова** (1858–1920), старшего врача Смоленской горбольницы; Сталинская премия (1942).

Сперанский Алексей Дмитриевич (1887–1961) — медик-патолог, физиолог, академик (1939); Сталинская премия (1943).

Сретенский Леонид Николаевич (1902–1973) — математик и механик, профессор Московского университета (1934–1973), чл.-корр. АН СССР (1939); в 1923–1929 гг. работал в НИИ математики и механики Московского университета, в 1931–1941 гг. — в ЦАГИ; в 1941–1945 гг. — в Институте теоретической геофизики АН СССР. Труды по теории волнового движения жидкости, теории интегральных уравнений, дифференциальной геометрии.

Станиславский Константин Сергеевич (наст. фамилия **Алексеев**) (1863–1938) — режиссер, актер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР (1936), крупнейший реформатор русского театра, один из основателей Художественного театра (МХАТ), с 1918 г. возглавлял Оперную студию Большого театра (впоследствии — Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко).

Стеклов Владимир Андреевич (1863–1926) — математик, академик АН СССР (1912), основатель Физико-математического института АН СССР (1921, Петроград), с 1934 г. Математический институт Академии наук (МИАН СССР) носит имя В.А. Стеклова.

Степанов Вячеслав Васильевич (1889–1959) — математик, ученик Д.Ф. Егорова, профессор Московского университета (1928), первый зав. кафедрой дифференциальных уравнений МГУ, чл.-корр. АН СССР (1946); член Московского математического общества (1915); в годы войны — директор НИИ математики и механики МГУ. Труды: по теории функций и дифференциальным уравнениям.

Стечкин Сергей Борисович (1920–1995) — математик, профессор кафедры математического анализа МГУ.

Стеффенсен (Steffensen Johan Frederik) (1873–1961) — датский юрист и математик, профессор Копенгагенского университета, редактор журнала “*Skandinavisk Aktuarietidskrift*” (1918–1948), президент Ассоциации датских актуариев (1922–1924 и 1930–1933).

Стиррод (Steenrod Norman) (1910–1971) — американский математик, профессор Принстонского, Чикагского и Мичиганского университетов, член Национальной АН США.

Стоковский (Stokowski Leopold) (1882–1977) — выдающийся американский дирижер польского происхождения.

Стоун (Stone Marshall Harvey) (1903–1989) — американский математик, профессор Массачусетского университета, член Национальной АН США и многих других академий мира; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Строганов Сергей Николаевич — директор лаборатории в Люблине, профессор, читал лекции в МГУ, когда там училась А.Д. Колмогорова.

Схоутен (Shouten Jan Arnoldus) (1883–1971) — голландский математик, профессор Делфтского и Амстердамского университетов, член Нидерландской АН.

Сыркин Яков Кивович (1894–1974) — физико-химик, чл.-корр. АН СССР (1943), академик АН СССР (1964). Труды: по химической термодинамике и кинетике, теории химической связи; Сталинская премия (1943).

Сысоев Анатолий Ефремович (1910) — математик, окончил МГУ (1934), канд. физ.-матем. наук, работал в Московском энергетическом институте.

Сычев Владимир Парфентьевич — сын Л.Я. Сычевой (Колмогоровой), сестры матери А.Н. Колмогорова.

Сычева Елена Павловна — математик, участница тополого-алгебраического семинара П.С. Александрова и А.Г. Куроша в 30-е годы.

Т

Такер (Tucker Albert William) (1905–1974) — американский математик, алгебраист и тополог, профессор Нью-Йоркского университета; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) — физик-теоретик, чл.-корр. АН СССР (1933), академик АН СССР (1953). Труды: по ядерной физике, теории излучения, физике твердого тела, физике элементарных частиц; основатель научной школы по проблеме управляемого термоядерного синтеза. Герой Соц. Труда (1953); Нобелевская премия по физике (1958); Сталинская премия (1946, 1953); золотая медаль им. М.В. Ломоносова (1967).

Тареев Евгений Михайлович (1895–1986) — известный московский терапевт, академик АМН СССР (1948), в его клинике в послевоенные годы работала и защитила диссертацию В.С. Александрова.

Тарасов Николай Петрович — математик, доцент МГУ.

Тверитин Александр Николаевич (1903) — математик, с 1923 г. доцент Днепропетровского университета.

Темляков Алексей Александрович (1903–1968) — математик, доцент Днепропетровского университета, профессор Московского областного педагогического института.

Терпигорев Александр Митрофанович (1873–1959) — специалист в области горного дела, академик АН СССР (1935). Основные труды: по эксплуатации горных месторождений, механизации и автоматизации горных работ. Сталинская премия (1943)

Тиман Александр Филиппович (1920) — математик, профессор Днепропетровского университета.

Тисдейл (Tisdale W.E.) — ответственный деятель (Assistant Director) Рокфеллеровского фонда (*Rockefeller Foundation*), в частности, присуждавшего стипендии для стажировки за рубежом и научно-исследовательской работы молодых ученых разных стран.

Тихонов Андрей Николаевич (1906–1993) — математик, ученик П.С. Александрова, профессор Московского университета (1936), зав. кафедрой математики Физического ф-та (1934–1970) и кафедрой вычислительной математики Механико-математического ф-та (1958–1970); декан ф-та вычислительной математики и кибернетики МГУ (1970–1993); с 1978 г. — директор Института прикладной математики АН СССР, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1966). Труды: по топологии, функциональному анализу, теории дифференциальных уравнений, математической физике, геофизике, вычислительной математике. Герой Соц. Труда (1953); золотая медаль им. М.В. Келдыша (1990). Сталинская премия (1953), Ленинская премия (1966), Государств. премия (1976). Участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Толстова Галина Павловна — математик, участница тополого-алгебраического семинара П.С. Александрова и А.Г. Куроша в 30-е годы.

Тосканини Артуро (1867–1957) — великий итальянский дирижер, в те годы гл. дирижер театра Метрополитен-опера и Нью-Йоркского филармонического оркестра.

Трахтенберг Иосиф Адольфович (1883–1960) — экономист, академик (1939). Труды в области денежного обращения и кредита, теории и истории экономических кризисов.

Тулайков Александр Николаевич — математик, ученик А.Н. Колмогорова.

Тумаркин Лев Абрамович (1904–1974) — математик, профессор МГУ (1931), одно время (1935–?) был деканом Механико-математического факультета, ученик П.С. Александрова; однокурсник А.Н. Колмогорова по университету.

Туркин Владимир Константинович (1906–1964) — математик, профессор МГУ (1934).

Тьюринг (*Turing Alan Mathison*) (1912–1954) — математик, логик и кибернетик, член Лондонского Королевского общества. Основные труды: по математической логике, вычислительной математике; разработал несколько типов вычислительных машин, ввел концепцию абстрактной “вычислительной машины” (1936–1937).

У

Уайтхед *A.N. (Whitehead Alfred North)* (1861–1947) — английский математик, философ и логик, член Лондонского Королевского общества и Британской Академии; профессор философии Гарвардского университета; совместно с Б. Расселом выпустил трехтомную монографию “*Принципы математики*” (1910–1913).

Уайтхед *J.H.C. (Whitehead John Henry Constantine)* (1904–1960) — английский математик, профессор Оксфордского университета (1947), член Лондонского Королевского общества, президент Лондонского математического общества (с 1953). Труды по дифференциальной геометрии, алгебраической топологии.

Удальцов *Иван Дмитриевич* (1885–1958) — профессор (1921) и ректор (1928–1930) МГУ, организатор университетского экономического образования.

Уитни (*Whitney Hassler*) (1907–1989) — американский математик, профессор Гарвардского и Принстонского университетов, с 1952 г. работал в Институте перспективных исследований в Принстоне, член Национальной АН США; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Уланова *Галина Сергеевна* (1910–1997) — крупнейшая советская балерина, народная артистка СССР, Герой Соц. Труда (1974); Сталинская премия (1941, 1946, 1947, 1950), Ленинская премия (1957).

Урысон *Павел Самуилович* (1898–1924) — математик, геометр и тополог, один из основателей советской топологии, близкий друг П.С. Александрова, трагически погибший во Франции во время купанья в шторм; похоронен в поселке Батц (Batz) вблизи г. Крузик.

Ушаков *Валентин Борисович* (1911) — математик, профессор Ленинградского университета.

Ф

Фаге *Михаил Константинович* (1915) — математик, ученик А.Н. Колмогорова, кандидатскую диссертацию защитил в Казани в 1942 г., вернувшись раненым с фронта; доктор физ.-матем. наук (1958), профессор (1959).

Фаддеев *Дмитрий Константинович* (1907–1989) — математик, профессор Ленинградского университета (1934), чл.-корр. АН СССР (1964). Труды по теории чисел, алгебре, вычислительной математике, отец академика Л.Д. Фаддеева (р. 1934).

Фаддеева *Вера Николаевна* (1906–1983) — математик, жена Д.К. Фаддеева и мать Л.Д. Фаддеева.

Файер *Юрий Федорович* (1890–1971) — дирижер, народный артист СССР (1951).

Фантапье (*Fantappiè Luigi*) (1901–1956) — итальянский математик, профессор Римского университета, член Национальной академии деи Линчеи.

Федорова Вера Федоровна — соучредительница (вместе с Е.А. Репман) частной гимназии, в которой учился А.Н. Колмогоров.

Фейер (*Fejer Lipot*) (1880–1959) — венгерский математик, профессор Берлинского и Будапештского университетов, член Венгерской АН, родоначальник венгерской математической школы. Труды: по теории функций, теории тригонометрических рядов, интерполированию и теории специальных функций.

Феллер (*Feller William*) (1906–1970) — американский математик, родился в Югославии, работал в Германии и Швеции, с 1939 г. в США, профессор Принстонского университета (с 1950). Труды по теории вероятностей и ее приложениям (в генетике, физике, экономике).

Фенхель (*Fenchel Werner*) (1905–1988) — датский математик, профессор Копенгагенского университета, член Датской АН.

Фесенков Василий Григорьевич (1889–1972) — астроном, астрофизик, академик АН СССР (1935). Один из основоположников астрофизики в СССР. Труды: по физике звезд, туманностей, Солнца, планет, Луны, зодиакального света, метеорной материи, космогонии.

Фетисов Антонин Иванович (1891–1979) — педагог, автор известных школьных учебников по математике.

Финетти (*de Finetti Bruno*) (1906–1985) — итальянский математик, профессор Римского университета, член Национальной академии деи Линчеи, член французского и швейцарского актуарных институтов. Труды: по теории вероятностей, статистике, актуарной и финансовой математике, экономике, анализу.

Фиников Сергей Павлович (1883–1964) — математик, профессор (1918), зав. кафедрой дифференциальной геометрии МГУ, член Московского математического общества (1912).

Фишер (*Fisher Ronald Aylmer*) (1890–1962) — английский математик, генетик и статистик, член Лондонского Королевского общества (1929), профессор генетики Кембриджского университета, член многих академий и научных обществ.

Фишер Анна Максимилиановна — директор знаменитой московской женской гимназии.

Флекснер (*Flexner Abraham*) (1866–1959) — американский деятель высшей школы, первый директор (1930–1939) и один из поручителей Института перспективных исследований в Принстоне (The Institute for Advanced Study, Princeton, N.J.).

Фок Владимир Александрович (1898–1974) — физик-теоретик, один из основателей Ленинградской научной школы, академик АН СССР (1939). Фундаментальные труды: по квантовой механике и электродинамике, общей теории относительности. А также труды по математической физике, философским вопросам физики. Герой Соц. Труда (1968), Сталинская премия (1946), Ленинская премия (1960).

Фомин Сергей Васильевич (1917–1975) — математик, профессор Московского университета, с 1968 г. профессор кафедры общих проблем управления; руководил лабораторией математических методов в биологии Института биофизи-

ки АН СССР (с 1960); ученик П.С. Александрова и А.Н. Колмогорова; участник Великой Отечественной войны; кандидатскую диссертацию защитил в 1942 г. в эвакуации в Казани.

Франкль Феликс Исидорович (1905–1961) — математик, родился в Австрии, с 1929 г. жил и работал в Москве (в ЦАГИ и Артиллерийской академии), ученик П.С. Александрова; доктор физико-математических и технических наук.

Фрейденталь (Freudenthal Hans) (1905–1990) — голландский математик, читал лекции в Амстердамском университете, профессор Утрехтского университета (1946–1975), основатель (1971) и первый директор Института развития математического образования (Утрехт), с 1991 г. носящего его имя. Труды: по топологии, алгебре, истории математики. Участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Фреше (Fréchet Maurice) (1878–1973) — французский математик, ученик Ж. Адамара, профессор Страсбургского и Парижского университетов, член Института Франции (1956), член Московск. математического общества. Труды по топологии, функциональному анализу, теории вероятностей.

Фрид (Fried Oskar) (1871–1941) — немецкий дирижер и композитор, в 1934 г. принял советское гражданство и руководил оркестром Радиокomiteта в Москве.

Фробениус (Frobenius Georg Ferdinand) (1849–1917) — швейцарский математик, профессор Берлинского университета, член Берлинской АН.

Фрумкин Александр Наумович (1895–1970) — электрохимик, академик АН СССР (1932), Герой Соц. Труда (1965). Труды по кинетике и механизмам электрохимических процессов. Сталинская премия (1941, 1949, 1952).

Фуртвенглер (Furtwängler Wilhelm Gustaw) (1886–1954) — немецкий дирижер, композитор и музыкальный писатель.

Фютер (Fuetter Rudolf) (1880–1950) — швейцарский математик, профессор Цюрихского университета (1916–1950), ректор этого университета (1920–1922), один из основателей (1910) и первый президент Швейцарского математического общества.

Х

Хайкин Семен Эмануилович (1901–1968) — физик, работал в МГУ с 1930 г., профессор (1935); с 1954 г. работал в Пулковской обсерватории.

Хайльбронн (Heilbronn Hans Arnold) (1908–1975) — немецкий математик, профессор университетов Берлина, Гёттингена и Торонто.

Хан (Hahn Hans) (1879–1934) — австрийский математик, профессор университетов в Бонне и Вене, член Венской АН.

Харадзе Арчил Кириллович (1895–1976) — математик, окончил МГУ (1917), ученик Д.Ф. Егорова, профессор Тбилисского университета (1932); президент Грузинского математического общества (1970–1975).

Харди (Hardy Godfrey Harold) (1877–1947) — английский математик, член Лондонского Королевского общества, с 1928 г. профессор Оксфордского университета, чл.-корр. АН СССР (1924), почетный член (1934). Труды по теории чисел и теории функций, теории интегральных уравнений, теории рядов.

Хассе (Hasse Helmuth) (1898–1979) — немецкий математик школы Э. Артина и Э. Нётер; работал в Галле, Гёттингене и Берлине.

Хаусдорф (Hausdorff Felix) (1868–1942) — немецкий математик, профессор университетов в Гёттингене, Бонне и Лейпциге, выступал также как писатель под псевдонимом Поль Монтре; покончил с собой под угрозой отправки в фашистский концлагерь. Труды по топологии, теории множеств, математическому анализу.

Хвистек (Chwistek Leon) (1884–1944) — польский математик, в 1942 г. эмигрировал в СССР, профессор Львовского университета.

Хворостин Гавриил Кириллович (1900–1938) — математик, зам. директора Института математики и механики МГУ (1934), ректор Саратовского университета (1935–1937), один из активистов кампании против Д.Ф. Егорова, погиб в лагерях.

Хеегард (Heegard Poul) (1871–1948) — норвежский математик, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Хилле (Hille Einar) (1894–1980) — американский математик, профессор Принстонского и Йейлского университетов, член Национальной АН США.

Хинчин Александр Яковлевич (1894–1959) — математик, чл.-корр. АН СССР (1939), профессор и зав. кафедрой математического анализа МГУ, директор Института математики и механики МГУ, член Московского математического общества (1919); один из основоположников современной теории вероятностей, ученик Н.Н. Лузина и Д.Ф. Егорова. Труды по теории функций, теории чисел, теории вероятностей; Сталинская премия (1941, совм. с А.Н. Колмогоровым).

Хиш (Heesch Heinrich) (1906–1995) — немецкий математик, ученик Э. Нётер.

Хлодовский Игорь Николаевич (1903–1951) — математик, окончил Московский университет (1926) и аспирантуру там же (1930), профессор (1932).

Хопф Х. (Hopf Heinz) (1894–1971) — немецкий математик, приват-доцент Берлинского университета, профессор (1931) университета в Цюрихе. Труды по топологии и функциональному анализу; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Хопф Э. (Hopf Eberhard) (1902–1983) — немецкий математик, приват-доцент университета в Берлине, с 1948 г. профессор университета в Нью-Йорке.

Христианович Сергей Алексеевич (1908–2000) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1939), академик АН СССР (1943), Герой Соц. Труда (1969). Труды: по аэро-, гидро- и газовой динамике. Сталинская премия (1942, 1946, 1952).

Хрусталеv Аким Андреевич — директор санатория в Бати-Лимане (Крым).

Ц

Цыганов Дмитрий Михайлович (1903–1989) — выдающийся скрипач и педагог, профессор Московской консерватории.

Цыпин (Zippin Leo) (1905) — американский математик, работал в Техасском университете, в Институте перспективных исследований в Принстоне и др.

Чамова Александра Доминиановна — сотрудница А.Н. Колмогорова по МИАН СССР.

Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869–1942) — механик, один из основателей аэродинамики, академик АН СССР (1929). Герой Соц. Труда (1941); член Московского математического общества (1894). Труды по теоретич. механике, гидро-, аэро- и газовой динамике, с 1921 г. научный руководитель ЦАГИ.

Чебан Василий Григорьевич (1917) — математик, работал в МГУ.

Чеботарев Николай Григорьевич (1894–1947) — математик, чл.-корр. АН СССР (1929), профессор Казанского университета. Труды: по алгебре, теории чисел, теории функций.

Черенков Павел Алексеевич (1904–1990) — физик, чл.-корр. АН СССР (1964), академик АН СССР (1970), лауреат Нобелевской премии по физике (1958). Фундаментальные труды: по космическим лучам, ускорителям. Сталинская премия (1946, 1952), Государств. премия (1977).

Черкасов Андрей Николаевич (1901–1969) — математик, учился в университете вместе с А.Н. Колмогоровым, профессор Военной бронетанковой академии, ученик П.С. Александрова; однокурсник А.Н. Колмогорова по университету.

Черников Сергей Николаевич (1912–1987) — математик, профессор (1941), чл.-корр. АН УССР (1967).

Чёрч (Church Alonzo) (1903–1995) — американский математик, профессор Принстонского и Калифорнийского университетов; член Американской Академии искусств и наук.

Четверикова (Штеккер) Екатерина Дмитриевна — одна из бывших владелиц Комаровского дома, жена Георгия Андреевича Штеккера.

Чех (Čech Eduard) (1893–1960) — чешский математик, профессор университета в Брно, член АН Чехословакии; участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве.

Чогошвили Георгий Северьянович (1914–1998) — математик, тополог, окончил МГУ (1936), профессор Тбилисского университета (1946), академик АН ГрузССР (1960), ученик П.С. Александрова.

Чудаков Евгений Алексеевич (1890–1942) — ученый в области автомобилестроения, академик АН СССР (1939), вице-президент АН СССР (1939–1942). Труды: по теории автомобиля, прочности и износу его деталей; Сталинская премия (1943, 1951).

Ш

Шанин Николай Александрович (1919) — математик, профессор Ленинградского университета (1956), ученик П.С. Александрова, кандидатскую диссертацию защитил в 1942 г. в эвакуации в Казани.

Шапиро Зоря Яковлевна (1914) — математик, доцент кафедры анализа МГУ, жена И.М. Гельфанда.

Шапиро Яков Львович (1905) — математик, окончил Днепропетровский университет (1930), профессор (1947).

Шатуновский Самуил Иосифович (1859–1929) — математик, профессор Одесского университета, один из основателей одесской математической школы.

Шаудер (Schauder Pawel Juliusz) (1899–1941) — польский математик, профессор Львовского университета, участник Первой топологической конференции 1935 г. в Москве. Убит фашистами во Львове в 1941 г.

Шафаревич Игорь Ростиславович (р. 1923) — математик, чл.-корр. АН СССР (1958), академик АН СССР (1972), член Национальной АН США, Американской Академии искусств и наук, Лондонского Королевского общества. Труды по алгебре, теории алгебраических чисел и алгебраической геометрии. Ленинская премия (1959).

Шварц Лев Александрович (1898–1962) — советский композитор и пианист.

Шёнфлис (Schönflies Arthur Moritz) (1853–1928) — немецкий математик, геометр и тополог, работал в университетах Гёттингена, Кёнигсберга и Франкфурта.

Шимбирева Елена Павловна (1916) — математик, окончила МГУ (1940), доцент Московского областного педагогического института.

Ширинский Сергей Петрович (1903–1974) — советский виолончелист, народный артист РСФСР.

Широков Петр Алексеевич (1895–1944) — математик, профессор Казанского университета (1930).

Широков Александр Петрович (1926–1998) — математик, тогда студент Казанского университета, позднее профессор этого университета (1968).

Шклярский Давид Оскарович (1918–1942) — математик, окончил Московский университет (1941), погиб на фронте.

Шлезингер (Schlesinger Ludwig) (1864–1933) — немецкий математик, профессор Боннского и Гисенского университетов.

Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — ученый (геофизик, математик, астроном, географ), путешественник и организатор науки, Герой Советского Союза (1937), академик АН СССР (1935), член Московского математического общества (1922); вице-президент АН СССР (1939–1942), гл. редактор журнала “Математический сборник” и Большой Советской Энциклопедии. Труды по алгебре (теории групп).

Шмидт Ф.-К. (Schmidt Friedrich Karl) (1901–1977) — немецкий математик, профессор Гейдельбергского университета.

Шнейдер Владимир Евгеньевич (1912) — математик, окончил МГУ (1938), кандидат наук (1941), ученик П.С. Александрова.

Шнирельман Лев Генрихович (1905–1938) — математик, ученик Н.Н. Лузина, чл.-корр. АН СССР (1933), зав. кафедрой теории чисел МГУ. Труды по теории чисел и вариационному исчислению.

Шпайзер (Speiser Andreas) (1885–1970) — швейцарский математик, профессор Базельского университета (1944).

Шпис (Spiess Otto) (1878–1966) — швейцарский математик, профессор Базельского университета (1908–1944).

Шпрингер (Springer Julius) — известный немецкий издатель, основатель и глава знаменитой издательской фирмы (с 1947 г. — “Springer-Verlag”).

Штеккер Георгий Андреевич — сын А.С. Алексеевой, сестры К.С. Станиславского, управлявший Комаровским домом на момент его покупки П.С. Александровым и А.Н. Колмогоровым.

Штеккер Глеб Андреевич — брат Георгия Андреевича Штеккера.

Штидри (Stiedry Fritz) (1883—1968) — австрийский дирижер, ведущий дирижер театра Метрополитен-Опера в Нью-Йорке, в тридцатые годы — художественный руководитель оркестра Ленинградской филармонии.

Штресман (Stresemann Gustav) (1878—1929) — германский рейхсканцлер (1923) (и министр иностранных дел (1923—1929)), один из инициаторов Локарнского договора, направленного против СССР.

Шур (Schur Issai) (1875—1941) — немецкий математик российского происхождения, профессор университета в Берлине, член Берлинской АН, чл.-корр. АН СССР (1929); в 1938 г. эмигрировал в Палестину.

Шура-Бура Михаил Романович (р. 1918) — математик, профессор МГУ (1955), ученик П.С. Александрова.

Э

Эйгес Александр Романович — гимназический учитель математики П.С. Александрова.

Эйгес Екатерина Романовна — жена П.С. Александрова, сестра А.Р. Эйгеса.

Эйнштейн (Einstein Albert) (1879—1955) — физик-теоретик, один из основателей современной физики, профессор Берлинского университета, чл.-корр. АН СССР (1922), почетный член (1926); в 1933 г. эмигрировал в США, работал в Институте перспективных исследований в Принстоне. Создал частную (1905) и общую (1907—1910) теорию относительности. Основополагающие труды: по квантовой теории света, молекулярно-статистической теории броуновского движения, создал квантовую статистику Бозе—Эйнштейна, открыл закон фотоэффекта. Нобелевская премия по физике (1921).

Эренфест (Ehrenfest Paul) (1880—1933) — голландский физик-теоретик, член Нидерландской АН, чл.-корр. АН СССР (1924). Труды: по термодинамике, статистической механике, теории относительности, квантовой теории.

Эренфест (Афанасьева) Татьяна Алексеевна (1876—1964) — математик, член Московского математического общества (1927); жена П. Эренфеста.

Ю

Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — выдающаяся пианистка и педагог, профессор Ленинградской (1923) и Московской (1944) консерваторий.

Юнович Борис Маркович (1906—1941) — математик, ученик А.Н. Колмогорова, пропал без вести на фронте в 1941 г.

Я

Ямпольский В.Г. — математик

Яновская Софья Александровна (1896—1966) — математик, с 1921 г. работала в Московском университете, профессор (1935), первая зав. кафедрой истории математики, стояла у истоков создания советской историко-математической научной школы (вместе с М.Я. Выгодским).

Янчевский *Сергей Аркадьевич* (1900—1941) — математик, профессор Ленинградского университета, умер в блокаду от истощения.

Ярон *Григорий Маркович* (1893—1963) — артист и художественный руководитель Московского театра оперетты, народный артист СССР.

Ястремский *Борис Сергеевич* (1877—1962) — статистик и экономист, доктор экономических наук, работал в ЦСУ, Госплане, профессор Московского университета (1921—1930).

КОЛМОГОРОВ
юбилейное издание в 3-х книгах
Книга вторая
ЭТИХ СТРОК БЕГУЩИХ ТЕСЬМА
Избранные места из переписки
А.Н. Колмогорова и П.С. Александрова

Редактор-составитель А.Н. Ширяев
Подготовка текста Н.Г. Химченко

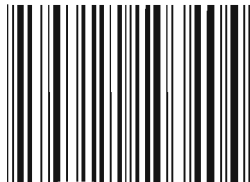
Редактор *И.Л. Легостаева*
Художник-ретушер *А.М. Кузнецов*
Дизайнер *К.Е. Панкратьев*
Оригинал-макет *И.Л. Панкратьевой*
Корректор *Е.Н. Евдокимова*

ЛР №071930 от 06.07.99
Подписано в печать 02.04.03. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 54,6. Заказ № .

Издательская фирма «Физико-математическая литература»
МИАК «Наука/Интерпериодика»
117997 Москва, Профсоюзная, 90
E-mail: fizmat@maik.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-9221-0340-7

9 785922 103404